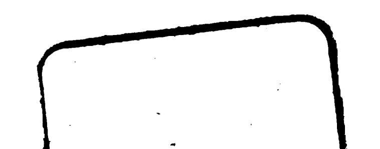
VE RI
TAS



РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИГА IV.

МОСКВА.

1882.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дреземейеръ.
Отдѣленіе конторы: Петровскія торговыя линіи, кварт. № 61.

Типо-Литографія. И. Н. Кушнерева и К°. Пименовская. ул., д. Кушнеревой.

Редакція журнала *Русская Мысль* имѣетъ честь предупредить господъ подписчиковъ, пользующихся разсрочкой, что тѣмъ изъ нихъ, которые до выхода майской книги не внесутъ слѣдуемаго съ нихъ платежа, высылка журнала будетъ пріостановлена.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГОЛЬ.

РОМАНЪ.

(Посвящается князю Д. Л. Голицыну.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

III*).

Никогда еще, быть-можетъ, не жила извѣстная часть петербургской молодежи такою шумною и разнообразною жизнью, какъ въ ту пору. Въ университетѣ уже начинались сходки; въ различныхъ кружкахъ стали устраиваться безчисленные любительскіе спектакли; въ Пассажѣ, въ залѣ Руадзе, начинались публичныя чтенія литературныхъ дѣятелей; зарождались частныя благотворительныя общества и школы; требовалось много новыхъ рабочихъ силъ въ области литературы для переводовъ, для отчетовъ о разныхъ засѣданіяхъ, для мелкой журнальной работы; масса людей, работавшихъ теперь по крестьянскому и другимъ поднятымъ тогда вопросамъ, искала помощниковъ, чернорабочихъ изъ среды молодежи, студентовъ. Въ Петербургѣ появилось не мало студентовъ, имена которыхъ стали дѣлаться болѣе или менѣе извѣстными, какъ талантливыхъ начинающихъ писателей, какъ актеровъ-любителей, какъ коноводовъ того или другаго кружка, какъ людей, подающихъ много надеждъ. Въ числѣ ихъ были и дѣти высокопоставленныхъ лицъ, и сыновья откупщиковъ, и финансовыхъ тузовъ, и богато-одаренные отъ природы выходцы довольно темнаго происхожденія, выдвинувшіеся впередъ при помощи своего ума, своихъ талантовъ или своихъ знаній.

*) *Русская Мысль*, кн. III.

— Голь въ ходъ пошла,—говорилъ Орловъ, видя, какъ выдвигаются впередъ разные его товарищи по гимназіи и университету.

Онъ самъ былъ однимъ изъ яркихъ представителей этого нарождавшагося тогда типа дѣятельной молодежи: его знали студенты, его знали всѣ члены благотворительнаго общества княгини Русовой, его знали всѣ знакомые князя Русова, какъ его домашняго секретаря, какъ его правую руку. Про него говорили, что онъ пробьетъ себѣ дорогу, что онъ пойдетъ далеко. Онъ самъ, болѣе чѣмъ кто-нибудь, былъ убѣжденъ въ этомъ и шелъ безъ сомнѣній, безъ страха за будущее.

— Я жилъ въ то время на улицѣ,—говаривалъ потомъ Орловъ, и онъ былъ правъ.

Дома онъ появлялся рѣдко, какъ метеоръ, преданный всецѣло своей лихорадочной дѣятельности, увлекаясь одинаково страстно и дѣлами товарищескаго кружка, и развитіемъ своихъ филантропическихъ плановъ, и усердною работой у князя, для котораго онъ по даннымъ ему матеріаламъ и инструкціямъ составлялъ теперь записки, отвѣты, отчеты по крестьянскому дѣлу. У князя завелась цѣлая домашняя канцелярія, гдѣ, кромѣ оффиціальныхъ лицъ, работали и частные работники. Князь въ шутку говорилъ, что Орловъ у него теперь не секретарь, а редакторъ, такъ какъ Орловъ нерѣдко выправлялъ разныя черновыя бумаги, написанныя другими лицами для князя.

— Не слишкомъ ли сильно однако ты расходуешь свои силы?—говорилъ Орлову князь.

Но Орловъ удивлялся этому вопросу, не понимая, какъ можно утомиться отъ того, что живешь. Это было сладкое опьяненіе молодости; отъ него не хотѣлось очнуться. Орловъ не утомился, не поблекъ среди этого опьяненія, а развился, возмужалъ, сформировался. Стройный, нервный, возбужденный, онъ сталъ еще красивѣе и имъ любовались всѣ, начиная со старика Лампадова, Анны Андреевны и Марьи Ѳедоровны и кончая разными барынями-благотворительницами и въ ихъ числѣ княгиней Русовой.

Лампадовъ много слышалъ объ успѣхахъ Орлова; онъ нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ и видѣлъ, какъ развился «мальчуганъ».

— Съ неба звѣзды хватаетъ,—шутилъ старикъ.—Намъ и говорить-то съ нимъ надо подумавши, а то осрамишься,—такъ загоняетъ... Всѣмъ интересуется, обо всемъ читалъ, все старается узнать, точно въ котлѣ въ немъ все кипитъ.

Старикъ дѣлился своими свѣдѣніями объ успѣхахъ молодаго человѣка, своими наблюденіями надъ его развитіемъ главнымъ образомъ съ Анной Андреевной.

Она успѣла сильно постарѣть и была точно восковая, точно прозрачная; она теперь меньше шила, такъ какъ братъ настаивалъ, чтобъ она и мать не утомляли себя работой и жили бы на его средства. Онъ урѣзывалъ себя во всемъ, стараясь помочь имъ и удовлетворить ихъ небольшія требованія. Сестра понимала, что онъ приноситъ извѣстныя жертвы, помогая имъ, и еще болѣе боготворила его. Она любила его, какъ можно любить только того, кому мы пожертвовали всѣмъ, для кого мы живемъ, кто является живымъ свидѣтельствомъ нашего самоотверженія, нашего самоотреченія. Любуясь имъ, она думала: «вотъ какимъ я его выростила»; слушая его разговоры, она думала: «вотъ какимъ умнымъ я его сдѣлала»; когда онъ при ней говорилъ людямъ, какихъ страшныхъ усилій стоитъ спасеніе каждаго «изъ нашей братьи, голи», среди которой спасается одинъ изъ сотенъ, одинъ изъ тысячъ, она думала съ гордостью: «это я его спасла!» Да, она становилась между нимъ и матерью, когда та бывала не въ духѣ; она заслоняла отъ него собою семейныя дрязги и невзгоды; она для него убила на работу молодость; она, когда онъ цѣлые дни проводилъ у Лампадова, у князей Русовыхъ, у товарищей, ни разу не остановила его, не сказала ему, что ей тяжело быть вѣчно одной, что онъ могъ бы удѣлить и ей нѣсколько времени, что она только тогда и счастлива, когда она видитъ его, любуется имъ, слушаетъ его. Да, она все, все принесла ему въ жертву и ничего не требовала отъ него. Она этимъ гордилась, она ходила благодарить за это Бога въ церковь, она испытывала ощущеніе блаженства, когда ей удавалось вырваться на часокъ къ Лампадову и услышать желанныя слова:

— А что про нашего-то сокола говорятъ, такъ и ушамъ не вѣришь!

Она знала, что «нашъ соколъ» это ея братъ. Лампадовъ понималъ, что ее больше никто не интересуетъ. Въ этихъ бесѣдахъ проходили цѣлые часы. Аннѣ Андреевнѣ все казалось, что она еще не все выспросила, что Лампадовъ не все припомнилъ, что говорятъ объ ея братѣ. Ея лицо принимало выраженіе блаженнаго восторга, ея тусклые глаза оживлялись, расширялись и смотрѣли куда-то въ даль въ нѣмомъ экстазѣ. Она торопливо шла домой и тамъ еще разъ припоминала вслухъ все, что слы-

шала; она не разсказывала матери, а только припоминала вслухъ при Марьѣ Өедоровнѣ всѣ слышанныя подробности, въ какомъ-то волшебномъ бреду. Марья Өедоровна иногда всплескивала руками отъ удивленія, услышавъ громкія имена людей, съ которыми былъ знакомъ ея сынъ, которые хвалили ея сына. Иногда она крестилась, бросая умиленные взгляды на образа и не находя словъ для выраженія своей радости. Иногда она вдругъ задавала практическій вопросъ дочери:

— А какъ ты думаешь, Аня, ему прямо, поди, директорское мѣсто дадутъ?

Анна Андреевна не слушала этихъ вопросовъ, потому что никакія директорскія мѣста не могли въ ея глазахъ сдѣлать ея брата выше.

Она думала о братѣ, когда шила или, отдыхая отъ работы, безцѣльно глядѣла на улицу; она думала о немъ, когда отправлялась въ церковь или шла изъ церкви домой. Она не любила много говорить вообще, а съ посторонними въ особенности. Но когда ее спрашивали о здоровьи Дмитрія Андреевича, она оживлялась.

— Мой братъ, слава Богу, здоровъ. У него много дѣла, много занятій, но Богъ посылаетъ ему на все силы, — отвѣчала она.

— Подавай, Господи, подавай, Господи! — говорила ей какая-нибудь черносалопница.—Слухомъ-то тоже земля полнится; слышала я отъ Пахомовскаго сынка, какіе господа съ вашимъ Дмитріемъ-то Андреевичемъ въ дружбѣ. Рукой не достанешь. А тоже честь ему дѣлаетъ, что васъ не оставляетъ и, нечего сказать, никѣмъ не гнушается, со всѣми привѣтливъ. Тоже вотъ меня намеднись встрѣлъ: «А, говоритъ, Анфиса Мироновна, какъ живете-можете?»—«Ничего, говорю. Пока Богъ грѣхамъ терпитъ, копчу землю».—«Ну, говоритъ, и слава Богу. Тамъ-то еще всѣ належимся,—торопиться не для чего». И это за руку со мною, а взглядъ такой открытый, отважный. Нечего сказать, нечего сказать, чливый человѣкъ!

— Это ему такое предопредѣленіе отъ Бога,—отвѣчала Анна Андреевна съ улыбкой умиленія.—Онъ, Анфиса Мироновна, еще маленькимъ совсѣмъ былъ, вотъ такой клопикъ былъ, а все говорилъ: «буду генераломъ и всѣхъ облагодѣтельствую».

— Дай Богъ, дай Богъ! — со вздохомъ говорила черносалопница.

— Мы тогда смѣялись, думали, такъ ребенокъ болтаетъ, а вышло, что это ему отъ Бога было,—продолжала разсказывать Анна Андреевна.—Ему даже и князья, и графы удивляются,—такой у него умъ и ко всему способности. Другой бы, конечно, еслибъ это не отъ Бога было, возгордился, а онъ не возгордится. Онъ все къ тому только и стремится, чтобы людямъ добро сдѣлать. Теперь вотъ богадѣльню для трудящихся дѣвушекъ и вдовъ устраиваетъ, школу заводитъ для сиротъ по своему плану.

— А деньги-то, деньги-то развѣ есть? Поди, тутъ какая прорва деньжищъ-то нужна,—замѣчаетъ черносалопница.

— Что деньги! Ему сказать стоитъ только князю или княгинѣ Русовымъ или другимъ тамъ богачамъ и сейчасъ дадутъ,—поясняла Анна Андреевна. — Онъ вѣдь это не для себя, а для бѣдныхъ и для Бога. Онъ вотъ какъ что придумаетъ, такъ всѣ такъ и ахаютъ. У иного и деньги есть, а такъ не придумаетъ, какъ онъ. Нѣтъ! «Я, говоритъ, самъ бѣдность видѣлъ, такъ знаю, какъ и что бѣднымъ людямъ нужно».

— Какъ не знать-то, какъ не знать-то! Тоже, поди, черствой-то коркой давился,—замѣчала черносалопница.

— Да, и не скрываетъ этого, не скрываетъ, а такъ и говоритъ: «мы—голь перекатная—знаемъ, что значатъ голодъ да холодъ». Другой бы скрылъ, а онъ не скрываетъ этого, потому это ужь ему такъ отъ Бога назначено. И апостолы босикомъ ходили, тоже простые да бѣдные люди были, такъ значитъ стыдиться тутъ нечего. Онъ такъ и мнѣ говоритъ: «бѣдность, Аня,—не порокъ; подлость—вотъ чего надо стыдиться!» Конечно, это не всякій понимаетъ...

Но этихъ разговоровъ было мало для Анны Андреевны. Она выбирала для подобныхъ бесѣдъ самаго неустаннаго слушателя и собесѣдника, имѣвшаго способность толковать о Митѣ, не отдыхая, по цѣлымъ часамъ. Этотъ собесѣдникъ былъ Лёша. Анну Андреевну не смущало даже и то обстоятельство, что Леша задавалъ ей иногда очень странные и затруднительные вопросы.

— А братецъ видѣлъ Бога? — спрашивалъ онъ скороговоркой. — Богъ къ нему самъ приходилъ?... Богъ у насъ, сестрица, старенькій?... А сынъ у него молодой, такъ тотъ умеръ, сестрица?...

Потомъ Лешѣ вдругъ становилось страшно за Митю и онъ допрашивалъ Анну Андреевну.

— А если Өедоръ Гаврилычъ придетъ и станетъ Митю бить, сестрица?... Митѣ больно будетъ.

— Митю, Леша, никто не смѣетъ бить,—замѣчала она.

— Онъ сильнѣе Өедора Гаврилыча, сестрица?

— Сильнѣе.

— А то я боюсь, сестрица, за него, очень боюсь,— жалобнымъ тономъ, на распѣвъ, говорилъ Леша.

Даже эти бесѣды были отрадны для Анны Андреевны, потому что онѣ касались Мити. Притомъ же Леша съ своей стороны восхвалялъ Митю.

— Я вотъ, сестрица, теперь шить научился, потому что Митя учителя нанялъ,—говорилъ Леша.—Вонъ жилетку слесарю сшилъ, рубль дали... Я сестрица гостинцевъ купилъ на гривенникъ и тетѣ далъ девять гривенъ... Митя говорилъ: ты вотъ выучись портняжничать и гостинцы будешь покупать.—Я и выучился... Учитель всему выучилъ... И желетки, и панталоны могу я, сестрица, шить... Деньги за это даютъ, сестрица, а деньги нужны... Митя говорилъ, сестрица, что безъ денегъ пропасть можно... Я, сестрица, копить буду деньги, чтобы не пропасть... Да, сестрица?

— Копи, копи, голубчикъ, это не мѣшаетъ,—говорила Анна Андреевна.

Ей казалось, что Митѣ дана свыше сила даже идіотовъ превращать въ умныхъ людей. Только Андрей Ивановичъ относился повидимому безучастно къ успѣхамъ сына, почти никогда не распрашивая о немъ; но бѣдный старикъ самъ былъ теперь въ такомъ загонѣ, что никого не интересовало, какъ онъ относится къ тому или другому. Вся семья знала, что онъ послѣ пожара сталъ покучивать, выпивать; но это хотя и мучило семью, она все-таки старалась утѣшить себя тѣмъ, что «всѣ пьютъ». Выпивки не мѣшали службѣ, не мѣшали добыванію денегъ и кончались благополучно, если только Марья Өедоровна сама не начинала сценъ на другой день послѣ выпивки мужа. Но оставленіе за штатомъ точно сразу подкосило Андрея Ивановича. Онъ вдругъ окончательно упалъ духомъ, принизился, опустился. Онъ такъ привыкъ въ теченіе долгихъ, долгихъ лѣтъ ежедневно ходить въ одни и тѣ же часы въ должность, дѣлать въ теченіе извѣстнаго времени одно и то же дѣло, возвращаться въ опредѣленную минуту домой на отдыхъ послѣ трудовъ дня, что въ первые дни послѣ оставленія за штатомъ онъ вставалъ въ тѣ же часы, какъ и прежде,

отправлялся изъ дому по той же дорогѣ, какъ и въ былые дни, доходилъ до мѣста своего прежняго служенія и съ какой-то горькой усмѣшкой, махнувъ рукой, шелъ далѣе, куда глаза глядятъ. Разъ какъ-то въ скорбныхъ мечтахъ онъ услышалъ звуки «машины» въ маленькомъ трактирчикѣ, недалеко отъ Никольскаго рынка, наигрывавшей «Не бѣлые-то снѣги въ полѣ забѣлѣлися»—и вошелъ безсознательно въ «заведеніе», спросилъ чаю, выпилъ рюмку водки и сталъ слушать, опустивъ голову на руки. Худой, изжелта сѣрый, облысѣвшій, маленькій и сгорбленный, онъ былъ жалокъ и безпомощенъ, какъ человѣкъ, выпущенный изъ больницы не потому, что онъ выздоровѣлъ, а потому, что у него неизлѣчимая, хроническая болѣзнь, съ которой нельзя держать человѣка весь вѣкъ въ больницѣ, отнимая мѣсто у другихъ больныхъ, могущихъ еще выздоровѣть. Онъ просидѣлъ за чаемъ болѣе часу, прослушалъ и «Не бѣлые снѣги», и «Лучинушку», и «Среди долины ровныя», и наконецъ вспомнилъ, что пора идти домой. На слѣдующій день онъ уже прямо направился въ заведеніе и не спросилъ чаю, а просто велѣлъ дать рюмку водки и «лимончику пососать». Черезъ недѣлю, черезъ двѣ онъ сдѣлался настолько своимъ человѣкомъ въ заведеніи, что его даже не обругали, когда онъ, къ ужасу своему, увидѣлъ, что ему нечѣмъ заплатить за водку, и объявилъ объ этомъ буфетчику. Ему любезно отвѣтили:

— Помилуйте-съ, не въ первый, не въ послѣдній разъ насъ посѣщаете... Со всякимъ бываетъ забвеніе.

Это обстоятельство послужило предлогомъ для знакомства и разговора: и буфетчикъ, и Андрей Ивановичъ скучали одинаково сильно здѣсь по утрамъ: буфетчикъ оставался здѣсь по обязанности, хотя и зналъ, что никакого посѣтителя утромъ въ заведеніи не бываетъ; Андрей Ивановичъ заходилъ сюда потому, что ему некуда было дѣваться утромъ, хотя и зналъ, что въ заведеніи легче ему не станетъ. Теперь и буфетчикъ, и Андрей Ивановичъ нашли предлогъ для разговора. Они передали другъ другу всѣ свои будничныя впечатлѣнія, всѣ свои мелкія злобы. Буфетчикъ разсказалъ, кто содержитъ ихъ заведеніе, когда и какой народъ бываетъ въ заведеніи, почему *самъ* въ пренебрежительности держитъ чистую половину и даже машины новой поставить не хочетъ, потому что «все единственно купца Мамошина трактиръ всегда будетъ чистую публику у нихъ отбивать, такъ какъ онъ къ центрѣ ближе, а ихъ заведеніе только черной

половиной и существуетъ и существовать будетъ». Андрей Ивановичъ съ своей стороны очень подробно распространился о своей служебной карьерѣ, о своей отставкѣ, о своемъ горѣ: не знаетъ теперь онъ, куда дѣвать время, за что приняться; конечно, онъ не нищій, онъ жить и безъ дѣла можетъ, у него сынъ... И вдругъ Андрей Ивановичъ весь словно измѣнился, упомянувъ о сынѣ:

— Онъ у меня образованный человѣкъ, съ князьями и графами на ровной ногѣ,—небрежнымъ тономъ сказалъ Орловъ, важно приподнимая голову.—Я образованіе ему хорошее далъ, въ гимназіи воспитывалъ, потомъ въ университетъ пустилъ. Пусть учится. Ну, и пошелъ впередъ. Вотъ князья Русовы, на что-ужь вельможи, а онъ съ ними на «ты» и съ князькомъ, и съ княжнами; на дорогѣ молодой человѣкъ стоитъ, министромъ либо сенаторомъ кончитъ. Теперь молодежи дорога широкая открывается,—времена новыя, порядки новые...

— Такъ-съ,—согласился буфетчикъ.—Съ образованіемъ-съ, конечно, все можно. Вотъ и Парамонъ Семеновичъ Пахомовъ молодца своего въ гимназію отдалъ, а теперь...

— Да вѣдь Пахомовъ-то и отдалъ мальчишку въ гимназію только потому, что я своего туда пристроилъ,—сказалъ Андрей Ивановичъ.

— А вы изволите знать Парамона Семеновича?—спросилъ буфетчикъ.

— Еще бы не знать!—сказалъ Орловъ.

Разговоръ еще болѣе оживился. Оба обрадовались, что у нихъ нашелся общій знакомый. Стали толковать о Пахомовѣ и порядочно перемыли ему бока. Потомъ Орловъ снова перешелъ къ разсказамъ о своемъ сынѣ.

— Онъ мнѣ никогда ни въ чемъ не откажетъ,—говорилъ старикъ,—но я самъ никогда ничего не попрошу у сына; пусть живетъ для себя, его жизнь впереди, а я буду смотрѣть да радоваться на него. Никогда не стану я у него поперекъ дороги, никогда не обременю его своею персоною. Знаю я, самъ знаю по опыту, что значитъ жить для другихъ, работать на чужіе рты. Истреплешься, исподличаешься, потому что видишь голодные рты, да думаешь, какъ бы ихъ накормить. Человѣкъ для себя жить долженъ, только тогда онъ и дышетъ вольнымъ духомъ. А тутъ тряпкой станешь, въ грязи ползать будешь, какъ за тобой папенька да маменька голодные да холодные, а передъ

тобой жена да дѣтишки, просящіе супу да молочишка. Тебѣ на ногу каждый подлецъ наступаетъ, а ты молчишь, потому у тебя семья, дѣти.

— Это вы справедливо,—замѣтилъ буфетчикъ.—Я вотъ свою супружницу и дѣтокъ въ деревнѣ тоже оставилъ, пусть тамъ прокармливаются, потому одному мнѣ здѣсь не въ примѣръ вольготнѣе.

Затѣмъ буфетчикъ сказалъ, что, по его разсужденію, Андрею Ивановичу вовсе не слѣдуетъ приходить въ отчаянность, такъ какъ частныхъ дѣловъ всегда найдется въ столицѣ и даже у нихъ въ трактирѣ на черной половинѣ что ни день, то какіе-нибудь люди навертываются съ дѣлами и въ управѣ, и въ судѣ, и въ палатѣ. Андрей Ивановичъ удивился,—онъ до сихъ поръ не думалъ объ этомъ, хотя и зналъ, что по трактирамъ часто ищутъ ходатаевъ по дѣламъ; онъ объявилъ, что онъ былъ бы очень радъ, еслибы буфетчикъ когда-нибудь порекомендовалъ ему кого-нибудь изъ просителей. Буфетчикъ съ своей стороны былъ тоже очень радъ услужить «знакомому человѣку» и даже замѣтилъ, что Андрей Ивановичъ самую ихъ коммерцію можетъ поддержать, если будетъ заходить къ нимъ по дѣламъ. «У купца Мамошина тоже завсегда одинъ чиновничекъ этакій бываетъ и разныя кляузныя дѣла ведетъ». Орловъ ушелъ изъ заведенія довольно поздно и въ отличномъ настроеніи, выпивъ въ кредитъ три рюмки водки.

На слѣдующій день онъ не сразу вышелъ изъ дому. Онъ долго ходилъ по квартирѣ, тяжело вздыхая и кряхтя. Наконецъ онъ взялъ фуражку и совершенно равнодушнымъ тономъ мимоходомъ спросилъ у Марьи Ѳедоровны, нѣтъ ли у нея мелкихъ, двугривеннаго или четвертака.

— Нѣтъ, отстань ты,—рѣзко отвѣтила она.—Откуда у меня быть двугривеннымъ и четвертакамъ?

Эта фраза озадачила Андрея Ивановича.

— Да вѣдь какже, есть же у насъ деньги,—замѣтилъ онъ, смотря съ недоумѣніемъ на жену.

Она взглянула на него вопросительно.

— Деньги?... Ну, есть деньги! Кто тебѣ говоритъ, что ихъ нѣтъ,—сказала она.—Да мелочи нѣтъ.

— Такъ ты дай... ну, рубль, что ли,—сказалъ онъ.

— А-а!—протянула она, какъ бы сообразивъ что-то.—Нѣтъ двугривеннаго, такъ мы и рубль пропьемъ. Я думала, тебѣ ме-

лочь нужна на извощика, а это значитъ мы и отъ рубля, и отъ десяти рублей не откажемся. Въ кабакѣ-то не разсердятся, что много принесъ...

— Марья!—сурово проговорилъ Андрей Ивановичъ.

Она однако не сробѣла.

— Ты не стращай, пожалуйста!—громко сказала она.—Теперь вѣдь пропивать станешь, такъ добыть снова негдѣ, съ сына придется тянуть,—одинъ батракъ остался. Ты-то вотъ на подножный кормъ пущенъ; у меня да у Ани глаза ослѣпли, такъ, вѣрно, хочешь на сына приналечь. Что-жь, отчего и не заѣсть еще его вѣкъ,—крѣпостной вѣдь, не сбѣжитъ...

Андрея Ивановича точно-что пришибло. Онъ мялъ въ рукахъ фуражку, не трогаясь съ мѣста, и только тихо прошепталъ:

— Грѣхъ тебѣ, Марья!

— Что грѣхъ-то?—сказала она рѣзко.—Правду говорю. Ну, пропей, прогуляй все, что скопили, откуда же тогда возьмешь? Красть станешь?—Нѣтъ, съ сына драть станешь послѣднюю копѣйку да кабачниковъ обогощать. Онъ что же?—онъ будетъ давать, чтобы мы по-міру не ходили да его не срамили; онъ будетъ давать, чтобы ты на улицахъ да въ кабакахъ не валялся, а все по-благородному съ пріятелями на пирушкахъ да на вечеринкахъ кутилъ. Какъ не давать! Въ петлю затянется, а дастъ.

Андрей Ивановичъ тихо, но твердо отвѣтилъ:

— Не бралъ я и не возьму отъ сына никогда ни полушки. Издохну скорѣе, чѣмъ отъ него возьму...

Марья Ѳедоровна даже испугалась этого тона.

— Что-жь, попрекалъ онъ тебя, что ли?—сказала она.

— Не попрекалъ, а самъ я эту лямку протянулъ,—сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Какую это лямку?—спросила Марья Ѳедоровна.

— Семью кормилъ... Семью кормилъ,—отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.—Кормилъ, а теперь вотъ благодарность получаю...

Онъ понурилъ голову и тихо, мелкими шажками, какъ пришибленный, вышелъ изъ дому. Между нимъ и женою точно что-то порвалось въ эту минуту. Они договорились до послѣдняго слова. Она была для него уже не жена, а только мать, отстаивающая грудью свое дитя отъ роднаго отца. Онъ былъ ей уже не мужъ, а человѣкъ, который можетъ погубить, раззорить, опозорить ея сына. Они оба это чувствовали уже не первый день, хотя высказали это другъ другу впервые.

Аннѣ Андреевнѣ, слышавшей этотъ разговоръ, стало жаль и отца, и мать, и она оправдывала въ душѣ обоихъ, молясь только объ одномъ, чтобы Богъ послалъ имъ силы и средства не сидѣть на шеѣ у Мити. Пусть лучше они всѣ трое умрутъ, только бы не заѣдать вѣка Мити. Ей даже страшно стало при этой мысли и она торопливо прошептала: «Господи, прости ты мое великое согрѣшеніе!» Вечеромъ она горячо молилась у всенощной, стоя въ уголкѣ полутемной церкви на колѣняхъ и вперивъ неподвижный взоръ въ образъ. Она молилась за брата, за его спасеніе, за его счастіе, и горячія слезы, не замѣчаемыя ею, катились по ея щекамъ, падали на ея одежду, на полъ.

Съ этого дня Андрей Ивановичъ приходилъ домой только ночевать. Почти цѣлые дни проводилъ онъ въ заведеніи, на пирушкахъ у мелкихъ купцовъ и мѣщанъ, обдѣлывая какія-то грошевыя дѣла и составляя прошенія. У него завелся обширный кругъ новаго знакомства, съ нимъ раскланивались всѣ лавочники Никольскаго рынка, онъ любилъ бесѣдовать съ каждымъ встрѣчнымъ, говоря довольно рѣзко о существующихъ порядкахъ, о дороговизнѣ, о томъ, что теперь за умъ взялись и реформы вводятъ, молодежь впередъ дѣловую выдвигаютъ и при этомъ разговоръ неизмѣнно сводился къ одному концу:

— Да вотъ у меня у самого сынъ, умнѣйшая голова, такъ шагаетъ впередъ, что и не догонишь... Министромъ либо сенаторомъ кончитъ. Въ гимназіи первымъ курсъ кончилъ, теперь въ университетѣ лекціи слушаетъ, съ первыми лицами въ государствѣ свой человѣкъ...

И затѣмъ шли безконечные разсказы о сынѣ. Фактическихъ свѣдѣній о жизни Мити у Андрея Ивановича было мало, но этотъ недостатокъ дополняла его фантазія, и его разсказы о Митѣ даже превосходили разсказы Анны Андреевны о братѣ. Другою любимою темой разговоровъ старика сдѣлался вопросъ о заѣданьи человѣка семьею.

— Семья-то, какъ ржа желѣзо, человѣка ѣстъ,—говорилъ старикъ.—Не успѣетъ человѣкъ на ноги встать—корми отца и мать; чуть въ лѣта вошелъ—жена на шеѣ повисла да дѣти. Женщина у насъ что?—Убейся она надъ работой, все-таки грошъ только добудетъ, да и то невѣрный, не въ срокъ, не во-время. Мы хоть мало получали, да знали, что перваго числа придешь и получай денежки. А баба?—Сегодня ей заплатили, а завтра нѣтъ; сегодня ее завалили работой, а завтра клади зубы на пол-

ку. Ну, она и виситъ на мужниной шеѣ. Она и сама не рада, она плачетъ и убивается, а виситъ, заѣдаетъ его, точитъ, какъ ржа желѣзо. Покуда она еще одна—ничего, а пойдутъ дѣти, такъ тутъ, какова ни будь, приналяжетъ на мужа. Извѣстно, мать! Она дитя носила; она слышитъ, какъ оно стонетъ и плачетъ, такъ тутъ станешь пилить да точить мужа. Тоже не отъ радости это дѣлается.

Эта тема съ каждымъ днемъ развивалась Орловымъ все полнѣе и полнѣе. Это было теперь его больное мѣсто. Являясь въ свою семью, онъ дѣлался все угрюмѣе и угрюмѣе. Марья Θедоровна и Анна Андреевна замѣтили, что по какимъ-то непонятнымъ причинамъ эта мрачность еще болѣе усиливалась, когда начинались при немъ толки о Митѣ.

— Точно волкъ смотритъ, когда заговоришь о сынѣ,—сказала разъ не выдержавшая Марья Θедоровна дочери.

— И за что онъ его ненавидитъ, за что?—воскликнула Анна Андреевна, поднимая къ небу глаза.

Она точно обрадовалась, что и мать замѣтила это, что это не одной ей бросалось въ глаза.

— Видно, смотрѣть-то стыдно на сына!—рѣшила Марья Θедоровна.

— А я ужь боялась, что грѣшу я, что это только мнѣ такъ кажется,—сказала Анна Андреевна.

— Чего тутъ казаться! Не со вчерашняго дня я это замѣтила,—отвѣтила Марья Θедоровна,—не завтра это и кончится. Сама знаешь, у отца мыслей-то немного. Какъ какая-нибудь засядетъ въ голову, такъ онъ съ нею чуть не по годамъ носится, точно курица яйцо высиживаетъ...

— Только грѣхъ ему на Митю сердиться,—со вздохомъ сказала Анна Андреевна.

— Да онъ, можетъ, и не сердится на него, а стыдъ его заѣдаетъ,—сказала мать.—Совѣсть-то тоже есть и понятія Богъ не отнялъ,—ну, и стыдно, за себя стыдно!...

Старикъ же на другой день ораторствовалъ среди своихъ новыхъ знакомыхъ:

— И что такое отцы и матери? Поднимаютъ дѣтей, чтобы даровыхъ батраковъ имѣть, чтобы, какъ воловъ, запречь ихъ и загонять до послѣдняго издыханія. Туда же толкуютъ: мы любимъ своихъ дѣтей, мы не наглядимся на нихъ! А почему?—Потому, что изъ этихъ дѣтей сокъ можно будетъ выжимать потомъ,

помильцевъ и кормильцевъ изъ нихъ сдѣлать можно будетъ. Пусть ихъ затягиваются въ работѣ, было бы только намъ хорошо. Да, по мнѣ, отсохни моя рука, если я ее протяну къ своему сыну за помощью. Пусть для себя живетъ, пусть не грѣшитъ, проклиная часъ, когда его мать родила на работу каторжника. Объ этомъ каждый отецъ, каждая мать подумать должны!

Этимъ разсужденіямъ Андрея Ивановича не было конца, точно онъ никакъ не могъ исчерпать всей темы о заѣданіи человѣка семьею. Марья Өедоровна совершенно вѣрно замѣтила, что у него было мыслей не много, и что онъ по годамъ способенъ былъ носиться съ какою-нибудь одною мыслью. Какъ когда-то онъ юнешею носился съ мыслью о женитьбѣ на румяной и полной Марьѣ Өедоровнѣ, какъ потомъ онъ нянчился съ мыслью о постройкѣ дома, какъ, далѣе, онъ задался мыслью о возможности всего достигнуть черезъ барскихъ слугъ,—такъ теперь онъ весь погрузился въ размышленіе о томъ, что семья заѣдаетъ человѣка, что она заѣла его, что она можетъ заѣсть его сына. Эта тема разросталась въ его головѣ, онъ находилъ новые факты, новыя доказательства для подтвержденія своей мысли и не могъ отъ нея оторваться. Иногда онъ одинъ на улицѣ вслухъ разсуждалъ объ этомъ предметѣ, обращая на себя вниманіе прохожихъ.

Дмитрій Андреевичъ даже и не подозрѣвалъ всѣхъ этихъ закулисныхъ событій въ своей семьѣ. Онъ видѣлъ только иногда, что дома дѣлается что-то неладное, но не желалъ вовсе вникать въ это дѣло, зная по опыту, что распросами можно растравить больныя мѣста, но нельзя помочь бѣдѣ. Онъ зналъ, что его отецъ постоянно исчезаетъ изъ дому и попиваетъ, и глубоко жалѣлъ старика, сознавая, что спасти его отъ загуловъ нѣтъ возможности, что этотъ исходъ былъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всего пережитаго горя. Иногда при воспоминаніяхъ о семьѣ, при раздумьи о ея положеніи, у молодого человѣка сжималось болѣзненно сердце и поднималась желчь. Онъ болѣзненно любилъ и мать, и отца, и сестру, принесшихъ ему сотни жертвъ, и сознавалъ, что всѣ они загублены безповоротно, навсегда. Какъ человѣкъ очень нервный, впечатлительный, онъ нерѣдко лишался сна, когда ему приходилось случайно задуматься о своей семьѣ. Это было что-то въ родѣ раны, до которой стоило дотронуться, чтобы боль отозвалась на всемъ организмѣ.

Разъ какъ-то онъ возвращался вечеромъ домой. Онъ шелъ не спѣша по полутемной улицѣ, раздумывая о всемъ совершавшем-

ся вокругъ, какъ вдругъ его вниманіе было остановлено шедшимъ передъ нимъ человѣкомъ. Это былъ не высокій ростомъ, худощавый и сутуловатый человѣкъ; онъ шелъ слегка пошатываясь изъ стороны въ сторону. Дмитрій Андреевичъ сразу узналъ отца. Первою его мыслью было замедлить шаги и не нагонять отца, чтобы тотъ не зналъ, что сынъ видѣлъ его въ такомъ видѣ. Но не успѣлъ Дмитрій Андреевичъ пріостановиться, какъ старикъ Орловъ сильно пошатнулся и едва не свалился, придержавшись только за заборъ. Дмитрій Андреевичъ, ничего уже не думая, подъ вліяніемъ страха, что старикъ упадетъ, быстро подошелъ къ нему.

— А, это ты, Митя,—пробормоталъ старикъ Орловъ сконфуженнымъ голосомъ.

— Да вотъ загулялся долго, возвращаюсь тоже домой,—сказалъ сынъ, взявъ подъ руку отца.

— И я... тоже на рожденіи былъ у пріятеля... Подгуляли немного,—сказалъ Андрей Ивановичъ, стараясь пріободриться и казаться развязнымъ.

— Ну, что-жь, и хорошо... Иногда нужно повеселиться,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Какое веселье, какое веселье!—сказалъ старикъ.—Горе насъ гонитъ на это веселье, горе!... Ну, да ужь не поправишь этого... Нѣ-ѣтъ, никакъ не поправишь!... Вотъ тебѣ не придется съ горя веселиться... Дай Богъ, чтобы не пришлось!...

Они пошли вмѣстѣ.

— Только ты береги себя, голубчикъ, береги... О себѣ думай,—продолжалъ старикъ.—Ты объ насъ не думай... Чего объ насъ думать? Мы жили и отжили, отжили—и ничего намъ не надо... Новой жизни не дашь, а себя изъ-за насъ не губи... На что? Что пользы? Затянешься, какъ кляча, какъ я затянулся,—затянешься, а намъ не поможешь, потому мы старички, мы отжили, Митя... А ты жить долженъ... И такъ сидимъ у тебя на шеѣ...

— Полно, отецъ!—ласково сказалъ Дмитрій Андреевичъ, изумленный и тронутый словами старика.

— Нѣтъ, нѣтъ, сидимъ на шеѣ и заѣдаемъ твой вѣкъ,—продолжалъ старикъ.—Мать жалуется, что достатки малы... Не слушай ее!... На нашъ вѣкъ хватитъ; а не хватитъ—и такъ обойдемся... А ты о себѣ думай,—твоя жизнь впереди... Я вотъ пью, Митя, пью... Я изъ своихъ денегъ, голубчикъ, пью, и матери приношу, и у тебя на шеѣ сидѣть не буду...

— Отецъ, да развѣ я когда-нибудь говорилъ, что вы мнѣ въ тягость?—воскликнулъ Дмитрій Андреевичъ со слезами на глазахъ.

— Не говорилъ и не скажешь, потому ты—благородная душа, а я знаю все это, знаю!—проговорилъ старикъ.

— Да я жизнь готовъ бы отдать, чтобы вы были счастливы!—горячо сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Жизнь отдать, жизнь отдать!—повторилъ старикъ.—Не надо, голубчикъ, не надо... То-то я и говорю: сами дали человѣку жизнь и сами заставляемъ его отдать намъ эту жизнь... Нѣтъ, знаю я, каково жизнь другимъ отдавать,—знаю, и потому хочу, чтобы ты зналъ, что я не хотѣлъ сидѣть у тебя на шеѣ, не хотѣлъ тебя заѣдать... Умру—на могилу мою придешь и скажешь: «старикъ любилъ меня не за то, что я былъ его поильцемъ и кормильцемъ,—не за то, а за то, что я его сынъ былъ...» Да, такъ и скажешь...

Старикъ вдругъ остановился и, поднявъ вверхъ руку, торжественно проговорилъ:

— Митя, это я великое слово говорю: любилъ не за то, что ты моимъ кормильцемъ и поильцемъ былъ, а за то, что ты мой сынъ былъ!... Понимаешь?...

Онъ снова пошелъ дальше и продолжалъ говорить:

— Это вонъ онѣ, бабы, такъ Бога любятъ: дай намъ, говорятъ, корову, а мы тебя любить будемъ, да кланяться тебѣ будемъ... Не годится такъ, не годится, голубчикъ!... Заѣдаютъ вѣкъ человѣка, ѣздятъ на немъ, послѣднюю шкуру съ него дерутъ, а говорятъ: мы тебя любимъ... Мы умирать скорѣе должны,—вотъ что мы должны, Митя,—а не чужой вѣкъ заѣдать...

— Ну, полно, голубчикъ! Никому ты не въ тягость и умирать тебѣ еще рано,—сказалъ ласково Дмитрій Андреевичъ, передъ которымъ открылся совершенно новый міръ взглядовъ его отца.—Еще погоди, какъ поживемъ, какъ поживемъ!

Старикъ отрицательно покачалъ головой.

— Поздно, поздно! — пробормоталъ онъ. — Ты живи, а намъ умирать надо.

Они подъ руку тихими шагами дошли до дома.

Марья Өедоровна даже руками всплеснула, увидавъ, что сынъ пришелъ вмѣстѣ съ старикомъ, и отъ ея глазъ не ускользнуло, въ какомъ видѣ пришелъ старикъ. Она встревожилась, засуетилась, прошептавъ торопливо мужу: «ложись ужь, ложись ско-

рѣе!»—и прошла въ комнату къ Дмитрію Андреевичу съ испуганнымъ и смущеннымъ выраженіемъ лица.

— Прости ты его, голубчикъ, прости!—мягко заговорила она.—Срамитъ онъ тебя, срамитъ своимъ безобразіемъ...

— Полноте, мама,—отрывисто сказалъ Дмитрій Андреевичъ.—Что за срамъ, что старикъ выпилъ. Всѣ у насъ пьютъ. Почему же ему быть исключеніемъ?

— Да тебѣ-то каково, тебѣ-то каково?—воскликнула она.—Ужь если у меня все сердце изныло, такъ тебѣ-то и пуще того не легко.

Дмитрій Андреевичъ только рукой махнулъ.

Ему дѣйствительно было не легко, но не потому, что отецъ пилъ, а потому, что въ головѣ молодаго человѣка снова воскресли думы о томъ, что пережила его семья, какія невзгоды и горе загубили всѣ эти существованія, сколько нужно было испытать для того, чтобы дойти до взглядовъ, высказанныхъ его отцомъ. Эти взгляды озарили старика Орлова новымъ свѣтомъ въ глазахъ его сына. Они открыли передъ Дмитріемъ Андреевичемъ тотъ уголокъ человѣческой души, въ который вообще не легко заглянуть и еще труднѣе, когда эта душа принадлежитъ такому несообщительному человѣку, какъ Андрей Ивановичъ, мало говорившій и говорившій только тогда, когда онъ что-нибудь переболѣетъ, медленно и сосредоточенно переболѣетъ въ своей душѣ. Дмитрію Андреевичу было тяжело теперь разсуждать съ матерью объ отцѣ. Она, какъ онъ ясно понималъ, не сознавала страданій, переживаемыхъ ея мужемъ.

Марья Ѳедоровна однако не выходила изъ комнаты сына и какъ-то опасливо, тревожно переминалась, точно желая и въ то же время боясь начать какой-то разговоръ. Наконецъ, она съ приступами, какъ она обыкновенно говорила съ сыномъ, начала рѣчь:

— Ужь и то вся улица только и трезвонитъ, что объ Орловыхъ. Куда ни приди, всюду имъ, да имъ бока перемываютъ...

— Ну, мама, намъ-то что за дѣло до того, что про насъ говорятъ!—сказалъ нетерпѣливо Дмитрій Андреевичъ.—За глаза и про царя говорятъ.

— Да не за глаза, не за глаза, а въ глаза насмѣхаются да издѣваются!—воскликнула Марья Ѳедоровна.—И то сказать, какъ не смѣяться, какъ не издѣваться. Самъ пьетъ, чуть по улицамъ не валяется, племянница собой торгуетъ...

Дмитрій Андреевичъ вскочилъ съ мѣста, какъ ужаленный.

— Настя?—воскликнулъ онъ.—Настя?... Что вы говорите!

— Ничего не знаю навѣрное, ничего, а люди видѣли ее въ коляскѣ,—проговорила Марья Ѳедоровна.

Дмитрій Андреевичъ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Подлыя сплетни!—рѣзко сказалъ онъ.—Охота вамъ все слушать, всему вѣрить!

— Не сплетни, голубчикъ, не сплетни, а меня предостеречь хотѣли добрые люди,—заговорила Марья Ѳедоровна.—Передаютъ, что такъ и такъ—разъ ее въ театрѣ въ ложѣ видѣли съ молодыми людьми, а потомъ въ коляскѣ проѣхала она... Ну, не утерпѣла я,—не чужая она мнѣ, слава Богу,—бросилась къ ней: дома не застала. Я другой разъ къ ней: тоже нѣтъ дома. Наказала я, чтобъ ее прислали, говорю: «тетенька, дескать, желаютъ видѣть, давно не видали, такъ соскучились»,—а сама, грѣшный человѣкъ, все выспрашиваю, какъ живетъ, гдѣ бываетъ, кто къ ней ходитъ... Ну, да, такъ и узнаешь у этихъ мадамъ. Настя-то вѣдь теперь не въ магазинѣ живетъ, а надъ нимъ, въ меблированныхъ комнатахъ съ подругой, какъ говоритъ, комнатку снимаетъ. Ну, комнаты-то мадамъ какая-то нѣмка содержитъ, такая цирлихъ-манирлихъ, глазки въ землю опускаетъ. «У меня, говоритъ, все деликатные жильцы», а сама, вижу я, что бестія. Ну, говоритъ она, что фрейленъ Натали... Митя, вѣдь по-нѣмецки-то Настасья не Натали называется?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— То-то помнится, что не Натали... Съ чего же это нѣмка-то Настю фрейленъ Натали величаетъ?—раздумчиво произнесла Марья Ѳедоровна, но тотчасъ же вспомнила, что надо кончить разсказъ, и перемѣнила тонъ:—Ну, вотъ, говоритъ она, что фрейленъ Натали все за работой, все за работой въ магазинѣ или развозитъ вещи по кліентамъ и заказчикамъ и сама ни ногой въ гости и къ ней никто. Вижу я, что она вретъ и смѣется надо мной, а придраться нельзя. Такъ я и ушла, наказавъ еще, чтобы Настю непремѣнно прислали. Ну, жду день, другой; приходитъ...

— Ну, и что же?—нетерпѣливо спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Что?—Извѣстно что. Пришла. Стала я ее распрашивать. Вретъ и не краснѣетъ!—сердито отвѣтила Марья Ѳедоровна.—«Ты, говорю, съ кѣмъ это въ театрѣ была?»—«Съ хозяйкой, говоритъ, и ея братьями».—«А ты, говорю, это въ какихъ ко-

лясканъ разъѣзжаешь?» — «А это, говоритъ, заказчица экипажъ за мной прислала, чтобы заказъ у нея взять». И сама это, точно вотъ передъ попомъ на духу, губки поджимаетъ, глазки внизъ, ручки на колѣняхъ сложила, хоть образъ съ нея пиши! Взорвало меня, начала я ее бранить, что она у насъ не бываетъ, что она ведетъ себя непутевымъ порядкомъ, а она только: «Тетя, да мнѣ некогда!... Тетя, да что же я одѣлала?...» И сама это и передо мной, и передъ Аннушкой лебезитъ, лебезитъ, и ручки цѣлуетъ, и обнимаетъ... Погибла дѣвка, погибла совсѣмъ, чуетъ мое сердце!...

И вдругъ Марья Ѳедоровна, перемѣняя тонъ, въ упоръ обратилась съ вопросомъ къ сыну:

— Ну, изъ какихъ денегъ она брату помогаетъ, а?... Изъ какихъ?

— Какому брату?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Да Николашкѣ... Я тебѣ ужъ во всемъ покаюсь,—сказала Марья Ѳедоровна.—Не хотимъ мы съ Аннушкой тебя разстраивать и уговорились съ ней ничего тебѣ не говорить... Да вотъ теперь съ языка сорвалось... Николашку-то выгнали давно и изъ пріюта, и отъ портнаго, куда я его въ ученье пристроила, и продаетъ онъ слоновъ по улицамъ. Мальчишкѣ восемнадцать лѣтъ, а пьетъ какъ бочка. Встрѣтила я его какъ-то, говорю: «побойся ты Бога, ни за тобой, ни передъ тобой ничего нѣтъ, а ты пьешь; если на насъ надѣешься, такъ у насъ для тебя денегъ не припасено». А онъ: «Мнѣ, говоритъ, вашего и не нужно,—мнѣ сестра даетъ». — «Какая сестра?» — «А Настасья-то».—«Да откуда у нея у самой?... Юбчонку послѣднюю отдастъ, что ли?» — «Ну да, говоритъ, вы у нея въ карманѣ-то не считали, а на нашъ вѣкъ хватитъ».

Марья Ѳедоровна махнула рукой.

— Да вѣдь и Дашу она же изъ пріюта взяла, въ магазинъ помѣстила, пріодѣла,—сказала она.—Я было не соглашалась, а она настояла на своемъ.

Передъ Дмитріемъ Андреевичемъ раскрывался цѣлый міръ новыхъ событій въ его семьѣ, о которыхъ онъ и не подозрѣвалъ. Ему стало какъ-то жутко.

— Зачѣмъ вы мнѣ раньше не сказали всего?—воскликнулъ онъ.

— Да что говорить-то! Развѣ поможешь? Только сердце твое будетъ надрываться,—сказала она. — И сегодня-то ужъ потому только начала, что опять толки въ улицѣ идутъ про Настасью.

Опять видѣли ее въ парныхъ саняхъ... Ну, погибла, такъ ужь не воротишь. Да вѣдь Даша-то при ней, тою же дорогой пойдетъ... Хоть бы ее спасти...

Дмитрій Андреевичъ заходилъ въ волненіи по комнатѣ, нахмуривъ брови и закусивъ губу.

— Я зайду къ ней,—сквозь зубы сказалъ онъ матери.

Она стала благодарить его и просить дать совѣтъ Настѣ.

— Хорошо, хорошо, мама, сдѣлаю все, что можно. Но теперь довольно, мнѣ надо отдохнуть,—сказалъ онъ отрывисто.

Мать поцѣловала его и вышла. Онъ вздохнулъ широкимъ вздохомъ, точно что-то сдавливало ему грудь.

Однако, отдохнуть ему почти не удалось. Онъ легъ, но спалъ недолго, плохо и тревожно.

Утромъ онъ отправился къ Настѣ. Когда онъ поднялся по парадной лѣстницѣ въ Большой Морской и позвонилъ у дверей квартиры, гдѣ жила Настя, къ нему вышла хозяйка квартиры, женщина лѣтъ сорока, одѣтая не безъ кокетства, скромно потупляющая лукавые глаза и говорящая вкрадчивымъ голоскомъ. Опытный наблюдатель могъ сразу угадать, смотря на эту личность, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Дмитрію Андреевичу вспомнилось невольно, что его мать назвала ее «бестіей». Онъ сказалъ, кого ему надо. Оказалось, что фрейленъ Натали нѣтъ дома. Дмитрій Андреевичъ объявилъ, что онъ желаетъ пройти въ ея комнату и тамъ подождать Настю. Хозяйка объявила, что фрейленъ Натали уноситъ ключь отъ комнаты съ собой. Тогда онъ сказалъ, что онъ подождетъ хоть здѣсь, въ передней, такъ какъ когда-нибудь да придетъ же Настя.

— Я ея братъ и мнѣ нужно ее видѣть,—закончилъ онъ.

Хозяйка смутилась и начала объяснять, что фрейленъ Натали никого, никого не принимаетъ, и потому она, право, не знаетъ, какъ быть.

— Я во всякомъ случаѣ не уйду и буду ждать или здѣсь въ коррндорѣ, или у дверей,—сказалъ Орловъ.

— О, какъ вы горячо желаете видѣть вашу сестру!—съ улыбкой сказала хозяйка.—Вы ее очень любите? Она, впрочемъ, вполнѣ заслуживаетъ этого. Мнѣ только жаль...

Въ эту минуту вдругъ послышался голосъ Насти. Дмитрій Андреевичъ, уже не слушая хозяйку, двинулся впередъ, сказавъ рѣзко:

— Что же вы лжете, когда она дома?

Онъ быстро дошелъ до двери, откуда послышался голосъ дѣвушки, и постучалъ.

— Кто тамъ?—раздался вопросъ.—Идите!

Онъ вошелъ въ свѣтлую, мило убранную комнату.

— Митя!—раздалось восклицаніе Насти.

Она и смутилась, и обрадовалась.

— Къ тебѣ труднѣе попасть, чѣмъ къ иному министру,—сказалъ онъ, здороваясь съ нею.

— Я не велѣла никого пускать... Отъ работы отрываютъ... Я все работаю,—заговорила она торопливо и стала его усаживать.

— Я радъ, что теперь, по крайней мѣрѣ, не оторвалъ, кажется, тебя отъ дѣла,—сказалъ онъ, осматривая комнату, гдѣ не было и признаковъ работы.

— Да, я сейчасъ кончила, отослала внизъ... Ну, чѣмъ тебя угощать?... Вотъ-то я не ожидала, голубчикъ, что ты зайдешь... Давно мы не видались, очень давно... Была у васъ, такъ тебя не было,—быстро говорила она, глотая концы фразъ и не зная, что говорить.

Онъ всматривался въ нее, удивленный происшедшей въ ней перемѣной. Онъ не видалъ ее мѣсяцевъ восемь. Она развилась и похорошѣла еще болѣе. Теперь это была въ полномъ смыслѣ слова красавица, совершенно сформировавшаяся и перешедшая уже тотъ возрастъ, когда дѣвушка еще кажется полуребенкомъ. Но отъ его вниманія не ускользнуло и то, что выраженіе ея лица было далеко не веселое, не говорило о счастьи.

— Это ужь не ты ли играешь на фортепіано?—спросилъ онъ, указывая на стоявшее въ ея комнатѣ фортепіано.

Она вся зарумянилась и начала путаться въ отвѣтѣ.

— Такъ... учусь... по слуху... Комната такъ отдавалась... съ фортепьянами... У меня столько, столько работы, что не до музыки... День-деньской шьешь, шьешь, спины не разгибая, такъ тутъ не до музыки... Тоже не сладкая эта жизнь швеи-то... Ахъ, Митя, надо пожить этой жизнью, чтобы знать... Конечно, я...

Онъ все смотрѣлъ и смотрѣлъ на нее, слушая эту отрывистую, сбивчивую и торопливую рѣчь, и, видя, какъ молодая дѣвушка все болѣе и болѣе путается, теряется, вдругъ сказалъ:

— Но ты даже и полнѣть начала отъ этой работы!

Онъ сказалъ это просто, безъ умыслу. Но Настя вдругъ поблѣднѣла и, закрывъ лицо руками, зарыдала.

— Несчастная я, несчастная! Развѣ я этого ожидала? Кто же это зналъ?—говорила она сквозь слезы.—Скоро людямъ показаться нельзя будетъ, изъ комнаты нельзя будетъ выйти...

Онъ вдругъ все разсмотрѣлъ, все сообразилъ, все понялъ. Онъ машинально провелъ рукой по своему похолодѣвшему лбу, подошелъ къ молодой дѣвушкѣ и ласково проговорилъ, наклоняясь надъ ней:

— Ну, милая, перестань, перестань! Слезами теперь не поможешь. Что-жь дѣлать! Надо только о будущемъ подумать.

Она подняла голову и порывисто, горячо обняла его.

— Митя, родной!... Онъ вѣдь меня любитъ! — проговорила она уже безъ слезъ. — Какой хорошенькій самъ-то... И ты не думай, что изъ какихъ-нибудь... Его родители—важные господа... Онъ самъ на какой дорогѣ стоитъ... Правовѣдъ былъ, недавно ученье кончилъ... Онъ, конечно, жениться теперь не можетъ...

— И никогда не женится, никогда!—рѣзко сказалъ Орловъ.—Поиграетъ и броситъ! Развѣ эти люди женятся на такихъ, какъ ты, на голи перекатной?...

— Ахъ, не говори, не говори! Онъ меня любитъ,—ничего, ничего для меня не жалѣетъ... У него свои капиталы... У его отца свои, а у него свои,—отъ бабушки остались... Я только не хочу, а онъ мнѣ все бы предоставилъ, потому онъ любитъ... «Мнѣ, говоритъ, товарищи завидуютъ, что ты у меня такая красавица»...

Дмитрій Андреевичъ сидѣлъ, низко опустивъ голову на руки. Ему было тяжело слушать. Наконецъ, онъ спросилъ:

— Зачѣмъ же ты Дашу-то къ себѣ взяла? По той же дорожкѣ пустишь?...

— Митя, Митя! Богъ съ тобой, что ты говоришь!—воскликнула Настя.—Даша—счастливая, у нея женихъ есть, чиновничекъ молодой, тихій, тихій такой... Я ее замужъ выдамъ... Онъ бы и на мнѣ женился, да мой Коля не хотѣлъ...

Она вдругъ оборвала рѣчь, точно испугавшись, что сказала лишнее. Прошло нѣсколько минутъ въ тяжеломъ молчаніи. Наконецъ, она заговорила первая.

— Я вотъ, Митя, боюсь только, какъ тетѣ сказать о свадьбѣ Даши. Конечно, тетя будетъ рада даже, что Даша выходитъ замужъ за чиновника... Но какъ же я буду на свадьбѣ?... Вотъ и ты замѣтилъ... Я ужь какъ у васъ была, такъ и не снимала пальто... А на свадьбѣ замѣтитъ, непремѣнно замѣтитъ...

Дмитрій Андреевичъ махнулъ рукой.

— Мать не поѣдетъ на свадьбу... Это можно сдѣлать... Нужно думать не объ этомъ,—сказалъ онъ.—Но у меня голова идетъ кругомъ. Я не понимаю, какъ это такъ скоро все сдѣлалось: Даша только-что вышла изъ пріюта, сейчасъ же познакомилась съ этимъ чиновникомъ и уже сдѣлалась невѣстой... Хорошій ли онъ человѣкъ?

— О, Коля говоритъ, что отличный... Онъ все надъ нимъ шутитъ... Онъ его Молчалинымъ зоветъ, а того совсѣмъ не Молчалинымъ, а Малоземовымъ зовутъ. А это правда, что онъ молчаливъ... Тихій, тихій совсѣмъ...

— Да при чемъ же тутъ твой Коля? — спросилъ Дмитрій Андреевичъ, ничего не понимая.

Настя опять смутилась и замялась.

— Видишь ли,—начала она нерѣшительно,—я въ такомъ положеніи... Я сказала, что я ни за что, ни за что не брошу ребенка... Лучше ужь все перенести, чѣмъ свое дитя бросить... Ну, вотъ Коля и придумалъ... Это не онъ, а отецъ его придумалъ... Отецъ его все узналъ, сердился очень.... Онъ это и придумалъ... Даша, видишь ли, выйдетъ замужъ,—ну, ребенка и припишутъ законнымъ, то-есть какъ будто онъ ея ребенокъ, а не мой... Понимаешь, это чтобы онъ незаконнымъ не былъ, а дворяниномъ... Отецъ Коли хотѣлъ, чтобъ я вышла за Малоземова, но я не хочу, и Коля тогда сказалъ: «я убью его, если онъ будетъ хоть названіе твоего мужа носить»... Коля такъ меня любитъ, такъ любитъ, что ревнуетъ...

— Негодяй!—прошепталъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ахъ, Митя, Митя, онъ ничего не жалѣетъ для меня,— вступилась за него Настя.—Отецъ Коли, конечно, не согласенъ, чтобы Коля женился на мнѣ, но Коля говоритъ, что старикъ правъ, что всѣ родные отъ нихъ отступятся, если Коля женится на мнѣ теперь... «Ты, говоритъ онъ мнѣ, Натали»...

— Съ чего это тебя величаютъ этимъ именемъ?—перебилъ ее Дмитрій Андреевичъ вопросомъ.

— Это такъ, случайно, — сказала Настя.—Видишь ли, голубчикъ, когда Коля первый разъ присталъ, то - есть увидалъ меня и спросилъ мое имя, я не хотѣла, чтобъ онъ зналъ, кто я, и сказала, что меня зовутъ Наташей... Онъ говоритъ: «какое прелестное имя, Натали»... Ну, такъ онъ и сталъ звать меня, а тамъ ужь мнѣ и совѣстно было сказать, что я солгала...

— Да вы, кажется, только и дѣлаете оба, что лжете другъ другу,—проговорилъ Орловъ.

Онъ поднялся съ мѣста.

— Митя, куда же ты? — спросила Настя. — Кофе не хочешь ли?

Онъ ничего не отвѣтилъ ей и проговорилъ:

— Дашу-то ты зачѣмъ губишь?

— Какъ гублю?—воскликнула Настя.—Она же замужъ выходитъ!

— За нелюбимаго человѣка, который и ее не любитъ.

— Да съ чего имъ не любить другъ друга?... Онъ—молодой, скромный, чиновникъ... И она—красавица... Мѣсто онъ черезъ нее получитъ... Тоже не вышелъ бы этотъ случай, не сладко бы ей было. Вонъ въ пріютѣ попечитель и староста церковный, трактирщикъ Соболевъ, ее сманивалъ въ содержанки къ себѣ... Такъ съ этимъ толстопузымъ купцомъ счастье бы было? А тамъ-то жить, въ горничныхъ или швеяхъ... Нѣтъ, ты, Митя, не знаешь этой жизни... Не сладка она нашей сестрѣ,—служи да работай на другихъ... Да ты что же торопишься?... Кофе не хочешь ли?...

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Орловъ.—Я домой иду...

— Ты не говори ничего, голубчикъ, тетѣ! — заволновалась Настя.—Она скандалъ подниметъ... Я боюсь... Коля тоже пуще всего этого не любитъ... Да мнѣ самой легче петлю, чѣмъ выносить эти скандалы...

Дмитрій Андреевичъ сухо успокоилъ ее.

— Ужь вѣдь какъ я изворачивалась и лгала, чтобы все это скрыть отъ тети,—говорила Настя.—Я тоже знаю ее! Не легко бы ей было, еслибъ она все, все знала...

Онъ не дослушалъ ее и ушелъ. Онъ даже не замѣтилъ, что она какъ будто что-то не договаривала, что въ ея словахъ слышалась затаенная горечь, что въ ея голосѣ были слезы. Онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы заглянуть поглубже въ ея душу. Его точно пришибло чѣмъ-то, точно ему нанесли тяжелое оскорбленіе. Онъ былъ золъ на весь міръ. Вечеромъ нужно было работать у князя и князь спросилъ его, что съ нимъ, увидавъ, что онъ и пожелтѣлъ, и осунулся. Дмитрій Андреевичъ коротко отвѣтилъ, что у него чисто семейныя непріятности. Князь вздохнулъ и замѣтилъ, что съ этими непріятностями не сразу свыкнешься, что нужны долгіе годы, чтобы научиться уходить отъ этихъ личныхъ печалей въ міръ общественной дѣятельности.

IV.

— Ну, что, голубчикъ, былъ ли ты у Насти?—спрашивала Марья Өедоровна у сына.

— Былъ,—отвѣтилъ онъ.

— Видѣлъ ее?

— Видѣлъ.

— Ну, что же?... Разсказывай, какъ она... Говорилъ ты ей?

— Мама, оставимте Настю въ покоѣ, — отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.—Помочь мы ей уже ничѣмъ не можемъ...

Марья Өедоровна всплеснула руками.

— Погибла, значитъ, совсѣмъ погибла!—проговорила она и заплакала.

— Этого нужно было ждать, — отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.—Другого-то исхода, пожалуй, и не могло быть...

— Что же дѣлать-то теперь, какъ спасти?

— Ничего не приходится теперь дѣлать. Потеряннаго не воротишь. Все, что бы мы ни сдѣлали теперь, вызоветъ только скандалъ и больше ничего...

Дмитрій Андреевичъ горько усмѣхнулся, вспомнивъ слова Насти о «скандалѣ».

— Она вонъ и сама это понимаетъ, и только объ одномъ и проситъ, чтобы не дѣлать скандала,—сказалъ онъ.—И она права. Жаловаться на обольстителя — что изъ этого выйдетъ? Взять ее силой въ свой домъ?... Но къ чему это поведетъ?—Она убѣжитъ отъ насъ и пойдетъ на что-нибудь худшее. Заставить ее теперь полюбить нашу жизнь мы уже не можемъ, если не съумѣли прежде этого сдѣлать. Ей здѣсь будетъ и тяжело, и скучно...

Марья Өедоровна тихо плакала.

— Я объ этомъ продумалъ всю ночь,—продолжалъ Дмитрій Андреевичъ,—и пришелъ къ заключенію, что намъ нечего дѣлать. Пусть будетъ, что будетъ...

— А Даша что? Ее-то хоть взять,—сказала Марья Өедоровна сквозь слезы.

— Дашу замужъ выдаютъ,—отвѣтилъ Орловъ.—Ну, и пусть выходитъ замужъ. Возьмемъ мы ее, но что ее ждетъ здѣсь?—Бѣдность и вѣчный трудъ. Усмотримъ ли мы за нею? Убѣдимъ ли ее, что она должна жить честно? Не сманитъ ли ее, какъ Настю, первый встрѣчный негодяй? Вонъ ее и въ пріютѣ уже сма-

нивалъ къ себѣ на содержаніе какой-то благодѣтель пріютскій, Соболевъ.

— Да, знаю я, знаю я этого стараго грѣховодника, трактиръ «Старый Китай» онъ содержитъ... Не одну дѣвушку сгубилъ, мерзавецъ,—сказала Марья Ѳедоровна. — А туда же на разные пріюты жертвуетъ, попечителемъ ихъ числится...

— Много ихъ такихъ! — замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ: — Вотъ отъ нихъ-то и не спасемъ мы Дашу, какъ не спасли Настю. Скучно ужь очень у насъ, неприглядна ужь очень жизнь-то наша,—ну, дѣвочки и соблазняются, какъ имъ пообѣщаютъ и шелковыхъ платьевъ, и развлеченій, и музыки... Мы вѣдь ничего, ничего не можемъ имъ обѣщать, кромѣ вѣчнаго труда да сидѣнья вотъ здѣсь, въ этомъ углу...

— Да вѣдь сидѣли же мы-то въ этомъ углу... Вонъ и я, слава Богу, вѣкъ честно прожила, и Аня, — сказала Марья Ѳедоровна.

— Воспитали васъ, мама, и Аню иначе. Характеры у васъ другіе были, — отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ. — Вы вонъ и замужъ рано вышли по страстной любви, а Аня... Сами вы знаете, что Аня всю себя семьѣ посвятила, для васъ да для меня жила... Такихъ самопожертвованій нельзя отъ каждаго требовать, не каждый способенъ на нихъ. Святые-то люди рѣдко родятся...

Марья Ѳедоровна вздохнула. Она никакъ не могла помириться съ мыслью, что ей такъ и не слѣдуетъ пальца о палецъ стукнуть для спасенія племянницъ. Въ ея головѣ опять возникли мысли о томъ, что на нее соседи пальцами указывать будутъ, скажутъ про нее: «хороша тетка, когда своихъ племянницъ бросила». Она сообщила эти опасенія сыну.

— Пусть говорятъ, пусть говорятъ!—отвѣтилъ онъ. — А вы ихъ спросите, что же вамъ дѣлать? Повѣрьте, никто не скажетъ, что дѣлать. Да и говорить-то много не станутъ. Даша выйдетъ замужъ, такъ тутъ и сплетничать будетъ не о чемъ, Настя же... Ну, про нее могутъ сплетничать, да тутъ вѣдь ужь пособить ничѣмъ нельзя. Дѣло сдѣлалось, значитъ—и конецъ...

Онъ говорилъ повидимому спокойно, но у него у самого все переворачивалось въ душѣ отъ сознанія, что онъ совершенно безсиленъ въ этомъ дѣлѣ, что онъ не можетъ спасти сестеръ, не можетъ «наказать» обольстителя Насти, что онъ долженъ, напротивъ того, желать скорѣйшаго совершенія брака Даши и даже радоваться такому благополучному исходу дѣла, такъ какъ все

могло бы кончиться и хуже. Ему было обидно и горько, что каждый его шагъ къ вмѣшательству въ это дѣло повелъ бы только къ еще болѣе дурнымъ послѣдствіямъ. Онъ обдумывалъ это дѣло со всѣхъ сторонъ и приходилъ къ одному заключенію, что въ его положеніи можно только «скандалъ сдѣлать». Объясненіе съ обольстителемъ Насти, насильное водвореніе ея въ семью, вмѣшательство въ предполагавшійся бракъ Дали, обращеніе къ суду—все это повело бы къ скандалу и ничего не поправило бы. «На дуэль развѣ выйти съ нимъ... Это ужь будетъ самый крупный скандалъ», съ горечью думалъ Орловъ и въ его душѣ поднимались желчь и злоба. Впервые въ жизни ему казалось, что онъ способенъ убить человѣка изъ-за угла, задушить его своими руками, раздавить, какъ гадину, и даже не покраснѣть, что онъ его убилъ, какъ разбойникъ. «Разбойниковъ только такъ и можно убивать,—думалось ему,—а эти люди хуже разбойниковъ; разбойникъ хоть подвергаетъ себя опасности, а они воруютъ чужую честь, губятъ чужую жизнь, зная, что они даже ничѣмъ не рискуютъ. Что мы, голь перекатная, судиться съ нимъ будемъ, что ли, чтобы все потерять и ничего не выиграть? Или драться на дуэли я стану, не умѣя ни стрѣлять, ни фехтовать?... Да и что изъ дуэли выйдетъ?—Онъ убьетъ меня,—его накажутъ легко, а у меня голодная семья останется; я его убью,—меня сошлютъ, куда Макаръ телятъ не гоняетъ, и за мною опять-таки останется та же голодная семья. Нѣтъ, нашъ братъ можетъ только изъ-за угла убивать этихъ мерзавцевъ,—убивать, не краснѣя, не мучаясь угрызеніями совѣсти, потому что они нападаютъ на насъ первые, и притомъ нападаютъ, какъ воры, какъ негодяи. Или и въ самомъ дѣлѣ, когда на васъ нападаетъ разбойникъ, вы должны сказать: «позвольте васъ, милостивый государь, вызвать за это на дуэль». Онъ былъ возбужденъ до послѣдней степени; нѣсколько дней онъ не могъ справиться съ собою.

Именно въ это-то время ему напомнили, что на слѣдующій день было назначено собраніе комитета у княгини Русовой. Дмитрій Андреевичъ былъ не въ духѣ, въ скверномъ, желчномъ настроеніи, но ѣхать было нужно. У него былъ уже окончательно составленъ проектъ предполагавшихся измѣненій въ уставѣ благотворительнаго общества княгини и онъ долженъ былъ прочитать этотъ проектъ. Большинство членовъ комитета уже было подготовлено къ предполагавшимся нововведеніямъ и было нечего опасаться, что проектъ новаго устава не будетъ принятъ; предстояло только

выдержать обычныя нападенія меньшинства на предложеніе, очень хорошо зная, что эти нападенія можно даже и не отражать. Комитетъ благотворительнаго общества княгини состоялъ изъ предсѣдательницы, четырнадцати членовъ и двухъ кандидатовъ въ члены комитета. Составъ былъ довольно великъ въ виду того, чтобы членамъ общества доставить больше шансовъ попасть въ комитетъ, то-есть сдѣлаться какою бы то ни было властью. Но заправляла комитетомъ, по обыкновенію всѣхъ комитетовъ, предсѣдательница со своими адептами, проводившими въ комитетъ все, что она захочетъ. Другіе члены комитета были «стадо барановъ», какъ иногда рѣзко выражалась про нихъ княгиня. Среди этого стада выдѣлялись особенно рѣзко только три члена: старикъ сенаторъ Митусъ, при каждыхъ выборахъ попадавшій въ комитетъ за свои оффиціальныя связи; такой же старикъ князь Горинъ, выбиравшійся въ комитеты изъ года въ годъ потому, что онъ былъ членомъ всѣхъ благотворительныхъ комитетовъ и безъ него точно чего-то недоставало въ комитетѣ; наконецъ, баронесса Гиршенцвейгъ, избиравшаяся въ комитетъ потому, что она была очень богата и всѣ, вполнѣ зная ея невообразимую жадность, все-таки ждали отъ нея щедрыхъ подачекъ на доброе дѣло, если ужъ не при жизни, то въ духовномъ завѣщаніи. Эти три члена составляли постоянно оппозицію въ комитетѣ. Митусъ смотрѣлъ на всѣ вопросы съ точки зрѣнія религіозной и ему всегда казалось, что въ каждомъ дѣлѣ, пожалуй, и все хорошо, но недостаточно благочестія. Когда выдавали бѣдному помощь, онъ протестовалъ, зачѣмъ выдаютъ помощь не къ празднику, такъ какъ въ праздникъ бѣднякъ могъ бы поставить свѣчку въ Божьемъ храмѣ; если кто-нибудь давалъ отчетъ о бѣдности просителя, Митусъ сердился, что не справились, бываетъ ли проситель у святаго причастія и знаютъ ли его дѣти главныя молитвы. Князь Горинъ протестовалъ потому, что, по его мнѣнію, у насъ въ благотворительныхъ обществахъ все идетъ дурно; но когда его спрашивали, какъ помочь бѣдѣ, онъ говорилъ, что онъ не знаетъ, но что все идетъ дурно. Кромѣ благотворительныхъ комитетовъ, князь засѣдалъ въ десяткахъ правительственныхъ комитетовъ, коммиссій и подкоммиссій и велъ себя точно такъ же и тамъ, стяжавъ себѣ названіе «Князь—дурно-дурно». Онъ обыкновенно пріѣзжалъ въ комитетъ раньше всѣхъ, послѣ самаго обѣда, и сладко дремалъ во время засѣданій, переваривая пищу; когда же обсуждавшійся вопросъ пускался на голосованіе, онъ пробуждался,

медленно надѣвалъ на носъ pince-nez, уставлялся оловянными глазами въ докладчика и начиналъ возражать, иногда вовсе не кстати, распространяясь вообще о дурномъ веденіи дѣла и сто разъ повторяя: «это дурно, очень дурно и все дурно». Баронесса Гиршенцвейгъ смотрѣла на все съ одной точки зрѣнія—со стороны денежной, и когда она возражала, можно было подумать, что она подъ столомъ дрожащей отъ испуга рукою зажимаетъ въ кулакъ свой кошелекъ, боясь, чтобъ у нея не спросили или не отняли денегъ. Она говорила осторожно, мягко и вкрадчиво, точно боясь, что за первую рѣзкость на нее нападутъ и ограбятъ ее. Всѣ члены комитета знали впередъ, что и какъ возразятъ эти люди на каждый вопросъ, и въ то же время всѣ знали впередъ, что эти возраженія не поведутъ ни къ чему. Сами члены вѣчной оппозиціи знали на практикѣ, что ихъ возраженія ни разу еще не были приняты во вниманіе. Но тѣмъ не менѣе они возражали и съ ними спорили, такъ что иногда выходили очень бурныя сцены, приводившія неизмѣнно къ одному результату: вопросъ голосовали и онъ рѣшался утвердительно, такъ какъ изъ пятнадцати голосовъ отрицательныхъ было три. Эта комедія разыгрывалась изъ году въ годъ, изъ засѣданія въ засѣданіе и къ ней такъ привыкли всѣ члены комитета, что имъ было странно, когда возраженій являлось только два, когда отрицательныхъ голосовъ была только пара. Всѣ начинали справляться, какъ это случилось, не произошло ли ошибки въ счетѣ, и успокоивались, видя, что въ засѣданіе не пріѣхали Митусъ или баронесса Гиршенцвейгъ. Князь Горинъ не пропускалъ ни одного засѣданія ни въ одномъ комитетѣ и иногда въ случаѣ отсутствія сенатора или баронессы говорилъ, что надо бы отложить вопросъ, такъ какъ не дурно бы выслушать, что скажетъ сенаторъ или баронесса. Онъ замѣчалъ въ этихъ случаяхъ, что вопросъ, можетъ-быть, рѣшился бы и въ другомъ смыслѣ, еслибъ они были въ засѣданіи. Орловъ, присмотрѣвшись къ комитетскимъ дѣламъ и порядкамъ, всегда подшучивалъ въ интимномъ кружкѣ комитета надъ этими тремя заговорщиками, какъ онъ называлъ князя, баронессу и Митуса, и въ шутку говорилъ, что они рѣшаютъ трудную задачу, желая доказать, что три больше двѣнадцати. Онъ зналъ, что они будутъ возражать и на его проектъ, представленный въ комитетъ отъ имени княгини Русовой, но, конечно, нисколько не боялся ихъ возраженій. Однако засѣданіе вышло противъ всякихъ ожиданій довольно бурнымъ и нападенія были

такого сорта, что именно ихъ-то и не ожидалъ Орловъ. Когда онъ прочелъ проектъ измѣненія устава, скромно заявивъ, что онъ является только выразителемъ желаній княгини Маріи Львовны и нѣкоторыхъ изъ уважаемыхъ членовъ комитета, князь Горинъ вдругъ встрепенулся, очнувшись отъ сна. Онъ вытянулся, какъ палка, на своемъ креслѣ, неторопливо надѣлъ на носъ pince-nez и пристально началъ всматриваться въ Орлова, точно до этого времени онъ никогда не видалъ этого секретаря комитета. Насмотрѣвшись на него вволю, онъ тряхнулъ головой, чтобы сбросить pince-nez и, не измѣняя своей деревянной позы, вдругъ произнесъ:

— Такъ вы думаете, что у насъ въ Россіи теперь все возможно дѣлать и коммуны даже можно устраивать?

Такой постановки вопроса со стороны «Князя—дурно-дурно» не ожидалъ никто и менѣе всего самъ Орловъ.

— Я не понимаю, на что вы изволите намекать, князь,— сухо отвѣтилъ Орловъ.—Тутъ дѣло идетъ о благотворительномъ обществѣ, а не о коммунѣ.

— И коммуны—тоже благотворительныя общества,—съ холодной насмѣшкой въ голосѣ сказалъ старикъ.—Какъ же не благотворительныя общества: все дѣлаютъ общимъ, всѣхъ одинаково содержатъ, всѣхъ одинаково обезпечиваютъ... Фурье еще объ этомъ писалъ, а у насъ за это петрашевцевъ на каторгу сослали.

Орловъ побдѣднѣлъ, но сдержалъ вспышку раздраженія и обратился къ членамъ комитета:

— Въ проектѣ, написанномъ мною по порученію княгини Маріи Львовны и нѣкоторыхъ изъ нашихъ почтенныхъ сочленовъ, предлагается нашему обществу расширить дѣятельность. Теперь мы хлопочемъ и кланяемся, чтобы нашихъ бѣдняковъ принимали въ богадѣльни, допускаемыя правительствомъ; въ проектѣ предлагается устроить свою богадѣльню. Теперь мы даемъ бѣднякамъ рубли, чтобъ эти бѣдняки могли прокормиться; въ проектѣ предлагается устроить кухмистерскую для удешевленія пищи бѣдняковъ, что, конечно, разрѣшается не только нашимъ, но и всякимъ, даже самымъ ретроградным, правительствомъ. Теперь мы не знаемъ, въ какую школу, въ какой пріютъ помѣстить ребятъ бѣдняковъ; въ проектѣ предлагается основать свою школу, полагая, что правительство никогда и ничего не имѣло ни противъ школъ, ни противъ грамотности. Теперь бѣдняки ходятъ и ищутъ

работы; въ проектѣ предлагается членамъ нашего общества, имѣющимъ связи, добывать заказы этимъ бѣднякамъ, и, кажется, никто не увидитъ ничего преступнаго въ томъ, что какая-нибудь больница отдастъ именно намъ подрядъ на шитье больничныхъ халатовъ и колпаковъ. Нашъ уважаемый сочленъ, князь Василій Васильевичъ Горинъ, усматриваетъ въ этомъ коммунизмъ, даже предполагаетъ, что за это всѣхъ насъ, съ княгиней Маріей Львовной во главѣ, стоитъ сослать въ Сибирь; но я съ своей стороны смѣю увѣрить его, что такой же коммунизмъ существуетъ въ каждой богадѣльнѣ, въ каждой больницѣ, въ каждой школѣ, въ каждой мастерской и, слава Богу, почтенные основатели этихъ учрежденій еще не попали на каторгу.

— Потому что то—благотворительныя заведенія, а тутъ предлагается коммуна,— невозмутимо сказалъ князь Горинъ, смотря широко открытыми, оловянными глазами въ упоръ на Орлова.— Конечно, въ настоящее время многіе думаютъ, что въ Россіи все возможно, все дозволительно...

— Да я не понимаю, о чемъ тутъ споръ!—горячо перебила его княгиня Русова, ровно ничего не знавшая о коммунизмѣ.— Ну, это—коммунизмъ, и прекрасно, если имъ можно спасти сотни людей отъ нищеты, паденія и невѣжества. Что мнѣ за дѣло до названій, до средствъ...

— Да, да, цѣль оправдываетъ средства,— вставилъ князь Горинъ.—Такъ можно и убійства оправдывать, и грабежъ. У іезуитовъ такъ и говорится прямо въ ихъ книгахъ; что для достиженія извѣстныхъ цѣлей можно и убивать...

— Тутъ дѣло не объ убійствахъ идетъ, а о помощи бѣднымъ!—еще болѣе вспылила княгиня.

Орловъ спокойнымъ и ровнымъ тономъ вмѣшался въ споръ.

— Я въ сущности не совсѣмъ хорошо понимаю, чего собственно боится князь: того ли, что намъ не разрѣшатъ новаго устава, или того, что мы погубимъ всѣхъ этихъ бѣдняковъ? Если опасаются за первое, то не преждевременно ли предрѣшать вопросъ, какъ взглянетъ на это дѣло правительство, и не безтактно ли съ нашей стороны намъ самимъ высказывать опасенія, которыя можетъ-быть и не вздумаетъ высказать правительство.

— Да, я думаю, намъ даже неприлично компрометировать себя представленіемъ подобнаго устава,—сказалъ князь.

Орловъ, не слушая его и не возражая ему, продолжалъ:

— Если же опасаются за второе, то я желалъ бы знать, чѣмъ повредимъ мы бѣднымъ людямъ, давъ имъ теплый уголъ, кусокъ хлѣба, работу, возможность учить дѣтей?

— Ахъ, Боже мой, да это вопросъ рѣшенный, что надо хлопотать о разрѣшеніи новаго устава, — рѣзко сказала княгиня, — иначе мы вѣчно будемъ вертѣться въ какомъ-то бѣличьемъ колесѣ, безъ смысла и безъ цѣли! Самъ князь вѣчно жалуется, что дѣла въ нашихъ благотворительныхъ обществахъ идутъ дурно, дурно.

— И еще разъ повторю, что они идутъ дурно, дурно, очень дурно! — сказалъ князь.

— Ну, такъ мы и хотимъ, чтобъ они шли лучше, мы и предлагаемъ исходъ.

— Только не такими средствами надо поправить дѣла...

— А какими же... Ну, посовѣтуйте!

— Я не знаю, какими. Это не мое дѣло. Я только могу засвидѣтельствовать, что дѣла идутъ дурно, очень дурно...

— Ахъ, это и безъ васъ всѣ знаютъ!—запальчиво сказала княгиня.

— И я утверждаю, что этими средствами нельзя поправить дѣла, — невозмутимо закончилъ князь.

— А вотъ мы увидимъ это!—сказала княгиня.

Князь Горинъ пожалъ плечами и заявилъ, что онъ остается при своемъ мнѣніи, видитъ въ новомъ проектѣ желаніе устроить коммуну и никогда не подпишется подъ прошеніемъ разрѣшить новый уставъ.

— Но позвольте вамъ предложить одинъ, одинъ только маленькій вопросъ,—слащавымъ, точно испуганнымъ голосомъ заговорила баронесса Гиршельцвейгъ. — Сколько будетъ долженъ вносить каждый членъ въ общество при новомъ уставѣ? Это очень, очень важный вопросъ.

— Членскій взносъ, баронесса, остается прежнимъ, — отвѣтилъ Орловъ. — Наши карманы не пострадаютъ ни на грошъ.

— Ахъ, благодарю, благодарю! — радостно произнесла баронесса, дѣлая сладкую улыбку. — Такіе большіе расходы и прежній членскій взносъ — это прекрасный, прекрасный проектъ, такъ какъ мы должны дѣйствовать экономично.

— О, баронесса, подождите, тутъ много еще будетъ экономіи,—съ улыбкой сказалъ Орловъ.—Мы магазинъ дамскихъ на-

рядовъ еще устроимъ при нашей коммунѣ и будемъ брать за работы дешевле всѣхъ модистокъ.

— Ахъ, это очень, очень важно!—серьезно согласилась баронесса.—Значитъ, у насъ все тутъ и шить будутъ по дешевой цѣнѣ?

— Да, по самой дешевой цѣнѣ и матерій не будутъ воровать, такъ какъ наши дамы-патронессы сами будутъ наблюдать за всѣмъ...

— Это же удивительно хорошо придумано, князь!—обратилась баронесса къ князю Горину, совершенно неожиданно выступая защитницей новаго проекта.

— Да кто вамъ разрѣшитъ этотъ уставъ, кто? — сказалъ князь.

— Отчего же? Если намъ будетъ такъ выгодно? Прежній взносъ и платья будемъ дома шить, своихъ модистокъ дома имѣть будемъ...

— Да я же вамъ говорю, что это—коммуна и этого никогда не разрѣшатъ...

— Но если это выгодно для насъ? Такъ какъ же это не разрѣшить?

Князь началъ тихо разъяснять баронессѣ значеніе и опасность коммунъ, говоря о Фурье и сорокъ восьмомъ годѣ. Баронесса слушала, моргая глазами и съ совершенно тупымъ выраженіемъ лица повторяла вмѣсто возраженія:

— Но если это намъ выгодно?

Князь только пожималъ плечами.

Между тѣмъ выступилъ со своими возраженіями и Митусъ. Этотъ вѣчно безмолвный, вѣчно смотрящій изъ-подлобья, волкомъ, старикъ, объявилъ коротко и рѣзко, что все же это просто разрушеніе семьи.

— Коммуна это или что другое, это все равно,—проговорилъ онъ.—Но мы разрушаемъ семью.

Всѣ обернулись въ недоумѣніи въ его сторону.

— Ну да,—шамкая и шипя, заговорилъ онъ,—всѣ будутъ жить вмѣстѣ, дѣти будутъ не при матеряхъ, а въ школѣ, распоряжаться дѣтьми будемъ мы, а не матери. Семья разрушится. Дѣти только тогда и выростаютъ скромными и благочестивыми, когда растутъ подъ родительскимъ надзоромъ, въ своей семьѣ, принимая благія наставленія и смотря на хорошіе примѣры....

— Какъ развратничаютъ ихъ матери и какъ пьянствуютъ ихъ отцы,—рѣзко закончилъ Орловъ, впадая въ тонъ рѣчи Митуса.—Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, вы говорите такъ потому, что вы не знаете, да и не могли, вѣроятно, знать, что такое семья бѣдняковъ, семья голодная и холодная, семья скорѣе похожая на адъ, чѣмъ на какой-то мирный уголокъ рая. Вырвать ребенка изъ этой семьи это не только значитъ спасти его отъ тысячъ дурныхъ примѣровъ, отъ массы горькихъ непріятностей, отъ ряда возмутительныхъ несправедливостей,—нѣтъ, это значитъ дать ребенку возможность не возненавидѣть свою семью, не проклинать ее.

— Хороши дѣти, которыя ненавидятъ и проклинаютъ своихъ родителей!—вставилъ свое слово Митусъ.

— Не хороши, вполнѣ согласенъ; но, къ несчастію, именно такими выходятъ дѣти бѣдняковъ. Это—фактъ, который видятъ тѣ, кто знаетъ эту среду. Вы, ваше превосходительство, высказали мнѣніе, не основанное на опытѣ или наблюденіи, а я вамъ высказываю мнѣніе, основанное на личномъ опытѣ, на личныхъ наблюденіяхъ. Я самъ сынъ бѣдняковъ!

— И ненавидите своихъ родителей?—спросилъ Митусъ.

— По счастію, я сынъ добрыхъ и честныхъ бѣдняковъ,—съ достоинствомъ отвѣтилъ Орловъ, — и потому я принадлежу къ числу немногихъ, спасшихся отъ нравственной гибели. Я, ваше превосходительство, такъ глубоко люблю своихъ отца и мать, какъ дай Богъ, чтобы дѣти вашего круга любили своихъ отцовъ и матерей... Но, въ качествѣ бѣдняка, я видѣлъ близко тѣ семейные вертепы, тѣ притоны пороковъ и разврата, гдѣ нравственно гибнутъ дѣти. Вообще, я долженъ сказать, что весь этотъ проектъ новаго устава нашего общества былъ отчасти слѣдствіемъ и моего личнаго опыта, и моихъ разсказовъ въ кругу нашихъ членовъ о жизни бѣдняковъ: у меня слишкомъ много наболѣвшихъ ранъ въ душѣ и потому я хотѣлъ, я страстно желалъ сдѣлать хоть что-нибудь, чтобъ избавить другихъ отъ тѣхъ невзгодъ, которыя я вынесъ самъ. Въ моемъ лицѣ вы видите бѣдняка, который пришелъ къ вамъ, какъ къ добрымъ и честнымъ людямъ, строго держащимся евангельской заповѣди о томъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва, и этотъ бѣднякъ говоритъ откровенно все, въ чемъ онъ нуждается, чѣмъ ему можно помочь, какія страданія можно ему облегчить. Отъ васъ зависитъ, бросить ли этотъ проектъ устава въ каминъ или сдѣлать еще одну попытку

протянуть руку помощи бѣднякамъ. И вѣрьте мнѣ, что прочно и разумно организованная помощь бѣднымъ людямъ не грозитъ ни правительству, ни нравственности. Люди дѣлаются преступниками чаще всего потому, что у нихъ нѣтъ ни крова, ни хлѣба, ни труда, ни умѣнья трудиться, ни нравственныхъ и просвѣщенныхъ руководителей. Устранить хоть часть этихъ бѣдствій значитъ устранить и часть пороковъ и преступленій, и ужъ, конечно, руководимые нами, спасенные нами бѣдняки искренне помолятся за тѣхъ, кто далъ имъ возможность стать нравственными и честными тружениками. Я не знаю, примете ли вы новый проектъ...

— Да, да! Это же рѣшенный вопросъ!—вдругъ заволновались дамы.—Хлопотать объ утвержденіи новаго устава! Нанять квартиру!.. Учительницу подыскать...

Комитетъ пришелъ въ волненіе. Никто уже не хотѣлъ слушать возраженій. Княгиня съ разгорѣвшимся лицомъ пожимала руки присутствующихъ.

— Il est charmant!—шепнулъ ей кто-то.

— Какая горячность, какой ораторскій талантъ!—говорили въ другомъ концѣ.—Это что-то въ родѣ проповѣдника-апостола!

— Да, этотъ мальчикъ должно-быть человѣкъ святой жизни,—серьезно сказала одна старуха, обращаясь къ Митусу.—У него и лицо такое—худой, блѣдный, только щеки горятъ... Что-жъ, Господь и устами младенцевъ можетъ проявлять свою волю...

Митусъ серьезно всматривался изъ подлобья въ Орлова, точно желая прочесть въ его душѣ, благочестивъ онъ или не благочестивъ.

Кто-то сравнилъ Орлова даже съ древними христіанами, проповѣдовавшими любовь и братство. Одинъ князь Горинъ не забылъ въ этой суматохѣ своихъ обязанностей и громко спросилъ присутствующихъ:

— На чемъ же мы остановимся? На вопросѣ объ уставѣ: представлять его на общее собраніе или нѣтъ?

— Да, да, представлять! Оно приметъ!—говорили голоса.

— Что такое общее собраніе?—Это мы же!—сказала княгиня Русова.—Точно общее собраніе можетъ противорѣчить!

— Но мы еще не голосовали вопроса,—сказалъ князь Горинъ.

— Нанять помѣщеніе и открыть школу,—сказалъ кто-то.

— Какъ, безъ разрѣшенія новаго устава?

— Ахъ, его разрѣшатъ!

Орловъ поднялся съ мѣста и заявилъ, что нужно голосовать вопросъ: представлять ли общему собранію проектъ устава? Голосованіе было кончено и отвѣтъ получился утвердительный и, къ удивленію всѣхъ членовъ, противъ большинства былъ только одинъ голосъ. Митусъ и баронесса впервые измѣнили князю Горину.

— Но я слышу голоса о наймѣ помѣщенія, объ открытіи школы до разрѣшенія новаго устава: это—противозаконно и я долженъ буду сложить съ себя званіе члена комитета,—сказалъ князь Горинъ, вставая.

— Ну, и прекрасно!—сказала княгиня.—Откладывать дѣло все-таки мы не будемъ...

— Я съ вами желалъ бы какъ-нибудь поговорить о вопросахъ религіи,—сказалъ Митусъ, подходя къ Орлову и дотронувшись до его плеча.

— Я всегда готовъ, ваше превосходительство, къ вашимъ услугамъ,—сказалъ Орловъ.

— Если вы надѣетесь, что мы при новомъ уставѣ можемъ воспитывать бѣдняковъ въ духѣ православія, то, конечно, вашъ уставъ великое дѣло, дѣло благочестія,—продолжалъ Митусъ.— Въ виду этого я рѣшился содѣйствовать принятію вашего проекта. Но намъ надо будетъ серьезно поговорить объ этомъ. Я не потерплю, чтобы при новомъ устройствѣ нашего общества была забыта главная цѣль нашихъ стремленій—воспитаніе богобоязненныхъ, благочестивыхъ христіанъ.

Онъ протянулъ два пальца Орлову. Орловъ пожалъ эти пальцы, вѣжливо откланявшись съ уходившимъ сенаторомъ.

— Князь говорилъ о коммунизмѣ,—сказалъ Митусъ.—Но это пустяки. Коммуны бываютъ разныя. Монастырь—тоже община. Дѣло все не въ этой формѣ, а въ благочестіи. Я не согласенъ съ княземъ относительно коммунизма, потому что коммунизмы бываютъ разные...

Онъ медленно удалялся, продолжая разговоръ уже съ самимъ собой.

Члены комитета стали между тѣмъ мало-по-малу разъѣзжаться. Княгиня Русова горячо пожала Орлову руку и прошептала:

— Останьтесь!

Его поразилъ этотъ странный шепотъ, взволнованный, страстный. Ея лицо горѣло. Онъ еще не успѣлъ опомниться, когда

она подошла къ нему снова, взяла его руку и крѣпко сжала ее. Они были одни.

— Пройдемте ко мнѣ,—тихо сказала она и направилась изъ гостиной въ свой маленькій кабинетъ, весь обитый малиновымъ бархатомъ и коврами.—Я просто схожу съ ума,—продолжала она въ волненіи, опускаясь на кушетку и продолжая держать его руку.—Я думала, что все давно замерло, застыло во мнѣ, и вдругъ снова все проснулось, все ожило...

Она вдругъ закрыла лицо руками.

— О, какъ я несчастна, какъ я несчастна среди этихъ людей, еслибы кто это зналъ!—воскликнула она въ волненіи.—Я вѣчно одна и одна въ этой пустой и пошлой толпѣ. Я стараюсь обмануть себя этой лихорадкой пустыхъ развлеченій и ненужной филантропіей. Я стремлюсь скрыть подъ маской веселости и оживленія томительную пустоту, разочарованіе, скуку...

Она, казалось, плакала. Онъ опустился около нея и взялъ ея руку.

— Полноте, полноте, дорогая!—задушевно проговорилъ онъ, смущенный ея горемъ.—Какъ вы взволновались! Это я разстроилъ ваши нервы...

— Да, да, ты, потому что я только теперь поняла, узнавъ тебя, что за люди окружаютъ меня... Я не могу теперь хладнокровно смотрѣть на нихъ,—такъ гадки кажутся мнѣ они!—порывисто воскликнула она.—Знаешь ли ты, что я иногда просто готова бѣжать отсюда... Но куда? Что дѣлать? Гдѣ искать людей?... О, я просто схожу съ ума...

Она припала къ нему. Онъ забылъ все на свѣтѣ и покрывалъ поцѣлуями ея руки, ея лицо.

— Милый мой, милый, ты любишь меня?—прошептала она.—Да, я знаю это... Я сама люблю тебя, давно люблю...

Онъ не могъ говорить. У него перехватило горло. Онъ былъ блѣденъ, но его глаза горѣли. Это была первая женщина, сказавшая ему: люблю. Онъ эту женщину боготворилъ до этой минуты. Но ему никогда и въ голову не приходило, что онъ когда-нибудь будетъ обладать ею. Теперь она сама сказала ему, что она его любитъ, она сама сжала его въ объятіяхъ. Онъ опьянѣлъ отъ счастья, отъ восторга. Всѣ непріятности, всѣ огорченія послѣднихъ дней, такъ сильно возбудившія его нервы, теперь отхлынули куда-то далеко и онъ съ какой-то болѣзненной, горячечной страстностью отдался внезапно охватившему его счастью.

Княгиня никогда не думала, что въ человѣкѣ можетъ быть столько страстности, сколько было въ этомъ человѣкѣ. Ей было и хорошо, и жутко. Она даже и не подозрѣвала, что передъ ней стоитъ юноша, еще никогда не испытавшій чувства любви, еще никогда не ощущавшій на своихъ губахъ поцѣлуевъ влюбленной женщины, и она чувствовала только, съ какой жадностью онъ ловитъ эти поцѣлуи. Въ ея душѣ вдругъ проснулось невольное чувство какого-то смутнаго страха, точно она была глазъ на глазъ съ безумнымъ сумасбродомъ, готовымъ на все, съ которымъ опасно играть въ любовь, повѣсничать отъ скуки. По ней пробѣжала дрожь и она первая вспомнила о времени.

— Милый, пора... иди... уже поздно!—тихо, упавшимъ голосомъ, сказала она.

— Ты меня гонишь?—спросилъ онъ, цѣлуя ее.

— Нѣтъ... Но люди... Иди... иди!—сказала она.

Она еще разъ быстро обняла его и поднялась съ мѣста. Онъ вышелъ отъ нея, ничего не помня, ничего не сознавая, еще вполнѣ счастливый, весь сіяющій. Онъ спускался по слабо освѣщенной лѣстницѣ, ничего не видя передъ собою, едва не спотыкаясь на ступеняхъ, почти не чувствуя, что онъ касается ихъ. У него кружилась голова, кругомъ него носился какой-то туманъ.

— А, ты только-что возвращаешься отъ насъ!—неожиданно окликнулъ его знакомый голосъ.

Передъ нимъ стоялъ князь Александръ, розовый, повидимому, безпечный, должно-быть подгулявшій на пріятельской пирушкѣ. Отъ него пахло духами и виномъ. Его роскошные волосы падали ему на разгорѣвшееся, прелестное лицо, напоминавшее скорѣе лицо дѣвочки, чѣмъ лицо молодаго человѣка.

— Вѣчно занятія, все занятія,—какъ тебѣ не надоѣстъ играть эту роль?—смѣялся князь.—Когда же жить-то начнешь? Опять съ рара трудились надъ великимъ вопросомъ объ освобожденіи милліоновъ рабовъ? О, громкія фразы! И безъ васъ эти милліоны рабовъ освободятся! Жить надо самимъ—вотъ что важнѣе всего!

Князь Александръ смѣялся, прислонившись спиною къ периламъ лѣстницы и смотря на Орлова насмѣшливыми глазами. Орловъ застылъ на мѣстѣ и стоялъ передъ княземъ молча, точно совершенно не понимая, что ему говорятъ.

— Впрочемъ, рара такъ забралъ тебя въ руки, что ты, кажется, думаешь его головой и говоришь его словами,—продол-

жалъ съ ироніей Русовъ.—Великая планета и ея маленькій спутникъ! Я васъ иначе не называю.

Орловъ вдругъ какъ будто очнулся.

— Зачѣмъ ты смѣешься надъ отцомъ?—тихо, тономъ упрека, сказалъ онъ, точно безсознательно, точно въ полуснѣ.

— О, пожалуйста, безъ нравоученій! — проговорилъ князь Александръ.—Онъ первый началъ смѣяться надо мною... Впрочемъ, что же говорить объ этомъ съ тобой! Я вѣдь знаю, что ты благоговѣешь передъ старикомъ. Еще бы, еще бы, вѣдь недаромъ же онъ тебя ставитъ мнѣ въ примѣръ и говоритъ о вашемъ духовномъ родствѣ.

Орловъ въ смущеніи опустилъ голову, какъ будто ему бросили въ лицо вполнѣ заслуженное оскорбленіе, и, не говоря ни слова, медленно сталъ спускаться съ лѣстницы. Какая-то горечь начинала подниматься въ его душѣ, къ горлу подступали слезы.

— Вотъ подожди, завтра будутъ мнѣ ставить тебя въ примѣръ, указывать, какъ долго и усердно ты работаешь на пользу общества,—продолжалъ князь Александръ.—А я...

Орловъ, какъ ужаленный, вдругъ быстро обернулся, чего-то испугавшись, и поспѣшно глухимъ, обрывающимся голосомъ сказалъ:

— Ты ошибаешься... Я... я не работалъ... у князя сегодня... У насъ комитетъ былъ... Я у твоей матери... Ты знаешь, я членъ комитета...

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по лѣстницѣ и прошепталъ съ тоской:

— Господи, что же это такое!... Что я надѣлалъ?...

Онъ торопливо дошелъ до швейцарской, накинулъ кое-какъ шинель и вышелъ, какъ разбитый, почти шатаясь. Въ его головѣ теперь была одна мысль, звучало одно слово: «негодяй!» Вспышки страстнаго увлеченія, животной страсти какъ не бывало; теперь работала только голова; въ душѣ было одно сознаніе, что онъ обманулъ довѣріе стараго князя, что онъ постыдно отплатилъ за всю доброту князя, что этотъ полупьяный сынъ князя завтра можетъ смутить мать своимъ разсказомъ о поздней встрѣчѣ съ нимъ, съ Орловымъ, и навести князя на неловкіе вопросы. Такой душевной пытки онъ еще не испытывалъ никогда. До сихъ поръ онъ иногда выносилъ униженія отъ постороннихъ людей, теперь онъ самъ унизилъ, забрызгалъ себя грязью въ своихъ собственныхъ глазахъ. Онъ презиралъ себя въ эту

минуту. Онъ вспоминалъ мелкія подробности недавней сцены и не могъ припомнить ихъ ясно и отчетливо. Въ его головѣ теперь все путалось. Онъ вспомнилъ, что княгиня плакала и жаловалась на судьбу. Она изливала передъ нимъ душу, какъ передъ другомъ, какъ передъ сыномъ. Это было чистое, святое чувство довѣрія къ человѣку, выросшему на ея глазахъ. Иначе не могло быть. Она всегда относилась къ нему какъ мать. Она сдерживала его порывы, когда онъ еще мальчикомъ относился къ ней слишкомъ страстно; тогда онъ, конечно, не сознавалъ, что въ этомъ страстномъ отношеніи его къ ней проявлялись первые, еще не выяснившіеся для него самого, животные инстинкты, но она какъ будто угадывала это и останавливала его мягко, но твердо. Она и теперь заговорила съ нимъ какъ мать, какъ сестра. Вѣдь ей не съ кѣмъ подѣлиться горемъ; она не любима мужемъ, она видитъ пустоту своего сына, она сознаетъ, какіе пошлые люди окружаютъ ее. А какъ отвѣтилъ на ея довѣріе, на ея ласку онъ, Орловъ? Животное проснулось и убило въ немъ человѣка. Стоило ей только сказать, что она любитъ его, чтобъ онъ забылъ, что передъ нимъ стоитъ женщина, заботившаяся о немъ какъ мать, любившая его какъ мать, и онъ насильно превратилъ ее въ свою любовницу. Онъ заставилъ ее пасть своею необузданною страстью, своимъ безумнымъ опьяненіемъ. Онъ помнитъ выраженіе мольбы и страха на ея лицѣ. Еще бы: передъ ней стоялъ впервые во всей своей разнузданности дикарь, звѣрь, безумецъ, деспотъ, но не любящій человѣкъ. И развѣ она можетъ повѣрить, что онъ ее любитъ? Развѣ онъ можетъ любить ее? Ей сорокъ лѣтъ, а онъ чуть не мальчикъ. Нѣтъ, это не любовь, это—животная страсть. Еслибъ его заставили теперь вернуться къ этой женщинѣ, онъ только опустилъ бы со стыдомъ передъ нею голову... А князь? Какъ онъ, Орловъ, взглянетъ теперь въ глаза князю? Обманывать, притворяться, лгать надо, и если князь узнаетъ все, надо будетъ сказать: «я запятналъ вашу честь не потому, что я страстно люблю вашу жену, а потому, что она первая подвернулась мнѣ подъ руку, и я, какъ фатъ, какъ хлыщъ, не остановился передъ вопросомъ о чужой чести»... И вдругъ въ его головѣ зароились желчные упреки себѣ за то, что онъ стремится блестѣть въ обществѣ, старается рисоваться, бьетъ на эффектъ. Онъ вспоминалъ всѣ подробности изъ своего прошлаго, изъ бесѣдъ въ кругу товарищей, изъ разглагольствованій въ комитетѣ, и старался съ болѣзненнымъ озлобленіемъ уло-

вить вездѣ признаки рисовки, и только рисовки. Каждое его стихотвореніе казалось ему теперь только плодомъ желанія порисоваться, поднять на пьедесталикъ свое *я*, заявить о себѣ, о своихъ гражданскихъ доблестяхъ, о своихъ великихъ стремленіяхъ. Ему точно было легче, когда онъ разбивалъ самого себя, разоблачалъ всю ложь и фальшь въ своемъ поведеніи.

«Тоже стыдно Настей быть, хочу, чтобы Натали называли,—промелькнуло въ его головѣ и его лицо искривилось ироническою улыбкой.—Публичный мужчина!»

Онъ съ трудомъ добрался домой, бросился на постель и расплакался, какъ слабый ребенокъ, какъ истеричная женщина.

Когда онъ всталъ по утру, его трудно было узнать: онъ осунулся, пожелтѣлъ, глаза ввалились. Казалось, что онъ перенесъ продолжительную и опасную болѣзнь. Марья Ѳедоровна испугалась и начала его расспрашивать. Но онъ коротко замѣтилъ ей, что онъ усталъ, и просилъ не тревожить его, такъ какъ онъ хочетъ пролежать денекъ дома. Онъ замкнулся въ своей комнатѣ, обдумывая, что дѣлать. Ему хотѣлось во всемъ сознаться князю, предложить князю какое угодно удовлетвореніе, уѣхать изъ Петербурга, покончить съ собою, написать княгинѣ, что онъ негодяй, воспользовавшійся гнусно ея минутной слабостью и беззащитностью. Все это были тѣ молодыя вспышки, которыя разбиваются тотчасъ же здравымъ смысломъ, не поправляютъ дѣла и не вносятъ въ душу спокойствія. Десятки составленныхъ имъ плановъ оказались никуда негодными; десятки начатыхъ писемъ къ княгинѣ и къ князю были разорваны. На душѣ же было все такъ же скверно, такъ же мрачно. Дмитрій Андреевичъ, измученный всей этой душевною тревогой, ослабѣвшій физически, пролежалъ дома вплоть до вечера, когда ему принесли записку отъ княгини. Въ запискѣ была только пара строкъ:

«Приходи завтра. Сегодня у меня скучные гости. Завтра я одна весь вечеръ».

Вмѣсто подписи были двѣ буквы—«М. Р.». Дмитрій Андреевичъ читалъ и перечитывалъ эти строки и ничего не понималъ. Что это—продолженіе тяжелаго сна, болѣзненный бредъ? Она проситъ его не приходить сегодня, такъ какъ у нея скучные гости? Она зоветъ его къ себѣ завтра, потому что она будетъ одна? Она не упрекаетъ его, не обвиняетъ? Она—безгранично добрая женщина, она простила его?... Нѣтъ, нѣтъ, такіе проступки не прощаются, не прощаются по крайней мѣрѣ на другой день послѣ

ихъ совершенія! Значитъ, онъ увлекъ ее, обманулъ своею страстью, заставилъ ее думать, что это истинная любовь? О, этого еще не доставало!... Онъ ходилъ по комнатѣ, онъ потиралъ себѣ лобъ, точно что-то давило ему голову. Гдѣ же теперь исходъ? Положеніе запуталось еще болѣе, вопросъ становился еще сложнѣе.

Наконецъ Орловъ не выдержалъ и вышелъ изъ дому. Онъ шелъ скорыми шагами и съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица по направленію къ жилищу Лампадова.

— Дядя, мнѣ нужно переговорить съ вами! —скороговоркой сказалъ онъ, входя къ старику и торопливо пожимая его руку.

— Что съ тобой? Несчастіе случилось? Ты на себя не похожъ,—спросилъ испуганно и тревожно старикъ.

— Слушайте, — отвѣчалъ Дмитрій Андреевичъ. — Я, какъ послѣдній негодяй, обманулъ довѣріе князя Александра Владиміровича...

Старикъ широко открылъ глаза. Дмитрій Андреевичъ началъ съ лихорадочною поспѣшностью разсказывать происшедшее. Старикъ слушалъ молча, опустивъ при первыхъ же словахъ молодаго человѣка голову на грудь. Когда Орловъ кончилъ, Лампадовъ покачалъ головой и со вздохомъ пробормоталъ:

— Нашла кого выбрать въ любовники, чуть не ребенка!

— О, нѣтъ, нѣтъ, дядя, тутъ я одинъ виноватъ!—съ жаромъ воскликнулъ Орловъ. — Это была грубая неожиданность, это было насиліе... Я, какъ послѣдній мерзавецъ, воспользовался...

— Что ты мнѣ говоришь!—сердито прервалъ его старикъ.— Двадцатый любовникъ—вотъ и все! Ихъ мѣняютъ какъ старые корсеты. Ихъ держатъ при себѣ въ резервѣ и на смѣну, а онъ толкуетъ о насиліи. Двадцатый разъ совершается это насиліе въ ея будуарѣ... Бѣдный князь, бѣдный князь!

Дмитрій Андреевичъ стоялъ какъ пораженный громомъ.

— Нужно стоять на такой нравственной высотѣ, на какой стоитъ онъ, чтобы сохранять внѣшнее спокойствіе и относиться съ холодною вѣжливостью къ такой женѣ, какъ она, — продолжалъ Лампадовъ. — Не прошло и года ихъ супружеской жизни, какъ у нея уже былъ любовникъ. Это была случайная, мимолетная связь легкомысленной женщины, но отъ этой связи родился старшій сынъ князя. Князь узналъ объ этомъ случайно. Ему стоило выгнать ее съ ребенкомъ и она была бы опозорена. Его слишкомъ уважаютъ въ свѣтѣ, чтобы не принять его сто-

роны. Но онъ простилъ ее и попробовалъ забыть все. Но это было только началомъ цѣлаго ряда паденій. Тогда онъ порвалъ съ ней супружескія отношенія, но онъ уже не рѣшился сдѣлать несчастными дѣтей, покрывъ позоромъ ихъ мать. А ты толкуешь о насиліи!... Вчера былъ ты, сегодня приглашенъ другой, можетъ-быть о тебѣ же говорятъ, смѣются надъ неопытнымъ мальчишкой...

Орловъ сидѣлъ на креслѣ, опустивъ голову на руки, и чувствовалъ, что его душатъ слезы. Старикъ услышалъ его всхлипыванье и подошелъ къ нему.

— Полно, выпей воды,—сказалъ онъ, подавая племяннику стаканъ съ водой.

— Ни-чего, ни-чего!—проговорилъ съ конвульсивною улыбкой Орловъ.—Значитъ... комедію играли, дурачокъ попался...

Онъ и плакалъ, и хохоталъ. Нервы не выдержали и истерическій припадокъ повторился опять. Старикъ Лампадовъ, какъ могъ, успокоилъ его.

— Вотъ причина той холодности между ними, которую ты подмѣтилъ когда-то, спрашивая меня, почему князь содержитъ любовницу,—говорилъ старикъ, когда Орловъ немного успокоился.—Это не любовница, а честная женщина, вторая жена князя, преданная ему, любящая его. Онъ счастливъ только въ той семьѣ. Къ несчастію, и тамъ у него теперь горе. У него умерло въ эти годы двое дѣтей, а теперь сама Анна Андреевна Андронова все прихварываетъ... Я вѣдь у нея свой человѣкъ и вижу, какъ она таетъ... Ей бы нужно ѣхать за границу, но она никогда не рѣшится оставить князя. Ему же, ты знаешь, нельзя теперь, въ такое время, бросить дѣла... Хоть бы скорѣе покончили этотъ крестьянскій вопросъ...

Дмитрій Андреевичъ почти не слушалъ старика и въ волненіи ходилъ по комнатѣ. Онъ терялъ голову, не зная, что ему дѣлать дальше. До этой минуты онъ, какъ мальчикъ, какъ юноша, обожалъ княгиню за ея доброту, за ея ласки, за ея несчастія. Его обожаніе разразилось страстнымъ порывомъ при первомъ любовномъ поцѣлуѣ этой женщины,—первой женщины, сказавшей ему «люблю» и отдавшейся ему. Но это былъ только порывъ, а не любовь. Теперь повязка спала съ его глазъ. Передъ нимъ была просто легкомысленная женщина, ловившая послѣднія минуты, чтобы еще насладиться любовными интрижками. Онъ могъ, пожалуй, играть съ нею въ любовь, но и только; любить онъ

ея не могъ, зная ея прошлое и видя въ ней уже только сладострастную, стоящую на шагъ отъ увяданья женщину. Его теперь тяготила мысль о томъ, какъ онъ будетъ смотрѣть въ глаза князю. Правда, князь уже не считаетъ ее женою; его не можетъ ни волновать, ни раздражать лишняя интрига этой женщины; онъ даже, можетъ-быть, и не узнаетъ, что Дмитрій Андреевичъ сдѣлался любовникомъ этой женщины. Но самъ-то Дмитрій Андреевичъ очень хорошо это знаетъ и его будетъ постоянно мучить мысль, что онъ запятналъ честь князя, любящаго его какъ сына. Вѣдь онъ увлекся въ то время, когда онъ еще не зналъ, что эта женщина вовсе не дорога князю. Орловъ никогда еще не чувствовалъ такой глубокой любви, такого безпредѣльнаго уваженія къ князю, какъ теперь.

— О, еслибы князь ничего не узналъ!— невольно воскликнулъ онъ.

— Князю совершенно все равно, сколько у нея любовниковъ и кто они,—сказалъ Ламнадовъ.

— Да; но ему не все равно, когда онъ узнаетъ, что даже я рѣшился обмануть его за все, что онъ сдѣлалъ для меня,— проговорилъ Орловъ.

— Ну, этого онъ, вѣроятно, и не узнаетъ, если ты съумѣешь держать себя съ тактомъ,— отвѣтилъ Ламнадовъ.—Тебѣ только будетъ тяжело смотрѣть на старика, потому что, какъ бы тамъ ни было, а ты все же обманулъ его довѣріе. Ты вѣдь сходился не съ брошенной и презираемой имъ женщиной, а съ его женой...

Дмитрій Андреевичъ ушелъ домой, но у него на душѣ не было ни легче, ни свѣтлѣе. Онъ сознавалъ, что онъ всталъ въ ложное положеніе и что онъ выпутается изъ этого положенія не скоро. Княгиня не броситъ его, не оттолкнетъ его. Она увлеклась имъ со всею страстью женщины, видящей, что ея молодость уходитъ. Если онъ скажетъ даже ей, что онъ не любитъ ея, она будетъ молить его не уходить отъ нея. Пусть онъ не любитъ,—она будетъ просить его, чтобъ онъ хотя позволилъ любить себя. Онъ горько улыбнулся и въ его головѣ промелькнула желчная мысль:

«Что-жъ, нужна же какая-нибудь любовница, вѣдь безъ нея, безъ княгини, пришлось бы въ концѣ концовъ пробавляться грязными связями... Это по крайней мѣрѣ если и падшая женщина, то изъ барынь, не какая-нибудь нѣмка изъ Риги или солдатская дочь изъ казармъ, требующая за любовь столько-то, по своей таксѣ.

«Но князь?—О, онъ ничего не узнаетъ. Онъ, Орловъ, сдѣлаетъ все, чтобы никто не могъ и подозрѣвать, что онъ близокъ къ княгинѣ. Въ отношеніяхъ же къ князю онъ будетъ еще болѣе преданнымъ человѣкомъ; онъ искупитъ свою вину безграничной привязанностью къ старику. Наконецъ, онъ, Дмитрій Андреевичъ, въ сущности и не такъ виноватъ. Вся его вина въ томъ, что онъ еще неопытенъ въ дѣлѣ укрощенія своихъ страстныхъ порывовъ. Каждый на его мѣстѣ поступилъ бы такъ же, не устоялъ бы. Еслибъ онъ былъ гулякой въ родѣ юнаго князя Александра, онъ бы, конечно, не увлекся такъ. Но онъ еще никогда не любилъ и потому опьянѣлъ отъ перваго признанія въ любви».

«Сдѣлки съ совѣстью начались», съ злобною улыбкой думалъ онъ въ то же время, и его начинала бѣсить та двойственность, которую онъ началъ съ нѣкоторыхъ поръ подмѣчать въ себѣ.

Эта двойственность была въ немъ уже давно: онъ хотѣлъ быть независимымъ и гордымъ человѣкомъ и между тѣмъ въ какомъ упоеніи онъ былъ, когда онъ являлся въ обществѣ рядомъ съ князьями Русовыми; онъ иногда страстно увлекался, говоря о бѣднякахъ, и тутъ же подмѣчалъ въ себѣ рисовку своими личными страданіями, стремленіе преувеличить эти страданія; онъ теперь сознавалъ себя виновнымъ и въ то же время старался уже найти себѣ оправданіе, примириться съ своею совѣстью. И вездѣ, вездѣ была эта двойственность, эта изломанность, это отсутствіе цѣльности натуры.

V.

Въ жизни Дмитрія Андреевича произошелъ рѣзкій переломъ. Такіе переломы въ жизни, конечно, испыталъ и пережилъ каждый изъ насъ. Молодому человѣку вдругъ захотѣлось уйдти отъ самого себя, вычеркнуть что-то изъ воспоминанія, забыться, закружиться въ омутѣ жизни. Иногда среди занятій ему вдругъ что-то вспоминалось и по его лицу разливался румянецъ, его мысли отвлекались отъ работы, его охватывало какое-то нервное раздраженіе; онъ бросалъ книги и записки и бѣжалъ куда-нибудь къ пріятелямъ, на вечеръ, въ театръ. У Русовыхъ онъ не былъ нѣсколько дней, написавъ князю и княгинѣ, что онъ слегка заболѣлъ. Но долго спасаться отъ этой встрѣчи, долго отговариваться болѣзнью было невозможно. Нужно было собраться съ

силами и идти «разыгрывать комедію», какъ мысленно, въ желчномъ настроеніи, говорилъ Орловъ. Это было не легко. Ему было стыдно смотрѣть на князя, совѣстно отвѣчать на заботливые распросы старика о болѣзни, больно слушать его совѣты беречь здоровье, не утомляться излишнею работой. Орловъ не смѣлъ взглянуть на княгиню при князѣ. Когда же онъ снова остался съ нею наединѣ и она впала въ сентиментальный тонъ, его всего передернуло и онъ вдругъ со смѣхомъ сказалъ ей:

— Полно, полно! Ну, ты любишь, я люблю, мы любимъ и конецъ. Право, скучно спрягать этотъ глаголъ, какъ школьникамъ. Будемъ веселы, будемъ счастливы и будь, что будетъ! Мнѣ теперь хочется опьянѣть, забыть всѣхъ и все и наслаждаться, наслаждаться безъ конца!

Онъ безъ всякаго умысла, безъ всякой предвзятой мысли обращался теперь съ ней не какъ влюбленный, а какъ любовникъ. Онъ смѣялся, сальничалъ, раздражалъ и ее, и себя цинизмомъ.

— Вотъ что значитъ чуть не четверть вѣка прожить монахомъ,—смѣялся онъ.—Является ненасытная жажда наверстать потерянное! Ты меня извини. Я немножко разнузданъ. Но я вѣдь не вашего круга человѣкъ,—во мнѣ есть кусочекъ животнаго...

Черезъ нѣсколько минутъ ему показалось, что кто-то ходитъ въ сосѣдней комнатѣ, и онъ прислушался.

— Что ты?—спросила она.

— Мнѣ показалось, что кто-то идетъ,—отвѣтилъ онъ.

— Сюда же никто не можетъ войдти безъ спросу...

— Ну да, конечно... Мило бы было, еслибы пришли... Впрочемъ, кто поручится за Александра. Онъ, безпутный, готовъ всюду ворваться. Тоже поучительно бы было...

Еще черезъ минуту, опять заслышавъ гдѣ-то шаги,—онъ говорилъ ей:

— Нѣтъ, право, поѣдемъ куда-нибудь за городъ, одни, въ какой-нибудь ресторанчикъ, а здѣсь... Я просто перестану сюда ходить... Тамъ будетъ и свободнѣе, и веселѣе... Тамъ сама атмосфера располагаетъ ко всякимъ глупостямъ...

Она не оскорблялась; она не понимала, что онъ перестанъ ее уважать, что онъ просто презиралъ ее, и была счастлива, что ей больше не нужно надѣвать передъ нимъ маски жертвы и страдалицы. Это такъ скучно! Она явилась теперь передъ нимъ тѣмъ, чѣмъ она была въ дѣйствительности: легкомыслен-

ной и сладострастной женщиной, не знавшей другихъ законовъ, кромѣ законовъ своего темперамента.

Такія женщины легко завладѣваютъ юношами, дѣлаются для нихъ необходимыми, втягиваютъ ихъ въ развратъ. Орловъ не могъ сказать, что онъ ее любитъ; онъ не испытывалъ съ нею чувства чистой любви; у него не было потребности окружать ее мелкими услугами и заботами, любоваться ею, засиживаться съ нею въ интимныхъ, мирныхъ бесѣдахъ; онъ не испытывалъ желанія влюбленнаго человѣка показать всѣмъ любимую женщину и сказать: «она моя»; онъ не ощущалъ чувства ревности при мысли, что еще кто-нибудь ухаживаетъ за нею, и не старался пробудить этого чувства въ ней, но онъ чувствовалъ, что она стала для него необходимой, не задумываясь въ то же время надъ вопросомъ: надолго ли? Иногда онъ бѣсился на себя, упрекалъ себя за развратъ, потому что иначе онъ не могъ въ глубинѣ своей души назвать свои отношенія къ ней. Но тутъ же онъ говорилъ себѣ, что не она, такъ другая,—не все ли равно? А князь?—Но и для князя, еслибъ онъ даже зналъ объ отношеніяхъ его, Орлова, къ княгинѣ, не все ли равно—онъ или другой кто-нибудь состоитъ очереднымъ любовникомъ этой женщины? Въ то же время въ Орловѣ развилась крайняя щепетильность въ вопросѣ о томъ, чтобы на него не пало и тѣни подозрѣнія въ близости его къ княгинѣ, и онъ ясно сознаѣлъ, что онъ скрываетъ эти отношенія не изъ боязни передъ княземъ. Онъ созналъ это какъ-то внезапно, случайно. Былъ день его именинъ и княгиня сдѣлала ему подарокъ. Онъ обозлился и вспылилъ:

— Что это: плата?—грубо и рѣзко спросилъ онъ, не принимая подарка. — Въ нашихъ отношеніяхъ можно только тогда дарить другъ друга, когда можно и отдаривать. Къ сожалѣнію, я не могу да и не желаю отдаривать!

Княгиня сконфузилась; она никакъ не ожидала этой выходки.

— Единственно, что оправдываетъ наши отношенія, такъ это—то, что въ этихъ отношеніяхъ нѣтъ и тѣни разсчетовъ и зависимости,—продолжалъ онъ.—Если у меня явится хоть тѣнь сознанія, что я обязываюсь чѣмъ-нибудь тебѣ, я буду презирать тебя и, кажется, возненавижу.

Она стала оправдываться, говоря, что она просто хотѣла подарить ему бездѣлушку, какъ дарятъ и другіе знакомые.

— Что могу я взять отъ знакомыхъ, того не могу я взять отъ тебя, — сказалъ онъ.—И эта вещь—бездѣлушка только въ

твоихъ глазахъ, а не въ моихъ... Ты это очень хорошо знаешь... Если ужъ такъ хотѣлось порадовать меня подаркомъ, такъ ты бы букетъ мнѣ преподнесла. Нѣмки вонъ всегда букеты подносятъ предметамъ своего сердца! Впрочемъ, не станемъ говорить объ этомъ несчастномъ подаркѣ...

Этотъ несчастный подарокъ и вызванное имъ волненіе вдругъ пробудили въ душѣ Орлова сознаніе, что онъ усиленно скрываетъ свои отношенія къ княгинѣ именно потому, чтобъ его не заподозрили, что онъ пользуется отъ нея какими-нибудь выгодами. Его грызла и мучила мысль, что эти подозрѣнія могутъ возникнуть тотчасъ же, какъ только явится хоть тѣнь подозрѣнія насчетъ его отношеній къ ней. Вѣдь онъ — бѣднякъ, а она такъ богата. Изъ страха передъ этими подозрѣніями онъ относился къ ней при людяхъ сдержанно, холодно, почти невнимательно; онъ злился, когда она останавливала на немъ свои взгляды или улыбалась ему въ обществѣ. Но, скрывая свои отношенія къ княгинѣ, свою сердечную жизнь, онъ нерѣдко прорывался желчными выходками, когда говорили про любовь.

— Что вы мнѣ толкуете про нашу первую любовь! — говорилъ онъ въ кружкѣ своихъ товарищей. — Первая любовь нашей братьи, столичной голи и столичныхъ богачей — это первый развратъ. Отцвѣтающія барыни, продажныя жертвы общественнаго темперамента — вотъ кто срываетъ наши первые поцѣлуи. А потомъ, когда мы развратимся, истреплемся, загрязнимся, мы отдаемъ свои изношенныя чувства невиннымъ и наивнымъ дѣвушкамъ, которыхъ дѣлаемъ своими женами. Первая любовь это почти всегда невинность съ одной стороны и развращенность съ другой. И много ли тѣхъ счастливцевъ, которые вносятъ въ первую любовь одинаковую чистоту, одинаковую силу, одинаковую свѣжесть? Въ деревняхъ, въ средѣ народа — да, тамъ эти счастливцы есть, а у насъ...

Онъ безнадежно махнулъ рукою.

— Вліяніе природы, вліяніе весны, избытокъ свѣжихъ силъ — вотъ что тамъ навѣваетъ поэзію первой любви, — продолжалъ онъ, увлекаясь. — А у насъ? — Духота бальной атмосферы, обнаженныя плечи и руки, скабрезныя сцены и сальные разговоры, стремленіе забыть горе или пустоту жизни въ развратцѣ — вотъ что пробуждаетъ наши животныя страсти и убиваетъ возможность узнать когда-нибудь поэзію первой любви.

Онъ сердился, онъ волновался, сознавая все больше и больше,

что онъ, какъ пьяница, съ наслажденіемъ, съ жадностью глотаетъ вино и проклинаетъ это вино въ минуты отрезвленія. Иногда онъ снова и снова упрекалъ себя за двойственность, не имѣя силъ оторваться отъ княгини и не удовлетворяясь въ то же время отношеніями къ ней. Онъ не могъ идеализировать ее, не могъ мечтать о ней съ замирающимъ сердцемъ, не могъ дорожить ею, боясь огорчить ее, боясь потерять ее,—не могъ ждать ничего отъ нея больше того, что она уже дала ему. Въ ихъ прошломъ у нихъ не было поэзіи, завѣтныхъ грёзъ другъ о другѣ, таинственныхъ встрѣчъ съ робкимъ шепотомъ первыхъ признаній, томительныхъ и сладкихъ ожиданій счастія и блаженства, а впереди — впереди была одна пошлая проза: надоѣдятъ они другъ другу, завяжутъ новыя связи—вотъ и все. Объ этомъ хотѣлось не думать, это хотѣлось забыть.

Отъ нея онъ шелъ въ товарищескіе кружки и тамъ отдавался новымъ сильнымъ ощущеніямъ, спорамъ о студенческихъ и общественныхъ вопросахъ, спорамъ смѣлымъ и оживленнымъ, возбуждавшимъ нервы, поднимавшимъ злобу, пробуждавшимъ молодую отвагу и задоръ. Ему все болѣе и болѣе хотѣлось забыться, закружиться въ этомъ обществѣ. Общественная жизнь въ то время была уже полна самыхъ жгучихъ вопросовъ, обличеній, порывовъ и тревогъ. Общество уже прочитало «Губернскіе очерки», покончила съ откупами, толковало о желѣзно-дорожной горячкѣ, разсуждало о правахъ женщинъ, о положеніи молодежи, о вопросѣ: созрѣли мы или не созрѣли? Это былъ тотъ разгаръ времени реформъ, когда обличались и зондировались старыя язвы и придумывались новыя лѣкарства. Однимъ хотѣлось, чтобы все сдѣлалось сразу; другіе были убѣждены, что какой-нибудь пластырь, положенный на зіяющую рану, будетъ вполнѣ достаточнымъ, такъ какъ онъ если и не залѣчитъ раны, то скроетъ ее отъ глазъ. Недовольство шло съ двухъ сторонъ: однимъ казалось все мало, другимъ казалось все много. Отношенія этихъ двухъ партій обострялись все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Первые кричали: нужно все взять силой; вторые шипѣли: нужно все обуздать силой. Съ одной стороны еще поэты пѣли о томъ, что мы «шагаемъ впередъ, какъ въ дни великаго Петра», что «мертвые въ гробѣ почили, дѣло настало живымъ»; съ другой уже слышались рѣзкіе звуки «Свистка» съ припѣвомъ: «мы стоимъ въ поганой лужѣ и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже всѣ себя грязнимъ». Оптимизмъ и пессимизмъ уже вели борьбу ме-

жду собою, смѣнивъ беззавѣтное увлеченіе розовыми надеждами и криками: «впередъ безъ страха и сомнѣнья!» Это двойственное направленіе являлось не только въ цѣломъ обществѣ, но и въ отдѣльныхъ людяхъ, которые, какъ поэтъ Никитинъ, сегодня впадали въ мрачное отчаянье, а завтра носились орлами въ мірѣ радужныхъ грезъ. Орловъ, вращавшійся въ обществѣ, собиравшемся въ домѣ князя Русова, лучше многихъ изъ молодежи зналъ, на что можно надѣяться, чего можно было ждать, и потому начиналъ смотрѣть на все далеко не весело. Онъ почти ежедневно слышалъ все болѣе и болѣе желчныя выходки старика. Князь теперь не только занялъ довольно видный постъ въ администраціи, но и сдѣлался членомъ, какъ онъ самъ выражался, тысячи явныхъ и тайныхъ комитетовъ, коммиссій и подкоммиссій. Онъ не успѣвалъ почти прочитывать дѣлъ, докладовъ, записокъ, сообщеній, проектовъ, поступавшихъ въ эти комитеты и коммиссіи; онъ просиживалъ дни и ночи за работой и иногда говорилъ Орлову:

— Мы, кажется, скоро всѣ съ ума сойдемъ!

Въ этихъ словахъ не было преувеличенія: въ тѣ времена не одинъ изъ видныхъ дѣятелей доработался если не до сумасшествія, то до нервнаго удара. Кромѣ непомѣрной работы дѣятелямъ того времени, подобнымъ князю Русову, приходилось выносить безчисленныя непріятности, сталкиваясь съ людьми враждебныхъ лагерей, задѣвая чужія самолюбія, стараясь сдвинуть съ своей дороги упорныхъ противниковъ, всегда готовыхъ для самозащиты взяться за всякое оружіе. Клевета, доносы, личныя оскорбленія—все пускалось тогда въ ходъ противниками реформъ, которые не останавливались передъ тѣмъ, чтобы, напримѣръ, рискнуть публично въ присутственномъ мѣстѣ назвать шпіономъ Татаринова за его стремленіе ввести правильный контроль. Эта борьба хуже всякой чрезмѣрной работы разстраивала нервы и подрывала силы дѣловыхъ людей.

Князь Русовъ засѣдалъ въ коммиссіяхъ, принималъ доклады отъ своихъ оффиціальныхъ помощниковъ по службѣ и потомъ до поздней ночи работалъ со своимъ неизмѣннымъ домашнимъ секретаремъ, Орловымъ. Иногда князь поручалъ Орлову составить какой-нибудь докладъ по его наброскамъ, по оффиціальнымъ документамъ, привезеннымъ имъ на домъ. Орловъ работалъ лихорадочно; онъ сознавалъ, что онъ вноситъ частицу своего меда въ тотъ гигантскій улей, который работалъ тогда. Его

рвеніе еще болѣе привязывало къ нему князя и старикъ только опасался, что Орловъ запуститъ лекціи. Но Орловъ, какъ и многіе другіе его товарищи-бѣдняки, дававшіе тогда уроки, писавшіе статьи, помогавшіе оффиціальнымъ дѣятелямъ и выдвинувшіеся потомъ впередъ въ качествѣ писателей, присяжныхъ повѣренныхъ, профессоровъ, судей, дѣлалъ нечеловѣческія усилія надъ собою, чтобы поспѣть управиться со всѣмъ. Онъ самъ порою удивлялся себѣ, какъ онъ выдерживаетъ эту жизнь и, можетъ-быть, только при помощи сильнаго нервнаго возбужденія можно было работать столько, сколько работалъ онъ, сколько работали многіе его сверстники, потомъ завоевавшіе себѣ трудомъ довольно громкія имена. Но его поддерживала не только мысль, что онъ является главнымъ помощникомъ крупнаго общественнаго дѣятеля, но и надежда, что онъ самъ скоро выступитъ на поприще общественной дѣятельности. Онъ не безъ волненія думалъ о томъ, что передъ нимъ предстоитъ блестящая карьера, широкое поле труда. Князь, конечно, тотчасъ же выхлопочетъ ему мѣсто, быстро двинетъ его впередъ, поставитъ его на дорогу не простой машины, а осмысленнаго работника. Иногда во время своихъ золотыхъ грёзъ о свѣтломъ будущемъ Орловъ съ улыбкою вспоминалъ о своихъ дѣтскихъ мечтахъ, когда онъ хотѣлъ облагодѣтельствовать всѣхъ, всѣхъ, и казнить купца Пахомова. Положимъ, ему было далеко до исполненія этихъ мечтаній, но онъ сознавалъ, что онъ все-таки выбивается изъ массы, стоитъ на той дорогѣ, на которой пріобрѣтется и сила, и значеніе, и имя въ обществѣ.

— Да, да, приходитъ царство Орловыхъ, Барановыхъ, Кобылиныхъ, Ивановыхъ и какъ тамъ еще зовутъ всю нашу братью, всю эту голь перекатную, двинувшуюся теперь завоевывать себѣ мѣсто въ обществѣ,—говорилъ Орловъ въ товарищескомъ кругу.— Помяните мое слово, что разночинецъ теперь въ ходъ пойдетъ. Руки вездѣ нужны, а людей нѣтъ,—ну, и становись къ дѣлу. Теперь нужно только не зѣвать, такъ ужъ непремѣнно генераломъ умрешь...

Онъ смѣялся и радовался, видя, что «разночинецъ въ ходъ пошелъ». Онъ даже съ Пахомовымъ-сыномъ сдружился, видя, что тотъ «парень ловкій» и «такимъ инженеромъ будетъ, что милліоны съинженеритъ».

— Это среднее сословіе, наше tiers-état, создается,—говорилъ онъ съ оживленіемъ и уже пророчилъ, что это среднее сословіе

завоюетъ себѣ права. — Не въ одной же Франціи люди пироги умѣютъ ѣсть. Теперь мы на очереди!

Университетскіе годы прошли быстро; онъ кончилъ курсъ отлично и тотчасъ же получилъ мѣсто черезъ князя Русова. Про него обыватели Захолустной улицы говорили:

— Въ сорочкѣ видно Орлихинскій-то Митя родился!

Дѣйствительно, мѣста доставались вообще не такъ скоро, какъ досталось мѣсто ему. Но онъ не довольствовался тѣмъ, что онъ будетъ служить на оффиціальной службѣ. Его волновали вопросы дня; ему хотѣлось такъ или иначе содѣйствовать скорѣйшему разрѣшенію этихъ вопросовъ. Въ былые дни мальчуганомъ шестнадцати-семнадцати лѣтъ онъ началъ пописывать стишки съ извѣстною яркою окраской, съ извѣстною долей громкаго фразерства. То у него являлись строфы къ свободѣ, гдѣ онъ говорилъ:

Мила мнѣ въ лѣтній день природа,
Зимой топящійся каминъ,
Но изо всѣхъ даровъ одинъ
Всего дороже мнѣ—свобода,—
Свобода тѣхъ, кому пришлось
Терпѣть неволю въ вѣчномъ страхѣ,
И за нее сложить на плахѣ
Готовъ я голову безъ слезъ.

Въ другомъ стихотвореніи онъ говорилъ о родинѣ:

Вотъ онъ мой край, вотъ родина святая,
Полей и нивъ необозримыхъ гладь...
Какая здѣсь таится благодать,
Когда весна придетъ, благоухая!

Вотъ та страна, гдѣ, мучась и страдая,
Своихъ цѣпей не въ силахъ разорвать,
Умѣлъ народъ геройски умирать,
Какъ Іисусъ, враговъ не проклиная.

Вотъ та страна, гдѣ я, чело склоняя,
Не въ силахъ слезъ горячихъ удержать...
Такъ смотритъ сынъ на мученицу мать,
Слѣды ея кровавыхъ ранъ лобзая.

Это были совсѣмъ молодые порывы и увлеченія въ духѣ того времени. Теперь онъ брался за перо для прозы, стремясь ото-

зваться на животрепещущіе вопросы дня. Ему удалось напечатать нѣсколько небольшихъ статей и замѣтокъ. Онъ могъ сообщать нѣсколько новостей по крестьянскому дѣлу, къ которому очень близко стоялъ князь. Одно это уже открывало ему доступъ на столбцы газетъ. Но онъ не ограничивался сообщеніемъ сухихъ матеріаловъ по крестьянскому вопросу. Одна изъ его статей касалась грамотности народа и возбудила толки своимъ остроуміемъ и язвительностью; другая касалась суда присяжныхъ въ Европѣ и прошла не безслѣдно не только потому, что это была довольно полная и трудолюбиво составленная компиляція, но и потому, что въ ней были сдѣланы бойкія и мѣткія замѣчанія о нашихъ судахъ и чиновникахъ. Никогда еще не было у насъ такого времени, когда бы читатель отыскивалъ такъ усердно въ каждой статьѣ между строкъ чего-то недосказаннаго, какъ тогда. Статьи и замѣтки Орлова отличались именно этимъ свойствомъ: онъ говорилъ о Китаѣ, и читатель понималъ, что Китай тутъ не при чемъ, что тутъ дѣло идетъ о Россіи; онъ говорилъ о католическихъ патерахъ, а читатель догадывался, что нужно читать православные попы. Онъ пользовался всѣми средствами, чтобы нападать на извѣстныя идеи и явленія и отстаивать другія, и печаталъ стишки въ *Искрѣ*, мелкія замѣтки въ газетахъ, серьезныя статейки въ толстыхъ журналахъ.

— Если у меня не болѣе силъ, чѣмъ у комара, то я и тогда не перестану жалить,—говаривалъ онъ шутливо.—Не даромъ же я училъ наизустъ басню про комара и льва...

Слѣдя за его статьями, за его разговорами въ обществѣ, за его интимными бесѣдами съ княземъ, можно было постепенно прослѣдить, какъ бился тогда пульсъ извѣстной части нашего интеллигентнаго общества. Разочарованіе въ слишкомъ розовыхъ мечтахъ, недовольство медленностью разныхъ коммиссіонныхъ работъ, жалобы на то, что новое вино вливается въ старые мѣхи, раздраженіе на злоупотребленія, продолжавшія подобно стоглавой гидрѣ поднимать другую голову, когда отрубали одну, желчные толки объ университетскихъ безпорядкахъ, о прекращеніи воскресныхъ школъ, потомъ по поводу временнаго пріостановленія двухъ большихъ журналовъ, негодованіе на стѣсненія печати вообще — все это отзывалось въ его рѣчахъ. Онъ самъ не замѣчалъ, какъ на него начинали коситься нѣкоторые люди, уже съ негодованіемъ и ненавистью вычислявшіе всѣ прегрѣшенія молодежи, внося въ одинъ счетъ и сходки, и процессію въ Колокольную улицу, и

похороны Мартынова и Бозіо, и какія-то миѳическія «коммуны» и «смаргоніи», и еще болѣе миѳическія «семиспальныя кровати», и длинные волосы юношей, и стриженные волосы дѣвицъ. Всякое лыко ставилось въ строку и враги не хотѣли понять или дѣлали видъ, что не понимаютъ того, что дурныя стороны въ извѣстной части молодежи были вовсе не слѣдствіемъ тѣхъ или другихъ убѣжденій и взглядовъ, а просто слѣдствіемъ того, что она была плоть отъ плоти, кость отъ кости своихъ отцовъ,—что если, съ одной стороны, процвѣталъ развратецъ въ коммунахъ, то, съ другой, дебошъ, скандалъ и разные «карамболи» точно также процвѣтали въ веселыхъ домахъ, въ трактирахъ, въ ресторанахъ, въ кафе: нравственность вездѣ и всюду была одна и та же. Пристрастное отношеніе къ извѣстной части молодежи не могло не раздражать такихъ людей, какъ Орловъ, и вызывало на рѣзкости, становившіяся уже не безопасными. Самъ князь Русовъ раза два мелькомъ замѣтилъ ему:

— Теперь нужно быть осторожнѣе!

Но старикъ самъ начиналъ смотрѣть на дѣла не менѣе мрачно. Онъ видѣлъ, какъ кругомъ сплеталась цѣлая сѣть мелкихъ интригъ. Всѣ, съ кѣмъ онъ расходился во мнѣніяхъ, дѣлались его личными врагами. Нигдѣ общественныя дѣла не сводятся такъ на личную почву, какъ у насъ, вѣчно смѣшивающихъ казенный сундукъ со своимъ. Иногда князь вооружалъ противъ себя людей, даже и не подозрѣвая, что онъ наживаетъ себѣ враговъ, просто отзываясь хорошо или дурно о той или другой личности. Такъ онъ возбудилъ противъ себя нѣсколько человѣкъ, рѣзко отозвавшись о прошлой дѣятельности графа Клейнмихеля. Такъ онъ нажилъ еще больше враговъ, сдѣлавшись не только сторонникомъ, но и самымъ искреннимъ поклонникомъ Татаринова, съ такими нечеловѣческими усиліями совершившаго гигантское дѣло контроля. Орловъ это все зналъ и шутливо замѣчалъ князю:

— Ну, не вамъ бы, Александръ Владиміровичъ, учить меня осторожности. Врачу, исцѣлися самъ, могъ бы я вамъ отвѣтить на это.

— Есть маленькая разница между нами...

— Знаю, знаю, что и сильному вихрю труднѣе справиться съ крѣпкимъ дубомъ, чѣмъ легкому вѣтру съ маленькой щепкой...

— Я говорю не съ этой точки зрѣнія. Но ты начинаешь жить, а я кончаю, и мнѣ все равно, какъ умереть, на покоѣ или въ

бою,—отвѣчалъ грустно князь,—тѣмъ болѣе, что и мои личныя дѣла, кажется, скоро заставятъ меня сойти со сцены...

— Ну, Богъ не выдастъ,—говорилъ Орловъ.—Да и въ чемъ такомъ я виноватъ, чтобы бояться?

А бояться было нужно: однажды Орловъ зашелъ къ одному изъ своихъ литературныхъ знакомыхъ и засталъ дома только его жену. Она въ волненіи и въ слезахъ передала Орлову, что у нихъ былъ обыскъ, что захватили бумаги ея мужа, что арестовали нѣсколько человѣкъ изъ его знакомыхъ. Орловъ поблѣднѣлъ. Въ бумагахъ этого знакомаго были и его бумаги и письма. Въ нихъ не было ничего особенно компрометирующаго Орлова, но Орловъ хорошо зналъ, что одни сношенія съ подозрительною личностью могли навлечь на него подозрѣнія и повести къ обыску, къ допросу. Наскоро простившись съ хозяйкой, онъ помчался домой. У него были запрещенныя книги, какіе-то печатные листки нецензурнаго содержанія, «Колоколъ»,—однимъ словомъ, все то запретное, что могло тогда найдтись у каждаго человѣка его круга. Главное, что его безпокоило, это было объясненіе съ матерью. Онъ долженъ былъ ее предупредить, что у нихъ будетъ или можетъ быть обыскъ. Онъ боялся не только того, что она испугается внезапнаго ночнаго посѣщенія, но и того, что она расплачется, будетъ унижаться передъ жандармами, разыграетъ нелѣпую сцену, не понимая сущности дѣла, не сознавая, что никакія просьбы и слезы не могутъ заставить этихъ исполнителей закона уклониться отъ возложенной на нихъ обязанности. Онъ прошелъ къ себѣ въ комнату, попросивъ мать приготовить чай, заперся у себя, открылъ трубу у печки и принялся жечь бумаги, брошюры, письма. Это продолжалось не долго, и когда ему сказали, что чай готовъ, у него уже все было кончено. Онъ снова закрылъ трубу и пошелъ къ чайному столу. Онъ былъ блѣденъ, но старался казаться спокойнымъ. За чаемъ онъ заговорилъ о тревожномъ времени, о безпорядкахъ, объ обыскахъ.

— Да что же, кража, что ли, какая сдѣлалась?—спросила Марья Ѳедоровна.

— Нѣтъ, дѣло не въ кражѣ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.—Просто идутъ волненія; вездѣ—недовольные; одни на одно, другіе на другое жалуются. Безъ этого ужь не можетъ обойтись: простой домъ перестраиваютъ, такъ и то тревоги не мало бываетъ, а тутъ цѣлое государство хотятъ передѣлать, такъ какъ не быть волненью и жалобамъ...

— Да какъ, батюшка, не жаловаться-то!—перебила его Марья Өедоровна.—Вонъ возьми хоть насъ: отца-то такъ, ни съ того, ни съ сего, вышвырнули со службы,—живи, молъ, какъ знаешь. А того не знають, что старикъ-то съ горя попивать началъ да и намъ жить было бы нечѣмъ, еслибы не ты помогалъ. Пожалуешься тутъ!

Дмитрій Андреевичъ улыбнулся.

— А жаловаться-то и нельзя, мама! Васъ за это возьмутъ да и посадятъ въ кутузку,—пошутилъ онъ.

— Да я хоть самому царю это скажу!—воскликнула Марья Өедоровна. — Развѣ это дѣло такъ-то за службу награждать? Что-жь, въ воры идти, что ли, если со службы чиновниковъ гонять? А дороговизна-то какая вездѣ началась. Купцы теперь что хотятъ, то и дерутъ съ насъ,—ни таксы на нихъ нѣтъ, ни присмотру... Обвѣшиваютъ да обмѣриваютъ, гнилье да тухлятину продаютъ, а кто смотритъ?... Коммиссія тамъ какая-то есть, да она въ лавки-то и не заглядываетъ, а если и заглянетъ, такъ за деньги все скроетъ...

— Вотъ, вотъ за эти-то рѣчи и сажаютъ людей,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ, отчасти радуясь, что мать облегчила, сама того не зная, его объясненія съ ней. — Я вотъ тоже такъ-то, какъ вы, говорилъ, говорилъ въ обществѣ, а теперь, пожалуй, и къ отвѣту за это потребуютъ.

— Да что ты!—воскликнула Марья Өедоровна, измѣняясь въ лицѣ.—Какъ къ отвѣту? За что это? За правду-то?

— Да. Не сегодня, такъ завтра, пожалуй, полиція да жандармы ночью пріѣдутъ, обыщутъ, нѣтъ ли какихъ книгъ или бумагъ запрещенныхъ, и къ допросу увезутъ на время,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Митя, да ты это вправду или такъ?—спросила проворно Орлова.

— Я не шучу. Очень можетъ случиться, что сегодня же пріѣдутъ обыскивать... Впрочемъ, вы не бойтесь, мама, все это пустяки. Это теперь чуть не каждый день дѣлается. Правительство тоже должно быть на-сторожѣ. Мнѣ ничего не сдѣлаютъ. Если только дѣйствительно возьмутъ меня къ допросу, то я оставлю Анѣ два письма, она передастъ ихъ дядѣ, а онъ уже снесетъ князю и княгинѣ. Только вы, мама, и сами будьте осторожнѣе. Теперь много жаловаться да роптать опасно.

Анна Андреевна и Марья Өедоровна сидѣли точно придавленныя, пришибленныя. Извѣстіе, сообщенное Дмитріемъ Андреевичемъ, поразило ихъ какъ громъ. Въ Захолустной улицѣ еще и понятія не имѣли о томъ, что значитъ третье-отдѣленскій обыскъ.

— Но, главное, мама, не бойтесь, не теряйтесь, не плачьте,— продолжалъ Дмитрій Андреевичъ.—Вы теперь знаете, за что и почему могутъ меня взять. Я говорилъ про нынѣшніе порядки, сердился на нихъ, жаловался,—ну, за это и могу отвѣтить...

— Отвѣтить, отвѣтить! Да за что?—За то, что кричишь, когда тебя за горло давятъ? Что же это—тоже, поди, порядокъ по-ихнему?—воскликнула Марья Өедоровна.—Да я, почитай, шестьдесятъ лѣтъ кричу да ругаюсь, что житья нѣтъ! Рта, батюшка, не зажмешь, коли за горло давятъ! Да я имъ всѣмъ въ глаза все выскажу, въ глаза наругаюсь...

— Нѣтъ ужь вы, мама, поостерегитесь,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.—Время теперь тяжелое, смутное,—надо молчать...

— Бьютъ, значитъ, и плакать не велятъ!—сказала Марья Өедоровна.

— Да, пожалуй, что такъ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.— Главное, помните, что опасности особенной нѣтъ, что нѣтъ никакого тутъ позора...

— Батюшка, да какой же позоръ въ томъ, что ты за свое право, за свое добро стоишь, да тебѣ же ротъ зажать хотятъ!— съ горечью сказала Марья Өедоровна.—Не понимаю я, что ли, этого? Я сама, сама, хоть ты меня на клочки рви, буду и буду говорить, что обижаютъ бѣдныхъ людей, что истомились, истерзались бѣдные люди!

— Да, мама, не разъ это все мы говорили и прежде, да другія времена тогда были,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.—Впрочемъ, можетъ-быть, еще все и такъ обойдется...

Чай допили въ тяжеломъ настроеніи, перекидываясь только отрывочными фразами.

Среди этого тяжелаго настроенія вдругъ раздался неожиданный шепотъ Лёши.

— Сестрица, это Өедоръ Гаврилычъ придетъ къ братцу?— спросилъ онъ Анну Андреевну.

— Молчи ужь, молчи, Лёша!—тихо отвѣтила она, дергая его за сюртукъ.

— Да, Лёша, Өедоръ Гаврилычъ придетъ,—сказалъ съ улыбкой Дмитрій Андреевичъ.—У каждаго человѣка есть свой Өедоръ Гаврилычъ, вотъ онъ и ко мнѣ придетъ...

— Братецъ, я боюсь... Мнѣ, братецъ, жаль васъ,—жалобно заговорилъ Лёша.—Я къ нему самъ выйду, васъ не дамъ, братецъ... Пусть меня бьетъ, пусть!

— Полно, милый, не волнуйся,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ, погладивъ его по головѣ, какъ ребенка.—Это все пустяки. Ложись спать съ Богомъ.

— А вы, братецъ? Я боюсь... Я очень боюсь!

Дмитрій Андреевичъ, какъ умѣлъ, успокоилъ бѣднаго юношу. Марья Өедоровна тайкомъ утирала слезы. Настроеніе сдѣлалось еще болѣе тяжелымъ и Орловъ спѣшилъ допить чай.

Послѣ чаю Дмитрій Андреевичъ сказалъ сестрѣ, что онъ напишетъ письма и передастъ ихъ ей для того, чтобы они были переданы въ случаѣ надобности Лампадову. Орловъ снова заперся въ своей комнатѣ и только теперь почувствовалъ вполнѣ, какъ сильно подѣйствовало на него полученное имъ извѣстіе объ арестахъ знакомыхъ ему лицъ. Какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, онъ думалъ о главномъ, о своемъ положеніи, о выходѣ изъ этого положенія, а рядомъ съ этимъ въ головѣ мелькали какія-то мелкія опасенія, раздражающія, волнующія чуть ли не больше, чѣмъ думы о главной опасности. Онъ не сдѣлалъ никакихъ крупныхъ проступковъ или преступленій. Онъ былъ только знакомъ съ обвинявшимися въ разныхъ проступкахъ и преступленіяхъ лицами; онъ только читалъ, а не распространялъ разныя преступныя книги, разные подметные листки. Онъ иногда рѣзко, даже очень рѣзко высказывалъ свои мнѣнія, но онъ не предпринималъ ничего противозаконнаго для осуществленія своихъ желаній. Но это и все. Ни въ какихъ заговорахъ онъ не принималъ участія, хотя зналъ многое. Сотни, тысячи лицъ стояли тогда въ его положеніи. Изъ всего этого можно было выйти сухимъ. Не обвинятъ же его за то, что онъ не доносилъ. Да, онъ выйдетъ сухимъ. Да и нужно было выйти сухимъ. Было бы горько, постыдно погибнуть изъ-за пустяковъ. И какъ это онъ не съумѣлъ быть осторожнымъ! У него на рукахъ семья, у него впереди хорошая будущность, полезная дѣятельность. Фрондерствовать вздумалъ, велъ себя какъ мальчишка!... Ахъ, еслибы мать не растерялась и не расплакалась передъ полицейскими! Выйдетъ и смѣшно, и глупо. И что это отецъ не идетъ. При-

детъ, пожалуй, пьяный. Милая сцена выйдетъ! Проклятое положеніе! Чужіе, ненавистные люди будутъ не только въ твоей душѣ грязными руками рыться, но въ твою семейную жизнь вторгнутся, въ твою постель, въ постель твоихъ родныхъ заглянутъ. Но надо скорѣе писать письма. Князь и княгиня могутъ спасти его, если даже его будутъ обвинять въ чемъ-нибудь серьезномъ. Но въ чемъ же, въ чемъ?... Что о немъ уже извѣстно и чего еще не знаютъ о немъ? Что можно скрыть и что слѣдуетъ для своей же безопасности высказать? Однако, что написать князю и княгинѣ? Онъ сѣлъ къ письменному столу и написалъ короткое, дѣловое письмо къ князю, прося его заступничества. Потомъ онъ сталъ наскоро писать къ княгинѣ. Это было странное письмо, обличавшее его настроеніе. Онъ писалъ ей:

«Мой добрый другъ! Вы какъ-то упрекали меня за то, что я ничего не прошу, ничѣмъ не хочу пользоваться. Я сказалъ, смѣясь, что я не люблю брать по мелочамъ, сотни разъ кланяясь, и что если я попрошу когда-нибудь, то попрошу многаго заразъ. День этой просьбы насталъ и я прошу у васъ: свободы, жизни, будущаго... Но шутки въ сторону! Мнѣ не до нихъ и я шучу сквозь слезы... Нѣтъ, нѣтъ, я лгу: я не плачу, но злюсь, желчь душитъ меня. Изъ-за пустяковъ, изъ-за шалостей, изъ-за мальчишества меня везутъ въ тюрьму, лишаютъ свободы, отравляютъ жизнь, портятъ все, все, къ чему я стремлюсь, изъ-за чего я бьюсь. Спасайте, освобождайте меня! Объѣздите всѣхъ сильныхъ міра сего, скажите имъ, что они ошибаются, что я *ихъ*, что я имъ пригожусь, что я—скажите имъ и это, если нужно—что я лучшій христіанинъ и ревностный поборникъ всего ретрограднаго, всего затхлаго, всего отжившаго. О, да вы сами лучше меня знаете, что сказать! Вѣдь дѣло идетъ о спасеніи того, кто любитъ васъ, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ! Ей-богу же, мнѣ скверно, скверно и скверно! Подробностей не пишу; ихъ передастъ вамъ дядя!»

Онъ перечиталъ это письмо и хотѣлъ его разорвать. Потомъ махнулъ рукой и запечаталъ его.

— Аня, вотъ письма,—сказалъ онъ сестрѣ, входя къ ней въ комнату.

Она поднялась съ колѣней.

— Молилась?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ ласково.

— Да,—отвѣтила она коротко.—Скажи, ты точно знаешь, что тебѣ ничего не сдѣлаютъ?

— Нѣтъ... Все пустяки!—отвѣтилъ онъ.

Въ эту минуту послышался стукъ въ двери и шумъ шаговъ. Анна Андреевна быстро спрятала за лифъ письма, торопливо обняла брата и вышла въ другую комнату. Туда уже входили полицейскій, жандармскій офицеръ, въ дверяхъ стоялъ какой-то унтеръ въ синемъ мундирѣ.

Дмитрій Андреевичъ слышалъ только отрывистыя фразы матери:

— Сына моего?... Онъ вонъ тамъ живетъ, въ той комнатѣ... Пожалуйте...

Она говорила, повидимому, спокойно.

— Это тебя, Митя, зачѣмъ-то спрашиваютъ!—громко сказала она, входя въ комнату.

Дмитрій Андреевичъ не замѣтилъ ни слезинки на ея лицѣ. Онъ принялъ посѣтителей вѣжливо, холодно, немного свысока. Начался обыскъ. Конечно, не нашли ничего.

— Не угодно ли остальныя комнаты обыскать?—спросилъ сухо Дмитрій Андреевичъ съ презрительною гримасой.

— Вы вѣдь только эту комнату занимаете?—спросилъ жандармскій офицеръ.

Дмитрій Андреевичъ пожалъ плечами.

— Я могъ спрятать что-нибудь и въ другихъ комнатахъ!—проговорилъ онъ съ насмѣшкой въ голосѣ.—Я здѣсь не комнату нанимаю, а съ семьей живу.

Офицеръ любезно уклонился отъ дальнѣйшаго обыска и предложилъ Дмитрію Андреевичу собираться.

— А, арестъ!—прошепталъ Дмитрій Андреевичъ, стискивая зубы, и въ его глазахъ сверкнула злоба.—Здѣсь ничего не нашли, такъ въ головѣ пороются...

Онъ обернулся къ матери и сестрѣ:

— Вотъ неожиданное приглашеніе получилъ. Нужно ѣхать.

Мать и сестра молчали, боясь расплакаться при первыхъ словахъ.

— До свиданья... Вѣроятно, не надолго,—говорилъ Дмитрій Андреевичъ, надѣвая пальто.

У него сдавливало горло. Онъ обнялъ мать и сестру, крѣпко сжавъ ихъ руками, какъ бы благодаря ихъ. Ни у кого изъ нихъ не вырвалось ни звука,—они боялись заговорить. Марья Ѳедоровна сама взяла свѣчу, чтобы посвѣтить уходившимъ посѣтителямъ и сыну. Подсвѣчникъ дрожалъ въ ея рукѣ, когда она,

стоя на верху на лѣстницѣ, смотрѣла, какъ сходятъ внизъ, точно въ темную бездонную пропасть, эти люди, отнимающіе, уводящіе ея сына. Куда, зачѣмъ, за что? Развѣ она знала это?... Въ глазахъ ея начинало темнѣть. Наконецъ бряцаніе шпоръ и сабель, шумъ шаговъ, дребезжаніе отъѣзжающей кареты—все затихло. Марья Ѳедоровна, вздрагивая плечами, качая опущенной на грудь головой, залилась слезами. Когда она, машинально передавъ кухаркѣ подсвѣчникъ и рыдая, вошла въ комнату, она увидала распростертую на полу передъ кіотомъ Анну Андреевну.

— Аня, Аня, голубушка, увезли!—проговорила, рыдая, мать.— Какъ вора, какъ мошенника, обыскали, схватили и увезли... Гдѣ же правда-то у Бога?

— Мама, не плачьте, милая... Святые и тѣ терпѣли,—сказала со слезами Анна Андреевна.

— Знаю, знаю, маточка, да не могу, не могу не роптать... Все во мнѣ надорвалось, все... Жизнь моя кончается... Позора я этого не вынесу...

Обѣ женщины обнялись и ихъ горячія слезы смѣшались вмѣстѣ.

Въ то же время никѣмъ незамѣченный стоялъ въ темномъ углу подъ лѣстницей какой-то человѣкъ. Онъ пришелъ тотчасъ вслѣдъ за полиціей, услышалъ, что полиція распрашиваетъ о квартирѣ Дмитрія Андреевича Орлова, сразу сообразилъ все происходившее, проскользнулъ подъ лѣстницу и переждалъ тамъ удаленія полицейскихъ. Онъ видѣлъ, какъ они сходили внизъ, какъ шелъ Дмитрій Андреевичъ, какъ свѣтила имъ Марья Ѳедоровна, и не трогался съ мѣста, понуривъ голову, затаивъ дыханіе. Онъ едва утерпѣлъ, чтобы не крикнуть Дмитрію Андреевичу: «прощай», но стиснулъ зубы и только сдѣлалъ въ воздухѣ дрожащею рукой крестное знаменіе вслѣдъ удалявшемуся молодому человѣку.

— Пьяный отецъ... Посрамленіе... Не надо, не надо!... Христосъ съ тобою, Христосъ съ тобою! — бормоталъ онъ, плотно прижимаясь къ стѣнѣ и глотая слезы.

VI.

Стояло слегка морозное, но ясное весеннее утро. Было еще очень рано и вся Захолустная улица спала мирнымъ сномъ. Но вотъ изъ воротъ небольшаго деревяннаго дома мѣщанина Ивана Трифоновича Тимоѳеева выбѣжалъ въ русской рубашкѣ мальчишка,

тряхнулъ волосами и перекрестился на всѣ четыре стороны. Потомъ онъ въ-припрыжку побѣжалъ къ дверямъ съ красовавшеюся надъ ними вывѣской: «Мѣлочная и овошная лавка и мушной лабазъ», и сталъ снимать съ нихъ желѣзные засовы. Открывъ двери лавки и лабаза, онъ юркнулъ въ нихъ, снова перекрестился, обратясь лицомъ къ переднему углу, и черезъ минуту принялся подметать вѣникомъ полъ. Изъ внутреннихъ дверей лавки вошли въ нее хозяинъ и его подручный. Они тоже перекрестились на образъ, висѣвшій въ углу, и, позѣвывая, стали приводить въ порядокъ товаръ.

— Чего это у насъ ночью сегодня разъѣздились?—проговорилъ хозяинъ.—Легъ я; только первый сонъ вижу, какъ вдругъ на улицѣ загромыхало, загромыхало. Подумалъ, не пожаръ ли, подошелъ къ окну, гляжу, карета остановилась сперва у Челпановскаго дома, потомъ дальше тронулась къ Сысоевскому дому и тамъ остановилась.

— Къ Орловымъ, вѣрно,—отвѣтилъ подручный.—Коли къ Сысоевскому дому, такъ каретѣ больше не къ кому, какъ къ Орловымъ.

— Полуночники! Люди спятъ, а они по городу рыщутъ...

Въ эту минуту мелкими шажками вбѣжала въ лавку какая-то старушонка въ ситцевой теплой кацавейкѣ и въ пестромъ платкѣ на головѣ.

— Здравствуйте, здравствуйте, Иванъ Трифонычъ! Вѣсоваго, батюшка, фунтикъ отвѣсьте!—проговорила она.—Слышали, дѣла-то у насъ какія, ночью-то?

— А что?—спросилъ хозяинъ

— Неужто не слыхали? Да мы какъ есть всю ночь не спали. У Орловыхъ-то жандармы, полиція, солдаты сына Орлихи, Дмитрія-то Андреевича, ловили.

— Чего ты, старая, брешешь! Сонъ дурной видѣла, что ли?—сказалъ хозяинъ лавки.

— Чего сонъ, когда своими глазами видѣла! Кого ни спроси, всякій подтвердитъ. Да вонъ Иванъ Сысоевскій идетъ. Онъ все разскажетъ. Ему доподлинно все извѣстно. Самъ и проводилъ полицію къ Орлихѣ.

Въ лавку вошелъ мужикъ, дворникъ изъ дома Сысоевыхъ.

— Какіе такіе гости у васъ ночью-то были?—спросилъ хозяинъ лавки.—Вонъ старушка божія сонъ несуразный видѣла, да намъ его разсказывать пришла...

— Полиція съ жандарами за Митріемъ Андреичемъ пріѣзжала,—апатично отвѣтилъ дворникъ.

— Ну, что? Ну, что?—воскликнула съ торжественнымъ видомъ старушонка.—Какъ сказала, такъ и есть...

— Хорошихъ, значитъ, дѣловъ надѣлалъ!—проговорилъ въ раздумьи хозяинъ, качая головой.

Подручный и мальчикъ стояли, разинувъ рты, и слушали.

— Чего же это они ночью-то за нимъ пріѣхали да еще и въ каретѣ?—спросилъ хозяинъ лавки.—Не большой, кажись, баринъ.

— А днемъ, значитъ, онъ укрывался, въ бѣгахъ былъ, только на ночь домой и приходилъ, крадучись,—начала пояснять старушонка.—Вотъ они ночью и пріѣхали, чтобы его накрыть, въ каретѣ, чтобы не сбѣгъ...

— Тебѣ-то кто разсказывалъ?

— Да всѣ говорятъ. У насъ стонъ стономъ стоитъ, все объ этихъ дѣлахъ-то...

Въ лавку вошла еще одна покупательница и первымъ ея словомъ былъ вопросъ:

— Про Орловыхъ-то слышали? Оскандалились голубчики, совсѣмъ оскандалились!

Не прошло и часу, какъ по всей Захолустной улицѣ изъ мелочной лавочки разнесся этотъ слухъ. Захолустенцы такъ и ахнули отъ удивленія. Всѣ теперь только о томъ и говорили, что «ночью жандармы къ Орловымъ пріѣзжали», что «сынъ-то Орлихи въ шайкѣ какой-то попался», что «нашего-то сокола взяли», что «и то сказать, залетѣлъ больно высоко». Захолустная улица захлебнулась этими толками и у всѣхъ только и было одно желаніе—«самое-то, Орлиху-то, увидать». Тутъ было и злорадное желаніе намекнуть ей: «а ты носа-то впередъ не задирай, не задирай»; тутъ было и сердобольное стремленіе замѣтить ей слезливымъ тономъ: «да не убивайся ты, мать, не убивайся, авось Богъ грозу-то еще мимо пронесетъ, у Бога-то милости много». Слухи между тѣмъ принимали чудовищные размѣры. Одни говорили, что Дмитрій Андреевичъ «скралъ милліонъ», другіе толковали, что онъ «противъ самого царя пошелъ», третьи опредѣляли даже мѣру наказанія за его продерзости и говорили, что онъ «подъ красную шапку угодитъ, а не то такъ и въ каторгу попадетъ». Кто, вздыхая, замѣчалъ: «вотъ ужь вѣрно пословица-то говоритъ, что отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся»; кто не безъ ехидства говорилъ: «Владимірка-то широка,

всѣмъ на ней, братцы, мѣсто будетъ, тоже за это по головкѣ не гладятъ». Опредѣленно же никто не могъ сказать, почему нельзя отказываться отъ тюрьмы и за что именно это не гладятъ по головкѣ.

Нужно было знать такъ хорошо Захолустную улицу, какъ знали ее Орловы, чтобы вполнѣ угадать впередъ все, что ихъ ждетъ на утро. Анна Андреевна, точно преступница, тайкомъ прокралась къ Лампадову съ письмами брата, прося въ душѣ Бога только объ одномъ, чтобы никого не встрѣтить по дорогѣ. Андрей Ивановичъ ранехонько утромъ исчезъ изъ дома, тоже стараясь проскользнуть никѣмъ незамѣченнымъ. Марья Ѳедоровна долго не рѣшалась выйти изъ дому за мясомъ, вполнѣ сознавая, что въ лавкѣ отъ людей не спрячешься. Она давно уже страдала сердцебіеніемъ, а теперь, какъ она сама говорила, сердце просто выскочить хотѣло. Наконецъ она собралась съ силами, одѣлась и, какъ всегда, не послала кухарку, а сама пошла за закупками. Она вышла изъ дому суровая, нахмуренная и неприступная, какою она бывала только въ давно минувшіе дни, когда ее звали «королемъ-бабой», когда къ ней не очень-то смѣли приступать съ глупыми распросами. Правда, теперь она не смотрѣла дюжей, здоровой и сильной женщиной, какъ въ тѣ времена, но, пожалуй, въ настоящее время она, исхудалая, блѣдная, съ впалыми глазами, съ посѣдѣвшими волосами, смотрѣла еще болѣе строго и неприступно. На нее съ любопытствомъ смотрѣли встрѣчавшіеся съ ней люди, которые знали ее только по виду, но никогда не говорили и не кланялись съ ней. Ихъ мучило любопытство, имъ хотѣлось заговорить съ ней, но они словно чего-то боялись. Они перешептывались между собою и указывали на нее глазами: «это Орлиха!» Она шла, не смотря по сторонамъ, сдвинувъ брови, поджавъ сурово губы. Наконецъ, она дошла до мясной лавки и вошла въ нее. За ней шмыгнули туда тотчасъ двѣ-три бабенки. Она, не обращая ни на кого вниманія, спокойно выбрала кусокъ мяса, спросила о цѣнѣ, велѣла отвѣсить три фунта. Все это говорилось коротко, отрывисто.

— Что это народъ-то толкуетъ, Марья Ѳедоровна?—спросилъ ее мясникъ тихимъ шепотомъ.—Несчастіе у васъ?

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ,—отрывисто отвѣтила она.

— Такъ значитъ-съ это точно, что Дмитрія Андреевича взяли-съ?—спросилъ онъ.

— Да,—коротко отвѣтила она.

— А смѣю спросить, за что?—спросилъ онъ.

— А за то, что не смѣй подлецовъ подлецами называть,— отвѣтила она уже довольно громко.

Мясникъ удивился.

— Тебя бить будутъ, а ты молчи да пресмыкайся, вотъ и не попадешься,—продолжала она, еще возвышая голосъ.—Ну, а и песъ, если ему на хвостъ наступятъ, огрызается...

Өна точно отрубала фразы, коротко, рѣзко, отрывисто.

— Такъ-съ,—согласился мясникъ.

— Люди-то только есть такіе, что ты ихъ сколько ни колоти, они все тебѣ руки лизать будутъ,—сказала она презрительно.—Вотъ мой-то сынъ не изъ такихъ,—ну, и позвали къ отвѣту.

— Да вѣдь уже выше начальства не будешь,—замѣтилъ мясникъ.

— Каково начальство: иное начальство-то такое, что нутро поворачивается, смотря на него,—отвѣтила Марья Өедоровна.

Она забрала мясо и тою же ровною и степенною походкой вышла изъ лавки, не опуская головы, смотря прямо въ лицо людямъ. А сердце, ея горячее сердце такъ и билось, такъ и билось, такъ и стучало въ груди. На дорогѣ ее встрѣтила Митревна:

— Голубушка, Марья Өедоровна, горе-то экое надъ тобой стряслось!—воскликнула она, идя на встрѣчу къ Орловой.—Митрія-то Андреевича жандары, говорятъ, забрали, подъ судъ увезли.

— Ну?—спросила Марья Өедоровна, глядя на нее въ упоръ.—Ну, увезли, такъ кому до этого какое дѣло?

— Да какже!—воскликнула Митревна.—Чай, свои люди, не чужіе.

— Свои люди!—усмѣхнулась Орлова съ горькой ироніей.—Поди, чай, радуются эти свои люди, что соколу крылья связали, что орлу ноги перешибли. Свои люди!.. Это онъ-то ихъ своими людьми считалъ, а не они его; онъ-то толковалъ, что бѣдному человѣку житья нѣтъ, что бѣдный человѣкъ утѣсненъ, а они... они первые глаза ему выклевали бы, еслибъ ихъ воля надъ нимъ была. Какже, завидно, что выше ихъ сталъ, что въ гору пошелъ. Свои люди!... Да я этихъ своихъ людей на порогъ къ себѣ не пущу, коли они съ распросами да съ пересудами придутъ. Ноги я этимъ своимъ людямъ полѣньями обломаю, если ихъ языкъ

при мнѣ посмѣется говорить о моемъ сынѣ. Наше это горе, наше, такъ до этого горя имъ и дѣла нѣтъ! Надъ ними ничего не стрясется, потому что забились въ свои норы, да имъ ни до чего и дѣла нѣтъ, хоть весь свѣтъ вверхъ дномъ перевернись. Будочнику каждому въ ноги готовы кланяться да руки у него лизать; бьютъ-то ихъ, жаль, мало,—не такъ бы, не такъ бы надо!

У нея захватило духъ отъ припадка сильнаго сердцебіенія. Она взялась рукой за грудь, точно стараясь придавить свое сердце, и быстро пошла своею дорогой, даже не простившись съ Митревной, даже не кивнувъ ей головой. Ей было страшно тяжело. Она никакъ не умѣла связно высказать всѣмъ захолустенцамъ, что ея сынъ—не воръ, не мошенникъ, не разбойникъ, а просто человѣкъ, у котораго наболѣло много на душѣ и который не скрываетъ этого наболѣвшаго передъ другими. Она между тѣмъ понимала, что теперь ей придется отгрызаться не день, не два передъ сотнею людей, что эти люди будутъ сочинять всякія небывальщины про ея сына. Они скажутъ: «Хороша семья: отецъ по кабакамъ шляется, племянница потаскушкой сдѣлалась, племянникъ одинъ—полоумный, другой—бродяга, сынъ—мошенникъ и воръ, полиціей изловленный». Обо всемъ этомъ будутъ говорить въ каждомъ домѣ, въ каждомъ углѣ. Это надрывало гордую душу Орловой, наполняло ее злобой. Когда Анна Андреевна пришла домой отъ Лампадова и замѣтила матери, что она пробѣжала домой «сторонкой», Марья Ѳедоровна вспылила и раздражительно замѣтила ей:

— Что-жь, мы воры какіе-нибудь, что ли, что намъ надо отъ людей хорониться?

— Да все же,—начала было Анна Андреевна.

— Что все же? Что все же?—перебила ее строптиво Марья Ѳедоровна.—Я всѣмъ прямо въ глаза смотрю, потому не укралъ мой сынъ ничего, не убилъ никого. А что онъ говорилъ громко про неправду всякую, такъ за это, сама же вчера еще говорила, и святые вѣнецъ мученическій приняли,—и стыдиться тутъ нечего...

Анна Андреевна съ удивленіемъ взглянула на мать.

— Сама я такою же была и онъ такимъ вышелъ,—продолжала Марья Ѳедоровна.—Головы наши непокорныя, непоклонныя, оттого ихъ и наровитъ каждый подлецъ силой къ землѣ пригнуть. Ну, да Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ! Сама я все это извѣдала, какъ надъ тобой надругаться каждый хочетъ за

то, что ты не кланяешься да рукъ ни у кого не лижешь. Тоже не мало перемила, не мало выстрадала. Еслибы шею-то умѣла гнуть, такъ теперь въ своихъ экипажахъ ѣздила бы....

Старуха точно выросла, точно въ ней воскресла прежняя Марья Ѳедоровна съ строптивымъ, горячимъ сердцемъ, съ непоклонною, гордою головой. Анна Андреевна казалась передъ ней какою-то пришибленною, приниженною и цѣлою личностью. Ей хотѣлось плакать и молиться, ныть и жаловаться, а у Марьи Ѳедоровны звучали только злобныя и суровыя ноты. Марья Ѳедоровна походила на бойца, закаленнаго въ житейскихъ битвахъ и не сдающагося врагу; Анна Андреевна походила на мученицу, умѣющую только прощать и молиться.

— Сердце-то вотъ мое только разрывается въ груди, дышать тяжело,—сказала Марья Ѳедоровна,—а то бы я еще поговорила съ людьми.

Она потерла себѣ лѣвую руку повыше локтя.

— Что вы, мама? Рука у васъ болитъ?—спросила Анна Андреевна.

— Ревматизмъ, вѣрно. Давно все побаливаетъ лѣвая рука. Ноетъ все...

— Помазать бы чѣмъ-нибудь...

— Ну ее, и такъ пройдетъ...

Марья Ѳедоровна принялась при помощи кухарки за стряпню въ кухнѣ.

Послѣ обѣда возвратился домой Андрей Ивановичъ, и возвратился совершенно трезвымъ. Онъ смотрѣлъ серьезно и торжественно.

— Вотъ, мать, деньги,—сказалъ онъ, подавая Марьѣ Ѳедоровнѣ нѣсколько кредитныхъ билетовъ.—Поди, въ домѣ не очень-то густо.

— Ужь гдѣ!—вздохнула Марья Ѳедоровна, удивленная этой неожиданностью.

Андрей Ивановичъ давно не приносилъ домой денегъ.

— Какъ-нибудь перебьемся, пока не выяснится дѣло,—продолжалъ Андрей Ивановичъ.—Я ужь справлялся, гдѣ могъ. Кажется, все обойдется благополучно.

Марья Ѳедоровна оживилась.

— Ты узнавалъ о немъ?—воскликнула она.

— Узнавалъ!—отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.—Тоже знакомые

вездѣ есть... Вѣкъ проживешь, такъ и со шпіонами, и съ мазуриками не мало соли переѣшь...

— Точно разбойника какого схватили да засадили,—проговорила Марья Өедоровна. — Ни за что, ни про что срамятъ человѣка. Людямъ-то не растолкуешь, что онъ ни душой, ни тѣломъ не виноватъ, что онъ добра имъ же желаетъ, а не воръ какой-нибудь, не убійца.

Андрей Ивановичъ нахмурился и спросилъ:

— Вѣрно, колотовки разныя ужъ забѣгали?

— Такъ я и пущу всякую сволочь!—сказала Марья Өедоровна!—А только знаю я нашу улицу. Рада чужому несчастію. Ей бы только чужіе бока перемывать.

— Гони, гони всѣхъ, кто ни придетъ!—сказалъ Андрей Ивановичъ.—Не ихъ уму понимать это дѣло и судить Дмитрія. Пусть сошлютъ его, а все же не имъ судить его.

Анна Андреевна не выдержала и заплакала, услышавъ послѣднюю фразу отца. Андрей Ивановичъ нахмурился.

— Чего хнычешь? Всѣмъ не легко!—рѣзко сказалъ онъ.—Я вонъ вчера, можетъ-быть, больше васъ всѣхъ изстрадался, что родного сына обнять не смѣлъ, потому что сына арестуютъ, а подлецъ-отецъ подъ хмѣлькомъ изъ веселой компаніи идетъ. А видишь, не плачу, не хнычу! Потому теперь не плакать надо, а работать, вдвое работать, чтобы на его шеѣ не сидѣть, чтобы быть готовымъ ему самому помочь, если что съ нимъ случится. Да, я—старая крыса, я сутяга, я пьяница, но я отецъ. Умру, на могилу онъ ко мнѣ придетъ и скажетъ, что я отецъ ему былъ, истинный отецъ! А плакать, хныкать — на это у всякаго силъ хватитъ, ты только на это и способна...

Онъ махнулъ рукой. Когда онъ вышелъ изъ комнаты, Марья Өедоровна набожно перекрестилась.

— Аня, Аня, видѣла ты, слышала ты?—спросила она шепотомъ.—Потрясло человѣка... Теперь онъ ночей не будетъ спать, работать будетъ... Я вѣдь его знаю, знаю... Не разъ воскресалъ онъ... Господи, подкрѣпи его!...

И опять у нея захватило духъ, такъ что пришлось присѣсть. Рука разныласъ еще сильнѣе.

— Что это со мной сегодня! Совсѣмъ расклеилась,—проговорила Марья Өедоровна.—Охъ, старость, старость! Такою ли была когда-то! Бывало, все ни-по-чемъ...

Но она пересилила себя и опять принялась работать. Она упорно вступала въ борьбу съ зловѣщимъ недугомъ.

Лампадовъ между тѣмъ уже успѣлъ побывать у князей Русовыхъ. Они были очень изумлены, узнавъ объ арестѣ Дмитрія Андреевича, и, конечно, обѣщали все разузнать и похлопотать. Княгиня волновалась и наговорила цѣлую кучу либеральныхъ фразъ о гнетѣ, о несправедливостяхъ, о произволѣ. Князь только пожалъ плечами и замѣтилъ коротко: «вѣчно все дѣлается на-обумъ». Затѣмъ и мужъ, и жена поѣхали къ разнымъ знакомымъ, на содѣйствіе которыхъ можно было надѣяться, чтобы разузнать все о Дмитріи Андреевичѣ. Свѣдѣнія были очень неудовлетворительныя и смутныя: «покуда ничего нельзя сказать опредѣленнаго», «сношенія съ опасными личностями», «неосторожные разговоры», «подозрѣнія въ неблагонамѣренности»—вотъ все, что слышалось въ отвѣтъ на распросы, и при этомъ говорилось въ утѣшеніе, что «все, разумѣется, кончится пустяками», что тутъ просто «молодая неосторожность», что, «вѣроятно, серьезнаго ничего нѣтъ». Княгиня горячилась, слыша эти отвѣты; князь выслушивалъ ихъ тоже съ видомъ неудовольствія, пожимая плечами. Было очевидно, что все вышло изъ пустяковъ, изъ неумѣнья отличить серьезнаго дѣла отъ праздной болтовни. Но эти пустяки могли отозваться очень дурно на цѣлой жизни человѣка. Вечеромъ Лампадовъ зашелъ къ князю и князь сказалъ ему:

— Вѣроятно, онъ столько же заговорщикъ, сколько и я; но тутъ повторяется басня о пастухахъ и волкахъ: первые рѣжутъ теленка по праву, вторые дѣлаютъ преступленье, съѣдая его. Во всякомъ случаѣ, я не оставлю нашего друга.

Когда Лампадовъ выходилъ отъ князя, его остановила въ гостиной княжна Софья Александровна. Это была молоденькая, очень миловидная дѣвушка, невысокая ростомъ, съ мелкими чертами лица, съ довольно большимъ лбомъ, съ черными добрыми и задумчивыми глазами.

— Дѣдушка, неужели это правда?—тревожно спросила она старика, котораго всѣ дѣти князя называли дѣдушкой.

— Что, милая моя барышня, правда-то? О чемъ спрашиваете?—ласково сказалъ онъ, взявъ ея руку и гладя ее.

— Говорятъ, Митю взяли, арестовали?—сказала она.

— Да, да, бѣда такая случилась,—отвѣтилъ старикъ.

— Но за что же?... Развѣ онъ—преступникъ?..

— Что вы, что вы, внучка милая!... Такъ взяли, по недоразумѣнію,—заподозрили, что онъ злоумышленникъ...

— Злоумышленникъ?

— Ну, да, то-есть не злоумышленникъ, не злодѣй, а горячій человѣкъ...

Ламкадовъ спутался и махнулъ рукой.

— Ну, заподозрили, что онъ говоритъ лишнее, чего не надо говорить. Черное чернымъ называетъ, а бѣлое бѣлымъ!—сердито закончилъ онъ.

Она тяжело вздохнула.

— Его выпустятъ?—спросила она, тревожно смотря на старика.

— Выпустятъ, выпустятъ, матушка. Вотъ похлопочутъ за него вліятельные люди, его и выпустятъ. Такъ-то бы, можетъ-быть, и не выпустили. Ну, а съ протекціей и не изъ такихъ исторій выпутываются...

Она задумчиво опустила голову.

— Ни за что взяли... Есть протекція, такъ выпустятъ,—прошептала она въ раздумьи, какъ бы про себя, и потомъ, точно очнувшись, проговорила:—Спасибо вамъ, дѣдушка, что объяснили... Я такъ встревожилась... Я думала, онъ что-нибудь дурное сдѣлалъ...

— Ахъ, вы золотое сердце,—право, золотое сердце! Всѣхъ-то вамъ жаль, обо всѣхъ-то безпокоитесь,—сказалъ старикъ.

— Да вѣдь онъ же у насъ свой,—отвѣтила задушевнымъ тономъ дѣвушка.

Дмитрій Андреевичъ сидѣлъ между тѣмъ въ III отдѣленіи и ждалъ допроса. Это были мучительные дни неизвѣстности и ожиданій. Онъ не зналъ, о чемъ его будутъ допрашивать, въ чемъ его будутъ обвинять, въ чемъ придется ему оправдываться, какія лица онъ можетъ запутать своими показаніями. По неволѣ приходилось обернуться назадъ и провѣрить свое прошлое, прослѣдить шагъ за шагомъ пройденный путь. Эта внутренняя работа началась, и какъ удивился онъ, увидавъ, что въ сущности все, о чемъ его могутъ спросить, вполнѣ невинно или незначительно, а что значительно именно то, о чемъ его и не спросятъ, но за что приходится каяться въ глубинѣ души. Онъ сознавалъ, что онъ иногда былъ неосторожень, что онъ часто много болталъ, что онъ порой мальчишествовалъ, тогда какъ онъ могъ тихо и спокойно работать на плодотворномъ поприщѣ. Онъ бо-

... и неосторожности онъ ... -полезнымъ членомъ ... административнымъ порядкомъ, ... что тогда? Всѣ мечты о по... ... придется бездѣйствовать, медленно ... отъ нищеты и скуки. А семья? ... на карту, не умѣя воздержаться отъ ... отъ неразборчиваго отношенія къ людямъ. ... тѣмъ именно въ его положеніи и нужно было быть ... осторожнымъ. Будь онъ княземъ Русовымъ,— о, ... другое дѣло! Этимъ людямъ нужно надѣлать много дѣйствительныхъ преступленій, чтобъ ихъ заподозрили въ неблагонамѣренности. Да эти люди и въ ссылкѣ не пропадутъ: у нихъ есть деньги для существованія, для дѣятельности. А что такое онъ?—голь перекатная и больше ничего. Его могутъ раздавить, потому что его физіономія не понравилась, потому что его тонъ не по вкусу пришелся. Съ такими, какъ онъ, не церемонятся. Кто заботится, кто справляется, куда исчезаютъ эти Орловы, Ивановы, Өедоровы? И еслибъ еще онъ говорилъ дѣйствительно, какъ заговорщикъ, какъ агитаторъ, такъ нѣтъ! Онъ просто говорилъ рѣзкія фразы, потому что ему иногда было досадно, какъ медленно идутъ реформы и улучшенія, какъ плохо развивается общество на пути прогресса. Онъ досадовалъ на это, хотя въ глубинѣ души вполнѣ сознавалъ, что вдругъ ничего не подѣлаешь, что авгіевы конюшни общественной жизни никакой Геркулесъ не въ силахъ вычистить разомъ, несмотря на всю искренность желанія сдѣлать это дѣло. Но какъ бы то ни было, а равнодушно говорить объ этомъ, конечно, нельзя тому, кто любитъ родину, кто желаетъ ей добра. Вотъ онъ и говорилъ, горячась и волнуясь. А у насъ каждая горячность, каждое увлеченіе, каждая рѣзкость въ подобныхъ вопросахъ считается преступленіемъ, злонамѣренностью. И между тѣмъ именно у насъ больше всего рѣзкихъ на словахъ людей и менѣе всего дѣйствительныхъ серьезныхъ злоумышленниковъ. Нигдѣ не платятся люди такъ часто за простое легкомысліе, за увлеченія, за неосторожность, какъ у насъ, и нигдѣ не можетъ такъ хорошо укрываться осмотрительная злонамѣренность, какъ у насъ. Стоитъ только прикидываться овцой и тебя такъ и будутъ считать за овцу пока ты не впустишь въ противниковъ своихъ волчьихъ зубовъ. Такой овцой надо будетъ прикинуться хоть теперь. Въ этомъ

единственное спасеніе. Первая горячность, первая рѣзкость на допросѣ—и дѣло проиграно. Надо не унижаться, не подличать, не выдавать другихъ, но спокойно и хладнокровно отрицать всякую принадлежность къ числу недовольныхъ. Надо прикинуться дѣловымъ человѣкомъ, не знающимъ другихъ интересовъ, кромѣ работы. Надо даже явиться немного хлыщомъ и ловко замѣтить, что свободные отъ занятій часы проводятся не въ пустыхъ словопреніяхъ, а въ театрахъ и на балахъ. Лгать, лгать и лгать—вотъ единственное спасеніе здѣсь. Съумѣетъ ли онъ разыграть свою роль?—О, да, онъ ее исполнитъ хорошо.

— Еще съ дѣтства напускать на себя чортъ знаетъ что научился!—желчно пробормоталъ онъ.

И передъ нимъ пронеслась картина всего прошлаго. Господи, сколько его ломала жизнь, какъ ненормально она сложилась. Вотъ онъ, ребенокъ, растетъ подъ вліяніемъ сумасшедшаго старика и доходитъ до чудовищнаго развитія воображенія; вотъ онъ, бѣднякъ, узнаетъ всю прелесть роскоши и богатства, играя роль пріемыша въ чужихъ палатахъ; вотъ онъ, ненавидящій въ душѣ богачей, завидующій въ душѣ сильнымъ, любящій всѣмъ сердцемъ голь, чувствуетъ чуть не суевѣрный страхъ передъ богачами и гордится возможностью быть у нихъ своимъ человѣкомъ; вотъ онъ, облагодѣтельствованный добрымъ старымъ бариномъ, обманываетъ его, развратничая съ его женой; вотъ онъ, стремящійся содѣйствовать серьезнымъ начинаніямъ правительства, великой реформаторской дѣятельности высшей власти, попадается за болтовню въ тюрьму, стоитъ на краю гибели... И сотни другихъ мелкихъ противорѣчій, недоразумѣній, ошибокъ, мучительныхъ сценъ пронеслись въ его головѣ. А онъ еще былъ самый счастливый человѣкъ изъ окружавшей его съ дѣтства голи. Другимъ жилось еще хуже, другіе падали еще ниже, у другихъ жизнь убивала все—и честь, и совѣсть, и добрые порывы. Въ немъ тоже многое было искалѣчено, но онъ сознавалъ одно великое благо: онъ не потерялъ способности ловить и обличать самого себя при каждомъ проступкѣ, при каждомъ невѣрномъ шагѣ. Въ немъ точно жило два человѣка: одинъ вѣчно падающій и согрѣшающій, другой вѣчно наблюдающій за первымъ и произносящій приговоры этому первому. Эта двойственность была мучительна,—въ ней было что-то болѣзненное,—но Орловъ теперь смутно сознавалъ, что для него было бы страшнѣе всего потерять именно эту двойственность: когда замолкнетъ въ его

душѣ этотъ неумолимый судья,—онъ, Орловъ, перестанетъ быть человѣкомъ,—онъ будетъ чиновникомъ, литераторомъ, купцомъ, чѣмъ угодно, но человѣкъ въ немъ умретъ. Что-то успокоительное, что-то отрадное повѣяло на его душу послѣ этихъ размышленій. Онъ какъ будто ободрился и уже безъ всякаго волненія ждалъ не только допроса, но и рѣшенія своей судьбы.

День допроса, наконецъ, настатъ и къ величайшему удивленію какъ самихъ допрашивающихъ, такъ и самого допрашиваемаго оказалось, что допрашивать его вовсе не о чемъ: самъ онъ былъ ни въ чемъ не замѣшанъ серьезно, сказать же что-нибудь новое о лицахъ, серьезно замѣшанныхъ въ дѣла, онъ не могъ, да у него и не стали объ этомъ спрашивать, такъ какъ все было уже выяснено, взвѣшено, обсуждено и безъ него. Вмѣсто допроса вышелъ какой-то вѣжливый разговоръ съ массой ненужныхъ любезностей и оговорокъ о тяжелыхъ временахъ, о недоразумѣніяхъ. Когда ему объявили, что онъ свободенъ, у него къ горлу подступила желчь и на языкѣ вертѣлся одинъ вопросъ: «но почему же, для чего же его лишали свободы на нѣсколько дней?» Онъ однако удержался отъ этого вопроса, зная, что онъ находится именно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ отчетовъ не даютъ ни въ чемъ и никому. Никогда еще онъ не испытывалъ такого прилива безсильной злости, какъ теперь. Онъ и смѣялся, и стискивалъ зубы, вспоминая объ этой траги-комедіи ареста, стоившаго стольких страховъ и волненій не изъ-за чего. Ему было бы легче, еслибъ его стали въ чемъ-нибудь обвинять, еслибъ ему пришлось горячо оправдываться. Ему было точно обидно, что послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ тревогъ и опасеній его считаютъ какъ будто не стоющимъ даже и допроса.

Тотчасъ же по освобожденіи онъ пріѣхалъ домой, чтобы передать все семьѣ, успокоить всѣхъ и поѣхать къ князю. Но дома его ожидала непріятная новость: онъ засталъ мать въ постели. Ея лицо осунулось, глаза впали, грудь дышала тяжело, прерывисто. Больная, казалось, не дышала, а отдувалась. Она сильно обрадовалась пріѣзду сына, но эта радость окончательно захватила ея дыханіе и лишила ее на нѣсколько минутъ возможности сказать хоть слово.

— Мама, голубушка, что съ вами?—воскликнулъ Дмитрій Андреевичъ, склоняясь къ ея рукѣ.

— Сердце... сердце болитъ... Рука ноетъ... Это пройдетъ, голубчикъ, пройдетъ,—шептала отрывисто больная.

— Доктора звали? — спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Былъ... Порокъ какой-то сердца нашелъ... Ну, да что они знаютъ... Вотъ ты — мой докторъ... Увидала тебя — и здорова, и ожила, — съ улыбкой твердила больная, но ея губы шевелились съ трудомъ.

Анна Андреевна, когда братъ сталъ ее распрашивать о матери, шепотомъ объяснила ему, что докторъ находитъ здоровье матери въ очень плохомъ состояніи.

— Малокровіе, говоритъ, и порокъ сердца, — сказала Анна Андреевна. — Это, говоритъ, у нея давно; но, вѣроятно, какія-нибудь непріятности обострили болѣзнь... Нужно, говоритъ, полное спокойствіе... Отека легкихъ боится...

Дмитрій Андреевичъ ходилъ по комнатѣ, покусывая ногти. Въ комнату вошелъ Андрей Ивановичъ. Онъ обнялъ сына и мимоходомъ замѣтилъ Аннѣ Андреевнѣ, чтобъ она шла къ матери.

— Плохо, Митя, плохо! — заговорилъ онъ, когда они остались одни. — Видѣлъ мать-то?... Очень плоха!...

— Но, отецъ, ты не думаешь, что она опасно больна? — спросилъ сынъ.

— Опасно, голубчикъ, очень опасно!

— Господи, это ее убилъ мой арестъ!

— Нѣтъ, Митя, нѣтъ!... Все убило, все... Жизнь убила!... Не вчера эта болѣзнь началась... Давно сердце болѣло, давно рука ныла... Это не отъ ревматизма, а отъ сердца...

Старикъ отеръ глаза.

— А мы подливали масла въ огонь, подтачивали... Я-то, я-то одинъ, окаянный, сколько дней ей отравилъ, — проговорилъ онъ. — Своими руками яму ей разрывалъ... Въ эти-то дни все вспомнилось, все пришло въ голову... Хожу теперь за ней, хожу... Сперва жизнь отравилъ, а теперь хожу за ней...

Онъ въ слезахъ опустилъ голову. Дмитрій Андреевичъ обнялъ его.

— Полно, голубчикъ, полно! Всѣ мы — изломанные люди, всѣмъ намъ многое простится, потому что перенесли мы много, — сказалъ онъ.

— Много, много, Митя... Только тяжело, какъ вспомнишь, что самъ подливалъ еще близкимъ, дорогимъ яду... Неумышленно, видитъ Богъ, неумышленно, по своей слабости, по своей неумѣлости, а все же подливалъ...

— Но хорошій ли докторъ ее лѣчитъ? Не надо ли другаго позвать?—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.—Я позову другого для совѣта... Надо все сдѣлать, чтобы спасти ее...

Онъ прошелъ къ больной, сѣлъ къ ея постели, взялъ ее за руку. Она тихо улыбнулась ясною улыбкой.

— Вотъ я и здорова... Докторъ мой около меня, я и здорова, — шептала она. — Я и умру спокойно, если ты тутъ будешь.

— Мама, съ чего это вы о смерти говорите!—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— А что же? Пожила довольно, довольно. Я не боюсь смерти... Чего мнѣ бояться? Богъ проститъ, а вы... Вотъ вы всѣ около меня, любите меня всѣ — и Андрей Ивановичъ, и Аня, и Леша, и ты... Всѣ любятъ... Я—счастливая... Жена счастливая была и мать счастливая... Всю жизнь всѣ любили, никогда не переставали любить...

Она на минуту закрыла глаза, потомъ открыла ихъ снова.

— Митя, отца береги... Добрый онъ отецъ, — проговорила она и снова какъ будто задремала.

Дмитрій Андреевичъ тихо поднялся съ мѣста и отправился къ доктору. Его душили слезы. Докторъ сказалъ ему, что положеніе Марьи Ѳедоровны очень опасно, что она можетъ прожить еще мѣсяцы и можетъ умереть сегодня же. Докторъ боялся отека легкихъ. Орловъ спросилъ доктора, не считаетъ ли тотъ нужнымъ пригласить еще врача; но докторъ объявилъ, что болѣзнь вполнѣ ясна, что средствъ другихъ для лѣченія нѣтъ и что приглашеніе другаго врача не поведетъ ни къ чему. Отъ доктора Дмитрій Андреевичъ проѣхалъ къ князю. Князь уже зналъ объ его освобожденіи и крѣпко обнялъ его. Но лицо старика было не весело.

— Ну, ужъ другой разъ не попадусь!—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ.—Это такъ пошло, такъ глупо вышло, что, право, я успокоиться не могу...

— А главное—это будетъ имѣть такія плачевныя послѣдствія,—сказалъ князь грустно.—Я сейчасъ былъ у министра и тамъ мнѣ сказали, что тебя надо на время убрать...

Дмитрій Андреевичъ широко открылъ глаза.

— Какъ убрать?—спросилъ Орловъ, измѣняясь въ лицѣ.

— Тебя на время переводятъ въ провинцію на службу, — отвѣтилъ князь.

— Но это невозможно!—воскликнулъ Дмитрій Андреевичъ.— Я поѣду, я объясню, что тутъ недоразумѣніе, что я признанъ ни въ чемъ невиновнымъ...

— Я это все объяснилъ за тебя и все-таки мнѣ отвѣтили, что надо удалить тебя на время, чтобъ эта исторія забылась. Теперь тяжелое время...

— Какая исторія, какая?—горячился Дмитрій Андреевичъ.— Та, что по ошибкѣ, по недоразумѣнію взяли человѣка и потомъ, чуть не извиняясь передъ нимъ, выпустили его? За это удалять въ провинцію? Да это безчеловѣчно! Я наконецъ подамъ въ отставку...

Князь сощурилъ глаза.

— А если тебя и тогда удалятъ отсюда, но уже не на службу?—спросилъ онъ.

Дмитрій Андреевичъ испуганно взглянулъ на него.

— Это ваше предположеніе?—спросилъ онъ.

— Это мое убѣжденіе!—отвѣтилъ князь.—Тамъ на тебя сердиты. Тамъ говорятъ, что даромъ не ловили взять человѣка, что, конечно, ловкій человѣкъ можетъ скрыть концы, но что за нимъ нужны глаза и глаза... Они, быть-можетъ, правы...

Онъ положилъ руку на плечо Дмитрія Андреевича и мягко сказалъ ему:

— Не протестуй, покорись, уѣзжай, а я буду хлопотать здѣсь, чтобъ изгнаніе продолжалось не долго. Теперь у всѣхъ какіе-то красные призраки въ глазахъ, можетъ-быть и не безъ основанія, и потому не слѣдуетъ ихъ дразнить. Я дамъ тебѣ рекомендательныя письма въ провинцію. Понемногу здѣсь забудутъ твою исторію, забудутъ, что ты былъ въ подозрѣніи, и тогда ты вернешься снова... Другіе отдѣлываются не такъ легко...

Дмитрій Андреевичъ опустилъ голову. Онъ не ждалъ такого результата всей этой исторіи. Его точно что пришибло.

— Но у меня умираетъ мать,—проговорилъ онъ.

— Что ты?—съ участіемъ сказалъ князь.—Что съ нею?...

Дмитрій Андреевичъ разсказалъ.

— Я не могу ее бросить,—закончилъ онъ.

— Ну, тебя не станутъ торопить. Можетъ-быть еще она поправится и ее можно будетъ увезти на югъ... Въ этихъ болѣзняхъ климатъ много значитъ... Не нуждаешься ли ты въ деньгахъ?...

Орловъ поблагодарилъ князя. Онъ былъ въ самомъ тяжеломъ настроеніи духа. Ѣхать въ провинцію на маленькое мѣсто ему

было страшно. Протестовать и остаться здѣсь—онъ самъ начиналъ бояться послѣдствій этого протеста. Кто могъ поручиться, что его не удалятъ? Не безъ причины же князь намекнулъ на это. Да если его и не вышлютъ, то что онъ будетъ дѣлать? Заниматься частной работой у князя, давать частные уроки, писать въ журналахъ? Перебиться такъ можно, но ему хотѣлось страстно быть дѣятелемъ въ оффиціальномъ мірѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что у насъ только оффиціальныя лица и могутъ сильно вліять на дѣла, дѣлать дѣло. Онъ жаждалъ одного—сдѣлать карьеру и стать въ число правящихъ, а не управляемыхъ. Онъ еще молодъ, очень молодъ, годы изгнанія пройдутъ быстро, онъ вынырнетъ снова на сцену и тогда...

— Я поѣду хоть въ Сибирь, но ради Бога не забудьте, что годы уходятъ,—сказалъ онъ князю рѣшительнымъ тономъ.—Я, князь, хочу быть дѣятелемъ и буду имъ, во что бы то ни стало. Если мнѣ люди загородятъ дорогу къ оффиціальной общественной дѣятельности, — имъ же хуже. Безполезнымъ прозябаньемъ я не удовлетворюсь и только поставлю на карту эту жизнь, чтобы или все потерять, или все выиграть. Да, такъ или иначе я добьюсь своего. Но мнѣ покуда нужна поддержка!

— Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь забуду тебя?—отвѣтилъ старикъ, обнимая его.

Дмитрій Андреевичъ, не заглянувъ даже на половину княгини, прошелъ отъ князя къ Лампадову, чтобы разсказать ему все, что случилось.

Старикъ сидѣлъ дома со своей сестрой. Ольга Григорьевна, все по-прежнему розовая и пухленькая, но сильно посѣдѣвшая старушка, что-то разсказывала брату и замолчала при входѣ Орлова. Племянникъ и старикъ разцѣловались между собою. Орловъ разсказалъ о своемъ арестѣ и освобожденіи.

— Ну, и слава Богу, что все такъ кончилось, —сказалъ старикъ, не дослушавъ до конца.—Но вотъ дома-то у тебя не ладно, мать-то плоха...

— Докторъ говоритъ...—началъ Дмитрій Андреевичъ и не кончилъ.

Въ квартиру Лампадова быстро вошла молодая служанка Орловыхъ, Марѳа.

— Не пришелъ ли молодой баринъ?—раздался ея голосъ въ передней.—Барынѣ худо, умираетъ совсѣмъ...

Орловъ вскочилъ съ мѣста.

— Ступай, ступай!—сказала Ольга Григорьевна.—Я сейчасъ оттуда, ей худо...

Дмитрій Андреевичъ почти бѣгомъ пустился домой. Марья Өедоровна, поддерживаемая дочерью и мужемъ, сидѣла на постели, тяжело дыша, точно всхлипывая и высоко поднимавшеюся грудью.

— Пришелъ, пришелъ! — заговорила она отрывисто, завидѣвъ сына, и заметалась.—Образъ... Благословить хочу, благословить...

Ей подали образъ. Дмитрій Андреевичъ, весь похолодѣвшій, опустился на колѣни у постели. Мать дрожащими руками благословила его и въ изнеможеніи упала на подушки. Ея лицо осунулось, глаза были полузакрыты, губы обтянулись на деснахъ; грудь поднималась высоко и изъ нея вылетали такіе звуки, какъ будто отдувался сильно запыхавшійся человѣкъ. Дмитрій Андреевичъ цѣловалъ ея руки и поминутно заглядывалъ въ ея лицо.

— Доктора, ради Бога, доктора!—шепталъ онъ молящимъ голосомъ.

— Послали, братецъ, послали за докторомъ!—отвѣтила Анна Андреевна.

Минутъ черезъ пять Марья Өедоровна слабо прошептала:

— Всѣ тутъ... родные!

Потомъ она снова замолчала и ея дыханіе сдѣлалось рѣже. Полузакрытые глаза приняли холодный оттѣнокъ свинца. Въ комнатѣ послышались осторожные шаги доктора.

— Докторъ, ради Бога... Что дѣлать?—прошепталъ Дмитрій Андреевичъ.

Докторъ наклонился ухомъ къ груди больной и заглянулъ въ ея глаза, приподнявъ вѣки. Глаза не шевелились.

— Крѣпкаго кофе,—сказалъ докторъ.

Дмитрій Андреевичъ не спускалъ глазъ съ матери и, кажется, все понялъ.

— Нужно ли, докторъ?—спросилъ онъ тихо.

Докторъ махнулъ рукой. Грудь больной дышала все слабѣе и рѣже, наконецъ она вовсе перестала подниматься, изъ нея уже не вылетало ни звука; въ рукахъ Дмитрія Андреевича была мертвая рука, не отвѣчавшая на его пожатія...

Никогда не думалъ Дмитрій Андреевичъ, что смерть матери такъ потрясетъ его и отца, какъ это случилось. Онъ и его отецъ забыли всѣхъ и все и плакали, какъ дѣти, навзрыдъ, безутѣшно.

Отецъ по десяти разъ въ сутки пробирался въ комнату къ покойницѣ и цѣловалъ ее, какъ живую, орошая слезами ея лицо и руки. Иногда, встрѣчая около нея сына, дочь или Лёшу, онъ съ конвульсивной улыбкой шепталъ сквозь слезы:

— Точно живая, точно живая лежитъ... Хорошая какая стала... Смотри, никто не боится.. Всѣ приходятъ и цѣлуютъ, точно живую...

Только теперь поняли они всѣ, сколько глубокой любви было у нихъ другъ къ другу. Они сомкнулись въ тѣсный кружокъ,—для нихъ не существовало ничего, кромѣ ихъ горя и ихъ любви.

— Видѣлъ могилку-то?—говорилъ на кладбищѣ старикъ.— Зеленью выложили... Маму нашу въ зелень положатъ... Вонъ и солнышко туда заглянуло, грѣетъ ея постельку... Митя, мы тоже тутъ ляжемъ, голубчикъ... Вотъ тутъ: ты—тамъ, я—здѣсь, съ мамой рядомъ... Въ гости къ ней придемъ...

А крупныя, крупныя слезы старика такъ и лились въ эту могилу. Въ эту минуту кто-то тихо взялъ за руку Дмитрія Андреевича и мягкимъ голосомъ прошепталъ:

— Бѣдный мой, какое страшное горе!

Дмитрій Андреевичъ поднялъ глаза и увидалъ княжну Софью Александровну Русову, подошедшую къ нему подъ руку съ Лампадовымъ. Ея доброе, милое личико было орошено слезами. Дмитрій Андреевичъ крѣпко и дружески сжалъ ея руку. Его тронуло это искреннее участіе молодой дѣвушки.

— Я впервые сегодня видѣла твою мать. Какое доброе у нея было лицо,—сказала княжна.

Дмитрій Андреевичъ молча махнулъ рукой, захлебываясь отъ слезъ.

— Всю жизнь отдала семьѣ,—замѣтилъ Лампадовъ.—Святая женщина была.

Дмитрій Андреевичъ стоялъ безмолвно, а слезы такъ и лились по его щекамъ.

— Полно, добрый мой, полно!—сказала княжна.—Тебя должно утѣшить то, что и ты любилъ ее... Это такъ отрадно.

Она взяла его за руку и сказала:

— Пойдемъ въ церковь!

Онъ молча повиновался. Ему казалось, что объ руку съ нимъ идетъ добрая, нѣжная сестра. Ему было такъ отрадно это неожиданное участіе со стороны той, которую до сихъ поръ онъ считалъ только милою и ласковою дѣвочкой. Теперь она сдѣла-

лась ему вдругъ дорога и близка, какъ родная. Когда они вошли въ церковь, тамъ начиналось уже отпѣваніе. Какъ прошла служба, какъ простился Дмитрій Андреевичъ съ матерью, какъ онъ донесъ гробъ до могилы—все это совершилось какъ бы во снѣ. Наконецъ все было кончено: возвышеніе свѣжей земли надъ могилой покрыли вѣнками и оставалось только ѣхать домой, гдѣ стало однимъ дорогимъ человѣкомъ меньше. Въ головѣ Дмитрія Андреевича мелькнула мысль о необходимости отъѣзда, о томъ, что въ этомъ домѣ убавится еще одинъ человѣкъ, что сестрѣ, Лёшѣ, отцу готовится еще болѣе тяжелая участь, что остаться съ ними, избавить ихъ отъ этого горя нельзя, что чья-то чужая воля такъ или иначе вырветъ его, Орлова, изъ объятій любимой семьи. Эта мысль оскорбляла, угнетала, принижала молодаго человѣка, какъ насмѣшка, какъ издѣвательство сильнаго надъ слабымъ.

Сборы Дмитрія Андреевича въ дорогу походили на вторые похороны. Онъ чуть не плакалъ, прощаясь съ близкими и знакомыми.

Онъ, завернувъ наканунѣ отъѣзда къ Лампадову, просилъ дядю не оставлять Анну Андреевну, Лёшу, Андрея Ивановича. Далеко за полночь бесѣдовалъ онъ со старикомъ. Онъ горько упрекалъ себя за ошибки и за увлеченія; онъ высказывалъ опасеніе за будущее; онъ сильно волновался и тревожился. Упадокъ его духа былъ полный. Но старикъ былъ серьезенъ и спокоенъ.

— Кто не дѣлалъ и не дѣлаетъ ошибокъ и промаховъ,— наконецъ сказалъ онъ,—тотъ не человѣкъ, а деревянный истуканъ. Ошибается только тотъ, кто еще стремится къ чему-нибудь, кто еще живетъ каждымъ нервомъ, и только этимъ путемъ можно дойти до чего-нибудь. Я знаю, что тебѣ теперь тяжело, что ты и каешься, и упрекаешь себя, но это ничего, это—хорошо, это—отрезвляетъ. Внутренняя гроза полезна, какъ и всякая другая гроза,—спертый воздухъ разрѣжаетъ. Не мало еще придется тебѣ пережить этихъ грозъ, и когда онѣ слишкомъ сильно встревожатъ тебя, утѣшай себя тѣмъ, чѣмъ я утѣшалъ себя каждый разъ, когда дѣлалъ непоправимые промахи и ошибки,— помни въ этихъ случаяхъ, что у всѣхъ у насъ есть одно оправданіе: homo sum!

А. Михайловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МАЗЕПА.

ГЛАВА VIII *).

Возобновленіе козачества въ правобережной Украинѣ.—Палѣй.—Самусь.—Искра.—Абазинъ.—Прежняя судьба Палѣя.—Жизнь Палѣя въ Хвастовѣ. — Его подвиги противъ татаръ.—Столкновеніе съ поляками. — Сеймовой декретъ объ уничтоженіи козачества.—Неудачныя попытки поляковъ выгнать Палѣя.—Возстаніе русскаго народа противъ польскихъ пановъ. —Взятіе козаками Бѣлой-Церкви. —Свирѣпости съ обѣихъ сторонъ. —Укрощеніе возстанія.—Требованіе сдать полякамъ Бѣлую-Церковь.—Упорство Палѣя.—Самусь и Искра переходятъ на лѣвую сторону Днѣпра. — Обвиненіе Палѣя въ сношеніи съ царскими врагами.—Планъ Мазепы заманить и схватить Палѣя.

Послѣ «Руины» въ правобережномъ краѣ во власти поляковъ осталось населеннымъ одно Подѣсье — сѣверная часть нынѣшней Кіевской губерніи съ частью Волынской. Все пространство прежней Украины на югъ и на юго-западъ (въ нынѣшнихъ губерніяхъ Кіевской и Подольской) оставалось пустынею; тамъ держались съ польскими гарнизонами только два городка: Немировъ и Бѣлая-Церковь, которая поляками, вопреки договору, не была сдана Дорошенку. Занятый великою идеей войны съ мусульманскимъ міромъ, польскій король Янъ Собѣскій не побоялся мысли возстановить павшее козачество и въ 1684 году универсаломъ намѣтилъ для жительства козаковъ земли въ Украинѣ около Корсуна, Чигирина, Лысенки и Умани, именно тамъ, гдѣ прежде были полки: Чигиринскій, Черкасскій, Корсунскій, Каневскій, Бѣлоцерковскій и Уманскій [1]). Въ слѣдующемъ 1685 году состоялось сеймовое постановленіе о принятіи въ отеческое покровительство всѣхъ козаковъ, которые пожелали бы поселиться въ Украинѣ, признавъ надъ собою власть гетмана, поставленнаго отъ Рѣчи Посполитой съ правомъ пользоваться всѣми воль-

*) *Русская Мысль*, кн. III.

[1]) Арх. Юго-Запад. Россіи, ч. III, т. II, стр. 39 и 94.

ностями и привилегіями, дарованными прежними польскими королями козацкому званію [2]). Но Украина, хотя и считалась пустынею, скрывала уже въ своихъ степяхъ и лѣсахъ самовольно гнѣздившихся удальцовъ, которые, ища воли, проживали въ кустахъ и камышахъ, вкушая незатѣйливой пищи изъ пойманной рыбы или застрѣленной дичины, шатались по безбрежной и бездорожной пустынѣ, нападали на татарскіе загоны, ходившіе черезъ степи ловить яссыръ въ волынскихъ селахъ и городахъ, доставали себѣ отъ нихъ оружіе и добычу, освобождали отъ неволи своихъ братій-христіанъ [3]). То былъ первый контингентъ возобновлявшагося козачества. Но королевскій универсалъ и сеймовая конституція пробудили охоту къ козачеству въ посполитомъ русскомъ народѣ Полѣсья, Волыни и Червоной Руси, находившемся въ порабощеніи у шляхетства: такимъ образомъ начала воскресать прежняя, уже притухшая, борьба козачества со шляхетствомъ. Уже въ 1684 году, еще до сеймовой конституціи, узаконявшей козачество въ Рѣчи Посполитой, Миронъ, наказной гетмана Могиленка, разсылалъ повсюду своихъ посланцевъ увѣрять народъ, что королевскимъ универсаломъ дозволяется «хлопамъ» отрекаться отъ повиновенія панамъ своимъ и идти въ козаки. Польскій регментарь (военачальникъ) указывалъ шляхетству ловить такихъ возмутителей, отсылать къ суду и сажать на-колъ [4]). Но это не прекратило послѣдующихъ попытокъ. Въ разныхъ мѣстахъ проскакивали бунты хлоповъ—мѣщанъ и крестьянъ, раздавались похвалки молодцовъ топить всѣхъ ляховъ [5]), а иногда совершались побои и истязанія надъ особами шляхетскаго званія [6]). Противодѣйствовать такимъ явленіямъ для поляковъ было тѣмъ труднѣе, что нѣкоторые природные шляхтичи наравнѣ съ козаками получали отъ короля «приповѣдные листы» для набора охотниковъ въ козаки и на такомъ основаніи подговаривали владѣльческихъ хлоповъ записываться въ набираемые козацкіе полки мимо воли своихъ владѣльцевъ [7]). Тѣ, которымъ выдавались «приповѣдные листы», носили названіе полковниковъ. Изъ такихъ козацкихъ полковниковъ пріобрѣли сразу извѣстность

---

[2]) Volum Legum V, 50.
[3]) „Лѣтопись Грабянки", стр. 238 и 239.
[4]) Арх. Юго-Запад. Россіи, ч. III, т. II, стр. 94 и 97.
[5]) Ibid., стр. 45.
[6]) Ibid., стр. 78, 83, 118 и 177.
[7]) Ibid., стр. 71, 96 и 142.

четыре: Искра, Самусь, Абазынъ и болѣе всѣхъ Семенъ Палѣй. Первый поселился въ Корсунѣ *), второй въ Богуславѣ **), третій на Подоліи, въ Брацлавѣ ***), четвертый въ бывшемъ Бѣлоцерковскомъ полку, въ мѣстечкѣ Хвастовѣ ****), которое принадлежало прежде католическому епископу и королемъ Яномъ Собѣскимъ уступлено было Палѣю въ видахъ необходимости козацкой силы на время веденія войны съ бусурманами [8]). Эти полковники и другіе, которые менѣе были извѣстны, стали привлекать въ украинскія пустыни жителей не только изъ южнорусскаго края, подчиненнаго Польшѣ, но изъ Молдавіи и болѣе всего изъ лѣвобережной Украины. Украина правобережная, откуда еще такъ недавно уходили громадами жители, спасаясь отъ татарской, турецкой и лядской неволи, опять становилась обѣтованною страною вольности. Современникъ уже въ 1692 году называетъ тамошніе козацкіе полки многолюдными [9]). Во всѣхъ этихъ полкахъ зародилось и утверждалось одинакое стремленіе — освободить южнорусскій народъ отъ польской власти, обратить панскихъ хлоповъ въ вольныхъ козаковъ и присоединить правобережную Украину по прежнему къ Московской державѣ. Самый дѣятельный и болѣе вѣрный народному духу изъ полковниковъ былъ Семенъ Филипповичъ Палѣй и потому пріобрѣлъ народную любовь. О происхожденіи его извѣстно, что онъ былъ родомъ изъ Борзны отъ предковъ козацкаго званія. Фамильное прозвище его было Гуркò. Былъ у него братъ Θедоръ, владѣвшій наслѣдственною землею близъ гор. Борзны *****). Въ Батуринѣ у него съ братомъ былъ общій домъ. Получивши хорошее по тому времени образованіе (вѣроятно, въ Кіевской коллегіи), онъ былъ записанъ въ «компутъ» Нѣжинскаго полка, потомъ ушелъ въ Запорожье и тамъ-то прозванъ былъ Палѣемъ (т. е. сожигателемъ) за свои военные подвиги. Въ нашемъ сочиненіи «Руина» мы уже упоминали объ этой личности. Во время пребыванія въ Сѣчѣ онъ пріобрѣлъ большое къ себѣ уваженіе. Изъ Сѣчи Палѣй-Гуркò поступилъ въ службу польскаго короля Яна III-го именно въ то

---

*) Мѣст. Каневскаго уѣзда при р. Роси.
**) Мѣст. Канев. уѣзда при р. Роси.
***) Нынѣ уѣздн. гор. Подольск. губ. при р. Бугѣ.
****) Нынѣ мѣст. Васильков. уѣзда при р. Унавѣ.
[8]) *Otwinowski:* „Dzieje panowania Aug. II“, str. 15.
[9]) *Ambr. Grabowski:* „Starożyt. Polskie“, II, 532.
*****) Изъ семейнаго архива Николая Никол. Забѣлы въ Красномъ-Колединѣ, Конотоп. уѣзда.

время, когда король легально возстановлялъ козачество въ правобережной Украинѣ. Палѣй былъ уже прежде женатъ и имѣлъ дочь, которая еще въ 1677 году вышла за Танскаго, впослѣдствіи, лѣтъ черезъ двадцать, сдѣлавшагося полковникомъ бѣлоцерковскимъ, а потомъ кіевскимъ. Установившись въ Хвастовѣ съ королевскаго дозволенія, Палѣй по кончинѣ жены своей въ другой разъ женился на какой-то вдовѣ, о которой мы знаемъ, что она была сестра козака Саввы и мать сына отъ перваго брака, Симашка. Оба — и шуринъ, и пасынокъ Палѣя — во все продолженіе дѣятельности послѣдняго были его вѣрными и неизмѣнными товарищами [10]). Какъ только Палѣй кликнулъ кличъ на слободы, такъ и повалилъ къ нему съ разныхъ сторонъ южнорусскій народъ. «Я нашелъ здѣсь край опустѣлый, — писалъ онъ въ 1694 году Мазепѣ, — и работалъ около Хвастова, какъ около своего хозяйства; обширныя поля засѣялись хлѣбами, умножились жители, да не такъ изъ польскихъ панскихъ подданныхъ, какъ съ береговъ Днѣпра, изъ Войска Запорожскаго и изъ Волошскаго края; и церкви Божіи на славу имени Божія я построилъ и украсилъ» [11]). Священникъ Іоаннъ Лукьяновъ, ѣздившій изъ Великороссіи въ Святую землю на богомолье черезъ малороссійскій край, оставилъ любопытныя черты о Хвастовѣ въ то время, когда тамъ правилъ Палѣй. Отъ Бѣлогородки, принадлежавшей кіевскому Софійскому собору, дорога до Хвастова шла пустымъ лѣсомъ. На ней не было селеній. Городокъ Хвастовъ стоялъ на горѣ; вокругъ всего жилья въ немъ былъ высыпанъ земляной валъ, а по верху его шелъ деревянный острогъ. Путешественнику городъ Хвастовъ показался крѣпокъ не строеніемъ, а людьми («сидѣльцами крѣпокъ»). Въ его земляномъ валѣ путешественникъ замѣтилъ нѣсколько воротъ; въ каждыхъ воротахъ выкопаны были ямы, выстланныя соломою: «тамъ, — говоритъ очевидецъ, — лежала палѣевщина (т. е. Палѣевы козаки), человѣкъ по двадцати и по тридцати въ каждыхъ воротахъ; — они голы что бубны, безъ рубахъ, наги и страшны зѣло, а за ними въ ворота нельзя ни съ чѣмъ проѣхать изъ селъ: дрова ли, солому, сѣно... съ чѣмъ бы ни ѣхали, — они все рвутъ, что собаки». Простоявши съ полъ-дня въ Хвастовѣ, путешественники ѣхали далѣе, ночевали въ Палѣевомъ селѣ Мироновкѣ, а на утро

[10]) Арх. Юго-Запад. Россіи, ч. III, т. II, Предисловіе, стр. 64.
[11]) Арх. Ин. Дѣлъ, Подлинники, мартъ 1694 г.

пріѣхали въ городъ Паволочъ *), также входившій въ тогдашнее владѣніе Палѣя и бывшій порубежнымъ его городомъ. Путешественники прибыли туда въ заговѣнье передъ масляницей: въ этотъ день отправлялось тамъ множество свадебъ. Тутъ встрѣтили они толпу Палѣевыхъ козаковъ, которые, какъ только увидали проѣзжихъ москалей, бросились смотрѣть на нихъ. «Обступили насъ какъ есть около медвѣдя. Все голыдьба безпорточная, на иномъ и клока рубахи нѣтъ, страшны зѣло, черны что арапы и лихи что собаки: изъ рукъ рвутъ. Они на насъ стоя дивятся, а мы имъ втрое, что такихъ уродовъ мы отъ роду не видали» [12]). Путешественникъ изображаетъ палѣевцевъ нищими; между тѣмъ по всѣмъ современнымъ извѣстіямъ оказывается, что въ Палѣевомъ владѣніи было изобиліе; да и самъ тотъ же путешественникъ въ своемъ описаніи выражается: «Харчъ въ Хвастотѣ всякая дешева, кажется дешевле кіевскаго».

Оставивши Паволочъ, набравши тамъ на дорогу для себя всякаго съѣстнаго, а для лошадей овса и сѣна, путники пустились на пять дней въ «печальное и унылвое путное шествіе» по пустынѣ, гдѣ не встрѣтили ни городка, ни села вплоть до полуразореннаго Немирова. Тамъ снова запаслись они припасами, которые тамъ уже были дороже, чѣмъ въ Хвастовѣ, и опять пустились другою пустынею до Сороки, гдѣ уже начинались турецкія владѣнія. На возвратномъ пути изъ святыхъ мѣстъ, тотъ же Іоаннъ Лукьяновъ съ бывшими при немъ богомольцами ѣхалъ черезъ Немировъ по украинской пустынѣ до Палѣева владѣнія въ купеческомъ караванѣ, возвращавшемся изъ Турціи въ Московское государство. Турки провожали путешественниковъ и говорили, что они проводили бы ихъ до Кіева, но боятся Палѣя: онъ ихъ не выпуститъ, а побьетъ. «Развѣ Палѣй своевольный у государя своего?»—спросили русскіе турокъ. Турки отвѣчали: «У насъ про него ходитъ страшно-грозная слава и мы никого такъ не боимся, какъ его» [13]). Добрались до Паволочи. Находившійся тамъ наказной Палѣевъ полковникъ, услышавши о приближеніи каравана, приказалъ ударить въ бубны и литавры. По такому сигналу, подчиненные ему козаки-палѣевцы осѣдлали коней и выѣхали въ поле со знаменами. «Было ихъ,—говоритъ священникъ,—человѣкъ триста и выскакивали они изъ кустовъ

*) Мѣст. Сквирскаго уѣзда при р. Раставицѣ.

[12]) *Рус. Арх.* 1863 г., стр. 155.

[13]) Ibid., стр. 327.

словно зайцы, кучками человѣкъ въ 20 и 30, стали гарцовать на коняхъ, бросать копья, пускать стрѣлы изъ луковъ, стрѣлять изъ пистолетовъ, а турки, провожавшіе караванъ, какъ увидали палѣевщину, такъ и стали ни живы, ни мертвы». Полковникъ подъѣхалъ къ купцамъ и всѣхъ ихъ привѣтствовалъ, а купцы угощали козаковъ водкою. Караванъ остановился таборомъ за городомъ, въ полѣ, и полковникъ прислалъ туда овса, всякаго съѣстнаго и меду. Турки далѣе Паволочи не стали провожать путешественниковъ; охрану ихъ приняли теперь на себя палѣевскіе козаки. Когда путешественники прибыли въ Хвастовъ, Палѣя тамъ не было; онъ уѣзжалъ въ Кіевъ, а вмѣсто него управляла тогда всѣмъ полкомъ его жена. Она выслала на встрѣчу за пять верстъ путникамъ 500 конныхъ козаковъ, а когда караванъ сталъ таборомъ въ полѣ, прислала туда говядины, калачей и вина. Путешественники пробыли въ Хвастовѣ цѣлый день. Палѣева жена звала купцовъ къ себѣ на обѣдъ и говорила: «Зачѣмъ вы до насъ турокъ не довели? Пусть бы они узнали, каковъ мой господинъ Палѣй, и я знала бы какъ ихъ угостить! Жаль, что безъ почести гостей отпустили! Я бы имъ дала назадъ провожатыхъ человѣкъ пятьсотъ черезъ лядскую землю». Изъ Хвастова два дня до Кіева провожали путешественниковъ палѣевцы [14]).

Это драгоцѣнное описаніе современника и очевидца представляетъ живо бытъ козаковъ въ правобережной Украинѣ. Поразителенъ, между прочимъ, этотъ семейный порядокъ общественной жизни, при которомъ въ отсутствіи полковника всѣмъ его полкомъ управляетъ оставшаяся дома жена, словно домашнимъ хозяйствомъ.

Въ первые годы заселенія Украины козаками они вѣрны были цѣли, съ которою Янъ Собѣскій предпринялъ возстановленіе козачества въ краѣ подвластномъ Рѣчи Посполитой: козаки безпрестанно предпринимали военные походы противъ бусурманъ и особенно славился ими Палѣй. Онъ, говоритъ малорусскій лѣтописецъ [15]), не только не допускалъ татаръ опустошать польскихъ и русскихъ предѣловъ, но самъ ходилъ и посылалъ своихъ козаковъ въ Буджацкую орду разорять татарскія села: не одинъ разъ доставалось отъ нихъ Очакову. Не разъ крымскіе и бѣлогородскіе

---

[14]) Ibid., стр. 330.
[15]) „Лѣтоп. Грабянки“, стр. 239 и 240.

салтаны, при содѣйствіи турецкихъ янычаровъ, наступали на Палѣя съ своими ордами и даже подходили подъ самый Хвастовъ, но Палѣй всегда счастливо побѣждалъ ихъ и отгонялъ; онъ взялъ въ полонъ одного салтана. Постоянный борецъ противъ мусульманъ, Палѣй, однако, не чуждался и дружественныхъ сношеній съ ними, когда они сами къ нему дружелюбно обращались; такъ однажды пріѣзжалъ къ нему изъ Буджацкой орды ага съ подарками—сѣдломъ, лукомъ и стрѣлами [16]). Были между татарами у него даже родные: его сестра была когда-то взята въ полонъ и стала женою татарина, а ея сынъ Чора-мурза, будучи мусульманиномъ, пріѣзжалъ въ Хвастовъ гостить къ дядѣ.

Заселялась Украина, умножалось войско козацкое и Палѣй разставлялъ своихъ козаковъ на жительство по Полѣсью въ маетностяхъ не только королевскихъ, но и духовныхъ лицъ и наслѣдственныхъ шляхетскихъ. Такъ какъ козаки считались королевскимъ войскомъ и не получали опредѣленнаго жалованья, то собирали съ жителей въ свою пользу «борошно»: подъ этимъ словомъ разумѣлась тогда не одна хлѣбная мука, какъ теперь понимаютъ это слово, но также деньги, возы съ лошадьми и всякія хозяйственныя орудія,—ôднимъ словомъ, все, въ чемъ козаки могли нуждаться для своего содержанія [17]). Палѣй становился словно удѣльный владѣтель въ своемъ полку, а разстановка въ чужихъ маетностяхъ козаковъ вела къ тому, чтобы современемъ сколько возможно больше расширить территорію этого полка и распространить козачество, передавъ ему надъ краемъ господство, принадлежавшее польскому шляхетству. Другіе козацкіе полковники, какъ Искра, Самусь, Абазынъ, также старались объ умноженіи народонаселенія пришельцами и о расширеніи козачества. Абазынъ именовался полковникомъ подольскимъ и при его стараніяхъ населялась опустѣвшая Брацлавщина, возникали села за селами около Немирова, Винницы, Илинецъ, Брацлава. Заселялась и Поднѣстровщина. Стекались на новоселье пришельцы изъ Молдавіи и лѣвобережной Украины, а равно изъ Волыни и Червоной Руси [18]). Всѣ новосельцы дѣлались вольными козаками и устроивались по козацкому порядку въ сотни [19]). Подобнымъ же способомъ наполнялись полки Искры и Самуся, по выраженію поля-

---

[16]) Арх. Ин. Дѣлъ 1699 г., № 37 и 39.

[17]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, Предисловіе, стр. 50.

[18]) Ibid., ч. III, т. II, стр. 459 и 530.

[19]) Ibid., Предисловіе, стр. 61. стр. 449.

ковъ—«гультайствомъ» (бродягами), и всѣ за-одно держались палѣевщины [20]).

До 1688 года у новозаселявшихъ правобережную Украину не было открытыхъ столкновеній съ поляками, хотя они, какъ малороссіяне, по преданіямъ отцовъ и дѣдовъ, не любили ихъ. Но въ 1688 году Палѣй обратился черезъ гетмана Мазепу съ просьбою къ царю принять подъ свою высокую руку всю Бѣлоцерковщину и Хвастовщину и причислить къ регименту Войска Запорожскаго. Это значило, что правобережное козачество начинаетъ гласно заявлять то, что у него было въ мысли. Московское правительство не могло рѣшиться на такое дѣло, которое повлекло бы за собою разрывъ съ Польшею послѣ недавно установленнаго мира. Палѣй получилъ отвѣтъ, что невозможно исполнить того, чего онъ проситъ; но если онъ самъ своею особою и другіе вмѣстѣ съ нимъ пожелаютъ поступить подъ царскую руку, то пусть идутъ въ Запорожье, а изъ Запорожья вольно будетъ имъ перейти въ малороссійскіе городы. Само собою разумѣется, что такое дозволеніе не соглашалось съ желаніями Палѣя: оно касалось только отдѣльныхъ лицъ, а Палѣй думалъ передать правобережное козачество съ его краемъ подъ единую власть царя и подъ управленіе единаго козацкаго гетмана. Палѣй замышлялъ поссорить Россію съ Польшею; это показываетъ письмо его къ царскому воеводѣ въ Кіевѣ, гдѣ сообщается, будто у польскаго короля заключенъ съ бусурманами тайный договоръ во вредъ Русской державѣ [21]).

Неизвѣстно, открытыя ли покушенія Палѣя отторгнуть отъ Рѣчи Посполитой правобережную Украину, или козацкія нападенія на шляхетскія усадьбы были причиною, только Палѣй былъ гдѣ-то схваченъ поляками и посаженъ въ тюрьму въ Немировѣ. Но онъ потомъ скоро освободился. Между тѣмъ, во время его сидѣнія въ тюрьмѣ, Хвастовъ—гнѣздо палѣевцевъ—былъ захваченъ поляками, и такъ какъ онъ издавна уже считался маетностію католическаго епископа, то нахлынули туда ксендзы и хотѣли обращать православныя церкви въ унитскія,—какъ вдругъ воротился освободившійся изъ неволи Палѣй, выгналъ ихъ и, какъ говорятъ, нѣкоторымъ упрямымъ приказалъ отрубить головы [22]). 22 декабря 1688 года палѣевскіе сотники Андрущен-

[20]) *Ambr. Grabowski*: „Starożyt. Pol.“, II, 532.
[21]) Арх. Юст. кн. 62, октябрь 1688 г.
[22]) *Соловьевъ*: „Ист. Россіи“, т. IV, стр. 174.—Неизвѣстно откуда почерпнуто это извѣстіе.

ко и Тышко съ 500 козаковъ напали на маетность пана Өедоровича, Иванковъ: козаки повыгоняли изъ домовъ и поколотили панскихъ слугъ, набрали не мало серебра, мѣди, платья, оружія и всякой домашней рухляди, пять дней хозяйствовали въ панской усадьбѣ; напослѣдокъ, насмѣхаясь надъ польскими обычаями, въ первый день праздника Рождества Христова выволокли на мостъ дохлую свинью и говорили: «нехай ляхи зъѣдять, буде имъ на всѣ святки» [23]).

Вскорѣ въ 1689 году Палѣй писалъ Мазепѣ, что польскій король прощаетъ его проступки и убѣждаетъ оставаться въ послушаніи ему и Рѣчи Посполитой, обѣщая свои милости, но онъ, Палѣй, съ своими козаками ни за что не хочетъ быть подъ властію польскихъ пановъ; всѣ козаки того только и желаютъ, чтобы находиться подъ властію великаго государя. Палѣй просилъ дать совѣтъ, какъ ему поступить, когда на Хвастовъ нахлынутъ польскія хоругви: бѣжать ли ему въ Кіевъ подъ защиту царской власти, или обороняться, ожидая отъ царя помощи. Гетманъ Мазепа съ своей стороны совѣтовалъ московскому правительству принять Палѣя и указывалъ на запустѣлый городокъ Триполье, вошедшій по мирному договору въ черту царскихъ владѣній на правой сторонѣ Днѣпра: тамъ, казалось, возможно было поселить Палѣя съ его полчанами не безъ выгоды для государства въ видахъ обороны Кіеву. Но изъ Москвы полученъ былъ отвѣтъ въ прежнемъ смыслѣ: никакъ нельзя принимать Палѣя съ его полкомъ, а можно принять его самого, если придетъ прежде на Запорожье, а потомъ перейдетъ въ малороссійскіе городы [24]).

Послѣ того Палѣй, несмотря на два царскихъ отказа принять его, усердно помогалъ русскимъ въ войнѣ съ бусурманами. Въ 1690 году Палѣй, какъ хорошій знатокъ мѣстностей въ низовьяхъ, руководилъ посланнымъ отъ Мазепы козацкимъ отрядомъ и съ нимъ вмѣстѣ счастливо совершилъ военный походъ подъ Кизикермень[25]) *).

Въ 1692 году отношенія Палѣя къ полякамъ стали непріязненнѣе. Это показываетъ своеобразное письмо къ Палѣю пана Дружкѣвича, поставленнаго отъ Рѣчи Посполитой въ званіи ко-

---

[23]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 184.

[24]) Арх. Юст. кн. 62, л. 125.

[25]) Акты Западн. Россіи, т. V, стр. 240.

*) Охочо походъ подъ Кизикермень отправили, промыслъ чинили и зъ непріятелями бусурманы отправовали бой.

миссара наблюдать надъ козаками: «Изъ ада родомъ сынъ немилостивый! Ты отрекаешься отъ подданства королю, ты смѣешь называться полковникомъ отъ руки царскаго величества, ты твердишь, будто граница тебѣ указана по Случъ, ты грозишь разорить польскія владѣнія по Вислу и за Вислою. Смѣху достойны твои угрозы! Помнишь ли, какъ ты когда-то пришелъ ко мнѣ въ первый разъ въ короткой сермягѣ, заплатанной полотномъ, а нынѣ ты выше рта носъ дерешь! Король тебя такъ накормилъ хлѣбомъ, что онъ у тебя изо рта вонъ лѣзетъ! Учинившись господиномъ въ Хвастовѣ, въ королевской землѣ, ты зазнался, Полѣсье разграбилъ, да еще обѣщаешь наѣздомъ идти на наши города! Смотри, будемъ бить какъ непріятеля[26])!» Послѣ такихъ угрозъ Палѣй опять обратился къ Мазепѣ съ просьбою ходатайствовать за него передъ царемъ и гетманъ снова предстательствовалъ за него, изображая его человѣкомъ искренно преданнымъ царю. Чтобъ успокоить опасенія московской власти стать въ неловкое отношеніе къ полякамъ, гетманъ писалъ въ Приказъ: «Изъ поступковъ польской стороны видно, что она не боится нарушать мирнаго договора, когда принимаетъ къ себѣ изъ подъ высокодержавной царской руки запорожцевъ: прошлаго года 700 ихъ пошло въ Немировъ съ атаманомъ Гладкимъ, а потомъ еще 400 человѣкъ принято въ королевскую службу»[27]). Но московское правительство твердило все то же, что уже прежде отвѣчало по поводу Палѣя. Въ декабрѣ того же года Палѣй писалъ гетману, что поляки грозятъ разгонять изъ становищъ въ Полѣсье людей Палѣева полка, а татарскіе мурзы обѣщаютъ ему 40.000 орды на помощь, если онъ признаетъ надъ собою верховную власть крымскаго хана; но онъ, Палѣй, предпочитаетъ быть подъ властію православнаго государя. Снова гетманъ ходатайствовалъ за Палѣя. «Если, — выражался онъ въ своемъ донесеніи въ Приказъ, — теперь Палѣю помощи не подать, то какъ бы онъ въ крайнемъ положеніи не обратился къ бусурманамъ, и оттого будетъ больше бѣды, чѣмъ отъ какого нибудь Стецика Ягорлыцкаго, назначеннаго гетманомъ съ татарской руки на правой сторонѣ Днѣпра, или отъ проклятаго Петрика. Палѣй между военными людьми имѣетъ большую честь и за нимъ пойдутъ многіе. Хотя царское величество и указываетъ ему способъ перейти подъ государеву руку, но онъ тѣмъ не удовольствуется: онъ хочетъ

[26]) Арх. Юст. кн. 66, л. 434.
[27]) Арх. Ин. Дѣлъ 1692 г., № 24.

удержать при себѣ всѣхъ людей, которые теперь у него подъ властью, а въ Хвастовщинѣ у него поселилось тысячи три хать и городъ Хвастовъ онъ хочетъ удержать, потому что онъ его устроилъ и укрѣпилъ». Мазепа совѣтовалъ снестись съ польскимъ правительствомъ и попытаться устроить дѣло такъ, чтобы можно было принять Палѣя [28]). Но московское правительство оставалось съ своимъ прежнимъ рѣшеніемъ и строго указывало гетману не вмѣшиваться въ междоусобія, возникшія у Палѣя съ поляками [29]).

Въ слѣдующемъ 1693 году Палѣй, вмѣстѣ съ высланными гетманомъ козаками, одержалъ надъ татарами побѣду на рѣкѣ Кодымѣ [30]) и за это получилъ отъ царя награду [31]). Но вслѣдъ за тѣмъ у него съ поляками возникло очень крупное недоразумѣніе. Козаки дѣлали нападенія на шляхетскія волости и переманивали панскихъ подданныхъ въ козаки [32]). Въ отмщеніе за то коронный гетманъ написалъ Палѣю грозное письмо, упрекая его въ разныхъ безобразіяхъ, а вслѣдъ за тѣмъ преемникъ Дружкевича, региментарь полякъ Вильга, наблюдавшій надъ козаками, предпринялъ походъ на Хвастовщину съ польскими хоругвями и съ козаками, вѣрными Рѣчи Посполитой, подъ начальствомъ своихъ полковниковъ Искрицкаго и Яремы Гладкаго. Они напали разомъ на нѣсколько мѣстъ Палѣева владѣнія въ одинъ день 29 декабря. Но палѣевцы отстояли себя и тогда отличился храбростію и распорядительностью шуринъ Палѣевъ, Савва [33]). Вильга думалъ было, что жители, поселившіеся въ Хвастовщинѣ, въ страхѣ предъ поляками отступятъ отъ Палѣя и сами отдадутъ его полякамъ въ руки [34]). Но Вильга ошибся въ своемъ ожиданіи и оставилъ намѣреніе добывать въ руки Палѣя или выгонять его изъ Хвастова, а Палѣй въ мартѣ 1694 года самъ пріѣхалъ къ гетману Мазепѣ и старался убѣдить его, какъ полезно будетъ для царской державы принять его въ подданство съ Хвастовщиною. Гетманъ угощалъ Палѣя, дарилъ изъ собственныхъ средствъ и изъ войсковаго скарба, но, ссылаясь на нежеланіе царя принимать его въ подданство и тѣмъ нарушать миръ съ Польшею, со-

---

[28]) Ibid., № 25.
[29]) Арх. Юст. кн. 70, л. 382.
[30]) Арх. Ин. Дѣлъ 1693 г., № 64.
[31]) Ibid., № 79.
[32]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 185—196 и 284.
[33]) „Лѣт. Величка", т. III, стр. 132.
[34]) Ibid., стр. 225.

ѣтовалъ Палѣю не раздражать польскаго короля. «Ну, такъ я,—я сказалъ Палѣй Мазепѣ,—присягну въ вѣрности королю, отпущу плѣнныхъ жолнѣровъ польскихъ, какіе у меня есть, не отрекаюсь и пѣхоту посылать королю, когда велитъ. Но изъ Хвастова ни за что не выйду, какъ того ляхи хотятъ, *а якъ станутъ сильно наступати, то хочъ бы завчасу до якого запустѣлого города мавъ я прихилитыся*»[35]). И дѣйствительно, воротившись отъ гетмана безъ надежды получить пособіе изъ лѣвобережной Украины, Палѣй послалъ къ королю какого-то Напугу съ жалобою на то, что поляки хотѣли его выгнать изъ Хвастовщины и вмѣстѣ съ тѣмъ же Напугою отправилъ королю плѣнныхъ татаръ, какъ трофеи своей недавней побѣды надъ невѣрными. Король въ письмѣ своемъ похвалилъ Палѣя за подвиги противъ бусурманъ и извѣстилъ, что пошлетъ къ коронному гетману приказъ наградить козаковъ, участвовавшихъ въ послѣднемъ походѣ, и даровать полку Палѣя безопасное пребываніе. Такимъ образомъ между Палѣемъ и польскимъ королемъ возстановилось, повидимому, согласіе. Самъ коронный гетманъ обращался къ Палѣю ласково[36]).

Пока продолжалась война съ турками, польская власть нуждалась въ козакахъ, какъ въ военномъ сословіи, и потому должна была смотрѣть сквозь пальцы на ихъ явное стремленіе освободить народъ отъ панской власти. Но съ прекращеніемъ этой войны полякамъ нечего было мирволить козачеству и они стали явно признавать его положительно вреднымъ для своего шляхетскаго строя общества. Уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ совершались въ Украинѣ одно за другимъ событія, не оставлявшія сомнѣнія, что съ возстановленіемъ козачества неизбѣжно возобновленіе страшной борьбы южнорусскаго народа съ поляками. Вотъ, напримѣръ, въ имѣніи пана Стецкаго, рабочій подданный Прокопъ, подманивши 200 человѣкъ палѣевыхъ козаковъ, навелъ ихъ на усадьбу своего пана; козаки распорядились по-своему панскимъ добромъ, поколотили вѣрнаго панскаго урядника, а Прокопъ кричалъ такія знаменательныя слова: «за Вислу ляхивъ прогнати, щобъ ихъ тутъ и нога не постала[37])!» Замѣчательно, что тогда козакамъ, въ ихъ борьбѣ съ шляхетствомъ, содѣйствовали болѣе всего сами же поляки. Лица шляхетскаго

[35]) Арх. Ин. Дѣлъ 1694 г., мартъ. Подлинники.
[36]) „Лѣт. Величка", т. III, стр. 256—260.
[37]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 284.

званія пользовались козаками въ своихъ постоянныхъ ссорахъ и наѣздахъ между собою и оттого часто въ жалобахъ на своевольство козаковъ указываются имена людей шляхетскаго происхожденія, руководившихъ козацкими своевольствами [38]). При такихъ наѣздахъ козаки угоняли панскій скотъ, грабили домашнее хозяйство у помѣщиковъ, надѣляли побоями лицъ шляхетскаго званія съ цѣлью вымучить у нихъ деньги, истребляли владѣльческіе документы на право владѣнія маетностями. Иногда козаки дѣлали очень рѣзкія выходки противу поляковъ, показывавшія сильную вражду и желаніе разорваться съ ляхами. На козацкаго полковника Кутискаго-Барабаша послѣдовала коллективная жалоба отъ всего шляхетства кіевскаго воеводства въ томъ, что онъ разставлялъ своихъ козаковъ во владѣльческихъ маетностяхъ и отягощалъ ихъ сборомъ «боровина». Коронный гетманъ отправилъ къ нему посланцевъ изъ владѣльцевъ съ выговоромъ, а Кутискій-Барабашъ посадилъ ихъ въ тюрьму, морилъ голодомъ и съ гнѣвомъ выразился такъ: «Я ани короля, ани гетмана не боюсь; у мене король—царь турецкій, а гетманъ—господарь волоскій,—бо треба тое вѣдати: где Барабашъ, тамъ ничого не машъ» [39]). Подобную же выходку встрѣчаемъ мы въ 1697 году во время бывшаго въ Польшѣ безкоролевія по кончинѣ короля Яна III: сотникъ Палѣева полка Цвѣль съ своими козаками напалъ на каптурового*) судью Сурина, ѣздившаго для исполненія своей судебной обязанности въ село Калиновку. Козаки, встрѣтивши его на дорогѣ, закричали: «Бійте ляхивъ, бійте! Нехай не ѣздють на суды; тутъ нашъ козацкій судъ». Съ такими словами козаки поколотили и самого господина, сидѣвшаго въ коляскѣ, и его прислугу, забрали у него деньги, оружіе, вещи, съѣстные запасы, а всѣ судебные документы повыбрасывали и истребили [40]).

При королѣ Августѣ II, тотчасъ послѣ примиренія съ Турціей, въ 1699 году, въ Польшѣ собранъ былъ «примирительный» сеймъ, названный такъ потому, что былъ созванъ съ цѣлью утвердить мирный договоръ съ Турціею. На этомъ сеймѣ было

---

[38]) Ibid., стр. 293, 307, 315, 317, 324, 330, 338 и 343.

[39]) Ibid., стр. 313, 315 и 318.

*) Въ Польшѣ на время безкоролевья упразднялись прежніе суды и учреждались временные, имѣвшіе силу до избранія новаго короля и называемые каптуровыми.

[40]) Ibid., стр. 356 и 360.

постановлено распустить войско и уничтожить козачество, такъ какъ возстановленіе его при покойномъ королѣ Янѣ III было предпринято только съ временною цѣлью въ виду войны съ турками. Палѣй владѣлъ Хвастовомъ съ королевскаго дозволенія, но теперь Рѣчь Посполитая въ его услугахъ уже не нуждалась и опасно было,—говоритъ полякъ-современникъ,—держать въ сосѣдствѣ этого хлопа, который не только никогда не слушалъ гетманскихъ ордонансовъ, но захватилъ имѣнія разныхъ пановъ вблизи Хвастова и обратилъ ихъ въ помѣщеніе своимъ козакамъ, такъ что развѣ только самые великіе паны могли брать какіе нибудь доходы съ своихъ маетностей [41]). Въ подтвержденіе этому извѣстію можно указать на многія въ 1699 году жалобы владѣльцевъ на то, что по причинѣ занимаемыхъ козаками становищъ и неповиновенія собственныхъ подданныхъ, подстрекаемыхъ козаками, владѣльцы не получали съ своихъ маетностей никакихъ доходовъ [42]).

Въ исполненіе сеймоваго постановленія, коронный гетманъ издалъ универсалъ, обращенный къ полковникамъ: Самусю (носившему у поляковъ званіе наказнаго гетмана), Палѣю, Искрѣ, Абазыну, Барабашу и вообще ко всѣмъ козакамъ. Онъ извѣщалъ ихъ всѣхъ, что сеймъ Рѣчи Посполитой постановилъ распустить козацкое войско, отнынѣ всякая козацкая служба прекращается и козаки теряютъ уже право занимать становища въ чьихъ бы то ни было маетностяхъ: королевскихъ, духовныхъ или шляхетскихъ,—всѣ тамъ находящіеся должны выбраться оттуда, иначе будутъ признаны своевольными и непослушными ватагами и онъ, коронный гетманъ, прикажетъ истреблять ихъ какъ непріятелей: для этой цѣли снаряжаетъ онъ нѣсколько хоругвей и пѣшихъ полковъ [43]). По извѣстію современнаго историка, католическій епископъ прислалъ къ Палѣю двухъ ксендзовъ въ качествѣ своихъ комиссаровъ требовать возвращенія маетности. Палѣй этихъ ксендзовъ посадилъ въ тюрьму, потомъ выгналъ прочь и отвѣчалъ: «я не выйду изъ Хвастова; я основалъ его въ свободной козацкой Украинѣ; Рѣчи Посполитой до этого дѣла нѣтъ, я же настоящій козакъ и гетманъ козацкаго народа» [44]). Тогда коронный гетманъ, какъ разсказываетъ тотъ

---

[41]) *Otwinowski*: „Dzieje panow. Króla Aug. II“, стр. 15.
[42]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 365—368, 370—372 и 374.
[43]) Ibid., стр. 369.
[44]) *Otwinowski*: „Dzieje panow. Aug. II“, стр. 15.

же современный историкъ, замыслилъ усмирить грубаго хлопа, не раздувая большаго огня, и далъ порученіе схватить Палѣя генералу Брандту, стоявшему со ввѣреннымъ ему отрядомъ войска въ Бѣлой-Церкви. Брандтъ устроилъ такъ порученное ему дѣло: онъ отобралъ нѣсколько десятковъ человѣкъ и приказалъ имъ притаиться въ лѣсу не далеко отъ Палѣевыхъ пасѣкъ, а въ Хвастовъ къ Палѣю послалъ іудея, который прежде часто велъ торговыя сношенія съ Палѣемъ. Іудей на этотъ разъ долженъ былъ прикинуться, будто пріѣхалъ покупать медъ, и этимъ способомъ вытащить Палѣя къ пасѣкамъ. Но Палѣй былъ тогда пьянъ и самъ не поѣхалъ, а послалъ съ іудеемъ своего пасынка Симашка. Симашко былъ уже на четверть мили отъ города, какъ одинъ пасѣчникъ даетъ знать Палѣю, что близъ пасѣки въ лѣсу явились какіе-то люди и стоятъ закрывши себя и лошадей своихъ древесными вѣтвями. Палѣй послалъ въ догонку извѣстить о томъ пасынка. Симашко тотчасъ убилъ въ полѣ іудея, съ которымъ ѣхалъ, вернулся въ Хвастовъ, собралъ отрядъ конныхъ козаковъ, пошелъ съ нимъ на засаду и уничтожилъ ее.

Послѣ того уже въ слѣдующемъ году, какъ это видно изъ современныхъ актовъ *), коронный гетманъ Яблоновскій послалъ подъ Хвастовъ регимантаря Цинскаго съ четырьмя тысячами польскаго войска. Но Палѣй заранѣе провѣдалъ о намѣреніяхъ поляковъ, созвалъ со всей своей Хвастовщины обывателей съ женами и дѣтьми въ городъ и приказалъ около стараго города построить «загороду», куда велѣлъ свезти сѣна и хлѣба и сложить въ скирты [45]) **), намѣреваясь обороняться хотя бы и долгое время. Когда польское кварцяное войско приблизилось, подполковникъ Гольцъ выступилъ изъ него впередъ съ 200 гренадеровъ, ночью подошелъ къ загородѣ и пустилъ гранаты въ скирты сѣна и хлѣба. Сдѣлался пожаръ, во время котораго сгорѣло нѣсколько козаковъ. По извѣстію польскаго современника [46]), Палѣй отдѣлался отъ коронаго гетмана тѣмъ, что прислалъ ему нѣсколько боченковъ съ деньгами; тогда поляки отошли и расположились на зимовыхъ квартирахъ въ мѣстечкахъ и селахъ около Хвастова, а потомъ скоро совсѣмъ удалились оттуда. Малорос-

*) Въ исторіи Отвиновскаго разсказываемое здѣсь событіе отнесено къ 1699 году.

[45]) Рукопись Имп. Публ. библ. Polskie, fol., № 92, л. 9.

**) Oprócz zamku w stertach po kilku set maż każdego zboża w jamach miał sobie.

[46]) *Otwinowski*: „Dzieje panow. Aug. II", стр. 16.

сійскіе лѣтописцы представляютъ это дѣло иначе: они говорятъ, что Палѣй, ожидая нашествія польской военной силы на Хвастовъ, заранѣе расположилъ своихъ полчанъ въ засадѣ за лѣсомъ, а самъ съ прочими полчанами заперся въ городѣ. Стоявшіе въ засадѣ ударили на поляковъ въ то время, когда Палѣй напиралъ на нихъ изъ города, и такимъ образомъ они были прогнаны отъ Хвастова [47]). Польскій историкъ говоритъ, что коронный гетманъ, какъ въ то время подозрѣвали, былъ очень не расположенъ къ затѣямъ короля Августа начинать войну со Швеціею въ союзѣ съ московскимъ государемъ; напротивъ, хотѣлъ, чтобъ, окончивши продолжительную войну съ турками, Рѣчь Посполитая начала бы новую войну съ Московскимъ Государствомъ. Но въ какой степени справедливо судили о коронномъ гетманѣ Яблоновскомъ его соотечественники, объ этомъ узнáется развѣ въ долинѣ Іосафатовой,—замѣчаетъ польскій историкъ [48]). Изъ дѣлъ того времени видно, что польскіе жолнѣры, возвращаясь изъ-подъ Хвастова, терпѣли отъ русскихъ жителей разныя поруганія и оскорбленія [49]) *). Самъ Палѣй,—говоритъ польскій историкъ,—избавившись отъ польскихъ военныхъ силъ, не только не думалъ отдавать полякамъ Хвастова, но продолжалъ захватывать подъ свое владѣніе маетности разныхъ пановъ и разорять шляхетское достояніе [50]). Такъ въ маѣ 1700 года племянникъ Палѣя Чеснокъ съ козаками разорилъ маетность паньи Ласковой [51]), а того же года въ октябрѣ палѣевскіе козаки въ соумышленіи съ нѣкіимъ паномъ Самуиломъ Шумлянскимъ напали

---

[47]) „Лѣт. Грабянки", стр. 240.—*Симоновскій*: „Крат. опис. о казац. малорос. народѣ", изд. 1847 г., стр. 118.

[48]) *Otwinowski*: „Dzieje panow. Aug. II", стр. 16.

[49]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 378.

*) W roku terazniejszym tysiącznym siedemsetnym dnia siódmego oktobris powracającego z wojskiem z pod Chwastowa i przejeżdżającego przez miasto Łabuń wespół z wielmożnym imc. panem Czaplicem stolnikiem owruckim chorążym tej że chorągwi pomienionej jaśniewielmożnego imc. pana oboznego koronnego i pytającego na przedmieściu o drogę pewnego chłopa na Wołyń jadącego, gdzie juxta suam barbariam rusticam nie tylko drogi ukazać nie chciał, ale tergiversionem na stogu zboża stojąc inhoneste pokazał, a potym słowami niepowściągliwemi karczemnemi, grubjańskiemi protestującego bił i sromocił, a zawoławszy gwałtu na innych sąsiadów na folwarkach w stodołach będących, którzy przypadszy z nim że około ostąpiwszy i z konia zbiwszy kijami cepami po głowie i po różnych ciała miastach bili, tłukli i kaleczyli, razów sinich spuchłych kijowych nie mało zadali...

[50]) *Otwinowski*: „Dzieje panow. Aug. II", стр. 16.

[51]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 381.

вооруженные на маетности пана Олизара, поколотили подстаросту и урядниковъ, забрали хлѣбъ, стоявшій въ стогахъ, скотъ, лошадей, хозяйственную рухлядь, питье въ полубочкахъ и деньги, поступавшія въ экономію отъ арендаторовъ [52]). Въ слѣдующую затѣмъ зиму панъ Микульскій поссорился съ своею сосѣдкою панею Головинскою, взялъ отъ Палѣя «приповѣдный листъ» для набора своевольныхъ козаковъ и съ этими козаками напалъ на имѣніе Головинской, выгналъ владѣлицу, сжегъ ея усадьбу и разогналъ ея людей [53]).

Дружелюбныя отношенія Палѣя къ гетману Мазепѣ стали охлаждаться. Уже съ 1694 года между ними пробѣжала, какъ говорится, какая-то черная кошка. Мазепа, въ своихъ донесеніяхъ въ Приказъ, замѣчалъ, что Палѣй становится уже не тотъ, какимъ былъ до сихъ поръ, что онъ уже начинаетъ сходиться съ поляками, а отъ него, гетмана, о томъ таится [54]); его собственные полчане говорятъ о немъ, что онъ на двѣ стороны свою службу показываетъ—и полякамъ, и православному царю, притомъ безпрестанно пьетъ [55]). Но наружно Мазепа продолжалъ оказывать дружелюбное вниманіе къ правобережному полковнику и Палѣй пріѣзжалъ къ гетману въ гости на свадьбу его племянника Обидовскаго [56]). Возраставшая слава Палѣя, усиливая любовь къ нему народа, не только на правой, но и на лѣвой сторонѣ, возбуждала въ гетманѣ тайную досаду и зависть; всѣ малороссіяне видѣли въ Палѣѣ истиннаго козака-богатыря; а на счетъ Мазепы никакъ не могло уничтожиться предубѣжденіе, что какъ онъ ни прикидывается русскимъ, а все-таки на самомъ дѣлѣ онъ «ляхъ» и пропитанъ насквозь лядскимъ духомъ. Въ такихъ отношеніяхъ находился глава правобережнаго козачества съ малороссійскимъ гетманомъ, когда шляхетство показывало болѣе и болѣе свирѣпаго раздраженія противъ Палѣя и всего козачества.

Въ 1701 году на сеймикѣ Волынскаго воеводства обязали отправленныхъ на генеральный сеймъ пословъ добиваться, чтобы гетманъ коронный привелъ въ исполненіе сеймовой декретъ 1699 года объ уничтоженіи козачества, выгналъ бы Палѣя и

---

[52]) Ibid., стр. 383.
[53]) Ibid., стр. 385.
[54]) Арх. Юст. кн. 69, л. 459.
[55]) Арх. Ин. Дѣлъ 1697 г., № 91.
[56]) Ibid., 1698 г., январь. Подлинники.

предалъ бы «инфаміи» всю его старшину [57]) *). Въ подобномъ враждебномъ козачеству духѣ отозвалось шляхетство Кіевскаго воеводства въ ноябрѣ того же года, выразивши въ инструкціи, данной своимъ посламъ на сеймъ, домогательство выгнать Палѣя и уничтожить козачество [58]) **).

Такимъ образомъ шляхетство южнорусскаго края выступило противъ козачества съ рѣшительнымъ намѣреніемъ снести его съ лица той земли, которую Польша считала своимъ достояніемъ. Въ силу такихъ настоятельныхъ требованій шляхетскаго сословія [59]) ***), король Августъ II предписалъ Палѣю вывести все козачество изъ воеводствъ Кіевскаго и Брацлавскаго и распустить конную и пѣшую козацкую милицію. Лѣтомъ 1702 года поляки стали приводить въ исполненіе постановленіе своего сейма и смыслъ королевскаго декрета: владѣтели коронныхъ имѣній и «дѣдичные» паны, въ сопровожденіи вооруженной силы кварцянаго войска и панскихъ отрядовъ, стали наѣзжать на украинскіе городки, домогались изгнанія козаковъ и водворенія шляхетскаго господства въ краѣ.

Тогда началось противъ шляхетства противодѣйствіе со стороны южнорусскаго народа, грозившее возобновленіемъ страшной для пановъ эпохи Богдана Хмельницкаго.

Первые признаки такого противодѣйствія показались въ Богуславѣ. Самусь, носившій данное ему королемъ Яномъ III званіе наказного козацкаго гетмана, прежде жилъ въ Винницѣ; по заключеніи мира съ турками, поляки удалили его оттуда и приказали жить въ Богуславѣ съ званіемъ только полковника, но вмѣстѣ съ тѣмъ поручили ему быть осадчимъ, т. е. накликать поселенцевъ въ Богуславское староство. Теперь вдругъ назначенъ

---

[57]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 395.

*) Aby tego Paleja extra fines patriae collata sibi a respublica potestate rugować raczył, zaciągi extra notitiam władzy hetmańskiej aby znoszone były, starszyzna zaś aby pro infamibus deklarowana była.

[58]) Ibid., стр. 411.

**) Aby jak najskuteczniejsze wynalezione były media jakoby durantibus comitiis constitutia przeszłego sejmu przyszła do ekzekucyej et hoc opprobrium z województwa naszego i z Chwastowa tolletur, czego etiam cum periculo sejmu ich mści panowie posłowie dopilnowac mają... doniosą imći panowie posłowie tak ciężkie krzywdy oppressiae laesiones praw i wolności naszych od rebellizującego Paleja pochodzące y oraz ad hibebunt operam jako by ten buntownik mógł być z województwa naszego wypędzony.

[59]) Ibid., стр. 417.

***) Na usilną instancyą od Izby poselskiej do nas wznieconą.

былъ въ Богуславѣ подстароста и прибылъ въ этотъ городъ отбирать его подъ свою власть. Самусю съ козаками приказывали уходить прочь. Но въ ту пору въ Богуславѣ у Самуся были: другой козацкій полковникъ Харько Искра и Палѣевъ пасынокъ Симашко. Новый подстароста тотчасъ по своемъ прибытіи сталъ обращаться съ жителями «досадительно». За это его убили, а вслѣдъ за нимъ стали избивать іудеевъ. По примѣру Богуслава, то же стало происходить и въ другихъ украинскихъ мѣстностяхъ. Прогнали и частію перебили шляхтичей и іудеевъ въ Корсунѣ и въ Лисянкѣ, а затѣмъ по новозаводимымъ слободамъ начали изгонять польскихъ осадчихъ, созывавшихъ на жительство поселенцевъ во имя своихъ пановъ. Пасынокъ Палѣя Симашко заохочивалъ народъ къ возстанію, хотя Палѣй сообщалъ гетману, что Симашко очутился въ возстаніи случайно. Палѣй увѣрялъ, что онъ самъ не радъ тому что̀ происходитъ, и просилъ дать совѣтъ, какъ ему поступать. «Не вмѣшивайся въ это дѣло, а сиди смирно, какъ сидѣлъ» *), — отвѣчалъ ему гетманъ. Съ своей стороны Самусь обращался три раза къ гетману, заявляя, что общее желаніе всѣхъ козаковъ правой стороны Днѣпра—поступить подъ высокую руку царскаго величества и состоять подъ единымъ региментомъ гетмана, признаваемаго царемъ. «Уже изо всѣхъ нашихъ городовъ,—сообщалъ Самусь,—выгнали лядскихъ старостъ, пановъ и жидовъ, а многихъ жидовъ крестили; держится у ляховъ еще одна Бѣлая-Церковь, но всѣ жители оттуда выбѣжали, а остались въ замкѣ служилые поляки; къ нимъ пристали тѣ, что ушли туда изъ Корсуна и Лисянки, да наберется еще человѣкъ пятьдесятъ шляхты: ожидаютъ они себѣ изъ Польши военной помощи, но мы слышимъ, что король со шляхтою не въ любви. Я по неволѣ долженъ былъ обороняться отъ ляховъ: они вѣдь мнѣ смерть задать собрались. Не даютъ ляхи мнѣ при старости укрухъ хлѣба съѣсть. Они хотятъ нашихъ дѣтей въ котлахъ варить» **). Самусь объявлялъ, что непремѣнно хочетъ воевать съ ляхами и добывать Бѣлую-Церковь. Онъ умолялъ прислать ему въ помощь какой нибудь полкъ и заранѣе заявлялъ, что если начнутъ ляхи его стѣснять, то ему ничего не остается болѣе, какъ уходить на лѣвый берегъ Днѣпра. Мазепа отвѣчалъ: «Помочи тебѣ не подамъ и безъ царскаго указа тебя не прійму.

*) Жебы до того не втручался, але якъ сидѣлъ тихо, такъ чтобъ и нынѣ скромно и статечне обходился.

**) Арх. Юст. кн. 86, л. 768.

Безъ моего вѣдома ты началъ, и кончай какъ знаешь по своей волѣ». Въ донесеніи своемъ въ Приказъ Мазепа приводилъ соображенія, что Самусь дѣлаетъ это, должно быть, съ чужого подущенія; самъ онъ человѣкъ простой и необразованный и едва ли безъ чужого совѣта додумался бы до этого. «Бунтъ распространяется быстро,—писалъ гетманъ,—уже отъ низовьевъ Днѣстра и Буга по берегамъ этихъ рѣкъ не осталось ни единаго старосты, побили много мѣщанъ — поляковъ и жидовъ, другіе сами бѣгутъ въ глубину Польши и кричатъ, что наступаетъ новая хмельнищина. Впрочемъ, случившаяся на правой сторонѣ Днѣпра смута *принадлежностямъ нашимъ зѣло есть непротивна*. Пусть господа поляки снова отвѣдаютъ изъ поступка Самусева, что народъ малороссійскій не можетъ уживаться у нихъ въ подданствѣ; пусть поэтому перестанутъ домогаться Кіева и всей Украины».

По царскому указу въ августѣ 1702 года гетманъ приглашалъ Палѣя участвовать съ своими полчанами въ войнѣ противъ шведовъ. Палѣй отвѣчалъ, что радъ бы служить царю, да не смѣетъ выходить, потому что на него собираются польскія военныя силы въ Коростышовѣ, и какъ только онъ выйдетъ, такъ они и Хвастовъ разорятъ, и людей православныхъ перебьютъ. «Всему свѣту извѣстно,—выражался Палѣй,—что ляхи уже не одного сына восточной церкви удалили съ сего свѣта и много христіанъ мечомъ истребили въ нашей достойной слезъ Украинѣ». Палѣй умолялъ гетмана о помощи (о ратунку). Но гетманъ не смѣлъ вмѣшиваться, хотя и писалъ въ Приказъ, что, по его мнѣнію, было бы можно подать Самусю помощь, только тайно. Гетманъ самъ долженъ былъ находиться въ осторожности. Волненіе правобережныхъ козаковъ противъ польскихъ пановъ могло отозваться соотвѣтственно и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ еще недавно запорожцы съ Петрикомъ возбуждали посполитство противъ своихъ пановъ. Теперь, какъ только на правой сторонѣ Днѣпра пошла расправа съ поляками и іудеями, такъ и на лѣвой, въ Переяславскомъ полку, стали порываться бить іудеевъ [61]). Бить ляховъ и жидовъ продолжало еще для всего малороссійскаго народа казаться дѣломъ привлекательнымъ; побѣги съ лѣвой стороны Днѣпра на правую увеличивались особенно, когда въ народѣ господствовало нерасположеніе къ московской

[61]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г., № 4.

власти. Мазепа писалъ въ Приказъ: «Всѣ поселяне на меня злобятся; здѣсь, говорятъ, насъ изгубятъ москали и у каждаго мысль уходитъ за Днѣпръ» [62]).

Шляхта воеводствъ Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго оповѣстила посполитое рушеніе всей своей братіи на усмиреніе козацкаго и хлопскаго возстанія, поднятаго въ Богуславѣ и Корсуни съ подущенія Палѣя [63]). Короннаго гетмана главнымъ образомъ просили выгнать Палѣя изъ Хвастова [64]). Посполитое рушеніе мѣстнаго шляхетства признавалось на ту пору единственною мѣрою спасенія, потому что польское кварцяное войско отвлекалось внутрь государства для отраженія вторгавшихся шведовъ. Между тѣмъ Самусь двинулся на Бѣлую-Церковь, написалъ гетману Мазепѣ, что хотя зàмокъ тамъ хорошо укрѣпленъ, но по причинѣ малолюдства не устоитъ противъ него [65]). 7-го сентября, изъ табора подъ Бѣлою-Церковью, Самусь разослалъ ко всѣмъ козацкимъ старшинамъ универсалъ, въ которомъ извѣщалъ, что присягнулъ за весь народъ украинскій быть до смерти вѣрнымъ царскому пресвѣтлому величеству и пребывать въ покорности гетману Мазепѣ, что въ настоящее время онъ съ козацкимъ войскомъ находится подъ городомъ Бѣлою-Церковью противъ непріятелей поляковъ и всѣ съ нимъ единодушно будутъ добиваться, чтобы ляхи съ этихъ поръ ушли навсегда изъ Украины и уже болѣе по ней не расширялись *). «Прошу васъ, господа, — выражался Самусь, — приложите все стараніе ваше, соберите изо всѣхъ городовъ поднѣстранскихъ охотное товариство въ сотни и тысячи и поспѣшите стать съ нами за одно. Какъ скоро Богъ намъ поможетъ взять бѣлоцерковскій зàмокъ, мы не станемъ тратить времени и тотчасъ двинемся на противниковъ нашихъ польскихъ пановъ». Этотъ универсалъ посланъ былъ къ поднѣстровскимъ козацкимъ старшинамъ Валозону, Палладію и Рынгошу [66]).

Не даромъ Самусь тогда обратился въ поднѣстранскій край. Начавши отъ Богуслава и Корсуна, возстаніе поднятое Самусемъ пошло на западъ къ Бугу и Днѣстру. «Хлòпы, жадные крови

[62]) Арх. Юст. кн. 83, л. 543.

[63]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 442, 451, 457 и 461.

[64]) Ibid., стр. 495.

[65]) Арх. Юст. кн. 86, л. 668.

*) Żeby od tego czasu laszkowie z ojczyzn naszych ukraińskich ustępowali i więcej już na Ukrainie nie rozposcierali sie.

[66]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 450.

шляхетской,—какъ выражались поляки,—поднялись...» Города за городами, села за селами выбивались изъ-подъ господства владѣльцевъ и скоро возстаніе доходило уже до Каменца [67]). Подоляне прислали къ Палѣю просить быть «патрономъ» народнаго возстанія противъ ляховъ. Палѣй, вначалѣ, хотя и дружилъ тайно съ Самусемъ, но не выказывался съ открытою враждою ко всѣмъ полякамъ; онъ, повидимому, слѣдовалъ совѣту Мазепы—не мѣшаться въ поднявшееся возстаніе. Но само шляхетство озлобило его, указывая въ своихъ заявленіяхъ на Палѣя, какъ на первѣйшаго врага, и добиваясь, какъ мы уже говорили, отъ коронная гетмана паче всего изгнанія этого человѣка изъ Хвастова. Поэтому Палѣй принялъ предложеніе поднѣстрянъ и отправилъ къ одному изъ подольскихъ предводителей, Палладію, своего неутомимаго пасынка Симашка и какого-то Лукьяна съ своими полчанами [68]). Въ то же время Палѣй отправилъ 1.500 своихъ полчанъ въ другую сторону, къ Бѣлой-Церкви, въ подмогу Самусю, а потомъ и самъ туда поѣхалъ [69]).

Двѣ недѣли простоялъ Самусь подъ Бѣлою-Церковью. Козаки насыпали шанцы. Тутъ пріѣхалъ къ Самусю отъ новаго коронняго гетмана, Іеронима Любомирскаго, нѣкто Косовскій и объявилъ, что если Самусь положитъ оружіе и покорится королевской волѣ, то получитъ прощеніе отъ короля и Рѣчи Посполитой за все то, что происходило въ Богуславѣ, Корсунѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ были побиты поляки и іудеи. Самусь отвѣчалъ: «Мы тогда будемъ желательны королю и Рѣчи Посполитой, когда у насъ во всей Украинѣ отъ Днѣпра до Днѣстра и вверхъ до рѣки Случи не будетъ ноги лядской» [70]).

Но тутъ Самусь услышалъ, что противъ него на помощь польскому гарнизону въ Бѣлой-Церкви идетъ региментарь Рущицъ съ двумя тысячами польской военной силы. Самусь отошелъ отъ Бѣлой-Церкви вмѣстѣ съ полковникомъ Искрою и оба двинулись къ Котельнѣ, гдѣ, какъ они освѣдомились, стояли ляхи. Къ Рущицу присоединился панъ Яковъ Потоцкій съ надворными хоругвями и съ ополченіемъ шляхты Кіевскаго воеводства. У Самуся было тысячъ около двухъ своихъ козаковъ и полторы тысячи палѣевцевъ подъ начальствомъ Омельченка. Поляки были многочислен-

---

[67]) Ibid., стр. 458.
[68]) Ibid., стр. 451.
[69]) Арх. Юст. кн. 86, л. 668.
[70]) Idid., л. 667.

нѣе козаковъ, но у нихъ происходили нестроенія и взаимныя ссоры: Рущицъ и Потоцкій не ладили между собою за первенство. Поляки изъ Котельни ушли въ Бердичевъ. Козаки 16-го октября подошли къ этому городу. Въ это время Потоцкій, желая перетянуть на свою сторону воиновъ Рущица, своего соперника, поилъ ихъ виномъ и когда такимъ образомъ шляхетскія головы были разогрѣты, вдругъ козаки ворвались въ Бердичевъ и начали рубить всѣхъ, кто попадался имъ подъ руку; многіе въ ужасѣ пустились бѣжать, но попадали въ воду; самъ Потоцкій едва спасся бѣгствомъ. Козаки, усиленные хлопами, приставшими къ нимъ изъ сосѣднихъ селъ, разграбили таборъ Потоцкаго [71]). Рущицъ съ частію своего войска ушелъ въ замокъ, но черезъ четверть часа козаки взяли этотъ замокъ и Рущицъ ушелъ въ одной рубахѣ къ волынской шляхтѣ, стоявшей неподалеку въ ополченіи. Весь его отрядъ былъ изрубленъ. Городки: Пятка, Слободище и другіе, вслѣдъ за Бердичевомъ, пристали къ козакамъ. Раздѣлавшись такимъ образомъ съ польскимъ отрядомъ, шедшимъ на помощь бѣлоцерковскому гарнизону, Самусь съ Искрою воротились къ Бѣлой-Церкви. Тамъ, во время отсутствія Самуся, продолжалъ стоять Палѣй, но отходилъ на нѣкоторое время въ Хвастовъ, оставляя начальство одному изъ своихъ свойственниковъ по женѣ, Михайлѣ Омельченку. Говорили, что у Палѣя на головѣ появлялась какая-то болѣзнь, но самъ Палѣй шутилъ надъ собой и говорилъ: «колы не напьюсь, то и нездужаю». Носился слухъ, что онъ тогда досадовалъ на Самуся за то, что Самусь не отдалъ ему булавы своей послѣ того, какъ громада подольская просила его, Палѣя, быть патрономъ, т. е. руководителемъ возстанія [72]).

Козаки продолжали стоять подъ Бѣлою-Церковью семь недѣль и, наконецъ, этотъ городъ былъ взятъ ими въ исходѣ ноября. Козаки овладѣли 28-ю пушками и большимъ запасомъ пороха, гранатъ и свинца. Палѣй, какъ разсказываютъ, въ знакъ торжества, въѣхалъ туда шестернею въ каретѣ, показывая тѣмъ, что онъ есть панъ полковникъ бѣлоцерковскій [73]). Всѣ три козацкихъ предводителя прислали Мазепѣ коллективное письмо, просили принять Бѣлую-Церковь подъ власть царскую, назначить туда осадчаго и уже не возвращать ее ляхамъ [74]).

---

[71]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 508.
[72]) Арх. Юст. кн. 86, л. 768.
[73]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, Предисловіе, стр. 134.
[74]) Арх. Юст. кн. 86, л. 840.

Послѣ расправы съ Бѣлою-Церковью Самусь двинулся на Немировъ, гдѣ поляки озлобили противъ себя русскихъ безжалостными казнями пойманныхъ мятежныхъ хлоповъ. Въ Немировѣ, кромѣ тамошняго поспольства, находился польскій гарнизонъ и немного шляхты изъ воеводствъ Брацлавскаго и Волынскаго. Козаки въ числѣ 10.000 подступили къ городу и немировское поспольство тотчасъ передалось своимъ единовѣрцамъ, а потому городъ былъ взятъ безъ затрудненія. Всѣхъ поляковъ и жидовъ истребили, кромѣ тѣхъ изъ послѣднихъ, которые изъявили готовность принять христіанскую вѣру [75]). По извѣстію современника Залускаго [76]), мѣстные хлопы замучили коменданта, обрубливая ему руки и обрѣзывая губы, а у ксендза-іезуита Цаполовскаго содрали съ бороды кожу у живаго. Затѣмъ козаки овладѣли Баромъ, откуда малочисленный польскій гарнизонъ убѣжалъ въ Меджибожъ.

Во все то время, когда Самусь и Палѣй добывали Бѣлую-Церковь, въ Прибужской и Поднѣстранской странѣ происходили событія, напоминавшія времена Богдана Хмельницкаго. Въ Брацлавскомъ воеводствѣ еще въ іюлѣ нѣкто Хведорина и Тригубъ, бѣглый хлопъ, собрали шайку мятежныхъ хлоповъ «гультайства», напали на Илинцы—имѣніе Лещинскаго, изранили и искалѣчили тамошняго панскаго губернатора (управителя); возставшіе разсѣялись по окрестностямъ шайками, которыя безпрестанно увеличивались пристававшими хлопами и производили всякія безчинства въ имѣніяхъ Жолкѣвскаго и Юрія Любомирскаго [77]). Въ подольскомъ краѣ (собственно въ воеводствѣ Подольскомъ) появились «левенцы», по объясненію тамошняго шляхетства—разбойники, посягавшіе на личности и имущества шляхетскихъ обывателей [78]) *). Надобно имѣть въ виду, что воеводство Подольское еще недавно, вмѣстѣ съ Каменцемъ, возвращено было Польшѣ отъ Турціи; польскіе паны стали тамъ заводить поселенія и приманивали новопоселенцевъ льготами отъ работъ и даней на извѣстный срокъ; новопоселенцы, приходя туда, не водворялись прочно на однихъ мѣстахъ, а шатались отъ одного владѣльца къ дру-

---

[75]) Ibid., л. 768.

[76]) *Załuski*: „Epistolae“, III, 294, 332 и 333.— Первыя *Русскія Вѣдомости*, стр. 2. 18.

[77]) Арх. Юго-Зап. Россія, ч. III, т. II, стр. 432—435.

[78]) Ibid., стр. 426.

*) Swieżo leweńcy alias zbójcy na dobra i substancye dóbr i fortun i osób województwa Podolskiego znajduję sie.

тому и отличались буйнымъ духомъ. Рядомъ съ панскими слободами заводилъ козацкія слободы изъ разныхъ выходцевъ козацкій полковникъ Абазынъ и эти слободы поддерживали во всемъ краѣ козацкій духъ. Нетвердо прикрѣпленное къ власти пановъ, населеніе разомъ заволновалось и въ сентябрѣ шляхетство жаловалось, что взбунтовавшееся хлопство не даетъ спуска ни шляхтѣ, ни губернаторамъ [79]). Хлопы съ женами и дѣтьми бѣжали отовсюду къ поднѣстранскому полковнику Абазыну, заклятому врагу поляковъ и іудеевъ [80]). Къ нему въ содѣйствіе явился Палѣевъ пасынокъ Симашко: въ двадцати волостяхъ перебили они арендаторовъ іудеевъ, изгнали шляхтичей, ограбили и разорили ихъ усадьбы и объявили край козацкимъ [81]). Шляхетство спасало жизнь свою бѣгствомъ въ глубину Польши [82]), забирая съ собой все, что успѣвало схватить на скорую руку, и стараясь взять съ собою письменные документы на владѣніе маетностями, чтобы впослѣдствіи сохранить на нихъ законное право [83]). Іудеи съ женами, съ дѣтьми и съ купеческими товарами спѣшили также въ глубину Польши; ихъ на дорогѣ грабили не только козаки, но даже и шляхтичи [84]). Въ иныхъ мѣстахъ не осталось ни единаго іудея, ни католика [85]). Сдѣлался такой переполохъ, что люди не знали кого имъ бояться—козаковъ или поляковъ [86]), тѣмъ болѣе, что нѣкоторые владѣльцы шляхтичи, пользуясь смутнымъ временемъ, нападали на свою же братію владѣльцевъ, съ которыми прежде были въ ссорѣ, и производили пожары и грабежи [87]). Хлопскія шайки составлялись и возрастали не по днямъ, а по часамъ, и всѣ эти шайки величали себя козаками Палѣя и Самуся. Такъ, напримѣръ, одна шайка, напавши на панское имѣніе, схватила жену губернатора, домогалась отъ ней выдачи жида и кричала: «дай намъ, така-сяка, горѣлки, бо мы будемъ з тобою чуда робити; пизнаешъ козакивъ Самусевыхъ! Куды подѣла жида?—говори, а то мы з тобою вмѣстѣ и твою хату перевернемъ» [88]). У іудеевъ выпивали горѣлку, истребляли утварь и

[79]) Ibid., стр. 452.
[80]) Арх. Юст. кн. 86, л. 698.
[81]) *Załuski*, III, 333.
[82]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 509, 563, 605 и 647.
[83]) Ibid., стр. 523, 605—607.
[84]) Ibid., стр. 485.
[85]) Ibid., стр. 681.
[86]) Ibid., стр. 456.
[87]) Ibid., стр. 523.
[88]) Ibid., стр. 453.

имущество, самихъ убивали и трупы бросали на съѣденіе псамъ [89]). Молодцы гонялись по дорогамъ за бѣгущими шляхтичами, и какъ поймаютъ какого, тотчасъ бьютъ дубьемъ, топчатъ ногами, ведутъ къ рѣкѣ, угрожая утопить, или оберутъ и обнажатъ, привяжутъ къ дереву и покинутъ на произволъ судьбы [90]). Всѣ начальники такихъ шаекъ именовались полковниками. Зимою 1702 — 1703 годовъ явился на Подоліи нѣкто Хведоръ Шпакъ, именовавшій себя полковникомъ Войска Запорожскаго. Онъ писалъ каменецкому коменданту, что идетъ на пановъ по приказанію короля, ради того, что дѣдичные господа владѣльцы утѣсняютъ своихъ подданныхъ вопреки королевской волѣ [91]). Есть извѣстіе, что подъ именемъ полковника Шпака своевольствовалъ осадчій Билоцкій съ людьми, которые къ нему понаходили, и не малую толпу католиковъ и евреевъ продавалъ онъ татарамъ [92]). Другіе извѣстные полковники, взбунтовавшіе Могилевъ, Калюсъ, Ушицу, Лоевцы, Козловъ, Лятаву, Ластовцы, Ярышовъ, Жванъ — были: Скорычъ, Мидопака, Аксентій Сотникъ, Дабижа, Дерикалика; ихъ шайки составлены были въ значительной степени изъ молдаванъ [93]). Расправляясь съ врагами русской вѣры и русскаго народа, они не довольствовались простыми убійствами, а сопровождали ихъ варварскими истязаніями, отсѣкали руки и ноги, насиловали шляхетныхъ женъ и дѣвицъ, ругались надъ костелами и синагогами [94]). Но они, чувствуя свое относительное малосиліе, не смѣли зацѣплять укрѣпленныхъ городовъ и нападали только на такія жилыя мѣстности, которыя стояли открытыми. Только на городъ Староконстантиновъ напали они и въ конецъ его разорили [95]). Мѣщане уніаты и католики были имъ враждебны, какъ шляхтичи и жиды, но православные мѣщане въ нѣкоторыхъ городахъ сами шли въ мятежныя шайки и вмѣстѣ съ хлопами трепали поляковъ и іудеевъ [96]).

Долго шляхтѣ и евреямъ въ Подоліи не было никакихъ средствъ спасенія кромѣ бѣгства. Кварцяное войско было занято войною противъ шведовъ и не ранѣе какъ 4-го декабря польный гетманъ

[89]) Ibid., стр. 536.
[90]) Ibid., стр. 512.
[91]) Ibid., стр. 521.
[92]) Ibid., стр. 561.
[93]) Ibid., стр. 559—561.
[94]) *Otwinowski:* „Dzeje panow. Aug. II“, str. 42.
[95]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 599.
[96]) Ibid., стр. 609.

Сенявскій издалъ универсалъ, извѣщая, что идетъ на укрощеніе козацкаго мятежа [97]).

Хотя возстаніе было вполнѣ хлопскимъ, т. е. мужичьимъ, но впослѣдствіи многія лица шляхетскаго званія привлечены были къ суду за участіе въ немъ. Мы упомянули о томъ, какъ иные подъ всеобщее смятеніе дѣлали обычные наѣзды другъ на друга. Оставалось еще впрочемъ очень немного православныхъ шляхтичей, неуспѣвшихъ подобно прочей своей братіи измѣнить отеческой вѣрѣ. Такимъ изъ послѣднихъ могиканъ своего времени былъ тогда Данило Братковскій. Получивши отличное воспитаніе, онъ занимался литературою и напечаталъ по польски сочиненіе подъ названіемъ: «Міръ пересмотрѣнный по частямъ» («Swiat po cze̊ści przejrzany»), гдѣ въ сатирическомъ тонѣ изобразилъ пороки шляхетскаго общества. Этотъ господинъ подобралъ около себя кружокъ шляхтичей, сохранившихъ подобно ему православную вѣру, и на сеймикахъ воеводствъ Кіевскаго и Волынскаго вмѣстѣ съ ними составилъ для пословъ, отправляемыхъ на сеймъ въ Варшаву, инструкцію, въ которой требовались гарантіи свободы православнаго вѣроисповѣданія [98]). Римско-католическая партія, составлявшая на сеймикахъ и на сеймѣ большинство, сильно озлобилась за это и православная вѣра, вмѣсто требуемаго облегченія, подверглась еще большимъ стѣсненіямъ и униженіямъ. Такъ, послѣ возвращенія Польшѣ Подоліи, въ Каменцѣ не дозволялось селиться православнымъ; весь подольскій край въ церковномъ отношеніи былъ изъятъ отъ вѣдомства кіевскаго митрополита и подчиненъ исключительно львовскому уніатскому владыкѣ, какъ будто тамъ уже не было вовсе и не должно быть православія. Братковскій въ 1701 году присталъ къ Палѣю и распускалъ сочиненія въ защиту правъ православной религіи [99]) *). Вслѣдъ за тѣмъ Братковскій отправился въ Батуринъ къ Мазепѣ, съ которымъ былъ близокъ уже давно [100])**). Онъ возвращался оттуда во Львовъ, гдѣ имѣлъ тогда мѣсто своего жительства, и направился не прямымъ путемъ черезъ Кіевъ, а черезъ Полѣсье,

---

[97]) Ibid., л. 500.

[98]) Ibid., Предисловіе, стр. 116.

[99]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 484.

*) I tak z supliki za religiją greko-dizunitską, jako skryptów i listów ręką obwinionego pisanysh patet etc...

[100]) „Лѣт. Величка“, т. III, стр. 566.

**) Знаемый его зъ давна конфидентъ зъ града Львова человѣкъ учоній благочестія святого непоколебимый блюститель.

для осторожности отъ поляковъ, которые за нимъ наблюдали. Переодѣтый, онъ хотѣлъ обойти обозъ волынскаго посполитаго рушенія, вышедшаго на войну противъ мятежныхъ хлоповъ, и былъ схваченъ [101] *). Онъ былъ преданъ суду въ Луцкѣ и обвиненъ въ томъ, что, «враждуя къ уніи, ѣздилъ въ Украину, на возвратномъ пути возмущалъ народъ и козаковъ, всегда шаткихъ въ вѣрности Рѣчи Посполитой, и тѣмъ придалъ огня мятежу, возникшему подъ предлогомъ сочувствія къ своей религіи, будто бы угнетаемой поляками, чего никогда не бывало» [102]). Такой приговоръ былъ произнесенъ надъ нимъ. Его подвергли огненной пыткѣ; онъ ничего новаго не показывалъ и ни отъ чего уже сказаннаго не отпирался. Его казнили мучительною смертію 25 ноября 1702 года [103])**).

Гетманъ Мазепа не только не смѣлъ оказывать сочувствія русскимъ, возставшимъ на правомъ берегу Днѣпра, но въ ноябрѣ 1702 года получилъ отъ царскаго резидента въ Варшавѣ, князя Григорія Долгорукаго, письмо такого содержанія: «Шведскій король хитрыми вымыслами, по совѣту приставшихъ къ нему польскихъ измѣнниковъ, велѣлъ распространять слухи, будто его царское величество указалъ вашей вельможности послать 20.000 войска на помощь Самусю, назвавшемуся царскимъ гетманомъ, и будто мятежи, поднявшіеся въ Украинѣ, возникли съ позволенія нашего государя. Рѣчь Посполитая приходитъ въ немалое подозрѣніе. Необходимо всѣмъ на дѣлѣ доказать, что этотъ мятежъ начался безъ воли царской и не приноситъ никакой пользы его царскому величеству; необходимо стараться угасить этотъ огонь, препятствующій Рѣчи Посполитой обратить оружіе противъ шведовъ». Гетману указывалось вести непрестанныя сношенія съ польскими коронными гетманами и не допускать своихъ козаковъ присоединяться къ мятежникамъ [104]).

Вслѣдъ затѣмъ въ декабрѣ и въ февралѣ 1703 года гетманъ въ письмахъ къ коронному гетману старался увѣрить въ неосно-

---

[101]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 484

*) Gdy go wojska naszego przednia straż chcącego ficto habitu declinare oboz nasz zatrzymała.

[102]) Ibid.

[103]) „Лѣт. Величка", т. III, стр. 567.

**) Посередъ рынку луцкого чрезъ ката за семь разовъ мордерско зосталъ статый, а до Львова зъ женою и дѣтми повидатися не допущенный.

[104]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 496.

вательности слуховъ, распускаемыхъ правобережными буитовщиками, будто они дѣйствуютъ съ царскаго согласія [105]).

Польскій король Августъ писалъ универсалъ къ Палѣю, укорялъ его за смуту *) и убѣждалъ козаковъ разъѣхаться по домамъ [106]) **). Въ 1703 году успѣхи короля шведскаго въ Польшѣ были чрезвычайны. Обѣ столицы попадали подъ власть его, а польскіе паны думали, какъ бы помирить враждующихъ королей, своего и шведскаго, и подвинуть ихъ къ союзу противъ Россіи [107]). Они-то и старались утвердить мнѣніе, будто мятежи въ Украинѣ возбуждаются съ русской стороны. Даже и въ массѣ южнорусскаго народа носились такія соблазнительныя вѣсти, будто со стороны гетмана Мазепы дано обѣщаніе помощи Самусю. Польскій коронный гетманъ просилъ малороссійскаго гетмана оказать помощь къ укрощенію бунта въ Украинѣ [108]). Но гетманъ Мазепа ограничивался только тѣмъ, что посылалъ увѣщательныя письма къ Самусю и Палѣю [109]), а по рубежу приказалъ разставить караулы для прегражденія охотникамъ пути къ правобережнымъ мятежникамъ и угрожалъ смертною казнію за самовольные побѣги [110]). Мазепа долженъ былъ въ то же время дѣлать уступки своимъ старшинамъ и вообще козакамъ, которые, какъ истые малороссіяне, все-таки смотрѣли съ недружелюбіемъ къ полякамъ на то, что дѣлалось въ ихъ государствѣ. Вѣроятно, по этой причинѣ, гетманъ тогда писалъ канцлеру Головину, что лучше было бы теперь принять отъ Палѣя Бѣлую-Церковь въ царское владѣніе. Государь, вмѣсто соизволенія на такую мысль, опять предписывалъ гетману учреждать построже караулы, чтобы не пропускать малороссійскаго народа за Днѣпръ для участія въ мятежѣ противъ поляковъ, а къ Самусю и Палѣю писать, чтобъ они возвратили Бѣлую-Церковь польскому королю, какъ закон-

---

[105]) Рукоп. Имп. Публ. библ. Разноязычная, № 39, л. 20.

*) ...pod ten czas kiedyby wszystkie siły na odpòr grassującego nieprzyjaciela obróció potrzeba, wynalazszy praetext prywatnych krzywd y nieukontentowania, tak wielkie na Ukrainie zaczęli się rozruchy, tumulty y zamieszania, ktorych dotąd jeszcze nie przestali oraz gorzey a surowiey postępuiecie ogniem y mieczem szeroko rosproscieraiąc y miasta fortece odeymuiąc...

[106]) Ibid., л. 11.

**) aby zaraz za ogłoszeniem ninieyszego uniwersału naszego o tey zawziętości upamiętali pohamowali, do domów własnych uiechali y całe tego złego poprzestali.

[107]) Арх. Юст. кн. 86, л. 875.—Рук. Имп. Пуб. библ. Польская, folio, № 17.

[108]) Арх. Юст. кн. 86, л. 970.

[109]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г., декабрь, № 28.—Арх. Юст. кн. 86, л. 976.

[110]) Арх. Ин. Дѣлъ 1703 г., № 6.—*Załuski*: „Epistolae", т. III, str. 399—401.

ному властителю. Съ этою цѣлью царь отправилъ къ Палѣю генерала Паткуля уговаривать козацкаго полковника исполнить волю союзныхъ государей, а король Августъ написалъ Палѣю снова увѣщаніе о томъ же и выставилъ ему неумѣстность сдѣланнаго заявленія, что онъ отдастъ Бѣлую-Церковь только тогда, когда русскій царь прикажетъ. Палѣй не сопротивлялся волѣ двухъ государей, но и не спѣшилъ ее исполнить [111]). Польскіе паны, понуждая Мазепу оказывать имъ содѣйствіе въ укрощеніи возставшаго народа, подозрѣвали искренность и царя и гетмана [112]). Царскій резидентъ при польскомъ дворѣ письменно сообщалъ Мазепѣ, что поляки распускаютъ слухи, будто Мазепа содѣйствуетъ Палѣю, что поляки готовы повиноваться пришедшему къ нимъ непріятелю, а союзниковъ и друзей подозрѣваютъ во враждѣ къ себѣ [113]).

Между тѣмъ поляки укротили возстаніе южнорусскаго народа. Небольшихъ усилій стоило польному гетману Сѣнявскому уничтожить шайки хлопювъ и отнять Немировъ у Самуся. Послѣдній убѣжалъ въ Богуславъ. Сѣнявскій осадилъ Ладыжинъ. Туда ушли козаки, вытѣсненные изъ Немирова; тамъ же заперся съ 2.000 человѣкъ полковникъ Абазынъ. Послѣ упорной битвы Немировъ былъ взятъ. Абазынъ былъ посаженъ на колъ; всѣ бывшіе съ нимъ и старые и малые истреблены. По однимъ извѣстіямъ погибшихъ было до двухъ тысячъ, а другіе простираютъ ихъ число до десяти тысячъ [114]). Другой предводитель мятежныхъ русскихъ хлоповъ Шпакъ былъ въ февралѣ разбитъ воеводою кіевскимъ Потоцкимъ и генераломъ Брандтомъ [115]). По предложенію пана

---

[111]) Арх. Юст. кн. 94.

[112]) Рукопись Им. Публ. библ. Разнояз. Miscelanea, № 39, л. 44. Письмо кіев. воеводы къ сендомірскому.—Iż cara moskiewskiego niepewny skutek przyjaźni tym bardziey in suspitione bydź musi, którego apprehensibilis bydź powinna potentia.

[113]) Ibid., л. 12.—Udają iż od W. M. dwa posłańcy przy boku Paleja zostawać maią czyniąc z nim iakieś consilia. Nie mogą tego pojąć y rozsądzić należycie co jest lepszego albowiem który nieprzyjaciel przyszedł w ich państwo violentią y do tych czas ciężke wybierając contribucye y prowianty w wolnym narodzie absolute postępniąc sobie, y takie ma szczęście że adomnem nutum roskazania iego totus componitur orbis że nie uważając na inszy despekt wszystkiego onemu oddawają, który zaś ich państwu iest życzliwy y szczerze pomagaiący przyiaciel na tego suspikuią y za nieprzyiaciela sobie poczytaią.

[114]) Перв. *Рус. Вѣдом.*, стр. 23, 65, 78, 80, 92, 109 и 110.—Арх. Юст. 1703 г., кн. 94, мартъ.

[115]) Рукоп. Имп. Публ. библ. Польская, folio, № 108, л. 429.—Woiewoda kijowski z generałem Brandtem dobrze goszczą w Podolu, recenter uderzyli na 2.000

Потоцкаго, носившаго титулъ воеводы кіевскаго, всѣмъ хлопамъ, заподозрѣннымъ въ возстаніи, отрѣзывали лѣвое ухо и, по свидѣтельству современника, можетъ быть преувеличенному, такимъ способомъ заклеймено было до 70.000 человѣкъ[116]). Сначала былъ повальный судъ побѣдителей и пойманныхъ казнили тотчасъ на мѣстѣ поимки. Тогда хлопы, подѣлавши обширные засѣки, забирались туда и сидѣли тамъ, защищаясь съ своими женами, дѣтьми, съ домашнимъ скотомъ и всякою рухлядью. Жолнѣры добывали ихъ оружіемъ и тотчасъ истребляли безъ разбора пола и возраста[117]). Но потомъ стали предавать виновныхъ установленнымъ судамъ и тогда приходилось подвергать смертному приговору цѣлыя селенія, такъ какъ по суду оказывалось, что жители всѣ огуломъ принимали участіе въ мятежѣ. Иногда, однако, спасали ихъ отъ смерти сами владѣльцы, жалѣя своихъ подданныхъ, отъ которыхъ все-таки надѣялись впослѣдствіи имѣть рабочую силу[118]).

Такъ прошла вся послѣдовавшая зима 1703—1704 годовъ. Въ королевскомъ универсалѣ августа 2-го главными укротителями этого возстанія называются: два князя Янушъ и Михалъ Вишневецкіе, два Юрія Любомирскихъ—коронный обозный и подкоморій и двое Потоцкихъ—Іосифъ воевода кіевскій и Яковъ, староста Хмельницкій[119]) *).

Мазепа, сообщая въ Приказъ о томъ, что отобраніе Бѣлой-Церкви отъ козаковъ для отдачи ея полякамъ представляетъ затрудненіе, писалъ: «Не могу брать на душу грѣха, чтобы привѣтными увѣреніями склонять Палѣя, Самуся и Искру къ послушанію, а потомъ отдать ихъ полякамъ въ неволю. Не могу завѣрять ихъ, что они останутся цѣлы и невредимы какъ въ своемъ здоровьѣ, такъ и въ пожиткахъ. Поляки не только надъ козаками, но и надъ всѣмъ русскимъ народомъ, находящимся у

---

kozaków, których znieśli, a półkownika Szpaka żywcem wziąwszy, na pal kazali wbić.

116) *Otwinowski:* „Dzieje panow. Aug. II", str. 42.

117) Ibid.

118) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 566, 576, 577 и 585.

119) Рукопись Имп. Публ. библ. Польская, folio, № 108, л. 429.

*) Возстаніе православнаго народа дало возможность іезуитамъ умножить своихъ святыхъ. Они провозгласили мученикомъ вѣры какого-то Андрея, погибшаго въ 1702 году отъ *схизматиковъ*, и въ 1710 году княгиня Дольская убрала его мощи, приписывая его заступничеству освобожденіе своего сына, князя Вишневецкаго, изъ московскаго плѣна (Рукоп. Имп. Публ. библ., разнояз., № 37, л. 248.

нихъ подъ властію, поступаютъ по-тирански. Это показали недавнія дѣла ихъ въ Поднѣстровщинѣ и въ Побужьи, гдѣ они, отмщая за бывшій мятежъ народный, многихъ казнили, иныхъ вѣшали, другихъ бросали на гвозди или сажали на колъ»[120]).

Въ продолженіи всего 1703 года Сѣнявскій напрасно посылалъ Мазепѣ убѣжденіе за убѣжденіемъ расправиться оружіемъ съ Палѣемъ и другими мятежниками и принудить отдать полякамъ Бѣлую-Церковь. Польскіе паны вообще были увѣрены, что Мазепа болѣе, чѣмъ кто нибудь можетъ это сдѣлать[121]). Мазепа зналъ, что еслибы онъ началъ исполнять польское желаніе, то раздражилъ бы весь лѣвобережный народъ противъ себя, а потому ограничивался только тѣмъ, что посылалъ неоднократно къ Палѣю требованіе отдать Бѣлую-Церковь полякамъ; разставленные же по днѣпровскому побережью караулы не пускали народъ бѣгать за Днѣпръ «на своеволье». Палѣй ни мало не спѣшилъ отдавать Бѣлой-Церкви,—напротивъ, укрѣплялъ ее и умножалъ свою военную силу всякимъ «гультайствомъ». Мазепа доносилъ на Палѣя, что когда онъ получалъ отъ царя жалованье, то разглашалъ объ этомъ и оттого пошли слухи, будто царь потакаетъ бунтамъ. «Палѣй, — выражался Мазепа, — человѣкъ ума небольшого и безпросыпно пьянъ; какъ получитъ жалованье, тотчасъ напьется, надѣнетъ соболью шапку и щеголяетъ въ ней, да хвастаетъ, чтобы всѣ видѣли: вотъ-де, какая ему монаршая милость»[122]). Немного времени спустя, Мазепа писалъ Головину, что Палѣй внушаетъ опасность, какъ бы онъ не поладилъ съ поляками, передавшимися на сторону шведскаго короля.

Наступилъ 1704-й годъ. Въ первый день этого года явился въ Переяславъ къ тамошнему полковнику Мировичу Самусь и изъявилъ желаніе сдать Мазепѣ, какъ гетману всего Войска Запорожскаго, знаки гетманскаго достоинства, нѣкогда данные ему, Самусю, отъ польскаго короля. Вслѣдъ за нимъ туда же пріѣхалъ корсунскій полковникъ Искра съ такою же покорностью и говорилъ: «Мы съ поляками не можемъ ужиться! Не знаемъ, гдѣ намъ и дѣться, если не будемъ приняты отъ православнаго монарха и отъ гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра»[123]). Съ царскаго

---

[120]) Арх. Юст., кн. 94, мартъ 1703 г.

[121]) Рукоп. Имп. Публ. библ. Польская, folio, № 92.—Choć by Paley y nie chciał oddawać eductus armis Mazeppy będzie musiał.

[122]) Арх. Юст. кн. 94, апрѣль 1703 г.

[123]) Ibid., кн. 95, январь 1704 г.

разрѣшенія гетманъ 24 января принялъ отъ Самуся гетманскіе клейноты въ Нѣжинѣ. Тогда къ Палѣю опять была послана царская грамота объ отдачѣ бѣлоцерковской «фортеціи» польскому королю — союзнику царя; при этомъ Палѣю грозили, что если такъ не станется, то Бѣлую-Церковь возьмутъ и займутъ великороссійскія и малороссійскія войска, хотя бы и силою, и потомъ она будетъ отдана полякамъ[124]). Мазепа сообщалъ въ Приказъ, что Палѣевъ полковой обозный Цыганчукъ, пріѣзжавшій къ гетману со свадебнымъ платкомъ, по случаю брака Палѣева пасынка съ дочерью кіевскаго мѣщанина, говорилъ, что Палѣй сносится съ Любомирскими и получаетъ отъ нихъ подарки, а въ то время Любомирскихъ подозрѣвали въ нерасположеніи къ королю Августу и въ склонности къ шведской сторонѣ. «Не лучше ли будетъ,— писалъ Мазепа Головину, — если я зазову Палѣя куда-нибудь хитростію и задержу, пока состоится указъ царскій о взятіи Бѣлой-Церкви и объ отдачѣ ея ляхамъ? Иначе, если Палѣй самовольно сойдется съ ляхами, то добра отъ этого не будетъ. Черезъ людей нашей породы они на сей бокъ огонь вскинутъ».

Послѣ того, какъ не стало на правой сторонѣ Самуся и Искры, Палѣй остался тамъ единственнымъ борцомъ за козачество, пріобрѣталъ еще болѣе вѣса и славы въ народѣ и казался гетману не милъ и опасенъ еще болѣе, чѣмъ прежде. Мазепу давно уже обвиняли въ наклонности отдать Украину Польшѣ; и теперь еще (въ концѣ 1703 года) присланъ былъ въ Батуринъ изъ Москвы человѣкъ, явившійся съ доносомъ на гетмана, будто онъ сносится со сторонниками шведскаго короля въ Польшѣ; но царь не вѣрилъ никакимъ доносителямъ и прямо отсылалъ ихъ къ гетману[125]). Теперь Мазепа въ свою очередь употреблялъ передъ правительствомъ такое орудіе и обвинялъ въ подобной наклонности къ польской сторонѣ тѣхъ, кого въ данное время не взлюбливалъ. И вотъ относительно Палѣя онъ указывалъ, что этотъ человѣкъ своимъ вліяніемъ можетъ склонить малороссійскій народъ на польскую сторону. «Поляки,—писалъ Мазепа,—хотятъ выбрать себѣ въ короли сына Собѣскаго и начать войну съ Россіею. Нашъ народъ глупъ и непостояненъ; онъ какъ разъ прельстится: онъ не знаетъ польскаго поведенія, не разсудитъ о своемъ упадкѣ и о вѣчной утратѣ отчизны, особенно, когда будутъ производить

---

[124]) Ibid., февраль.—Арх. Ин. Дѣлъ 1704 г., № 2.
[125]) Арх. Ин. Дѣлъ 1703 г., № 43.

смугу запорожцы. Пусть великій государь не слишкомъ даетъ вѣру малороссійскому народу; пусть изволитъ, не отлагая, прислать въ Украину доброе войско изъ солдатъ храбрыхъ и обученныхъ, чтобъ держать народъ малороссійскій въ послушаніи и вѣрномъ подданствѣ. Нужно, однако, съ нашимъ народомъ обращаться человѣколюбиво и ласково *), потому что если такой свободолюбивый, но простой народъ озлобить, то уже потомъ трудно будетъ суровостью приводить его къ вѣрности. Я, гетманъ и кавалеръ, хочу служить вѣрно до конца живота моего его царскому пресвѣтлому величеству, какъ обѣщалъ передъ святымъ Евангеліемъ, и непрестанно пекусь о содержаніи Украины безъ поколебанія, но имѣю о томъ сердечную печаль, что поляки, какъ есть неистовые, неправдивые и злостные люди, меня, гетмана, во весь свѣтъ поносятъ, а паче всего предъ царскимъ престоломъ злословятъ и нарекаютъ на меня неудобоносимыя дѣла». Въ то же время гетманъ взводилъ подозрѣніе въ измѣнѣ на стародубскаго полковника Миклашевскаго въ томъ, будто онъ велъ тайныя сношенія съ литовскимъ паномъ Коцеломъ и послѣдній сообщалъ Миклашевскому, что если у поляковъ состоится миръ со шведами, то поляки приблизятся къ границамъ Московской державы и заставятъ царя уступить Польшѣ Украину; тогда украинская вольность будетъ такова же, какова польская и литовская: сколько сенаторовъ изъ Короны и Литвы, столько же будетъ и изъ Украины, и всѣ козаки вольностью и шляхетскимъ достоинствомъ одарены будутъ. Миклашевскій, преданный войсковому суду, отрицалъ, чтобы слышалъ подобныя внушенія, но за самовольныя сношенія съ Коцеломъ безъ вѣдома гетмана былъ отставленъ отъ полковничьяго уряда, однако вскорѣ обратно получилъ его, примирившись съ гетманомъ. Трудно рѣшить, въ какой степени былъ виноватъ Миклашевскій, но надобно принимать во вниманіе то, что малороссійскихъ старшинъ соблазняла несовсѣмъ еще забытая, хотя и неудавшаяся попытка Выговскаго образовать изъ Украины автономное политическое тѣло подъ единою федеративною властью съ Польшею [126]). Гетманъ Мазепа въ душѣ болѣе, чѣмъ всѣ старшины, сочувствовалъ этой мысли, но по обстоятельствамъ не находилъ еще современнымъ и удобнымъ для своихъ выгодъ показывать такое сочувствіе, а потому и выдалъ Миклашевскаго.

*) Черезъ людскость и ласку.

[126]) Арх. Юст. кн. 86, л. 961.

Но съ Миклашевскимъ гетманъ могъ помириться, а съ Палѣемъ ни за что, потому что Палѣй былъ въ народѣ руководителемъ совершенно иного стремленія, такого, при которомъ не было мѣста какому бы то ни было соединенію съ Польшею. Мазепа въ концѣ марта 1704 года писалъ Головину, что необходимо выманить Палѣя изъ Бѣлой-Церкви и, заковавши, отправить въ Батуринъ, иначе малороссійскому краю угрожаетъ большое зло и поляки чрезъ Палѣя найдутъ себѣ опору въ малороссійскомъ народѣ для исполненія своихъ злыхъ замысловъ[127]).

Н. Костомаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

[127]) Арх. Ин. Дѣлъ 1703 г., апрѣль. Подлинники.—....ѣхать въ Кіевъ жебы Палѣя звабивши з Бѣлои Церкви албо в руцѣ его взяти албо в первое противъ поляковъ недоброхотство повернути. Бо если такъ з Палѣемъ не поступити, то скорѣи малороссійскому краю внщшаго зла отъ его сподѣватися нежели от заграничныхъ неприятелей, якъ чрез готовий и способный инструментъ якъ на Запорожьи такъ и тутъ на Украинѣ свое злое намѣреніе снадно будетъ полякамъ исполнити, маючи себѣ готовое пристанище в Палѣевои нынѣшнеи державѣ. Если теды уваблю его Палѣя з подручными его до себе в Кіевъ и прійму в свои руки преже именненнаго совершеннаго царскаго указа, его оковавши за караулдомъ отослати в Батуринъ, чи инакъ з нимъ поступити? А тутъ же докладаю, же сквапливе з нимъ такъ не поступлю, ажъ совершенно довѣдаюся о его з Любомирскими черезъ ротмистра теперъ свѣжо в Хвастовѣ будучого учиненныхъ трактатахъ, то есть певная же отдался цѣлкомъ въ ихъ протекцію и оборону, поневажъ черезъ умысленаго своего кревнаго прозываемого Чеснокомъ, своимъ подручнымъ со всѣми городками подъ его областію на тотъ часъ найдучимися оголосилъ тое, же ляхи на насъ ласкавы и всѣ наши проступки каютъ, не такъ якъ намъ удавали о ихъ противъ насъ завзятости.

АМЕРИКА ВЪ РОССІИ *).

VIII. Поѣздка въ Людиново.

Изъ Дядькова въ здѣшній Шеффильдъ, Людиново, идетъ такая же узкоколейная желѣзная дорога. Отъ Людинова она дѣлится на двѣ вѣтви: одна идетъ на Ивановo-Сергіевскій заводъ, а другая къ шахтамъ на Усты и далѣе. Мы выѣхали утромъ. Опять повѣяло было зимою,—довольно холодный сѣверный вѣтеръ дулъ на-встрѣчу поѣзду. По пути стояли всѣ тѣ же сосновые боры, березовыя рощи, темныя траурныя ели. Между ними еще лежали бѣлыя подушки снѣга, не поддавшагося въ этихъ чащахъ живительному теплу весенняго солнца до сегоднешняго дня, такъ славно согрѣвшаго эту едва очнувшуюся отъ зимней спячки землю. Въ понизяхъ стояла вода, мокрыя кочки торчали изъ нея темными пятнами и только яркія пуховины зеленаго моха выстилали кое-гдѣ сочныя заминки. По сторонамъ дороги еще валялись обрубленныя деревья; вырытые изъ земли и брошенные здѣсь корни столѣтнихъ великановъ простирали во всѣ стороны узловатые свои сучья, точно жалуясь кому-то на насиліе, жертвою котораго они стали. Оглядываясь назадъ на длинную просѣку рельсоваго пути, мы видимъ, по какимъ горбинамъ онъ проложенъ.

— Какъ мы эту дорогу строили чудесно! — сообщаетъ мнѣ спутникъ.

— А что?

— Да такъ, знаете, вкупѣ. Мальцовъ, его пѣвчіе, управляющіе—всѣ работали при этомъ. Никому не было льготы. А потомъ, когда все кончилось, нанялъ онъ ученыхъ машинистовъ, приставилъ къ нимъ мальчиковъ поспособнѣе, тѣ присмотрѣлись къ дѣлу и теперь сами за машинистовъ ходятъ.

*) *Русская Мысль*, кн. II.

— Какія еще для Россіи дороги! — воскликнулъ Тернеръ, когда во главѣ желѣзно-дорожной коммиссіи онъ осматривалъ этотъ путь.

Только черезъ часъ по выѣздѣ изъ Дядькова солнце опять стало пригрѣвать и вѣтеръ улегся. Стало теплѣе. Ярко заблестѣли снѣговыя подушки между деревьями; такъ и казалось, что еще недавно на нихъ покоились головки лѣсныхъ дріадъ и всякихъ сказочныхъ призраковъ, разгоняемыхъ первыми лучами поздняго сѣвернаго дня. Бѣлая кора высокихъ березъ тоже серебрится подъ солнцемъ. Вотъ опять сплошь пошла береза; первая зелень едва-едва держится на сиротливыхъ еще вѣтвяхъ. Здѣсь гораздо позднѣе является листва, чѣмъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя описаны нами въ прежнихъ главахъ. Подъ конецъ однообразіе этого лѣса даже прискучиваетъ. Здѣсь около 200.000 десятинъ занято этими сосновыми и березовыми чащами. Берегутъ ихъ до такой степени, что зачастую покупаютъ дрова на сторонѣ, чтобы не тратить своихъ.

— Позвольте рубить,—пристаютъ иногда управляющіе,—вѣдь на 6.000 руб. экономіи въ годъ по такому-то заводу сдѣлаемъ.

— А что потомъ народу останется?

Такъ и бережется этотъ лѣсъ для будущаго.

Тѣмъ не менѣе одинъ въ полѣ не воинъ. Сотрудниковъ нѣтъ; мошенничество тоже не рѣдко, потому, напримѣръ, дроворубы истребляли до 1867 года круглыя площади лѣса по одной верстѣ въ діаметрѣ. Сверхъ того самый лучшій лѣсъ зачастую подвергался бурелому, что нарушало правильность его эксплоатаціи. Мнѣ самому приходилось здѣсь видѣть страшныя послѣдствія мѣстныхъ грозъ. Точно попалъ куда-нибудь на Тринидатъ или на берега Ореноко. Превосходныя деревья, сваленныя вихремъ, безсильно лежали, упираясь одно на другое съ обломанными или засохшими вѣтвями, съ торчащими изъ земли кувалдами узловатыхъ корней. До 1874 года никакъ не могли добиться, чтобы въ конторахъ и экономіяхъ велся правильный счетъ лѣса. Одному за всѣмъ углѣдить нельзя было. Обративъ исключительное вниманіе на заводы, хозяинъ упустилъ лѣса, полагаясь на людскую честность. Разумѣется, людская честность оказалась столь неудовлетворительной, что лѣсами стали-было хозяйничать всѣ, кому не лѣнь—управляющіе, приказчики, лѣсные ревизоры и даже втихомолку обходчики. Когда сдѣлана была должная ревизія, то оказалось, что превосходнаго лѣса лишь 20°/₀,

остальная часть и большая, 80%, состоитъ изъ разновозрастныхъ деревьевъ, вслѣдствіе бурелома, пожаровъ и выборочныхъ рубокъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ эта часть очень исправилась и количество прекраснаго лѣса увеличилось значительно. Молодятники и заросли занимаютъ тоже громадную площадь на мѣстѣ когда-то вырубленныхъ боровъ. Изъ нихъ третья часть даетъ отличное лѣсовозобновленіе, пятая—посредственное, остальное пространство или облѣсилось плохо, или совсѣмъ не поднялось. Какъ и во всѣхъ нашихъ лѣсныхъ хозяйствахъ, это произошло оттого, что, во-первыхъ, громадныя, квадратныя, сплошныя вырубки никогда не очищались отъ ненужныхъ вершинъ, сучьевъ и прочаго хлама, причемъ на нихъ не оставляли вовсе сѣменныхъ деревьевъ; во-вторыхъ, вредила дѣлу пастьба скота, который весьма охотно ѣстъ всѣ древесные всходы или топчетъ ихъ ногами, а вмѣстѣ съ порослями и почву, которая грубѣетъ и дѣлается безплодной; въ-третьихъ, при громадныхъ лѣсныхъ пожарахъ сгоралъ верхній слой чернозема, необходимый для возрожденія и роста деревьевъ; и въ-четвертыхъ, квартальныя просѣки были слишкомъ узки, такъ что не предупреждали распространенія лѣсныхъ пожаровъ, не вентилировали густыя дачи. Съ 1874 года за лѣса здѣсь принялись довольно энергично—и тѣ мѣста, которыя еще недавно шли плохо, выправились. Лѣса стали лучше и крѣпче,—болѣе разумная система устранила недостатки прежняго управленія. Теперь здѣсь принятъ шестидесятилѣтній лѣсооборотъ, то-есть ежегодно вырубается 1/60 часть лѣсовъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ тому времени, когда будутъ вырубаться послѣднія площади, первыя уже были покрыты высокими и крѣпкими лѣсами. Цѣнность ихъ здѣсь доходитъ по самой умѣренной цѣнѣ до 5.000.000 руб. Если взять минимумъ до 4.000.000 руб., такимъ образомъ заводы ежегодно съѣдаютъ на 66.666 рублей древеснаго топлива. Сверхъ того здѣсь есть особенныя заказныя пространства, въ которыхъ рубка производится съ крайнею осмотрительностію и введенъ лучшій способъ лѣсоустройства. Контроль лѣсовъ и отчетность по нимъ заведены очень строгіе—и теперь уже невозможны тѣ упущенія, которыя, по счастію, были замѣчены во-время, иначе довели бы дѣйствительно удивительные здѣшніе лѣса до самаго дурнаго положенія. Въ настоящее время сюда можно пріѣзжать учиться сбереженію порослей и уже старыхъ лѣсовъ, охраняемыхъ для будущаго, грознаго, несомнѣнно, въ остальныхъ частяхъ нашего обезлѣсеннаго отечества. Здѣсь

даже зачастую отказываютъ себѣ въ необходимомъ въ виду этого времени, и послѣдующія поколѣнія скажутъ не одно спасибо людямъ, сохранившимъ для нихъ такое громадное богатство.

Было воскресенье. Весь народъ—внѣ деревень. Пестрыя группы деревенскихъ дѣвушекъ въ перегонку гонялись за медленно шедшею желѣзною дорогой и кричали намъ что-то. Одна, особенно красивая, хохотала во все горло и добѣжала за нами на самый мостъ черезъ Болву. Мостъ этотъ раскинулся почти на версту. Видъ отсюда дивный. Вонъ большое село Куява. Все оно вытянулось на косогорѣ, сверкая своими окнами подъ высоко уже поднявшимся солнцемъ. Кругомъ обступили лѣса и точно хмурятся издали, слѣдя за этими веселыми, чистыми избами. Даль залита разливомъ Болвы. Изъ него выдвигаются рощи и аллеи какихъ-то раскидистыхъ деревьевъ, окутанныхъ первою молодою листвою. Точно золотисто-зеленыя облака опустились на сверкающее водополье да и замерли такъ среди окружающей ихъ нѣги и покоя. Голубыя полосы воды видны и тамъ изъ-за лѣса; темныя пятна еще голаго кустарника входятъ въ это неподвижное зеркало. Свѣтлыми каналами вода заходитъ за выступы холмовъ и далеко, далеко тамъ, гдѣ едва-едва мерещатся лѣсныя пустыни, свѣтится какая-то полоска. Должно-быть и туда забралося разливъ этой красивой и шаловливой рѣки.

Подъ мостомъ самое стремя. Вода ярко бѣжитъ между его сваями, точно злится на нихъ, перегородившихъ ея свободное теченіе.

Мостъ выстроенъ на славу, а между тѣмъ и здѣсь работали только крестьяне. Оттого-то вѣрно онъ и обошелся дешево!... Скоро нашъ поѣздъ оставилъ его позади и опять за Куявой ворвался въ сплошное царство молчаливаго лѣса. Только изрѣдка между стволами его деревьевъ свѣтлѣли длинные каналы разлива, воспользовавшагося всѣми лощинами и оврагами, чтобы ворваться сюда, въ этотъ торжественный и величавый міръ столѣтнихъ великановъ. Почва видимо измѣнилась. На полянахъ и въ лѣсу стали показываться валуны. Сѣрые, обросшіе мохомъ, камни какъ-то особенно были къ лицу къ этимъ елямъ и этимъ красивымъ соснамъ, на корѣ которыхъ года провели безчисленныя морщины. Вдали изъ-за вершинъ дымится что-то и спустя нѣсколько минутъ поѣздъ, выйдя изъ дремучихъ чащъ, медленно подошелъ къ селу Сукремень съ заводами и фермами.

Лѣсъ и тутъ ухитрились сохранить на самой околицѣ заводовъ. Ненасытныя утробы доменныхъ печей пожираютъ тысячи

и десятки тысячъ кубическихъ саженей дровъ, а молчаливыя деревья стоятъ себѣ даже нерѣдко у самыхъ этихъ ненасытныхъ обжоръ. Около села огромное озеро. Болва врывается въ него шумнымъ теченіемъ; слѣва тихо струится туда же рѣчонка Сукремень, извилистая и красивая, вспыхивающая теперь весною. Хорошо обстроенная улица правильно разбита вдоль этого озера. Массы народа и опять кучи дѣтей снуютъ во всѣ стороны. Дѣйствительно, вспоминаешь зенберскаго рабочаго: «наша баба— плодливая баба». По крайней мѣрѣ я нигдѣ—ни на Уралѣ, ни на Сѣверѣ, ни на Югѣ—не встрѣчалъ такого обилія молодаго поколѣнія, пребывающаго еще въ безпанталонномъ состояніи. Всѣ они, воображая, что съ нами хозяинъ, сбѣгались къ вагонамъ, крича еще издали: «Ура, дѣдушка, ура!» Но, увы, въ окно никто не кидалъ имъ пряниковъ и, разочарованные, они останавливались, недоумѣвали, поглядывая на насъ.

— Что, развѣ дѣдушки нѣтъ?—поинтересовался одинъ.

— Нѣтъ. Въ Дядьковѣ остался.

— А у васъ пряниковъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

Потоптался, потоптался малышъ и отправился вспять.

Слышу потомъ:

— Не бѣгите, ребятки,—Сергѣй Ивановича нѣтъ!

Но тѣ, не вѣруя, все-таки подбѣгали къ намъ. Повторялась та же исторія.

Отсюда только шесть верстъ до Людинова.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ это было ничтожное село. Здѣсь стояла только одна домна и изъ мѣстной руды плавился чугунъ. За то съ 1832 года этотъ Жиздринскій Шеффильдъ идетъ впередъ гигантскими шагами. Отсюда заводскій прогрессъ разлился по всей Россіи. Здѣсь впервые было примѣнено пудлингованіе и здѣсь же научились ему рабочіе, которые потомъ разнесли свои знанія и на далекій Уралъ, и въ Олонецкую губернію. Здѣсь съ тѣхъ поръ практиковалось все, что только являлось новаго въ горнозаводскомъ дѣлѣ, примѣнялись новыя усовершенствованія, открытія. Теперь въ Людиновѣ живетъ до 7.500 человѣкъ народа, получающаго всѣ средства къ существованію отъ завода. Одной прямой заработной платы расходуется заводомъ до 600.000 рублей ежегодно. Заводъ этотъ основанъ въ 1769 году, но только въ послѣднее время, лѣтъ двадцать тому назадъ, онъ принялъ свой настоящій видъ. Тутъ, напримѣръ, съ 1870 по 1880 г., только

за десять лѣтъ, сдѣлано и собрано 373 паровоза, на 9.256.770 р., 154 вагона пассажирскихъ, на 337.150 руб., 8.428 товарныхъ вагоновъ, на 11.612.749 р., 2.667 платформъ, на 2.686.794 р. А всего на 23.913.463 рубля. Сверхъ того, въ то же время здѣсь приготовлены массы локомобилей, земледѣльческихъ машинъ и орудій, гидравлическихъ прессовъ, отдѣльныхъ и запасныхъ частей для паровозовъ, маслобоенъ, всякаго литья посуднаго, штучнаго,—памятниковъ и рѣшетокъ, паровыхъ котловъ, паровозовъ для шоссе, желѣза разнаго въ издѣліяхъ, стали такой же, желѣза и стали въ кускахъ, рельсовъ и прочихъ вещей. Такихъ въ 1878 г. считалось на 4.558.348 руб., въ 1879 г.— 3.391.742 рубля и въ 1880 году на 3.388.088 рублей. Здѣсь работаютъ двѣ печи доменныхъ, пять вагранокъ, пять печей газовыхъ, всѣ для выплавки чугуна; одна газовая печь для выплавки мѣди, три такихъ же для выплавки стали, четырнадцать сварочныхъ, двѣ пудлинговыхъ, одна калильная и три паяльныхъ печей. Въ Людиновскомъ заводѣ работаютъ 78 горновъ, восемь заводскихъ вентиляторовъ, двѣ сушильни, одна турбина, семь большихъ штамповыхъ машинъ, два обрѣзныхъ стана, десять паровыхъ молотовъ, два молота пружинныхъ, восемь гидравлическихъ прессовъ, тринадцать прокатныхъ валовъ, 31 строгальная машина, 126 токарныхъ станковъ, 54 сверильныхъ, 22 долбежныхъ, 28 торцовыхъ, 12 винтовальныхъ, два шпунтовыхъ, пять зуборѣзныхъ, девять правильныхъ, три загибальныхъ, восемь штамповальныхъ. Сверхъ того машины для провѣрки валовъ, для нарѣзки метчиковъ, притирочныя, паровые ножи, ножи приводные, четыре болтовыхъ машины, двѣ гаечныхъ, угольныя мельницы, 417 тисковъ, 100 верстаковъ, масса токарныхъ станковъ для дерева и много круглыхъ пилъ.

Эти цифры даютъ довольно полное понятіе о дѣятельности Людинова.

Все, разумѣется, надо брать сравнительно. Окружающій околодокъ бѣденъ и лишенъ всякой промышленности. Развить здѣсь такое дѣло—большая заслуга. Чтобы дать еще дальнѣйшее понятіе объ оборотахъ завода, приведемъ цифры, какія намъ удалось собрать на мѣстѣ. Въ 1880 году одни слесаря заработали здѣсь задѣльной и поденной платы 220.000 руб., котельщики около 80.000 р., кузнецы 40.100 р., клепальщики 72.000 р., литейщики 74.000 р. и т. д. А между тѣмъ это былъ годъ самый неудачный. Заводъ сокращалъ работы, потому что заказы

уменьшились въ связи съ общимъ дурнымъ экономическимъ положеніемъ Россіи. Заводъ отсюда сбываетъ свои издѣлія въ Петербургъ, Москву, Харьковъ, Кіевъ, Одессу, Каховку, Екатеринославль, Орелъ, Пензу, Черниговъ, Пинскъ, Минскъ, Кременчугъ, Вильно, Ростовъ-на-Дону, Нижній-Новгородъ, Динабургъ, Ригу. Въ этихъ городахъ помѣщаются конторы завода или его коммиссіонеры.

Большое озеро блеснуло впереди, заставленное у праваго берега островами, между которыми струятся свѣтлые проливы. Озеро окаймлено отовсюду, кромѣ Людинова, лѣсистыми берегами. Оно здѣсь ужасно напоминаетъ Сайму. То же меланхолическое спокойствіе пейзажа, тотъ же просторъ едва-едва подернутой зыбью воды, та же густая хвойная растительность, тѣ же острова, покрытые лѣсомъ, безлюдные и безмолвные. Поѣздъ идетъ медленно. Направо безчисленныя зданія заводовъ, налѣво молодятникъ—густо-выросшій лѣсъ.

— Погніетъ или высохнетъ.

— А вотъ мы его скоро разрѣдимъ.

Еще издали слышится величавый гулъ. Точно море гдѣ-то бьется въ крутые берега, слышатся даже отдѣльные удары набѣгающихъ валовъ. Закроешь глаза—и чудятся, окаймленныя гребнями, волны, разбрасывающія по вѣтру извивы бѣлой пѣны. Такъ и кажется, что несутся онѣ издали на тебя, ударяются въ крутые утесы и, разбившись, съ дикою злобой отбѣгаютъ назадъ, чтобы съ новыми безчисленными зеленоватыми валами опять броситься на эти несокрушимыя твердыни. На дѣлѣ, разумѣется, никакого моря, да и не къ лицу было бы оно какому-то Жиздринскому уѣзду. За то немолчно и безустанно бьется тутъ и днемъ, и ночью такое же безграничное, такое же неугомонное море людскаго труда. Слышны тяжелые удары паровиковъ, глухой переборъ громадныхъ молотовъ, цѣлыя стихіи всевозможныхъ звуковъ, гдѣ мѣшаются въ одно акустическое марево и свистъ ремней, и шорохъ приводовъ, и стукъ клепалъ, и визгъ желѣза, и клекотъ чугуна въ домнахъ, и рѣзкій стонъ стали подъ круглыми пилами слесарныхъ станковъ, и удары паровыхъ ножей, и трескъ ломающагося дерева, и грохотъ зубчатыхъ колесъ, и мѣрный шумъ воды въ шлюзахъ, и Богъ знаетъ что еще. Все это захватываетъ васъ, кружитъ голову, долго не даетъ возможности остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ. Нѣсколько нервному и непривычному покажется, что онъ самъ попалъ подъ

эти молоты, въ эти ярко-горящія печи, что на него опрокидываются зубцы громадныхъ колесъ, налетаютъ какія-то стальныя руки скрытыхъ внизу великановъ. Вверху по проволочной воздушной дорогѣ двигаются сотни маленькихъ вагончиковъ съ рудой; погромыхивая, они бѣгутъ къ дымящимся домнамъ. Изъ десятковъ трубъ клубится черный тяжелый дымъ, — нѣтъ у него силы подняться къ этому весеннему небу и, истощась въ безплодныхъ стараніяхъ, онъ разстилается надъ заводомъ зловѣщею тучей, темною днемъ, багровою, словно отражающею какое-то громадное зарево, ночью. Миріады искръ несутся въ этомъ дымѣ и гаснутъ въ его густыхъ клубахъ. Намъ видны громадные дворы, заваленные жерновами, стальными бандажами, какими-то громадными частями машинъ, цилиндрами, въ которыхъ можетъ помѣститься и зажить припѣваючи любая семья, локомобилями, точно остановившимися съ разбѣга и размышляющими: куда же далѣе?... Груды желѣзнаго лома, цѣлыя горы всякаго мусора, имѣющаго свою цѣнность потому, что онъ вновь пойдетъ въ переплавку. Не понимаешь пока, какъ можно оріентироваться въ этомъ лабиринтѣ, и невольно ищешь, гдѣ, въ какомъ изъ этихъ гремящихъ, грохочущихъ сараевъ помѣщается минотавръ, который разомъ проглотитъ тебя въ свое желѣзное брюхо.

— Ну что, какъ вамъ нравится?—спрашиваетъ меня спутникъ.

— Погодите, я еще понять ничего не могу.

— Вотъ завтра мы пойдемъ съ вами и осмотримъ все подробно. А теперь поѣдемте далѣе.

Бойкіе кони живо унесли насъ отсюда.

Людиново больше другаго уѣзднаго города. Оно все разбросалось слободами. По берегу озера вытянулись кирпичные двухъэтажные дома, принадлежащіе рабочимъ. Деревянные мѣшаются съ каменными. Все обнаруживаетъ довольство и зажиточность. Какъ потомъ я убѣдился самъ, и внутри большая половина домовъ чисты и недурно обставлены, а нѣкоторые для «села» даже и меблированы хорошо. Развалинъ нѣтъ. Несмотря на воскресенье, не больше двухъ или трехъ пьяныхъ, да и тѣ какъ-то сторонкой забираютъ, чтобы не попасть кому-нибудь на встрѣчу. «Они у насъ этого стыдятся», — поясняетъ мнѣ управляющій Макаръ Алексѣевичъ Калининъ, изъ простыхъ рабочихъ выбившійся въ люди. Онъ въ томъ же сѣромъ армякѣ, какъ и всѣ. Интеллигентное лицо, разговоръ, обнаруживающій большую смѣт-

ливость и недюжинный умъ. Это родъ мѣстнаго маленькаго Эдиссона. Дайте ему разобрать, сдѣлать по чертежу любую неизвѣстную ему машину, онъ не только ее сдѣлаетъ, но и усовершенствовать постарается, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Калининъ побывалъ и за границей, въ Бельгіи, посмотрѣлъ тамошніе заводы, а по здѣшнему ему иногда случается заткнуть за поясъ и ученыхъ техниковъ. Подумаешь, какими странными скачками вырабатываются иногда русскія талантливыя натуры! Этотъ Калининъ, напримѣръ, и образованія никакого не получилъ, — еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ простымъ слесаремъ былъ на томъ же Людиновскомъ заводѣ. Случай выручилъ: нуженъ былъ слесарь къ дѣтямъ владѣльца, чтобы научать ихъ этому дѣлу. Выборъ палъ на Калинина, — онъ и обнаружилъ вдругъ таланты, которыхъ никто и не подозрѣвалъ въ этомъ спокойномъ, скромномъ, засыпанномъ стальными опилками, рабочемъ. Прибавьте къ этому доказанную безукоризненную честность — и типъ передъ вами будетъ полонъ. И сколько такихъ еще хоронится въ массахъ заскорузлыхъ тружениковъ, десятки лѣтъ просиживающихъ за какимъ-нибудь станкомъ!

При описаніи монастырей Соловецкаго, Святогорскаго и Валаамскаго я задавался вопросомъ: почему это только тамъ русскіе талантливые люди находятъ просторъ и работу, только тамъ способностямъ ихъ даютъ ходъ?... Здѣсь, наконецъ, пришлось убѣдиться, что и на міру есть хоть одно учрежденіе, гдѣ такимъ труженикамъ всегда будетъ и честь, и мѣсто. Вся администрація, все управленіе здѣшнихъ заводовъ состоитъ почти исключительно изъ прежнихъ рабочихъ. Сотни коммиссіонеровъ, приказчиковъ, агентовъ—изъ нихъ же. Два-три техника, нанятыхъ на сторонѣ, остальное — однообразная народная масса, выдѣляющая изъ самой себя и власть, и факторовъ власти. Чужихъ не любятъ. Да надо сказать правду, всякій разъ, какъ сюда брали ихъ, въ концѣ концовъ приходилось горько раскаиваться. Тутъ все свои—одна семья, тѣсно сжившаяся, сплотившаяся, солидарная почти во всемъ. И посмотрите, какъ живутъ эти, выдѣлившіеся изъ простыхъ крестьянъ и по виду оставшіеся простыми рабочими, люди. Вотъ, напримѣръ, Калининъ: у него двухъэтажный домъ, вверху парадныя, внизу жилыя комнаты; мягкая прекрасная мебель, зеркала, рояль отъ Веленіуса и фисгармонія тутъ же; вездѣ висятъ цѣнныя лампы. Видны уже привычки къ нѣкоторому изяществу. Чистота вездѣ поразительная, а жена его

и дѣти ходятъ въ сарафанахъ и онъ самъ не снимаетъ своего армяка. Вообще здѣсь выработался совсѣмъ особый типъ крестьянства. Посмотрите его не въ будничной обстановкѣ, когда онъ за своимъ станкомъ, весь засыпанный пылью желѣзной, весь въ поту работаетъ надъ чѣмъ-нибудь, а въ праздникъ или у него дома. Какая у него чистота, какая щепительная опрятность! Пьянствовать ему и въ голову не приходитъ, потому что это приравниваетъ къ пришлымъ забулдыгамъ, у которыхъ ничего нѣтъ, которые все, что ни получатъ, все спустятъ. Мнѣ самому случилось наблюдать такую сцену. Пьяный придрался къ трезвому.

— Свинья ты, вотъ что!

— Ты самъ свинья, да еще пьяная!... Возьму я да созову народъ.

— Ну?

— Свяженъ.

— Чортъ!...

— Ты хуже чорта.

— Ну, Макарка, доберусь я до тебя.

— Иди, иди,—по тебѣ давно кабакъ плачетъ. Срамишь ты насъ всѣхъ, вотъ что! Кабы въ тебѣ умъ былъ, ты бы куда-нибудь схоронился, пока вытрезвишься. А то при чужомъ человѣкѣ,—указывая на меня,—весь нашъ заводъ пакостишь.

Никто изъ выдѣлившихся крестьянъ, ставшихъ рабочими, большихъ жалованій не получаетъ. Всѣ усилія направлены къ тому, чтобы народу хлѣбъ былъ, чтобы не останавливать ни одного станка, ни одного человѣка не бросить безъ дѣла. При такихъ условіяхъ колоссальные гонорары были бы совсѣмъ невозможны. Самое управленіе носитъ удивительный характеръ, нигдѣ до сихъ поръ мнѣ не встрѣчавшійся. Что-то патріархальное до нельзя. Провинится въ чемъ-нибудь управляющій или приказчикъ,—вина ему прощается и разъ, и другой, и третій. На четвертый—расправа. Призываетъ его Мальцовъ, высчитываетъ ему вины всевозможныя.

— Ну, коли хочешь у меня оставаться, такъ поступай опять на заводъ простымъ рабочимъ.

Полгода слѣдятъ за нимъ, какъ себя ведетъ, хорошо ли работаетъ. На семьѣ это не отражается въ большинствѣ случаевъ. Она остается въ томъ же домѣ, ей помогаютъ. Исправляется провинившійся, его начинаютъ повышать и года два-три спустя

онъ опять управляетъ дѣломъ. Такъ, напримѣръ, поступали и не разъ съ замѣчательно-умнымъ человѣкомъ, тоже выдвинувшимся изъ слесарей и завѣдывавшимъ цѣлымъ Людиновымъ. Его изъ главноуправляющихъ разжаловывали въ простые рабочіе раза три уже. И въ настоящее время онъ еще тянетъ свой искусъ; онъ вполнѣ не прощенъ и на его рукахъ пока очень небольшое дѣло. Разумѣется, онъ можетъ отказаться и уйти; но это значитъ никогда уже не быть принятымъ на службу сюда. Самъ Мальцовъ никогда и никого не прогоняетъ. Это всѣ знаютъ и до того сжились съ заводами, что каждый рабочій здѣсь прежде всего увѣренъ въ прочности своего положенія.

Мы остановились въ Людиновѣ. Передъ нами разстилалась даль озера, заставленнаго на западѣ зелеными островами. Между ними чуть-чуть серебряными нитями намѣчивались узкіе проливы. У самаго берега колыхались два парохода: «Капитолина» и «Николай». Ихъ оснащивали и приготовляли къ навигаціи. Изъ залы, откуда я любовался на чудную картину этихъ свѣтлыхъ и спокойныхъ водъ, на заводъ проведенъ телефонъ. Онъ меньше любохонскаго, тоже устроеннаго здѣсь: тотъ на три версты, этотъ на одну. Своеобразные часы стоятъ въ углу, громадные, и на нихъ надпись «Никита Каширкинъ—Людиново». Мѣстное издѣліе до послѣдняго колеса. Лѣтъ сорокъ имъ или всѣ пятьдесятъ, а они работаютъ какъ новые.

— Тутъ не одни часы,—тутъ дѣлаютъ превосходные, самые нѣжные инструменты, даже измѣрительные, и все тѣ же простые рабочіе. Здѣшніе манометры славятся.

— Людиново издавна извѣстно этимъ.

— Здѣсь народъ на этомъ стоитъ. Посмотрите завтра, какіе у насъ мастера, полюбуетесь.

А между тѣмъ по наружности все это чуждо роскоши. Старыя законченныя зданія, подпертыя снаружи, поддерживаемыя изнутри; ничего лишняго, ни копѣйки не идетъ даромъ. Подъ иногда дырявыми, если это не мѣшаетъ дѣлу, кровлями копошатся тысячи людей, вырабатывая на милліоны рублей различныхъ издѣлій, расходящихся отсюда по всевозможнымъ уголкамъ Россіи. Когда на другой день зазвонилъ колоколъ и вся эта толпа рабочихъ повалила черезъ площадь, на которой стоитъ превосходная церковь, роскошно отдѣланная внутри, съ такими же, какъ въ Дядьковѣ, мѣстной работы хрустальными иконостасами, я невольно подивился этому громадному муравейнику. Улицы разомъ

ожили, вездѣ шумно переговаривались рабочіе, медленно идя по домамъ—обѣдать.

И все это—только изъ-за того, чтобы не умереть съ голода.

Воображаю, какъ иронизируютъ про себя иностранные заводчики, осматривая такія учрежденія, какъ Людиново.

— Эхъ вы! —думаютъ они про себя, —все дома есть, со всѣмъ вы сами сладить съумѣете, а работаете и хлопочете за насъ и для насъ. Свое въ черномъ тѣлѣ держите, а чужому покровительствуете.

IX. Жиздринскій Шеффильдъ.

На другой день съ ранняго утра я уже отправился на заводъ.

Шумъ воды въ шлюзахъ, свистъ машинъ, грохотъ паровиковъ и трескъ раскаленнаго чугуна подъ ударами молота—опять охватили меня отовсюду цѣлымъ хаосомъ звуковъ, но теперь я уже привыкъ къ нимъ. Они всю ночь проникали ко мнѣ въ комнату черезъ запертыя окна,—слухъ уже нѣсколько притупился.

— Съ чего мы начнемъ?—обратился ко мнѣ молодой техникъ, вызвавшійся сопровождать меня по Людиновскому лабиринту.

— Съ домны, я полагаю.

— Значитъ въ литейный цехъ?

— Что такое?

— У насъ заводъ весь дѣлится на цехи: литейный, мѣднолитейный, кузнечный, клепальный, слесарный, столярный и котельный. Въ литейномъ, куда мы съ вами пойдемъ сейчасъ, отливаютъ разныя машинныя части для подвижнаго желѣзно-дорожнаго состава и земледѣльческихъ орудій, посуду и разныя другія вещи.

Въ этомъ отдѣлѣ одинъ локомобиль въ четырнадцать силъ работаетъ, двѣ доменныя печи перевариваютъ въ своихъ каменныхъ утробахъ каждая по 1.000 пудовъ руды, флюса и массы дровъ и угля, пять вагранокъ горятъ и день и ночь, вмѣщая въ себѣ до 300 пудовъ чугуна каждая, три газовыя печи, куда заразъ бросаютъ по 230 пудовъ, а на всѣ 690, и сверхъ всего этого посредствомъ подъемнаго ворота дѣйствуетъ ручная формовальная машина. Рабочихъ въ этомъ отдѣленіи тоже не мало. Два мастера заправляютъ 230 литейщиками, 24 ихъ подручными, 40 учениками, 96 женщинами и 120 чернорабочими. Въ здѣшнихъ домнахъ производится прямо отливка чугуна въ издѣлія, что сберегаетъ много топлива; часть же чугуна отливается въ

такъ-называемые штыки для передѣлки въ желѣзо. Отливки между собою очень различествуютъ: иногда сразу отливается вещь въ 2.000 пудовъ вѣсомъ и тутъ же льются горшки, стѣнки которыхъ немногимъ толще писчей бумаги.

Руду сюда везутъ изъ Устовъ по желѣзной дорогѣ; на верхъ къ домнамъ она подымается въ маленькихъ корзинахъ подъемными машинами по проволочному воздушному пути. Тутъ рыжія и ржавыя массы руды сначала сбрасываются въ обжигальныя печи, за которыми возятся, мѣшая въ нихъ руду, бабы, обожженныя, всѣ въ поту, усталыя до-нельзя, сплошь покрытыя грязью.

— Трудна ваша работа,—невольно проговорилъ я, вглядываясь въ эти истощенные организмы, въ эти поблекшія лица.

— Не дай Богъ, панночекъ! Хуже нашей работы нѣтъ.

— Что же получаете вы?

— Рублей семь въ мѣсяцъ заработать можемъ. Больше нельзя!

Большой воротъ (колошникъ) забираетъ изъ обжигальной печи горячую руду въ колошу (корзину) и поворачивается съ ней прямо къ домнѣ. На Уралѣ весь этотъ трудъ совершается изморенными людьми. Тутъ за воротомъ смотритъ только одинъ рабочій. Колоша съ рудой останавливается надъ домной, устье которой горитъ слегка розовымъ красивымъ огнемъ. Въ немъ иногда мелькаютъ желтые языки, дымъ взрывается клубами вверхъ въ висящую надъ домной большую желѣзную трубу. Особый аппаратъ пока еще запираетъ пасть этой громадной печи. Около возится старикъ, тоже весь изможденный и измученный.

— Ворочайся, ворочайся, а больше сорока копѣекъ въ день не наработаешь,—жалуется онъ, переходя надъ домной по перекладинѣ, устроенной отъ одного края къ другому.

— Совсѣмъ по конѣшнимъ харчамъ даромъ служимъ!

Колоша въ это время наполняется соотвѣтствующимъ количествомъ флюсовъ—камней известковыхъ породъ, вмѣстѣ съ которыми плавится руда. Дѣломъ этимъ заняты мальчики, зарабатывающіе такимъ образомъ по 15 копѣекъ въ день. Работаютъ здѣсь двѣ смѣны, по двѣнадцати часовъ каждая. Къ домнамъ вверху проведены рельсы и по нимъ подкатываются въ вагончикахъ дрова.

— Ну, пора, ребята, начинай, начинай!

Въ устьѣ домны конусомъ вверхъ торчитъ аппаратъ Паре. Онъ опускается и подымается по желанію. Сначала, по командѣ

старшого, на него, въ домну, насыпають руду, уголь и флюсъ. Грохотъ стоитъ въ эту минуту въ этомъ темномъ и мрачномъ сараѣ, затѣмъ поверхъ руды наваливаютъ дровъ и, сравнявъ все это вокругъ конуса, особымъ механизмомъ опускаютъ его внизъ. Понижаясь, конусъ показываетъ на нѣсколько секундъ внутренность этой каменной утробы, горящей тысячами огней, переваривающей чугунъ и шлаки. Клубы дыма и пыли отъ провалившейся руды и угля подымаются вверхъ; пламя взрывается туда же, точно въ догонку за этою пылью. Потомъ, когда дрова и флюсы уже внутри, конусъ опять подымается и запираетъ пасть этой колоссальной, съ четырехъ-этажный домъ вышиной, печи.

Мальчики на минуту присаживаются отдохнуть. Бѣдные заморились совсѣмъ, таская корзины съ углемъ. Въ ворота этого сарая, выстроеннаго надъ домной, видно Людиновское озеро, весело сверкающее подъ солнцемъ; за нимъ—лѣсъ, зелень, бѣлые домики слободы, отражающіеся въ водѣ.

Каторжный трудъ!

Пришлось переживать тѣ же ощущенія, что и на Уралѣ. Тамъ еще тяжелѣе рабочимъ. Тутъ они хоть не жарятся надъ огнемъ ничѣмъ не закрытой домны, какъ это имъ приходится выносить въ томъ горнозаводскомъ округѣ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?—обращаюсь я къ маленькому рабочему, отдыхающему рядомъ.

— Четырнадцать.

— Много ли же ты зарабатываешь здѣсь?

— Не мало... Шесть, либо пять рублей въ мѣсяцъ. Какъ приведется.

— Трудно?

— Работать надо! Наши всѣ работаютъ.

Не успѣлъ договорить, какъ вдали послышался грохотъ.

Издали подъѣзжали по рельсамъ вагончики съ дровами, надвинулись надъ домной и стали. У нихъ выдвинули дно и дрова повалились въ домну.

— Сколько каждый разъ идетъ дровъ?

— По четверти кубической сажени валимъ.

— Она страсть что жретъ этого дерева!—замѣчаетъ старикъ.

— Да, у нея желудокъ не испорченъ!—шутитъ мой спутникъ.

— У нея, братъ, животъ не вспучитъ... Не заболитъ... У нея что у рабочаго: камень проглотитъ—и то сдёржитъ.

Мальчики начали раскидывать дрова равномѣрно вокругъ конуса въ устье домны и сверху наслоили угля.

Въ это время отъ обжигальной печи, тяжело скрипя и кряхтя, словно старикъ подъ непосильною ношей, приворачиваетъ воротъ колоши съ рудою и флюсами. Конусъ опускаютъ; изъ домны опять взрывается масса пламени, съ трескомъ и ревомъ уносящаяся вверхъ. За дровами насыпаютъ опять руды и флюсовъ; тутъ ужь не пламя, а пыль и миріады искръ летятъ вверхъ... И опять короткій отдыхъ, и опять въ воротахъ серебрится спокойная гладь озера съ зелеными островами и бѣлыми домиками на берегу.

Изъ-подъ конуса, изъ аппарата Паре, газъ выводится въ особый паровикъ для движенія воздуходувной машины. Все разсчитано такъ, чтобы ничего не пропадало даромъ. Сверху насъ повели внизъ по какимъ-то пещерамъ и жиламъ въ бокахъ этой громадной домны. Точно застѣнки старыхъ крѣпостей чудились намъ по сторонамъ. Звукъ желѣза гдѣ-то казался звономъ цѣпей, вздохи доменныхъ паровиковъ—стонами замученныхъ жертвъ. Еще меньшія жилы продѣланы тутъ же: черезъ нихъ дѣйствуетъ воздуходувная машина. Тамъ слышится порывистый свистъ, точно горный вѣтеръ съ силою врывается въ узкое ущелье, ища себѣ выхода изъ отовсюду стѣснившихъ его вершинъ и каменныхъ скатовъ. Вотъ и фурмы, сквозь которыя мы видимъ самое нутро этой чудовищной печи, ярко сверкающее, гдѣ руда обращается въ жидкое молоко, гдѣ плавится и кипитъ камень. Точно заглянули во внутренность волкана, въ пароксизмѣ самой кипучей подземной дѣятельности. Чудятся какія-то огненныя волны тамъ, какіе-то зигзаги яркихъ молній, пронизывающихъ жидкій металлъ. Шумъ тутъ стоитъ такой, какой я слышалъ только въ пермскихъ заводахъ того же рода. Кажется, будто гдѣ-то рядомъ падаетъ масса воды съ громадной высоты на острыя скалы,—падаетъ и разбивается въ тысячи мелкихъ брызгъ. Съ такою силой воздухъ стремится внутрь, въ самое сердце этой маленькой Этны, откуда въ свою очередь несется клокотаніе шипящей лавы и изрѣдка точно пушечные удары. Оглушенные мы отходимъ отсюда внизъ.

— Сейчасъ выпустятъ шлаки.

Позади домны устроены выходы для нихъ. Пузырясь и вскипая круглыми разливами, выступаетъ лава изъ этой норы. Кажется, что это огненныя волны, слѣпящія глаза своимъ желтымъ

блескомъ. По краямъ поверхность лавы уже синѣетъ, а изъ выводящаго отверстія все выползаютъ новыя и новыя волны. Жара кругомъ дѣлается невыносимой. Кто-то оретъ; мы ничего не слышимъ. Наконецъ рабочій схватываетъ кишку и направляетъ на кипящую лаву сильную струю воды. Точно злясь на это купанье, лава клокочетъ, пузырится, съ трескомъ лопается, синѣетъ и сѣрѣетъ, причемъ только изъ трещинъ мелькаютъ еще ея красные огненные глаза. Наконецъ она совсѣмъ тухнетъ подъ водою. Остается какая-то ноздреватая, рыхлая губка.

— Зачѣмъ это?

— А видите ли, такимъ образомъ разрыхленный шлакъ—отличное средство для удобренія полей. У насъ его свозятъ на фермы и раскидываютъ по землѣ. Онъ возвращаетъ ей золу, которую унесли изъ почвы скошенныя и сжатыя растенія или злаки.

— Я нигдѣ не встрѣчалъ ничего подобнаго.

— Да это только у насъ и дѣлается.

— Что же, лучше урожай на удобренныхъ такимъ образомъ поляхъ?

— Еще бы! Подъ вліяніемъ дождя и вѣтра шлакъ разрыхляется такимъ образомъ быстро... У насъ даже крестьяне начали уже кое-гдѣ усвоивать этотъ способъ удобренія.

Мы проходимъ къ устью домны, сквозь которое выходитъ выплавленная руда.

Путь лежитъ мимо вагранки для переплавки стараго чугуна. Толстая, выпятивъ свое каменное пузо, вся въ грязи, клокочетъ она; видимо, и эта печь перевариваетъ свою пищу.

— Это наша черная красавица.

— Матрена!—шутитъ рабочій,—вымылась бы, а то вся рожа въ грязи.

Двѣ рядомъ такихъ Матрены отопляются коксомъ; третья—въ сторонѣ, та требуетъ древеснаго угля.

Работающіе внизу у домны получаютъ уже хорошее вознагражденіе: 65 коп. идетъ имъ въ будни и 85 к. въ праздникъ. Въ мѣсяцъ они зарабатываютъ отъ 18 до 25 рублей, если безъ прогуловъ. Деньги эти и достаются не даромъ,—жара адская. Кажется, что дышешь раскаленнымъ воздухомъ Сахары, потому что сухой зной пышетъ прямо въ лицо тебѣ, завивая волосъ и заставляя трескаться кожу. У «щели» отверстія, сквозь которое идетъ чугунъ, уже столпился народъ. Шумъ фурмъ, крики людей смѣшиваются вмѣстѣ. Точно сказочная Вальпургіева ночь. Рабочіе

здѣсь уже и одѣты лучше, и глядятъ здоровѣе. Лаптей нѣтъ,— на всѣхъ сапоги; видъ сытый. Слышатся шутки, обращенныя все къ той же домнѣ.

— Эхъ ты, Домна, Домна! Пузо-то набила, теперь мы тебя лѣчить станемъ.

Въ щели, въ сѣрой массѣ отвердѣвшей руды—трещины. Въ трещинахъ вспыхиваютъ голубые огоньки.

— Ну, ну, пробейка ее... Максимъ, ты парень здоровый, ступай, ступай.

Приносятъ длинный ломъ аршина въ два.

— Какъ разъ по Домнѣ! Ну, братцы, зачинай, зачинай, что ее жалѣть!...

Ломъ этотъ наставили въ щель и давай молотами пробивать въ ней дыру. Потъ валилъ съ лицъ у рабочихъ.

— Съ ей тоже повозишься...

— Колоти, колоти молотомъ сильнѣе!

Кора въ щели не поддавалась.

— Ишь за праздники-то работы не было, такъ домна-то и остыла маленько. Литейщики здѣсь?

— Издѣся.

— Пришли кашу хлебать?

— Порцію свою получимъ,—отшучивались тѣ.

— Ты не больно только,—жжется... Ты подуй сначала.

— Ладно... Еще тебя поучимъ.

У литейщиковъ въ рукахъ были ложки,—разумѣется, громадныя,—чашки и ковши.

Наконецъ, кора подалась, ярко блеснувъ золотой, огнистою пробоиной. Проламывавшій кору рабочій живо выдернулъ ломъ и въ первый подставленный ковшъ полилась жидкая струя чугуннаго молока, разомъ освѣтившаго все: и толстую домну, и грязныя вагранки, и потныя лица рабочихъ. Всякій литейщикъ бралъ сколько ему нужно и бѣжалъ въ мастерскую съ своей порціей расплавленнаго металла.

— Никого больше?

— Никого,—всѣ сыты!

Тогда по длинному жолобу чугунъ полился внизъ, въ формы, сдѣланныя въ землѣ. Тутъ онъ охлаждается и для дальнѣйшей переплавки поступаетъ въ вагранки. Въ пермскихъ заводахъ чугунъ, выходя изъ щели, разбрасываетъ тысячи звѣздъ всѣхъ цвѣтовъ. Здѣсь онъ льется густою струей безъ брызгъ, потому

что въ людиновскихъ домнахъ онъ выходитъ уже спѣлымъ. По охлажденіи въ изломѣ, онъ оказывается темносѣрымъ, т. е. лучшаго сорта. Посуда и вещи изъ него выходятъ превосходныя. Только на нихъ никогда не прекращаются заказы. Ихъ столько, что заказчики даже ждутъ, хотя всѣ амбары здѣсь до потолка загромождены ими. Ограничивайся заводъ такими работами, — разумѣется, онъ былъ бы доходенъ; но Мальцовъ задался цѣлію во что бы ни стало вытѣснить иностранныя машины съ русскихъ рынковъ и терпитъ большіе убытки, достигая этой цѣли. Отъ мѣстныхъ издѣлій спеціалисты приходятъ въ восторгъ. Когда мы вошли въ сарай, гдѣ сложены всѣ эти издѣлія, намъ, какъ въ «Сорочинской ярмаркѣ» у Гоголя, пришлось воскликнуть: «чого тутъ нема!» Горшки, заслонки, утюги, печныя дверцы, гири, котелки, громадные котлы, доски для памятниковъ, плиты, гайки, зубчатыя колеса, изящныя чугунныя рамы, какіе-то цилиндры и тысячи другихъ предметовъ, которымъ сразу, пожалуй, не пріищешь и названія. Литейщики, отливающіе все это, получаютъ до 30 рублей въ мѣсяцъ. Плата имъ идетъ съ пуда отлитыхъ ими вещей. Спеціалистъ г. Саймоновъ вотъ что говоритъ по поводу здѣшнихъ работъ изъ чугуна: «приходишь къ заключенію, что литейная часть Людиновскаго завода доведена до высокой степени совершенства. Подобныя тонкія отливки даетъ чугунъ олонецкихъ заводовъ, съ тою только разницей, что выплавляемый изъ болотныхъ рудъ и содержащій вредныя примѣси — фосфоръ и сѣру, олонецкій чугунъ для переливки въ желѣзо не годится, тогда какъ здѣшній даетъ превосходное». Это было сказано четыре года назадъ. Съ тѣхъ поръ дѣло здѣсь значительно подвинулось и усовершенствовалось.

Сердце завода—паровая машина; она разгоняетъ кровь по артеріямъ этого громаднаго, изъ камня и желѣза сложившагося, организма. Мы прошли мимо нея; она глухо бьется всѣми своими поршнями и рычагами, выбрасывая паръ по самымъ отдаленнымъ проводамъ. Оставивъ ее, мы переходимъ въ помѣщеніе среднебойнаго водяного колеса. Мракъ и сырость. Струи воды льются отовсюду; слышится шумъ какихъ-то ручьевъ и потоковъ, сбѣгающихъ съ колеса въ тускло поблескивающую внизу воду. Шлюзы—внизу, и отсюда доносится грохотъ неудержимо рвущейся куда-то стихіи. Чугунные пульсы бьются кругомъ; громадные ремни протягиваются вдаль: колесо движетъ ихъ съ громадною силой. Они всѣ направлены въ слесарни и имъ станки безчис-

ленныхъ мастерскихъ Людиновскаго завода обязаны своею жизнью. Это—то же сердце. Весь заводъ кажется отсюда какимъ-то сложнымъ организмомъ, въ которомъ бьются и работаютъ два сердца, паровое и водяное, уживающіяся рядомъ одно съ другимъ. Я взошелъ на помостъ, устроенный у средины колеса. Громадное, въ 28 футовъ въ діаметрѣ, оно подымаетъ чудовищную массу воды. Ободъ его равняется 14 футамъ въ діаметрѣ. Дѣйствительно, что-то живое, сказочное слышишь и видишь во всѣхъ этихъ взмахахъ громадныхъ орудій, въ этомъ мѣрномъ шумѣ воды, въ этомъ грохотѣ шлюзовъ. Точно попалъ въ самое нутро какого-то чудовища и являешься безмолвнымъ свидѣтелемъ его отправленій, самыхъ таинственныхъ процессовъ жизни, поддерживающихъ этотъ организмъ. Какъ и у фурмъ, чудится грохотъ водопада, и если не поостережешься, то самому можно попасть подъ него, потому что сверху и съ боковъ льются струи воды. Помосты, на которые выходишь, полъ, на которомъ стоишь, дрожатъ и колышатся отъ силы этого движенія. Вверху работаетъ столь же громадный аппаратъ для шлюзовъ; по бокамъ съ грохотомъ движутся какіе-то рукава, шатуны, поддерживающіе безчисленные поршни, мѣха. Самъ какъ-то исчезаешь передъ громадностью этихъ сооруженій, кажешься самому себѣ безсильнымъ, ничтожнымъ.

— Экое дѣло заведено!—замѣчаетъ рядомъ крестьянинъ.

— А что?

— Ужь очень чудесно: и паромъ-то пущаетъ, и водой-то дѣйствуетъ.

— Ума не приложишь.

Другой бородатый мужикъ завѣдуетъ всей этою машиной. Ему все единственно,—онъ присмотрѣлся къ ней, и она уже не дивитъ его своими размѣрами. Отъ постояннаго грохота и шума кругомъ онъ немного глуховатъ сталъ и молчаливъ.

— Слова отъ него не добьешься!

— Ужь очень много слушаетъ,—некогда самому балякать.

Наконецъ мы уходимъ отсюда. Передъ нами помѣщеніе мѣднолитейнаго цеха. Тутъ отливаютъ разныя машинныя части, части для подвижнаго состава, для земледѣльческихъ орудій. Когда мы здѣсь были, работъ не оказывалось. Начнутся онѣ завтра. Только большая газовая печь горѣла, переваривающая сразу до ста двадцати пудовъ мѣди. Это самое маленькое отдѣленіе мастерскихъ. Здѣсь работаетъ одинъ мастеръ съ девятью литейщиками, че-

тырьмя учениками и двумя чернорабочими. Кругомъ стоитъ масса тиглей, въ которые отливаются мелкія вещи.

— Пустыня тутъ у насъ пока... Въ слѣдующій разъ, какъ пожалуете, все это горѣть будетъ, закипитъ!... А теперь скучно здѣсь.

Отсюда мы перебираемся въ мастерскія кузнечнаго цеха. Опять оглушающій шумъ, стукъ молотовъ, свистъ мѣховъ и шорохъ взрывающагося въ горнахъ пламени. Брызги огня разлетаются изъ-подъ молотовъ; желѣзо подъ ними точно жалуется кому-то, скрипитъ и сжимается. Тутъ горятъ три сварочныхъ печи и каждая вмѣщаетъ въ себя до 150 пудовъ металла заразъ; работаетъ одна паровая машина въ шестнадцать силъ и два паровика въ пятьдесятъ силъ каждый. Два паровые молота въ 120 пудовъ каждый и три поменьше, въ 27 пудовъ, разбиваютъ и обжимаютъ громадныя желѣзныя кувалды; пружинный молотъ громыхаетъ тоже, а рядомъ свищутъ массы мѣховъ, вгоняя въ огни семидесяти восьми горновъ сильныя струи воздуха. Тутъ за всѣми этими горнами, печами и молотами работаютъ три мастера, сто кузнецовъ, сто пятнадцать молотобойщиковъ, четыре печника, двадцать подручныхъ, два мальчика, двадцать восемь бабъ и девятнадцать надсмотрщиковъ и машинистовъ.

Мы проходимъ прямою улицей этихъ ярко горящихъ горновъ. Вонъ блеснули зѣвы сварочныхъ печей. Въ нихъ горятъ куски желѣза; другіе уже подъ молотами и разбрасываютъ кругомъ послѣ каждаго удара тысячи золотыхъ брызгъ. Обжимщики въ кожѣ щурятся, чтобы не попало въ глаза. Красивыя, сытыя, совсѣмъ не изморенныя бабы шуруютъ печи. Онѣ бросаютъ туда дрова, переговариваясь и пересмѣиваясь одна съ другой. Тутъ и заработокъ у нихъ не особенный, да трудъ легокъ. Онѣ получаютъ по 20 коп. въ день. Даже мальчики получаютъ больше бабъ,— имъ идетъ по 25 коп. въ день. Суровые, молчаливые, словно совсѣмъ обожженные рабочіе у сварочныхъ печей получаютъ до 30 руб. въ мѣсяцъ.

— Что они у васъ такіе хмурые?

— Работа такая. Стоитъ онъ цѣлый день у печи, въ огонь смотритъ.

— Такъ что-жь?

— И все самъ про себя думаетъ. Вы знаете, кто въ огонь смотритъ, тотъ думаетъ больше и разное ему въ огнѣ чудится.

— Вотъ какъ!...

— Тутъ рабочіе это отлично знаютъ. Одинъ вотъ разсказывалъ, въ печахъ-то адъ чудится: Такъ онъ и куски желѣза грѣшниками звалъ: «принеси грѣшника». Всякій разъ, какъ бросалъ въ сварочную печь желѣзо, такъ и воображаетъ себѣ, какъ на томъ свѣтѣ въ геену будутъ грѣшниковъ и злодѣевъ всякихъ кидать. Знаете, отъ огня ужасно фантазія разыгрывается. Вы что думаете?

— На Уралѣ такія же явленія замѣчалъ я.

— Это довольно общее. А другимъ въ огнѣ цѣлые города чудятся, люди, лица какія-то мелькаютъ, бѣгутъ какія-то серебряныя змѣи, золотыя саламандры возятся между ними, брилліантовыя волны струятся по темнымъ пока кускамъ желѣза, кровавыя пятна какія-то вскипаютъ на нихъ. Не мудрено, что какому-нибудь старику и адъ почудится. Мерещатся изъ огня простирающіяся къ нему руки. Голоса слышатся!...

Самый громадный отдѣлъ завода — слесарныя мастерскія. Положительно утомляешься, проходя по нимъ.

Слесарный цехъ раздѣляется на четыре разряда. Въ первомъ приготовляются части для паровыхъ и другихъ машинъ и для земледѣльческихъ орудій. Тутъ два гидравлическихъ колеса діаметромъ въ 10 метровъ каждое. Сила ихъ: перваго въ 60, а втораго въ 70. Паровая машина въ 100 силъ, восемь цилиндрическихъ мѣховъ отъ 40 до 50 силъ каждый, два гидравлическихъ пресса діаметромъ на 10″, десять строгальныхъ станковъ, 41 токарныхъ, 16 сверлильныхъ, четыре долбежныхъ, пять торцовыхъ, два обрѣзныхъ, два винтовальныхъ, одинъ для провѣрки валовъ, два штамповальныхъ, одинъ паровой ножъ, одна угольная мельница, 90 тисковъ слесарныхъ. За всѣми этими станками и орудіями работаютъ восемь мастеровъ, 376 мастеровыхъ, 70 учениковъ, 16 женщинъ, 30 чернорабочихъ.

Во второмъ слесарномъ отдѣленіи выдѣлываются части для паровозовъ и локомобилей. Тутъ одинъ паровой локомобиль въ 16 силъ и одна калильная печь, 17 строгальныхъ станковъ, 67 токарныхъ, 18 сверлильныхъ, 16 долбежныхъ, 22 торцовыхъ, 5 винтовальныхъ, одинъ зуборѣзный, одинъ шиповальный, 106 тисковъ слесарныхъ, одинъ пружинный молотъ. Рабочая сила: 5 мастеровъ, 290 мастеровыхъ, 45 учениковъ, 10 женщинъ, 12 чернорабочихъ.

Въ третьемъ слесарномъ отдѣленіи обжигаются и отдѣлываются печи, дверцы, камины и т. п. Здѣсь одинъ локомотивъ въ

10 силъ, три сверлильныхъ станка, одинъ токарный, одинъ притирочный, два шиповальныхъ, 116 тисковъ. За ними заняты два мастера, 100 мастеровыхъ, 40 учениковъ, 3 чернорабочихъ, 10 женщинъ.

Наконецъ, въ четвертомъ отдѣленіи отдѣлываются части для вагоновъ, сбираются земледѣльческія орудія. Тутъ строгальный станокъ, 14 токарныхъ, 7 сверлильныхъ, одинъ долбежный, одинъ торцовый, пять винтовальныхъ, два шиповальныхъ, три штамповальныхъ, 35 тисковъ. Рабочихъ: 2 мастера, 60 мастеровыхъ, 18 учениковъ, 5 женщинъ и 2 чернорабочихъ.

Тутъ центръ заводской дѣятельности. Ряды камеръ, занятыхъ исключительно слесарнымъ дѣломъ, сплошь заставленныхъ машинами, станками. Безчисленные приводы и ремни двигаются вверху и вертятъ сотни механизмовъ. Отъ однихъ ремней стоитъ какое-то стихійное шуршаніе, а тутъ еще грохочутъ паровики и локомобили, визжитъ, положительно визжитъ желѣзо подъ строгальными аппаратами. Здѣсь вообще какое-то вавилонское столпотвореніе,—ничего даже не сообразишь. По крайней мѣрѣ я совсѣмъ не могъ дать себѣ отчета, что здѣсь дѣлается. Голова разбаливалась, точно тысячи этихъ молотковъ стучали въ черепъ, точно эти безжалостные винты ввертываются въ него, а не въ стонавшее и плакавшееся подъ ними желѣзо. Тамъ глухо работаетъ паровой ножъ, отсѣкая толстые куски желѣзныхъ частей, тутъ какія-то машины стираютъ металлическія доски, такъ что каждый атомъ ихъ вздрагиваетъ, а сѣрая желѣзная пыль тучей поднимается въ воздухъ. Пронзительно визжитъ пила и сверлильный станокъ, вѣеромъ разбрасывая кругомъ желѣзныя стружки. Какіе-то особенные ножи нарѣзываютъ толстые бруски, снимая съ нихъ цѣлые слои коробящагося, какъ береста на огнѣ, металла. Въ сторонѣ стоятъ чистенькія, изящно-отдѣланныя машины, съ массою самыхъ непонятныхъ для меня частей. Неподвижныя, онѣ только ждутъ пароваго привода—этой души, которая бы ихъ оживила. Проковка, обточка и шлифовка желѣза доведены здѣсь до щегольства, не говоря уже о томъ, что всякая вещь дѣлается отчетливо, прочно и приготовляется весьма вѣрно. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ стальные бандажи получались здѣсь съ петербургскаго Обуховскаго завода, но теперь они приготовляются въ Людиновѣ, причемъ, по словамъ техниковъ, не уступаютъ лучшимъ англійскимъ издѣліямъ этого рода. Съ нами заводы посѣщалъ французскій инженеръ,—не упомню

уже теперь его фамилію. Онъ при видѣ только-что изготовленной здѣсь строгальной машины пришелъ въ совсѣмъ непонятный для меня телячій восторгъ.

Слесаря совсѣмъ уже выдѣляются изъ общаго типа рабочихъ. Это народъ серьезный, изобрѣтательный и умный.

— Мы все время при машинѣ,—по неволѣ мозгами-то пошевелишь. За нее не зная приняться нельзя. Ее тоже понимать надо!

— Тутъ до всего дойдешь. Въ ней, въ машинѣ, ума много!

— У нихъ удивительное чутье,—объясняетъ французъ, работающій здѣсь.—Привезутъ самый сложный механизмъ, весь онъ въ частяхъ лежитъ. Взглянетъ рабочій на чертежъ и нюхомъ его какъ-то пойметъ. Бывало только руками разведешь.

— Вотъ у насъ тутъ Баба есть, такъ она не нахвалится нами.

— Какая баба?

— А механикъ нашъ.

Баба оказалась французомъ Бобеномъ, завѣдующимъ слесарными мастерскими. Здѣсь только трое чужихъ. Главноуправляющій всѣмъ ганноверскій инженеръ Басонъ, инженеръ Дюссо, сынъ московскаго, и Бобенъ.

Слесаря, какъ народъ толковый и умный, держатся совсѣмъ отлично отъ другихъ рабочихъ. Они хорошо держатся, почитываютъ, интересуются всѣмъ. Семьи ихъ зажиточныя, потому что мастеровой можетъ здѣсь заработать отъ 26 до 48 рублей въ мѣсяцъ. Дома у нихъ свои, дрова ничего не стоятъ, хлѣбъ и припасы даетъ имъ заводъ, скупающій ихъ по дешевымъ цѣнамъ и такъ же продающій своимъ рабочимъ. Сталь и желѣзо кладутъ какой-то особенный отпечатокъ на работниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, я не разъ наблюдалъ это. Имѣющіе дѣло съ деревомъ вырабатываются въ мягкихъ и не совсѣмъ положительныхъ людей, за то на металлическихъ занятіяхъ вырабатываются ужасно сильные характеры, точно всѣ эти массы желѣза, мѣди, чугуна сообщаютъ имъ свою крѣпость и неподатливость. Тутъ и воздухъ какой-то особый. Въ этихъ мастерскихъ вы дѣйствительно ощущаете запахъ желѣза и стали. Онъ густо распространяется въ атмосферѣ, которою дышутъ.

Вотъ, напримѣръ, самое характеристичное лицо передо мною. Большая печь для прокаливанія желѣзныхъ листовъ; красное пламя рвется оттуда во всѣ скважины; слышится его свистъ и

клекотъ издали. Прямо у устья печи высокій, жилистый рабочій. Весь—изъ мускуловъ, на диво сложенный. Умные, нѣсколько воспаленные отъ огня глаза упорно смотрятъ на васъ и не опустятся навѣрное не передъ кѣмъ; крупныя черты дышутъ энергіей и силой. Выпуклый упрямый лобъ прекрасно сформированъ, губы сжаты, подбородокъ совсѣмъ такъ, какъ рисуютъ у Наполеона перваго. Заговорилъ я съ нимъ,—оказался знающій человѣкъ. Привычка мыслить сказывается въ каждомъ словѣ. Какъ не похожи на него ещё недавно попадавшіеся мнѣ жиздринскіе крестьянскіе типы, загнанные совсѣмъ, измученные на безкормицѣ и безработицѣ, совсѣмъ безнадежные для будущаго.

Хлѣбопашецъ, съ поэтическимъ складомъ своей фантазіи, съ любовью къ природѣ и иногда даже съ пониманіемъ ея, все-таки оказывается простымъ крестьяниномъ рядомъ съ этими мастеровыми, всю свою жизнь возящимися съ машинами. Я не знаю, можетъ-быть въ первыхъ сосредоточиваются всевозможныя добродѣтели, но во вторыхъ несравненно болѣе жизненной энергіи, способностей, изобрѣтательности. Несмотря на то, что заводскій рабочій живетъ лучше землепашца, въ немъ уже явилось недовольство своимъ положеніемъ и растетъ протестъ. Здѣсь, напримѣръ, положеніе дѣлъ лучше, чѣмъ у сосѣдей: люди обезпечены, сыты и—главное—о нихъ заботятся, все для нихъ дѣлается; тѣмъ не менѣе пришлось мнѣ самому слышать весьма знаменательныя фразы.

Было, напримѣръ, освященіе гуты. Сошлась вокругъ Мальцова толпа рабочихъ.

— Трудно, братцы, всѣмъ трудно нынче. Бѣда,—заказовъ нѣтъ.

— Какъ не трудно... Милліоны страдаютъ!—слышится изъ толпы.

Смотрю, желчное, желтое лицо, глаза блестятъ лихорадочно, по лицу бѣжитъ судорога.

— Да, братъ, страдаютъ.

— Всю жизнь работаю, семеро дѣтей, бока болятъ! Заѣли рабочаго человѣка господа, совсѣмъ заѣли! Коли бы не вы, и здѣсь бы не жить! Безъ васъ начнутъ изъ насъ кровь точить!... Пропадать рабочему человѣку надо, совсѣмъ пропадать!

Дрожитъ весь.

— Это я видѣлъ, какъ съ нами на другихъ фабрикахъ. Со скотомъ легше.

Вытянулъ руку, сжалъ кулакъ.

— То-есть во-какъ!... Помирать буду, а не забыть, какъ они насъ, рабочихъ людей, заѣли!

— Это ты совсѣмъ слово неподобное говоришь,—сталъ его укорять священникъ.

— Вы посмотрите-ка, батюшка, что по другимъ округамъ дѣлается! Совсѣмъ насъ богачи убили, дышать и кричать не велятъ. А у меня вотъ отъ работы боки...

— А ты забылъ, легче вельбуду внити въ ушко игольное, нежели богатому...

Рабочій и смотрѣть не сталъ, отмахнулся и прочь пошелъ.

— Зачѣмъ ему въ ушко игольное? Онъ, братъ, себѣ и здѣсь царствіе небесное устроитъ, сдѣлай милость!

И тутъ нарождается противу капитала грозная сила. Она растетъ и крѣпнетъ подъ гнетомъ, какъ крѣпнетъ чугунъ подъ паровымъ молотомъ, извергая изъ себя всѣ посторонніе примѣси.

Изъ слесарныхъ мы отправились въ клепальни.

Тутъ производится клепаніе паровиковъ и сборка паровозовъ съ помощію трехъ локомобилей въ 44 силы всѣ вмѣстѣ, гидравлическаго пресса, мѣховъ, четырехъ штамповальныхъ и четырехъ болтовыхъ, одной гаечной машины, ножей паровыхъ и приводныхъ, трехъ строгальныхъ станковъ, десяти сверлильныхъ, одного долбежнаго, двухъ загибальныхъ, одного правильнаго, трехъ паяльныхъ горновъ, 70 тисковъ. Заняты въ этомъ цехѣ 6 мастеровъ, 300 мастеровыхъ, 35 учениковъ, 30 женщинъ, 10 чернорабочихъ. Тутъ все заставлено машинами, локомобилями, паровозами, которые собираются въ этомъ отдѣленіи. Вонъ, напримѣръ, локомотивъ громадный, онъ весь почти готовъ, но его со всѣхъ сторонъ облѣпили рабочіе, какъ мухи въ жаркое лѣто, сѣвшія на мирно пасущагося быка. За сборъ всего паровика малаго имъ платится 160 р., большаго 250 руб. Это дѣлится между восемью человѣками, составляющими такимъ образомъ артель.

— Что-жь, выгодна эта работа?

— Какъ когда... Въ хорошее время отъ 25 до 30 руб. въ мѣсяцъ придется.

— А въ другое?

— А въ другое и по двадцати—слава Богу!

— Тутъ вѣдь какъ бываетъ... Сбираешь машину—вотъ бы и конецъ, а какая-нибудь часть въ другихъ мастерскихъ еще не готова,—ну, и гуляй, теряй время понапрасну.

— Ничѣмъ развѣ другимъ заняться нельзя?

— У насъ такъ: одна артель собираетъ каждую машину. Если работы нѣтъ, къ другой не приступишься,—тамъ свои работаютъ.

— А иной работы нѣтъ?

— Мы не привычны... Мы сборщики издавна.

Въ другомъ отдѣленіи клепальнаго цеха еще болѣе наставлено всякихъ громадныхъ сооруженій. Тутъ и громадные чугунные ворота, и черные, еще не крашенные, паровозы, какія-то необычайныя по величинѣ желѣзныя трубы. Вонъ, напримѣръ, совсѣмъ готовая, уже собранная, банная печь; можно подумать, что въ баню, гдѣ она будетъ стоять, придутъ мыться слоны и носороги. Въ ней легко можно было бы сжарить допотопнаго мамонта, еслибы на этомъ же заводѣ былъ приготовленъ достаточный для того противень. Грохотъ здѣсь стоитъ оглушительный, стукъ молотковъ, шуршанье и громъ какихъ-то толстыхъ желѣзныхъ листовъ. Древній грекъ подумалъ бы, что онъ попалъ въ лабораторію грома къ Зевесу.

— Правда, какъ все это величаво и по-своему красиво?— восхищался мой спутникъ французъ.

Своеобразная поэзія механическаго желѣзнаго дѣла!

Вонъ совсѣмъ черный паровозъ. Его начинаютъ красить.

— Мы это сейчасъ ея туалетъ начнемъ,—говорятъ рабочіе.— Недолго наша красавица въ грязи будетъ.

— Вотъ вымоемъ ее, покрасимъ, подрумянимъ, брови ей подсурмимъ—совсѣмъ дама станетъ, какъ въ городу бываетъ, а то еще и лучше, потому что въ городу бабы хлипкія да жидкія.

Вотъ одинъ локомотивъ еще только собранъ. Одинъ рабочій забрался внутрь, другой снаружи. Раскаленными гвоздями заклепываютъ предварительно просверленныя дыры. Грохотъ такой, что сидящій внутри, по выходѣ оттуда, я думаю, долго еще не можетъ очнуться. Нужно здѣсь и уши имѣть такія же, каковы и эти локомотивы, печи, паровики, и изъ того же самаго матеріала. Бассонъ, завѣдующій Людиновскимъ заводомъ, уже оглохъ, и другіе мало-по-малу глохнутъ. Это здѣсь неизбѣжно. Тутъ желѣзо и сталь орутъ во всѣ свои громадныя пасти и если стѣны Іерихонскія когда-то пали отъ звуковъ еврейскихъ трубъ, то, я думаю, отъ этихъ звуковъ и зданія филистимлянскаго города не остались бы цѣлыми.

Кончилъ рабочій вколачивать,—выскочилъ другой извнутри. Стоитъ ободдѣвшій совсѣмъ.

— Чего ты?—спрашиваютъ его.

Хлопаетъ глазами,—видимо, ничего не понимаетъ.

— Очумѣлъ!...

— Недавно онъ потому. Скоро привыкнетъ. У насъ дѣло это не трудное. Тяжело первое время только.

Рядомъ подымается грохотъ еще пронзительнѣе. Это начали заклепывать новую трубу. Совсѣмъ какъ живая оретъ она подъ ударами большихъ молотовъ.

— Еще бы!... Тебѣ бы калёный гвоздь въ шкуру забивать стали, тоже бы заоралъ тогда.

Удивительная манера у рабочихъ одушевлять всѣ инструменты и механизмы, съ которыми они имѣютъ дѣло!

Вотъ цѣлыя улицы сварочныхъ печей Сименса. Справа и слѣва сквозь заслонки слышенъ шумъ пламени и розовые языки его рвутся во всѣ щели, облизывая черную кирпичную кладку. Вонъ другая улица такая же: направо Сименсовы, налѣво сталеварни Мартена. Сталь здѣсь варится прямо изъ чугуна, мелкаго желѣза, желѣзнаго скрапа и обломковъ старой стали. Проходя мимо устьевъ, мы слышимъ, какъ тамъ ворчитъ расплавленный металлъ, герметически закупоренный въ самое нутро этихъ аппаратовъ. Въ углу валяются горы бандажей, прямо отлитыхъ изъ стали и еще не отдѣланныхъ. Меня приглашаютъ сойти внизъ въ газовикъ. Мы опускаемся какими-то темными проходами. Въ норѣ этой едва дышешь отъ дыму. Онъ окутываетъ со всѣхъ сторонъ, ѣстъ глаза, струится въ носъ и ротъ. Густой какой-то, жирный... Мы попадаемъ въ зарядникъ, куда поступаютъ и откуда сбрасываются внизъ дрова. Тутъ дымъ еще гуще. Сѣрые клубы его замѣняютъ воздухъ. Еще минута — и голова начинаетъ кружиться. Въ трубы, чтобы по нимъ не проходилъ газъ, сыплятъ лопатами опилки. Изъ этой лабораторіи газъ поступаетъ въ сварочныя печи и дѣлаетъ тамъ свое дѣло. Быстро, собирая послѣднія силы, мы вбѣгаемъ вверхъ на чистый воздухъ, подъ сараи сварочныхъ печей, и опять слышимъ клокотаніе металла за ихъ заслонками, опять въ глаза намъ свѣтитъ проникающее сквозь ихъ щели розовое пламя. На пробу вытащили изъ склада длинную полосу желѣзную, холодную уже. Нужно было испытать гибкость ея. Загнули ее разъ, другой, третій, до восьми, и кусокъ въ 16 дюймовъ толщины не далъ нигдѣ трещины, несмотря на то, что загибали его сплошь и

били молотами, пока внутреннія стѣнки стиба не сошлись совсѣмъ. Это—высокопробный металлъ, выходящій изъ здѣшнихъ печей.

Сталевары получаютъ по мѣстнымъ цѣнамъ весьма высокое вознагражденіе—по 50 руб. въ мѣсяцъ.

Наступилъ вечеръ, и въ мастерскихъ зажгли газъ.

— Откуда это у васъ?

— Къ намъ изъ Царицына доставляютъ нефтяные остатки, мы изъ нихъ и приготовляемъ.

— Какъ вамъ нравится наше Людиново?

— Я еще не могу дать себѣ отчета.

— Почему?

— Слишкомъ много всего. Подавляетъ.

— Да, а къ Мальцову перешло когда, знаете ли, что здѣсь было?

— Ну-съ?

— Домна, кричныя горна, да семь слесарей!

Въ этомъ сталеварномъ отдѣленіи, кромѣ печей, вмѣщающихъ въ себѣ стали и металла въ ломѣ по 245 пудовъ каждая, есть еще двѣ пудлинговыхъ печи. Здѣсь работаютъ четыре паровика отъ 40—50 силъ каждый, гидравлическое колесо въ 60 силъ и одна турбина въ 30 силъ. Тутъ же масса исполнительныхъ механизмовъ и вальцовочныхъ станковъ, четыре паровыхъ молота, одинъ гидравлическій прессъ, двѣ паровыя пилы въ 10 силъ, станъ для прокатки бандажей, паровой ножъ, три токарныхъ станка. Тутъ и разряды рабочихъ разнообразнѣе. Завѣдуютъ дѣломъ четыре мастера, у нихъ 10 катальщиковъ, 30 подручныхъ, 6 пудлинговщиковъ, 15 газовщиковъ, два сталевара, у нихъ 4 подручныхъ, 30 женщинъ и 18 чернорабочихъ. Сверхъ этого, занимающагося прокаткою круглаго, угольнаго и другаго сортоваго желѣза, отливкой и прокаткою стали, отдѣленія, есть еще другое того же цеха, гдѣ производится прокатка желѣза кубоваго, котельнаго, листоваго и т. п. Тутъ пять сварочныхъ печей, три паровика, двѣ паровыхъ машины, гидравлическое колесо, двѣ сушильни. Въ этомъ разрядѣ пять станковъ вальцовыхъ, одинъ паровой молотъ, одинъ пружинный, паровая пила, четыре гидравлическихъ пресса, одинъ загибальный станъ и одинъ токарный, три штамповальныхъ машины, ножъ паровой, ножъ дѣйствующій приводомъ, гаечный и проволочный аппараты. Тутъ трое мастеровъ, 35 катальщиковъ, 20 подручныхъ, 50 слесарей,

машинистовъ и смотрителей, 6 газовщиковъ, 34 женщины, 12 чернорабочихъ.

— Вамъ теперь надо посмотрѣть еще наше деревянное отдѣленіе.

— Какое деревянное?

— Да столярное и другія: модельное и чертежное.

Переходъ отъ желѣза къ дереву разомъ подтвердилъ мое прежнее наблюденіе.

Не было этихъ сухихъ, суровыхъ типовъ, которые я видѣлъ въ слесарныхъ; не было озлобленныхъ, хмурыхъ лицъ. Здѣсь въ сравнительной тишинѣ спокойно работали надъ деревомъ добродушные столяры, чисто одѣтые, многіе въ очкахъ. Внизу на металлическихъ работахъ подъ огнемъ печей, въ дыму паровиковъ, невозможно носить ничего кромѣ лохмотьевъ,—платье горитъ на человѣкѣ. Тутъ совсѣмъ иное дѣло. Пахнетъ вмѣсто газа и дыма смолистымъ запахомъ сосны. Точно въ свѣжій лѣсъ попалъ послѣ теплаго дождя, когда каждое дерево привѣтливо дышетъ вамъ на встрѣчу. Кое-гдѣ дерево скрипитъ подъ желѣзными инструментами, больно ему и кряхтитъ оно, жалуясь на безжалостную руку. Тутъ всѣ внимательно сосредоточены. Дерево—матеріалъ легкій: не доглядѣлъ—и испорчено оно. Дерево мягче—и натура мягче.

— Что вы здѣсь получаете въ мѣсяцъ? — спрашиваю я у одного рабочаго въ очкахъ, философски уставившагося на кусокъ дуба.

— Да рублей по тридцати въ мѣсяцъ, — взглянулъ онъ на меня въ очки. — Мальчики которые — тѣ по пяти рублей, пока пріучатся къ нашему дѣлу.

— А какая работа здѣсь?

— Разная. Мы части машинъ дѣлаемъ, которыя изъ дерева, выдѣлываемъ модели, сбираемъ машины земледѣльческія.

Тутъ у рабочихъ въ рукахъ рисунки различныхъ проектовъ, которые нужно воспроизвести изъ дерева. Всякая новая машина, прежде чѣмъ она будетъ приготовлена на заводѣ, является здѣсь въ видѣ модели. Эти образцы тутъ дѣлаются съ замѣчательнымъ изяществомъ. Столярныхъ нѣсколько отдѣленій и народа здѣсь работаетъ не мало на трехъ токарныхъ станкахъ и 90 верстакахъ. Всего здѣсь два мастера, два модельщика, 88 мастеровыхъ, 36 учениковъ, одна женщина и двое чернорабочихъ. Изъ дерева приготовляются формы для стекла. Тутъ же почему-то

работаются и манометры, которыми заводъ можетъ по праву хвалиться. Вотъ что между прочимъ говорятъ о нихъ спеціалисты:

«Мы сравнивали манометры французскіе и людиновскіе. Для сравненія чувствительности того и другаго оба привинчивали къ желѣзной трубочкѣ, соединяющейся съ небольшимъ гидравлическимъ прессомъ. Накачивая насосъ, можно видѣть, что стрѣлки обоихъ манометровъ до поразительной точности тождественны въ своихъ показаніяхъ давленія воды, а слѣдовательно и пара» (*Земледѣльческая Газета* 1877 г., стр. 372).

Мастеровые, приготовляющіе манометры, смотрятъ весьма интеллигентно; они заработываютъ на сравнительно легкомъ трудѣ отъ 35 до 45 руб. въ мѣсяцъ.

— Въ нашей наукѣ ума надо!—говорятъ они.

— Тутъ все разсчетъ. Тутъ безъ цифры ничего не сдѣлаешь.

— Цифру знать требуется, чтобъ она завсегда передъ тобой стояла, какъ листъ передъ травой, готовая!...

Неподалеку — чертежная. Рядъ залъ, занятыхъ рисовальщиками и чертежниками изъ крестьянъ, окончившихъ мѣстныя училища. Тутъ уже совсѣмъ другіе типы. Несмотря на форменный сѣрый армякъ, лица бритыя, чиновничьи. Мы наскоро прошли мимо, торопясь попасть въ отдѣленіе земледѣльческихъ машинъ, гдѣ осмотрѣли или изобрѣтенные здѣсь, или усовершенствованные соломорѣзки, молотилки, плуги, просорушки, сѣялки, вѣялки всевозможныхъ системъ. Не ограничиваясь своими, заводъ выдѣлываетъ также англійскія, американскія, германскія. Но о нихъ мы скажемъ потомъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ нашего разсказа.

Намъ, разумѣется, могутъ поставить въ упрекъ изобиліе цифръ, приведенныхъ здѣсь, но иначе и нельзя было и обрисовать всей громадности этого предпріятія,—иногда цифра краснорѣчивѣе всякаго разсказа. Кстати уже, чтобы покончить съ ними, я приведу общую вѣдомость всѣхъ работающихъ на заводѣ. Всего здѣсь числится круглымъ счетомъ: механиковъ 3, мастеровъ 60, мастеровыхъ 1.800, учениковъ 300, женщинъ 250, писарей и приказчиковъ 35, чернорабочихъ 500 человѣкъ. Кромѣ того—масса народа, которая продовольствуется на счетъ заводовладѣльца. Здѣсь въ заводскомъ магазинѣ распродано по дешевой цѣнѣ и выдано такъ, въ помощь рабочимъ, слѣдующее количество, за исключеніемъ тѣхъ, которыя они покупаютъ въ другихъ пунктахъ: муки ржаной 218.897 пуд., пшеничной—10.475

пуд., крупъ гречневыхъ—23.913 пуд., масла конопляннаго—3.722 пуда, соли—8.441 пудъ, сала свинаго—2.771 пудъ, говяжьяго—577 пуд., солонины—3,208 пуд., рыбы и сельдей—1.956 пуд., овса—22.117 пуд., мыла—1,676 пуд., чаю—314 пуд., сахару—3.355 пуд., масла деревяннаго—1.222 пуда.

Менѣе значительные продукты мы не приводимъ.

Вся эта масса потребляется только рабочими, живущими на своемъ содержаніи.

Правила для рабочихъ, если, напримѣръ, ихъ сравнить съ уральскими, въ высшей степени снисходительны.

Каждый рабочій по третьему звонку обязанъ быть у главныхъ воротъ завода и тотчасъ же приступать къ работѣ. За самовольный прогулъ или отлучку съ рабочаго взыскивается по усмотрѣнію заводскаго управленія, но не болѣе какъ по 25 коп. за четверть сутокъ. Разсчетъ производится 13 числа каждаго мѣсяца. Школы и больницы содержатся на счетъ управленія. Больные пользуются и лѣчатся въ нихъ на полномъ его иждивеніи. Здѣсь для этого служатъ докторъ и четыре фельдшера. Въ больницѣ постоянныхъ кроватей 25, но по мѣрѣ нужды прибавляется сколько нужно. Въ Людиновѣ имѣется аптека, какъ и въ Дядьковѣ.

Для того, чтобъ еще яснѣе опредѣлить дѣятельность завода, нужно прибавить одно: всѣ машины, станки, паровики, гидравлическіе прессы и проч., дѣйствующіе здѣсь, приготовлены на самомъ заводѣ. Въ настоящее время чужаго здѣсь ничего нѣтъ.

На другой день мы окончили осмотръ этого Шеффильда, посѣтивъ его вторично днемъ.

Когда мы вышли, солнце ярко свѣтило. Рабочіе бѣжали къ какой-то, какъ намъ показалось, часовнѣ, заваленной совсѣмъ бандажами, желѣзными частями машинъ, всякимъ ломомъ, бракованными орудіями, между которыми выдѣлялись свѣжестью красокъ совершенно новыя, только-что приготовленныя, вещи.

— Куда это идутъ всѣ?

— Да къ колодцу. Тутъ у насъ исцѣлительный колодезь есть.

— Это еще что за исцѣлительный?

— Да мы менаемъ такъ о немъ. Лѣтомъ мы такъ упариваемся за работой, что у насъ на тѣлѣ соль выступаетъ. Бросишься къ колодцу съ жару, вода какъ ледъ, пьешь ее жадно,— ну, точно вотъ въ книжкахъ пишутъ, верблюды, которые въ

пустыняхъ: Пьемъ, а никогда не бывало, чтобы нутро отъ ей страдало, либо хворь какая захватила. Тамъ мы его исцѣлительницей и прозвали. Вода у насъ тутъ крѣпкая, сильная.

Когда, нѣсколько часовъ спустя, я вышелъ на балконъ, солнце палило уже во всю, на небѣ не было ни облачка. Озеро чисто. Въ золотистой дымкѣ далей тихіе лѣсистые берега его точно погрузились въ сладкую дрёму и спятъ себѣ надъ зеркальною поверхностью воды. Направо изъ заводскихъ трубъ клубится дымъ. Тамъ, въ этой массѣ строеній, стучитъ и бьется желѣзное сердце этой громадной лабораторіи труда и предпріимчивости, бьются паровики-пульсы и по его безчисленнымъ жиламъ разгоняютъ паръ въ самые отдаленные закоулки. Съ высокой колокольни красивой [illegible]ковской церкви звонили въ колоколъ.

В. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Государственная роспись на 1882 годъ.

(Продолженіе *).

II.

Доходы.

Переходя къ разсмотрѣнію смѣты нашихъ косвенныхъ налоговъ, нельзя не замѣтить, что неравномѣрность обложенія составляетъ неизбѣжную принадлежность и характеристическую черту каждой системы этихъ налоговъ. Здѣсь объ уравнительномъ распредѣленіи податныхъ тягостей не можетъ быть и рѣчи, на томъ простомъ основаніи, что для достиженія этой цѣли необходимо было бы обложить всѣ предметы потребленія безъ всякаго исключенія, что положительно невозможно. Вотъ почему съ теоретической точки зрѣнія система косвенныхъ налоговъ вообще не выдерживаетъ критики. Этимъ однако-жь не исчерпываются недостатки этой системы. Практика дѣла имѣетъ свои условія и требованія и въ силу этихъ условій и требованій необходимо, чтобъ издержки взиманія не поглощали значительной части налога и чтобы сумма налоговъ приносила достаточныя средства для удовлетворенія государственныхъ потребностей. Поэтому при установленіи косвеннаго налога необходимо, чтобы производство предметовъ подлежащихъ обложенію могло подлежать учету и контролю, а затѣмъ чтобъ они составляли необходимую потребность или всего населенія, или значительнаго его большинства. При отсутствіи этихъ условій въ первомъ случаѣ явится контрабанда и невозможность производства при уплатѣ налога, во второмъ—издержки взиманія поглотятъ значительную часть дохода и налогъ будетъ тѣмъ менѣе цѣлесообразенъ, чѣмъ эти издержки поглотятъ большій его процентъ. Обложеніе предметовъ роскоши, какъ показываетъ опытъ,

*) *Русская Мысль*, кн. III.

не приноситъ значительной цифры дохода, а по разнообразію этихъ предметовъ ведетъ къ чрезвычайно сложной системѣ надзора, что влечетъ за собою громадныя издержки. Такимъ образомъ практическія цѣли требуютъ при установленіи косвенныхъ налоговъ облагать тѣ предметы, потребленіе которыхъ распространено наиболѣе, т. е. облагать бѣднаго наравнѣ съ достаточнымъ и богатымъ человѣкомъ, что не соотвѣтствуетъ справедливости и не можетъ быть выгодно для фиска, потому что подрываетъ самые источники государственнаго дохода. При этомъ необходимо принять въ соображеніе, что налогъ въ этомъ случаѣ уплачивается въ казну производителемъ и только впослѣдствіи взимается съ потребителя въ видѣ цѣны продукта: вслѣдствіе этого самый продуктъ монополизируется и возвышается въ цѣнѣ на сумму превышающую налогъ. Такое возвышеніе цѣны бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше налогъ и чѣмъ большее число посредниковъ является между производителемъ и потребителемъ. Но бѣдный потребитель пріобрѣтаетъ предметы своего потребленія въ незначительныхъ количествахъ изъ мѣстъ раздробительной продажи и поэтому платитъ не одинаковый налогъ съ богатымъ, но въ большихъ размѣрахъ, такъ какъ мелкій торговецъ необходимо долженъ также себя вознаградить за оплату налога впередъ. Такія условія взиманія косвенныхъ налоговъ (а другихъ условій взиманія не существуетъ) дѣлаютъ ихъ еще болѣе неравномѣрными.

Но какъ бы ни были основательны теоретическія возраженія противъ системы косвенныхъ налоговъ, въ практикѣ европейскихъ государствъ они составляютъ вездѣ главную массу государственныхъ доходовъ, такъ какъ и система прямыхъ налоговъ по отношенію къ равномѣрности обложенія возбуждаетъ противъ себя много серьезныхъ возраженій. Конечно, сравнивая принципіальное значеніе той и другой системы, нельзя не придти къ заключенію о преимуществѣ прямыхъ налоговъ, которые взыскиваются соразмѣрно средствамъ плательщика; но въ практическомъ примѣненіи этой системы встрѣчаются такія затрудненія при опредѣленіи дѣйствительной состоятельности лица, подвергаемаго налогу, что вопросъ о преимуществахъ той или другой системы на практикѣ остается до сихъ поръ нерѣшеннымъ. Въ виду трудности подобнаго рѣшенія, дѣйствующая нынѣ въ Европѣ система представляется смѣшанной, и въ виду удобства взиманія косвенныхъ налоговъ, которые оплачиваются, если можно такъ выра-

[illegible] добровольно, безъ понудительныхъ мѣръ взысканія, большее значеніе имѣетъ система послѣднихъ. Въ видахъ же устраненія тѣхъ недостатковъ, которые бросаются въ глаза при системѣ косвенныхъ налоговъ, наука и практика европейскихъ государствъ считаютъ необходимымъ соблюдать нижеслѣдующія условія: 1) Не подвергать обложенію предметовъ первой необходимости для человѣка. Это условіе въ прежнее время вовсе не соблюдалось; но когда начала справедливости и гуманности сдѣлались не чужды административной дѣятельности, наиболѣе обременительные для населенія сборы стали исчезать изъ бюджетовъ европейскихъ государствъ: такъ въ Англіи сначала уничтоженъ налогъ на соль, затѣмъ были уничтожены ввозные налоги на хлѣбъ; во Франціи уничтожена подвижная пошлина на хлѣбъ и ввозъ его обложенъ очень незначительной и постоянной пошлиной; въ Пруссіи и Италіи уничтоженъ налогъ на помолъ и на убой скота. Если налогъ на соль и остается еще до сихъ поръ какъ во Франціи, такъ и въ Пруссіи, то это объясняется послѣднею войной между этими государствами, которая повела къ необходимости не только временно удержать старые, хотя и вредные, налоги, но и установить много новыхъ. Въ виду же господствующихъ въ обществѣ понятій, мы, конечно, скоро увидимъ уничтоженіе этого остатка средневѣковыхъ тенденцій на континентѣ Европы. 2) Другое условіе финансовой практики западно-европейскихъ государствъ при взиманіи косвенныхъ налоговъ состоитъ въ томъ, чтобы не облагать очень высокимъ налогомъ одного какого-либо предмета, а распредѣлять необходимую сумму на многіе предметы общаго потребленія. Мотивами необходимости соблюденія этого условія является цѣлая масса весьма вѣскихъ аргументовъ. Прежде всего, конечно, въ этомъ случаѣ имѣютъ значеніе фискальныя цѣли: умѣренный налогъ не порождаетъ злоупотребленій и не ограничиваетъ въ значительной мѣрѣ потребленія, стало-быть даетъ возможность получать налогъ съ большаго количества продукта и сдѣлать его менѣе обременительнымъ. Напротивъ того, высокое обложеніе, помимо сильнаго ограниченія потребленія, представляетъ слишкомъ значительныя выгоды при продажѣ неоплаченныхъ налогомъ продуктовъ, чтобы рискъ отвѣтственности могъ удержать отъ злоупотребленій. Къ тому же изобрѣтательность въ умѣньи обходить законъ и парализовать надзоръ всегда идетъ далеко впереди мѣръ, предупреждающихъ злоупотребленія. Послѣднія могутъ быть устранены толь-

но тогда, когда они сдѣлались извѣстными и средства противодѣйствовать имъ найдены; а для этого всегда нужно время, въ теченіе котораго эти злоупотребленія приносятъ немало вреда. Когда же мѣры противъ нихъ будутъ приняты, тогда являются новые способы обходить законъ и отводить глаза существующему надзору и т. д. Такимъ образомъ этого зла никакой бдительный надзоръ устранить не можетъ. Печальныя послѣдствія такого порядка вещей тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше существующій налогъ и чѣмъ болѣе стѣсняется свободная торговля этимъ продуктомъ. Не говоря уже о томъ, что послѣдствіемъ подобныхъ злоупотребленій является прямой ущербъ казны и положительное разореніе для производителей и торговцевъ, ведущихъ дѣло законнымъ путемъ, я считаю необходимымъ указать на главное зло, порождаемое такимъ порядкомъ вещей, — на ту деморализацію, которая при этомъ возникаетъ и въ особенности въ пограничныхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ все мѣстное населеніе, въ виду легкой наживы, оставляетъ производительный трудъ, дѣлается контрабандистами, предается разгулу и окончательно развращается. Систему нашихъ косвенныхъ налоговъ за упраздненіемъ соляного налога составляютъ четыре налога: питейный, табачный и свеклосахарный налогъ и таможенныя пошлины. На этомъ основаніи наша система вполнѣ соотвѣтствуетъ первому условію высказанныхъ нами выше общихъ положеній о взиманіи косвенныхъ налоговъ; но далеко не соотвѣтствуетъ второму, по крайней мѣрѣ относительно питейнаго дохода и таможенныхъ пошлинъ. Разсмотримъ сперва условія взиманія питейнаго дохода.

Акцизъ съ вина опредѣленъ нынѣ по 8 коп. съ градуса безводнаго алкоголя, а до сихъ поръ онъ взимается по 7 коп. съ градуса. Такъ какъ стоимость вина не можетъ считаться дороже 80 коп. за ведро водки въ 40°, то оказывается, что продуктъ этотъ обложенъ налогомъ въ 400% его стоимости, а въ прежнее время въ 350%. При этомъ необходимо припомнить, что при введеніи акцизной системы акцизъ назначенъ въ 4 коп. съ градуса, затѣмъ съ начала 1864 года установленъ въ 5 коп., съ 1869 года возвышенъ до 6 коп., а съ 1873 года до 7 коп. Ниже я предлагаю таблицу оплаченнаго акцизомъ вина, а также поступленій акциза и патентнаго сбора, составленную по отчетамъ государственнаго контроля начиная съ 1867 по 1880 годъ. Я не включаю сюда свѣдѣній за первые три года введенія акцизной системы на томъ основаніи, что въ отчеты того времени не входила плата акциза въ Царствѣ Польскомъ.

Годы.	Количество ведръ алкоголя, оплаченнаго акцизомъ.	Сумма акциза.	Сумма патентнаго сбора.
1867	24.356.314	121.781.572 руб.	9.545.642 руб.
1868	24.252.170	121.260.852 »	9.080.140 »
1869	22.311.620	121.899.744 »	12.727.047 »
1870	24.856.328	149.137.972 »	11.070.772 »
1871	26.084.048	156.504.258 »	14.232.560 »
1872	25.900.896	155.405.376 »	13.142.520 »
1873	25.384.850	157.931.511 »	17.446.430 »
1874	25.072.271	175.505.899 »	20.446.918 »
1875	24.817.463	173.722.243 »	19.805.026 »
1876	23.870.934	167.096.540 »	19.704.395 »
1877	23.821.848	166.753.290 »	18.957.028 »
1878	26.958.485	188.709.394 »	19.862.802 »
1879	28.551.601	199.861.208 »	20.250.000 »
1880	27.919.684	195.437.794 »	18.387.868 »

Изъ этой таблицы нельзя не замѣтить, что послѣдніе три года выходятъ изъ ряда вонъ и что такого усиленія потребленія спирта нормальнымъ потребленіемъ признать нельзя, тѣмъ болѣе, что эти годы прямо слѣдовали за годомъ войны, послѣдствія которой не могли быть благопріятны для населенія. Усиленная оплата въ эти годы значительно большаго количества спирта объясняется прямо громаднымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ, которые, являясь только временно и внезапно въ рукахъ народа, могли породить рядъ нерасчетливыхъ тратъ и должны были вслѣдствіе усилившейся дороговизны такъ же быстро исчезнуть изъ его рукъ, какъ быстро пришли. 1879 годъ представляетъ въ этомъ отношеніи кульминаціонную точку, съ которой во всѣхъ экономическихъ явленіяхъ нашего отечества начинается обратное теченіе, что мы и видимъ въ отчетахъ государственнаго контроля. Количество оплаченнаго акцизомъ алкоголя въ 1880 году уменьшилось уже на 642.000 ведръ и если не произошло въ большихъ размѣрахъ, то потому только, что усиленный ходъ винной торговли предыдущаго года долженъ былъ вызвать довольно значительную заготовку вина въ періодъ винокуренія 1879—1880 годовъ, вслѣдствіе чего за выкуренное вино во всякомъ случаѣ акцизъ долженъ былъ поступить. Въ томъ же отчетѣ Государственнаго контроля за 1880 годъ имѣется уже и цифра, которая прямо указываетъ на неизбѣжное пониженіе въ слѣдующемъ году спроса на вино. Патентный сборъ доставилъ сумму почти на два

милліона меньшую, чѣмъ въ 1879 году, и даже на 620.000 руб. менѣе, чѣмъ въ 1877 году. Это можетъ служить очень яснымъ указаніемъ, что въ 1881 году цифра оплаченнаго акцизомъ спирта должна значительно понизиться и быть-можетъ дойдетъ до средней цифры потребленія за предшествовавшіе войнѣ годы. Средняя же цифра годичнаго количества алкоголя, оплачиваемаго акцизомъ, за всѣ 11 лѣтъ, указанныя въ таблицѣ, составляетъ 24.500.000 ведръ. Но такъ какъ съ настоящаго года акцизъ повышенъ и будетъ взиматься по 8 коп. съ градуса, то обстоятельство это не можетъ не повліять на потребленіе, что допускаетъ и министръ финансовъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, при которомъ представлена государственная роспись. Но онъ предполагаетъ такое пониженіе въ 2.900.000 ведръ, принимая въ соображеніе количество оплаченнаго акцизомъ алкоголя въ 1880 году, что я съ своей стороны нахожу не вполнѣ правильнымъ и думаю, что необходимо было принять въ соображеніе взносъ акциза 1881 года, такъ какъ цифра этого года ни въ какомъ случаѣ не можетъ достигнуть цифры 1880 года, на основаніи указанныхъ выше соображеній, и должна значительно понизиться. Если же она понизится даже не болѣе какъ на милліонъ ведръ, то пониженіе потребленія, которое предположено министромъ финансовъ вслѣдствіе повышенія акциза, должно быть сдѣлано въ этой послѣдней цифрѣ, и слѣдовательно было бы ближе къ дѣйствительности и болѣе осторожно количество спирта, которое можетъ быть оплачено акцизомъ въ теченіе 1882 года, предположить въ 24.000.000 ведръ и соразмѣрно съ этимъ уменьшить смѣтную цифру питейнаго дохода. Это было бы тѣмъ болѣе основательно, что эта цифра легко можетъ оказаться ниже предположенной мною, въ виду повышенія акциза и затруднительнаго положенія населенія, такъ какъ она представляетъ только пониженіе на 500.000 ведръ въ сравненіи съ среднимъ количествомъ оплаченнаго спирта за цѣлыя 11 лѣтъ.

Такимъ образомъ въ смѣтномъ исчисленіи этой статьи встрѣчается также оптимизмъ со стороны министерства,—оптимизмъ, который, при существующей у насъ административной практикѣ, не можетъ не отразиться вредно на нашемъ финансовомъ положеніи. Незначительность дефицита не представитъ побудительной причины къ усиленному сокращенію расходовъ, что для настоящей минуты положительно необходимо. Съ другой стороны, если предположенія доходнаго бюджета окажутся выше дѣйствитель-

щаго поступленія, то это обстоятельство можетъ серьезно отозваться на довѣріи къ показаніямъ нашихъ бюджетныхъ цифръ и уронить нашъ кредитъ, который и теперь стоитъ не очень твердо на заграничныхъ рынкахъ.

Все сказанное относится лишь къ опредѣленію бюджетной цифры питейнаго дохода; но я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ и по существу дѣла. Налогъ этотъ представляетъ громадную цифру въ 226 милл. руб., или 34,65% всѣхъ предполагаемыхъ доходовъ государства на 1882 годъ. Предполагая же количество алкоголя, которое оплатитъ этотъ налогъ, согласно предположенія министра финансовъ, даже въ 25 милл. ведръ, при его стоимости въ 2 руб. за ведро, оказывается, что вино у насъ облагается налогомъ въ 452% противъ его стоимости. Ничего подобнаго не встрѣчается ни въ одномъ европейскомъ бюджетѣ. Государственные люди Европы избѣгаютъ ставить финансовое положеніе государства въ такое шаткое положеніе, чтобъ оно зависѣло въ такой мѣрѣ отъ одной какой-либо статьи дохода, такъ какъ при этомъ всякая случайность можетъ легко поставить правительство въ затруднительное положеніе. Но кромѣ того, государственные люди Европы очень хорошо понимаютъ невыгоду высокаго обложенія продукта, составляющаго предметъ потребленія всей народной массы: они понимаютъ, что при такомъ отношеніи главная тяжесть налога упадетъ на самый многочисленный и менѣе состоятельный классъ народа и, подрывая его средства къ жизни, будетъ подрывать самые источники государственнаго дохода. Они давно уже переросли тѣ понятія, при которыхъ фискальными средствами думаютъ бороться съ нравственными недугами населенія, и не считаютъ возможнымъ дороговизной вина или удаленіемъ его отъ потребителя излѣчить народъ отъ пьянства: эти дѣтскія и наивныя понятія давно потеряли кредитъ въ западной Европѣ. Тамъ при обсужденіи фискальныхъ или экономическихъ вопросовъ вовсе не задаются какими-либо нравственными цѣлями и совершенно правильно разсчитываютъ, что для достиженія цѣлей извѣстнаго порядка необходимо употреблять и средства того же порядка. Только у насъ, къ сожалѣнію, надо разъяснять ту истину, что высокое обложеніе одного какого-либо предмета всеобщаго потребленія разорительно для народа и прямо убыточно для государственнаго казначейства. Я доказывалъ эту мысль неоднократно и теперь постараюсь это сдѣлать еще разъ. Капля, говорятъ, камень долбитъ.

Мы видѣли, что стоимость вина не можетъ превышать 2 коп. за градусъ. Между тѣмъ народъ платитъ въ розницу 7 и 8 коп. за шкаликъ, или за $^{1}/_{100}$ часть ведра, т. е. по меньшей мѣрѣ семь рублей за ведро. Это уже не 452% обложенія, а гораздо болѣе: это составитъ 775% въ сравненіи со стоимостію, не считая того, насколько торговецъ обсчитаетъ покупателя и въ мѣрѣ, и въ крѣпости вина. Но эти цѣны существовали при прежней нормѣ обложенія и я не знаю еще, насколько онѣ возвысятся, когда явится въ продажѣ спиртъ, оплаченный новымъ акцизомъ, и въ особенности когда, чего Боже сохрани, исполнятся пожеланія гг. свѣдущихъ людей и мѣста раздробительной продажи будутъ отдаваться съ торговъ. Тогда, конечно, шкаликъ водки дойдетъ до 10 и болѣе копѣекъ и пьянство, конечно, возрастетъ въ значительныхъ размѣрахъ.

Да, дѣйствительно, становится страшно, когда подумаешь о тѣхъ совѣтахъ, которые давались правительству по питейному дѣлу гг. свѣдущими людьми. Въ этихъ совѣтахъ нѣтъ и признаковъ какихъ бы то ни было теоретическихъ свѣдѣній о значеніи косвенныхъ налоговъ и тѣхъ последствіяхъ, которыя ими вызываются, — нѣтъ признаковъ и того, чтобъ эти господа познакомились съ главными статистическими данными по питейной торговлѣ, — нѣтъ даже простыхъ практическихъ свѣдѣній, извѣстныхъ каждому живущему въ провинціи человѣку, о той монополіи, которая водворяется въ этой торговлѣ вслѣдствіе возвышенія цѣны напитковъ. Съ дѣтскою наивностію они приняли народъ за малыхъ ребятъ и думаютъ законодательными мѣрами и устраненіемъ соблазна оградить народъ отъ пьянства, забывая, что нравственныя цѣли достигаются средствами другаго порядка, которыя не имѣютъ ничего общаго съ правилами, регулирующими винную торговлю. Въ видахъ устраненія злоупотребленій изъ этой торговли, они предлагаютъ допустить къ ней только людей благонадежныхъ, по выбору обществъ, ограничить число мѣстъ раздробительной продажи и отдавать ихъ съ торговъ, а для устраненія возможной при такомъ порядкѣ монополіи они предложили одному лицу выдавать патентъ не болѣе какъ на одно заведеніе. Далѣе, повидимому, наивность идти не можетъ. Предлагая подобныя мѣры, они не подумали, что добросовѣстные крестьяне, очень вѣроятно, и не пойдутъ въ содержатели питейныхъ заведеній, не приняли также въ соображеніе, что опытъ сокращенія числа питейныхъ заведеній уже былъ сдѣланъ, такъ какъ въ 1867 году

ихъ было во всей Имперіи 211.109; а въ 1877 году это число сократилось до 172.154 *), т. е. болѣе чѣмъ вдвое; но это не только не уменьшило, а, быть можетъ, усилило пьянство. Только въ 1878 и 1879 годахъ, подъ вліяніемъ усиленнаго денежнаго обращенія, число ихъ стало возрастать, что ясно видно изъ суммы поступленій патентнаго сбора. Но какъ скоро кредитные билеты повысились въ цѣнѣ, по мѣрѣ поправленія внутренняго рынка реакція не замедлила обнаружиться и въ числѣ питейныхъ заведеній, а сумма патентнаго сбора упала почти на два милліона рублей. Такихъ фактовъ *свѣдущіе люди* вовсе не имѣли въ виду. Какъ мало эти господа были компетентны въ дѣлѣ, о которомъ взялись разсуждать, доказываетъ уже то, что они предлагали торги на выдачу питейныхъ заведеній. Если бъ эти господа хоть сколько-нибудь знали практику жизни, то они знали бы и то, что при торгахъ только крупные капиталисты могутъ удержать верхъ, и что постановленіе о выдачѣ одному лицу не болѣе одного патента нисколько не помѣшаетъ одному кулаку владѣть всѣми заведеніями въ уѣздѣ черезъ подставныхъ лицъ. Ни одинъ мелкій торговецъ не посмѣетъ конкуррировать съ крупными, въ особенности при высокой стоимости патента. Сколько бы ни думалъ я по этому поводу, я рѣшительно не могу понять, какъ можно было имѣть столько самонадѣянности, чтобы въ дѣлѣ настолько важномъ и притомъ довольно щекотливомъ рѣшиться подавать совѣты правительству, какъ бы отъ имени общества, безъ всякаго съ его стороны уполномочія. Пусть не говорятъ мнѣ, что свѣдущіе люди излагали свои личныя мнѣнія, а вовсе не отъ имени общества. Большинство ихъ были приглашены правительствомъ только потому, что они пользовались довѣріемъ общества, слѣдовательно были, хотя и не выборными, но все-таки избранниками его и черезъ нихъ правительство желало ознакомиться съ мнѣніемъ самого общества; другихъ правъ на вниманіе правительства за этимъ большинствомъ не было. При этомъ нельзя не удивляться, какъ совѣсть не подсказала этимъ господамъ, что ихъ голосъ будетъ во всякомъ случаѣ принятъ за голосъ общества, что они могутъ ошибаться не только какъ люди вообще, но и какъ люди, мало знакомые съ дѣломъ, и, наконецъ, что эти ошибки могутъ быть извинительны лишь тогда, когда общество уполномочитъ ихъ, довѣритъ имъ высказывать свои мнѣнія отъ имени

---

*) „Ежегодникъ мин. фин.", выпускъ XI, приложеніе, стр. 96.

общества; въ противномъ же случаѣ всякій неправильный ихъ совѣтъ, всякая даже невольная ихъ ошибка ляжетъ тяжелымъ грѣхомъ на ихъ совѣсть. Но они повинны не въ однѣхъ невольныхъ ошибкахъ: въ ихъ совѣтахъ замѣчается и неосторожность, и невниманіе къ статистическимъ даннымъ, и слишкомъ большая самонадѣянность, а это отзывается уже чѣмъ-то большимъ, а не ошибкой. Еслибы въ совѣтахъ этихъ господъ болѣе имѣло мѣста добросовѣстное отношеніе къ дѣлу и деликатное отношеніе къ обществу и народу, а не личное самолюбіе и самомнѣніе, то первымъ ихъ дѣломъ было бы довести до свѣдѣнія гг. министровъ, что безъ уполномочія общества они не рѣшаются высказывать свои мнѣнія, такъ какъ всякая ихъ ошибка въ этомъ случаѣ даетъ право на ихъ личную отвѣтственность. Еслибы свѣдущіе люди сдѣлали это, то они поступили бы вполнѣ добросовѣстно и имѣли бы полное право на довѣріе своихъ согражданъ; но, къ сожалѣнію, они не поняли ни своихъ правъ, ни своихъ обязанностей въ отношеніи общества.

Всего этого, однако-жъ, мало: свѣдущіе люди не ограничились только совѣтами о тѣхъ мѣрахъ, которыя, по ихъ мнѣнію, должны быть приняты правительствомъ, а заявили претензію на то, чтобы земскимъ учрежденіямъ*) предоставлено было право издавать обязательныя постановленія въ видахъ регламентаціи питейной торговли. Подумали ли эти господа, сколько комичнаго заключается въ подобной претензіи?! Какимъ образомъ государство можетъ предоставить въ распоряженіе болѣе чѣмъ трехсотъ собраній наиболѣе важную статью государственнаго дохода, которая составляетъ болѣе трети его бюджета? Могъ ли бы установиться какой-нибудь порядокъ и единство въ дѣйствіяхъ, если допустить въ дѣло столькихъ распорядителей? Ни до чего этого свѣдущіе люди додуматься не могли, а между тѣмъ что можетъ быть проще и естественнѣе этихъ двухъ вопросовъ.

Но и этимъ не исчерпываются еще измышленія гг. свѣдущихъ людей. Въ виду того обстоятельства, что винная торговля, несмотря на очень высокій акцизъ и патентный сборъ, или лучше сказать благодаря этимъ налогамъ, даетъ все-таки значительные барыши, — наши свѣдущіе люди пожелали облагодѣтельствовать и земскія учрежденія, и сельскія общества, предоставивъ имъ извѣстную долю этихъ барышей: вотъ причина, по которой они

---

*) Даже не справляясь съ желаніемъ земскихъ учрежденій.

предлагали и общественные кабаки, и отдачу ихъ съ торговъ, съ тѣмъ, что сумма, превышающая патентный сборъ, идетъ въ пользу земства. Здѣсь также никому не пришло въ голову, что высота налоговъ, идутъ ли они въ пользу казны, земства или общества, никогда не уменьшаетъ барышей торговца, а скорѣе увеличиваетъ ихъ, такъ какъ высота налоговъ даетъ большую возможность установить монопольную торговлю. Поэтому возвышеніе цѣны патента путемъ торговъ можетъ сильно возвысить цѣну вина, которая падетъ на населеніе, но никогда не понизитъ барышей виноторговца.

Хочу думать, что всѣ эти измышленія были слѣдствіемъ наивности, незнанія и необдуманности, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить, что тутъ былъ умыселъ другой и что гг. свѣдущіе люди считаютъ право регулированія винной торговли вовсе не безвыгоднымъ для земскихъ дѣятелей.

Нѣтъ, съ пьянствомъ нельзя бороться регламентаціей винной торговли, дороговизною цѣнъ на вино или уменьшеніемъ числа мѣстъ раздробительной продажи. Напротивъ, одно изъ средствъ необходимыхъ для устраненія пьянства состоитъ въ томъ, чтобы вино не было диковинкой для человѣка, а поэтому нужно, чтобъ оно было, во-первыхъ, дешево и, во-вторыхъ, пріобрѣтеніе его не было бы затруднительно, тогда усилится правильное его потребленіе и будетъ исчезать пьянство.

Затѣмъ, другимъ средствомъ въ борьбѣ съ пьянствомъ можетъ быть подъемъ уровня народнаго благосостоянія, а для достиженія этой цѣли необходимо прекращеніе возможности эксплуатаціи народнаго труда разными хищниками. Мѣры, относящіяся сюда, могутъ быть чрезвычайно разнообразны и каждое вѣдомство имѣетъ возможность противодѣйствовать этому бичу народнаго, а слѣдовательно и государственнаго, благосостоянія. Здѣсь возможны не только положительныя мѣры, способствующія развитію самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства, но и мѣры отрицательнаго свойства, не допускающія возможности эксплуатаціи. Ниже, говоря объ отдѣльныхъ статьяхъ дохода или расхода, я буду пользоваться каждымъ случаемъ, чтобъ указать возможность подобнаго противодѣйствія; здѣсь же, говоря о питейномъ доходѣ, я скажу, что министерство финансовъ имѣетъ въ своихъ рукахъ вѣрное средство уничтожить значительную долю этой эксплуатаціи — пониженіемъ патентнаго сбора и усиленіемъ конкурренціи въ винной торговлѣ.

Иные охранители, прочитавши эти строки, конечно, обвинятъ меня въ защитѣ кабаковъ, и потому въ отвѣтъ на подобное обвиненіе я скажу, что я не признаю необходимымъ увеличивать всѣ кабаки въ томъ видѣ, какъ они существуютъ теперь, и допускать неограниченное число заведеній съ продажею вина только на вынос, безъ всякаго права съ чьей-либо стороны соглашаться или не соглашаться на открытіе винныхъ лавокъ, а въ цѣнѣ патентовъ на эти лавки возвратиться къ нормамъ 1863 года. Основаніе же для подобной мѣры я вижу въ томъ, что винная торговля при отсутствіи широкой конкурренціи приводитъ къ такой особенной эксплуатаціи народа, передъ которой блѣднѣетъ даже крѣпостное право. Выше говоря о продажной цѣнѣ, я сказалъ, что эта цѣна и въ настоящее время на 775% выше стоимости продукта. Если казна получаетъ изъ этого до 452%, то спрашивается, гдѣ же остальные 323%? — Они расходятся по рукамъ кабатчиковъ, которые при высокой цѣнѣ патентовъ создали монополію еще болѣе опасную, чѣмъ прежніе откупа. Я говорю: болѣе опасную, потому что въ откупахъ прежніе монополисты дѣлали злоупотребленія, а теперь ихъ *прикрываютъ своими законными и благовидными правами*. Но если таково положеніе дѣлъ теперь, то что же можно ожидать при дальнѣйшемъ сокращеніи числа мѣстъ раздробительной продажи, и въ особенности при отдачѣ содержанія ихъ съ торговъ? Неужели возможно думать, что подобная эксплуатація народнаго труда можетъ остаться безъ вліянія на количество всѣхъ остальныхъ статей государственнаго дохода, въ виду той тѣсной связи, которая существуетъ между всѣми экономическими явленіями народной жизни? Не отсюда ли отчасти у насъ [illegible] и эмиграція. [illegible] Россіи, существуетъ только одно средство — возможно болѣе широкая конкурренція въ продажѣ вина на вынос.

Наконецъ, третье средство борьбы съ пьянствомъ — это подъемъ уровня народнаго образованія. Къ сожалѣнію, у насъ это отношеніе существуетъ не иначе, какъ [illegible], или только на словахъ. Чтобы школа могла дѣйствительно объявить войну пьянству и кабакамъ, нужно поставить ее высоко въ глазахъ народа, а существуетъ ли что-нибудь подобное въ нашихъ началахъ? Школьный учитель Пруссіи побѣдилъ Австрію и Францію и создалъ единую Германію — фактъ, совершившійся на нашихъ глазахъ, и невѣдомый, вполнѣ поучительный. Но въ Пруссіи всегда признавался принципъ, что *наука и преподаваніе свободны*. Этотъ

принципъ создалъ тамъ школьнаго учителя, который въ свою очередь создалъ нынѣшнюю Германію. Но насколько мы далеки теперь отъ того положенія, въ которомъ находилась Пруссія даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и насколько имѣетъ у насъ силу принципъ свободы преподаванія, это извѣстно читателю и безъ нашихъ комментарій. Довольно сказать, что у насъ каждый пьяный урядникъ есть прямое и непосредственное начальство надъ сельскимъ учителемъ, не говоря уже о волостномъ старшинѣ и писарѣ. Каждый изъ нихъ не только имѣетъ право, но и обязанъ наблюдать за его поведеніемъ и нравственностью и можетъ согнуть его въ бараній рогъ. При такомъ порядкѣ вещей и при томъ нищенскомъ содержаніи, которое получаетъ сельскій учитель, возможно ли, чтобъ онъ могъ имѣть какой-либо авторитетъ въ глазахъ народа и чтобы школа въ его лицѣ могла вступить въ борьбу съ пьянствомъ? Грустно подумать, читатель, какъ мало дорожимъ мы самымъ цѣлесообразнымъ средствомъ для борьбы съ этимъ народнымъ недугомъ и какъ богата наша фантазія на изобрѣтеніе средствъ, положительно негодныхъ!...

Указавъ на болѣе цѣлесообразныя средства борьбы съ пьянствомъ, я долженъ замѣтить, что мы какъ разъ идемъ въ противоположную сторону и создаемъ порядокъ вещей, который ведетъ къ развитію пьянства. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на послѣднее возвышеніе акциза, что увеличиваетъ шансы монополіи и дальнѣйшей эксплуатаціи народнаго труда и вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ особый классъ промышленниковъ, интересъ которыхъ состоитъ въ спаиваніи народа. Но я позволю себѣ предположить вопросъ: каковы явились бы послѣдствія, еслибы мы оставались при томъ положеніи, которое существовало у насъ въ 1867 году? Обращаясь къ выше помѣщенной вѣдомости, мы видимъ, что въ 1877 году, по прошествіи десяти лѣтъ, количество оплаченнаго акцизомъ спирта не только увеличилось, но сократилось болѣе чѣмъ на полмилліона ведръ, между тѣмъ какъ населеніе, принимая средній прирость его въ 1,2%, должно было увеличиться на 12% и, слѣдовательно, въ той же мѣрѣ должно было увеличиться и потребленіе спирта. Но мы знаемъ, что усилившаяся постройка желѣзныхъ дорогъ совершалась въ это десятилѣтіе и давала народу значительный заработокъ, вслѣдствіе чего правильное потребленіе вина должно было также усилиться. Я буду скорѣе ниже дѣйствительности, если предположу, что обѣ эти причины должны были увеличить потребленіе спирта на 25%,

т. е. возвысить количество его на 6 милл. ведръ, а между тѣмъ оно упало на полмилліона ведръ, несмотря на ограниченіе перекура, остававшагося въ пользу заводчиковъ. Спрашивается, чѣмъ можно объяснить подобный фактъ, находящійся повидимому въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительностію? Сокращеніе потребленія вслѣдствіе возвышенія акциза быть не могло на томъ простомъ основаніи, что заработная плата за это время возвысилась. Къ тому же въ 1867 году въ пользу заводчиковъ шла большая часть перекура и, слѣдовательно, въ то время акцизомъ оплачивалось меньшее количество ведръ спирта. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, я не могу ничѣмъ другимъ объяснить этого пониженія, какъ только корчемнымъ виномъ, выпускаемымъ без оплаты акцизомъ. Въ пользу этого мнѣнія говорятъ кромѣ того многіе факты помимо указанныхъ соображеній: были случаи открытія на заводахъ прямыхъ злоупотребленій въ значительныхъ размѣрахъ и многія изъ нихъ, по всей вѣроятности, вовсе остались неизвѣстными; паденіе цѣнъ на спиртъ въ 1875 году ниже, чѣмъ стоилъ сырой матеріалъ, также ничѣмъ другимъ объяснить нельзя; наконецъ, раззореніе нѣкоторыхъ заводчиковъ, несмотря на благопріятныя условія производства, указываютъ также на существующія злоупотребленія, подрывающія успѣхъ дѣла тѣхъ заводовъ, которые не допускаютъ нарушенія закона. Но злоупотребленія становятся возможны только въ томъ случаѣ, когда выгода отъ корчемнаго вина вознаграждаетъ рискъ нарушенія закона, и потому чѣмъ выше акцизъ, тѣмъ болѣе совершается злоупотребленій. Послѣ всего того, что мною сказано, я могу отвѣчать на поставленный мною вопросъ, что еслибъ условія 1867 года продолжали дѣйствовать въ 1877 году, то въ силу однихъ естественныхъ условій количество ведръ безводнаго алкоголя, оплаченнаго акцизомъ, возросло бы по меньшей мѣрѣ до 30 милліоновъ ведръ. Кромѣ того ограниченіе количества перекура, оставляемаго въ пользу заводчика, увеличило бы также сумму акциза, и потому надо полагать, что и при первомъ обложеніи въ пять копѣекъ сумма акциза въ 1877 году была бы близка къ той, которая дѣйствительно поступила въ этомъ году. Но есть одно обстоятельство, которое заставляетъ меня думать, что сумма акциза при этомъ условіи оставила бы далеко за собою показанную въ отчетахъ государственнаго контроля. По всей пограничной линіи съ Пруссіей и Австріей контрабанда спиртомъ производится въ громадныхъ размѣрахъ и никакая таможенная стража

за нею не усмотритъ, тѣмъ болѣе, что по ту сторону границы существуютъ даже конторы страхованія отъ потерь при утратѣ спирта во время перевозки черезъ границу. Конечно, нельзя опредѣлить количества спирта ввозимаго этимъ путемъ; но, принимая въ соображеніе, что этотъ ввозъ производится на линіи болѣе чѣмъ въ 2.000 верстъ и что для этой торговли существуютъ особыя страховыя конторы, которыя могутъ дѣйствовать только при большомъ количествѣ перевозимаго вина, и притомъ въ очень ограниченномъ районѣ, надо полагать, что подобный ввозъ простирается по меньшей мѣрѣ до 5 милліон. ведръ. Нашъ вывозъ спирта, за который правительство возвращаетъ акцизъ, производится преимущественно съ цѣлію обратнаго тайнаго ввоза его въ предѣлы Россіи. Все это было бы положительно невозможно, еслибъ акзицъ былъ въ размѣрѣ 5 коп. съ градуса. Люди изъ пограничной мѣстности завѣряли насъ положительно, что даже при 5¹/₂ коп. акциза контрабанда спиртомъ въ Царствѣ Польскомъ не существовала, а развилась она въ громадныхъ размѣрахъ лишь со времени уравненія акциза во внутреннихъ и Привислянскихъ губерніяхъ. Въ настоящее время, по словамъ этихъ людей, въ пограничной полосѣ на пятнадцать верстъ большая половина жителей занимается тайнымъ перевозомъ спирта и никакой надзоръ искоренить его не можетъ. Съ возвышеніемъ же акциза въ истекшемъ году до 8 коп. съ градуса промыселъ этотъ сдѣлается еще болѣе выгоднымъ, привлечетъ къ себѣ новыя силы и будетъ совершаться болѣе утонченнымъ образомъ. Неужели подобная деморализація населенія можетъ окупаться тою суммой дохода, которая достигается подобною прибавкой?

Если предсказанія мои будутъ сбываться и акцизный доходъ увеличиваться не будетъ, то я бы предложилъ лицамъ власть имѣющимъ начать пониженіе акциза и патентнаго сбора, не дѣлая никакаго возврата за вывозъ спирта за границу. Вмѣстѣ съ тѣмъ я предложилъ бы уничтожить спеціализацію винной торговли, и въ особенности распивочной, и сдѣлать вино въ запечатанной посудѣ предметомъ общей торговли съ самою незначительною платой за свидѣтельство на эту торговлю.

А. Головачовъ.

Изъ пѣсенъ Беранже.

Придворный кафтанъ.

Всѣ наши принципы — химера!
Дворъ и меня уже плѣнилъ:
Обноски послѣ каммергера
Въ лоскутной лавкѣ я купилъ.
Его высочество заняться
Изволилъ мной, — намекъ мнѣ данъ.
Какъ я доволенъ!
Я во дворецъ иду являться,
Въ придворный облачась кафтанъ.

Отъ честолюбья нѣтъ покоя;
Мнѣ грезится мой славный путь.
Шитье на платьѣ золотое
Внушаетъ—ниже спину гнуть.
Вотъ въ залъ меня съ почетомъ вводятъ,
Стараясь угадать мой санъ...
Какъ я доволенъ!
Его высочество выходятъ...
На мнѣ придворный мой кафтанъ.

Я не завелъ еще кареты,—
Иду пѣшкомъ. Вдругъ предо мной
Толпа гулякъ, друзей Лизеты,
И тащитъ завтракать съ собой.
—«Не пропустить бы лишь парада! —
Твержу, попавшись къ нимъ въ капканъ.—
Какъ я доволенъ!
Къ его высочеству мнѣ надо...
Придворный видите кафтанъ?»

Лишь конченъ завтракъ, въ путь я снова.
На встрѣчу старый добрый другъ.
—«Ты быть на свадьбѣ далъ намъ слово».
И я попалъ въ знакомый кругъ.
Поютъ, смѣются, веселятся;
Шампанскимъ пѣнится стаканъ.
Какъ я доволенъ!
Но во дворецъ я шелъ являться;
На мнѣ придворный мой кафтанъ.

Какъ мнѣ ни весело съ друзьями,
Спѣсь подзываетъ во дворецъ.
Иду нетвердыми шагами
И дотащился наконецъ.
Въ толпѣ неужто Роза это?
Ея походка, стройный станъ.
Какъ я доволенъ!
Ей, стоющей всѣхъ сильныхъ свѣта,
Ненуженъ вышитый кафтанъ.

Отъ двери, гдѣ ее смѣшило
Холопство глупой суетой,
Она меня сейчасъ сманила
Въ свой скромный уголокъ съ собой.
У Розы мой кафтанъ расшитый
Мнѣ давитъ грудь,—въ глазахъ туманъ.
Какъ я доволенъ!
Его высочество забыто
И въ уголъ брошенъ мой кафтанъ.

Простился я со спѣсью жалкой
И прочиталъ себѣ урокъ.
Вооружась дурацкой палкой,
Пойду пѣть пѣсни въ кабачокъ.
Подчасъ тамъ можно и забыться:
На совѣсти не будетъ ранъ.
Какъ я доволенъ!
Кто жаждетъ во дворецъ явиться,
Возьми придворный мой кафтанъ.

Простолюдинъ.

Въ моей частичкѣ *де* знакъ чванства,
Я слышу, видятъ,—вотъ бѣда!
—«Такъ вы изъ древняго дворянства?»
Я?—Нѣтъ... Куда мнѣ, господа!
Я старыхъ грамотъ не имѣю,
Какъ каждый истый дворянинъ;
Лишь родину любить умѣю.
Простолюдинъ я,—да, простолюдинъ,
    Совсѣмъ простолюдинъ!

Мнѣ надо бы безъ *де* родиться:
Въ крови я чувствую своей,
Что противъ власти возмутиться
Не разъ пришлось роднѣ моей...
Та власть, какъ жерновъ, все дробила,
И палъ навѣрно не одинъ
Мой предокъ передъ буйной силой.
Простолюдинъ я,—да, простолюдинъ,
    Совсѣмъ простолюдинъ!

Мои прапрадѣды не жали
Послѣдній сокъ изъ мужиковъ,
Съ ножомъ дворянскимъ не ѣзжали
Проѣзжихъ грабить средь лѣсовъ;
Потомъ, натѣшась въ буйствѣ дикомъ,
Не лѣзли въ каммергерскій чинъ
При... ну, хоть Карлѣ бы Великомъ.
Простолюдинъ я,—да, простолюдинъ,
    Совсѣмъ простолюдинъ!

Они усобицы гражданской
Не разжигали никогда;
Не ими «леопардъ британскій»
Введенъ былъ въ наши города.
Въ крамолы церкви не вдавался
Изъ нихъ никто и ни одинъ

Подъ лигою не подписался.
Простолюдинъ я,—да, простолюдинъ,
Совсѣмъ простолюдинъ!

Оставьте-жь мнѣ мое прозванье,
Герои ленточки цвѣтной,
Готовые на пресмыканье
Предъ каждой новою звѣздой!
Кадите, льстите передъ властью!...
Всѣмъ общей расы скромный сынъ,
Я льстилъ лишь одному несчастью.
Простолюдинъ я,—да, простолюдинъ,
Совсѣмъ простолюдинъ!

М. Михайловъ.

Государство и самоуправленіе.

(историко-юридическіе очерки.)

III *).

Западно-европейское общество, которое отъ *l'état—c'est moi*, въ одушевленной вѣрѣ въ чарующую силу разума и любви, мечтало сразу достигнуть *liberté*, *égalité*, *fraternité*, уже испытало въ этомъ отношеніи много горькихъ разочарованій. Разочарованія вызвали попытки компромисса между старымъ и новымъ; но еще Ф. Ю. Шталь **), возставая противъ Цахаріэ, указывалъ послѣднему, что, отвергая и теорію легитимизма, и теорію народнаго верховенства, онъ занимаетъ мѣсто между небомъ и землею, на нейтральной почвѣ воздуха. Въ самомъ дѣлѣ, народное верховенство, даже при всеобщей подачѣ голосовъ, приводило иной разъ къ непривлекательному, наиболѣе безнравственному виду цезаризма, и Наполеонъ III сдѣлался изъ президента республики императоромъ французовъ «волею народа». Нейтральная же почва, на которую думалъ стать Цахаріэ, отличалась крайнею зыбкостью, если даже и не соглашаться съ Шталемъ въ томъ, что его противникъ опиралъ свою теорію на воздухъ. Цахаріэ, по аналогіи съ человѣческимъ тѣломъ, разсматриваетъ государство съ физіологической и патологической точки зрѣнія. Государство, по его мнѣнію, можетъ страдать болѣзнями, какъ живой организмъ, причемъ болѣзни эти могутъ быть или мѣстными, или общими (среди послѣднихъ наиболѣе видное мѣсто занимаютъ революціи). Цахаріэ признаетъ нормальнымъ не одинъ ка-

*) *Русская Мысль*, кн. II.

**) *F. J. Stahl*: „Die Philosophie des Rechts“.

кой-либо видъ государственнаго устройства, а всѣ, начиная съ деспотіи и кончая конституціонною монархіей. Профессоръ Сергѣевичъ справедливо возражаетъ на это: «никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, что всѣ историческіе виды государствъ суть одинаково здоровые, поскольку они соотвѣтствуютъ своему понятію, иначе — поскольку основныя начала ихъ положительнаго права проведены послѣдовательно. Деспотія, напримѣръ, какъ господство насилія (Zwingherrschaft, по собственному выраженію Цахаріэ), никакъ не можетъ быть разсматриваема какъ явленіе здоровое» *). По теоріи нѣмецкаго ученаго, конституціонная монархія должна согласовать правовое государство съ теократіей, и эту-то мысль Шталь и подвергъ приведенному нами ироническому осужденію. Подобное сочетаніе,—замѣчаетъ г. Чичеринъ **),— противорѣчитъ существу теократіи, а конституціонная монархія «дѣйствительно имѣетъ въ виду соединить выгоды монархіи съ преимуществами народнаго правленія, но это сочетаніе происходитъ въ предѣлахъ чисто свѣтскаго государства».

Для правильнаго пониманія исторической жизни необходимо было выяснить всѣ ея явленія, разсмотрѣть не только государственныя формы, правительственную власть и ея отношенія къ отдѣльному человѣку, къ гражданину государства, къ его подданному или рабу, но и подвергнуть подробному и тщательному изслѣдованію *общество*. Въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ много потрудились нѣмецкіе ученые, въ особенности Гнейстъ, своими историческими изслѣдованіями, и Лоренцъ Штейнъ ***).

Іюльская революція,—говоритъ второй изъ названныхъ писателей,—была актомъ, посредствомъ котораго достигло окончательнаго господства промышленное общество (die industrielle Gesellschaft). Ею уничтожены послѣдніе остатки феодальнаго порядка; она является естественнымъ заключеніемъ революціи 1789 года и въ то же время началомъ новаго, *соціальнаго* движенія. Въ основѣ народно-хозяйственнаго общества (die volkswirthschaftliche Gesellschaft) лежитъ противорѣчіе. Покоясь на правовомъ *равенствѣ* и промышленной *свободѣ*, общество это строится однако

---

*) *Сергѣевичъ:* „Задача и метода государственныхъ наукъ“, стр. 162.

**) *Чичеринъ:* „Исторія политическихъ ученій“, т. IV, стр. 564.

***) Мы ограничиваемся этими двумя учеными, такъ какъ не имѣемъ въ виду писать очерка политическихъ ученій. Съ трудомъ одного изъ выдающихся въ этомъ отношеніи мыслителей, Риля, читатели могутъ познакомиться по статьямъ академика В. П. Безобразова (въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за прежніе годы).

на *имущественномъ обладаніи* [1]). Послѣднее даетъ политическую мощь владѣющимъ классамъ, которые подчиняютъ себѣ государственную власть. Принципъ правового равенства въ своемъ приложеніи къ государственной власти является чисто отрицательнымъ: онъ исключаетъ всѣ льготы и преимущества. Принципъ свободы промышленной, свободы собственнаго пріобрѣтенія, необходимо предполагаетъ *самоуправленіе*. Владѣніе служитъ основою правъ, и опирающееся на цензѣ представительство, т. е. участіе во всемъ государственномъ управленіи, замыкаетъ стремленія господствующихъ классовъ. Конституціонализмъ,—говоритъ Штейнъ,—необходимая государственная форма, потому что большой капиталъ—необходимый элементъ промышленности [2]).

Такимъ образомъ *интересъ* (имущественный) вступаетъ въ противорѣчіе съ идеей всеобщей свободы и развитія, потому что этотъ интересъ по самому существу своему подчиняетъ неимущихъ имущимъ. Носителемъ всеобщей свободы является, по Штейну, государство, которое не должно служить выгодамъ одного какого-либо класса, ибо оно потеряло бы тогда свое высокое значеніе. Наслѣдственная королевская власть обязана стоять *надъ* борьбою отдѣльныхъ группъ общества, свято охраняя свободу каждаго и всѣхъ. Именно въ этомъ своемъ значеніи, какъ носительница свободнаго развитія (Träger der freiheitlichen Entwicklung), королевская власть и пользовалась въ исторіи сочувствіемъ низшихъ, наиболѣе многочисленныхъ, наиболѣе бѣдныхъ слоевъ народа. Такова же задача и *демократіи*: она стремится къ дѣйствительному осуществленію равенства, посредствомъ государственной власти. Гдѣ, въ промышленномъ обществѣ, появляется демократія, тамъ она служитъ политическимъ выраженіемъ противоположности просто работающихъ классовъ и капитала [3]).

Общество и государство, слѣдовательно, не одно и то же. До признанія самостоятельности общества дошли однако благодаря лишь потрясеніемъ экономическаго и политическаго строя [4]). Многіе поэтому видѣли въ обществѣ только то, что подвергалось опасности и что вызывало эту опасность, бѣдность, напримѣръ.

---

[1]) *J. Stein*: „Die industrielle Gesellschaft. Der Socialismus und Communismus Frankreichs von 1830 bis, 1848, 2. Ausgabe, 1855 г., стр. 14, 15 и 39.

[2]) Ibid., стр. 43.

[3]) Ibid., стр. 51—52 и 476.

[4]) *Stein*: „System der Staatswissenschaft", II. Die Gesellschaftslehre, стр. 23.

Но несостоятельность этого взгляда очевидна. Въ обществѣ отражается духовная жизнь человѣчества; оно является внѣшнимъ выраженіемъ этой жизни (die äussere Ordnung des geistigen Lebens in der menschlichen Gemeinschaft). Дѣйствительное общество заключаетъ въ себѣ родъ, сословіе или промышленный классъ, и лучшею его формой Штейну представляется та, въ которой этотъ родъ, сословіе и промышленный строй, низшій, средній и высшій классы находятся въ полномъ развитіи и взаимномъ проникновеніи. Различіе въ людяхъ служитъ необходимымъ предположеніемъ для равномѣрнаго достиженія разнообразныхъ цѣлей общежитія, и было бы совершенною нелѣпостью разныя задачи стремиться разрѣшать однообразными силами *).

Въ ученіи Штейна объ обществѣ, насколько оно обрисовывается въ двухъ цитированныхъ нами сочиненіяхъ, много неяснаго, а иногда встрѣчаются въ немъ и противорѣчія. Такъ народъ представляется Штейну—какъ средній членъ между государствомъ и обществомъ (Das Volk als Mittelglied zwischen Gesellschaft und Staat). Но, дополнивши приведенныя мысли замѣчаніями, которыя высказываются въ другихъ трудахъ знаменитаго германскаго ученаго, можно съ достаточною опредѣленностью формулировать его взглядъ на общество и на самоуправленіе.

Общество — порядокъ господства или различія, строй, произведенный общностью цѣли и неравенствомъ силъ, единство неравнаго. Тремя основными формами общества являются: родовая, сословная (опредѣленная различіемъ призванія, профессіи), государственно-гражданская (различіе капитала, имущества **).

Самоуправленіе—участіе гражданъ въ мѣстномъ управленіи. По существу, самоуправленіе одинаково у всѣхъ народовъ и во всѣ времена, но по формѣ оно безконечно разнообразно. Для того, чтобъ участіе гражданъ въ управленіи могло быть признано за самоуправленіе, необходимо его постоянство и ограниченіе мѣстомъ и предметомъ (вѣдомствомъ). Всякая форма самоуправленія заключаетъ въ себѣ ограниченіе правительственной власти, чиновничества (Amtswesen), являясь необходимымъ послѣдствіемъ признанія гражданской свободы. Самоуправленіе есть истинная область индивидуальности въ государственной жизни ***).

---

*) Ibid., стр. 87 и 430.

**) Gegenwart und Zukunft der Rechts—und Staatswissenschaft Deutschlands, 1876, стр. 114, 115, 134, 135 и 138.

***) Die Verwaltungslehre, т. I, стр. 364—368.

Наконецъ, въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, Штейнъ развиваетъ тѣ же мысли, какія насквозь проникаютъ его прежніе труды. Государственная идея находитъ себѣ, по мнѣнію нѣмецкаго ученаго, высшее выраженіе въ личности государя. Существо же государства заключается въ томъ, что мѣра развитія отдѣльнаго лица становится мѣрою развитія цѣлаго. Совершенствованіе этого цѣлаго или его упадокъ немыслимы безъ совершенствованія или упадка личности. Великая задача королевской власти именно и состоитъ въ развитіи и упроченіи, посредствомъ управленія, всеобщей свободы, въ ея осуществленіи на дѣлѣ. Чистая государственная идея ведетъ неустанную борьбу съ силами, которыя рождаются обществомъ, возникшимъ вслѣдствіе того или иного неравномѣрнаго распредѣленія имущества*).

Дополнимъ приведенныя мысли Штейна еще нѣсколькими выдержками изъ его прекрасной «Учебной книги финансовой науки», чтобы взгляды высокодаровитаго ученаго получили достаточно ясное освѣщеніе.

Въ міровой исторіи эпоху господства однихъ надъ другими, части надъ цѣлымъ, смѣнила эпоха правоваго и общественнаго равенства (diejenige, welche das Princip der rechtlichen und gesellschaftlichen Gleicheit aller zur Geltung bringt**). Въ первую эпоху государственное хозяйство было несвободнымъ, а въ послѣднюю оно является свободнымъ, сообразнымъ съ конституціей (die verfassungsmässige Staatswirtschaft). Только съ возникновеніемъ и развитіемъ народнаго представительства государственные доходы и расходы получаютъ правильную постановку, и бюджетъ, роспись прихода и издержекъ, становится *закономъ*.

Развитіе всѣхъ гражданъ, созданіе условій, которыя обезпечиваютъ свободу и совершенствованіе человѣка, составляетъ, по Штейну, прямую и главнѣйшую задачу государства, неисполненіе которой указываетъ на измѣну этому великому призванію государственной власти. Другой изъ упомянутыхъ нами нѣмецкихъ ученыхъ, Рудольфъ Гнейстъ, также высоко ставитъ призваніе государства. Онъ осуждаетъ стремленіе чрезмѣрно расширять понятіе общества, стремленіе подчинить этому обществу государ-

*) *Stein:* „Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft", 1881, стр. 66, 68; 1—2.

**) Lehrbuch der Finanzwissenschaft, 3 Auflage, 16. Это *общественное* равенство съ его принципомъ звучитъ нѣкоторымъ противорѣчіемъ другимъ выраженіямъ и мыслямъ Штейна.

ство, видѣть въ послѣднемъ только средство для достиженія цѣлей перваго*). Землевладѣльцы, крестьяне, купцы, фабриканты, приказщики, духовныя лица, чиновники, ученые, художники—толпятся въ современномъ обществѣ, разбиваясь на отдѣльныя группы. Въ отживающемъ, абсолютномъ государствѣ всѣ эти группы находили только внѣшній порядокъ, безъ самостоятельности и безъ отвѣтственности. Но съ возсоединеніемъ общества и государства (Wiederverbindung der Gesellschaft mit dem Staat), которое произошло благодаря введенію представительной формы правленія (constitutionelle Verfassung), начинается новое движеніе.

«Мысль, что абсолютизмъ въ государствѣ происходитъ отъ соціальной розни и отчужденія общества отъ государства и что политическая свобода можетъ имѣть мѣсто только при гармоническомъ слитіи общественныхъ и государственныхъ началъ, составляетъ исходное понятіе изслѣдованій Гнейста»**). Господствующіе въ обществѣ классы стремятся къ тому, чтобъ овладѣть государственною волею при помощи конституціи, чтобъ овладѣть осуществленіемъ этой воли при помощи управленія. Послѣ каждой революціи власть попадаетъ въ руки не народа, а общества, и народное верховенство является въ дѣйствительности верховенствомъ общества, то-есть наиболѣе богатаго, наиболѣе сильнаго сословія. Это противорѣчіе интересовъ не разрѣшимо, по мнѣнію Гнейста. Человѣкъ можетъ быть справедливъ и благосклоненъ по отношенію къ людямъ; но такимъ никогда не можетъ быть одинъ общественный классъ въ борьбѣ съ другимъ. Выходъ дается только государствомъ, которое имѣетъ своимъ основаніемъ нравственную природу людей, тогда какъ основаніе общества есть хозяйственное. Воплощеніемъ этого идеальнаго государственнаго начала служитъ королевская власть, произведеніе германскаго народнаго духа***); но политическая свобода можетъ быть поддержана только при органической связи и взаимномъ дополненіи государственно-служебнаго начала (чиновничества, Berufsamt) и почетно-служебнаго начала въ обществѣ (Ehrenamt der Gesellschaft). Безвозмездная служба по самоуправленію, дающая власть и почетъ, представляется Гнейсту истин-

*) *Gneist:* „Der Rechtsstaat", 1872, стр. 188.

**) *Г. Назимовъ:* „Теорія конституціонализма и самоуправленія", Рудольфа Гнейста, 1881 г., Ярославль, стр. 19. Хорошая, но, къ сожалѣнію, мало замѣченная работа.

***) „Der Rechtsstaat", стр. 8, 9 и 11.

нымъ самоуправленіемъ. Естественно, что это возведеніе въ образецъ для подражанія, въ догматъ государственнаго устройства отживающаго въ самой Великобританіи порядка вещей встрѣтило рѣшительныя возраженія. Общественное неравенство въ значительной степени упрочивается при такой системѣ управленія, гдѣ представители господствующихъ классовъ разрѣшаютъ вопросы мѣстнаго интереса. Указавъ на монархическую власть, какъ на охранительницу идеи справедливости, безпристрастно относящуюся къ борьбѣ общественныхъ классовъ, зорко слѣдящую за тѣмъ, чтобы рабочіе классы, большинство населенія, не пострадали отъ своекорыстныхъ стремленій имущихъ сословій, Гнейстъ признаетъ возможнымъ отдать интересы этого большинства въ руки меньшинства при устройствѣ мѣстнаго самоуправленія. Но понятно, что въ любой единицѣ самоуправленія произойдетъ та же разрушительная борьба, которая происходитъ въ обществѣ вообще, потому что, какъ говоритъ самъ Гнейстъ, никакой общественный классъ никогда не будетъ справедливъ и благосклоненъ къ другому классу.

Блунчли замѣчаетъ, что Гнейстъ въ неприкосновенности власти короны усматриваетъ истинный центръ государства, формальное объединеніе и освященіе правоваго порядка, необходимую охрану отъ своеволія партій. Идеи нѣмецкій ученый цѣнитъ мало и выше всего ставитъ учрежденія, вооружаясь однако противъ купеческаго взгляда на государство, по которому послѣднее является какъ бы акціонерною компаніей *).

Упомянутыя сочиненія Гнейста и Штейна, труды Роберта Моля и многихъ другихъ писателей сильно выдвинули впередъ вопросы объ обществѣ и самоуправленіи. Это направленіе научной мысли вызвало и возраженія, которыя стремятся доказать, что нѣтъ и не можетъ быть особой науки объ обществѣ (Gesellschaftswissenschaft). Для того, чтобы дать понятіе о подобныхъ возраженіяхъ, приведемъ нѣкоторыя изъ замѣчаній, сдѣланныхъ извѣстнымъ историкомъ Генрихомъ Трейчке **).

Трейчке имѣетъ въ виду болѣе всего ученіе Роберта Моля. Послѣдній причисляетъ къ общественнымъ союзамъ, которые стоятъ между частною и государственною жизнью, между отдѣльнымъ лицомъ и государствомъ,—сословія, общины, племена, расы,

*) *Блунчли*: „Исторія общаго госуд. права и политики“, стр. 524—527.

**) *H. von Treitschke*: „Die Gesellschaftswissenschaft. Ein kritischer Versuch“. 1859.

хозяйственные, религiозные и другiе союзы. Начнемъ съ общины. Она,—говоритъ Трейчке,—охватываетъ всѣ отношенiя народной жизни и отличается отъ государства, какъ часть отличается отъ цѣлаго. Надъ общиною есть высшая власть, и если вы представите общину безъ этого, общину независимую, то она сама будетъ государствомъ. Община принимаетъ участiе въ развитiи всѣхъ фазъ государства, и политическое переустройство не полно тамъ, гдѣ этого соотвѣтствiя не наблюдается. Всѣ попытки утвердить во Францiи свободный государственный строй были безуспѣшны, потому что французская община оставалась организованною деспотически. Трейчке полагаетъ поэтому, что община, которая, въ тѣсномъ кругу, исполняетъ государственныя цѣли, не можетъ быть предметомъ самостоятельной научной обработки, не можетъ быть предметомъ отдѣльной науки. Она входитъ какъ необходимая часть въ составъ государства. Само собою разумѣется, что то же должно сказать о провинцiи, области, земствѣ и т. д.

Доказывая, что и другiе виды общественныхъ союзовъ должны входить въ общее ученiе о государствѣ, Трейчке признаетъ, что отношенiя между религiозными соединенiями и государствомъ, гдѣ первыя и второе свободно и сильно развились, суть ирраціональныя отношенiя. Церковь преслѣдуетъ высшiя, чѣмъ государство, цѣли, облагороживая и подымая человѣка; но она должна однако подчиняться государственному порядку. Въ свою очередь государство должно быть верховнымъ, но на самомъ дѣлѣ не въ состоянiи ускользнуть отъ влiянiя этой высшей духовной силы. Вѣчное противорѣчiе разрѣшается временными взаимными уступками, компромиссомъ.

Свободные союзы, разнообразныя товарищества, которыми всегда богата жизнь высокообразованнаго народа, также не могутъ быть выдѣлены изъ государственно-народнаго строя вообще. Ясна,—говоритъ Трейчке,—политическая важность вопроса, *какое* государство можетъ допускать свободныя соединенiя людей для достиженiя духовныхъ (научныхъ, художественныхъ) и хозяйственныхъ цѣлей. Трейчке совершенно основательно возражаетъ Рилю, что было бы большимъ шагомъ назадъ, еслибы партiи различались другъ отъ друга только экономической програмой, еслибъ охранители и прогрессисты исчезли окончательно, уступивши мѣсто пролетарiямъ и буржуазiи, борьбѣ исключительно между трудомъ и капиталомъ.

Въ этомъ отношеніи Трейчке стоитъ выше многихъ изъ писателей, на труды которыхъ мы ссылались въ этихъ очеркахъ. Юристы склонны преувеличивать значеніе формъ государственной и общественной жизни; экономисты, вниманіе которыхъ захватываетъ грозная борьба рабочихъ классовъ съ буржуазіей, невольно впадаютъ въ односторонность, не придавая борьбѣ идей и развитію учрежденій надлежащаго значенія. Историкъ, наоборотъ, постоянно наблюдаетъ взаимодѣйствіе всѣхъ общественныхъ силъ. Правда, долгое время политическая и военная жизнь государствъ, дипломатическія сношенія и дворцовыя передряги занимали у историковъ главное мѣсто; но знаменательный и рѣшительный переворотъ уже совершился въ этомъ отношеніи.

Основная ошибка Моля,—продолжаетъ Трейчке,—заключается въ узкомъ опредѣленіи государства. Послѣднее — не *организмъ учрежденій, объединяющихъ извѣстное количество людей*, а народъ во внѣшнемъ проявленіи его самобытной жизни. Даже въ идеѣ нельзя выдѣлить государство отъ народа. Одинаково несправедливо принимать вмѣстѣ съ Штейномъ неизмѣнное понятіе государства и колеблющееся понятіе общества или утверждать, вмѣстѣ съ Порталисомъ *), что общество повсюду одинаково, мѣняются же только законы, гарантіи. Столкновенія между государствомъ и обществомъ неизбѣжны. Соціальныя преобразованія отражаются на всемъ государствѣ сильнѣе всего, и штейнъ-гарденберговскія реформы глубже видоизмѣнили Прусскую монархію, чѣмъ іюльская революція Французскую.

Въ небольшомъ сочиненіи Трейчке встрѣчается нѣсколько замѣчаній и выводовъ, съ которыми нельзя согласиться; но его основная мысль о неразрывной связи всѣхъ явленій народной жизни, о невозможности выдѣлить ученіе объ обществѣ въ особую науку, вполнѣ вѣрно. Мы замѣчаемъ въ исторіи то совмѣстную дѣятельность, то борьбу отдѣльныхъ классовъ общества съ государствомъ даннаго времени. Задачи, которыя преслѣдуютъ общество и государство, переплетаются между собою; ихъ распредѣленіе между центральнымъ правительствомъ страны и самоуправленіемъ подвергается весьма значительнымъ измѣненіямъ. Управленіе то стягивается въ столицу, и приказы изъ нея опредѣляютъ мелочныя подробности обыденной областной жизни; то, наоборотъ, почти исчезаетъ идея цѣлаго, и едва ли не каждая

*) „L'homme et la société“, 1850.

деревня живетъ самостоятельною, что̀ прекрасно, и совершенно изолированною жизнью, что̀ заключаетъ въ себѣ причину глубокаго упадка государства и народа. Кромѣ того, на ряду съ самоуправленіемъ въ тѣсномъ смыслѣ, которое замыкается въ городѣ или сельской общинѣ, на извѣстномъ пространствѣ, возникаетъ, развивается, падаетъ и вновь оживаетъ разнообразный строй общественныхъ союзовъ. То хозяйственныя задачи, то научныя цѣли, религіозно-нравственныя и художественныя стремленія объединяютъ отдѣльныхъ людей, дѣятельность которыхъ можетъ при этомъ распространяться на все государство и даже выходить за его предѣлы. Понятно поэтому, что попытки разрѣшить какой-либо вопросъ управленія безъ соображенія со всѣмъ складомъ общественной жизни свидѣтельствуютъ не объ идеализмѣ писателя, а объ его недоразумѣніи. Въ безобразномъ и громадномъ домѣ дѣйствительно возможно хорошо и уютно устроить комнату, отчего, разумѣется, домъ не перестанетъ быть неудобнымъ и безобразнымъ; достигнуть же правильной постановки какой-либо единицы самоуправленія невозможно, потому что все въ народной жизни дѣйствуетъ единовременно, потому что одинъ вредный факторъ исказитъ самыя лучшія стремленія, если не принять въ разсчетъ его существованія.

IV.

Блунчли справедливо замѣтилъ, что французскіе писатели, въ особенности послѣ сочиненій Руссо, склонны смѣшивать государство съ обществомъ и общество съ народомъ *). И либералы, и консерваторы, и республиканцы, и монархисты крѣпко стояли за централизацію, за однообразное устройство всей страны, съ строгимъ подчиненіемъ частей цѣлому.

Одинъ изъ самыхъ горячихъ и даровитыхъ защитниковъ государственной централизаціи, Дюпонъ-Уайтъ, говоритъ, что государство должно являться самымъ энергическимъ дѣятелемъ цивилизаціи, и поэтому между *свободою* и *государствомъ* нѣтъ противоположенія. Отымите у человѣка семью—и онъ погибнетъ

*) *Bluntschli:* „Allg. Staatslehre", 1875 г., т. I, стр. 118. По мнѣнію самого Блунчли, народъ есть юридическое лицо—государство. Общество состоитъ изъ массы частныхъ лицъ; оно—случайное соединеніе многихъ людей. Само собою разумѣется, что государство и общество взаимно другъ друга обусловливаютъ.

взоръ послѣ рожденія; отымите у человѣка государство—и онъ будетъ рабомъ, ибо люди родятся неравными и въ неизбѣжной борьбѣ между ними пострадаетъ слабѣйшій. Способъ дѣйствія правительственной власти и формы ея различны у разныхъ народовъ; но *количество* этой власти (la quantité de gouvernement) одинаково повсюду. Если вы видите у какого-либо народа бездѣйствіе правительства или слабое развитіе его дѣятельности, то это можетъ означать одно изъ двухъ: или малую жизненность народа, или ничтожное количество его потребностей. Государство есть *органъ общества*, для удовлетворенія общественныхъ интересовъ безопасности и благосостоянія. Съ неизмѣримой высоты своего положенія, по отношенію къ отдѣльной личности, государство находитъ въ себѣ холодное безпристрастіе судьи при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ; сознаніе своей силы позволяетъ ему дѣйствовать исключительно по указаніямъ совѣсти; наконецъ, единство интересовъ, связывающихъ власть и народныя массы, является лучшимъ залогомъ могущества первой и благосостоянія послѣднихъ. Правительству легко быть справедливымъ и благодѣтельнымъ. Оно вѣчно находится въ положеніи великодушнаго умирающаго, которому ничего не стоитъ обогатить одно или нѣсколькихъ лицъ. Власти надо только *захотѣть* приносить добро народу *).

Въ другомъ своемъ сочиненіи («La centralisation») Дюпонъ-Уайтъ утверждаетъ, что централизація обозначаетъ одновременно *единство правительства и преобладаніе столицы*. Раздробленіе власти, децентрализація ея, ведетъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Таковъ былъ, напримѣръ, феодализмъ, гдѣ индивидуумъ пользовался широкимъ просторомъ. И воспоминаніе объ этомъ времени есть самое отвратительное воспоминаніе. Это—время господства эгоизма, грубаго насилія человѣка надъ человѣкомъ.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы знаменитый писатель былъ врагомъ личности, не признавалъ за нею способности плодотворнаго почина и вообще великаго значенія. Въ области экономической дѣятельности индивидууму онъ предоставляетъ широкое поле. Въ философіи, наукѣ, искусствѣ—личности открывается безграничный просторъ. Въ преуспѣвающемъ обществѣ, какъ бы далеко въ другихъ отношеніяхъ ни проникала правительственная власть, одно должно оставаться неприкосновеннымъ,

*) *Dupont-White:* „L'individu et l'état".

одно составляетъ исключительное право человѣка—*свободное выраженіе мысли*. Затѣмъ Дюпонъ-Уайтъ прямо признаетъ, что прогрессъ въ политическомъ смыслѣ есть дѣло личности. Въ этомъ отношеніи правительство всегда или, по крайней мѣрѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, оказывается коснымъ, и улучшенія достигаются лишь благодаря частной инниціативѣ. Когда мы,—говоритъ Дюпонъ-Уайтъ,—призываемъ государство, какъ дѣятеля прогресса, мы особенно цѣнимъ въ немъ силу, способную улучшить человѣка, возбудить его въ дѣятельности, помочь ему достигать полезнаго, добраго, истиннаго и прекраснаго.

Такимъ образомъ Дюпонъ-Уайта ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать врагомъ разумной свободы. Профессоръ Градовскій, возражая этому писателю, справедливо говоритъ (другіе ученые еще раньше высказывали подобное же мнѣніе), что «централизація есть произведеніе національной исторіи Франціи и тѣхъ исключительныхъ условій, которыя, быть-можетъ, неповторимы въ другой странѣ. Дюпонъ-Уайтъ говоритъ, что для самоуправленія нужна особенная раса людей. Принимая подъ словомъ раса столь же физіологическій, сколько и политическій фактъ, мы можемъ сказать, что для осуществленія такой централизаціи, какъ во Франціи, нужны особыя племенныя качества и исключительныя политическія условія. Страна, не испытавшая такихъ коренныхъ преобразованій, національность которой не представляетъ безформенной массы людей, между которыми единственное учрежденіе—государство,—страна, гдѣ общество не породило еще взамѣнъ всякихъ организмовъ одно живое тѣло, столицу,—въ такой странѣ можетъ ли идти рѣчь о централизаціи» *)? Профессоръ Градовскій, въ сочиненіи, изъ котораго приведена выдержка и которое напечатано въ 1868 году, выражалъ удивленіе, какъ это, послѣ стольких испытаній, французскій умъ еще не убѣдился въ безполезности свободы въ Парижѣ, когда ея нѣтъ въ департаментахъ. «Что значитъ,—говорилъ почтенный профессоръ,—народное представительство на верху, когда въ провинціяхъ нѣтъ признака жизни? Что значитъ напряженіе общественнаго мнѣнія, сосредоточеніе умственныхъ силъ, экономическаго оборота въ столицѣ, когда провинція не имѣетъ ни общественнаго мнѣнія, ни журналистики, ни самостоятельной экономической дѣятельности? Вся эта комбинація ведетъ къ результатамъ, предсказаннымъ еще Ламенэ,—къ параличу частей и апоплексіи сердца».

*) *Градовскій:* „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи", LXVI—LXVII.

Но, конечно, указанное направленіе мысли могло быть только преобладающимъ, а не исключительнымъ. Нѣкоторые писатели, съ Токвиллемъ во главѣ, уже давно доказываютъ французскому обществу всю гибельность крайней централизаціи, все благодѣтельное значеніе самоуправленія. Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: «О демократіи въ Америкѣ»—Токвилль говоритъ объ общинѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: общинный союзъ (la société communale) существуетъ у всѣхъ народовъ, каковы бы ни были ихъ обычаи и законы. Но если община существуетъ столько же времени, какъ и самъ человѣкъ, то общинная свобода является рѣдко и оказывается неустойчивою, хрупкою. Трудность основать прочнымъ образомъ независимость общины не только не уменьшается, а наоборотъ—увеличивается съ развитіемъ просвѣщенія. Отъ проницательности великаго писателя не укрылась невозможность для общинъ, предоставленныхъ собственнымъ силамъ, бороться съ захватами центральной власти. До тѣхъ поръ, пока общинное самоуправленіе не вошло въ нравы народа, пока оно, въ теченіе извѣстнаго времени, не просуществовало по закону,—если дѣло идетъ о введеніи свободы такого рода въ страну, не знавшую дѣйствительнаго самоуправленія,—эту общинную свободу легко уничтожить,—другими словами, ее трудно создать *). На материкѣ Европы,—утверждаетъ Токвилль,—ея не знаетъ ни одинъ народъ. Община развивается въ тиши, въ глубинѣ полуварварскаго общества, и однако въ ней заключается сила свободныхъ народовъ. Безъ общины народъ можетъ дать себѣ свободное правительство, но не будетъ имѣть духа истинной свободы. Общинныя учрежденія значатъ для свободы то же, что начальныя училища значатъ для науки.

Такимъ образомъ и Токвилль, уму и наблюдательности котораго отдаютъ справедливость наиболѣе ожесточенные противники его демократическихъ идей, ясно и рѣшительно указываетъ на глубокую связь между самоуправленіемъ и государствомъ, на то, что формы того и другаго должны находиться въ соотвѣтствіи, опираясь на общія начала. Другой французскій писатель, пользующійся и у насъ громкою извѣстностью, Эдуардъ Лабулэ, давно уже защищаетъ взгляды, сходные съ тѣми, которые съ такимъ блескомъ и силою развивалъ Токвилль.

Общественная свобода (liberté sociale),—говоритъ Лабулэ,—

---

*) „De la démocratie en Amérique“, quinzième édition, т. I, стр. 95—96.

мало свойственна французамъ, у которыхъ въ языкѣ нѣтъ слова, точно передающаго англійскій *self-government*. Между государствомъ и личностью во Франціи нѣтъ ничего, и первое считаетъ себя въ правѣ дѣлать все то, чего не въ состояніи исполнить отдѣльный человѣкъ, предоставленный собственнымъ силамъ. Это— великая ошибка, вслѣдствіе которой свобода до настоящаго времени не упрочилась во Франціи: громадная административная машина не оставляетъ личности никакого права, если не считать правомъ обязательный платежъ податей. Почему собирательное существо, община, не имѣетъ, какъ и личность, своихъ правъ, которыя должны быть уважаемы государствомъ? Италія, Испанія, Франція въ средніе вѣка и Голландія, Швейцарія, Бельгія, Англія, Соединенные Штаты въ новое время представляютъ собою государства дѣйствительно свободныя, съ широкимъ развитіемъ самоуправленія. Французскіе города также въ XII и XIII стол. быстро поднимаются и, при покровительствѣ нуждавшейся въ нихъ королевской власти, достигаютъ свободнаго муниципальнаго устройства. Но съ XIV вѣка обстоятельства измѣняются, и окрѣпшая монархическая власть наноситъ ударъ за ударомъ самоуправленію страны. Людовикъ XIV, политическій наслѣдникъ Валуа, имѣетъ печальную честь нанести послѣдній ударъ такого рода. Учредительное собраніе поднимаетъ общинную свободу: законъ 14 декабря 1789 года признаетъ за общиною право на самообложеніе, на самоуправленіе. Наоборотъ, конвентъ конфисковалъ временно эту зарождавшуюся свободу, послѣдніе слѣды которой исчезли при консульствѣ и имперіи*).

Вѣрность этихъ историческихъ замѣчаній знаменитаго писателя мы постараемся впослѣдствіи подтвердить фактами изъ исторіи какъ Франціи, такъ и другихъ странъ. Эти факты послужатъ, думается намъ, неопровержимымъ доказательствомъ неразрывной связи всѣхъ явленій общественной жизни, что нерѣдко забывается и на чемъ мы упорно настаиваемъ.

Лабулэ, какъ либералъ, настаиваетъ на гарантіяхъ общественной и личной свободы. Обезпеченіе для нея онъ видитъ не въ кодексѣ,—ибо кодексъ можетъ быть «la plus volumineuse des plus mauvaises plaisanteries», а въ учрежденіяхъ и нравахъ. Въ странахъ, дѣйствительно свободныхъ, этою свободой пользуются

---

*) *E. Laboulaye:* „Le parti libéral, son programme et son avenir“. Sixième édition, 1865, стр. 37, 87 и 89.

повсюду; она насквозь проникаетъ общество. Общественный порядокъ, конечно, великое слово; но когда порядокъ отдѣляютъ отъ свободы, то онъ является просто синонимомъ насилія, а въ силѣ самой по себѣ не заключается ничего способнаго вызывать уваженіе.

Экономическая программа Лабулэ не вызываетъ такого сочувствія, какое вызываютъ другіе его взгляды. Если равенства передъ закономъ и одинаковаго права на участіе въ самоуправленіи и политической жизни вполнѣ достаточно, несмотря на различія въ способностяхъ людей, въ ихъ характерѣ и образованности; то въ хозяйственной жизни признаніе за рабочимъ, напримѣръ, равныхъ правъ съ фабрикантомъ, предоставленіе мнимо-свободному договору опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній, звучитъ насмѣшкой или составляетъ печальное недоразумѣніе. У Лабулэ, впрочемъ, есть слѣдующая прекрасная фраза: «Между эгоизмомъ личности и деспотизмомъ государства (что въ сущности является лишь другою формой эгоизма) *ассоціація* ставитъ знаніе, вѣру, человѣколюбіе,—все то, что сближаетъ людей и побуждаетъ ихъ любить другъ друга. Изъ всѣхъ французскихъ публицистовъ,—говоритъ Лабулэ,—Токвилль лучше всѣхъ сознавалъ, что слабость современныхъ обществъ заключается въ централизаціи, а истинная сила—въ личной свободѣ и въ ассоціаціи» *). Ограничить область дѣятельности государства, кругъ его правъ, необходимо для обезпеченія личности какъ отъ произвола администраціи, такъ и отъ произвола большинства въ представительныхъ собраніяхъ **). Самоуправленіе и свобода совѣсти, слова, печати—составляютъ основное условіе для правильнаго развитія и личности, и государства.

Викторъ Гольцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

*) *Laboulaye:* „L'état et ses limites", 3 édition, préface, т. VII.
**) Ibid., стр. 72.

Пѣсня альзасца.

(Изъ Тардье.)

Смиренія требуютъ?—Что-жь, я готовъ
Предъ нѣмцемъ-тираномъ смириться...
Но жалко, что мысль ни меча, ни оковъ,
Ни мрака тюрьмы не боится,
Въ дали безпредѣльной надъ бѣдной землей
На крыльяхъ могучихъ витая,
Покорности жалкой, пугливой, тупой
Съ созданія міра не зная.
И ей ненавистенъ мучительный гнетъ
Надъ бѣдною жизнью людскою,
И пѣсню о лучшемъ грядущемъ поетъ
Она оскорбленнымъ судьбою,
Съ надеждой—любимой сестрою своей—
Волшебный дуэтъ образуя,
Сердца истомленныхъ борьбою людей
Цѣлебною силой врачуя...
Я знаю: не трудно меня одолѣть,
Какъ всякое бренное тѣло;
Но гордою музой моей овладѣть—
О! это—не легкое дѣло:
Донынѣ пропѣтыя пѣсни мои
Запомнило то населенье,
Къ которому полонъ я теплой любви
И чьи понимаю стремленья...
Пускай надъ рабами смѣются кругомъ

Сыны вседовольнаго свѣта:
Французы, Германію мы проклянемъ
Въ печальныхъ твореньяхъ поэта!...
Но лучше не стану теперь растравлять
Я раны отчаянной доли, —
И такъ, надрываясь отъ боли,
Устали мы съ музой страдать...

С. Бердяевъ.

Кіевъ. 1882 г.

Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ.

(историческій очеркъ.)

На русскомъ крайнемъ сѣверѣ (подразумѣваемъ хорошо извѣстный намъ европейскій сѣверъ и собственно Архангельскую губернію) крестьянство хранило, а отчасти до сихъ поръ хранитъ замѣчательно много разнообразныхъ памятниковъ старой письменности, преимущественно юридической. Очень обыкновенное дѣло встрѣтить у крестьянина не только бумаги прошлаго вѣка, но и свитки XVI и XVII вѣковъ, «пути», какъ ихъ называютъ крестьяне. Одни только мѣстные любители старины, въ родѣ Крестинина и Мясникова, знали о существованіи этого драгоцѣннаго матеріала, по-истинѣ неоцѣнимаго для исторіи нашего крестьянства*). Для жителя центральной Россіи крестьянинъ и письменность—понятія такъ плохо вяжущіяся другъ съ другомъ, что никакому ученому или любителю старины изъ центра и въ голову не пришло, что въ его отечествѣ есть крестьянство, хранящее цѣлую литературу въ своихъ сундукахъ и коробьяхъ. Я сказала: «хранящее», но можетъ-быть точнѣе было бы сказать:

*) Мясниковъ, шенкурскій мѣщанинъ, собралъ въ началѣ нынѣшняго вѣка громадное количество старинныхъ памятниковъ, которыми онъ думалъ воспользоваться для предполагаемой исторіи Важеской земли. Но съ его смертью все собранное имъ исчезло неизвѣстно куда; осталось отъ него только нѣсколько статей въ старыхъ журналахъ 20-хъ годовъ. Сочиненія архангельскаго мѣщанина Крестинина извѣстны и не однимъ только библіофиламъ. Его работа: „Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ двинскаго народа въ сѣверѣ" (изд. 1785 г.)—основана исключительно на старинныхъ актахъ одного крестьянскаго рода. Въ этой работѣ онъ, между прочимъ, говоритъ, какое множество важныхъ историческихъ памятниковъ находится въ частныхъ рукахъ, и жалуется на невѣжество, которое не заботится о сохраненіи этихъ памятниковъ.

«хранившее». Послѣднія десятилѣтія произвели сильныя опустошенія въ этихъ вѣковыхъ сокровищахъ. Крестьянская молодежь, возвращающаяся изъ отхожихъ промысловъ съ цивилизованными привычками, немилосердно истребляетъ на «цыгарки» всякую не имѣющую практическаго значенія бумагу, которую она находитъ дома. Таково было положеніе дѣла десять лѣтъ назадъ, когда мы жили въ Архангельской губерніи; до настоящаго времени едва ли старики успѣли многое отстоять изъ своихъ завѣтныхъ бумагъ *).

Между прочимъ, хоть, можетъ-быть, и не совсѣмъ кстати, у нѣкоторыхъ изъ нашихъ молодыхъ и обѣщающихъ ученыхъ проявляется стремленіе изучать западно-европейскую исторію въ ея источникахъ по архивнымъ памятникамъ. На это тратится много труда и много средствъ. Стремленіе, конечно, очень почтенное: еще бы не пріятно было для каждаго образованнаго русскаго обозрѣть, хотя бы, напримѣръ, судьбы французскаго крестьянина очами своего собственнаго русскаго ученаго, который самъ, безъ посредства по необходимости пристрастныхъ французскихъ ученыхъ, углубился въ эти судьбы. Но, тѣмъ не менѣе, какъ-то ужасно грустно становится при мысли, что въ то самое время, какъ изучаютъ англійскіе памятники, свои, русскіе, немилосердно истребляются,—получается русская исторія французскаго крестьянина и въ то же время безвозвратно погибаетъ возможность выяснить когда-нибудь исторію своего собственнаго крестьянина. Думается невольно: вѣдь французы и англичане сберегутъ памятники своей старины, да и богаты же они не въ примѣръ намъ и литературными, и научными силами...

Намъ посчастливилось захватить на сѣверѣ и сберечь кое-что изъ памятниковъ крестьянской юридической письменности очень немногое, сравнительно съ тѣмъ, что можно было бы раздобыть при условіяхъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ тѣ, въ какихъ мы находились, но само по себѣ все-таки довольно значительное и по количеству, и по качеству. Намъ доставляли старинныя бумаги знакомые крестьяне, священники и кое-кто изъ мѣстныхъ любителей старины. Кромѣ того, мы извлекали акты, относящіеся къ исторіи крестьянства, изъ архивовъ, находящихся при

*) Невольно припоминается намъ нашъ квартирный хозяинъ, холмогорскій мѣщанинъ, который очень сожалѣлъ, когда мѣстное общество вздумало почествовать память Ломоносова, что употребилъ на оклейку стѣнъ своего новаго дома вмѣстѣ съ своими родовыми бумагами и бумаги, перешедшія къ нему, какъ родственнику, изъ рода Ломоносовыхъ.

мѣстныхъ церквахъ: церковныя трапезы нѣкогда были мѣстомъ мірскихъ сходокъ, тамъ же творился и судъ,—поэтому при церквахъ и сохранились разнообразные мірскіе акты и административнаго, и судебнаго характера. Удалось также достать кое-какой матеріалъ изъ архивовъ монастырскихъ и архіерейскихъ управленій, преимущественно изъ холмогорскаго соборнаго архива, гдѣ хранятся дѣла бывшаго холмогорскаго архіерейскаго дома. Надо замѣтить, что документы церковныхъ архивовъ, особенно сельскихъ, не лучше обезпечены отъ гибели, чѣмъ тѣ, которые находятся въ частныхъ рукахъ. У этихъ архивовъ нѣтъ никакихъ описей, надъ ними нѣтъ никакого наблюденія и они предоставлены цѣликомъ на произволъ причта, который еще меньше крестьянъ заинтересованъ въ ихъ сохранности: для крестьянина это все-таки родная, завѣщанная отцами и дѣдами, старина, для причта же—простая бумага, не вошедшая въ реэстръ церковнаго имущества,—слѣдоват., такая, которую можно безнаказанно обращать для разныхъ хозяйственныхъ надобностей. Правда, кое-гдѣ встрѣчаются толковые священники, понимающіе значеніе старинной бумаги, но вѣдь такіе священники—не общее правило *).

Итакъ, намъ удалось собрать не одну тысячу документовъ, освѣщающихъ прошлую жизнь нашего сѣвернаго крестьянина **). Для настоящаго труда изъ общей массы выдѣлено только то, что относится къ исторіи собственно поземельнаго владѣнія, которое на сѣверѣ, послѣ разныхъ перипетій, все свелось въ концѣ концовъ къ исключительному господству мелкаго крестьянскаго землевладѣнія. Пришлось пользоваться разнообразными юридическими крестьянскими актами—купчими, закладными, раздѣльнцами, духовными завѣщаніями, порядными, вервными книгами, монастырскими переписными книгами и другими документами монастырскихъ экономій и т. д. Думаемъ, что намъ удастся при посредствѣ этого совершенно новаго научнаго матеріала освѣтить кое-какія стороны

*) Обращаемъ вниманіе ученыхъ учрежденій, вѣдающихъ нашу старину, на эту богатую и исчезающую письменность. Едва ли гдѣ-нибудь можно найти болѣе богатый матеріалъ для исторіи собственно народа. Члены археографической экспедиціи посѣщали уже разъ Архангельскую губернію и вывезли оттуда, изъ архивовъ ея монастырей, массу драгоцѣнныхъ памятниковъ, которые входятъ въ ея изданія и составляютъ, съ точки зрѣнія исторіи народа, самую цѣнную ихъ часть. Теперь очередь за тѣмъ, что сохранилось въ церковныхъ архивахъ и крестьянскихъ сундукахъ. Еслибы какимъ-нибудь ученымъ обществомъ отправлена была вторично экспедиція, она съумѣла бы еще спасти немало памятниковъ юридической и литературной письменности.

**) Труды по собиранію принадлежатъ главнымъ образомъ г. П. Ефименко.

предмета, частью совсѣмъ не освѣщенныя наукой, частью освѣщенныя слабо или фальшиво. Если мы и не съумѣемъ вполнѣ сладить со смысломъ фактовъ, то можемъ утѣшиться тѣмъ, что факты сами по себѣ все-таки составляютъ нѣчто, чѣмъ можетъ воспользоваться другой болѣе подготовленный и способный изслѣдователь.

Но,—скажутъ, можетъ-быть,—исторія землевладѣнія въ одной мѣстности, правда, обширной, но удаленной отъ государственнаго центра и его направляющихъ вліяній, не слишкомъ ли спеціальная это задача, которая не можетъ предъявлять никакихъ правъ на общее вниманіе? Вотъ еслибы работа касалась исторіи русскаго землевладѣнія или исторіи русскаго крестьянства вообще—о, это другое дѣло!

Такія и подобныя сужденія, думается намъ, вытекаютъ изъ большаго недоразумѣнія.

Общая исторія нашего крестьянства,—дѣйствительная исторія крестьянства, а не исторія государственныхъ мѣропріятій, касающихся крестьянства,—пока вещь совершенно невозможная, если только она возможна вообще. Крестьянская жизнь не текла по одному общему историческому руслу. Ужь нечего и говорить о малорусскомъ крестьянствѣ, которое втянуто было колесомъ исторіи въ систему польскаго феодализма,—передъ нами только великорусскія области. Но въ предѣлахъ этихъ областей мы встрѣчаемъ и сѣверянина, почти не знавшаго крѣпостнаго права, и крестьянина центральной Россіи, стянутаго крѣпостными узами чуть не до полной потери правъ личности. А между этими полосами сколько промежуточныхъ формъ и какое разнообразіе отношеній по великорусско-инородческимъ окраинамъ! Какая же возможна общая исторія крестьянства, когда мы не имѣемъ никакого понятія о тѣхъ частныхъ процессахъ, которые породили эти разнообразныя формы?

На очереди—изученіе именно этихъ частныхъ процессовъ, изученіе по типичнымъ районамъ, по областямъ. Областное изслѣдованіе—фундаментъ всякаго историческаго изслѣдованія, стремящагося имѣть своимъ объектомъ дѣйствительную жизнь, а не одни лишь мѣропріятія, направленныя къ ея регулированію, насильственному подведенію подъ общія нормы, большею частію внѣшнія и случайныя и часто совсѣмъ съ ней несообразныя.

Собранный нами матеріалъ захватываетъ XVI, XVII и XVIII вѣки, слѣдовательно лишь тотъ новый періодъ исторіи Двинской земли, который начинается для нея съ московскимъ завоеваніемъ. Но московская эпоха приняла богатое новгородское наслѣдство, которое отчасти и до сихъ поръ живетъ въ нравахъ и обычаяхъ сѣвера, а также и въ его богатой письменности, корни которой таятся въ свободныхъ учрежденіяхъ Великаго Новгорода. Мы не разъ вынуждены будемъ обращаться къ новгородскимъ временамъ и вообще говорить о такихъ сторонахъ предмета, для пониманія которыхъ необходимо нѣкоторое предварительное знакомство съ соотвѣтствующими историческими фактами. Но такъ какъ для читающей публики, даже самой интеллигентной, никакъ нельзя признать обязательнымъ знакомство съ областной исторіей, то мы считаемъ необходимымъ хоть хорошенько намѣтить элементарные факты, относящіеся до судьбы и исторической роли Двинской земли, останавливаясь преимущественно на томъ, что уясняетъ исторію поземельныхъ отношеній.

Исторія Двинской земли мало выяснена; но начало ея, сколько можно догадываться, воспроизводитъ въ маломъ видѣ начало всей великорусской исторіи.

Если и теперь Архангельская губернія представляетъ сплошную лѣсную и болотистую полосу, изрѣзанную многоводными рѣками и рѣчками, съ «лоскутами земли», частью естественными, частью отвоеванными у лѣса человѣческимъ трудомъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣ времена, когда она только-что начинала называться Двинскою землей, Заволочьемъ, она представляла такую же сплошную лѣсную полосу, съ тою лишь разницей, что лоскутовъ земли, отнятыхъ у природы человѣческимъ трудомъ, не было совсѣмъ, а лѣса еще гуще надвигались къ берегамъ. Занималъ ли кто эти немногія свободныя и удобныя полосы земли, пока не появились въ этой отдаленной глуши новгородскіе піонеры? И лѣтописи, и народныя преданія отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно: оба источника даютъ одно и то же названіе «чуди» (заволоцкой чуди, по Нестору) тѣмъ инородцамъ, которыхъ застали здѣсь новгородцы. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ *), эта чудь была вѣтвь восточно-финскаго, югорскаго племени,—той самой безпокойной югры, которая долго еще

*) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1868 г., ст. г. Европеуса: „Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія славянъ“.

потомъ обращала на себя вниманіе новгородцевъ,—а затѣмъ московскаго правительства сначала по сю, а потомъ по ту сторону Уральскаго хребта. Кое-гдѣ въ Архангельской губерніи между крестьянами до сихъ поръ помнится ихъ чудесное происхожденіе: вамъ укажутъ, какія семьи поселенія идутъ отъ новгородцевъ, какія отъ чуди. Да и внѣшнее, даже очень поверхностное наблюденіе указываетъ на два коренныхъ этнографическихъ типа: одинъ—низкорослый, приземистый, черноволосый, съ узкими черными глазами и плоскимъ лицомъ, а другой—высокій, русый, голубоглазый, съ правильнымъ овальнымъ лицомъ, прекрасный славянскій типъ, сохранившійся въ большой чистотѣ между поморами. Но за исключеніемъ этихъ внѣшнихъ этнографическихъ признаковъ нельзя отыскать никакихъ слѣдовъ чудской національности: инородческій элементъ всецѣло поглощенъ русскимъ. Какимъ путемъ шло это поглощеніе? Народныя преданія, чрезвычайно распространенныя по архангельскому сѣверу, вездѣ говорятъ объ упорной борьбѣ. Вамъ покажутъ чудскіе могильники и кладбища, городища и городки, которые строила чудь для своей защиты. Въ одномъ мѣстѣ укажутъ гору, на вершинѣ которой защищалась чудь, сбрасывая внизъ каменья; въ другомъ—плесъ, гдѣ тонула чудь, загнанная новгородцами въ прорубь; въ третьемъ—лѣсъ, гдѣ она скрыла отъ враговъ свои сокровища и т. д. и т. д. Разсказываютъ, какъ бѣжала тѣснимая чудь въ лѣса, какъ умерщвляла себя копьями и луками, какъ погребалась добровольно со всѣмъ имуществомъ въ глубокихъ рвахъ и ямахъ, подрубая нарочно устроенныя на столбахъ крыши съ наваленными на нихъ камнями и землей *). Лѣтописи, даже и новгородскія, молчатъ объ этой борьбѣ. Но отдѣльныя, проскальзывающія то тамъ, то сямъ извѣстія подтверждаютъ фактъ ея существованія: въ Никоновской лѣтописи подъ 1032 г.: «Улебъ иде на Желѣзная Врата изъ Новгорода и вспять мало ихъ возвратишася, но мнози тамо погибоша», и у Нестора подъ 1078 г.: «убіенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, въ Заволочіи»—не разъ сообщается объ избіеніи данщиковъ и т. д. Но отчего лѣтописи не говорятъ яснѣе о завоеваніи Заволочья, которое Новгородъ такъ высоко цѣнилъ?—Во-первыхъ, оттого, что завоеванія, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не было,—было медленное, поступательное, тянувшееся столѣтіями движеніе, въ

*) «Заволоцкая чудь», *П. Ефименко*, Арханг. 1869 г.

которомъ насильственный кровавый эпизодъ чередовался съ мирной уступкой, съ договоромъ; во-вторыхъ, потому, что завоевательная сторона этого движенія исполнялась не государственными силами Новгорода, а иниціативой и средствами частныхъ лицъ, богатыхъ и предпріимчивыхъ новгородскихъ бояръ, купцовъ и промышленниковъ. Начало этого движенія надо, по всей вѣроятности, отнести ко временамъ долѣтописнымъ: въ XI-мъ вѣкѣ уже отдаленная Печора даетъ дань Новгороду, какъ записалъ Несторъ со словъ новгородца Гуряты Роговича; въ XII-мъ (уставъ Святослава Ольговича) Заволочье заключаетъ въ себѣ до двадцати погостовъ и другихъ населенныхъ центральныхъ пунктовъ, гдѣ копится и откуда берется княжеская дань.

Колонизаціонно-завоевательное движеніе новгородскаго племени въ глушь полунощныхъ странъ шло приблизительно такъ. Первые слѣды прокладывали купцы. Конечно, это не были одиночные, беззащитные люди, а ватаги смѣльчаковъ, привыкшихъ рисковать своей жизнью и встрѣчать опасность лицомъ къ лицу. Всякій лишній шагъ въ эту страшную, но привлекательную неизвѣстность обѣщалъ имъ лишній прибытокъ въ мѣнѣ ихъ товаровъ на дорогіе соболя, куницы, лисицы, горностаи, песцы и бѣлки; находившіе въ Новгородѣ у нѣмецкихъ купцовъ такой жадный спросъ на серебро, которое притекало въ руки обитателей заволочскаго сѣвера изъ-за Уральскаго хребта, изъ глубины Сибири. Встрѣчавшіеся купцамъ народцы всѣ оказывали большую наклонность къ мѣнѣ, включая и тѣхъ удивительныхъ людей, о которыхъ разсказывала югра отроку Гуряты Роговича: «въ горахъ тѣхъ (Уральскихъ) кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть неразумѣти языку ихъ, но кажуть на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножь ли, ли сѣкиру, дають скорою противу». И, конечно, не одно желѣзо находило себѣ выгодную мѣну на скору. Возвращаясь съ богатою добычей во-свояси, купцы разсказывали объ открытыхъ ими новыхъ странахъ, гдѣ они собственными глазами видѣли, какъ «спаде туча велика и въ той тучи спаде вѣверица (бѣлка) млада, акы топерво рожденна, и възрастьши и расходится по земли; и паки бываеть вторая туча, и спадають олѣнци мали въ ней, и възрастьши и расходятся по земли».

Купеческіе слѣды шли по-преимуществу на сѣверо-востокъ. Въ иномъ направленіи прокладывали тропы промышленники, стре-

мившіеся на Бѣлое море и на океанъ за шкурами и саломъ морскихъ звѣрей, за дорогимъ рыбьимъ зубомъ (моржовыми клыками). Въ Новгородѣ скоро находились люди, которые задумывали воспользоваться проложенными тропами и слѣдами. Около какого-нибудь богатаго, а главное—опытнаго и предпріимчиваго человѣка группировалась дружина или изъ состоятельной молодежи, стремящейся раздобыться житейской и военной опытностью, или просто изъ вольныхъ гулящихъ людей, жадныхъ до добычи. Дружина шла по намѣченнымъ слѣдамъ и нападала на инородцевъ, о богатствахъ которыхъ знала отъ купцовъ. За свой рискъ и траты она вознаграждала себя грабежомъ; а чтобы придать своему предпріятію благовидную окраску отечественнаго блага, она объявляла инородцевъ новгородскими данниками, накладывала на нихъ ясакъ серебромъ и дорогими мѣхами въ пользу Новгорода. Тогда Новгородъ начиналъ посылать за сборомъ ясака данщиковъ съ сильными отрядами, которые вооруженною рукой сбирали дани. Такимъ образомъ въ глубину сѣверныхъ странъ пролегали «данничи пути», по которымъ теперь вмѣстѣ съ данщиками ходили и купцы, и промышленники, все крѣпче и шире протаривая землю беззаботныхъ инородцевъ, не умѣвшихъ вовремя предусмотрѣть опасность и во-время отразить ее. Но еще долго данщики избивались при всякомъ удобномъ случаѣ, еще долго эти вновь притянутыя къ Новгороду земли считались новгородскою волостью больше по имени, чѣмъ фактически,—до тѣхъ самыхъ поръ, пока къ этимъ землямъ не придвигалась колонизація, которая была для нихъ вторымъ и настоящимъ завоеваніемъ; это второе завоеваніе дѣлалось также по иниціативѣ частныхъ лицъ и было не менѣе богато насиліемъ.

Мы видѣли выше, что уже въ XII-мъ столѣтіи Заволочье, т. е. земли по Двинѣ (Двинская земля въ тѣсномъ смыслѣ слова) и ея главнѣйшимъ притокамъ—по Онегѣ, по Пинегѣ—было колонизовано, хотя, конечно, еще очень слабо, но достаточно для того, чтобы край уже былъ новгородскимъ фактически. Колонизація дѣлалась все интенсивнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и въ ширину, захватывая земли, находившіяся лишь въ данническомъ отношеніи къ Новгороду. Можно полагать, что ко времени московскаго завоеванія были уже колонизованы, болѣе или менѣе, всѣ земли, заключающіяся въ предѣлахъ нынѣшней Архангельской губерніи, за исключеніемъ развѣ Запечорскаго края и тундръ, которыя по своимъ физическимъ условіямъ должны были остаться внѣ колонизаціоннаго движенія.

Новгородъ высоко цѣнилъ обладаніе этими отдаленными сѣверными землями. Кромѣ дорогихъ мѣховъ, рыбьяго зуба, сала и шкуръ морскихъ звѣрей, онѣ были богаты еще и солью—цѣннымъ продуктомъ, въ которомъ новгородцы такъ нуждались, что получали его изъ-за моря. Въ своей борьбѣ съ суздальскими, потомъ съ московскими князьями Новгородъ часто вынужденъ былъ дѣлать уступки единственно изъ-за этихъ областей, которыя по своему территоріальному положенію были открыты нападеніямъ враговъ. Правда, Двинская земля была настолько сильна и самостоятельна, что сама могла защищать себя, без новгородской помощи, что и дѣлала не разъ; но въ ней, также какъ и въ самомъ Новгородѣ, шла борьба сильныхъ лицъ и партій изъ-за сталкивающихся интересовъ, и враги Новгорода естественно могли находить себѣ союзниковъ въ какой-нибудь изъ враждующихъ сторонъ. Оттого-то Заволочье всегда и было слабымъ пунктомъ Новгородской республики. Но такъ какъ все-таки не удавалось оторвать Заволочье вслѣдствіе его естественнаго тяготѣнія къ Новгороду, то суздальскіе и московскіе князья должны были ограничиться тѣмъ, что при всякомъ благопріятномъ для себя поворотѣ обстоятельствъ выговаривали себѣ разныя уступки въ Заволочьѣ. Результатомъ этихъ уступокъ было то, что еще до завоеванія Новгорода великіе князья московскіе были въ Заволочьѣ почти такими же господами, какъ и новгородцы: видная часть территоріи принадлежала имъ вполнѣ, въ другой части они тоже предъявляли какія-то темныя права, уже не говоря о промысловыхъ льготахъ, которыми они пользовались изстари. Но, какъ бы то ни было, завоеваніе Новгорода не обошлось безъ посылки въ Зоволочье особой рати, которая встрѣтила со стороны двинянъ энергическое сопротивленіе.

И завоеваніе, и колонизація Заволочья совершались по инціативѣ и средствами частныхъ лицъ. Отсюда—происхожденіе тѣхъ знатныхъ новгородскихъ родовъ, которые по размѣрамъ своихъ заволоцкихъ владѣній и по правамъ своимъ приближались къ владѣтельнымъ князьямъ. Народныя преданія, сохранившіяся еще кое-гдѣ на сѣверѣ и до сихъ поръ, рисуютъ этихъ бояръ въ образѣ грозно-карающихъ самодержавныхъ государей. Напр., въ Лѣтней-Золотицѣ, на Лѣтнемъ берегу Бѣлаго моря, показываютъ урочище, на которомъ Борецкая казнила своихъ подданныхъ, подозрѣвая ихъ въ гибели сыновей, объѣзжавшихъ свои владѣнія за сборомъ дани и погибшихъ на морѣ во время бури.

Владѣнія Борецкихъ на Двинѣ и въ Поморьѣ и Своеземцовыхъ на Вагѣ были по-истинѣ необозримы. Но въ числѣ заволочскихъ владѣльцевъ были и другіе знатные новгородскіе роды, имена которыхъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ имена самыхъ энергическихъ и упорныхъ противниковъ Москвы. Эти бояре жили обыкновенно въ Новгородѣ, поручая своихъ половниковъ управленію прикащиковъ и лишь изрѣдка объѣзжая свои «села».

Боярскими половниками были или аборигены края—чудь (еще отъ XVI вѣка сохранились извѣстія о чуди, живущей обособлено: «Сура поганая»; «села, гдѣ блазнь живе»), или наконецъ вольные гулящіе люди, которые не имѣли силы и средствъ сѣсть на дикую землю: бояринъ могъ давать расчищенную землю и кромѣ обязательныхъ льготъ еще средства на первое обзаведеніе. Но, вѣроятно, наплывъ желавшихъ сѣсть на боярскія земли былъ все-таки не великъ: Василій Степановичъ Своеземцевъ, жертвующій земли Важескому Богословскому монастырю, въ то же время обязываетъ игумна не принимать къ себѣ «его, Васильевыхъ, половниковъ, ни отхожихъ людей».

Итакъ, на крайнемъ сѣверѣ половничество было развито, какъ и въ остальной Русской землѣ. Кромѣ бояръ, и монастыри края—правда, въ новгородскій періодъ еще очень немногочисленные: пять-шесть монастырей на все пространство Заволочья—тоже имѣли своихъ половниковъ.

Но кромѣ боярскихъ половниковъ были въ Двинской землѣ и черные люди—не половники. Что же это были за черные люди?

Чтобъ освѣтить значеніе этого вопроса, надо оставить на минуту Двинскую землю и коснуться древняго русскаго землевладѣнія вообще. Наукой нашей) главнымъ образомъ замѣчательнымъ трудомъ Бѣляева: «Крестьяне на Руси»)—уже достаточно выяснено, какое широкое значеніе имѣло половничество для древней эпохи нашего русскаго землевладѣнія: половники подъ разными названіями составляли главный контингентъ земледѣльцевъ и изъ половничества, подъ тяготѣніемъ извѣстныхъ условій, выросло крѣпостное право. Но нашъ старинный земледѣльческій классъ не исчерпывается половниками,—были черные люди, сидѣвшіе и не на владѣльческихъ земляхъ. Что же такое были эти черные люди?—Общераспространенное мнѣніе и между образованнымъ обществомъ, и даже между учеными (за исключеніемъ той тенденціозной группы, представителемъ которой слу-

житъ г. Чичеринъ), что это были черные люди-общинники, совершенно аналогичные съ нашими теперешними крестьянами-общинниками, сидящими на государственныхъ земляхъ. Кое-какіе намеки и указанія, разсѣянные въ старыхъ актахъ, даютъ нѣкоторое основаніе этому предположенію. Но противъ него стоитъ грозная и несокрушимая твердыня писцовыхъ и переписныхъ книгъ: исключительное значеніе этихъ документовъ для рѣшенія вопросовъ подобнаго рода не можетъ подлежать никакому спору, никакому сомнѣнію. Писцовыя же книги не даютъ ни малѣйшихъ основаній предполагать такія общины черныхъ людей. Всюду въ писцовыхъ книгахъ перечисляются лишь вотчинники и помѣщики, на земляхъ которыхъ сидятъ половники, затѣмъ упоминаются кое-гдѣ своеземцы, и чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ чаще. Гдѣ же тѣ предполагаемыя свободныя черныя общины?

Возвращаемся къ нашему вопросу: были ли въ Двинской землѣ въ новгородскій періодъ какіе-нибудь черные люди, кромѣ половниковъ, и что это были за черные люди?

«Юридическіе Акты», изданные археографическою коммиссіей, даютъ полную возможность рѣшить этотъ вопросъ. Просматривая богатое собраніе двинскихъ актовъ (большая часть новгородскихъ актовъ относится къ Двинской землѣ), приходишь къ полнѣйшему убѣжденію, что въ Двинской землѣ, кромѣ бояръ и ихъ половниковъ, существовалъ многочисленный классъ мелкихъ собственниковъ, которые сидѣли и работали на собственной землѣ. Это— своеземцы или земцы писцовыхъ книгъ *).

Эти мелкіе собственники—люди, которые имѣли достаточно рабочей силы и матеріальныхъ средствъ, чтобы сѣсть на дикую

*) Въ одномъ двинскомъ актѣ встрѣчается для этихъ мелкихъ собственниковъ и самое названіе „земецъ“ (№ 71, XXIII). «А буде Тируну не до земли, ино мимо земца не продати». Эта фраза почему-то останавливала на себѣ особенное вниманіе нашихъ ученыхъ и подвергалась большимъ толкованіямъ. Ее объяснялъ Лешковъ; ее объясняли гг. Аристовъ и Соколовскій. Изъ этой фразы дѣлались выводы о существованіи особаго замкнутаго сословія земцевъ, которое не позволяетъ выходить изъ своихъ рукъ землямъ: „ино мимо земца не продати“. А между тѣмъ, думается намъ, ларчикъ открывается очень просто и всѣ эти толкованія вытекаютъ изъ недоразумѣнія. Подъ земцемъ здѣсь надо разумѣть просто-на-просто собственника земли, продавца: „буде такому то (имя покупателя) не до земли, ино мимо такого-то (имя продавца) не продати“—обыкновеннѣйшая фраза, постоянно встрѣчающаяся въ старинныхъ купчихъ; приведенная извѣстная фраза представляетъ то незначительное видоизмѣненіе, что здѣсь собственникъ земли названъ не по имени, а земцемъ. Такимъ образомъ падаютъ сами собою всѣ ученыя предположенія о земцахъ, которыя строятся на этой фразѣ.

землю и расчистить ее. Захватъ трудомъ—«куда моя рука ходила» *)—вотъ источникъ ихъ правъ на землю. Земля съ трудомъ, въ нее вложеннымъ, представляетъ уже извѣстную цѣнность, которая можетъ быть объектомъ разнообразныхъ сдѣлокъ. Дѣйствительно, земля эта—село—продается, покупается, завѣщается, дѣлится, мѣняется. Однимъ словомъ, земля, село—полная собственность этихъ маленькихъ вотчинниковъ, насколько понятіе о собственности на землю совмѣстно со строемъ правовыхъ представленій того времени. Подобный собственникъ самъ обрабатывалъ свои земли; но никто не могъ помѣшать ему отдать ее половнику, если онъ находилъ это для себя удобнымъ. Надо думать, что между этими земцами и мелкими мѣстными боярами, относительно правъ на землю и способовъ землевладѣнія, не было никакихъ правовыхъ граней. Не хотимъ излишне распространять этого введенія доказательствами, которыя желающій можетъ самъ найти въ указанныхъ «Юридическихъ Актахъ». Своеобразныя же особенности этой формы землевладѣнія будутъ разсмотрѣны ниже, такъ какъ онѣ цѣликомъ и долго еще продолжали существовать въ позднѣйшемъ крестьянскомъ землевладѣніи.

Здѣсь же въ заключеніе повторимъ еще разъ: черные люди Двинской земли были или половники, или земцы, т. е. собственники—оба класса (если можно назвать классомъ группу, не отдѣленную отъ смежной группы никакой правовою гранью), рѣзко отличающіеся отъ того, что мы привыкли связывать съ понятіемъ «крестьянство». Считаемъ необходимымъ подчеркнуть этотъ фактъ, такъ какъ во многихъ ученыхъ работахъ, касающихся исторіи нашего землевладѣнія, витаетъ между историческими фактами тѣнь современнаго крестьянства и производитъ странную сбивчивость и неопредѣленность. Эта предательская тѣнь сбиваетъ даже такой точный, аналитическій умъ, какъ умъ Бѣляева со всею его громадной эрудиціей; нечего и говорить про менѣе вооруженныхъ изслѣдователей **). Между половниками и своеземцами ученый

---

*) „Юридическіе Акты“, № 409, т. III.

**) Бѣляевъ принимаетъ для XIV и XV вѣковъ (и раньше), что крестьяне были трехъ разрядовъ: одни сидѣли на владѣльческихъ, другіе на собственныхъ, третьи на общинныхъ земляхъ. Но онъ былъ слишкомъ знающій и добросовѣстный ученый, чтобы скрыть отъ себя и другихъ, что крестьяне, сидѣвшіе на такъ-называемыхъ имъ общинныхъ земляхъ, наслѣдовали свои земли, отдавали ихъ въ закладъ и продавали, то-есть владѣли на правахъ частной собственности. Съ другой стороны, крестьяне, сидѣвшіе на собственныхъ земляхъ, на то были и крестьяне, чтобы тянуть тягло, а слѣдовательно входить въ какую

непремѣнно хочетъ усмотрѣть настоящаго, заправскаго крестьянина-общинника, такъ хорошо ему знакомаго,—ну, и усматриваетъ его то въ томъ, то въ другомъ темномъ мѣстѣ. Когда же освѣщеніе, гдѣ оно возможно, изгоняетъ призракъ, начинается новая погоня. А между тѣмъ уясненіе процесса, какимъ выросъ настоящій крестьянинъ, подвигается туго.

Московское завоеваніе произвело полный переворотъ въ землевладѣніи Двинской земли. Боярщины, принадлежавшія, какъ было сказано выше, почти исключительно противникамъ Москвы, были конфискованы; земли двинскихъ бояръ также отобраны въ пользу великаго князя. Боярское землевладѣніе было разомъ вырвано съ корнемъ. Боярскіе половники превратились въ крестьянъ великаго князя; въ такихъ же крестьянъ великаго князя превратились и своеземцы, работавшіе на своихъ селахъ. Одинаковое государево тягло съ его данями, службами, кормами и разрубами быстро уровняло обѣ эти группы, слило ихъ въ одинъ классъ—черныхъ, черносошныхъ государевыхъ крестьянъ. «Земля великаго князя, а отцовское и мое посилье».—вотъ формула, въ которой выражается отношеніе этого новаго общественнаго наслоенія къ его землѣ. Но подъ новой оболочкой и подъ давленіемъ налегшаго московскаго тягла бродятъ и формируются старыя представленія и старыя отношенія. Бывшіе своеземцы, которые по необходимости должны были поступиться нѣкоторыми изъ своихъ правъ, все-таки продолжаютъ смотрѣть на землю какъ на свою собственность. Правда, это—собственность условная, это—земля великаго князя, а ихъ только посилье; но вѣдь земля и всегда была ихъ собственностью условно: земля божья да новгородская, а имъ принадлежалъ лишь трудъ, въ нее вложенный. Такимъ образомъ эти новые государевы крестьяне, подчинившись по неволѣ нѣкоторымъ ограниченіямъ, все-таки продолжаютъ распоряжаться землей на правахъ частной собственности. Съ другой стороны, бывшіе боярскіе половники, освободившись отъ бояръ, подъ вліяніемъ господствующихъ представленій, тоже начинаютъ смотрѣть на землю какъ на свою,—тоже, конечно, условную собственность. Впрочемъ, съ половничествомъ еще далеко

нибудь общину (въ административномъ смыслѣ),—не могли же они сидѣть по-одиночкѣ, изолированно и совсѣмъ независимо, на своихъ участкахъ среди дикаго лѣса. Какая же разница между крестьянами, сидѣвшими на общинныхъ земляхъ и на собственныхъ? Очевидно, тутъ какая-то безысходная путаница („Крестьяне на Руси“, стр. 37 и 38).

не было покончено: монастырскіе, церковные, купеческіе и даже крестьянскіе половники еще долго продолжали составлять видную часть сѣвернаго крестьянства.

I.

Начинаемъ нашъ историческій очеркъ сѣвернаго землевладѣнія съ той стороны предмета, которая ближе соприкасается съ интересами современности—съ формы землевладѣнія. Мы надѣемся, при помощи нашего матеріала, освѣтить одинъ уголокъ въ исторіи такого важнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ такого темнаго предмета, какъ наша поземельная община.

Земледѣліе обставлено на архангельскомъ сѣверѣ крайне неблагопріятно. Удобной земли очень мало: несмотря на рѣдкость населенія, теперь приходится на ревизскую душу лишь около $^2/_3$ десятины пахатной земли и $1^1/_3$ десятины луговой и пастбищной. Утренники, утренніе морозы, обязанные своимъ происхожденіемъ лѣснымъ болотамъ, то и дѣло убиваютъ созрѣвающій хлѣбъ: въ менѣе благопріятныхъ мѣстностяхъ, т. е. болѣе сѣверной земледѣльческой полосѣ, на десять лѣтъ считается три года полнаго неурожая, три года посредственнаго урожая и лишь остальные года четыре урожая хорошаго. При такихъ условіяхъ, казалось бы, населенію слѣдовало махнуть рукой на землю и заняться какими-нибудь посторонними, болѣе выгодными, промыслами. И дѣйствительно, мѣстное населеніе очень рано обратилось къ эксплуатаціи различныхъ естественныхъ богатствъ края. Но въ то же время оно не бросило землю, а всегда держалось за нее съ большою настойчивостью, можно сказать—цѣплялось за свою неблагодарную землю. Даже по берегамъ моря всюду занимались и занимаются хлѣбопашествомъ, гдѣ оно только возможно.

Объясненіе этому очень простое. Населеніе края было пришлое, съ сложившимися уже привычками и потребностями земледѣльческаго населенія. Разсчитывать же на обмѣнъ, на своевременный подвозъ земледѣльческихъ продуктовъ изъ болѣе хлѣбородныхъ мѣстностей—дѣло рискованное даже теперь, не то что триста-четыреста лѣтъ тому назадъ. Поэтому земля и все къ ней относящееся были всегда такъ же близки сердцу архангельскаго крестьянина, какъ и любаго обитателя черноземной полосы.

Удобныя земли лежатъ исключительно по берегамъ рѣкъ. Внизу у рѣки тянется полоса луговая; выше — на «горѣ», на

понатой береговой террасѣ—расположены деревни и пашни; тотчасъ же за узкою полосой камень тянется волокъ, непроглядный безконечный лѣсъ, съ непроходимыми тундряными болотами. Прирѣчныя пожни съ лѣсными притеребами даютъ довольно значительное, относительно запашекъ, количество сѣна. Оттого скотоводство достаточно развито, чтобъ удовлетворять нуждамъ земледѣлія.

Недостатокъ земли и желаніе выжать изъ нея по возможности больше побуждаютъ архангельское крестьянство къ очень интенсивной—относительно—системѣ хозяйства. Обыкновенное трехпольное или двухпольное крестьянское хозяйство тамъ осложняется слѣдующимъ. На полѣ, выбранномъ подальше отъ болотъ, убивающихъ хлѣбъ своими холодными испареніями, и отъ лѣса, мѣшающаго своею тѣнью, поближе къ рѣкѣ, сѣютъ ячмень столько лѣтъ кряду, сколько позволяетъ запасъ удобренія и пока не одолѣютъ сорныя травы, для истребленія которыхъ употребляется уже паровая обработка. Послѣ пару сѣется или рожь, или ячмень, сначала безъ удобренія, а второй хлѣбъ уже опять съ удобреніемъ—и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока снова не одолѣютъ сорныя травы. Такимъ образомъ на одномъ и томъ же полѣ ячмень сѣется лѣтъ десять и больше сряду, давая порядочный урожай. Удобреніе какъ этихъ полей, такъ и входящихъ въ сѣвооборотъ, насколько позволяютъ средства, дѣлается старательно: кромѣ навоза крестьяне употребляютъ удобреніе торфяное, добываемое изъ болотъ. Въ удобныхъ мѣстахъ крестьяне находятъ подспорье своему хозяйству въ росчистяхъ, въ новинахъ. Вырубивъ лѣсъ, они выкорчевываютъ пни и зажигаютъ вмѣстѣ съ вѣтвями. Когда все перегоритъ, земля перемѣшивается съ пепломъ и, приготовленная такимъ образомъ, оставляется на зиму. Три-четыре года такое поле даетъ хорошій урожай (преимущественно ржи) почти безъ удобренія. Затѣмъ оно обрабатывается хозяиномъ обыкновеннымъ способомъ и черезъ сорокъ лѣтъ переходитъ въ общинное пользованіе. Но росчисти, подсѣки, есть лишь, какъ сказано, подспорье въ земледѣльческомъ хозяйствѣ сѣвернаго крестьянина; подсѣчное же хозяйство господствуетъ лишь въ Корелѣ, которая отличается по своимъ физическимъ условіямъ отъ остальной земледѣльческой части Архангельской губерніи *). Системой хозяйства обусловливается

*) Съ подсѣчнымъ корельскимъ хозяйствомъ наша читающая публика хорошо знакома по извѣстной статьѣ Лялоша (*Отечеств. Зап.* 1874 г., № 2).

сильное преобладаніе яровыхъ посѣвовъ надъ озимыми: ячмень есть господствующій хлѣбъ и его сѣется всегда отъ 2 (въ южныхъ уѣздахъ губерніи) до 12 (въ сѣверныхъ) разъ больше, чѣмъ ржи.

Если и теперь, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ борьбы съ суровою природой, при страстномъ стремленіи крестьянства къ тому, чтобы сдѣлать землю основой своего хозяйства, сѣверному крестьянину удалось такъ мало отвоевать у своихъ исконныхъ враговъ—лѣса и тундры, то, конечно, его земледѣльческое хозяйство триста-четыреста лѣтъ тому назадъ было еще миніатюрнѣе. Но, за невозможностью—или по крайней мѣрѣ большею затруднительностью—распространять свое хозяйство въ ширь, крестьянинъ рано началъ прибѣгать къ интенсивной культурѣ. Уже въ XVI и XVII-мъ вѣкахъ мы видимъ трехпольную систему съ озимыми посѣвами ржи *), съ двойною пахотой, съ унавоживаніемъ **), съ плугомъ, который въ актахъ сначала упоминается одинъ, потомъ вмѣстѣ съ сохой и, наконецъ, уступаетъ мѣсто сохѣ. Конечно, надо думать, что новины тогда составляли большій процентъ къ старой пашнѣ, чѣмъ теперь, и яровые посѣвы еще сильнѣе преобладали надъ озимыми. Но разъ установленъ фактъ существованія зерновой системы хозяйства, уже не можетъ быть рѣчи о томъ полуосѣдломъ, полукочевомъ хозяйствѣ, которое нѣкоторые изслѣдователи приписываютъ сѣверному крестьянину чуть не до нашихъ дней. Указываемъ на эту сторону предмета, такъ какъ форма землевладѣнія, составляя продуктъ массы условій, ближе всего связана съ системой хозяйства: лядинное хозяйство чистаго типа и хозяйство съ правильнымъ сѣвооборотомъ, паромъ и удобреніемъ—требуютъ совсѣмъ различныхъ приспособленій, которыя не могутъ не отразиться самымъ существеннымъ образомъ на общественной организаціи труда.

Слѣдуя за удобными землями, населеніе нашего крайняго сѣвера расположилось почти исключительно по берегамъ большихъ рѣкъ и ихъ притоковъ. Общій видъ населенныхъ мѣстъ живо переноситъ насъ въ эпоху писцовыхъ книгъ. Передъ вами поселеніе, которое зовется на оффиціальномъ языкѣ селомъ. Но вы

Дѣлаемъ это замѣчаніе потому, что статья эта ввела въ нѣкоторое недоразумѣніе, подавъ поводъ думать, что чистый типъ подсѣчнаго хозяйства существуетъ и у русскаго населенія сѣвера.

*) *Крестининъ:* „Историческій опытъ о сельскомъ домостроительствѣ“. Спб. 1785 г., стр. 53.

**) Порядная 1622 г.

рѣшительно не видите передъ собой никакого села въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Вотъ тѣсная кучка изъ пяти-шести дворовъ, т. е. пяти-шести очень большихъ, часто двухъэтажныхъ, избъ, съ разкиданными какъ попало амбарами и банями, гумнами и овинами, безъ всякой усадьбы, безъ надворныхъ строеній, даже безъ огорожи: кругомъ поля. За полями виднѣется новая кучка съ безпорядочно стѣснившимися постройками, а тамъ еще и еще. Каждая кучка составляетъ деревню, или околодокъ, имѣющій свое особое названіе. Вотъ, напр., Пингишенское село Холмогорскаго уѣзда. Та его деревня, въ которой церковь, называется погостомъ и заключаетъ въ себѣ семь дворовъ, изъ которыхъ три двора принадлежатъ духовенству. Близко отъ погоста другая деревня съ одиннадцатью дворами: нижній ея конецъ носитъ особое названіе,—слѣдовательно, недавно составлялъ особую деревню. Въ полуверстѣ отъ погоста третья деревня, въ полуторa верстахъ, за рѣкою, четвертая, въ трехъ съ половиною верстахъ пятая съ четырнадцатью дворами. Въ верстѣ отъ пятой еще двѣ деревни по пяти дворовъ въ каждой. Двѣ деревни за озеромъ; тамъ же починокъ — одинъ дворъ и т. д. Всего-на-все девятнадцать деревень, которыя отдѣлены другъ отъ друга не только полями, но рѣками и озерами. Все это на оффиціальномъ языкѣ называется селомъ, а на крестьянскомъ — волостью. Встрѣтитъ житель средней Россіи въ какомъ-нибудь описаніи сѣвера, положимъ, названіе селенія Пустозерска: ему никакъ въ голову не придетъ, что селеніе Пустозерскъ есть не что иное, какъ семнадцать маленькихъ деревень, раскинутыхъ на цѣлой сотнѣ верстъ. Правда, въ Архангельской губерніи попадаются кое-гдѣ и сплошныя линіи избъ въ родѣ настоящаго русскаго села, и чаще тамъ, гдѣ лѣсъ совсѣмъ припёръ населеніе къ берегу рѣки, или по берегу моря. Но и тамъ дѣленіе на околодки, на концы съ особыми названіями отчетливо показываетъ, что это село образовалось изъ сліянія отдѣльныхъ деревень, сохранившихъ еще воспоминаніе своей особности. Даже старинные двинскіе города, напр. Холмогоры, выросли изъ такихъ же деревень *).

Итакъ, Архангельская губернія есть губернія по преимуществу деревенская, а въ переносномъ смыслѣ этого слова какъ губернія исключительно крестьянская,—и дѣйствительно, она сохранила въ наибольшей чистотѣ характеръ старой деревенской Руси,

---

*) *Крестининъ*: „Историческіе начатки о двинскомъ народѣ". Спб. 1784 г., стр. 10 и 11.

какую рисують намъ писцовыя и переписныя книги Новгородской области. Только на сѣверѣ сохранилась еще возможность уясненія того, что такое деревня — эта основная наша соціальная клѣточка, безъ пониманія которой не можетъ быть пониманія исторіи ни нашей земли, ни нашей общины, ни нашего крестьянства.

Можетъ-быть мнѣ слѣдовало бы здѣсь представить доказательства того исключительнаго значенія, какое я приписываю деревнѣ, но я боюсь, что доказательства пока будутъ казаться голословными. Поэтому предпочитаю прямо приступить къ сущности предмета.

Въ двинскихъ актахъ новгородскаго періода, относящихся до земли (значительное большинство ихъ именно и относится къ землѣ) совсѣмъ не встрѣчается слова «деревня». Оно всюду замѣняется словомъ село. Съ водвореніемъ московскаго владычества водворяется въ языкѣ актовъ «деревня», совершенно вытѣсняя собою новгородское «село». Что эти два слова дѣйствительно замѣняютъ другъ друга, что ихъ содержаніе тожественно, въ этомъ легко убѣдиться, — стоитъ прочесть повнимательнѣе и сравнить соотвѣтствующія мѣста нѣсколькихъ актовъ того и другаго періода: «Се купи такой-то у такого-то село земли Фофановское дворъ и дворище орамые земли и съ притеребы (съ росчистями) и пожни съ притеребы и путики того села и перевѣсища того села и полѣшіи лѣсы и бобровые ловища со всѣми угодьи...» «Се купи такой-то у такого-то три села, дворы и дворища орамые земли тѣхъ селъ по старымъ межамъ и съ притеребы и пожни тихъ селъ и ловища тихъ селъ и хмелники тихъ селъ...» *). А вотъ мѣста изъ двинскихъ актовъ московскаго періода: «Се язъ такой-то отступился есми земли... Водниковской деревни дворъ и дворище горныя земли орамые и луговые земли и пожни и съ перелоги и съ закраинами и съ новоросчищенными землями съ лѣшими ловищи и съ водяными и со всѣми угодьи, что къ той деревни изстарь потягло...» **). «А обѣ тѣ есия деревни продали (о дворахъ было сказано выше) съ орамыми землями и съ наволоцкими и съ пожнями и съ лѣсными покосы... съ лѣшими ухожеи и съ водяными ловищи и со всѣми угодьи тѣхъ деревень...» ***). Въ «Юридическихъ Актахъ» въ

*) „Юридическіе Акты", № 71, VI, X.

**) Изъ нашего собранія актовъ купчая 1551 г.

***) „Юрид. Акты", № 86.

изложенія спорнаго дѣла *) о владѣніи полудеревней Борисовской помѣщенъ актъ новгородскаго періода, гдѣ та же полудеревня Борисовская названа полуселомъ. Можно было бы представить кое-какія соображенія, поясняющія это внезапное исчезновеніе одного слова и замѣну его другимъ. Но для насъ пока эта сторона дѣла не представляетъ интереса. Тѣмъ интереснѣе другая, которую и формулируемъ: въ языкѣ сѣверныхъ актовъ слова *село* и *деревня* служатъ для обозначенія одного и того же понятія.

Изъ приведенныхъ выписокъ уже видно отчасти, что село, или деревня, есть какая-то законченная, довлѣющая самое себѣ земельная единица: во главѣ ея стоитъ дворъ, къ которому тяготѣютъ пахатныя и луговыя земли, лѣсныя, водяныя и прочія угодья. Мало того, вчитываясь въ тѣ мѣста сѣвернорусскихъ памятниковъ, гдѣ идетъ рѣчь о землѣ, какъ объектѣ частнаго права, вы замѣчаете, что тамъ собственно дѣло идетъ совсѣмъ не о землѣ въ нашемъ смыслѣ слова, т. е. части земной поверхности, произвольно взятой и допускающей точное цифровое выраженіе, а всегда о землѣ, заключенной въ предѣлахъ той единицы, которую акты называютъ селомъ, или деревней. «А кому будетъ о землѣ дѣло, о селѣ или о дву, или болши или менши, ино ему до суда» и т. д., говоритъ новгородская судная грамота **). Очевидно, новгородская юстиція знаетъ только село или два или больше, т. е. нѣсколько селъ, или меньше, т. е. $^1/_2$, $^1/_3$ и т. д. села; никакого иного понятія о землѣ, какъ правовомъ объектѣ, не вмѣщающагося въ опредѣленіе села, она не имѣетъ. «А другъ у друга межу переоретъ или перекоситъ на одиномъ полѣ (т. е. полѣ одного села) вины боранъ, а межы селъ межа тридцать бѣлъ» — вотъ судебныя опредѣленія о землѣ уставной двинской грамоты Василія Дмитріевича ***). Правда, между значительнымъ большинствомъ новгородскихъ и двинскихъ актовъ, гдѣ земля фигурируетъ лишь въ видѣ села, встрѣчаются и такіе, гдѣ идетъ дѣло объ отдѣльномъ полѣ или пожнѣ (сѣнокосѣ). Но тотъ фактъ, что поле или пожня являются въ актѣ обособленно, совсѣмъ не значитъ, чтобъ они и на самомъ дѣлѣ не входили въ какое-нибудь село, какъ его составная часть, — ниже читатель найдетъ тому доказательства.

*) „Юрид. Акты", № 19.

**) „Акты Археограф. Экспедиціи", т. I, № 92.

***) Тамъ же, т. I, № 13.

Чѣмъ опредѣлялся объемъ этой единицы, что составляло силу, сплачивающую ея составныя части около центра—двора?

Документы даютъ на это совершенно опредѣленный отвѣтъ. «А ловища и пожни и страдомыя земли и лѣсъ, а то къ тымъ селамъ по старинѣ, *изъ котораго села которыи мѣста дѣлали*» *): «Изъ которыхъ мѣстъ куда топоръ, коса и соха ходила», «куда рука ходила», а позже: «что къ той деревни изстари потягло»—вотъ единственный опредѣлитель района тяготѣнія того или другаго села, или деревни. Правда, соха и коса, если не топоръ, одного села могли врѣзаться въ заводь другаго села, но на то было обычное право, примирявшее сталкивающіеся интересы, въ крайнемъ случаѣ судъ. Затѣмъ, тотъ, кто притянулъ кусокъ дикой земли къ селу, считалъ себя естественно въ полномъ правѣ распорядиться этою землей, напр. «припустить» ее (посредствомъ продажи, залога или другаго какого-нибудь акта отчужденія) къ другому селу. Но это не мѣшало помнить, что такая-то земля должна тяготѣть къ такому-то селу и она путемъ выкупа всегда могла быть притянута обратно. «Прикупныя земли» всегда упоминаются особо въ отличіе ихъ отъ земель, естественно тяготѣющихъ къ селу, или деревнѣ.

Значитъ, село или деревня, что для сѣвера едино, есть обособленная земельная единица, въ центрѣ которой стоитъ дворъ, или небольшая сумма дворовъ (эта прибавка къ опредѣленію будетъ оправдана ниже), къ которымъ тяготѣетъ извѣстная совокупность земельныхъ угодій, притянутая къ этому центру трудовымъ захватомъ. Связь этихъ клѣточекъ (деревень) властью ли боярина, какъ было въ новгородскій періодъ, государственнымъ ли тягломъ—въ московскій, была связью внѣшней. Мы, конечно, не хотимъ сказать, что между этими клѣточками не было никакой внутренней связи,—совсѣмъ напротивъ: такая связь была не только тягловая, но и нравственная, и очень крѣпкая. Не хотимъ даже сказать, что между ними не было никакихъ поземельныхъ отношеній. Были и таковыя, но не того характера, какой имъ склонны приписывать теперь люди, вникающіе въ эти вопросы. Объяснимся.

Не только ученымъ спеціалистамъ, но и образованной части нашего общества извѣстна нѣмецко-мауреровская теорія происс-

*) „Акты Юридическіе", № 260, т. I.

**) Тамъ же, № 71, IX. Въ нашихъ актахъ, напримѣръ, порядная 1579 г.

хожденія и развитія поземельной общины. Въ основаніи ея лежитъ фактъ захвата земли родомъ, или племенемъ; исходнымъ пунктомъ поземельной организаціи и служитъ именно родовая, или племенная марка. Не будемъ излагать этой теоріи, предполагая ее извѣстной читателю хоть въ общихъ чертахъ. Она не только извѣстна, но и примѣняется къ объясненію соотвѣтствующихъ нашихъ русскихъ историческихъ явленій; между прочимъ, такое примѣненіе этой теоріи къ исторіи сѣверной общины сдѣлалъ и г. Соколовскій. Но намъ кажется такое примѣненіе не совсѣмъ основательнымъ. Не то, чтобы мы имѣли что-нибудь противъ теоріи Маурера: авторъ ея такъ хорошо вооруженъ, что съ слабымъ арсеналомъ остается принять его выводы на вѣру. Охотно допускаемъ также, что его теорія имѣетъ значеніе не для одного германскаго племени, но съ необходимыми поправками и для другихъ арійскихъ народовъ, въ томъ числѣ и для славянъ, включая и русскихъ славянъ. Но вѣдь нельзя опускать изъ виду одно маленькое словечко—«когда». Мауреръ можетъ говорить о германской общинѣ временъ Юлія цезаря и Тацита и какой-нибудь X вѣкъ для него уже эпоха позднѣйшая; наши же самые ранніе факты относятся къ XI и XII вѣкамъ—разница не малая. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что русское славянство, колонизовавшее финскій сѣверъ, очень отличалось отъ германцевъ I-го вѣка, какъ и сами германцы X вѣка отличались отъ германцевъ I-го вѣка; во всякомъ случаѣ вѣрно то, что процессъ этой полуколонизаціи, полу-завоеванія очень отличался отъ завоевательнаго движенія германскихъ племенъ по развалинамъ Римской имперіи. Финскій сѣверъ завоевывался вольными дружинами, а колонизовался семейными союзами, соотвѣтствующими сербской задругѣ, а ужь никакъ не германскому роду. Отсюда выходитъ, что я a-priori нѣтъ никакой необходимости предполагать исходнымъ пунктомъ поземельной организаціи нашего сѣвера большую единицу въ родѣ германской родовой марки или нашей волости, какъ принимаетъ г. Соколовскій. А когда обращаемся къ фактамъ, то видимъ слѣдующее. У насъ въ рукахъ сотни актовъ, которые не только свидѣтельствуютъ о существованіи деревни, какъ обособленной поземельной единицы, но даютъ очень детальное представленіе объ ея организаціи, и ни одного акта, который указалъ бы на существованіе болѣе обширной поземельной единицы—волости. Я говорю о точныхъ указаніяхъ, которыя не допускали бы двусмысленныхъ толкованій. Намековъ же, которые при же-

ланіи можно объяснить въ пользу поземельнаго значенія волости, встрѣчается много и въ нашихъ актахъ, какъ и въ печатныхъ; но вѣдь ихъ совершенно удовлетворительно можно объяснить и административнымъ, тягловымъ значеніемъ волости. Къ тому же значеніе это не было только административнымъ и тягловымъ,— оно обхватывало разнообразныя сферы нравственныхъ потребностей обитателей деревень, связанныхъ въ волость, какъ это мы надѣемся доказать въ своемъ мѣстѣ. Поэтому не мудрено, что волость, и не составляя сама поземельной единицы, могла являться представительницей даже земельныхъ интересовъ своихъ составныхъ частей. «Тягался Андрейко староста залѣсскій и всѣ крестьяне залѣсскіе со старцомъ Касьяномъ. Такъ рекъ Андрейко: жалоба ми, господине, на того Касьяна, отнялъ, господине, у насъ тѣ наволоки овсянниковскіе земли...» Этотъ отрывокъ приводитъ, между прочимъ, г. Соколовскій въ доказательство поземельнаго значенія волости. Но обратите вниманіе на то, что залѣсскіе крестьяне тягаются объ овсянниковскихъ земляхъ, т.-е., по нашему мнѣнію, земляхъ Овсянниковской деревни, и доказательство теряетъ свою силу. Волость называетъ деревни и починки своими—дальнѣйшія доказательства г. Соколовскаго: конечно, онъ можетъ это дѣлать и не имѣя никакого поземельнаго значенія. Волость мѣняетъ пустыя деревни, отдаетъ ихъ желающимъ и т. п.—все это легко объясняется ея тягловымъ характеромъ. Г. Соколовскій утверждаетъ, что въ нераздѣльномъ пользованіи волости-марки были какія-то земли, упоминая, впрочемъ, только лѣса. Не можемъ съ этимъ согласиться. «Лѣсные крестьяне,—говоритъ г. Остроумовъ, въ извѣстной корреспонденціи изъ Устюжскаго уѣзда Вологодской губ., на которую ссылается и г. Соколовскій,—разсуждаютъ такъ: мѣста для занятія много, слѣдовательно, кому гдѣ любо, тамъ тотъ и работай; а потому и не удивительно, что иной крестьянинъ заберется въ такія дебри лѣсныя, куда рѣдко проникаетъ духъ человѣческій, и тамъ рубитъ новину или расчищаетъ сѣнокосъ, а другой старается найти мѣсто для занятія гдѣ-нибудь поближе къ жилью человѣческому. Землю считаютъ просто-на-просто Божіей», т.-е., конечно, землю пустую, дикую. Вотъ характеръ поземельныхъ отношеній, который еще сохранился на лѣсномъ сѣверѣ, упорно выдерживая напоръ всѣхъ противодѣйствующихъ вліяній. Можно ли тутъ предполагать какіе-нибудь волостные лѣса да еще въ XVI—XVII вѣкахъ? О других волостныхъ нераздѣльныхъ угодь-

яхъ не говоримъ, такъ какъ г. Соколовскій не называетъ ихъ. Еслибы г. Соколовскій былъ уроженцемъ сѣвера и видѣлъ, какъ крестьянство пускаетъ свой скотъ, безъ всякаго присмотра, бродить гдѣ ему вздумается, причемъ хозяинъ не только не видитъ, а часто и не слышитъ цѣлое лѣто ничего про своихъ лошадей, которые заходятъ свободно за 20—30 верстъ и болѣе, не возбуждая и отдаленной мысли о какихъ-нибудь междуволостныхъ претензіяхъ,—еслибъ онъ свыкся со строемъ міровоззрѣнія, порождающаго такія отношенія, то ему, конечно, не пришло бы и въ голову придавать такое значеніе волостной маркѣ. Въ доказательство недавняго существованія волостной общины г. Соколовскій приводитъ остатки ея, сохранившіяся на окраинахъ въ видѣ уральской казачьей общины и донской. Мы сами можемъ указать разнообразные факты этого рода. Въ «Юридическихъ Актахъ» есть кое-что, напримѣръ—купчая 1577 года, по которой продается въ монастырь четверть луки въ Умбской волости (на Терскомъ берегу) «промежъ умбскими жильцами, промежъ волощины»—очевидно, владѣніе волостное *). Между пустозерами, ижемцами и устьцылемами, раскинутыми на сотняхъ верстъ по Печерѣ, существовала какая-то организація, о которой свидѣтельствуетъ полюбовная запись (конца XVII вѣка) «съ великими заставами», касающаяся Болванской губы съ ея рѣчками и угодьями, «чтобъ имъ о той губѣ и о рѣчкахъ и о тяглахъ другъ на друга ни въ чемъ челомъ не бить» **). Сюда же относятся организаціи разныхъ рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ, которыми такъ богатъ сѣверъ, наприм. устьинскихъ ***) и т. д. Всѣми этими и подобными фактами, относящимися къ мѣстностямъ, гдѣ промыслы занимаютъ первое мѣсто, можно пользоваться для уясненія особенностей народнаго творчества въ сферѣ общественныхъ формъ, можно ими, можетъ-быть, и объяснять извѣстныя стороны поземельной общины, но доказывать посредствомъ ихъ существованіе волостной поземельной общины—едва ли. Разныя условія, разныя сферы приложенія труда вызываютъ и разные типы его организаціи: это болѣе чѣмъ понятно, это — необходимо. Промысловое угодье не то, что пашня, эксплуатація воды не то, что эксплуатація земли,—разница въ способахъ эксплуатаціи ведетъ за собой и разницу въ формахъ владѣнія.

*) „Юрид. Акты", № 88.

**) *Арханг. Губерн. Вѣдомости* 1838 г., № 21.

***) „Сборникъ матер. объ артеляхъ въ Россіи".

Чтобы не подать повода къ недоразумѣніямъ, формулируемъ нашъ взглядъ. Не отрицая существованія у русскихъ славянъ во времена оны большой поземельной единицы въ родѣ той, какую г. Соколовскій называетъ волостью, или германской родовой марки (такою единицей была вервь),—мы думаемъ, что ее никогда не было на сѣверѣ: разрушившійся родъ едва ли могъ перенести ее искуственно, и во всякомъ случаѣ факты не даютъ ясныхъ свидѣтельствъ въ пользу ея существованія. Но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя стороны этой старой родовой поземельной единицы продолжали существовать въ сѣверной верви-волости, напоминая о ея старомъ поземельномъ характерѣ.

Всѣмъ изложеннымъ выше мы не хотимъ сказать, что между отдѣльными селами, или деревнями, безусловно не было никакихъ поземельныхъ отношеній,—напротивъ, акты показываютъ, что у нихъ бывали общія земли, причемъ совершенно отчетливо можно объяснить и происхожденіе такихъ земель. Не будемъ утверждать, что въ томъ или другомъ частномъ случаѣ не нашлось бы какихъ-нибудь земель въ общемъ владѣніи волости. Жизнь—не теорія, и народное соціальное творчество прихотливо, какъ всякое другое. Только намъ кажется, что ни печатные акты, которыми пользовался г. Соколовскій и другіе изслѣдователи, ни рукописные, находящіеся въ нашихъ рукахъ, не даютъ права заключать, что на сѣверѣ существовала во времена, отъ которыхъ дошли до насъ письменныя свидѣтельства, большая поземельная единица. Можетъ-быть откроются новые факты, тогда—дѣло другое. Теперь же съ тѣмъ матеріаломъ, какой есть, нельзя представить себѣ поземельнаго строя старой сѣверной Руси иначе, какъ въ такомъ видѣ: посреди дикой, вольной Божіей земли, государевой — de jure, ничьей — de facto, разсѣяны маленькія самостоятельныя поземельныя клѣточки, состоящія изъ двора или нѣсколькихъ и притянутой трудовымъ захватомъ земли и разныхъ угодій.

Уже давно ученые догадывались, напримѣръ—Лешковъ, что суть поземельной организаціи старой Руси заключалась въ деревнѣ *); оно и немудрено, если имѣть передъ глазами писцовыя и переписныя книги. Г. Соколовскому принадлежитъ честь отчетливой формулировки этой догадки. Но съ однѣми писцовыми и переписными книгами не только нельзя было понять сущ

*) *Лешковъ*: „Русскій народъ и государство".

ности деревенской организаціи, нельзя было даже доказать, что такая организація дѣйствительно была и что деревня не есть механическій поземельный аггрегатъ: только предвзятая идея можетъ придать рѣшающее значеніе хотя бы доводамъ, сгруппированнымъ г. Соколовскимъ въ пользу существованія деревенской общины *). Мы считаемъ себя очень счастливыми, что можемъ, при помощи нашего матеріала, показать съ непреложной очевидностью, въ чемъ заключалась сущность поземельнаго деревенскаго устройства: не будучи общиннымъ въ строгомъ смыслѣ слова, оно тѣмъ менѣе было подворно-участковымъ, представляя изъ себя своеобразную форму, изъ которой могла развиться позднѣйшая община. Для разъясненія этой стороны мы обладаемъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, не допускающимъ никакихъ сомнѣній, ни двусмысленныхъ толкованій: матеріалъ этотъ — веревныя книги. Веревныя книги писались самими крестьянами съ цѣлью распредѣлить податныя тягости между собой. За единицу обложенія ими принималась не деревня, какъ въ писцовыхъ, а дворъ: поэтому мы имѣемъ въ веревныхъ самое точное описаніе земли каждаго двора, причемъ цѣлыя деревни являются передъ нами какъ на ладони, съ наглядностью, почти допускающею перенесеніе его на планъ.

---

*) Вотъ доводы г. Соколовскаго: 1) „Припущеніе“ одной деревни къ другой, которое нерѣдко встрѣчается въ писцовыхъ книгахъ. Доводъ совершенно неубѣдительный. Какимъ образомъ припущеніе, т. е. присоединеніе куска оторваннаго отъ одной земельной единицы къ другой, или соединеніе двухъ такихъ единицъ — случай, указываемый г. Соколовскимъ по писцовымъ книгамъ — могло что-нибудь рѣшить относительно внутренней организаціи этихъ единицъ? „Припущеніе“ писцами одной маленькой деревни къ другой, большей, имѣло значеніе только для обложенія, и никакого другого, иначе пришлось бы приписать писцамъ силу творить новыя общины: соединеніе двухъ поземельныхъ общинъ въ одну (не для обложенія только, а реально) предполагаетъ процессъ полнаго органическаго ихъ пересозданія. 2) Только при деревенской общинѣ возможно было существованіе, кромѣ полей, обрабатываемыхъ лично, еще и полей, обрабатываемыхъ сообща всѣми жителями деревни, какъ это встрѣчается, напр., въ писцовой книгѣ Дмитровскаго уѣзда. Почему только при общинѣ, совершенно на видно. При полномъ господствѣ подворно-участковаго владѣнія это такъ же возможно, какъ и при общинности. Когда деревенская организація на сѣверѣ уже почти совсѣмъ разрушилась и водворилось подворно-участковое владѣніе, всегда были вопчихи, какъ читатель увидитъ ниже. 3) Самое же убѣдительное доказательство, по мнѣнію г. Соколовскаго, существованія деревенской общины—это отсутствіе неравенства подворныхъ участковъ: разница между участками не бываетъ больше чѣмъ вдвое и рѣдко втрое. Къ удивленію, г. Соколовскій самъ разбиваетъ силу своего довода: „да и какъ могло быть иначе при одинаковости потребностей и однообразіи средствъ хозяйства?“—совершенно справедливо замѣчаетъ онъ. Вотъ и все.

Возьмемъ веревную 1612 года Паниловской волости, для которой у насъ есть кстати и выписка изъ писцовой почти того же времени. Волость эта расположена верстахъ въ двадцати отъ Холмогоръ вверхъ по Двинѣ. Мы лично знаемъ эти мѣста: они, видимо, мало измѣнили свой видъ со времени писцовыхъ и веревныхъ книгъ: тѣ же маленькія деревеньки и съ тѣми же названіями; нѣкоторыя изъ нихъ разрослись и слились въ одну большую деревню, другія—почти тѣхъ же самыхъ размѣровъ и теперь, какъ во времена знаменитаго двинскаго мисца Мирона Вельяминова. На пустынномъ правомъ берегу Двины, на живописномъ мысу, врѣзавшемся въ рѣку, окруженный лѣсомъ стоитъ уединенный погостъ — церковь, покровительница мимо плывущихъ судовъ и плотовъ, которые, по веснѣ, немилосердно крутитъ и бьетъ въ знаменитомъ Орлецкомъ водоворотѣ, — и два-три церковническихъ двора; кругомъ дичь и безлюдье, точно это въ самомъ дѣлѣ погостъ какой-нибудь новгородской пятины. Ближайшая деревня въ двухъ верстахъ. На лѣвомъ берегу Двины—другая; въ четырехъ верстахъ отъ этой другой—третья и т. д. Все точно такъ, какъ и въ писцовой. Въ 1623—24 году, къ которому относится писцовая, въ Паниловской волости было, кромѣ погоста, семь деревень съ 22 крестьянскими дворами *). Распредѣленіе дворовъ по деревнямъ движется между 1 и 5, пахатной земли—середней, худой и съ перелогомъ—между 12 четвертей 3 четвериковъ и 63 четвертей въ трехъ поляхъ, сѣна—между 5 и 25 копнами; вытей—между $^{5}/_{14}$ и $1^{1}/_{32}$. Въ распредѣленіи земли между деревнями нельзя усмотрѣть никакой правильности, никакого соотвѣтствія ни съ числомъ дворовъ, ни съ числомъ людей въ нихъ **). Да такого соотвѣтствія нечего и искать, какъ читатель увидитъ ниже.

Веревныя, какъ мы уже сказали, пишутъ землю по дворамъ, только по дворамъ подводятъ и итоги, выражая землю каждаго домохозяина въ вервяхъ и веревныхъ саженяхъ (вервь—64 веревныхъ сажени, веревная сажень—около 250 кв. саженъ. Подробно объ этомъ—ниже). Но если подвести итоги по деревнямъ, то замѣтимъ то же отсутствіе всякаго соотвѣтствія, о которомъ только-что сказано. Одна деревня въ два двора имѣетъ 2 верви 17 саж. (веревныхъ), другая въ 4 двора имѣетъ 16 вервей 2 саж.

*) Теперь въ тѣхъ же деревняхъ 60 дворовъ.

**) Вотъ въ какомъ видѣ представляется Паниловская волость по писцовой 1623 года:

и т. д. Теперь разсмотримъ, чѣмъ представляется деревня по веревнымъ книгамъ.

Беремъ дворъ любого домохозяина и читаемъ описаніе его земли. Прежде всего васъ поражаетъ масса отдѣльныхъ кусковъ, составляющихъ владѣніе одного домохозяина. Вы насчитываете двадцать-тридцать кусковъ, часто очень миніатюрныхъ: одна, двѣ сажени, встрѣчается и меньше сажени—и всякій такой клочокъ носитъ особое названіе: подъоконнее полце, баннее полце, полоска отъ ельника, пожня каменка, лужокъ за копанцемъ, горняя новинка и т. д. и т. д.—тянутся вереницей, на первый взглядъ безсмысленной и потому утомительной. Но, вчитываясь, вы начинаете замѣчать извѣстный порядокъ: сначала перечисляются земли пахатныя, затѣмъ пожни и, наконецъ, новины. Всматриваясь далѣе, вы замѣчаете, что кусочки пахатной земли тоже группируются въ извѣстномъ порядкѣ: можно замѣтить двѣ или три «перемѣны» (веревныя иногда употребляютъ это слово, но не всегда), т. е. теперешнія смѣны, въ соотвѣтствіи съ двухъили трехпольною системой хозяйства. Суммы кусковъ, составляющихъ «перемѣны», приблизительно равны и самые куски, какъ и слѣдуетъ ожидать, лежатъ въ одномъ мѣстѣ.

Переходя къ перечисленію земли другого двора той же деревни, вы замѣчаете то же самое число кусковъ, тѣ же ихъ названія и ту же послѣдовательность въ расположеніи; то же самое для третьяго и для всѣхъ дворовъ деревни.

Деревни.	Дворовъ.	Людей.	Пашни четей (въ 3 поляхъ)	Перелогу, льдомъ содрало, пескомъ засыпало, водой смыло.	Сѣна копенъ.	Вытей въ живущ.	Вытей впустѣ.	Всего на дворъ вытей въ живущемъ.
1. Верхняя Товра.	3	9	25	$22^1/_2$	12	$^{13}/_{24}$	$^{11}/_{32}$	$^{14}/_{96}$
2. Средняя Товра.	4	6	$33^3/_8$	21	20	$^{23}/_{32}$	$^{9}/_{32}$	$^{17}/_{96}$
3. Новинская.	1	2	$9^3/_8$	6	5	$^{7}/_{32}$	$^{5}/_{16}$	$^{21}/_{96}$
4. Вороновская (безъ полутр.)	2	6	$16^1/_4$	$19^1/_2$	20	$^{28}/_{96}$	$^{9}/_{32}$	$^{11}/_{96}$
5. Деревенька	3	4	$14^1/_2$	27	10	$^{5}/_{16}$	$^{13}/_{24}$	$^{10}/_{96}$
6. Городишная.	4	6	$25^3/_4$	$25^1/_2$	20	$^{7}/_{12}$	$^{9}/_{32}$	$^{14}/_{96}$
7. Власьевская.	5	12	$46^1/_2$	$22^1/_2$	25	$1^1/_{32}$	$^{11}/_{32}$	$^{20}/_{96}$
Итого.	22	45	$140^3/_4$	144	112	$3^{34}/_{48}$	$2^{37}/_{96}$	—
Среднее . . .	3,1	6,4	20	20,5	16	0,5	0,3	—

Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что деревня была одно поземельное цѣлое. Пашня ея была разбита на смѣны, а смѣны на поля, или коны, причемъ каждый дворъ деревни имѣлъ участокъ непремѣнно въ каждомъ кону каждой смѣны. Точно также каждый дворъ имѣлъ участокъ въ каждой пожнѣ, въ каждомъ переложкѣ, въ каждой закраинѣ (края полей, оставляемые подъ траву). Даже разныя запольныя польца, росчисти, новины, не входившие въ сѣвооборотъ, обыкновенно находились въ такомъ совмѣстномъ владѣніи всѣхъ дворовъ деревни. Однимъ словомъ, этою стороной своей организаціи деревня представляла собою ярко выраженный прототипъ современной общины съ общими смѣнами и обязательнымъ сѣвооборотомъ.

Теперь другая сторона: какъ относилась земля одного хозяина къ землѣ другаго по количеству?

Тутъ мы видимъ два отношенія: или количество земли одного двора было равно количеству земли другаго, причемъ равенство выражалось, естественно, равенствомъ всѣхъ кусковъ, изъ которыхъ слагалось владѣніе каждаго, или количество земли одного двора стояло къ количеству земли другаго двора въ какомъ-нибудь кратномъ отношеніи, причемъ это кратное отношеніе тоже повторялось, конечно, для каждаго куска *) (чаще встрѣчающееся отношеніе 2:1, но попадаются и другія отношенія, а позже, при увеличеніи числа дворовъ, и довольно сложныя, для раскрытія которыхъ требуются нѣкоторыя усилія).

Чтобы сдѣлать для читателя болѣе нагляднымъ все сказанное выше, приведу двѣ выдержки изъ веревной, представленныя для удобства въ видѣ таблицы. Беру деревни лишь съ двумя дворами:

*) Вотъ количество земли по упомянутой веревной, приходящееся на каждый дворъ деревни:

Деревни.	Дворы.	Количество земли.	Деревни.	Дворы.	Количество земли.	Деревни.	Дворы.	Количество земли.
Верх. Товра	1	2 верви 17 с.	Власьевск.	2	4 верви 22 с.	Деревенька	1	1 верви 44 с.
„	2	4 „ $33^{1}/_{2}$ с.	„	3	3 „ 61 „	„	2	1 „ 38 „
„	3	5 саж. (бобыль)	„	4	3 „ 46 „	„	3	„ 36 „
Ниж. Товра	1	4 верви.	„	5	$20^{1}/_{2}$ с. (боб.)	„	4	„ 33 „
	Остальное вырвано		Вороповск.	1	3 верви 4 саж.	„	5	„ 33 „
Новинки. .	1	1 вервь $8^{1}/_{2}$ с.	„	2	1 „ 24 „	Орлецы . . .	1	4 верви 16 с.
„	2	1 „ $8^{1}/_{2}$ „	„	3	5 с. (бобыль)	„	2	2 „ $3^{1}/_{2}$ „
Власьевск.	1	4 верви 3 „	„	4	16 „ (бобыль)	„	3	2 „ $3^{1}/_{2}$ „

Дер. Новинки.

Дворъ Прокопій Филимоновъ:
Горней земли въ дворней перемѣнѣ двухъ полосъ . . 18 саж.
Середней перемѣны трехъ полосокъ . . . . 14 „
Заполней перемѣны трехъ лоскутовъ . . . . 11 „
Той же перемѣны за ручьемъ же переложку подлѣшаго . . . . 1 „
По нижную сторону ручья пожни . . . . 15½ с.
Верхней поженки и съ переложкомъ . . . . 10 „
Луговаго парку подъ середнимъ полемъ двухъ полосокъ . . . . 7½ „
Переложку нижняго что отъ Товерской земли . . . 3¾ „
У Гремячего новинки . . 1 „
Всей той горней и луговой земли у Прокопья 1 вервь 8½ саж. въ окладѣ.

Дворъ Насонъ Шипицынъ:
Горней земли въ дворней перемѣнѣ двухъ полосъ . . . 18 саж.
Средней перемѣны трехъ лоскутовъ . . . . 14 „
Въ запольней перемѣнѣ двухъ лоскутовъ . . . . . . 11 „
За ручьемъ новинки . . . 3 „
За ручьемъ подлѣшаго переложку . . . . 1 „
Поженки по нижнюю сторону ручья . . . . 15½ с.
Верхней поженки и съ переложкомъ . . . . 10 „
Луговаго парку подъ среднимъ полемъ двухъ полосокъ 7½ „
Нижняго переложку что отъ Товерской земли . . . . 3¾ „
У Гремячего ручья новинки 1 „
Всей той горней и луговой земли у Насона въ тяглѣ 1 вервь 8½ саж. *).

Пашня этой деревни дѣлится на три перемѣны, а въ каждой перемѣнѣ у каждаго двора по нѣсколько полосъ: очевидно, что эти полосы находятся въ особыхъ поляхъ, хотя эти поля, противъ обыкновенія, и не названы. Луговой земли, какъ видно, очень мало; вообще, эта вся волость изъ нуждающихся въ сѣнокосахъ: за пожни идутъ разные переложки—запущенная пахатная земля.

Вся эта деревня дѣлится на двѣ равныя части,—слѣдовательно, каждый дворъ владѣетъ полу-деревней.

Вотъ примѣръ болѣе сложнаго отношенія.

Дер. Тоора.

Дворъ Онтонъ Калининъ:
Горней земли въ дворнемъ полѣ полцо къ гумну концомъ съ капустникомъ . . . . . . 3 с.
Другое полосы нижней . . 13¼ с.
За ручьемъ полцо . . . . . 1½ „
За ручьемъ середняго поля 11 „
Опальничнаго ручья полоска . . . . 3¼ „
Луговой земли въ острову съ головы переложекъ . . . 1 „
Въ сторону напротивъ дворней полосы . . . . 6½ „

Дворъ Михайло Матвѣевъ:
Горней земли въ дворней перемѣнѣ полоса гуменная подлѣ улицу съ капустникомъ 6½ с.
Противъ дворней полосы . 27 „
За ручьемъ полце и съ пожнею . . . . 12½ „
Другой полосы подлѣ пустоши . . . . 11¼ „
Нижняго полца . . . . . . 6¼ „
Луговой земли въ острову съ головы переложекъ . . . 2 „
Противъ дворней полосы . 13 „

*) Въ веревныхъ каждый кусокъ земли опредѣляется двумя цифрами: одна цифра обозначаетъ его дѣйствительную величину, другая—ту, въ которой онъ облагается, напр. пишется такъ: „... верхней поженки и съ переложкомъ Мипетной 10 саженъ, а обложили въ полъ—9 саженъ“. значитъ 1½ саж. вычтено „на уметъ“. Въ таблицѣ мы писали первую цифру—цифру дѣйствительной величины.

Другой полосы . . . . . . $7\frac{1}{2}$ "
Промойнаго полца. . . . . 3 "
Мочищной полоски . . . 2 "
Великой пожни въ острову $21\frac{1}{4}$ "
Путищной полоски . . . . 3 "
Закруголичной полоски . . $2\frac{3}{4}$ "
Въ острову подшипичныхъ двухъ полосъ . . . . $8\frac{1}{2}$ "
Конецостровскіе полоски . $5\frac{1}{4}$ "
Осиновки пожни . . . . . $18\frac{1}{4}$ "
Кулиги пожни. . . . . . . $10\frac{1}{2}$ "
Орамой земли въ наволокъ нижняго поля. . . . . . . $6\frac{1}{4}$ "
Подъелней полоски . . . . $8\frac{1}{2}$ "
Семаковщины полце отъ Губиныхъ поля. . . . . $2\frac{1}{2}$ "
Въ великой огородѣ нижняго пару двухъ лоскутовъ . . $13\frac{1}{2}$ "
Верхняго поля и съ закраиною. . . . . $12\frac{1}{2}$ "

Изъ всей той горней и луговой земли у Онтона въ тяглѣ по окладу 2 верви 17 саженъ.

Другой полосы противъ дворней. . . . . 15 "
Въ острову запутищное полцо . . . . $5\frac{1}{2}$ "
Другая полоска подлѣ мочище . . . . $3\frac{1}{2}$ "
Въ острову Великуши пожни $41\frac{1}{2}$ "
Путишной полосы . . . . 6 "
Кругличной полоски подлѣ путище . . . . $5\frac{1}{2}$ "
По верхнюю сторону Никольской земли двухъ полосъ 19 "
Конецостровскіе полоски . $10\frac{1}{2}$ "

Вырвано.

Верхней полосы съ закраин. 20 "

Всей той земли у Михайла горней и луговой 4 верви $33\frac{1}{2}$ саж. въ тяглѣ по окладу *).

Здѣсь, сколько можно понять изъ сопоставленія расположенія полей данной деревни съ полями остальныхъ деревень той же волости, тоже три перемѣны, хотя онѣ и не называются перемѣнами: дворная, средняя и островная. Остальная пашня состояла изъ разбросанныхъ кусковъ. Деревня здѣсь дѣлится на двѣ неравныхъ части: одинъ крестьянинъ владѣетъ третью, другой двумя третями деревни.

Такимъ образомъ веревныя показываютъ, во-первыхъ, что каждый дворъ деревни имѣлъ участокъ въ каждой смѣнѣ и въ каждомъ полѣ, также во всѣхъ остальныхъ угодьяхъ, тянущихъ къ деревнѣ; во-вторыхъ, что участки отдѣльныхъ дворовъ были или равны (рѣже), или (чаще) стояли другъ къ другу въ кратныхъ отношеніяхъ. Выводы очень важные. Они совершенно лишаютъ почвы всякія разсужденія о подворно-участковомъ владѣніи, будто бы господствовавшемъ на сѣверѣ; но въ то же время они еще не рѣшаютъ вполнѣ вопроса о томъ, какого же собственно характера было это владѣніе. Всякія заключенія въ томъ смыслѣ, что это было общинное владѣніе извѣстнаго намъ современнаго типа, были бы преждевременны и ошибочны.

*) Объясненіе нѣкоторыхъ непонятныхъ словъ, встрѣчающихся въ табличкѣ: „голова" острова—верхній, по теченію рѣки, его конецъ, всегда возвышенный; „наволокъ"—намытое водой возвышеніе берега.

«Село земли, дворъ и дворище, орамые земли того села и пожни и т. д.»—вотъ обыкновенная формула новгородскихъ актовъ, изъ которой можно заключить, что «село» если не всегда, то по крайней мѣрѣ часто заключало въ себѣ лишь один дворъ. Деревни писцовыхъ книгъ нерѣдко состоятъ изъ одного двора, слѣдовательно изъ одной семьи. Наприм., въ Городенскомъ погостѣ Важской пятины изъ 140 пашенныхъ деревень, исключая нѣсколько деревень рыболовныхъ, не имѣющихъ пашни, 66% съ однимъ дворомъ, 26% съ двумя дворами, всего съ однимъ и двумя дворами 92%; среднимъ числомъ приходится на деревню этого погоста 1,5 двора *). Что это не была семья и дворъ въ позднѣйшемъ смыслѣ, а семья и дворъ, соотвѣтствующіе сербской задругѣ, насчетъ этого акты сохранили самыя точныя указанія. Обратимся за доказательствами къ печатнымъ источникамъ, которые передъ глазами у всѣхъ. «Се язъ Назарья Оеанасьевъ сынъ да язъ Есипъ да язъ Григорій да язъ Валфромей Филипповы дѣти, да язъ Елизаръ Өедоровъ сынъ, да язъ Василій да язъ Павелъ да язъ Иванъ Онкудиновы дѣти, да язъ Омосъ да язъ Онтонъ да язъ Иванъ Стефановы дѣти, да язъ Ларіонъ Стефановъ сынъ раздѣлили есмя животы отцовъ своихъ, кони и коровы и овцы, хлѣбъ и денги... и земля въ карзинѣ курьи. Вси земли есмя раздѣлили по третямъ, дворы и дворища: дворъ Назарьи да Есипу съ братьею съ нижняго конца, Елизарью дворъ да Онкудиновымъ дѣтямъ середній, а Омосу дворъ съ братьею да съ Ларіономъ верхній» и т. д. **). Передъ

---

*) Взяли мы этотъ погостъ потому, что его бралъ Лешковъ («Русскій народъ и государство», стр. 231 и др.). Это мѣсто у Лешкова можетъ служить образчикомъ того, какъ добросовѣстный и знающій ученый можетъ, изъ-за слѣпаго увлеченія предвзятой идеей, извращать даже цифровые, математическіе, т.-е., повидимому, уже совершенно обезпеченные отъ извращенія факты. Онъ говоритъ, что «въ деревняхъ этого погоста дворовъ насчитывалось отъ 1 до 17». Всякій, кто прочтетъ это мѣсто и другія мѣста, касающіяся того же предмета, необходимо придетъ къ заключенію, что старинная сѣверная деревня представляла собою населенное мѣсто, среднимъ числомъ дворами съ десятью или около того. А между тѣмъ такое представленіе будетъ грубымъ заблужденіемъ. Въ Городенскомъ погостѣ есть дѣйствительно нѣсколько поселеній съ относительно большимъ количествомъ дворовъ—максимумъ 16 двор., но это не пашенныя деревни, а рыболовныя поселенія. Въ другомъ мѣстѣ Лешковъ говоритъ, что русскій народъ искони и всегда садился не отдѣльными дворами, а деревнями и селами. Между тѣмъ онъ самъ производилъ вычисленіе надъ Городенскимъ погостомъ, гдѣ 66% пашенныхъ деревень состоятъ изъ одного двора. Факты удивительнаго ослѣпленія.

**) «Юридическ. Акты», № 23.

нами чистый типъ настоящей задруги. Двѣнадцать человѣкъ родственниковъ,—вѣроятно, дядей съ племянниками и двоюродныхъ братьевъ, конечно, однихъ только взрослыхъ полноправныхъ работниковъ, такъ какъ не упоминаются ни ихъ отцы, ни дѣти, которыхъ не могло не быть хоть у нѣкоторыхъ изъ нихъ,—сообща ведутъ обширное хозяйство, а какъ оно было обширно и разнообразно, видно изъ дальнѣйшихъ словъ акта, которыя не приводимъ. До раздѣла они составляли одну хозяйственную единицу—одинъ дворъ, хотя жили, какъ видимъ изъ акта, въ трехъ домахъ, которые только послѣ раздѣла явились въ роли настоящихъ дворовъ: сербская задруга при большомъ количествѣ членовъ также размѣщается въ разныхъ домахъ. Здѣсь кстати будетъ вспомнить то обстоятельство, записанное въ лѣтописяхъ, что въ Новгородѣ возникло волненіе изъ-за намѣренія татаръ переписывать жителей по домамъ, а не по дворамъ. По всей вѣроятности, слово печище, употребляемое въ двинскихъ актахъ, обозначаетъ именно такого рода родственное сожительство. Это слово сохранилось до сихъ поръ, но утратило свой первоначальный смыслъ, такъ какъ исчезъ и самый обычай жить задругами: теперь «печище» въ Архангельской губерніи чаще всего обозначаетъ деревню въ нашемъ смыслѣ слова, т.-е. въ смыслѣ совокупности угодій, тянущихъ къ населенному мѣсту, иногда нѣсколькихъ деревень, имѣющихъ общее землевладѣніе. Печищное землевладѣніе, которое обнаруживается актами новгородскаго періода, видно еще по памятникамъ XVI вѣка, начало на сѣверѣ довольно рано разлагаться: по актамъ XVII и XVIII вѣковъ видно уже преобладаніе малыхъ семей современнаго типа.

Пока деревня равна двору, что бы ни представлялъ собою этотъ дворъ, все-таки не можетъ быть рѣчи ни о какой сложной поземельной деревенской организаціи. Такая возможность наступаетъ только съ момента раздробленія первоначальнаго двора, т.-е. большой семьи, печища. Мы не считаемъ дробленіе двора единственнымъ процессомъ, которымъ шло дифференцированіе того первоначальнаго безраздѣльнаго цѣлаго, какое представляла собою деревня. Но тѣмъ не менѣе это болѣе основной процессъ, по типу котораго совершались всѣ другіе процессы, и потому необходимо познакомиться съ нимъ.

Передъ нами «дѣльное письмо» (раздѣльный актъ) 1640 г. Шесть братьевъ дѣлятся «промежъ собою полюбовно хлѣбомъ и солью и слободою и долгомъ и деньгами и платьемъ и кузнью серебрянымъ и мѣднымъ и деревяннымъ судовымъ и всякимъ

житейскимъ запасомъ и скотомъ конями и коровами и мелкимъ всякимъ скотомъ всѣмъ безъ вывѣта, и деревнею тяглыми и оброчными землями и дворами и всѣми хоромы и подворными землями и всѣмъ безъ остатка». Сначала дѣлятся дворы и дворища, «хоромы», т. е. избы, хлѣвы, клѣти, анбары, бани и т. д. Затѣмъ переходятъ къ землѣ: «Въ дворовомъ полѣ Шумилу досталася полоса съ верхняго края, отъ Шумила досталась Третьяку полоса, отъ Третьяка досталась Завьялу полоса, отъ Завьяла досталась Шестому полоса, отъ Шестаго досталась Луки полоса. Въ пежелномъ полѣ да и въ закраинки что за тѣмъ полемъ Шумилу досталась полоса съ верхнего края, отъ Шумила досталась Третьяку полоса, отъ Третьяка досталась Максиму полоса; отъ Максима досталась Завьялу полоса, отъ Завьяла досталась Шестому полоса, отъ Шестаго досталась Луки полоса... Въ маломъ пежедномъ полѣ Шумилу досталась полоса съ верхняго края, отъ Шумила досталась Третьяку полоса и т. д. Въ прилукомъ полѣ да и съ закраинною отъ проѣзжей дороги и въ лѣсу Шумилу досталась полоса съ верхнего края» и т. д. и т. д.

Итакъ, при раздробленіи печища, каждый участникъ дѣлежа имѣлъ право на участіе въ каждомъ изъ сортовъ угодій, къ нему принадлежавшихъ, на свой «повытокъ» въ каждомъ полѣ каждой сѣмьи. Исключеніе представлялъ тотъ случай, когда можно было кому-нибудь изъ участниковъ дѣлежа дать на его пай другую деревню или участокъ въ ней, пріобрѣтаемые чаще всего куплей *). Иногда участники дѣлежа уступали другъ другу свои повытки или даже мѣнялись ими, соединяя такимъ образомъ куски разныхъ полей въ одно. Но такіе отдѣльные случаи были рѣдки и не мѣняли общаго характера этихъ дѣлежей, стремящихся всегда и прежде всего къ полнѣйшему уравненію долей всѣхъ соучастниковъ.

Разложеніе печища есть первый моментъ возникновенія той деревенской поземельной организаціи, которую представляютъ намъ вервныя. И право на участіе въ каждомъ изъ полей и прочихъ деревенскихъ угодій, и равенство долей—все объясняется такимъ образомъ. Изъ обычаевъ наслѣдованія объясняются и тѣ кратныя отношенія долей, которыя мы встрѣчаемъ (родственники разныхъ линій). Мы не хотимъ сказать, что каждая деревня была соединеніемъ такихъ родственниковъ; но это была основная схема, въ которую укладывались всякія отношенія.

*) Дѣльная 1633 г.

Несмотря на то, что при дѣлежѣ земли, какъ видно и изъ словъ вышеприведенной дѣльной, участокъ каждаго опредѣлялся реально: полоса тамъ-то, полцо такое-то,—доля каждаго не теряла своего первоначальнаго идеальнаго характера, характера права на такую-то часть цѣлаго. Дѣлежъ не разбивалъ цѣлаго безповоротно. Каждый соучастникъ дѣлежа могъ найти, что реальный участокъ, доставшійся ему, не соотвѣтствуетъ его праву, его идеальной долѣ, и могъ требовать передѣла уравниванія. Это ясно видно изъ особыхъ условій, которыя чаще стали встрѣчаться въ дѣльныхъ второй половины XVII вѣка. Соучастники дѣлежа договаривались впередъ «лишними землями другъ друга не уравнивать, не передѣливаться и не переровниваться, новаго дѣлу другъ на другѣ не спрашивать» ни имъ самимъ, ни дѣтямъ ихъ *). Или, напримѣръ, братья при дѣлежѣ договариваются, что они должны вознаградить другъ друга, если ихъ дядя «станетъ землею ровняться и гдѣ котораго поля уровняетъ и возьметъ себѣ» **). Или, наконецъ, такое условіе: «А буде который изъ насъ здумаетъ землю ровнять и намъ другъ другу земля подъ ровность дать опрочь тѣхъ, которыми не ровнятся описано» (выше написано, что «Борисовскаго огородца да гуменнаго поля не передѣливать никогда, ни ровняться ими» ***). Обычай передѣла былъ такъ распространенъ, что надо было особо выговаривать отъ непривлеченія къ передѣлу даже вновь расчищаемыя послѣ дѣлежа земли. Если въ родственную схему вложить посторонніе элементы, которые постоянно въ нее входили, какъ мы сейчасъ увидимъ, то получается въ этомъ обычаѣ прототипъ нашего общиннаго передѣла.

Печище почти никогда не дѣлилось что называется дотла: всегда оставалась какая-нибудь собственность не дѣленная, иногда изъ движимаго имущества, напримѣръ лады, пивные котлы, промысловыя орудія. Но чаще оставалась въ общемъ владѣніи разная недвижимость—гумна, овины, особенно рыбныя тони и земельныя угодья, чаще всего пожни. Такимъ образомъ клалось основаніе одному изъ самыхъ распространенныхъ видовъ складства,—складства, о которомъ мы и поведемъ рѣчь, какъ объ явленіи въ высшей степени важномъ для пониманія деревни.

(Продолженіе слѣдуетъ.) А. Ефименко.

---

*) Дѣльная 1689 г.
**) Дѣльная 1664 г.
***) Дѣльная 1663 г.

Народность и прогрессъ.

Man bekämpft ein gegnerisches System durch Aufdeckung seiner Irrthümer, aber man besiegt es nur, indem man die vielleicht missverstandenen Wahrheiten, die jedes System enthält willig in den Kreis des eignen wissenschaftlichen Lebens aufnimmt.
Roscher: „Gesch. d. Nation"., p. 1046.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ современныхъ вопросовъ какъ по общему интересу, который онъ представляетъ для публики, такъ и по практическому значенію, которое можетъ имѣть разрѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ, есть, безъ сомнѣнія, вопросъ о значеніи *народа* и *народности*. Для многихъ европейскихъ народовъ, а особенно для русскихъ, это, можно сказать, въ настоящее время *очередной* вопросъ. Бывали эпохи, когда духовные и практическіе интересы сосредоточивались преимущественно около другихъ элементовъ культурной жизни народовъ—церкви и государства. Вопросы объ истинной вѣрѣ, о цѣлесообразномъ устройствѣ церкви, объ отношеніяхъ церкви къ государственной власти, о положеніи и вліяніи на общество того класса, который преимущественно представляетъ собою церковь, стояли нѣкогда на первомъ планѣ, волновали и разъединяли народъ, создавали партіи, вызывали войны, опредѣляли формы государства, господствовали надъ мыслію и наукой и возбуждали духовное творчество человѣка. Если на разрѣшеніе этихъ вопросовъ и имѣли большое вліяніе національный характеръ и національныя потребности, то это совершалось безсознательно и народность никѣмъ по крайней мѣрѣ не выставлялась высшимъ мѣриломъ по вопросамъ религіозной совѣсти. Наступила затѣмъ пора, когда интересы государственной жизни заняли первое мѣ-

сто во вниманіи людей. Въ этой области національные элементы должны были, конечно, еще сильнѣе давать себя чувствовать, чѣмъ въ области религіозной; но ни въ политическихъ теоріяхъ, ни въ государственной практикѣ имъ въ прежнее время не было отведено виднаго мѣста. Во многихъ случаяхъ это было и невозможно. Во всѣхъ государствахъ, которыя сложились подъ вліяніемъ феодальнаго быта, народъ былъ раздробленъ въ *политическомъ* отношеніи на нѣсколько слоевъ или штатовъ *) и самое государство представлялось извѣстною сдѣлкой, чуть не федераціей этихъ сословныхъ слоевъ подъ верховною властью сюзерена. А въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ монархія, выступая проводникомъ государственнаго принципа, ослабила или устранила *политическую власть* сословій, новый государственный принципъ проявлялся въ формѣ личной власти (L'état—c'est moi) и государство представлялось личнымъ достояніемъ монарха. Конечно, и на этой ступени личный элементъ могъ быть представителемъ національной идеи и реальная связь между монархіей и народомъ всегда проявлялась, хотя и инстинктивно; но насколько эта связь была случайна и не обезпечена, указываетъ, напримѣръ, чрезвычайно рельефно исторія Франціи во время царствованія непосредственнаго преемника именно того короля, государственную аксіому котораго мы только-что привели. Если же изъ области фактовъ мы перейдемъ къ государственнымъ теоріямъ, то встрѣтимся съ тѣмъ же явленіемъ. Во всѣхъ политическихъ теоріяхъ XVIII вѣка господствовала идея о *гражданинѣ*, т. е. отвлеченное представленіе о человѣческомъ индивидуумѣ въ отвлеченномъ государствѣ,—представленіе, при которомъ не принимались въ разсчетъ ни національныя различія между государствами, ни тѣ подъ-часъ не менѣе разительныя различія, которыя обусловливаются въ предѣлахъ одного и того же государства степенью культуры и общественнымъ положеніемъ. Между тѣмъ съ конца прошлаго вѣка сталъ все болѣе и болѣе выдвигаться впередъ какъ въ практической жизни, такъ и въ области идей новый принципъ *народности*. Народъ представляетъ собой явленіе коллективное и вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальное. Понятіе о народѣ есть понятіе собирательное или коллективное, въ виду того, что народъ состоитъ изъ извѣстной суммы болѣе или менѣе однородныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ различныхъ людей, которые могутъ быть поставлены другъ къ другу въ различныя отношенія

*) *Status*, франц. *état* значитъ—сословіе и государство.

и связаны различными способами. Индивидуальная же сторона народа обнаруживается въ общей исторической жизни различныхъ поколѣній, принадлежащихъ къ одному и тому же народу, и проявляется особенно ярко въ отношеніяхъ одного народа къ другимъ и при сравненіи ихъ между собой. Вслѣдствіе этого вопросъ о народности имѣетъ двѣ стороны—внутреннюю и внѣшнюю, и принципъ народности можетъ проявляться въ двухъ направленіяхъ: по отношенію къ самому народу и по его отношеніямъ къ другимъ. Въ первомъ случаѣ рѣчь должна идти о томъ, какое дать опредѣленіе народу въ его личномъ, внутреннемъ быту, въ чемъ преимущественно искать выраженіе его сущности или его духа, какую роль въ проявленіи этого духа признать за различными слоями и группами, изъ которыхъ слагается народное цѣлое. Во второмъ случаѣ рѣчь идетъ объ опредѣленіи индивидуальности извѣстнаго народа по отношенію къ другимъ и его мѣста среди этихъ другихъ. Первое выражается понятіями *народа* и народности въ собственномъ смыслѣ, во второмъ случаѣ слова «народъ» и «народность» иногда замѣняются выраженіями—*нація* и *національность*. И въ томъ и въ другомъ смыслѣ понятія о народѣ и народности стали, особенно съ начала XIX вѣка, овладѣвать умами многихъ людей, направлять страсти и интересы ихъ, видоизмѣнять политическія и общественныя теоріи, руководить прямо или косвенно политикой и дипломатіей, вліять на философскія системы и научные методы. Научное открытіе понятія народа и народности можно признать однимъ изъ важнѣйшихъ, а въ извѣстномъ отношеніи и плодотворнѣйшимъ изъ культурныхъ пріобрѣтеній послѣдняго вѣка европейской исторіи: разработка этихъ понятій и вліяніе, оказанное ими на жизнь и на теорію, составляютъ одну изъ существенныхъ черть, характеризующихъ культурный обликъ нашей эпохи въ сравненіи съ предшествовавшими; а потому изученіе ихъ и разсмотрѣніе ихъ вліянія на современный бытъ, на литературныя направленія и политическія партіи нашего времени представляютъ одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ, чтобы познакомиться съ духомъ вѣка, осмыслить многія окружающія насъ явленія и тенденціи и установить среди нихъ свою точку опоры, составляющую потребность всякаго мыслящаго человѣка.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію вліянія, оказаннаго представленіями о народѣ и народности въ исторіи послѣдняго столѣтія, укажемъ на нѣкоторыя изъ причинъ, которыя на грани двухъ вѣковъ навели на эти представленія и способствовали ихъ

могущественному вліянію на людей. Мы находимъ эти причины какъ въ области идей, такъ и въ области фактической исторіи. Самое общее объясненіе, которое обыкновенно дается по отношенію къ данному вопросу, заключается въ томъ, что уваженіе къ принципу народности и національности явилось вслѣдствіе *реакціи* противъ раціонализма, господствовавшаго въ XVIII вѣкѣ. Это, конечно, совершенно вѣрно; необходимо однако точнѣе опредѣлить въ этомъ случаѣ смыслъ слова реакція.

Мышленіе человѣческое въ XVIII вѣкѣ блуждало, насколько оно было обращено къ политическимъ вопросамъ, между индивидуализмомъ и космополитизмомъ, вытекавшими изъ одного и того же источника—раціоналистическаго, т. е. разсудочнаго, отношенія къ человѣку. Политическія теоріи раціонализма говорили о человѣкѣ вообще, исходили изъ отвлеченнаго понятія о немъ, строились на свойствахъ этого отвлеченнаго человѣка, заботились о его нуждахъ и потребностяхъ. Отъ этого понятія объ *общемъ человѣкѣ* естественъ былъ переходъ къ собирательному понятію о человѣчествѣ, т. е. объ общей суммѣ людей. Понятія о человѣкѣ и человѣчествѣ были *корреллатами*, какъ часть и цѣлое, т. е. одно вело за собой другое, предполагало его какъ необходимое дополненіе. Правда, между человѣкомъ и человѣчествомъ стояло государство, происшедшее, по господствовавшей тогда теоріи, изъ общественнаго договора, заключеннаго извѣстнымъ числомъ людей между собой. Но граждане такихъ государствъ оставались и послѣ заключенія подобнаго договора людьми вообще и были поэтому въ сущности гражданами «вселенной», *космополитами*. Только съ понятіемъ *націи* было найдено реальное звѣно между человѣкомъ и человѣчествомъ, и мысль тѣхъ, которые были неудовлетворены крайними выводами изъ индивидуалистическаго и космополитическаго принциповъ, нашла убѣжище въ понятіи о національности. Но по тому же пути, по которому вело логическое сцѣпленіе идей, шла такъ-сказать и логика фактовъ. Идеи индивидуализма сильнѣе и яснѣе всего проявились во французской революціи и этотъ переворотъ окончился установленіемъ могущественнаго обширнаго государства съ космополитическими притязаніями; но въ борьбѣ съ захватившею половину Европы имперіей Наполеона пробудилось и окрѣпло національное сознаніе большинства европейскихъ народовъ и послѣдствія этого столкновенія поэтому долго еще будутъ ощутительны на политической и культурной исторіи нашего материка.

Если указанныя нами причины пробудили общественное вниманіе преимущественно по отношенію къ внѣшнему проявленію идеи народности, то-есть къ принципу національности, то другія тенденціи, также идущія отъ XVIII вѣка, отразились на развитіи народной идеи въ ея внутреннемъ значеніи. Здѣсь на первомъ планѣ приходится назвать филантропическую тенденцію, составляющую лучшее украшеніе того культурнаго періода, который мы обозначаемъ именемъ XVIII вѣка. Правда, филантропія, какъ показываетъ уже самое названіе ея, имѣла, какъ и всѣ другія тенденціи XVIII вѣка, преимущественно отвлеченный оттѣнокъ и обще-человѣческое направленіе; но, вызывая участіе къ бѣднымъ и слабымъ, къ нуждающимся классамъ вообще, она подготовляла почву для болѣе полнаго и глубокаго пониманія идеи о народѣ и вела къ установленію нравственной солидарности между отдѣльными его классами. И прежняя, отвлеченно-государственная теорія принимала во вниманіе потребности бѣдныхъ, но заботилась о нихъ болѣе съ точки зрѣнія государственнаго порядка и благочинія. Имѣя въ виду исключительно государство и его интересы, можно было, напримѣръ, дойти до дикой аргументаціи того публициста, который доказывалъ необходимость общественнаго попечительства о бѣдныхъ на томъ основаніи, что бѣдные представляютъ собой внутреннихъ враговъ государства, которые только такимъ способомъ могутъ быть побѣждены *). Филантропія же основывала помощь, оказываемую бѣднымъ, не на политическомъ разсчетѣ, а на симпатіи, на любви человѣка къ человѣку. Распространяясь среди зажиточныхъ и образованныхъ классовъ, она вызывала съ ихъ стороны одушевленное сочувствіе къ людямъ, обставленнымъ менѣе благопріятно, и хотя это сочувствіе руководилось общечеловѣческимъ инстинктомъ, а не національнымъ принципомъ, оно открыло верхнимъ слоямъ общества глаза на положеніе низшихъ и послужило средствомъ для объединенія ихъ во имя народной идеи и общенародныхъ интересовъ.

Подобное же вліяніе имѣла и демократическая тенденція. Конечно, эта тенденція, въ смыслѣ сочувствія отвлеченному политическому принципу равенства или въ видѣ политической страсти и стремленія властвовать, не только не стоитъ въ связи съ національнымъ принципомъ, но можетъ даже быть неблагопріятной для

*) *Герштекеръ*—одинъ изъ одностороннихъ послѣдователей Кантовской теоріи о государствѣ въ сочиненіи, написанномъ въ 1805 г. См. *Roscher*: „Gesch. d Nationaloeconomik in Deutschland", стр. 498.

его развитія. Однако, распространеніе демократическихъ идей въ обществѣ было необходимымъ условіемъ для возникновенія народной идеи, особенно на Западѣ, гдѣ сословія были не только общественными группами, но политическими подраздѣленіями народа, обладавшими извѣстными функціями и правами государственной власти. Насколько связь между демократической и національной идеей можетъ быть тѣсна, особенно свидѣтельствуетъ исторія Франціи. Здѣсь внезапное, могучее пробужденіе національнаго сознанія совершенно совпадаетъ съ демократическимъ преобразованіемъ общества; хотя, какъ извѣстно, именно во Франціи демократическій порывъ же остановился на національной идеѣ и очень быстро принялъ космополитически-революціонное направленіе.

Указанныя до сихъ поръ нами причины, вызывая въ обществѣ и усиливая сознаніе принципа народности, какъ въ индивидуальномъ, такъ и въ коллективномъ его смыслѣ, содѣйствовали болѣе правильному пониманію идеи о народѣ въ современномъ ея проявленіи. Народъ, однако, представляетъ собой явленіе, сущность котораго вполнѣ обнаруживается только во времени, т.-е. есть явленіе историческое. Вслѣдствіе этого истинное пониманіе народа обусловливалось представленіемъ его какъ историческаго организма, установленіемъ преемственной связи между его настоящимъ и его прошедшимъ. Отсюда понятно, какое важное значеніе для развитія народнаго принципа долженъ былъ имѣть успѣхъ исторической науки въ обширномъ смыслѣ, разумѣя подъ этимъ также изученіе поэзіи и быта народовъ, т.-е. вообще исторію культуры. Исторія всегда занималась судьбою народовъ, но она дѣлала мало успѣховъ, пока не выяснила себѣ существеннаго своего принципа—идеи *развитія*, какъ въ смыслѣ генетическомъ, т.-е. развитія одной формы изъ другой, такъ и въ смыслѣ усовершенствованія, т.-е. развитія великаго изъ малаго, сложнаго изъ простаго, сознательнаго изъ инстинктивнаго и первобытнаго. Исторія поэтому совершила великій шагъ впередъ, когда стала изучать первоначальныя, несложныя формы въ прошедшемъ или ихъ остатки въ настоящемъ; когда она обратилась къ дѣтскому возрасту народовъ, къ эпохамъ и продуктамъ безсознательнаго и коллективнаго творчества. Начало этого движенія относится къ послѣдней трети XVIII вѣка и принадлежитъ Германіи. Тамъ филологъ Гейне сталъ объяснять греческую миѳологію *творчествомъ племеннаго* и *національнаго духа*. Тамъ

Гердеръ, обратившійся къ сравнительному изученію народной поэзіи и собравшій въ 1778 году «Голоса народовъ», выставилъ теорію о происхожденіи поэзіи изъ коллективнаго творчества народнаго духа,—теорію, которая скоро была примѣнена филологомъ Ф. А. Вольфомъ къ объясненію знаменитыхъ твореній Гомера. Тамъ, съ другой стороны, историкъ Мёзеръ обратился къ ежедневной прозѣ, къ будничной сторонѣ народной жизни. Наблюденія надъ современнымъ ему бытомъ вестфальскихъ крестьянъ онъ приводилъ въ связь съ толкованіемъ повѣстій Тацита о бытѣ древнихъ германцевъ. Онъ съ одинаковымъ интересомъ изучалъ старинныя лѣтописи и грамоты и бесѣдовалъ съ крестьянами о мелочахъ ихъ хозяйственнаго быта и строя. Такимъ образомъ онъ скоро выяснилъ себѣ живую, непосредственную связь между современной и прошлою жизнью своего народа и поставилъ исторіографіи, которая до тѣхъ поръ занималась только повѣствованіемъ о военныхъ и политическихъ дѣлахъ (Staatsactionen), о судьбѣ правителей и жизни дворовъ,—новую задачу изобразить исторію народа, понимая это слово въ двоякомъ смыслѣ: и въ смыслѣ націи, и въ смыслѣ массы населенія *). Такая задача могла быть въ то время только поставлена, особенно въ политически раздробленной и соціально и религіозно разъединенной Германіи, и потому не удивительно, что «Оснабрюкская исторія» Мёзера, начало которой вышло въ 1768 году, не была окончена; но этотъ неоконченный и спеціальный трудъ имѣетъ важное значеніе въ исторіи европейской культуры: онъ указываетъ на близкую, взаимную связь между возникновеніемъ научнаго *историческаго метода* и признаніемъ со стороны историковъ той роли, которую играетъ національный элементъ въ исторіи.

Вызванный такимъ образомъ еще въ XVIII вѣкѣ разными причинами, національный принципъ получилъ въ XIX вѣкѣ преобладающее значеніе. Въ политическомъ отношеніи онъ преобразовалъ карту Европы и произвелъ въ ней болѣе значительныя перемѣны, чѣмъ періодъ абсолютизма или религіозныхъ войнъ; онъ создалъ въ Европѣ два новыхъ большихъ государства и

*) Мёзеръ выразилъ это стремленіе между прочимъ такъ: „Исторія должна изображать не только жизнь и старанія врачей (т.-е. правителей), но не забывать и о самомъ больномъ". Въ другомъ мѣстѣ онъ примѣняетъ къ правительствующимъ классамъ выраженіе Фридриха Вел.—„великіе и малые слуги націи». Biedermann Deutschl. im XVIII J. II, 706.

нѣсколько мелкихъ, довелъ до разложенія старую Оттоманскую имперію, потрясъ имперію Австрійскую, и его роль на юго-востокѣ Европы еще долго будетъ служить источникомъ смутъ и направлять общую политику европейскихъ державъ. Менѣе ярко, но столь же значительно было его вліяніе во внутренней жизни многихъ европейскихъ государствъ.

Національный принципъ или народная идея стали служить основаніемъ для политическихъ или литературныхъ партій, усиливать или парализовать другіе принципы и интересы, съ которыми соединялись или сталкивались и руководили законодательными мѣрами, торговой и финансовою политикой правительствъ.

Наконецъ, вліяніе новыхъ понятій о народѣ сдѣлалось ощутительно и въ научной сферѣ. Имъ привлечены къ научному изученію цѣлыя области бытовой жизни, остававшіяся прежде незамѣченными, и памятники старины, которыми прежде пренебрегали. Исторія языка, исторія вѣрованій только благодаря національному принципу поставлены на твердую научную почву. Наука о правѣ почувствовала на себѣ его благотворное вліяніе. Ничто, напримѣръ, такъ не измѣнило прежнее догматическое изученіе римскаго права, какъ открытіе, сдѣланное такъ-называемой исторической школой, что право есть продуктъ національнаго духа. Подобнымъ образомъ тотъ же національный принципъ въ связи съ историческимъ методомъ вывелъ политическую экономію изъ отвлеченной догматики и изъ области общихъ формулъ и сдѣлалъ возможною настоящую науку о *народномъ хозяйствѣ* (Nationaloeconomie).

Но всякій могущественно дѣйствующій и плодотворный принципъ порождаетъ одностороннее служеніе ему и подаетъ поводъ къ недоразумѣніямъ и уклоненіямъ отъ его настоящаго смысла. Изучать такія уклоненія тѣмъ полезнѣе, чѣмъ важнѣе правильное пониманіе и примѣненіе самаго принципа.

Во всей Европѣ мы находимъ въ обществѣ, въ литературѣ и даже въ наукѣ людей, посвятившихъ особенное вниманіе вопросу о національности и народности, никогда не теряющихъ изъ вида этихъ интересовъ и готовыхъ измѣрять и оцѣнивать съ точки зрѣнія этихъ интересовъ всѣ другія современныя потребности. Появленіе людей этого направленія и распространеніе ихъ убѣжденій въ обществѣ должно не только быть признано естественнымъ послѣдствіемъ той роли, которую національный вопросъ играетъ въ наше время, но можетъ быть очень плодотворно и

соотвѣтствуетъ существенной потребности современной культуры. Существованіе національностей есть одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ европейской жизни; вліяніе національности на различныя сферы этой жизни не подлежитъ сомнѣнію, и потому чѣмъ тщательнѣе будетъ изученъ этотъ фактъ, чѣмъ точнѣе будетъ опредѣлена сущность вопроса о народности, тѣмъ лучше. При этомъ, конечно, плодотворность всѣхъ подобныхъ попытокъ будетъ обусловливаться разрѣшеніемъ предварительнаго вопроса, гдѣ именно искать существенное выраженіе данной народности.

Въ Россіи тѣ люди, которымъ принадлежитъ починъ въ этомъ дѣлѣ и которые съ тѣхъ поръ неустанно трудились надъ разрѣшеніемъ вопроса о русской народности, извѣстны подъ именемъ славянофиловъ. Вожди ихъ отвергаютъ это названіе и они правы, потому что это названіе указываетъ только на одну сторону ихъ литературной дѣятельности и ихъ интересовъ, и не на самую существенную. Но, по неимѣнію другого обще-принятаго термина, приходится довольствоваться этимъ. Значеніе *) славянофильскаго направленія въ Россіи, какъ и аналогическихъ направленій у другихъ европейскихъ народовъ,—напримѣръ, нѣмецкаго романтизма, — двоякое: отрицательное и положительное. Сильное и страстное пробужденіе національнаго сознанія вездѣ естественно повело къ протесту противъ всего чужого, иноземнаго, къ отрицанію иностранныхъ вліяній въ литературѣ и бытѣ. Но въ этомъ отношеніи обнаруживается существенное различіе между славянофильствомъ и аналогическими направленіями, наприм., въ Германіи,—различіе, обусловленное особенностями русской исторіи и развитія цивилизаціи въ Россіи,—различіе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ самый слабый пунктъ славянофильства. Вездѣ, гдѣ желаніе развить и создать *свое* привело къ отрицанію чужого, такому отрицанію подвергалось вліяніе какого-нибудь одного народа, культура котораго получила преобладающее значеніе въ сосѣдней странѣ. Такъ въ Германіи національный принципъ питался и крѣпнулъ посредствомъ отрицанія всего французскаго, въ Даніи—всего нѣмецкаго. Вездѣ ради своего національнаго элемента отрицался какой-нибудь другой

*) Мы здѣсь не имѣли въ виду представить съ нашей точки зрѣнія полную оцѣнку значенія славянофильства въ исторіи русскаго просвѣщенія; сопоставляя его съ романтизмомъ, мы не упускали изъ вида, что его вліяніе было сравнительно гораздо обширнѣе и плодотворнѣе. Мы касаемся славянофильства только въ предѣлахъ того вопроса, которому посвящена наша статья.

также національный элементъ. Въ Россіи же ревностнымъ сторонникамъ національнаго элемента приходилось возставать не противъ другого національнаго элемента, а противъ вліянія *Запада*, противъ *западной цивилизаціи*, т.-е. противъ европейскаго вліянія, противъ цивилизаціи вообще. Здѣсь уже проявлялся не частный только антагонизмъ между двумя націями, а принципіальный антагонизмъ между національнымъ и общечеловѣческимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживался протестъ противъ человѣческой культуры въ ея высшей современной формѣ. Конечно, лучшіе представители славянофильства не допускали такого принципіальнаго антагонизма и отнюдь не желали придавать своему направленію антикультурнаго характера. Но школы и принципы оцѣниваются въ исторіи не только сообразно съ намѣреніемъ ихъ основателей и лучшихъ поборниковъ, но и согласно съ тѣмъ, какъ они отражались на убѣжденіяхъ всей массы своихъ сторонниковъ и согласно съ практическимъ вліяніемъ, которое имѣли дѣлаемые изъ нихъ выводы. А въ этомъ отношеніи нельзя же не признать, что многіе усвоили себѣ изъ славянофильства только какое-то туманное недовѣріе къ *европейскому*, а иногда и инстинктивную непріязнь къ извѣстнымъ культурнымъ идеямъ и формамъ, только потому, что ихъ нельзя признать національными.

Однако, помимо такихъ заблужденій, которыя могутъ быть отнесены насчетъ недоразумѣній или увлеченія мало развитыхъ сторонниковъ, извѣстная связь славянофильства съ нерасположеніемъ къ новымъ идеямъ и формамъ европейской цивилизаціи обнаруживается при разсмотрѣніи того, что можно назвать *положительною* стороной этого направленія. Борьба противъ чуждаго элемента можетъ имѣть смыслъ и благотворный результатъ лишь подъ условіемъ вѣрнаго пониманія и опредѣленія національнаго элемента. Какъ другія аналогическія направленія, такъ и славянофильство, совершенно правильно обратились съ этою цѣлью къ изученію различныхъ памятниковъ и проявленій народной жизни въ прошедшемъ и въ настоящемъ. Въ этомъ любовномъ отношеніи къ народному творчеству въ языкѣ и въ поэзіи, къ народной религіи и праву, къ народной *старинѣ* вообще заключается главная культурная *заслуга* славянофильства. Но интересъ къ старинѣ такъ часто влечетъ за собой пристрастіе къ этой старинѣ! Этому пристрастію всецѣло поддалось славянофильство и здѣсь кроется причина одного изъ коренныхъ заблужденій его сторонниковъ, заставляющаго ихъ искать въ про-

шедшемъ наиболѣе полное и вѣрное выраженіе національнаго принципа.

Это заблужденіе славянофильство раздѣляетъ, какъ извѣстно, съ нѣмецкимъ романтизмомъ. И нѣмецкіе романтики для того, чтобы добраться до корней своей національной жизни, сочли нужнымъ вычеркнуть изъ исторіи своего народа послѣдніе три вѣка, во всякомъ случаѣ перешагнуть назадъ черезъ нихъ и признать господствовавшія тогда идеи и формы *національными*, т.-е. придать имъ абсолютно-національный характеръ. Притомъ многимъ славянофиламъ, или точнѣе здѣсь сказать *народникамъ*, было трудно удержаться на этомъ уклонѣ къ старинѣ, остановиться въ этомъ блужданіи за непочатыми источниками народной жизни, еще не замутившимися отъ чужеземнаго вліянія, и такимъ образомъ нѣкоторые изъ писателей этого направленія пошли гораздо дальше назадъ въ отыскиваніи національныхъ элементовъ, не остановились на «московскомъ періодѣ», но уже со введенія христіанства начинали считать уклоненіе отъ народныхъ основъ. Подобно этому и въ Германіи не всѣ радѣтели національной старины довольствовались возвращеніемъ къ золотому вѣку рыцарства и католицизма, но отводили гораздо болѣе продолжительный періодъ на господство иноземнаго ига и *заблужденій* подлежащихъ отмѣнѣ; такъ, напримѣръ, довольно извѣстный политико-экономъ Шульцъ утверждалъ, что «реформы нашего времени должны главнымъ образомъ состоять въ возстановленіи древнѣйшаго быта до появленія иноземщины (Ausländerei)»; причемъ начало иноземщины онъ относилъ къ году смерти Карла Великаго, полагая такимъ образомъ на ея владычество круглымъ счетомъ 1.000 лѣтъ (отъ 814 до 1813 г.).

Съ этимъ стремленіемъ искать настоящее, чистое выраженіе народности назади, въ старинѣ, находится въ тѣсной связи другая сторона этого направленія—стремленіе искать выраженіе народнаго духа внизу, въ вѣрованіяхъ, понятіяхъ и обычаяхъ народной массы. И въ этомъ отношеніи, конечно, нужно признать за славянофильствомъ, какъ и за аналогическими тенденціями у другихъ народовъ, двоякую заслугу—какъ относительно возбужденія самаго вопроса, такъ и формулированія извѣстныхъ практическихъ требованій. Послѣ раціоналистическаго отношенія ко всѣмъ явленіямъ человѣческой жизни, господствовавшаго въ прошломъ вѣкѣ, общественная мысль была обязана важнымъ успѣхомъ тѣмъ людямъ, которые обратили вниманіе на раннія и низшія формы

культуры,—на тѣ эпохи, когда наблюдатель имѣлъ дѣло не съ ясно формулированными понятіями и принципами, не съ сознательною дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ, а съ коллективнымъ творчествомъ массы, съ вѣрованіями и обычаями, безсознательно сложившимися въ извѣстной средѣ. Передъ людьми, вѣрившими въ абсолютное господство разсудка и отвлеченныхъ понятій, открылась какъ бы новая и чрезвычайно важная область *инстинктивной* жизни человѣка, въ которой нужно искать начало и корни главныхъ проявленій человѣческой культуры, и языка, и религіи, и права, и государственныхъ учрежденій.

Главная заслуга по теоретическому разъясненію этого существеннаго вопроса принадлежитъ философіи исторіи. Еще въ прошломъ вѣкѣ Вико отмѣтилъ нѣкоторыя характерныя черты ранняго періода въ жизни народовъ, указалъ, напримѣръ, на то, что у юныхъ народовъ поэтическое творчество замѣняетъ собой сознательную работу мысли; что имъ свойственно выражать свои мысли посредствомъ символическихъ олицетвореній или, какъ выразился Вико, мыслить «поэтическими представленіями». Но настоящая принципіальная постановка вопроса о значеніи инстинкта есть дѣло Шеллинга. Область «безсознательнаго» была краеугольнымъ камнемъ всей его философской системы. «Ключъ къ разъясненію сущности сознательной духовной жизни,—говорилъ онъ,—заключается въ области безсознательнаго». Въ основаніи его системы *трансцендентальнаго идеализма* лежало различеніе безсознательнаго и сознательнаго элементовъ и единство ихъ составляло высшее начало этого идеализма. Съ помощью этого принципа Шеллингъ теоретически связалъ въ одинъ величественный процессъ всю жизнь вселенной—міръ неорганическій съ органическимъ, а послѣдній съ духовною жизнью человѣка и человѣчества въ его историческомъ развитіи. Исторія такимъ образомъ представлялась Шеллингу сочетаніемъ двухъ противоположныхъ элементовъ человѣческаго естества—безсознательнаго и сознательнаго. Философія Шеллинга отразилась плодотворнымъ образомъ на разныхъ областяхъ человѣческаго мышленія и научнаго изслѣдованія и между прочимъ послужила точкой отправленія какъ для различныхъ публицистовъ и историковъ въ Германіи, такъ и для славянофиловъ въ Россіи. И въ данномъ случаѣ нѣкоторыя изъ направленій, отдѣлившіяся отъ общей системы, усвоили себѣ *одно* изъ положеній этой системы и занялись дальнѣйшею разработкой его въ болѣе или менѣе одностороннемъ смыслѣ. Впро-

чемъ, нужно замѣтить, что корень главной односторонности, которою отличаются примыкающія къ Шеллингу ученія, находится у самого философа. Въ различныхъ мѣстахъ его сочиненій ясно просвѣчиваетъ извѣстное предпочтеніе безсознательнаго элемента передъ сознательнымъ, слышится не разъ превознесеніе инстинктивной жизни и инстинктивнаго творчества въ природѣ и въ области человѣческаго духа надъ сознательнымъ. «Явленія животнаго инстинкта, — говорилъ Шеллингъ, — принадлежатъ для всякаго мыслящаго человѣка къ самымъ возвышеннымъ; они составляютъ настоящій пробный камень истинной философіи». Превосходство инстинкта надъ сознаніемъ рельефно выставляется Шеллингомъ въ его опредѣленіи языка, гдѣ онъ такъ сильно настаиваетъ на значеніи творческаго инстинкта массъ (Masseninstinct). Наконецъ, разслѣдуя высшее проявленіе личнаго творчества—дѣятельность генія въ поэзіи и въ искусствѣ, Шеллингъ ищетъ главное основаніе этого творчества въ «темной силѣ» генія, которая не можетъ быть замѣнена никакою сознательною способностью».

Указанная здѣсь оригинальная черта философіи Шеллинга послужила точкой отправленія для различныхъ его послѣдователей и для мыслителей, находившихся подъ его вліяніемъ. Восхваленіе инстинкта, прославленіе безсознательныхъ процессовъ развитія, особенный интересъ къ низшимъ сферамъ органической и политической жизни — вотъ признаки, по которымъ легко отличить направленія, вдохновлявшіяся Шеллингомъ. Ни въ одномъ, однако, изъ такихъ направленій эта черта не выступаетъ такъ выпукло, какъ у славянофиловъ. Она проявляется у нихъ въ полупоэтическомъ, полу-мистическомъ отношеніи къ народной массѣ или къ простонародью. Простой народъ является въ ихъ глазахъ главнымъ хранителемъ и носителемъ народнаго духа, его воззрѣнія служатъ для нихъ вѣрнымъ мѣриломъ и безошибочнымъ регуляторомъ потребностей и интересовъ народныхъ*). Въ основаніи этихъ мечтаній лежитъ, конечно, серьезная мысль. Жизнь и духовный бытъ простонародья вообще представляютъ важный научный и практическій интересъ. Если область инстинктивной жизни для цивилизованныхъ народовъ вообще лежитъ далеко назади въ

*) „То, что выдавалось за самобытное произведеніе русской мысли вообще, было только блѣднымъ отраженіемъ философскихъ ученій Запада. Особенность славянофиловъ состоитъ въ томъ, что они въ русскомъ простанародьи видѣли высшій нравственный идеалъ“. *Чичеринъ*: „Ист. полит. ученій“, т. IV, стр. 265.

прошедшемъ, если для наблюденій надъ этимъ психическимъ состояніемъ, которое характеризуется господствомъ инстинкта, нужно обращаться къ старинѣ, то и въ настоящее время въ каждомъ народѣ значительная масса населенія болѣе или менѣе обрѣтается на ступени инстинктивной жизни и наблюденія надъ этою формою жизни въ прошедшемъ плодотворнымъ образомъ дополняются и расширяются съ помощью подобныхъ наблюденій надъ жизнью наименѣе культурныхъ слоевъ населенія. Съ другой стороны понятія и обычаи народной массы, особенно крестьянскаго населенія, во многихъ отношеніяхъ представляютъ въ настоящемъ вѣрное отраженіе культурнаго быта и ступени развитія извѣстнаго народа въ болѣе отдаленную эпоху его существованія и поэтому, конечно, могутъ служить важнымъ подспорьемъ при изслѣдованіи и характеристикѣ жизни извѣстной націи въ ея историческомъ развитіи.

Къ этимъ двумъ теоретическимъ соображеніямъ присоединяется еще одно практическое положеніе, очень существенное при разрѣшеніи вопроса о народности—необходимость искать въ данный моментъ опредѣленіе народности не въ однихъ высшихъ или культурныхъ классахъ народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ принимать въ разсчетъ духовное состояніе, понятія и потребности массъ населенія, которыя уже по своей многочисленности, даже при низкой ступени развитія имѣютъ право на вниманіе и всегда даютъ на практикѣ чувствовать свой вѣсъ въ направленіи народной жизни, а кромѣ того могутъ служить драгоцѣннымъ указателемъ особенностей и того градуса культуры, до котораго поднялся народъ въ своей исторической жизни. Но это неоспоримо вѣрное положеніе, которое должны принимать во вниманіе и наука, и здравая политика, подлежитъ, конечно, какъ и всякая мысль, преувеличенію и искаженіямъ. Подобныя увлеченія принимаютъ особенно рѣзкій характеръ, когда они являются выраженіемъ протеста противъ другой противоположной крайности и орудіемъ борьбы противъ нея. Въ русскомъ обществѣ такія увлеченія встрѣчаются преимущественно у писателей прямо или косвенно примыкающихъ къ славянофильству. Увлеченія эти, какъ извѣстно, заключаются не только въ сентиментальной идеализаціи быта, понятій и привычекъ простонародной среды, но особенно въ принципіальномъ возведеніи того, что представляетъ собой извѣстную форму, а иногда извѣстную фазу въ развитіи народа, въ коренное, вѣчное, нормальное и потому абсолютное выраженіе народнаго духа.

Пока такой взглядъ на дѣло держится въ литературной или теоретической области, примѣняется къ эстетической или исторической критикѣ и высказывается, напримѣръ, въ предпочтеніи извѣстныхъ формъ поэтическаго творчества и быта передъ другими, онъ можетъ быть только поводомъ къ извѣстной довольно невинной эксцентричности въ личныхъ мнѣніяхъ. Но при нѣкоторой послѣдовательности со стороны лицъ, усвоившихъ себѣ этотъ взглядъ, онъ ведетъ обыкновенно къ такимъ сужденіямъ и къ такому направленію, къ которому общество не можетъ относиться равнодушно, а именно онъ влечетъ за собой недовѣріе и даже враждебное отношеніе къ прогрессивному движенію въ идеяхъ и учрежденіяхъ.

Такимъ образомъ съ положительною стороной въ идеалахъ и стремленіяхъ славянофильства тѣсно связано то, что можно назвать ихъ отрицательною ролью. Въ этомъ отрицаніи національныя тенденціи славянофиловъ находятъ себѣ сильную поддержку въ ихъ демократическихъ тенденціяхъ. Какъ возвеличеніе старины побуждаетъ ихъ отрицать правильность историческаго развитія за послѣдніе два вѣка, совершившагося подъ непосредственнымъ вліяніемъ европейской культуры; такъ идеализація простонародныхъ понятій и обычаевъ вселяетъ въ нихъ нерасположеніе къ тѣмъ понятіямъ и потребностямъ, которыя стоятъ надъ уровнемъ простонароднаго міровоззрѣнія, и даже къ тѣмъ общественнымъ слоямъ и литературнымъ направленіямъ, на которыхъ преимущественно отражалась современная европейская культура съ ея разнообразными идеалами и стремленіями. Конечно, въ своемъ отрицательномъ и полемическомъ отношеніи къ извѣстнымъ явленіямъ славянофилы въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть и правы. Не все, что кому-либо представляется выраженіемъ прогресса, составляетъ дѣйствительный прогрессъ, и ни одна прогрессивная форма или мысль не имѣетъ абсолютнаго смысла, т. е. значенія внѣ времени и пространства. Но и тамъ, гдѣ теорія славянофильства права въ своей критикѣ частныхъ явленій, гдѣ она осуждаетъ дѣйствительныя заблужденія, возникающія подъ именемъ прогресса, она сама поражаетъ себя безсиліемъ, потому что исходитъ изъ ложнаго начала. Не столько во имя общихъ, разумныхъ критеріевъ въ опредѣленіи прогресса или во имя практической цѣлесообразности осуждаютъ славянофилы своихъ противниковъ, сколько на томъ основаніи, что они «оторвались отъ народа». А при возникающихъ отсюда преніяхъ опять-таки не

разумъ, опирающійся на современное образованіе, не научный опытъ и методъ признаются съ ихъ стороны высшими руководителями, но рѣшающею силой является мистическое начало «народной правды», которую они ищутъ или слишкомъ далеко назади, или слишкомъ низко, за предѣлами или внѣ предѣловъ сознательной національной жизни. Такимъ образомъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ отрицательная сторона славянофильства, какъ національнаго направленія, сводится къ одному результату—къ умаленію и съуженію національной идеи какъ въ ея историческомъ развитіи, такъ и въ современномъ ея проявленіи, т. е. къ подрыву истинно-національнаго принципа.

При изученіи того, что высказано славянофильствомъ и другими романтиками по вопросу о народности, легко придти къ убѣжденію, что между этими направленіями и взглядами и между пріемами, которые усвоила себѣ современная историческая наука, есть много точекъ соприкосновенія. Это и не удивительно, ибо та же философская система, отъ которой берутъ свое начало романтизмъ и славянофильство, послужила плодотворнымъ принципомъ для *исторической школы*, внося въ разсмотрѣніе судебъ человѣческихъ идею прогресса и органическаго развитія.

Историческая школа, въ противоположность къ раціоналистическому отношенію къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ, выяснила значеніе въ исторіи цивилизаціи національной идеи и народнаго духа; она указала на преемственность и органическій характеръ жизненнаго процесса отдѣльныхъ народовъ, на прохожденіе народами извѣстныхъ ступеней въ своемъ развитіи, связанныхъ съ извѣстными формами устройства и быта и объусловленныхъ извѣстными данными. Историческая школа, наконецъ, обратила вниманіе на область безсознательной жизни и коллективнаго творчества и поставила требованіе, чтобы при обсужденіи современныхъ практическихъ вопросовъ было принято во вниманіе все прошлое теченіе народной жизни, т. е. своеобразныя условія, созданныя имъ, и степень вліянія, которое это прошлое обнаруживаетъ въ современномъ быту, на различныхъ слояхъ и сферахъ народной жизни.

Эта характеристика историческаго взгляда на вопросъ о народности достаточно объясняетъ и точки соприкосновенія между этимъ направленіемъ и славянофильствомъ и все существенное различіе между ними. Послѣднее особенно проявляется со стороны славянофиловъ въ непониманіи и непризнаніи свойствъ чело-

вѣческой цивилизаціи и значенія историческаго прогресса. Конечно, этотъ упрекъ можетъ быть сдѣланъ нѣкоторымъ такъ-называемымъ славянофиламъ, но не славянофильству вообще и отнюдь не главному его дѣятелю и основателю—А. С. Хомякову. Главное свойство цивилизаціи—это ея развитіе по ступенямъ и ихъ преемственность. Романтики народности не расположены допускать представленія о ступеняхъ въ исторіи народнаго развитія. То, что съ точки зрѣнія исторической школы представляется извѣстною ступенью, они склонны принимать за существенное, неотъемлемое выраженіе народнаго духа, и устремивъ все свое вниманіе на какую-нибудь эпоху въ прошедшемъ, имъ особенно симпатичную, фантастически разукрасивъ ее подъ вліяніемъ сочувствія къ ней, они отвергаютъ преемственность въ дальнѣйшей жизни народа и ищутъ его идеаловъ назади, не понимая, что вмѣстѣ съ ростомъ и развитіемъ измѣняются потребности и совершенствуются идеалы.

Съ другой стороны, они недостаточно цѣнятъ формы и потребности, выработываемыя прогрессомъ въ его разнообразныхъ проявленіяхъ, необходимо выступающія на первый планъ вмѣстѣ съ развитіемъ обще-человѣческой культуры. Стоя ревнивыми стражами на защитѣ индивидуальныхъ свойствъ и первобытныхъ чертъ въ народной жизни, романтики народности подъ-часъ отвергаютъ прогрессивное и раціональное, не только съ точки зрѣнія практической примѣнимости или цѣлесообразности, но стараясь подрывать самый смыслъ или,—говоря ихъ языкомъ,—самую *правду* тѣхъ формъ и идей, противъ которыхъ они ратуютъ, и обнаруживая этимъ только свое непониманіе ихъ. Другое существенное свойство цивилизаціи—ея единство, т. е. ея общечеловѣчность. Конечно, народность—не только одинъ изъ существенныхъ элементовъ человѣческой цивилизаціи, начало примиряющее индивидуалистическія потребности съ космополитическими, но она можетъ быть и могущественнымъ подспорьемъ цивилизаціи, когда національное чувство является для отдѣльныхъ лицъ и для массъ побужденіемъ къ новому напряженію духовныхъ силъ и къ творческой дѣятельности въ политикѣ, искусствѣ и наукѣ. Но не слѣдуетъ забывать, что народность есть форма, въ которой можетъ проявляться цивилизація, но которая не составляетъ ея цѣли. Цивилизація въ своихъ высшихъ цѣляхъ едина, какъ едина научная истина. Научныя истины не дробятся и не видоизмѣняются ни по вѣроисповѣданіямъ, ни по государствамъ, ни по національностямъ, и со-

образно съ этимъ свѣтъ цивилизаціи можетъ преломляться по племенамъ, по народамъ и по возрастамъ ихъ; преломляющая среда можетъ дѣлать свѣтъ болѣе или менѣе тусклымъ, но свѣтъ остается, тѣмъ не менѣе, общимъ и единымъ началомъ.

Наконецъ, существенное несогласіе между историческимъ или научнымъ направленіемъ и романтическимъ высказывается въ ихъ различномъ отношеніи къ идеѣ прогресса. Правда, рѣдко кто-либо даже изъ мистическихъ сторонниковъ народнаго начала высказывался принципіально противъ прогресса; враждебное или по крайней мѣрѣ равнодушное отношеніе къ прогрессу скрывается обыкновенно за выходками противъ «подражанія», противъ усвоенія чуждыхъ формъ и идей, за протестомъ противъ прогресса несвойственнаго народному духу и подрывающаго его основы. Но, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ и справедливой полемики противъ увлеченій мнимымъ прогрессомъ, неопредѣленные толки о «самобытности» и о «внутренней» или «народной правдѣ» вытекаютъ въ сущности изъ противоположнаго историческому взгляду отношенія къ прогрессу—изъ нежеланія или невозможности признать, что высшее начало и высшая *цѣль* жизни человѣчества есть прогрессъ. А еще болѣе это явствуетъ изъ послѣдствій, къ которымъ ведетъ романтизмъ массу своихъ приверженцевъ. Болѣе или менѣе безсознательно всѣ они приходятъ къ политическому и научному *квіетизму*, который влечетъ за собой застой, отрицаніе прогресса. Подъ такимъ квіетизмомъ вовсе не нужно разумѣть нерасположеніе къ какой-нибудь частной мѣрѣ или предполагаемой реформѣ,—квіетизмъ есть скорѣе извѣстное постоянное настроеніе, которое даетъ общій оттѣнокъ убѣжденіямъ и стремленіямъ человѣка, предрасполагая его видѣть вещи въ томъ или другомъ свѣтѣ. Подобно тому, какъ религіозный квіетизмъ, напримѣръ, во французскомъ обществѣ XVII вѣка,—который былъ также проникнутъ мистическимъ принципомъ и не лишенъ поэтической окраски,—погружая лице въ созерцаніе своего *я* и божественныхъ основъ своего бытія, влекъ за собой извѣстное самодовольство и этимъ ослаблялъ внутреннюю борьбу и напряженіе, необходимыя для нравственнаго усовершенствованія; такъ и квіетизмъ соціальный, вытекающій изъ мистическаго созерцанія основъ національнаго духа и совершенства народной правды, ведетъ къ національному самодовольству, а этимъ вселяетъ общее равнодушіе къ измѣненіямъ и преобразованіямъ и становится преградой на пути дальнѣйшаго историческаго раз-

витія. Такимъ образомъ если историческое направленіе, выясняя вездѣ въ исторіи начало движенія и прогресса, внушаетъ интересъ къ этому началу и этимъ содѣйствуетъ его вліянію и дальнѣйшему усиленію среди самой націи и въ общей жизни народовъ,—противоположное отношеніе къ прогрессу ведетъ и къ противоположнымъ результатамъ. А изъ этого обнаруживается правильность слѣдующаго вывода. Различныя романтическія направленія, и между прочимъ славянофильство, имѣютъ въ вопросѣ о народности настолько значенія и основанія, насколько совпадаютъ съ научнымъ пониманіемъ исторіи народовъ; ошибки ихъ начинаются тамъ, гдѣ они расходятся съ правильнымъ историческимъ взглядомъ на народную жизнь, и обусловливаются именно отступленіемъ отъ историческаго метода.

II.

Мы старались доказать, что научное изученіе исторической жизни народовъ является лучшимъ противодѣйствіемъ противъ односторонности и увлеченій, въ которыя легко впадаютъ народные романтики, и историческій методъ долженъ быть признанъ самымъ вѣрнымъ регуляторомъ общественныхъ идеаловъ и стремленій, вытекающихъ изъ извѣстнаго рода пониманія народнаго духа. Этимъ однако не ограничивается общественная роль историческаго метода въ современныхъ вопросахъ. Есть еще другая область общественныхъ идеаловъ и тенденцій, въ которой историческій методъ можетъ оказать обществу такую же услугу, какъ и по отношенію къ романтизму и славянофильству. Эти идеалы и тенденціи вытекаютъ изъ начала, къ которому народные романтики такъ часто относятся отрицательно: мы разумѣемъ начало *прогресса*. По замѣчанію Рошера, люди, у которыхъ сильно развито чутье народнаго духа (der Sinn für das Volksthümliche), легко поддаются желанію по возможности *сохранить* старину въ обычаяхъ и учрежденіяхъ и при этомъ часто доходятъ до уродливой крайности (reactionäre Auswüchse, по выраженію Рошера) въ стремленіи произвесть *реакцію* противъ всякой новизны. Это замѣчаніе, конечно, найдетъ себѣ подтвержденіе въ личномъ опытѣ всякаго читателя, знакомаго съ литературой нашего вѣка; однако изъ-за уродливыхъ наростовъ, къ которымъ такъ часто подаетъ поводъ *реакція* противъ *прогресса*, не слѣдуетъ забывать общественное значеніе, которое можетъ имѣть въ извѣстномъ случаѣ

подобная тенденція. Не всякая *реакція* враждебна прогрессу въ настоящемъ смыслѣ этого слова; какъ замѣтилъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ критиковъ современной европейской литературы, котораго никто не заподозритъ въ равнодушіи къ прогрессу, реакція сама по себѣ вовсе не совпадаетъ съ понятіемъ регресса,—напротивъ, всякая реакція, которая исправляетъ современное представленіе о прогрессѣ и дополняетъ его, является новымъ элементомъ прогресса. Культурное значеніе подобной реакціи Брандесъ видитъ въ томъ, что она ополчается противъ излишествъ предшествовавшаго періода и выставляетъ на свѣтъ то, что предъ этимъ было забыто и оттѣснено на задній планъ. Сообразно съ этимъ можно сказать, что общественная заслуга или историческое значеніе романтизма, а значитъ и славянофильства, въ ихъ идеальномъ стремленіи заключаются въ предостереженіи и въ извѣстномъ протестѣ противъ односторонняго пониманія идеи прогресса, противъ увлеченія ложными формулами, вытекавшими изъ неправильныхъ представленій о немъ. Какъ всякая идея, такъ и высокая идея прогрессивнаго развитія, вызываемая обозрѣніемъ исторической жизни народовъ и человѣчества, можетъ быть поводомъ къ недоразумѣніямъ и превратнымъ толкованіямъ; какъ всякій идеалъ, такъ и идеалъ безостановочнаго, безпредѣльнаго развитія индивидуумовъ и обществъ можетъ проявляться въ искаженномъ, *каррикатурномъ* образѣ. Такія каррикатурныя представленія о прогрессѣ обусловливаются или одностороннимъ отношеніемъ къ нему человѣческой мысли, или недостаточною образованностью среды, въ которой они проявляются, и потому бываютъ чрезвычайно разнообразны. Въ борьбѣ съ *пародіей* на прогрессъ, съ прогрессивными обскурантами, романтизмъ получаетъ свой смыслъ и можно сказать, что обширное сочувствіе, которое романтизмъ по временамъ получаетъ въ обществѣ, всегда обусловливается не столько случайнымъ, необъяснимымъ увлеченіемъ общества модною тенденціей, сколько чувствомъ самосохраненія отъ болѣзненнаго и уродливаго прогрессизма. Но подобный разсчетъ со стороны общества, хотя и безсознательный, не вполнѣ оправдывается: противъ увлеченій нужно бороться не увлеченіями и крайности побѣждать не крайностями. Романтизмъ можетъ имѣть благодѣтельное вліяніе, какъ реакція противъ увлеченія ложнымъ прогрессомъ, освѣщая слабыя стороны этого явленія, но онъ не даетъ выхода изъ фальшиваго положенія, въ которое поставлено общество. Стремленіе къ ложному идеалу прогресса можетъ быть

побѣждено не возвращеніемъ къ старинѣ, не движеніемъ назадъ, но только началомъ, которое совмѣщаетъ въ себѣ идею поступательнаго движенія и ведетъ къ представленію объ истинномъ прогрессѣ, т. е. началомъ историческаго развитія.

Однимъ словомъ, историческій принципъ долженъ служить провѣркой различныхъ современныхъ представленій и требованій относительно прогресса: и не мало направленій идущихъ подъ общимъ знаменемъ прогресса окажутся предъ нимъ несостоятельными.

Мы не ставимъ себѣ цѣлью пересмотрѣть здѣсь всѣ различныя злоупотребленія идеей прогресса, которыя встрѣчаются въ современномъ намъ обществѣ, тѣмъ болѣе, что о нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ придется впослѣдствіи говорить подробнѣе, но только намѣтимъ главнѣйшія направленія, въ области которыхъ идея прогресса подвергается произвольному толкованію и искаженію. Увлеченія и практическія ошибки, къ которымъ подаетъ поводъ одностороннее пониманіе прогресса, обыкновенно сводятся къ двумъ основнымъ заблужденіямъ. Оба они въ одинаковой степени обусловливаются тѣмъ, что къ данному вопросу не всегда примѣняется историческій методъ. Отсутствіе исторической точки зрѣнія можетъ, во-первыхъ, обнаружиться въ опредѣленіи самого понятія прогресса и имѣть своимъ послѣдствіемъ слишкомъ догматическое отношеніе къ прогрессивному началу вообще. Всякій результатъ общаго прогрессивнаго развитія будетъ тогда цѣниться самъ по себѣ, а не по отношенію къ данному обществу или народу, не по тому вліянію, которое онъ окажетъ на извѣстную среду. Результатомъ такого поверхностнаго и слишкомъ легковѣрнаго отношенія къ прогрессу будетъ наклонность цѣнить слишкомъ абсолютно различные формы и продукты человѣческой цивилизаціи и преувеличивать потребность и способность различныхъ обществъ въ усвоеніи ихъ. Съ другой же стороны, отсутствіе исторической точки зрѣнія можетъ проявиться въ непониманіи способовъ развитія цивилизаціи и законовъ, по которымъ оно совершается. Слѣдствіемъ этого бываетъ пренебреженіе къ основному свойству всякаго историческаго прогресса—постепенности и преемственности развитія, бываетъ неумѣнье различать ступени въ исторической жизни народовъ и недостаточное вниманіе къ индивидуальному характеру эпохъ и обществъ. Эти тенденціи приводятъ къ различнымъ невѣрнымъ формуламъ или къ неумѣстнымъ практическимъ требованіямъ, смотря по отдѣльнымъ вопросамъ и интересамъ, къ которымъ прилагаются.

Исторический прогрессъ въ жизни европейскихъ народовъ обнаружился въ последние два века преимущественно въ области трехъ главныхъ вопросовъ, около которыхъ и теперь еще вращается: во-первыхъ, вопроса о свободномъ положеніи и развитіи человѣческаго индивидуума среди общества, къ которому онъ принадлежитъ; во-вторыхъ, вопроса о цѣлесообразномъ устройствѣ самого общества согласно съ принципами и потребностями, выставленными современною цивилизаціей; наконецъ, третій вопросъ столько же касается индивидуумовъ, сколько и общества: это—вопросъ о той роли, которая должна быть отведена главному двигателю современной цивилизаціи—знанію и наукѣ.

Право предъявляемое личностью на свободу и полный просторъ въ общественной жизни и во внутреннемъ развитіи было долго господствующимъ вопросомъ вѣка; оно лежало въ основаніи многихъ философскихъ системъ и различныхъ теорій общественнаго и государственнаго устройства; оно породило въ области литературы и поэзіи цѣлый рядъ блестящихъ произведеній и идеальныхъ типовъ, которые глубоко отпечатлѣлись на реальной жизни различныхъ европейскихъ обществъ. Вопросъ этотъ и теперь не затихъ, онъ по существу своему вопросъ вѣчный и возникаетъ повсюду съ новою силой, гдѣ личность начинаетъ чувствовать надъ собой сильнее давленіе того строя, среди котораго она живетъ и стремится къ полному развитію. Проявленіе индивидуальнаго принципа и творческая дѣятельность личности въ области философскаго мышленія, права и нравственности, конечно, составляютъ одинъ изъ главныхъ элементовъ прогресса; борьба индивидуума со средой, разрывъ личности съ обществомъ, нерѣдко становились исходными пунктами для новаго движенія по пути цивилизаціи, но, съ другой стороны, въ области индивидуализма, въ стремленіяхъ личности отпечатлѣть свое *я* на окружающей средѣ, въ притязаніяхъ индивидуума признать свое личное благо тождественнымъ съ общественнымъ или національнымъ прогрессомъ, возвести требованія своего *я* на степень общихъ требованій—такъ часто встрѣчаются или одностороннее болѣзненное увлеченіе, или извращеніе идей и самого принципа прогресса.

Страданія субъекта, ограниченнаго узкими для него рамками даннаго общества, протестъ индивидуума противъ всякихъ правилъ и нормъ, имъ не признанныхъ, формулированы, начиная съ Вертера, въ европейскихъ литературахъ на самые различные тоны и лады—отъ чистаго, идеалистическаго мечтанія до самаго цини-

ческаго эгоизма. Такой индивидуализмъ даже въ безсмертныхъ твореніяхъ Гёте и Байрона отмѣченъ болѣзненнымъ безсиліемъ, которое обусловливается тѣмъ, что у субъекта, предоставленнаго самому себѣ, нѣтъ никакого критеріума кромѣ личнаго произвола; въ этихъ случаяхъ, однако, онъ еще могъ служить высокимъ культурнымъ началомъ, потому что на немъ лежитъ печать генія и потому что онъ облеченъ въ поэзію, которая облагородила его и придала идеальный смыслъ скорби и притязаніямъ субъекта. Но какое разстояніе отъ поэтическихъ образовъ, съ которыхъ началъ европейскій индивидуализмъ, до матеріалистическихъ формулъ, къ которымъ пришли его подражатели въ современной русской публицистикѣ! Вертеръ, напримѣръ, изображаетъ «право и неправду переполнившагося сердца по отношенію къ пошлымъ и омертвѣлымъ правиламъ разумно устроенной будничной жизни, его стремленіе къ безконечности, его жажду свободы, которой жизнь представляется темницей, и всѣ общественныя перегородки—тюремными стѣнами» *). Однако, какъ извѣстно, даже въ этой непритязательной поэтической формѣ индивидуализмъ вызвалъ въ современномъ ему обществѣ нравственную эпидемію, содѣйствовалъ одному изъ крупныхъ патологическихъ явленій, которыхъ не мало насчитываетъ исторія человѣчества. Но что же послѣ этого сказать о слѣдующей формулѣ индивидуализма: «Если общественныя отношенія не удовлетворяютъ стремленіямъ, сознаваемымъ вами, то, кажется, ясно, что требуется коренное измѣненіе этихъ отношеній. Сомнѣнія тутъ никакого не можетъ быть. Почувствуйте только какъ слѣдуетъ право вашей собственной личности на правду и на счастье и вы самымъ непримѣтнымъ и естественнымъ образомъ придете къ кровавой враждѣ съ общественною неправдой!»

Сколько можно встрѣтить людей среди нашего образованнаго общества, которые въ своемъ философствованіи никогда не поднимались выше такой формулы и ее одну принимаютъ за исходную точку своихъ нравственныхъ понятій и общественныхъ теорій. Хорошо еще однако, пока рѣчь въ этомъ случаѣ можетъ идти объ образованныхъ людяхъ. Но формула тѣмъ особенно и грѣшитъ, что субъектъ, за которымъ она признаетъ право на правду и на счастье,—въ томъ произвольномъ смыслѣ, какъ этотъ субъектъ ихъ понимаетъ,—представляетъ собой невѣдомый x и

---

*) *Брандесъ*: „Die Litteratur des XIX J.", т. I, стр. 35 (втор. изд.).

что съ этимъ x можетъ отождествить себя всякій, кому это угодно, не говоря уже о томъ, что счастье поставлено здѣсь на ряду съ правдой и что на общество возлагается отвѣтственность и за счастье личности.

Но оставимъ въ сторонѣ эти уродливыя уклоненія индивидуализма и остановимся на его идеальномъ проявленіи. Мы имѣемъ тутъ передъ собой одну изъ самыхъ высокихъ и трудныхъ проблемъ культурной жизни, основанную на антагонизмѣ между безпредѣльностью воли и желаній лица и предѣлами, которые ему ставитъ общество. Гдѣ же выходъ изъ этого антагонизма? Гдѣ найдутся для субъекта средства, чтобъ обуздать вѣчную тревогу сердца и примириться съ преградами, на которыя онъ наталкивается? Это средство субъектъ, конечно, можетъ найти только въ *историческомъ принципѣ*. Только когда субъектъ пойметъ, что тотъ разумъ, который онъ признаетъ своимъ руководителемъ, лежитъ въ основаніи окружающаго его порядка, что тѣ формы, въ которыхъ онъ видѣлъ только преграды, не что иное какъ медленно и постепенно назрѣвающія перерожденія великаго организма,—онъ охотно откажется отъ своего высокомѣрнаго, фантастическаго уединенія и, сохраняя свой внутренній идеализмъ, признаетъ себя живымъ членомъ, микрокозмомъ болѣе великаго цѣлаго. Не даромъ вслѣдъ за эпохой раціоналистическаго индивидуализма наступила эпоха генетическаго метода и историческаго принципа. Еще въ самомъ началѣ этой эпохи знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ Англіи, защищавшимъ право американскихъ колоній на свободу и своими сочиненіями проложившимъ путь къ научной точкѣ зрѣнія на историческое развитіе общества, было отчетливо формулировано правильное отношеніе индивидуальнаго разума къ тому великому разуму, который лежитъ въ основаніи исторической жизни народовъ. «Намъ страшно,—говоритъ иронически Боркъ, обращаясь къ раціоналистамъ своего вѣка,—ставить людей въ необходимость существовать и жить въ обществѣ только съ тѣмъ частнымъ запасомъ разума, который выпалъ на долю каждаго; намъ это страшно потому, что мы предполагаемъ, что этотъ запасъ незначителенъ въ каждомъ индивидуумѣ и что отдѣльныя лица поступили бы лучше, еслибы стали всѣ вмѣстѣ пользоваться общественнымъ запасомъ и общимъ достояніемъ народовъ и вѣковъ *). Раскрыть этотъ

*) *Burke's Works.* Ed. Bohn. Vol. II, p. 359 („Reflexions on the Revolution of France").

общій запасъ разума, накопленный народами и вѣками, есть дѣло исторической науки; а потому исторія есть лучшая нравственная школа индивидуальнаго разума. Только убѣжденіе, что развитіе человѣческихъ обществъ и историческій прогрессъ совершаются по неотъемлемымъ разумнымъ законамъ и по извѣстнымъ ступенямъ, можетъ служить для всякаго развитаго индивидуума мѣриломъ при предъявленіи его притязаній на извѣстное общество и заставить его не посягать на права другихъ и самого общества, основанныя на томъ же самомъ индивидуальномъ принципѣ.

Отъ прогресса въ области индивидуальной свободы перейдемъ къ прогрессу въ общественныхъ учрежденіяхъ. Въ этомъ отношеніи всякій, кто сопоставитъ политическій строй и общественный бытъ большей части европейскихъ народовъ въ половинѣ прошлаго вѣка съ современными, прійдетъ, конечно, къ убѣжденію, что не было въ исторіи другой эпохи, когда бы политическій и соціальный прогрессъ совершался такъ быстро и такъ плодотворно отражался въ одно и то же время на жизни столь различныхъ и многочисленныхъ народовъ. Но именно эта сила и быстрота поступательнаго движенія, совершавшагося часто только на поверхности, имѣли своимъ послѣдствіемъ слишкомъ абсолютную оцѣнку политическаго прогресса вообще, а затѣмъ и увлеченіе относительно средствъ къ его достиженію. Однимъ изъ главныхъ средствъ при этомъ была политическая *теорія*, философское построеніе человѣческаго общества на отвлеченныхъ понятіяхъ, чисто разсудочное приложеніе къ обществу великихъ началъ *свободы* и *равенства*,—однимъ словомъ, политическій раціонализмъ. Отсюда—то всеобщее, выходившее изъ всякихъ разумныхъ предѣловъ, поклоненіе раціонализму, которое и теперь такъ сильно даетъ себя чувствовать; отсюда—предрасположеніе въ обществѣ относиться чисто отвлеченно къ идеѣ политическаго и общественнаго прогресса; отсюда, наконецъ, у многихъ эта наклонность слишкомъ высоко цѣнить политическія *формы* и превозносить то формы очень сложныя насчетъ болѣе простыхъ и первобытныхъ (либерализмъ), то крайне упрощенныя, не примѣнимыя къ сложному историческому организму (демократическій радикализмъ). Въ область права и политической экономіи гораздо раньше, чѣмъ въ область собственно политики, проникло сознаніе постепеннаго и обусловленнаго постоянными законами развитія, пониманіе *условнаго* значенія различныхъ ступеней и формъ. Именно

сравненіе очень сложныхъ, позднихъ формъ экономической жизни съ условіями и потребностями болѣе первобытной страны (Англіи и Россіи) значительно содѣйствовало освобожденію политической экономіи отъ того отвлеченнаго догматизма, печать котораго была на нее наложена ея великимъ преобразователемъ, Адамомъ Смитомъ, а еще болѣе его школой. Извѣстный русскій государственный человѣкъ, графъ Канкринъ, одинъ изъ первыхъ выяснилъ понятіе *слагающейся* (въ экономическомъ отношеніи) *страны* (eines werdenden Landes) и по многимъ практическимъ вопросамъ обратилъ вниманіе на относительное значеніе и необходимость многихъ экономическихъ формъ и пріемовъ, признанныхъ экономическою наукой *устарѣлыми* *). Съ неменьшимъ, конечно, основаніемъ такое же научно-практическое отношеніе могло бы быть примѣняемо къ политическимъ формамъ и общественнымъ учрежденіямъ, еслибы въ этомъ случаѣ правильнымъ пріемамъ не препятствовала старая привычка разсуждать отвлеченно и руководиться одною только вѣрой въ непогрѣшимость раціоналистической теоріи политическаго прогресса. И въ этомъ случаѣ мы охотно приведемъ слова Борка, какъ одного изъ первыхъ писателей, которые обсуждали вопросъ о политическомъ прогрессѣ съ исторической точки зрѣнія: «Я не постигаю, какимъ образомъ можно довести себя до такой крайней степени высокомѣрія, чтобы видѣть въ своей родинѣ ничего болѣе какъ *бѣлый листъ*, на которомъ можно чертить все, что вздумается. Человѣкъ, горячо одушевленный теоретическимъ благоволеніемъ (*speculative benevolence*), можетъ желать, чтобы общество, среди котораго онъ родился, было иначе устроено, чѣмъ оно есть. Но добрый патріотъ и истинный политикъ всегда заботится о томъ, чтобы какъ возможно больше воспользоваться матеріаломъ, существующимъ въ его отечествѣ. Наклонность сохранять и способность улучшать—соединеніе этихъ двухъ свойствъ служитъ въ моихъ глазахъ мѣриломъ государственнаго человѣка. Spartam nactus est, hanc exorna **).

Еще больше однако поводовъ къ недоразумѣніямъ подаетъ раціоналистическое представленіе о прогрессѣ, когда оно прилагается къ области духовной культуры.

И въ этомъ случаѣ заблужденіе заключается въ преувеличенной, безусловной оцѣнкѣ *одного* изъ элементовъ историче-

---

*) *Рошеръ*: „Исторія полит. экон.", § 171.

**) Спарта тебѣ досталась въ удѣлъ, ее и украшай. *Burke*, p. 428.

скаго прогресса. Нѣтъ сомнѣнія, что одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ цивилизаціи, особенно современной, есть *знаніе* въ реалистическомъ смыслѣ этого слова и распространеніе его въ обществѣ посредствомъ школы и чтенія. Но то великое и благотворное значеніе, которое получило съ прошлаго вѣка изученіе природы въ европейской культурѣ, не могло не породить одностороннняго понятія о знаніи и слѣпаго поклоненія новому кумиру. Сложилось мнѣніе, что прогрессъ въ жизни человѣчества обусловливается единственно успѣхами реальнаго знанія и что всѣ представленія, убѣжденія и стремленія людей, которыя вытекаютъ не изъ знанія, только тормозъ на пути къ прогрессу. Явились попытки возвести это мнѣніе въ философскую формулу и дать ему научное основаніе, и подобныя попытки вполнѣ соотвѣтствовали извѣстной потребности общества и потому находили въ немъ сочувственный отголосокъ. Огромный успѣхъ, который, напримѣръ, имѣло у насъ въ свое время сочиненіе Бокля, гораздо болѣе объясняется предрасположеніемъ многихъ его читателей къ проводимой имъ теоріи, вслѣдствіе сильно пробудившагося у нихъ влеченія къ знанію, чѣмъ настоящими заслугами этого ученаго труда. Теорія, видѣвшая въ знаніи *панацею*, порождала все болѣе и болѣе одностороннихъ и горячихъ приверженцевъ по мѣрѣ того, какъ она попадала въ среду слабо проникнутую знаніемъ и образованіемъ. Въ Россіи, подобно тому какъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ, реалистическое воззрѣніе на прогрессъ нашло для себя особенно благопріятную почву, какъ по причинѣ большой потребности образованія и желанія въ обществѣ хотя и наскоро удовлетворить ей, такъ и вслѣдствіе общаго хода русскаго просвѣщенія и чрезвычайно важной роли, которую при этомъ играла литература. Болѣе чѣмъ гдѣ-либо просвѣщеніе развивалось въ Россіи, благодаря усиліямъ правительства, проводилось извнѣ и должно было пробиваться сквозь темную среду. По той же причинѣ просвѣщеніе имѣло въ Россіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо теоретическій, отвлеченный характеръ; общество не столько выработало, сколько вычитало его, и главною пищей для него служили при этомъ журналы и газеты. При этихъ условіяхъ раціоналистическое представленіе о *просвѣщеніи* имѣло въ Россіи относительный смыслъ, но при незрѣлости многихъ изъ своихъ представителей вышло далеко за предѣлы разумнаго; нигдѣ не проповѣдывалась съ такимъ авторитетомъ и съ такимъ успѣхомъ, какъ въ русской литературѣ, теорія, что «есть

въ человѣчествѣ одно только зло—невѣжество; противъ этого зла есть только одно лѣкарство—наука». Нигдѣ не вѣрили такъ наивно и безусловно въ золотой вѣкъ прогрессистовъ, когда настанетъ возможность «черпать науку ведрами и сороковыми бочками» и одинаково поливать ею всѣхъ людей, какъ огородныя растенія. «Пока наука не перестанетъ быть барскою роскошью, пока она не сдѣлается насущнымъ хлѣбомъ каждаго здороваго человѣка, пока она не проникнетъ въ голову ремесленника, фабричнаго работника и простаго мужика,—до тѣхъ поръ бѣдность и безнравственность трудящейся массы будутъ постоянно усиливаться, несмотря ни на проповѣди моралистовъ, ни на подаянія филантроповъ, ни на выкладки экономистовъ, ни на теоріи соціалистовъ».

Неудивительно конечно, что съ такимъ взглядомъ на дѣло соединялось крайнее пренебреженіе къ вѣрованіямъ и понятіямъ народной массы, что поклонники раціоналистическаго прогресса считали себя въ правѣ презирать народное міросозерцаніе за то, что «оно находится въ самой непримиримой враждѣ со всѣми элементарными учебниками физики и географіи». Съ ихъ точки зрѣнія народъ—«пассивный матеріалъ, надъ которымъ друзьямъ человѣчества приходится много работать, но который самъ помогаетъ имъ очень мало и не принимаетъ до сихъ поръ никакой опредѣленной формы. Это — туманное пятно, изъ котораго выработываются новые міры, но о которомъ теперь рѣшительно нечего говорить». Это — «подвалъ общественнаго зданія, куда не проникаетъ ни одинъ лучъ общечеловѣческой мысли». Это общественное зданіе, въ которомъ выработывается прогрессъ, представлялось фанатикамъ реальнаго прогресса очень несложнымъ. Оно состоитъ изъ подвала и сквозной верхней галлереи для печатнаго станка и горсти литераторовъ-популяризаторовъ. Все дѣло въ «книжкѣ». «Людямъ надо доказывать какъ можно убѣдительнѣе, что имъ вовсе не слѣдуетъ исправляться» и т. д. Главный совѣтъ долженъ состоять въ томъ: «Вы бы почитали книжку», потому что «все человѣческое благосостояніе безусловно зависитъ отъ высоты умственнаго развитія». Мы привели эти подлинныя цитаты для того, чтобъ опредѣленнѣе характеризовать направленіе, о которомъ идетъ рѣчь. Намъ нельзя возражать, что приведенныя слова были написаны болѣе десяти лѣтъ тому назадъ. Они взяты изъ книги очень распространенной и теперь еще жадно читаемой, бо́льшему распространенію

которой мѣшаетъ только случайное обстоятельство. А главное дѣло въ томъ, что это направленіе остается и теперь въ полной силѣ. Если оно и не высказывается такъ наивно, съ такою пылкостью и юношескою незрѣлостью, какъ въ шестидесятыхъ годахъ, то въ сущности оно не измѣнилось. Серьезная сторона его заключается все въ томъ же убѣжденіи, что прогрессъ безусловно зависитъ отъ умственнаго развитія, что это умственное развитіе исключительно обусловливается пріобрѣтеніемъ реальныхъ знаній; а изъ этого крайне односторонняго и потому невѣрнаго положенія уже дѣлается софистическій выводъ, что *раціоналистическое* просвѣщеніе можетъ и должно быть въ одинаковой степени проводимо во всѣ слои народа и что главный культурный факторъ при этомъ заключается въ публицистикѣ. Такое *книжное* представленіе о жизни, такая *идеологія* прогресса совершенно противорѣчатъ дѣйствительности и здравому смыслу. Мы сошлемся въ этомъ случаѣ на здравый смыслъ одного изъ соотечественниковъ Бокля, на писателя, который въ своемъ отечествѣ всегда былъ поборникомъ *прогрессивныхъ* идей, и нерѣдко даже очень крайнихъ, но при этомъ всегда сохранялъ трезвый взглядъ на прогрессъ. Хваля Руссо за то, что онъ «среди научнаго и философскаго энтузіазма», охватившаго въ его время Францію, отстаивалъ *истину*, Морлей формулируетъ эту истину слѣдующимъ образомъ: «Мы можемъ сказать, что это есть возможность существованія выдающихся гражданскихъ добродѣтелей въ такомъ народѣ, у котораго нѣтъ ни склонности къ наукамъ, ни знаній, ни интеллектуальной любознательности. Или мы можемъ сказать, что это есть совмѣстимость общаго довольства и порядка въ извѣстномъ обществѣ съ весьма низкимъ уровнемъ знаній». Морлей высказываетъ свое сочувствіе мысли Руссо, что «добродѣтель безъ знанія лучше, нежели знаніе безъ добродѣтели,—или что благополучіе страны зависитъ болѣе отъ пониманія общественныхъ обязанностей и отъ готовности гражданъ подчиняться имъ, нежели отъ степени умственнаго развитія и отъ степени его распространенности. Другими словами, мы должны менѣе заботиться о философской или научной любознательности народа, нежели о томъ, на сколько возвышенны его понятія о гражданскихъ добродѣтеляхъ и готовъ ли онъ съ твердостью осуществлять эти понятія на практикѣ». «Въ наше время,—говоритъ далѣе Морлей,—энергическіе умственные труженики слишкомъ высоко цѣнятъ то, что они вносятъ въ общій

запасъ средствъ, способствующихъ человѣческому счастію, и— что еще болѣе важно—цѣнятъ слишкомъ низко любовь къ порядку, скромность, самоотверженность, то-есть тѣ нравственныя качества, которыя одни только могутъ дѣлать людей лучшими и поддерживать существованіе общества»*).

Но не одинъ только здравый смыслъ возстаетъ противъ раціоналистическаго представленія о прогрессѣ, къ такому же результату приводитъ и опытъ исторіи—изученіе средствъ и способовъ человѣческаго развитія. Исторія показываетъ, что прогрессъ—явленіе чрезвычайно сложное, обусловленное взаимодѣйствіемъ многихъ причинъ, и, во-вторыхъ, что это—процессъ, проходящій по извѣстнымъ ступенямъ и совершающійся постепенно. Таковъ непремѣнный ходъ развитія какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для цѣлыхъ массъ людей. И если нѣкоторыя техническія свѣдѣнія и «послѣднія слова науки», на вѣру усвоенныя, еще не превращаютъ дикаря въ развитаго и образованнаго человѣка, то прогрессъ цѣлаго народа съ вѣковой исторической жизнью и прочно осѣвшими устоями всего быта тѣмъ менѣе зависитъ отъ искуственнаго вѣянія, которое легко можетъ быть вызвано на его поверхности.

Въ тѣсной связи съ разсмотрѣнными нами вопросами о прогрессѣ въ индивидуальной свободѣ, въ общественныхъ учрежденіяхъ и въ духовной культурѣ находится вопросъ о самомъ способѣ развитія этого прогресса, т.-е. насколько такой процессъ долженъ имѣть характеръ самостоятельный или же допускаетъ подражаніе со стороны одного народа другому болѣе успѣвшему. И въ этомъ отношеніи историческій методъ даетъ твердую точку опоры. Если поклонники національнаго принципа обыкновенно слишкомъ упорно держатся за него и въ вопросѣ о методѣ прогрессивнаго развитія, то приверженцы раціоналистической точки зрѣнія на прогрессъ хотя и строятъ свои идеалы и программы на основаніи общихъ началъ, однако въ то же время любятъ опираться на примѣръ и авторитетъ другихъ странъ, выставляемыхъ образцомъ. Такимъ образцомъ для французскихъ либераловъ въ XVIII вѣкѣ служила Англія, а для нѣмецкихъ либераловъ 30 и 40 годовъ современная имъ Франція. Вслѣдствіе этого либерализмъ на европейскомъ материкѣ, съ своей теоретической стороны отличавшійся постоянною склонностью къ обобщеніямъ и чисто разсудочной оцѣнкѣ политическихъ формъ,

*) *Морлей*: „Руссо“, гл. V пер. Невѣдомскаго, стр. 100.

въ практической жизни представлялся большею частью направленіемъ *подражательнымъ*. Такое подражаніе давало на практикѣ очень различные результаты: такъ, напримѣръ, заимствованный Франціей изъ Англіи въ концѣ прошлаго вѣка судъ присяжныхъ быстро принялся и сдѣлался, такъ сказать, органическимъ учрежденіемъ страны; заимствованіе же конституціоннаго механизма съ безотвѣтственнымъ королемъ и двумя палатами—наслѣдственныхъ и выборныхъ представителей—встрѣтило, какъ извѣстно, непреодолимыя препятствія, какъ при Людовикѣ XVI, такъ и въ двухъ попыткахъ примѣнить эту политическую форму къ Франціи, сдѣланныхъ въ XIX вѣкѣ.

При различныхъ неудачахъ, постигавшихъ подобныя попытки заимствованія, обыкновенно обнаруживались два легко понятныхъ недостатка со стороны людей, проводившихъ или отстаивавшихъ заимствованныя формы: во-первыхъ, плохое знакомство съ условіями и потребностями родной страны, съ настроеніемъ *дѣйствительнаго* общественнаго мнѣнія, съ историческимъ прошедшимъ страны, насколько оно вліяло на современное ея положеніе, и, наконецъ, даже съ сущностью предлагаемыхъ къ заимствованію учрежденій и настоящимъ положеніемъ ихъ въ той самой странѣ, откуда они почерпались. Эти недостатки не только обнаружились поразительнымъ образомъ со стороны людей, пытавшихся въ 1789 году перенести во Францію англійскій конституціонный механизмъ (Мунье и др.), но и въ XIX вѣкѣ въ различныхъ фракціяхъ конституціонной партіи во Франціи.

Совершенно аналогическое явленіе представляетъ намъ и исторія Германіи со времени ея освобожденія отъ владычества Наполеона. Эта исторія ясно показываетъ, какимъ образомъ «національная идея», столь сильно возбужденная войной за освобожденіе, утратила подъ собой почву и вліяніе надъ обществомъ вслѣдствіе союза главныхъ ея представителей—романтиковъ съ вождями и приверженцами реакціи, начавшейся съ Вѣнскаго конгресса, и вслѣдствіе совершеннаго непониманія со стороны романтиковъ либеральныхъ потребностей въ нѣмецкомъ обществѣ. Но, съ другой стороны, та же исторія Германіи, объясняя несостоятельность либерализма двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, указываетъ на ошибки, въ которыя такъ легко впадаетъ всякое безпочвенное въ своемъ подражаніи направленіе.

Вслѣдствіе единства общечеловѣческаго прогресса и преемственности въ исторіи культурныхъ народовъ, подражаніе и под-

чиненіе чужому вліянію является однимъ изъ главныхъ элементовъ цивилизаціи. Исторія не въ состояніи открыть первоначальные источники теперешней европейской цивилизаціи и первые культурные народы, которыхъ она знаетъ, вѣроятно, уже успѣли заимствовать у своихъ предшественниковъ нѣкоторые элементы своей культуры. Съ тѣхъ поръ цѣпь подражаній идетъ непрерывно: греки получили сѣмена своей культуры съ Востока и воспитали римлянъ; римляне сдѣлались учителями западной Европы, и т. д. Народы занимающіе высокую культурную ступень открыто сознаются въ томъ, какъ многимъ они обязаны другимъ. Одинъ изъ главныхъ представителей юридической науки въ Германіи недавно заявилъ: «Путемъ нашего законодательства мы приняли у себя французское государственное устройство, французское уголовное право, французское судоустройство и судопроизводство, хотя и съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, и подготовляемый сводъ гражданскаго права Германской имперіи вѣроятно будетъ во многихъ отношеніяхъ носить на себѣ слѣды французскаго Code Civile»*).

Съ другой стороны, нужно имѣть въ виду, что не всякое заимствованіе есть только подражаніе и что не всѣ плоды чужеземнаго вліянія слѣдуетъ признавать чужими. Доступность чужеземному вліянію бываетъ иногда только признакомъ того, что въ народѣ начинаютъ проявляться новыя потребности, и когда старыя формы и понятія отжили свое время и потеряли значеніе, а новыя еще не выработались, общество жадно хватается за готовыя формы и понятія, которыя находитъ у другихъ народовъ, и съ ихъ помощью совершаетъ переходъ на новую ступень развитія. Такимъ образомъ, напримѣръ, такъ-называемая *рецепція* римскаго права въ Германіи въ XV вѣкѣ не представляетъ собой простаго подражанія Италіи или древнему Риму; въ тогдашней Германіи совершался переходъ отъ феодальнаго устройства къ государственному, отъ сословныхъ и корпоративныхъ формъ въ администраціи и судѣ къ бюрократическимъ; это стремленіе нашло себѣ полное удовлетвореніе въ формахъ римскаго права и послѣднее стало быстро вытѣснять старое германское право повсюду, гдѣ новая государственная власть успѣла окрѣпнуть. Подобнымъ образомъ, когда полицейское государство, искоренивъ остатки феодальной старины, очистило почву отъ мѣстныхъ и сословныхъ преградъ и слило населеніе въ безразличную массу гражданъ,

---

*) Sohm. Zeitsch. d. Savigny Stif, т. I, p. 84.

въ этой массѣ проявилась потребность образовать изъ себя новыя органическія формы и эта потребность привела къ подражанію англійскимъ и французскимъ учрежденіямъ.

Вслѣдствіе всего этого аргументація, исходящая изъ начала *самобытности*, для того, чтобы бороться противъ подражанія чужимъ формамъ и понятіямъ, не имѣетъ сама по себѣ серьезнаго значенія; она можетъ получить такое значеніе только въ союзѣ съ научнымъ историческимъ методомъ. Возражать противъ заимствованій, противъ чужихъ формъ и отношеній можно только въ такомъ случаѣ, когда извращается самое понятіе о цивилизаціи и прогрессѣ и подъ ихъ покровомъ превозносятся скороспѣлые плоды современнаго прогресса или даже отброски, падающіе съ трапезы цивилизованныхъ народовъ. А помимо этого возраженіе противъ заимствованій чужого имѣетъ тогда только смыслъ, когда заимствованіе находится въ противорѣчіи съ понятіемъ органическаго развитія народной жизни, когда есть основаніе думать, что привитая вѣтка дастъ только пустоцвѣтъ и напрасно притянетъ къ себѣ соки, необходимые для питанія цѣлаго. Отсюда слѣдуетъ, что какъ въ теоретическихъ вопросахъ, такъ и въ вопросахъ практическихъ, выходящихъ изъ области литературы на почву публицистики и общественной жизни,—въ вопросахъ, около которыхъ поэтому группируются не только литературные кружки и школы, но и политическія партіи, — критическимъ мѣриломъ и примиряющимъ началомъ является историческій принципъ.

Предшествовавшее наше изложеніе имѣло цѣлью доказать, что различныя направленія въ вопросѣ о народности и о прогрессѣ впадаютъ въ заблужденіе именно по мѣрѣ того, какъ они удаляются отъ историческаго взгляда на предметъ и отъ примѣненія историческаго метода къ явленіямъ народной жизни и прогресса. Поэтому къ историческому методу должны прибѣгать за руководствомъ тѣ, кто, исходя изъ уваженія ко всему индивидуальному и своеобразному, ко всему искони сложившемуся въ народной жизни, преимущественно склонны сохранять неприкосновеннымъ все, что ими признается народнымъ. А съ другой стороны историческій принципъ долженъ служить нормой и для тѣхъ, которые видятъ національный интересъ въ возможно быстромъ усвоеніи всего, что признается необходимымъ требованіемъ прогресса и продуктомъ культуры, и при опредѣленіи этого руководятся преимущественно общими началами и изученіемъ современныхъ культурныхъ теченій.

Историческій взглядъ признаетъ народъ за организмъ и въ силу этого вмѣщаетъ въ себѣ оба начала, проявляющіяся въ исторической жизни политическихъ организмовъ вообще, а слѣдовательно и народностей,—какъ начало прогресса, т.-е. дальнѣйшаго роста по общимъ законамъ, такъ и начало органическаго развитія, т.-е. развитія изъ самого себя съ сохраненіемъ своего индивидуальнаго, своеобразнаго характера. Историческій взглядъ на предметъ не даетъ, конечно, готовыхъ отвѣтовъ на вопросы, которые ставятся практическою жизнью, но онъ представляетъ твердую почву для разрѣшенія ихъ, онъ можетъ служить лучшимъ средствомъ для того, чтобы сознательно отнестись къ нимъ и такимъ образомъ быть регуляторомъ для здраваго общественнаго мнѣнія. Для того, однако, чтобы въ обществѣ установился правильный взглядъ на такіе существенные интересы, какіе связаны съ представленіями о народѣ, о народности и о прогрессѣ въ народной жизни, необходимо прежде всего, чтобы между образованными людьми распространилось знакомство съ исторіей этихъ вопросовъ и съ постановкой ихъ въ различныхъ европейскихъ литературахъ. При изслѣдованіи внутренней жизни извѣстнаго народа, всего поучительнѣе сравненіе ея съ ходомъ развитія другихъ народовъ; при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній и типовъ необходимѣе всего сравнительное изученіе; для устраненія заблужденій, предразсудковъ и ложныхъ теорій относительно современныхъ вопросовъ ничто такъ не полезно, какъ знакомство съ причинами, вызвавшими подобныя явленія въ другихъ обществахъ; а въ дѣлѣ фантастическихъ мечтаній о народѣ и народности ничто такъ не отрезвляетъ, какъ убѣжденіе, что и другіе увлекались подобнымъ же образомъ.

Содѣйствовать въ нѣкоторой мѣрѣ въ кругу читателей распространенію историческихъ свѣдѣній по вопросу о народѣ и народности въ иностранныхъ литературахъ есть цѣль предположенныхъ нами очерковъ. О томъ значеніи, которое они имѣютъ для насъ, и о вліяніи ихъ на русскую литературу у насъ въ послѣднее время слишкомъ часто забываютъ. Къ какимъ недоразумѣніямъ это нерѣдко подаетъ поводъ, мы пояснимъ слѣдующимъ примѣромъ.

Два года тому назадъ покойный Ѳ. М. Достоевскій въ своей извѣстной рѣчи, произнесенной на юбилеѣ Пушкина, между прочимъ заявилъ, что Пушкинъ въ «Алеко «отыскалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того ис-

торическаго русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ» *). Сущность высказанной здѣсь мысли Достоевскаго заключается въ томъ, что «скитальчество» Алеко и подобныхъ ему типовъ обусловлено раздвоеніемъ русскаго народа, которое вызвано Петровскою реформой и «европейскимъ» направленіемъ «русской интеллигенціи, оторвавшейся отъ народа». Пушкину ставится въ заслугу, что онъ первый «отыскалъ и отмѣтилъ главнѣйшее и болѣзненное явленіе нашего интеллигентнаго, исторически оторваннаго отъ почвы общества, возвысившагося надъ народомъ». Правда, Достоевскій при этомъ вскользь и какъ бы нехотя намекалъ на то, что типъ Алеко заимствованъ изъ иностранной литературы. Пушкинъ, — замѣчаетъ онъ, — «отыскалъ же его, конечно, не у Байрона только», а въ другомъ мѣстѣ о характерѣ Алеко сказано: «Тутъ есть немножко Жанъ-Жакъ Руссо». Несмотря на это, однако, вездѣ проводится основная мысль, что типъ Алеко есть выраженіе разлада, проявившагося въ русскомъ обществѣ, вслѣдствіе отдѣленія интеллигенціи отъ народа. «Типъ этотъ, — сказано у Достоевскаго, — вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ постоянный и надолго у насъ, въ нашей Русской землѣ, поселившійся». Человѣкъ этотъ, — говорится дальше, — зародился какъ разъ въ началѣ втораго столѣтія послѣ великой Петровской реформы, въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, оторванномъ отъ народа, отъ народной силы. Такое объясненіе типа Алеко, возводившее Пушкина въ родоначальника того направленія, котораго держался Достоевскій, встрѣтило возраженіе, между прочимъ, и со стороны профес. Градовскаго.

Въ статьѣ г. Градовскаго (помѣщенной въ 174 № *Голоса*) высказано — краснорѣчиво и убѣдительно — много дѣльныхъ замѣчаній о направленіи знаменитаго романиста, но относительно Алеко тамъ проводится взглядъ почти столь же парадоксальный и также навѣянный потребностью минуты, какъ и взглядъ Достоевскаго, сдѣлавшаго изъ Алеко перваго славянофила. Упрекая Достоевскаго въ томъ, что онъ не далъ типамъ Пушкина «полнаго объясненія именно потому, что связалъ ихъ не со всѣмъ послѣдующимъ движеніемъ нашей литературы, а исключительно съ своимъ міросозерцаніемъ», г. Градовскій впалъ въ ту же край-

*) „Дневникъ писателя", Выпускъ 1880 г., стр. 9.

ность. Связавъ Алеко съ извѣстнымъ рядомъ позднѣйшихъ литературныхъ типовъ, критикъ подводитъ ихъ подъ одинъ общій знаменатель и объясняетъ ихъ одной общею причиной. Такимъ образомъ г. Градовскій приходитъ къ выводу, что причину того, «отчего бѣжалъ къ цыганамъ Алеко, должно искать не въ однихъ личныхъ качествахъ скитальцевъ, а въ качествахъ *общественныхъ учрежденій* прежняго времени». А въ другомъ мѣстѣ даже эти личныя качества: «значительная доля гордости» и «великая доза себялюбія»—сводятся на тѣ же общественныя учрежденія, признаются ихъ *результатами*. «Гордость и себялюбіе,—сказано у г. Градовскаго,—не были ихъ первоначальными грѣхами (Алеко и другихъ скитальцевъ), не были и первою причиной ихъ скитальчества физическаго или духовнаго. Совершенно напротивъ: гордость и себялюбіе явились результатомъ ихъ отчужденія, долговременнаго отрицательнаго отношенія ко всему окружавшему, плодомъ ихъ одиночества». Отрицательное же отношеніе скитальцевъ «къ явленіямъ русской жизни», какъ и подобное отрицательное отношеніе «просвѣщенной части русскаго общества», объясняется неприглядною дѣйствительностью, которую, напримѣръ, такъ вѣрно изобразилъ Гоголь.

Въ своемъ отвѣтѣ на возраженіе профес. Градовскаго Достоевскій очень мѣтко опровергнулъ мнѣніе, будто бы Алеко искалъ убѣжища у цыганъ отъ гражданской скорби, вызванной тогдашними общественными учрежденіями, что онъ бѣжалъ въ степь отъ «Дмухановскаго и Держиморды»; но издатель «Дневника писателя» уже вовсе не коснулся существенной стороны вопроса, а именно, что происхожденіе разбираемаго типа нужно прежде всего искать въ общихъ теченіяхъ европейской литературы.

Объ этомъ искусственномъ истолкованіи поэмы «Цыгане», объ этомъ произвольномъ искаженіи ея главнаго типа пожалѣетъ, конечно, всякій, кому имя Алеко живо напоминаетъ одну изъ прелестнѣйшихъ картинъ, созданныхъ поэтомъ,—всякій, кто находился когда-либо подъ обаяніемъ его чуднаго стиха. Въ этомъ гармоническомъ аккордѣ Пушкинской лиры всякій образованный читатель отчетливо отличитъ ноты, которыя въ разныхъ сочетаніяхъ и тонахъ громко звучали во всѣхъ современныхъ Пушкину европейскихъ литературахъ. Въ героѣ «Цыганъ» слабѣе всего слышится звукъ, составляющій основную ноту другихъ аналогическихъ произведеній того времени, едва намѣчена идея разрыва героя съ обществомъ («его преслѣдуетъ законъ», говоритъ цы-

ганка, «добровольнымъ» называетъ свое изгнаніе Алеко), точно также мимоходомъ, едва, задѣта и другая струна, такъ сильно звучавшая у многихъ предшественниковъ и современниковъ Пушкина — меланхолія, тайная, необъяснимая грусть. Гораздо рѣзче выступаетъ въ героѣ черта, не имѣющая ничего общаго съ гражданскою скорбью,—черта, которою отмѣчено столько *геніевъ* и геніальныхъ *типовъ*, созданныхъ поэтами въ первой четверти нашего вѣка,—жажда «волшебной славы» и вмѣстѣ съ тѣмъ гордое разочарованіе въ ней и скорбь объ ея суетности.

Скажи мнѣ, что такое слава?—
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій...

Но настоящій характеръ героя можетъ быть понятъ только въ связи съ картиной, изъ которой онъ выступаетъ, а фонъ этой картины составляетъ гармоническій контрастъ между вольною степью «съ веннимъ запахомъ луговъ» и «неволей душныхъ городовъ», между бродячей бѣдностью и волей кочевниковъ и «мертвой нѣгой и жизнью праздной»,—контрастъ между страстной, близкой къ природѣ, дикаркой и дѣвами въ «нарядахъ дорогихъ», между жизнью среди дикарей и въ цивилизованномъ обществѣ, гдѣ

Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей...

Этотъ контрастъ получаетъ, наконецъ, особенную окраску, ясно выдающую его происхожденіе — вслѣдствіе противоположенія между мирнымъ забвеніемъ человѣка, «презрѣвшаго основы просвѣщенія» и вернувшагося къ природѣ, и «пресыщеніемъ пышной суетой наукъ». Однако для довершенія поэтической картины, представляемой «Цыганами», нужно имѣть въ виду, что господствующій мотивъ въ поэмѣ, преобладающій надъ всѣми другими мотивами, есть *страсть*,—любовная страсть со всѣмъ ея блаженствомъ и со всѣми мученіями ревности и злобы, страсть со всѣмъ жгучимъ пыломъ ея, какой могла почувствовать и изобразить душа 25-лѣтняго поэта. Страсть смущаетъ «сердечную лѣнь» героя, волненія страсти измучили его грудь, усмиренія ихъ онъ ищетъ въ вольной степи; но здѣсь онѣ снова просыпаются и въ таборѣ цыганъ онъ опять подпадаетъ ихъ власти. Мы не имѣли здѣсь въ виду подробно входить въ анализъ Пушкинской поэмы. Это потребовало бы отдѣльнаго очерка, въ ко-

торомъ пришлось бы точнѣе разграничить три элемента, слившіеся въ поэмѣ: *индивидуальный*, внесенный туда личностью поэта и его личнымъ положеніемъ, затѣмъ *общественный*, — насколько на поэмѣ отразилось положеніе и настроеніе русскаго общества того времени, — и, наконецъ, элементъ *литературный* и *культурный*, то-есть вліяніе, оказанное на поэта обще-европейскою литературой. Все это—дѣло біографовъ Пушкина и мы можемъ для примѣра сослаться въ этомъ отношеніи на біографію Пушкина, составленную В. Я. Стоюнинымъ. Указавъ, какъ работала фантазія поэта подъ впечатлѣніями его собственной жизни, а съ другой стороны на сочувственный отзывъ Пушкина на голосъ Байрона, біографъ приходитъ къ заключенію, что «отъ всего этого Алеко не переработался въ чистый типъ, который бы можно было объяснить русской историческою жизнью» *). Такое опредѣленіе, конечно, гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ попытки объяснить поэму Пушкина литетурными тенденціями, возникшими позднѣе. Вся полемика, которой мы коснулись, исключительно вращалась около того, за какимъ изъ двухъ современныхъ литературныхъ направленій, столкнувшихся по вопросу о Пушкинѣ, останется право провозгласить Пушкина своимъ родоначальникомъ и воспользоваться его авторитетомъ для своего торжества. Такой характеръ полемики и такая вообще постановка вопроса объ общественномъ значеніи поэтическаго творчества Пушкина были бы невозможны, еслибы спорящія стороны приняли во вниманіе исторію европейской литературы со включеніемъ русской, и при установленіи «народной правды» или, съ другой стороны, «гражданской правды» позаботились прежде всего о томъ, чтобы не нарушать дѣйствительной или фактической правды. Подобнымъ образомъ могли бы быть устранены многія недоразумѣнія и излишніе споры о народности и связанныхъ съ

*) *Истор. Вѣстн.* 1880 г. авг., стр. 642. Мы позволимъ себѣ сдѣлать по этому поводу одну оговорку. Намъ кажется, что въ главѣ объ Алеко почтенный біографъ былъ недостаточно послѣдователенъ. Пренебреженіе Алеко „къ оковамъ просвѣщенья“ онъ объясняетъ жизнью русскаго дворянскаго общества. „Ему было легко сдѣлаться дикаремъ,—говоритъ г. Стоюнинъ, — потому что то просвѣщеніе, отъ котораго онъ отрекся, было просвѣщеніе большинства русскихъ дворянъ“ и т. д. Тутъ дано слишкомъ много значенія мѣстному вліянію. Вѣдь мысль освободиться отъ оковъ просвѣщенія (т.-е цивилизаціи) возникла не въ средѣ русскаго дворянства и даже не у аристократическихъ поэтовъ Франціи и Англіи (Шатобріана и Байрона), первымъ ея провозвѣстникомъ былъ упомянутый г. Стоюнинымъ *Женевскій гражданинъ*, ополчившійся противъ жизни „цивилизованно-дворянскаго общества“.

этимъ принципомъ вопросахъ, еслибъ исторія этого принципа и его проявленія въ литературѣ различныхъ европейскихъ народовъ были болѣе извѣстны. Особенно поучительна въ этомъ случаѣ исторія литературы и отношенія ея къ вопросу о народности въ двухъ европейскихъ странахъ—во Франціи и Германіи. Въ первой вопросъ о народѣ и народности разработывался съ тѣмъ большею страстностью и односторонностью, что различныя теоретическія направленія въ этомъ вопросѣ часто находили себѣ непосредственное приложеніе къ политической жизни или вытекали изъ нея. Въ Германіи различные взгляды на этотъ предметъ проводились большею частью въ области философіи и поэзіи, въ эстетической критикѣ и въ наукѣ и рѣже примыкали къ практическимъ интересамъ различныхъ политическихъ партій. Въ виду того, что проявлявшіяся во французской литературѣ и исторіографіи представленія о народѣ и народности преимущественно нуждаются въ критической провѣркѣ и особенно интересны для русскихъ читателей по причинѣ глубокаго и постояннаго вліянія, которое французская литература имѣла на русское общество, мы избрали ее предметомъ нашего изученія, съ указанной нами точки зрѣнія.

В. Герье.

Сѣренькая идиллія.

Повѣсть Элизы Ожешковой.

(переводъ съ польскаго.)

I.

Отъ широкихъ и людныхъ улицъ города по направленію къ тихимъ и кривымъ переулкамъ зарѣчнаго предмѣстья бѣжала худощавая десятилѣтняя дѣвочка, въ грубой юбкѣ, надѣтой поверхъ изорванной рубашки, босая, съ большими волосами, отливающими всѣми оттѣнками золота и мѣди.

Бѣжала шибко, иногда широко раскрывая глубоко сидящіе черные глаза, и, отъ времени до времени поднимая и опуская руки, казалось трепетала ими, какъ птица крыльями. Иногда она кричала:

— Владекъ, Владекъ! *).

Вдругъ у ея ушей раздался стремительный, хотя подавленный, шепотъ:

— Стой!... Ты птицъ у меня спугнешь! Стой же, Марцися! **) Тише!

Она остановилась, какъ вкопанная. Все ея, за минуту до того нетерпѣливое и измученное, лицо разцвѣло радостной улыбкой, а широко открытые глаза устремились на человѣческое существо, которое подавленнымъ шепотомъ предписывало ей покой и молчаніе.

Это былъ мальчикъ года на два старше ея, по костюму похожій на уличнаго оборванца, съ умной, пожалуй даже пронырливою, физіономіей, съ сѣрыми, сверкающими изъ-подъ желтова-

---

*) Владиславъ.

**) Марціана.

тыхъ бровей, глазами. Онъ стоялъ, прислонившись плечами къ плетню, огражденный отъ взоровъ проходящихъ сѣрою стѣной какого-то строенія съ одной стороны и толстымъ пнемъ засохшаго тополя съ другой. Лицо его было высоко поднято, глаза, съ разгорѣвшимися зрачками, смотрѣли на крышу противоположнаго дома, а спокойно сидѣвшій подъ мышкой его голубь съ кирпично-красными крыльями, тоже поднявши клювъ, поглядывалъ на противоположную крышу и изрѣдка отзывался тихимъ, отрывистымъ воркованьемъ.

На крышѣ сидѣла цѣлая стая голубей. Немощеная, поросшая травой улица предмѣстья была въ это время тиха и почти безлюдна. Кое-гдѣ за плетнями, въ огородахъ, работали люди; за окнами слышался стукъ и визгъ ремесленнаго орудія, иногда раздавался смѣхъ или крикъ, но по улицѣ никто не проходилъ и никто на нее не выглядывалъ. Вѣроятно, эта предвечерняя тишина благопріятствовала намѣреніямъ мальчика, очевидно стерегущаго что-то, съ голубемъ подъ мышкой. Марцися поняла это и, крадясь на цыпочкахъ, приблизилась къ мальчику, стала возлѣ и съ любопытствомъ, отчасти смѣшаннымъ съ опасеніемъ, устремила взглядъ на голубиную стаю.

— Владекъ,—тихонько шепнула она,—они еще не поднимались?

— Нѣтъ еще,—шепотомъ отвѣчалъ мальчикъ.—Пусть ихъ коршунъ задеретъ,—выругался онъ чрезъ нѣсколько времени,—сидятъ и сидятъ!

— А проводникъ съ тобой?—спросила Марцися.

— Да, какже.

Онъ нѣсколько высвободилъ розоваго голубя. Дѣвочка приблизила маленькую темную ладонь къ шелковистымъ крыльямъ птицы.

— Любусь, Любусь!... Ахъ ты, Любусь!—шептала она, касаясь губами его клюва.

— Знаешь,—таинственно и не сводя глазъ съ крыши, шепталъ мальчикъ,—портняжка-то отлично умѣетъ держать голубей... Сколько у него мой Любусь отбилъ... Еслибъ у меня столько рублей было, паномъ былъ бы... А все-таки у него голубей все больше и больше. Ну, ужь я ихъ выучу въ этомъ году!... Какъ захочу быть богатымъ, всѣхъ уведу и только двѣ пары на разводъ оставлю. Пусть портняжка лопнетъ со злости! Что онъ мнѣ сдѣлаетъ?

Едва онъ докончилъ свою рѣчь, нѣсколько голубей, сѣрыхъ и бѣлыхъ, слетѣли съ крыши и взвились вверхъ. Мальчикъ вздрогнулъ.

— Пускайтесь, дѣтки... Ну, пускайтесь!—крикнулъ онъ почти громко.

Черезъ минуту вся стая, оставивъ крышу, сразу взлетѣла на воздухъ и наполнила его шелестомъ крыльевъ, а мальчикъ взялъ въ обѣ руки дрожавшаго, точно отъ нетерпѣнія, розоваго голубя, поднялъ его, насколько могъ, выше и бросилъ въ пространство. Птица широко развернула крылья и какъ молнія вылетѣла въ воркующую хоромъ, сверкающую тучу голубей. Началась охота въ воздухѣ.

Приближающійся вечеръ покрылъ небо лиловою окраской. Заходящее за городскія стѣны солнце позлащало обрывки облаковъ. Между громадою сверкающихъ, перистыхъ, разсѣянныхъ на блѣдномъ фонѣ неба облаковъ и длинною крышей дома, поросшаго мхомъ старости, происходила эта охота. Любусь усиливался вывесть изъ стада и увести за собой робкихъ и неучоныхъ товарищей. Посреди сверкающей тучи бѣлыхъ и сѣрыхъ крыльевъ розовый проводникъ, купающійся въ блескѣ облаковъ, какъ окрыленный огонекъ, кружился, поднимался, забѣгалъ впередъ, ударялъ крыльями о крылья, то вмѣшивался въ общую толпу, то освобождался изъ нея, казалось заглядывалъ въ глаза товарищамъ и какъ бы уговаривалъ воркованьемъ идти за собой... Стая то соединялась около него, то тревожно вновь отлетала, садилась на крышу и на колеблющіяся подъ ней вѣтви деревьевъ, то опять взлетала и недвижимо останавливалась подъ золотыми тучками.

А когда это происходило на верху,—внизу, на узкой улицѣ, между старымъ амбаромъ и пнемъ сухаго дерева, стояли, прижавшись другъ къ другу, двое дѣтей, тревожно наблюдавшихъ каждое движеніе птицъ. Горячечный румянецъ покрывалъ ихъ лица; можно было услышать сильное біеніе ихъ сердецъ.

Это была дѣйствительная, хотя странная, охота. Вмѣсто тѣнистыхъ лѣсовъ или широкихъ полей, сценою дѣйствія служила узенькая улица предмѣстья и воздухъ, позлащенный лучами заходящаго солнца. Вмѣсто разодѣтыхъ, щеголеватыхъ охотниковъ, тутъ было двое отрепанныхъ, босыхъ, скрывающихся за деревьями, съ дрожащими губами и лихорадочнымъ взоромъ, дѣтей. Вмѣсто сокола—здѣсь розовый голубь Любусь, а добычей были тоже го-

луби. Отбить ихъ при помощи нарочно для этого выученнаго проводника составляло цѣль, радость и доходную статью уличныхъ дѣтей.

Вдругъ Владекъ прошепталъ тихимъ, полнымъ радостью, голосомъ:

— Ага, проводитъ!...

Марцися, точно желая полетѣть за голубями, подпрыгнула два раза и также прошептала:

— Проводитъ, проводитъ, проводитъ!...

Любусь отдѣлился отъ стаи и повисъ въ воздухѣ въ нѣкоторомъ разстояніи. Только мигъ онъ оставался одинокимъ. Отъ стада отдѣлился и полетѣлъ къ нему сначала одинъ, потомъ другой, третій, четвертый голубь. Они летѣли сначала нитью, а потомъ все болѣе и болѣе тѣснымъ кругомъ окружали своего проводника. Когда, такимъ маneромъ, образовалось большое, отдѣлившееся отъ общей, словно въ смущеніи опустившейся на крышу стаи, общество, Любусь поднялся вверхъ и быстро полетѣлъ къ зеленому обрыву оврага, виднѣвшагося далеко изъ-за сѣрыхъ домиковъ. За нимъ летѣли шесть уведенныхъ имъ голубей.

— Шесть, шесть!—хлопая въ ладоши, крикнулъ мальчикъ и изо всей силы своихъ босыхъ, быстрыхъ, ногъ пустился по улицѣ, своротилъ на другую, снова на другую и, для сокращенія пути, перескакивалъ черезъ заборы; казалось, что онъ хотѣлъ голубинымъ полетомъ скорѣй достигнуть зеленаго обрыва. За нимъ бѣжала Марцися, крича всей запыхавшеюся грудью: «шесть, шесть», а потомъ:—«Владекъ, подожди! Стой!...»

Но Владекъ не останавливался и не ждалъ ее, почти падавшую отъ усталости. Счастливый исходъ охоты наполнялъ ее безсознательною радостью. Такъ запыхавшіяся, разгорѣвшіяся, съ блестящими глазами и развѣвающимися волосами, дѣти бѣжали чрезъ переулки, дворы, огороды,—туда, куда высоко надъ ними тянулась нить голубей, къ зеленому оврагу и висящей у бока его сѣрой хаткѣ съ низкимъ плетнемъ, взбирающимся по горѣ и огораживающимъ крошечный огородъ. Оврагъ, хатка, плетень и огородъ показались издали—подъ самымъ склономъ лиловаго неба, въ синей мглѣ, въ которой вскорѣ исчезли и дѣти, и голуби.

Это было странное мѣсто, дикое, хотя находилось еще въ чертѣ людного города, свѣтлое и темное вмѣстѣ. Мгла, въ которой оно выказывалось издали, поднималась съ пруда, неподвижно занимающаго дно яра. Надъ прудомъ росло нѣсколько вѣковыхъ

вербъ, съ толстыми пнями, кривыми и широко растянувшимися вѣтвями, иногда свѣшивающимися до зеленой воды пруда. Вечернею порой въ глубинѣ оврага царилъ полнѣйшій мракъ, и только за прудомъ и вербами, сквозь узкое отверстіе между двухъ высокихъ боковъ, виднѣлось еще позлащенное солнцемъ поле. Падавшій оттуда лучъ свѣта, пробравшись сквозь густую тѣнь, падалъ на воду или исчезалъ въ кустахъ барбариса, дикаго крыжовника и баярышника, что росли тамъ низкимъ и колючимъ лѣсомъ. Изъ темнаго оврага, рѣдко освѣщаемаго бродячимъ солнечнымъ лучомъ, выбѣгала узенькая, вытоптанная на травѣ, дорожка и взбиралась по одному изъ боковъ оврага туда, гдѣ было свѣтлѣй, къ домику съ огородомъ, уже вполнѣ залитымъ всѣми красками вечера. Крохотныя окна горѣли какъ рубины, плетень казался огненнымъ змѣемъ, а росшія въ огородѣ груши слегка шевелили листьями, какъ каплями золотой росы. За противоположною, уходящею въ даль, стѣною лѣса, у подошвы горы, широко раскинулся городъ, уже совершенно потемнѣвшій. Только кресты на церквахъ свѣтились, да дымъ, вылетая изъ трубъ тысячью лентъ розовыхъ, синихъ, серебристыхъ, тянулся кверху, туда, гдѣ тихо стояли подъ блѣднымъ небомъ легкія и перистыя облака.

Въ хаткѣ у оврага вѣроятно никого не было, потому что за рубиновыми окошками царила совершенная тишина. Вдругъ зашелестѣли въ воздухѣ крылья, прилетѣли голуби и усѣлись на крышу. Почти въ то же время по дорожкѣ, ведущей къ предмѣстью, послышался топотъ ногъ; Владекъ, усталый, съ растрепанными волосами, съ разстегнутымъ воротомъ, подбѣжалъ къ углу хаты, протянулъ кверху руки и въ мгновеніе ока, съ быстротою и ловкостью кошки, взобрался и сталъ на крышѣ.

Вскорѣ на дорогѣ показалась и Марцися и, почти задыхаясь, при помощи стѣны и вѣтокъ растущаго вблизи молодаго деревца, послѣдовала примѣру товарища. Черезъ минуту они оба стояли на крышѣ и, сильно и часто дыша, громко засмѣялись.

— Вотъ удалось-то!—крикнулъ Владекъ.

— Удалось!—повторила дѣвочка и, наклонившись, взяла въ обѣ руки розоваго проводника-голубя.

— Милый Любусь! Хорошій Любусь! — говорила она голосомъ еще прерывающимся отъ усталости и цѣловала шелковистыя крылья и гордую голову птицы.

Въ это время Владекъ былъ занятъ болѣе практичнымъ дѣломъ. Онъ вытащилъ замычку узенькаго окна, прикрытаго мо-

хомъ и травою голубятника, и пустилъ туда прибывшихъ за Любусемъ голубей. Окончивши это, онъ помѣстилъ замычку на старое мѣсто и сѣлъ.

Крыша была довольно поката, но дѣти могли удобно сидѣть на ней, благодаря многочисленнымъ впадинамъ и выпуклостямъ. Прислонившись спиной къ голубятнику, ногами они уперлись въ гибкіе побѣги вербъ, сѣмена которыхъ были занесены вѣтромъ, вмѣстѣ съ пескомъ.

— Вотъ и отлично!—началъ Владекъ.—Старухи нѣтъ дома, значитъ она и не узнаетъ о сегоднешнихъ нашихъ гостяхъ... Еслибъ узнала, то пойдетъ мучить, какъ всегда: «а гдѣ деньги, что выручилъ отъ голубей?...» И отдашь, по-неволѣ, половину... А теперь утромъ продамъ и ей ничего не достанется!...

— А съ этими деньгами что ты сдѣлаешь?—спросила Марцися.

— Какъ что?—наѣмся и пивца выпью... Всегда голоденъ, страхъ... Старуха -то сегодня колбасу ѣла и пиво пила, а я, глядя на нее, только слюнки глоталъ... Такая ужь она... Мнѣ кусокъ сухого хлѣба дастъ да каши ложку, а сама съ знакомыми обжирается!

— Ахъ, забыла!—вскрикнула вдругъ Марцися.

— Что забыла?...

Вмѣсто отвѣта, дѣвочка вытащила изъ-за рубашки двѣ большихъ баранки и, громко смѣясь, показала ихъ Владку.

— Дай!—закричалъ онъ, потянувшись за ея рукой.

— Постой, сама дамъ... На, вотъ!

И, отдавъ ему одну баранку, съ жадностью укусила другую.

— Іисусъ, Марія! хорошо, что не потеряла! — сказала она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да,—отвѣчалъ Владекъ.—А потерять могла легко: летѣла какъ сумасшедшая!

Дѣвочка наклонилась и заглянула въ его лицо.

— А что,—спросила она,—вкусно?

Владекъ поморщился.

— Не особенно... Но дѣлать нечего: когда ужь такое счастье, какъ намъ съ тобой, то и сухая баранка лучше, чѣмъ ничего, А откуда ты это взяла?

Она показала пальцемъ по направленію къ городу.

— Тамъ, на улицѣ, какая-то добрая барыня дала три гроша, вотъ и купила...

— Побиралась?—спросилъ мальчикъ.

— Ну, да!

— Эка, какія эти дѣвчонки счастливыя! Имъ скорѣй дадутъ, чѣмъ нашему брату... Мнѣ ужь давно никто давать не хочетъ.

— Да вѣдь ты такой большой, а я маленькая.

— Да, большое счастье!... Мнѣ и ѣсть больше надобно, а откуда я возьму? Дядя все говоритъ, что меня въ работу отдастъ, да его обѣщаніями сытъ не будешь... Да и что толку быть ремесленникомъ? Вотъ еслибы паномъ сдѣлаться, это другое дѣло.

Марцися ничего не отвѣчала. Она грызла баранку и черезъ минуту, указывая пальцемъ на одинъ изъ меньшихъ домовъ города, сказала:

— Видишь, это домъ пана огородника, что тебя въ прошломъ году землю копать нанималъ. Вотъ тамъ хорошо! Ай, какъ хорошо!

— Хорошо,—согласился Владекъ.—Онъ ужасно богатъ. Когда я буду богатымъ, то себѣ куплю этотъ домъ. Женюсь на тебѣ,—прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанья,—и будемъ тамъ жить вмѣстѣ.

Марцися усмѣхнулась.

— Вотъ это хорошо будетъ!

Потомъ важно спросила:

— А откуда же ты, Владекъ, деньги возьмешь?

Владекъ задумался.

— А я почомъ знаю... Когда нужно будетъ взять, то возьму. Такъ мнѣ опротивѣло это собачье житье, что...

Онъ плюнулъ и продолжалъ дальше:

— И есть послѣ этого справедливость на свѣтѣ?... У одного всего по уши, а у другаго ничего; одинъ паномъ живетъ, неизвѣстно за что, а другой такимъ оборванцемъ, какъ я, тоже неизвѣстно за что... Тетка постоянно твердитъ, что только кормитъ меня, а толку отъ меня нѣтъ никакого. Любопытно знать, что отъ меня ей нужно... Въ прошломъ году копалъ землю въ огородахъ, тачки таскалъ,—что-жь вышло?... Лучше, что ли, она стала ко мнѣ?—Какже, дожидайся! Еще какъ-то подъ осень притащился отецъ въ хату и отколотилъ... Тебѣ, вотъ, хорошо, что отца нѣтъ, а то билъ бы...

Губы Марциси задрожали, точно она собиралась плакать.

— Мать бьетъ...—шепнула она.

— Э, только развѣ когда напьется,—утѣшалъ Владекъ,—а когда трезвая, то цѣлуетъ, поетъ пѣсни и басни разсказываетъ... Мнѣ никто слова добраго не скажетъ... Эхъ, нужда! Такъ вотъ иногда и бросился бы въ прудъ.

— Ай-ай!—испуганно крикнула Марцися.

Владекъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Чего ты?—спросилъ онъ.

— Испугалась,—жаловалась дѣвочка,—чтобы ты не бросился въ прудъ, а то утонешь и умрешь.

— Ну, а еслибъ я умеръ, такъ что же?

Марцися всматривалась въ него испуганными глазами.

— То... то... тебя бы тогда не было,—отвѣчала она тихо.

— И не было меня, а свѣтъ стоялъ, и не будетъ меня, а свѣтъ будетъ стоять,—сентенціознымъ тономъ, разсматривая свои босыя ноги, началъ было Владекъ, но потомъ, взглянувши на Марцисю, закричалъ:—И чего ты такъ глаза вытаращила?... Вотъ ужь и ревѣть начинаетъ... Ну, ну, не пугайся, не утоплюсь... Сдѣлаюсь богатымъ и женюсь на тебѣ. Будемъ себѣ ѣсть, пить, подъ ручку ходить на гулянье и... я никогда тебя не оставлю, до смерти, если Богъ поможетъ.

Онъ ласковымъ движеньемъ провелъ ладонью по ея темнымъ волосамъ, потомъ лѣниво вытянулся, закинулъ руки за голову и съ лицомъ обращеннымъ къ облакамъ вперилъ блестящіе глаза въ одну точку неба. Теперь его сѣрые, подъ желтоватыми бровями глаза смотрѣли совсѣмъ не по-дѣтски. Въ нихъ отражалась какая-то тревожная и страстная дума. Сухощавое, худое лицо подергивалось усмѣшкой. Наклонившись надъ нимъ, съ лицомъ опертымъ на ладони и тихо раскачиваясь, Марцися тоже о чемъ-то думала.

— Владекъ!—тихо окликнула она.

— Что?

— Я тебѣ завтра опять баранокъ принесу, а можетъ и булку.

— Опять выпросишь?

— Ага!

— Хорошо, принеси... И если опять гдѣ папироску найдешь, тоже принеси, а я, какъ продамъ голубей, куплю тебѣ двѣ конфеты.

— Ахъ, конфеты!—крикнула Марцися и все лицо ея освѣтилось лучезарною радостью.—Владекъ!

— Что?

— Я утромъ пойду въ оврагъ, наберу фартукъ барбарису и продамъ его въ городѣ... Ты поможешь мнѣ собирать?

— Почему же нѣтъ?... Помогу.

— Какъ продамъ, то деньги отдамъ тебѣ, а ты себѣ хорошенькій платочекъ купишь на шею.

— Вотъ, платокъ!... Не платокъ, хоть бы крючки на удочку! Пойдемъ къ рѣкѣ рыбу ловить... Хорошо?

— Отлично!... Пойдемъ!—захлопала она въ ладоши.

Вблизи раздался шумъ шаговъ. Дѣти замолкли.

Солнце скрылось. Погасли огни на церковныхъ крестахъ, почернѣли окна городскихъ домовъ. Внизу, у подошвы обрыва оврага, на крышѣ прилѣпившагося къ нему домика сидѣли двое дѣтей. Въ темнотѣ слышался шумъ деревьевъ. Въ обрывъ долетало дуновеніе ночнаго вѣтра и колебало поверхность воды свѣсившимися вѣтвями деревьевъ. На дорожкѣ отъ города показалась низкая, толстая, покрытая большимъ платкомъ, фигура приближающейся къ хаткѣ женщины.

— Старуха идетъ! — шепнулъ Владекъ. Сейчасъ увидитъ меня... Ты ужь иди, Марцися,—она, какъ увидитъ насъ вмѣстѣ на крышѣ, сейчасъ догадается, что мы достали голубей.

— Покойной ночи,—тоже прошептала Марцися.

— Покойной ночи!

Она обвила руками его шею и поцѣловала.

Молодое, росшее здѣсь, у стѣны дома, деревце зашелестѣло и погнулось подъ тяжестью. Марцися тихо соскользнула, легкимъ, какъ тѣнь, бѣгомъ побѣжала вдоль плетня и опередила шедшую по дорожкѣ женщину, сбѣжала, незамѣченная ею, по покатости оврага и уже тише пошла къ тѣснящимся надъ берегомъ рѣки домамъ и домикамъ. Идя, она солидно скрестила на груди руки и запѣла, насколько могла, громко:

Двѣ сиротки въ полѣ спали
Подъ шатромъ ракиты.
Деревцо сломалось,—обѣ
Сироты убиты...

Дѣтскій голосокъ, похожій на звукъ серебрянаго колокольчика, поднимался кверху и долеталъ до хатки, которую теперь подошедшая женщина съ громомъ и стукомъ отпирала.

— Владекъ!—крикнула пришедшая, поворачивая ключъ въ замкѣ.

Владекъ молчалъ.

— Нѣтъ его тамъ, что ли?—ворчала старуха.—Вѣрно сегодня ничего не поймалъ и прячется отъ меня, или можетъ по улицамъ шляется... негодяй... уличникъ... разбойникъ эдакій...

Съ послѣдними словами она вошла въ домъ и заперла, со стукомъ, за собою дверь.

— Ну, и пусть на дворѣ ночуетъ, эдакій...

Въ это время снизу долетѣлъ тотъ же тонкій и ясный голосъ поющей Марцисн:

И добро обѣимъ вмѣстѣ
Съ жизнью распроститься,—
Ни одна не будетъ въ свѣтѣ
Плакать и томиться...

Владекъ, съ поднятою головой и напряженнымъ слухомъ прислушивавшійся, когда голосъ замеръ въ отдаленіи, промолвилъ:

— Вотъ такъ поетъ!... Даже на душѣ легче становится.

II.

Изъ лабиринта домиковъ зарѣчнаго предмѣстья по временамъ выходила въ городъ еще не старая, со слѣдами бывшей красоты, теперь же съ пожелтѣвшимъ, болѣзненнымъ лицомъ, убого одѣтая женщина. Ея скорая и легкая походка часто замѣнялась невѣрными, колеблющимися шагами. Когда жительницы предмѣстья замѣчали ее, идущую такими невѣрными шагами, съ безсмысленной до отвращенія улыбкой и лихорадочно горящими черными, когда-то прекрасными, глазами, онѣ обыкновенно говорили:

— Вотъ и снова наша Эльжбетка наугощалась.

— Совсѣмъ пьяна!—прибавляли другія и смѣясь кричали:—Эльжбетка! Эй, Эльжбетка! Гуляешь ты теперь по бѣлому свѣту, а гдѣ твоя Марцися?

Женщина отвѣчала, кивая головой:

— О, Боже ты мой, Боже! Гдѣ она? Развѣ вы не знаете?—Нищета всегда ютится на улицахъ... Бѣдное дитятко мое, бѣдный мой маленькій червячокъ!...

Она начинала громко хныхать.

Нерѣдко случалось, что напоминаніе о дочери, вмѣсто сожалѣнія, возбуждало въ ней гнѣвное движеніе. Тогда она крикливо отвѣчала сосѣдкамъ:

— А чортъ ее знаетъ, бродягу, гдѣ она таскается съ утра до ночи! На обрывкѣ ее въ хатѣ не удержишь. Охъ, еслибъ я была...

Окончаніе фразы бывало не ясно и скрывалось за дверью одного изъ шинковъ, украшающихъ выставками своихъ блестящихъ бутылокъ каждый уголъ улицы.

Но это не было всегдашнимъ положеніемъ Эльжбеты. Бывали у нея иногда недѣли и мѣсяцы трезвости и трудолюбія, когда она прислуживала людямъ не настолько состоятельнымъ, чтобы держать постоянную прислугу. Она убирала комнаты, мыла полы, топила печи, носила воду, иногда даже стирала и шила, а главное—все это совершала съ величайшей аккуратностью и стараніемъ. Благодаря ли странному выраженію ея лица и горькой улыбкѣ, или скорбному выраженію ея глубокихъ черныхъ глазъ, ее вездѣ любили, хоть и избѣгали ея услугъ. Нѣкоторые совѣтовали ей поступить на мѣсто, но Эльжбета тихо отвѣчала, опустивши глаза:

— Когда-то служила въ домахъ и мнѣ было хорошо; но теперь... Впрочемъ, что о томъ и говорить!

Справляя домашнія работы, она все смотрѣла въ землю, а на желтѣвшемъ ея лбу образовывались грубыя морщины. Въ рѣдкія минуты откровенности она говорила:

— А что бы я подѣлала съ своею дѣвочкой, еслибы пошла въ службу? Развѣ кто-нибудь изъ порядочныхъ людей возьметъ меня въ домъ съ ребенкомъ, да еще съ *такимъ* ребенкомъ?

Пугаясь, чтобъ эти слова не были истолкованы въ неблагопріятномъ для Марциси смыслѣ, она добавляла тихо:

— Она-то не хуже другихъ дѣтей, можетъ быть еще лучше, умная... Только, вотъ, родилась-то не такъ...

Во время трезвости Эльжбеты Марцися рѣже показывалась на городскихъ улицахъ, а когда показывалась, то была менѣе худа, грязна и оборвана. Тогда она не побиралась и старательно избѣгала шумныхъ шаекъ уличныхъ дѣтей. Потомъ приходили злые недѣли и мѣсяцы, Эльжбета бросала работу, а маленькая Марцися, снова голодная, иззябшая и оборванная, съ синеватыми слѣдами побоевъ на плечахъ и лицѣ, снова перекочовывала въ открытый на всѣ стороны свѣтъ Божій, бѣгала за пѣшеходами, выпрашивая плаксивымъ голосомъ милостыню, а часто, въ голодныя минуты, молчаливо протягивала крохотную ладонь. Сидя на кучахъ сора, подъ канавами улицъ, въ тѣсныхъ подворотняхъ темныхъ дворовъ, она грызла черныя, какъ ночь, корки сухаго хлѣба, спала на папертяхъ или подъ деревьями публичныхъ садовъ, а церковные карнизы и древесныя вѣтви охраняли

отъ дождя и снѣга ея маленькую фигуру и укрывали отъ взоровъ полицейскихъ служителей.

Впрочемъ, такія ночовки на папертяхъ и подъ городскими деревьями происходили не часто; опасеніе предъ гнѣвными порывами пьяной матери, чувство одиночества и нужда влекли ее изъ темнаго угла, который назывался домомъ ея матери. Для нея лучшей охраной были растущія надъ прудомъ, на днѣ оврага, вербы, или мягкая и эластичная отъ старости кровля дома, занимаемаго теткой и опекуншей Владка.

Знакомство ея съ Владкомъ досягало незапамятныхъ временъ. Эльжбета часто бывала у Вежбовой, занимавшейся рекомендаціей прислуги и раздачей денегъ подъ залогъ обѣднѣвшимъ слугамъ. Вежбова доставляла ей возможность заработка, а послѣ бурной и праздной эпохи ея жизни, взамѣнъ послѣднихъ лохмотьевъ и тяжелыхъ обязательствъ, лишающихъ всякой надежды на выходъ изъ нужды, и нѣсколько денегъ. Эльжбета приносила еще маленькую Марцисю на рукахъ въ хату Вежбовой и, входя для длиннаго, часто бурнаго, разговора, оставляла ребенка на порогѣ.

Случалось, что Марцися скатывалась по скользкой травѣ или обмерзлой грязи, покрывающей крутые бока оврага, и попадала въ зеленоватый прудъ. Вода тамъ была спокойная и мелкая у береговъ, тѣмъ не менѣе, оглушенный паденіемъ, испуганный ребенокъ терялъ чувства. Тогда спасалъ его Владекъ. Въ мгновеніе ока, нѣсколькими прыжками, сбѣгалъ онъ на дно оврага, входилъ въ воду по щиколки, часто по колѣна, бралъ дѣвочку на руки и сажалъ ее, точно на креслѣ, между двумя толстыми вѣтвями вербы, чтобы поскорѣй обсохла и пришла въ себя. Тамъ ее обогрѣвало солнце и осушалъ вѣтеръ. Владекъ, самъ верхомъ на вѣткѣ, боясь, чтобы Марцися не упала съ дерева, держалъ ее за воротъ толстой рубашки, а когда подросли волосы, то и за волосы. Марцися, прійдя въ себя, замѣчала, что сидитъ на деревѣ. Это наполняло ее такою радостью, что она, забывъ прошедшую катастрофу, разражалась долгимъ, звонкимъ смѣхомъ. Она никогда не боялась Владка, потому что онъ, глядя на нее, смѣялся еще громче.

— Какая ты смѣшная,—кричалъ онъ,—катишься въ прудъ, какъ мячикъ, и бухъ прямо въ воду! Еслибы меня не было здѣсь, осталась бы въ пруду и тебя съѣли бы лягушки.

При такомъ страшномъ предположеніи Марцися широко открывала глаза и спрашивала:

— Гдѣ лягушки?

Она едва умѣла говорить въ то время, а Владекъ, на три года старше ея и знакомый до нѣкоторой степени съ жизнью, смѣялся до упаду надъ ея непонятнымъ лепетомъ.

— Гдѣ лягушки?—передразнивалъ онъ ее.—Не видала еще лягушекъ? Сейчасъ покажу!

Онъ бралъ ее на руки и снималъ съ дерева, а потомъ шелъ по берегу ручья, разыскивая въ травѣ зеленыхъ лягушекъ, которыя водились тамъ во множествѣ.

Онъ босой, одѣтый въ толстую холстину, она также босая, въ мокрой еще рубашкѣ, шли по густой, растущей толстымъ ковромъ и достигающей до колѣнъ, травѣ.

Но не однѣ лягушки занимали ихъ всегда. Иногда, сидя съ ней на деревѣ, онъ показывалъ ей замѣченныя имъ птичья гнѣзда и колыхающіяся надъ ними вѣтки дерева. Съ открытымъ ртомъ и прерывающимся дыханіемъ смотрѣли они на крохотныхъ птенцовъ, высовывающихъ изъ гнѣзда покрытыя пухомъ головки и ожидающихъ прибытія матери. Когда прилетала птица, дѣти не смѣли обмѣняться между собою ни однимъ словомъ, только толкали другъ друга локтями, указывали пальцами на гнѣздо, а лица ихъ покрывались оттѣнкомъ неописанной радости. Случалось имъ, покинувъ дерево, бродить между дикими, обрамляющими берега озера, кустарниками. Тогда они обрывали и ѣли мелкій, дикій, крыжовникъ, или трясли изо всей мочи кусты барбариса, чтобъ отряхнуть на голову, плечи и подъ ноги дождь коралловыхъ ягодъ.

Всѣ эти забавы длились до тѣхъ поръ, пока на горѣ не раздавался голосъ Эльжбеты, нетерпѣливо и безпокойно зовущій Марцисю.

Дѣвочка на этотъ крикъ поспѣшно и старательно взбиралась вверхъ по обрыву; но когда ея усилія оказывались тщетными, приходилъ на помощь Владекъ, бралъ ее на руки и, счастливую, смѣющуюся, выносилъ на гору.

Эльжбета, которая уходила отъ Вежбовой съ заплаканными глазами, нерѣдко полупьяная (ходили слухи, что Вежбова, для облегченія переговоровъ, заставляла свою кліентку почти насильно пить), увидавъ Марцисю, выхватывала ее изъ рукъ мальчика съ такою силой, что смѣхъ Марциси мгновенно обращался

въ слезы. Когда Эльжбета, съ гнѣвнымъ ворчаніемъ или пасмурно опущенными глазами, сходила внизъ, дѣвочка все обертывалась назадъ и искала Владка полными слезъ глазами. Онъ дожидался на верху и, пока былъ виденъ, подпрыгивалъ и дѣлалъ уморительныя гримасы, такъ что она вновь начинала смѣяться. Иногда онъ бросалъ за ней пучками сорваннаго въ оврагѣ барбариса, а она вытягивала на встрѣчу имъ руки и, перевѣсившись черезъ плечи матери, подпрыгивала, точно хотѣла улетѣть къ нему.

Разъ, когда она, пятилѣтняя, пришла съ матерью, Владекъ спросилъ, почему она одна никогда не придетъ къ оврагу.

— Боишься, или дороги еще не знаешь? Если боишься, то дура,—тутъ волки не съѣдятъ,—а если дороги не знаешь, то посматривай лучше, когда идешь съ матерью. Ты ужь большая, можешь сама по свѣту ходить!

— Прибѣгу завтра, — послѣ нѣкотораго молчанія отвѣчала дѣвочка.

— Прибѣгай, а я тебя въ городъ свожу. Увидишь, какъ тамъ хорошо!

Перспектива ли самостоятельнаго завтрашняго путешествія, или возня рано вставшей матери, вскочившей чуть свѣтъ съ постели и убѣжавшей въ городъ съ горстью мелкихъ монетъ, взятыхъ вчера у Вежбовой, не дали спать Марцисѣ; когда синій туманъ покрывалъ еще оврагъ, она уже показалась взору Владка. Владекъ только - что проснулся послѣ ночи проведенной между вербами и, внимательно всматриваясь въ неподвижную воду, глубоко думалъ. Голосъ дѣвочки сверху вывелъ его изъ задумчивости. Онъ поднялъ голову, увидалъ ея маленькую, сѣрѣющую среди синей мглы, фигурку и крикнулъ: «Иди сюда!»—Она начала сходить съ горы, но дѣло шло съ большимъ трудомъ. Поминутно скользя на покатостяхъ, она падала, поднималась и падала вновь. Владекъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ слѣдилъ за ея неудачей и усиліями.

— Ну, дальше!—кричалъ онъ еще.—Смѣлѣй!... Упала?—Это ничего, не разобьешься,—не стеклянная!

Хоть она была и не стеклянная, но когда окончательно поскользнулась и скатилась, какъ мячъ, подъ гору, къ самому берегу пруда, то разразилась горькимъ плачемъ. Владекъ приблизился и посмотрѣлъ на нее съ презрительнымъ сожалѣніемъ.

— Охъ, ужь эти дѣвчонки! — сказалъ онъ.—Когда я былъ твоихъ лѣтъ, то бѣгалъ по горамъ и лазилъ по деревьямъ какъ кошка. Ну, если еще будешь хныкать, схвачу тебя и заброшу въ прудъ!

Она тотчасъ же перестала плакать; а когда онъ вынулъ изъ-за назухи кусокъ черпаго хлѣба и разломилъ его на двѣ части, уже смотрѣла на него съ улыбкой надежды на облитомъ слезами лицѣ. Она закричала, протягивая руки:

— Дай, дай!

Потомъ они сѣли вмѣстѣ подъ кустами барбариса, орошаемые каплями утренней росы, и въ молчаніи грызли черствую корку хлѣба. Густой туманъ, наполнявшій весь оврагъ, началъ рѣдѣть и подниматься кверху, покрытыя мглистою пеленой вербы освобождали изъ покрова свои вѣтви и серебристые, трепещущіе листья, съ каплею росы на каждомъ. На темную поверхность пруда длинной золотистою лентой упалъ солнечный лучъ и, достигши кустовъ прибрежнаго аира, разсыпался по длиннымъ ихъ листьямъ такимъ снопомъ искръ, что дѣти не могли смотрѣть и закрывали руками глаза. Когда они отняли руки, высокіе кусты аира стояли предъ ними точно въ огнѣ, далѣе розовымъ свѣтомъ горѣлъ высокій берегъ оврага, на вербахъ и крыжовникѣ оглушительно щебетали птицы, отъ синей мглы не осталось ни слѣда, только воздухъ былъ наполненъ холодною влажностью лѣса и низины.

— Вотъ и день,—сказалъ Владекъ, посмотрѣвъ на небо.— Оттуда солнце вышло, изъ-за того лѣса, что противъ города.

— Развѣ солнце изъ лѣса выходитъ?—спросила Марцися.

— Изъ лѣса,—важно отвѣчалъ Владекъ.—Тамъ, напротивъ города, далеко за полями, есть такой лѣсъ, изъ котораго солнце каждый день выходитъ.

— А потомъ что?

— Потомъ?... Развѣ не видишь, что?—Свѣтитъ на небѣ.

— А потомъ?

— Потомъ... Ну, заходитъ за городъ и... исчезаетъ. Какъ закатилось, дѣлается ночь...

Дѣвочка задумалась и чрезъ минуту снова спросила:

— А ты знаешь, куда оно уходитъ?

— Кто... солнце-то?... Куда-жь ему идти?—Идетъ себѣ подъ землю и спитъ.

— Ага!—торжествующимъ голосомъ продолжала Марцися.—А ты знаешь, какъ солнце спитъ?

— А какъ же ему спать?—Просто закроетъ глаза и спитъ.

— Вотъ ужь нѣтъ, вотъ ужь нѣтъ!—ударяя ладонью одной руки о другую, закричала дѣвочка.—Солнце спитъ въ такой большой, красной, колыбели. При колыбели сидитъ море и цѣлую ночь баюкаетъ солнце, чтобъ оно хорошо спало. Около солнца лежатъ звѣзды, но не спятъ, а все сторожатъ, какъ бы не прилетѣлъ тотъ змѣй, что верхомъ на вѣтрѣ ѣздитъ, и не съѣлъ солнца, потому что какъ змѣй съѣстъ солнце, дня совсѣмъ не будетъ, жито не будетъ рости, звѣри поумираютъ, а люди въ темнотѣ поѣдятъ одни другихъ.

— И откуда ты это все знаешь?—спросилъ Владекъ, слушавшій разсказъ съ удивленіемъ и любопытствомъ.

— Мама говорила. Мнѣ мама иногда по временамъ разсказываетъ такія отличныя сказки.

— Ну, вѣдь это только сказки...—сказалъ Владекъ, вставая.—Пора идти въ городъ.

Марцися съ радости даже подпрыгнула. Они пошли. Марцися ужасно испугалась, когда они взошли на висячій мостъ, соединяющій предмѣстье съ городомъ. Тамъ было много пѣшеходовъ и спѣшившихъ на рынокъ телѣгъ. Владекъ взялъ ее за руку и сталъ объяснять неизвѣстныя ей, но ему хорошо знакомыя, явленія.

— Вотъ это,—говорилъ онъ,—рѣка, а это—паромъ, что перевозитъ народъ съ одного берега на другой, а это—лодки плывутъ. Рыбаки на нихъ сидятъ и рыбу ловятъ... Да не бойся же, лошади тебя не укусятъ... И этотъ мужикъ совсѣмъ не на тебя кричитъ.

Онъ неожиданно остановился и расхохотался до слезъ.

— Ай-ай-ай!... Франекъ... Какой это Франекъ смѣшной: стянулъ у мужичка изъ воза сыръ и удралъ... А мужичокъ не знаетъ, куда сыръ дѣвался, и ругается... Еслибъ я съумѣлъ, то тоже бы стянулъ... Только рукой не достану такъ высоко.

— Ну, и счастливъ же этотъ Франекъ!—бормоталъ себѣ подъ носъ Владекъ, таща за руку Марцисю.—Какой громадный сыръ! Какъ только выросту немного и самъ то же сдѣлать съумѣю...

Марцися показывала на что-то пальцемъ, объятая полнѣйшимъ восторгомъ. Она не могла слова вымолвить. Наконецъ, онъ понялъ, что предметомъ ея восхищенія служитъ стоящая у конца моста лавочка съ баранками, булками и хлѣбомъ.

Правда, что за часъ до этого они съѣли по куску чернаго хлѣба, но разложенныя на прилавкѣ печенья снова заставили

громко заговорить ихъ аппетитъ. Глаза остановившихся Владка и Марциси жадно устремились на недосягаемыя лакомства. У лавочки сидѣла женщина и аргусовымъ окомъ наблюдала за сохранностью своего товара передъ толпою сходящаго съ моста народа, среди котораго тамъ и здѣсь увивались босые мальчишки, съ юркими тѣлодвиженіями, гибкими тѣлами и быстрыми глазами, и худыя, голодныя, растрепанныя дѣвчонки съ жадными взорами, бросаемыми на булки.

— Ну,—прошепталъ Владекъ,—пойдемъ! Тутъ никакого толку не добьешься. Эта вѣдьма стережетъ свои булки, какъ чортъ души грѣшниковъ!

Владекъ обладалъ особенностью всегда вспоминать чорта, когда разозлится, причемъ его желтоватыя брови дрожали надъ блестящими глазами. Марцися кулакомъ утирала заплаканныя глаза.

— Да полно мазаться-то!—крикнулъ на нее Владекъ.—Заплачь еще разъ,—брошу, и дѣлай тутъ, что знаешь! Мажешься, что булокъ не достали... Ну, и мнѣ ѣсть хочется, какъ всѣмъ чертямъ, а я не реву... Умъ лучше рёва. Подожди, на обратномъ пути и булокъ себѣ купимъ.

Пошли дальше.

Въ то время ему было восемь, а ей пять лѣтъ. Одежду его составляли холстинные штаны, короткая куртка и толстая, широко разстегнутая у ворота, рубашка; она была одѣта въ синюю юбку поверхъ, завязанной грязной красною тесемкой у шеи, рубашки. На темныхъ, коротко остриженныхъ, его волосахъ покоилась измятая, запятнанная шапка, такая большая, что ежеминутно сползала на глаза; у нея на головѣ не было ничего, кромѣ густыхъ, шелковистыхъ волосъ, которые гладкими прядями спускались на плечи и свѣтились на солнцѣ, какъ расплавленное золото. Оба были босы.

Такъ, держась за руки, вошли они въ людный, полный шума и движенія городъ. Тутъ на встрѣчу имъ попалась кучка уличныхъ дѣтей, предводительствуемая Франкомъ, такъ хорошо добывающимъ сыры изъ крестьянскихъ возовъ.

— Владекъ, Владекъ!—издалека доносился ихъ крикъ,—пойдемъ на рынокъ... Изъ возовъ брюква и морковь просыпалась, такая вкусная!...

Дѣйствительно, въ рукахъ каждаго, въ видѣ трофея, красовалась сырая брюква или морковь.

— Что это за панна?—спросилъ Франекъ, увидавъ Марцисю.

— Это Марцися!—важно отвѣчалъ Владекъ и изо всей мочи ударилъ одного изъ мальчиковъ, который, подскочивши, хотѣлъ ущипнуть дѣвочку.

Непремѣнно началась бы драка, еслибы по срединѣ улицы не проѣзжалъ фургонъ, запряженный почтовыми лошадьми. Мальчики погнались за нимъ, цѣпляясь и повисая на заднихъ рессорахъ, покуда, проѣхавши немного, не падали на мостовую.

Владекъ и Марцися направились къ рынку, гдѣ не нашли ни моркови, ни брюквы. Взамѣнъ этого Владекъ поднялъ и старательно прибралъ за пазуху валявшійся окурокъ папиросы.

Марцися, забывши о голодѣ, глазѣла на проходящихъ людей, на дома, на окна магазиновъ, пока Владекъ не дернулъ ее за руку и не заставилъ идти скорѣй. Дѣвочка бѣжала за нимъ, насколько дозволяла ей сила, къ пожилому, прилично одѣтому господину. Тутъ они убавили шагу и Владекъ заговорилъ подавленнымъ, монотоннымъ голосомъ:

— Вельможный панъ, милосердый благодѣтель, смилуйтесь надъ бѣдными, заброшенными сиротами! Бросьте грошикъ на кусокъ хлѣба! Подайте просящимъ, умирающимъ съ голода...

Господинъ не оборачивался. Владекъ, закрывшись рукой отъ прохожихъ, высунулъ языкъ и потомъ началъ опять:

— Вельможный панъ, благодѣтель милостивый!... Бѣдныя, голодныя, несчастныя сироты!... Воззрите окомъ милосердія!...

Господинъ полѣзъ въ карманъ и, не обращаясь, бросилъ въ протянутую маленькую руку мѣдную монету. Владекъ показалъ ее Марцисѣ.

— Видишь, вотъ тебѣ и булка... для меня, а если и ты тоже хочешь, проси такъ же, какъ я...

И онъ потянулъ ее въ сторону, гдѣ шла какая-то барыня съ добродушнымъ лицомъ.

Черезъ два часа они находились въ глубинѣ маленькаго двора, выходящаго въ тихій, грязный переулокъ. Они сидѣли на землѣ, покрытой толстою корой грязи, въ углѣ, образуемомъ двумя каменными стѣнами, подъ рѣшетчатымъ окномъ какого-то амбара, и ѣли булки. Владекъ преподавалъ Марцисѣ науку добыванія денегъ.

— Смотри,—онъ показывалъ ей на ладони нѣсколько мѣдныхъ монетъ,—вотъ три гроша: это—два, а это—грошъ... Присматривайся хорошенько, чтобы знать, что даютъ, и потомъ не

заплатить за булки дороже, чѣмъ слѣдуетъ... Вотъ та пани, подъ соборомъ, дала десять грошей... Она всегда даетъ,—добрая такая... Какъ я ее увижу, сейчасъ лечу къ ней... Я всѣхъ здѣсь знаю, кто даетъ, кто нѣтъ,—по лицу узнать могу... Когда вижу, что не даютъ, и не иду... И ты такъ же дѣлай.

— Да вѣдь я не знаю,—замѣтила Марцися.

— Узнаешь, научишься еще!... И я когда-то неумѣлъ, а теперь видишь...

— А тебя кто научилъ?

— Какъ кто?—Никто! Самъ научился... Какъ другіе, такъ и я... Слушалъ, какъ у костела нищіе просятъ... Они всегда такъ просятъ: «Вельможный панъ, милосердый благодѣтель!» Слушалъ, слушалъ и научился... Вотъ этотъ Франекъ... Онъ мнѣ все разсказалъ, какъ вотъ я тебѣ теперь разсказываю, и хотѣлъ научить вытаскивать платки у пановъ изъ кармана... Онъ умѣетъ... Но, я думаю, лучше голубей уводить, чѣмъ платки вытаскивать... Какъ выросту, то заведу проводника и стану голубей уводить...

Марцися слушала послѣднія слова Владка, какъ сказку о желѣзномъ волкѣ. Она тогда еще не понимала, что такое проводникъ, какъ уводить голубей и какая отъ этого можетъ быть польза или удовольствіе. Она слушала, не спуская восхищенныхъ глазъ съ подвижнаго лица товарища, то важнаго, то сверкающаго гнѣвомъ, то снова слагающагося въ уморительную гримасу.

Послѣ разговора они встали и опять отправились на рынокъ, чтобы, благодаря десяти грошамъ доброй пани, насладиться зрѣлищемъ уличныхъ волтижоровъ. Тамъ гремѣла нестройная музыка скрипящихъ, хриплыхъ инструментовъ, тѣснилось сѣрое и крикливое общество, вертѣлся Франекъ, высматривая подходящій карманъ съ платкомъ. Когда паяцы въ желтыхъ шапкахъ выскакивали на грязную арену, Марцися, держась обѣими руками за плечи Владка, почти позабывшаго о ней, дрожала съ головы до ногъ отъ тревоги и восторга.

Солнце уже заходило, когда они вернулись къ оврагу. Въ хатѣ Вежбовой на столѣ горѣлъ дымящійся сальный ночникъ; сквозь освѣщенныя желтымъ свѣтомъ окна виднѣлись на лавкахъ, передъ столомъ, за бутылкой водки нѣсколько мущинъ и женщинъ. Посреди, въ углу, сидѣла низкая и толстая Вежбова въ большомъ платкѣ и бѣломъ чепцѣ; напротивъ нея двѣ молодыя, но истасканныя, дѣвицы о чемъ-то уговаривались съ нею, успѣвая въ то же время громко болтать съ какими-то, похожи-

ми не то на лакеевъ, не то на кучеровъ, мужчинами, которые подливали имъ водку въ рюмки. Владекъ заглянулъ по очереди въ каждое окошко хаты и сказалъ Марцисѣ:

— Пойдемъ-ка лучше въ нашу собственную хату.

— А гдѣ наша хата?

— Вонъ тамъ,—указалъ онъ на дно оврага, уже покрытое бѣлёсоватымъ туманомъ.

Они сѣли надъ прудомъ и молча отдыхали. Потомъ, когда мракъ вокругъ сгустился еще болѣе, Владекъ замѣтилъ:

— Вотъ и пошло себѣ спать.

— Солнце?—спросила Марцися.

— Ну, да, солнце. Лежитъ уже себѣ въ красной колыбели, а звѣзды тоже укладываются около, чтобы не допустить того змѣя... Жаль, что нельзя увидать эту колыбель, и какъ это море выглядитъ, что сидитъ при немъ... Я бы потомъ и тебя за собою повелъ.

— Отчего же нельзя?—продолжала интересоваться Марцися.

— Да какже? Если все идти, идти, идти, то придешь на самый конецъ свѣта, а захочешь пойти далѣе, такъ и ухнешь внизъ, какъ со стола. Я и то удивляюсь, какъ это солнце не упадетъ и не разобьется.

— То-то!—докторальнымъ тономъ перебила Марцися.—Его тамъ ждетъ море, беретъ на руки и кладетъ въ колыбель.

Владекъ долго думалъ.

— Хорошо ему, этому солнцу,—сказалъ онъ.—Вотъ меня такъ никто ни въ какую колыбель не относилъ.

— А твоя мать не относила?

Мальчикъ такъ низко наклонился надъ берегомъ пруда, что, казалось, обращается не къ Марцисѣ, а къ водѣ.

— Мою мать *на могилки* понесли, какъ только я родился...

— А отецъ твой не относилъ?—все продолжала спрашивать Марцися.

Владекъ снова обратился къ водѣ.

— Онъ меня никогда не носилъ, только взялъ и сразу къ теткѣ привезъ.

— А тетка не носила?

Владекъ поднялъ голову и сжалъ кулакъ.

— Она-то станетъ носить, эта вѣдьма-то?... Она только кричать, бранить и драться умѣетъ!... А твоя мать,—вдругъ перешелъ онъ,—носитъ тебя въ колыбель?

— Иногда носитъ и такъ цѣлуетъ, такъ цѣлуетъ...—Голосъ дѣвочки оборвался и перешелъ въ тихій шепотъ.—Вчера побила...

— То цѣлуетъ, то бьетъ,—замѣтилъ Владекъ.—А ѣсть тебѣ даетъ всегда?

— Когда трезвая, то даетъ, а когда пьяная, то...

— Вотъ у моей старухи люди часто пьютъ водку и напиваются, галдятъ тогда, дерутся и мою старуху бьютъ... А твоя мать сказки тебѣ разсказываетъ пьяная или трезвая?

— Трезвая. И пѣснямъ меня разнымъ тогда учитъ, а порой такъ плачетъ, такъ плачетъ...

Владекъ немного помолчалъ.

— Какая добрая женщина твоя мать, хоть и пьяница!... Я бы хотѣлъ имѣть такую... А отецъ твой гдѣ?

— Нѣту,—отвѣчала она.

— Какъ нѣтъ? Умеръ?

— Не умеръ... Только совсѣмъ нѣту.

— Какже это?...—Владекъ глубоко задумался.—А,—догадался онъ потомъ,—понимаю. Это значитъ, что у твоей матери мужа нѣту.

— Да,—подтвердила Марцися.

— Ну,—сказалъ Владекъ,—это все равно... Вотъ у меня и есть, а что толку?

Онъ протянулся на мокрой травѣ, оперся головой о пень вербы и глубоко вздохнулъ.

— Бѣда!

— Бѣда!—повторила и Марцися, положивши подбородокъ на руки и тихо раскачиваясь.

Долго передавали они другъ другу свои исторіи и замѣчанія и наконецъ умолкли.

— Разскажи мнѣ какую-нибудь сказку!—первый прервалъ Владекъ молчаніе.

Дѣвочка немного подумала.

— Можетъ о сиротѣ?—спросила она.

— Хорошо,—отвѣчалъ Владекъ соннымъ голосомъ.

Марцися подумала, припоминая, и начала:

— Между травой, рутой такой зеленой и... крапивой, человѣкъ нашелъ разъ на могилѣ сиротку...

Послѣднія слова она выговорила медленно и не совсѣмъ ясно, — ее клонилъ сонъ. Однако она принуждала себя говорить дальше и, потирая кулаками глаза, начала вновь:

— Тамъ... на той могилѣ... надъ сиротой... березка...

При послѣдней гласной кулаки упали внизъ, Марцися склонилась и, положивъ голову на грудь спящаго Владка, тоже уснула.

Туманъ, выходящій изъ сырой земли, обвивалъ спящихъ дѣтей точно мокрымъ одѣяломъ. Тихо шелестѣли старыя вербы. Иногда синюю поверхность небеснаго свода бороздили огненные слѣды падающихъ звѣздъ.

Это былъ первый ночлегъ Марциси подъ вербами, въ оврагѣ, первый день, ознаменованный путешествіемъ по городу. Съ этого времени она часто ходила съ Владкомъ, ходила и одна, только въ послѣднемъ случаѣ ночевала дома, удерживаемая или холодомъ, или ласками и пѣснями матери, если только не падала и не засыпала на церковной паперти, подъ деревьями или высокимъ заборомъ какого-нибудь сада.

Такъ протекло ея дѣтство до десяти лѣтъ.

III.

Когда, послѣ удачной охоты на голубей и часа проведеннаго со Владкомъ на крышѣ Вежбовой, Марцися осторожно отворила дверь жилища своей матери, какой-то голосъ извнутри комнаты спросилъ:

— Это ты, Марцися?

Марцися имѣла обыкновеніе, возвращаясь домой, какъ можно тише отворять двери, чтобы по представшей картинѣ и звуку голоса матери угадать, въ какомъ состояніи находится послѣдняя, и идти ли прямо, или скорѣй бѣжать въ оврагъ, подъ сѣнь всегда гостепріимныхъ вербъ, къ Владку. На этотъ разъ Эльжбета сидѣла на столѣ, въ глубинѣ маленькой, низкой, задымленной комнаты, и, при свѣтѣ лампы на хромоногомъ столѣ, чинила свою старую одежду. Марцися вошла и, приблизившись къ матери, стала неподвижно у стола. Она еще недовѣряла, не знала навѣрное, какой пріемъ ожидаетъ ее, и была готова каждую минуту ретироваться. Но сегодня Эльжбета была совершенно трезва. Она подняла глаза на дочь; морщинистый лобъ ея разъяснился.

— Пришла? — начала она ворчливымъ, хотя не грозящимъ болѣе дурными послѣдствіями, тономъ:—Я думала, что тебя опять лѣшій водитъ по свѣту, какъ прошлую недѣлю! Чего ты такъ

поспѣшила? Нужно было опять гдѣ-нибудь на задворкѣ переночевать... Ой, не будетъ изъ тебя проку! Еслибъ я тебя никогда не видала, можетъ-быть счастье мое было бы!

Марцися оставалась неподвижной, только положила локоть на столъ и подперла лицо маленькою ладонью. Видно было, что въ ней что-то кипѣло. Маленькій дѣтскій лобъ покрылся морщинами и черные глаза блеснули.

— Ну, и отлично,—сказала она немного погодя:—если такъ хотите, то и не увидите меня никогда... Пойду отъ васъ и никогда не вернусь... Бухъ въ воду!—только и видѣть меня будете—какъ камень, что Владекъ броситъ въ прудъ...

Эльжбета, очевидно привыкшая къ такимъ разговорамъ съ дочерью, даже не подняла глазъ отъ работы, только черезъ нѣсколько времени, протаскивая толстую иглу чрезъ рвущуюся подъ ниткою ветошку, заговорила медленно, скорѣй сама съ собой, нежели съ дочерью.

— Бухъ въ воду... Ого, подожди немного! Вотъ когда тебѣ жизнь обрыднетъ, какъ мнѣ обрыдла, когда одни люди тебя обманутъ, а другіе оплюютъ, какъ со стыда и горя совсѣмъ сопьешься, да еще добудешь ребенка, котораго хотѣла бы выкупать въ золотистой тучкѣ, а выкупаешь въ грязи,—тогда утопишься и хорошо сдѣлаешь... Охъ, отчего я лучше утопленицей не стала? Еслибъ ребенокъ не закричалъ, стала бы...

Тутъ Марцися оперлась и другимъ локтемъ и перебила слова матери громкимъ восклицаніемъ:

— Разскажите сказку объ утопленицѣ! Разскажите!

Руки Эльжбеты вмѣстѣ съ работой упали на колѣна. Она разсѣянно взглянула на дочь, положила щеку на ладонь и устремила черные, грустные глаза въ одну точку темной стѣны.

— Утопленицы,—начала она монотоннымъ голосомъ, слегка покачиваясь изъ стороны въ сторону,—утопленицы лежатъ спокойно на днѣ воды, окутанныя пахучимъ зельемъ, осыпанныя желтымъ пескомъ... Богъ днемъ посылаетъ имъ лучи солнышка и рыбокъ, что плескаютъ надъ ними серебряными жемчужинами, а ночью идутъ онѣ на верхъ воды, смотрятъ на мѣсяцъ и звѣзды и, какъ начнетъ свѣтить, запоютъ разомъ:

„О, волны родимыя, къ вамъ мы спѣшимъ:
Свѣтъ бѣлый не зналъ насъ и былъ намъ чужимъ!...“ *)

*) *Прим.* Всѣ стихи этой повѣсти переведены Л. И. Пальминымъ.

Она запѣла и оборвала свою пѣсню, точно просыпаясь отъ сна:

— Хорошо имъ, ой-ой!... Отчего я утопленицей не сдѣлалась, когда на меня бѣда проклятая нашла?...

Она подняла голову и посмотрѣла на дочь.

— Ты можетъ сдѣлаешься,—прошептали ея блѣдныя губы.— И вѣрно!... Какая твоя доля иная можетъ быть? — Такая-жь, какъ и моя...

Глаза Эльжбеты наполнились слезами; она вскочила со стула и начала ходить по тѣсной комнатѣ. Наклонившись надъ лежащей въ углѣ своей убогою постелью, она оправила ее дрожащими руками, потомъ схватила полѣно и начала разгребать имъ кучу угля и пепла въ полуразвалившейся печи, наконецъ остановилась въ углу избы и долго думала, опустивъ руки и упорно смотря въ землю.

— Пойду!—рѣшила она наконецъ.—Будь, что будетъ, пойду и попрошу Вежбову... Нужно кончить сразу... для ребенка...

Она набросила на голову худой платокъ, загасила лампу и вышла, оставивши Марцисю въ совершенной темнотѣ. Точно гонимая внутреннею тревогой, она не шла, а скорѣй бѣжала къ хаткѣ, висящей надъ оврагомъ и мигающей, точно кошачьими глазами, двумя огненно-желтыми окнами. Въ хаткѣ, за столомъ, у коптившаго каганца, сидѣла и дремала Вежбова. Ложиться спать было еще рано,—можетъ-быть, кто-нибудь изъ кліентовъ завернетъ. Стукъ въ окошко заставилъ вздрогнуть и проснуться старуху. Она встала и отперла дверь.

— Я всегда запираюсь передъ этимъ сорванцомъ, Владкомъ,—сказала она входящей Эльжбетѣ.—Звала его домой спать, не послушался... Пусть теперь спитъ на дворѣ... Охъ, ужь эти дѣти! Бѣда одна только съ ними...

Вежбова усѣлась на лавку и посмотрѣла на пришедшую своими маленькими, глубоко помѣщенными посреди морщинистаго лица, глазами.

— Я тоже, — заговорила Эльжбета, останавливаясь передъ ней, — я тоже теперь пришла къ вамъ насчетъ ребенка... то-есть... насчетъ себя... то-есть насчетъ ребенка...

— Что такое, что?—заторопилась старуха.—Если деньги нужно, то у меня нѣту...

— Да нѣтъ,—перебила Эльжбета,—насчетъ службы у старой пани въ деревнѣ.

— А!—протянула Вежбова и задумалась. Потомъ она прибавила, сдѣлавши жестъ, какъ будто выпивала что-то до дна.— А съ этимъ-то что будетъ?—Она захохотала.—Я къ такимъ большимъ панамъ не могу рекомендовать пьяницъ... Если еще къ городскимъ, да и то...

— О,—вскричала Эльжбета, махнувъ рукой,—вы столько уже пьяницъ рекомендовали! Гдѣ пьянство начинается, оттуда оно и на свѣтъ выходитъ,—что и говорить о томъ! Хотите торговаться со мной?... Хорошо, отдамъ вамъ весь задатокъ отъ пани, только порекомендуйте... Меня тянетъ прочь отсюда, въ деревню. Если проживу тамъ два года, можетъ-быть дьяволъ, что осѣтилъ, оставитъ меня...

Вежбова посматривала на женщину полушутливо, полувнимательно.

— Какъ же это васъ разомъ осѣнило?—спросила она.

— Разомъ?—прошептала Эльжбета и скоро заговорила:—А почему вы знаете, что разомъ? Почему вы узнали, сколько разъ я шла въ кабакъ и не доходила, возвращалась домой и слезами обливала мою нищенскую берлогу? Откуда вы узнали, сколько ночей я выстояла на колѣняхъ предъ Господомъ Богомъ, чтобъ онъ послалъ мнѣ исцѣлѣніе, а моему ребенку избавленіе? Она растетъ, и растетъ и красивая, и умная; а что съ ней будетъ, если я не сдѣлаю съ собой чего-либо?... Вотъ пришло время, что я должна рѣшиться сдѣлать... Но тутъ, гдѣ меня всѣ знаютъ, гдѣ кабакъ на каждомъ шагу, гдѣ люди колютъ мнѣ глаза моимъ позоромъ,—нѣтъ, здѣсь невозможно!... Нужно бѣжать отсюда прочь, въ деревню, подъ божье небо... Тамъ день за днемъ пойдетъ тихо—и нужда въ очи не заглянетъ, и сердца грызть не станетъ... Я родилась и выросла въ деревнѣ. Какъ увижу лѣсъ, зеленую травку и ручеекъ на лугу, то можетъ-быть Господь смилуется и дастъ мнѣ силу.

Она говорила, полная сильнымъ и чистымъ чувствомъ. Дыханіе ея было прерывисто, руки скрещены на груди, а все лицо облито слезами.

Вежбова смотрѣла на нее все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ любопытствомъ и усмѣшкой въ глазахъ.

— Ну, ну!...—кивнула она головой.—Попробуйте, попробуйте... Я порекомендую—отчего бы и нѣтъ?—если вы пообѣщаетесь не осрамить меня передъ господами. Но ужь задаточекъ-то вы мнѣ весь отдайте....

— Башмаки только куплю,—несмѣло замѣтила Эльжбета,—нельзя же босой-то на службу идти...

— Что тамъ башмаки! Я вамъ свои отдамъ, немножко поношенныя, но совсѣмъ крѣпкія. Отдайте мнѣ за это вашъ вязаный клѣтчатый платокъ, — на что вамъ два платка?... А съ дѣвочкой что вы подѣлаете?

Эльжбета бросила въ сторону безпокойный и умный взглядъ.

— Что же мнѣ дѣлать?—сказала она, складывая руки.—Родныхъ у меня нѣтъ, а тѣ, что есть, и знать не хотятъ со времени моего позора и несчастія... Что-жь мнѣ дѣлать съ дѣвочкой?... Съ собой взять не позволятъ! Должна просить васъ у себя ее подержать это время...

Было видно, что за послѣднее предположеніе она хваталась, какъ утопающій за соломенку. Вежбова всплеснула руками.

— Да сохранитъ меня отъ этого Богъ и Пресвятая Дѣва! Довольно мнѣ горя и съ моимъ негоднымъ...

— Пани Вежбова!—заговорила Эльжбета,—вѣдь я отъ нея не отказываюсь. Годъ, два, какъ только почувствую, что Богъ смиловался надо мной и простилъ мои грѣхи, возвращусь, начну аккуратно работать и возьму ее къ себѣ.

— Годъ, два... Это время, моя милая, долгое время. А сколько за это время дѣвочка хлѣба у меня съѣстъ... Я и сама нищая, не изъ чего...

— Да вѣдь я не отрекаюсь отъ нея,—повторила Эльжбета.—Я буду вамъ присылать для нея ровно половину моего жалованья, а другую оставлять у себя, чтобъ имѣть средства завести хоть какое-нибудь хозяйство, когда возвращусь и возьму ее къ себѣ...

Вежбова думала.

— Ну,—сказала она наконецъ,—что дѣлать, нужно иногда помочь людямъ... Пусть такъ будетъ. Приведите дѣвочку предъ отъѣздомъ. Возьму ее къ себѣ,—можетъ и помогать мнѣ будетъ.

— Пусть помогаетъ, пусть помогаетъ!—крикнула Эльжбета.—Я вовсе не прочь, чтобъ она привыкала къ работѣ. Приказывайте носить воду, полоть въ огородѣ и все дѣлать... Конечно, что заработаетъ, пусть вамъ же и приноситъ, а вы ужь за то не пожалѣйте для нея куска хлѣба и какого-нибудь лохмота...

Она быстро наклонилась и поднесла къ губамъ руку Вежбовой.

— Благодѣтельница, милая моя, мать моя! будьте снисходительны къ сиротѣ, не дайте ей умереть съ голоду и таскаться за подаяніемъ. Если заслужитъ, не жалѣйте рукъ, а если

нѣтъ, то пожалѣйте! До гроба я буду помнить это и какъ у святой облобызаю ноги ваши, когда возвращусь... Вы должны же сдѣлать что-нибудь для меня... Вѣдь благодаря моему же несчастію вы немножко денегъ заработали... Вѣдь... вѣдь... Богъ свидѣтель, мое несчастіе тутъ же началось, въ вашемъ домѣ, потому что я тутъ, изъ вашей руки взяла первую рюмку этой проклятой водки... Я не хотѣла,—вы уговорили... Выпила въ компаніи разъ и другой у васъ же, вотъ на этой самой лавкѣ, а потомъ...

— Ну, ну,—перебила Вежбова,—довольно! Будетъ плакать и жаловаться! Завтра, завтра отправлю и отрекомендую васъ господамъ, а черезъ два дня вы приведете ко мнѣ дѣвочку и отправитесь... Я вѣдь не такая, — кто меня попроситъ, я не могу выдержать и все сдѣлаю...

Эльжбета вышла. Вежбова долго улыбалась, снимая бѣлый чепецъ. Было видно, что она осталась очень довольна сдѣланнымъ дѣломъ, сулившимъ ей разнообразныя выгоды.

— Образумиться-то не образумится,—шептала она:—никогда еще я не видала, чтобы какая пьяница пить перестала... Но сначала-то деньги присылать будетъ, а потомъ дѣвчонка подростетъ и пойдетъ на заработокъ, а потомъ...

Она замолчала, точно не хотѣла повѣрить своей мысли окружающимъ ее грязнымъ и закопченнымъ стѣнамъ, задула ночникъ и легла.

Черезъ день послѣ этого дорожкою по косогору шла Эльжбета, ведя за руку Марцисю, уже знавшую, что останется въ хатѣ Вежбовой, и оглядывающуюся, не увидитъ ли Владка, чтобы подѣлиться съ нимъ этою новостью. На крышѣ Любусь повертывалъ голову во всѣ стороны и громко ворковалъ, точно призывая кого-то. Дѣвочка увидала голубя и тихонько разсмѣялась.

— Видите?—указала она пальцемъ на голубя,—видите? Это Любусь! Онъ всегда такъ зоветъ меня и Владка! Сейчасъ мы полѣземъ къ нему на крышу, а потомъ побѣжимъ въ предмѣстье.

Они остановились у дверей хаты. Эльжбета наклонила къ дочери свое блѣдное и заплаканное лицо.

— Я пойду и не вернусь прежде, чѣмъ черезъ годъ или два... А ты, Марцися, помни, что я тебѣ говорю: будь вѣжлива, слушайся пани Вежбовой, въ городъ не бѣгай... Будешь помнить?

— Буду, буду!—поглядывая въ глубь яра, въ надеждѣ увидать Владка, отвѣчала Марцися.

— Марцися,—начала вновь женщина,—тебѣ не жаль матери? Вѣдь все-таки я не особенно злою матерью была для тебя. Иногда и кормила тебя, и цѣловала, носила на рукахъ, и сказки разсказывала...

Дѣвочка подняла голову и посмотрѣла на мать глазами, гдѣ еще свѣтилась радость. Эльжбета взяла ее въ объятія и подняла съ земли.

— Поцѣлуй мать,—тихо сказала она,—ну, поцѣлуй, крѣпко!

Глаза ея смотрѣли такъ жалостно, на губахъ была такая грустная улыбка, что ребенокъ приникъ грудью къ груди матери, губами къ губамъ и разразился громкимъ рыданіемъ.

IV.

На одной изъ большихъ улицъ въ центрѣ города была кондитерская, передъ которой Владекъ и Марцися часто останавливались во время своихъ путешествій въ городъ. Владекъ несмѣло, всегда съ величайшими предосторожностями, приближался къ низкому, широкому окну, за которымъ блестѣли и привлекали его золотистыя бонбоньерки, сахарныя фиругры и цвѣтущія растенія.

— Цыцъ!—сказалъ онъ Марцисѣ, кладя палецъ на губы:— увидитъ дядя, сейчасъ и кулакомъ въ спину, и домой прогонитъ!

Случалось иногда, что когда онъ, заглядѣвшись на сахарныя и бумажныя игрушки, на пунцовыя мебель и занавѣски, украшавшія внутренность кондитерской, забывалъ на время объ обычной осторожности, изъ сосѣдней двери выходилъ высокій, солидный человѣкъ съ наружностью зажиточнаго обывателя и, увидавши Владка, начиналъ съ грустью и гнѣвомъ качать головой.

— Владекъ, Владекъ! ты снова по городу шляешься и заглядываешь въ чужія окна?

Тогда мальчикъ отнималъ свое лицо отъ окна и, не оглядываясь, летѣлъ изъ всей мочи своихъ босыхъ ногъ.

Но иногда бывало и хуже, когда зажиточный кондитеръ, потихоньку подкравшись, поднималъ гибкую трость, постоянную свою спутницу, и опускалъ ее на плечи придерживаемаго имъ мальчика. Попытавшись вырваться изъ сильныхъ рукъ, Владекъ садился на тротуаръ, а Марцися начинала кричать во все горло. Кондитеръ не обращалъ никакого вниманія на дѣвочку, а пле-

мянника бранилъ за бездѣльничье и бродяжничество и предсказывалъ ему скверное будущее. Потомъ бралъ Владка за руку, вводилъ въ дверь и на нѣсколько часовъ задерживалъ въ своемъ жилищѣ. По началу каждое такое происшествіе стоило Марцисѣ много слезъ и горя; она думала, что важный усатый господинъ, одинъ видъ котораго наполнялъ ее тревогой, смѣшанною съ почтеніемъ, уже навсегда отправилъ куда-нибудь, а то и просто убилъ ея товарища. Потомъ она убѣдилась, что въ этихъ случаяхъ не было ничего страшнаго,—напротивъ, они имѣли и хорошую сторону. Черезъ нѣсколько часовъ, иногда и послѣ ночи, проведенной у дяди, Владекъ возращался къ Марцисѣ или плакавшей въ глубинѣ оврага, или всматривающейся чрезъ перила моста въ дальнѣйшій, видимый оттуда, пунктъ улицы. Владекъ возвращался прыжками и тотчасъ вытаскивалъ изъ кармана нѣсколько конфектъ и пару пирожковъ и дѣлился ими съ подругой. Съѣдая эти сласти, Марцися окончательно успокоивалась и съ удивленіемъ замѣчала на ногахъ мальчика хоть старую, но непривычную для него обувь, или на плечахъ поношенный, но болѣе приличный обычной рубахи, сюртукъ.

— Сапоги!—говорила она, указывая на ступни товарища.

— Ага!—отвѣчалъ Владекъ.—Дядя приказалъ женѣ дать мнѣ сапоги, что ихъ младшій сынъ не доносилъ еще.

— И это далъ?—допытывалась она, кивая головой на недоѣденныя конфекты или пирожки.

— Ну, нѣтъ! Это ужь я самъ себѣ далъ. Поваръ несъ въ кондитерскую и на столѣ поставилъ, а я со стола—цапъ!—и стянулъ.

— А ѣсть тебѣ давали?

— У-у, у нихъ такъ все это вкусно!.. Мяса дали и хлѣба съ масломъ...

— А били?

— Нѣтъ. Только тогда, на улицѣ, а больше не били. Только дядя сильно бранилъ, что я—сорванецъ и уличный мальчишка. Сказалъ, что возьметъ меня отъ тетки къ себѣ, да жена его начала кричать, что у нихъ и такъ много дѣтей...

— Много дѣтей?—съ интересомъ прервала Марцися.

— Много; три мальчика и двѣ дѣвочки. Мальчики въ школу ходятъ, а дѣвочки какъ куклы.

— А тамъ былъ?

— Гдѣ?

— Тамъ, гдѣ такъ хорошо, хорошо, гдѣ такіе цвѣты, и красныя кресла, и золотыя окна... (По ея понятіямъ, золотыми окнами были зеркала въ золотыхъ рамахъ.)

— А-а... въ кондитерской!—догадывался Владекъ.—Нѣтъ, не былъ. Туда такихъ, какъ я, оборванцевъ не пускаютъ. Только изъ-за двери посмотрѣлъ... О, это рай!

Послѣ подобныхъ разговоровъ и съѣденія стянутыхъ Владкомъ лакомствъ, они скоро забывали объ этомъ эпизодѣ своей жизни и только на нѣкоторое время старательно избѣгали кондитерской и строгаго дяди, который хотя и одарялъ племянника поношенной одеждой своего сына, обладалъ, однако, сильною рукой и гибкою палкой, отъ которой со спины Владка долгое время не сходили синяки. Имъ и на умъ не приходило, что кондитерская и ея обладатель могутъ разыграть огромную и рѣшительную роль въ жизни ихъ обоихъ.

Но однако это случилось.

Почти черезъ годъ послѣ отъѣзда Эльжбеты и пребыванія Марциси въ хатѣ Вежбовой, въ одинъ погожій лѣтній вечеръ, Владекъ громадными прыжками сбѣгалъ по крутой дорожкѣ въ оврагъ и изо всей мочи кричалъ: «Марцися! Марцися!..»

Дѣвочка выглянула изъ чащи кустарниковъ, гдѣ собирала дикій крыжовникъ и красныя ягоды шиповника.

— Ау, ау!—откликнулась она.

Владекъ остановился передъ ней съ раскраснѣвшимся, возбужденнымъ лицомъ. Было видно, что онъ самъ не знаетъ, плакать ли ему или радоваться. Въ глазахъ его были слезы, а по губамъ пробѣгала торжественная улыбка.

— Ну! — крикнулъ онъ,—будь здорова и... пиши мелкими буквами ко мнѣ въ Бердичевъ. Я ухожу отсюда!

— Куда?—съ тревогой и любопытствомъ спросила Марцися.

— Къ дядѣ! Дядя пріѣхалъ за мной... Возьметъ меня къ себѣ... Я буду ходить по воскресеньямъ въ школу, учиться читать, а въ будни прислуживать гостямъ.

И съ радостнымъ уже лицомъ онъ повторилъ:

— Будь здорова! Тебѣ меня какъ ушей своихъ не видать!...

Концы фартука вывалились изъ рукъ дѣвочки, крыжовникъ и шиповникъ высыпались на траву, а изъ глазъ широко раскрытыхъ сначала отъ недоумѣнія, а потомъ отъ горя, ручьемъ хлынули слезы. Когда мальчикъ повернулся и хотѣлъ бѣжать, она схватила его обѣими руками за полу одежды и крикнула:

— Владекъ!

Онъ остановился и посмотрѣлъ на нее.

— Ну,—сказалъ онъ,—опять мычишь?... Конечно, и меня жалость немного разбираетъ; но видишь, новый сюртукъ—вѣдь не худая рубаха, а сапоги—не голая подошва... Кондитерская съ красными креслами—не мокрая земля.

Онъ все-таки сѣлъ на мокрую землю, а рядомъ съ нимъ опустилась безсильная и огорченная Марцися. Онъ разсказалъ ей, что послѣ того, какъ она пошла по приказанію Вежбовой на дно оврага собирать крыжовникъ, въ хату вошелъ дядя и какъ только увидалъ Владка, помѣщающаго въ голубятникъ пойманныхъ голубей, тотчасъ же страшно разгнѣвался и прежде всего обругалъ Вежбову.

— Такъ кричалъ на старуху: вы, говоритъ, и голубей-то его красть заставили, чтобы самой поживляться отъ этого... И говоритъ: мнѣ стыдно, что мой родной—уличникъ, и я не могу согласиться, чтобы вы изъ него злодѣя или вора сдѣлали.

А Вежбова крикнула:

— Такъ гдѣ же вы сами-то до этого были?

Кондитеръ отвѣчалъ:

— Что-жь, по-вашему, у меня своихъ дѣтей мало, что ли? Братъ гуляетъ и шатается всю жизнь, а я, до кроваваго пота работающій, стану обременять себя его дѣтьми! Но ужь если необходимо, то дѣлать нечего, возьму мальчика, пусть по воскресеньямъ учится читать, а по буднямъ будетъ служить въ кондитерской.

Все это разсказалъ Марцисѣ Владекъ, который, слѣзши съ крыши и притаившись за окномъ, подслушалъ весь разговоръ и тотчасъ сбѣжалъ въ оврагъ, чтобы сообщить о происшедшемъ.

Разсказалъ и замолкъ. За минуту до этого онъ хотѣлъ бѣжать, а теперь что-то приковывало его къ влажной травѣ, на которой столько часовъ просидѣлъ, столько ночей проспалъ онъ; къ этой зеленоватой водѣ, которой столько разъ повѣрялъ горести и желанія всего своего искалѣченнаго, нищенскаго дѣтства; наконецъ къ этой черноокой и золотоволосой дѣвочкѣ, которую столько разъ вытаскивалъ изъ воды и на своихъ рукахъ выносилъ по крутой дорожкѣ оврага, съ которой раздѣлилъ столько убогихъ кусковъ и проспалъ столько ночей подъ бѣлымъ покровомъ ночныхъ тумановъ, которую училъ вскарабкиваться на крыши и деревья, находить въ дуплахъ птичьи гнѣзда и зеленыхъ

лягушекъ въ травѣ, съ которой столько разъ побирался, жаловался на злую долю, кралъ голубей и мечталъ о какомъ-то счастливомъ, золотомъ будущемъ... Что-то приковывало его и къ этому мѣсту, и къ этой дѣвочкѣ съ маленькимъ, блѣднымъ и облитымъ слезами лицомъ, что бѣлѣло возлѣ него на темномъ фонѣ кустовъ.

— Владекъ!

— Что?—спросилъ онъ невѣрнымъ голосомъ. Видно было, что еще немного—и онъ расплачется.

— Что-жь это будетъ?

— А что?

— Что будетъ, когда тебя не будетъ?

Онъ не успѣлъ отвѣтить. Сверху раздался призывающій его голосъ кондитера. Владекъ вскочилъ и вмигъ очутился на гребнѣ дорожки. Марцися какъ птица пустилась за нимъ чрезъ кустарники и деревья. Она остановилась наверху въ ту минуту, когда кондитеръ взялъ за руку мальчика, говорилъ ему что-то ворчливымъ, но не гнѣвнымъ, голосомъ и повелъ его къ предмѣстью, къ мосту на рѣкѣ, далеко, далеко, къ городу, свѣтящемуся своими, позлащенными заходящимъ солнцемъ, крестами и окнами. Марцися стояла какъ вкопанная, съ повисшими руками и утонувшими въ травѣ ногами. Кровавый лучъ солнца скользилъ по ея окаменѣвшему лицу и проникалъ въ широко открытые черные глаза.

— Владекъ!—крикнула она.

Мальчикъ былъ недалеко, крикъ достигъ его ушей, однако онъ не обернулся.

— Владекъ!—крикнула она изо всей мочи.

Онъ не оглядывался.

Можетъ-быть въ ея памяти возстали минуты прошедшаго, когда она на рукахъ матери, на этой же самой стёжкѣ, по которой шелъ теперь Владекъ, оглядывалась на него, до тѣхъ поръ, пока его не скрывали отъ ея взора сѣрые домики предмѣстья.

Теперь *онъ* скрывался за этими домиками, а она смотрѣла на мостъ, чрезъ который лежалъ его путь. Мостъ былъ далеко, по немъ ѣхало и шло множество людей, а она стояла и смотрѣла долго, долго, пока не угасъ кровавый, освѣщающій ее лучъ солнца, пока не почернѣли кресты и окна города и вся масса строеній не слилась въ продолговатое черное пятно на багряномъ фонѣ заката. Тогда она быстро подошла къ дорожкѣ и исчезла

въ глубинѣ оврага, гдѣ долго, всю ночь, среди глухаго шелеста деревьевъ и тихаго плеска воды, раздавались глубокія, отчаянныя дѣтскія рыданія.

На утро, на разсвѣтѣ, Марцися бѣжала черезъ мостъ въ городъ. Слѣды вчерашнихъ слезъ исчезли на умытомъ холодною водой и покрытомъ розовою краской восхода лицѣ. Она пробѣжала мостъ, нѣсколько улицъ и, запыхавшаяся, улыбающаяся, остановилась передъ дверями кондитерской. Онѣ возвышались надъ тротуаромъ нѣсколькими ступенями. Дѣвочка вскочила на нихъ, поднявшись на пальчики, приложила лицо къ широкой рамѣ и даже задрожала отъ радости.

— Владекъ!—громко шепнула она.—Владекъ!

Пронзительно звякнулъ надъ ея головой звонокъ и на порогѣ сталъ Владекъ, но, Боже, какъ измѣнившійся! На немъ была приличная одежда изъ сѣраго сукна, почти новые сапоги и немножко грязноватый красный платокъ на шеѣ.

— Зачѣмъ ты пришла?—спросилъ онъ, спихивая дѣвочку со ступеней на тротуаръ, а оттуда далѣе, на улицу.—Зачѣмъ прилетѣла?... Дядя говоритъ, что если увидитъ меня когда-нибудь съ уличными дѣтьми, то бить станетъ! Ты хочешь, чтобъ меня били?

— Нѣтъ, не хочу,—прошептала она, широко раскрывая глаза.

— Вотъ видишь, такъ и не жалуй сюда никогда! Я самъ прибѣгу къ тебѣ, какъ только найду время... Не бойся, прибѣгу и все разскажу... О, еслибъ ты знала!...

Было видно, что долголѣтняя дружба пріучила и поощряла его къ изложенію ей всего видѣннаго и слышаннаго. Но на тротуарѣ раздались шаги и стукъ трости, такъ что онъ принужденъ былъ умолкнуть.

— Ну,—шепталъ онъ поспѣшно,—ступай себѣ, ступай!... Знаешь, я тутъ навѣрно богатымъ сдѣлаюсь... Посмотришь, что сдѣлаюсь...

— Прибѣжишь?—спросила Марцися.

— Вышелъ въ люди и теперь хоть на человѣка сталъ похожъ.

— Прибѣжишь?—повторила она.

— Только глаза и уши надо открывать широко и слушать все, что люди говорятъ...

— Прибѣжишь?—шепнула она вновь, но шепотъ ея былъ прерванъ звонкомъ запиравшейся за Владкомъ двери.

Когда медленно, съ поникшею на грудь головой, возвратилась домой Марцися, Вежбова встрѣтила ее у двери. Голову ея еще

не покрывалъ чепецъ, а спутанные, сѣдые волосы торчали во всѣ стороны вокругъ большаго, заспаннаго, свѣшивающагося толстыми складками, лица.

— Гдѣ это ты пропадала, бродяга? — кричала она. — Отчего вода не принесена? Мнѣ нужно въ городъ, а ни умыться, ни чаю заварить не изъ чего. Ну, за водой! Иди, скорѣй!

Подъ грозящей, стиснутой, старою рукой Марцися вбѣжала въ хату и въ мгновеніе ока, показавшись вновь со жбаномъ въ рукѣ, побѣжала по берегу оврага, потомъ спустилась внизъ, гдѣ изъ каменистой трещины лилась и бѣжала по камешкамъ узкая струя ручья. Марцися сѣла на освѣщенной травѣ и, подставивъ жбанъ, смотрѣла, какъ крупныя капли, ударяясь о каменья, разсыпались серебристою пылью. Надъ трещиной шумѣло нѣсколько низкорослыхъ сосенъ, а вскорѣ тамъ же послышалось трепетаніе птичьихъ крыльевъ. Марцися подняла голову и грустное лицо блеснуло радостью. На вѣткѣ низкой сосны колыхался розовый голубь и, вытягивая шею, поглядывалъ на нее сверху внизъ. Она бросила жбанъ, протянула обѣ руки и начала звать голубя; а когда онъ, послушный знакомому, ласковому голосу, слетѣлъ на ея плечо, она прижала его къ груди и, приложивъ губы къ его клюву, тихо шепча, долго раскачивала его, какъ ребенка:

— Любусь! О, Любусь!... Нѣтъ Владка, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Наполненный водою жбанъ былъ настолько тяжелъ, что пригибалъ ее почти къ землѣ, когда она несла его наверхъ. На ея щекахъ выступилъ румянецъ усилія, а надъ головой, то поднимаясь, то опускаясь, летѣлъ голубь. Марцися иногда съ улыбкой посматривала на него.

Черезъ часъ Вежбова, одѣтая въ свое обычное цвѣтное шерстяное платье, большой платокъ и бѣлый чепецъ, вышла въ городъ, а Марцися отворила одно изъ окошекъ хаты. Чрезъ окно можно было видѣть, какъ она, поворачиваясь въ темной, закопченной внутренности избы, подметала полъ огромною метлой, оправляла постель, разводила огонь и готовила горшки съ водой и картофелемъ. На столѣ стояла посуда съ недопитымъ Вежбовой чаемъ и остатки недоѣденной булки. На окнѣ Любусь клевалъ горохъ и хлѣбныя крошки. Марцися вотъ уже годъ исполняла лежащія на ней хозяйственныя обязанности.

Она вышла затѣмъ въ огородъ, сѣла на грядку и начала полоть овощи. Любусь тоже отправился за нею. Дѣвочка часто

вздыхала. Она покачивала головой. Вокругъ щебетали птицы, а вдали, за рѣкой, шумѣлъ и говорилъ городъ. Отъ времени до времени она поднимала голову и, казалось, съ усиліемъ вслушивалась въ долетающій шумъ и говоръ. Можетъ-быть она думала, что съумѣетъ отличить изъ тысячи голосовъ голосъ товарища.

Съ тѣхъ поръ исчезла съ улицъ города просящая подаянія, босоногая, дѣвочка. Вежбова приказала, и Марцися начала ходить на поденщину. Рано, передъ восходомъ солнца, она носила для более зажиточныхъ домовъ предмѣстья воду, потомъ полола траву и чистила дорожки въ садахъ, помогала прачкамъ полоскать бѣлье, собирала барбарисъ и шиповникъ и продавала его или на рынкѣ, или въ аптекѣ. Всѣ, добытыя такимъ образомъ, деньги она отдавала Вежбовой, которая, благодаря все болѣе и болѣе возникающей жадности, стала къ ней значительно ласковѣй, хотя часто упоминала о томъ, что держитъ ее изъ милости, что Эльжбета и думать забыла о своихъ обязанностяхъ. Дѣйствительно, только первые мѣсяцы та высылала Вежбовой условленную сумму, причемъ добавлялся кусокъ толстой бумаги, гдѣ кто-то, по ея просьбѣ (сама она не умѣла писать) спрашивалъ: жива ли Марцися, здорова ли и какъ себя ведетъ? Потомъ деньги и письма съ вопросами приходили рѣже и рѣже и наконецъ, на другой годъ пребыванія Марциси у Вежбовой, совсѣмъ прекратились.

— Или умерла, или ужь спилась окончательно,—говорила Вежбова Марцисѣ и добавляла:—вѣроятнѣй и то и другое. Допилась до конца и умерла гдѣ-нибудь подъ плетнемъ или въ шинкѣ подъ лавкой.

Свѣдѣнія о матери, преподносимыя безъ всякой церемоніи Марцисѣ, казалось, мало интересовали послѣднюю. Со дня ухода Владка она стала болѣе молчаливою, солидною, ходила и работала по большей части молча. Раздумывая о молчаніи матери, она не грустила, только когда ужь Вежбова очень разбалтывалась объ этомъ, Марцися, ложась спать на соломенный тюфякъ подъ печку, нѣсколько разъ громко вздыхала. Припоминала ли она,—правда, не частыя,—вечера, когда мать относила ее на рукахъ на свое убогое ложе и садилась около нея, починивая старое платье и усыпляя ее пѣснями и сказками? Казалось даже, что чѣмъ болѣе уходило времени въ минуты ихъ разлуки, въ особенности съ отбытія Владка, тѣмъ чаще вспоминала она мать и тѣмъ лучше и чище становился образъ послѣдней. Думы цѣлымъ роемъ вились въ головѣ Марциси при воспоминаніи о груст-

ныхъ, ласковыхъ устахъ и глазахъ, чаще устремленныхъ въ землю. Какіе оттѣнки боли и скорби оставляли на ея сердцѣ эти воспоминанія, она сама не могла бы сказать. Когда, случалось, въ хатѣ и вокругъ, далеко, никого не было, когда полная тишина была прерываема только отдаленными звуками городскаго шума или отрывистымъ чириканьемъ воробьевъ,—когда въ глубинѣ оврага шумѣли старыя вербы, а за оврагомъ по болотнымъ полямъ отъ времени до времени расходился протяжный крикъ крестьянина, или хохотъ веселой жницы,—одинокое дитя поднимало голову и, припоминая одну изъ материнскихъ пѣсней, запѣвала:

Птичка перышко сронила
Надъ рѣкой широкой.
Мать ушла далеко... Я же
Въ свѣтѣ одинока.

Она наклонялась надъ грядкой, полола старательнѣй, скорѣй, а черезъ часъ, скорѣе или позже, снова опускала руки, снова оглядывалась на голубка и заканчивала пѣсню:

Горько перышку носиться
Одному съ волнами,
На чужбинѣ обливаться
Горько мнѣ слезами...

Однако сама никогда не заливалась слезами. Она была тихою, терпѣливою и скрытною. Она избѣгала общества шаловливыхъ и крикливыхъ ровестницъ, а при встрѣчѣ съ ровестниками всегда спрашивала, не видали ли Владка? Владекъ прибѣгалъ сначала довольно часто.

Когда Марцися увидала въ первый разъ Владка, она какъ сумашедшая бросилась къ нему на встрѣчу.

— Старуха дома?—спросилъ онъ.

— Нѣту, нѣту! Пошла въ костелъ!

— Это хорошо; посидимъ-ка съ тобой.

Владекъ сѣлъ па гребнѣ горы, спускающейся къ предмѣстью, и, выставивъ на солнце новую обувь, чтобы лучше блестѣла, началъ разсказывать о всемъ, видѣнномъ и слышанномъ имъ за недѣлю.

— Эти золотыя окна, на которыя ты всегда такъ глаза таращила,—зеркала, такія большія, что человѣкъ видитъ себя въ нихъ отъ ногъ до головы... А громадный столъ, по которому костяные шары летаютъ, это билльярдъ.

— Что это такое?—заинтересовалась Марцися.

Владекъ объяснилъ ей значенie билльярда, котораго самъ еще хорошенько не понималъ. Зналъ только, что кто хорошо умѣетъ эти шары толкать кiями, тотъ можетъ много денегъ выиграть.

— Присмотрюсь — и самъ буду умѣть, а какъ выучусь — выиграю себѣ деньги, домъ и богатымъ стану.

— Дядя тебѣ не позволитъ этотъ столъ портить, — замѣтила Марцися.

— Буду я его спрашивать!... Тамъ, на Ниской улицѣ, есть мѣстечко, гдѣ каждый, кто хочетъ, играетъ... И Франекъ играетъ, потому что умѣетъ... Счастливый этотъ Франекъ! Всегда первый чего-нибудь добьется. Правда, онъ старше меня, — ну, и отецъ его, что лакеемъ служитъ, лучше его воспитывалъ, чѣмъ меня та вѣдьма... Знаешь что? — продолжалъ онъ. — Какъ хорошо сидѣть на тѣхъ красныхъ креслахъ, какъ мягко! Вчера, когда гости поразошлись, я сѣлъ себѣ на кресло и выспался, какъ въ кровати.

Въ концѣ концовъ было видно, что онъ чувствовалъ себя довольнымъ своимъ положенiемъ, и въ головѣ ея роились неопредѣленныя, неясныя, но горячiя надежды и желанiя. Нѣсколько недѣль спустя онъ пришелъ во второй разъ, задумчивый, и сказалъ Марцисѣ:

— Вѣдь доходятъ же люди, дойду и я! Я умѣю уже ловко подавать гостямъ мороженое и шеколатъ, а дядя меня скоро сдѣлаетъ маркеромъ.

— Кѣмъ?

— Маркеръ — это мальчикъ, что стоитъ при билльярдѣ и считаетъ, кто сколько выигралъ и кто проигралъ. Буду стоять при билльярдѣ и учиться...

Онъ жаловался только на жену дяди, что она часто бранитъ его, заставляетъ носить своихъ крикливыхъ дѣтей и часто даетъ къ чаю хлѣбъ безъ масла.

— Это все пустяки, — продолжалъ онъ, — все-таки житье тамъ рай въ сравненiи съ тѣмъ, что раньше было. Еще бы!... Тутъ и поѣшь, и выспишься какъ слѣдуетъ, и понемногу учишься, какъ обращаться въ свѣтѣ... Еслибъ ты тамъ была, то уши бы развѣсила, послушавъ, какъ у насъ гости между собой разговариваютъ. Ни капли бы не поняла. И я сначала не понималъ, лишь теперь понимать начинаю... Ну, какъ ты думаешь, о чемъ они чаще толкуютъ?

— О чемъ? — спросила Марцися.

— О деньгахъ! — важно отвѣчалъ Владекъ. — Да, да, на этомъ весь свѣтъ стоитъ. У кого гроша нѣтъ, тотъ ни гроша и не стоитъ; а у кого онъ есть — гуляй, веселись! Все за деньги — и сапоги, и сюртукъ, и ѣда, и забава.

Онъ всталъ, потянулся и, указывая пальцемъ бѣлый, большой домъ огородника, на самомъ берегу рѣки, сказалъ:

— Хоть бы такимъ богатымъ быть, какъ этотъ огородникъ... Франка не разъ нанимали туда землю копать... Говоритъ, что онъ держитъ деньги въ шкатулкѣ, на чердакѣ...

Онъ было еще что-то хотѣлъ сказать, но былъ прерванъ Марцисей:

— Смотри, смотри, Владекъ! — Она указывала на что-то въ воздухѣ.

Это Любусь быстро возвращался изъ какого-то далекаго путешествія и сѣлъ на плечѣ у Марциси. Она взяла его въ обѣ руки и подала Владку.

— Какой онъ добрый! Знаешь, онъ всегда за мной летаетъ.

Но мальчикъ не смотрѣлъ ни на нее, ни на голубя. Разгорѣвшійся его взглядъ тонулъ въ толпѣ городскихъ домовъ, точно преслѣдуя и высматривая что-то. Губы были искривлены усмѣшкой.

— Прощай! — крикнулъ онъ и, не взглянувъ на дѣвочку съ голубемъ въ рукахъ, побѣжалъ къ городу.

Осенью и зимой посѣщенія сдѣлались рѣже. Зимой чаще собирались гости у Вежбовой. У нея было многочисленное знакомство въ средѣ городской прислуги, которая толпами приходила къ ней то просить опредѣлить на службу, то занять денегъ, то просто поболтать со старухой и повеселиться у ней въ веселой компаніи. Вежбова не уклонялась ни отъ перваго, ни отъ послѣдняго. Они, напротивъ, служили ей приманкой, при помощи которой можно было завлечь много людей въ свои сѣти. Говорили, что у нея есть деньги; это было похоже на правду, потому что она купила въ собственность хату, гдѣ жила, и въ рѣдкія минуты откровенности высказывала свое мечтаніе, цѣлью которыхъ было пріобрѣтеніе небольшаго каменнаго дома, возвышавшагося своими бѣлыми стѣнами надъ сѣрыми домиками предмѣстья. Вечеромъ приходили къ ней ровестницы — такія же старыя, только болѣе бѣдныя, дѣвушки, отыскивающія занятій, лакеи и кучера. Общество разсаживалось вокругъ стола съ саль-

нымъ ночникомъ по срединѣ. Вежбова ставила на столъ бутылку съ водкой, сельди, твердый сыръ, колбасу и связку баранокъ. Люди ѣли, пили, преимущественно пили, толковали о своихъ бѣдахъ и горестяхъ, мущины любезничали съ женщинами, изъ которыхъ однѣ со страхомъ и отвращеніемъ отпихивали рюмки съ напитками и выбѣгали изъ комнаты, другія ухорски выпивали и отвѣчали на грязныя шутки еще болѣе грязными. По временамъ, когда доброе расположеніе укрѣплялось, когда что-нибудь удавалось, мѣсто было найдено, полученъ старый долгъ, по срединѣ стола появлялся мѣдный котелокъ, наполненный спиртомъ, а надъ нимъ кусокъ сахару, утвержденный при помощи соотвѣтственнаго снаряда. Изъ котла выходило синее пламя, освѣщающее стѣны и углы хаты голубоватымъ свѣтомъ, и голубоватою блѣдностью покрывались лица присутствующихъ, столпившихся у стола людей. Они все ближе и ближе подвигались къ котлу, все съ большимъ и большимъ восторгомъ любовались каплями растопленнаго сахара, съ шипѣньемъ опускавшимися въ горящую жидкость. Сильный запахъ спирта, смѣшанный съ копотью ночника, наполнялъ всю комнату. Вокругъ стола водворялась тишина ожиданія, прерываемая стукомъ оловянныхъ чарокъ въ болѣе нетерпѣливыхъ рукахъ или хохотомъ неизвѣстно отъ чего разсмѣявшейся женщины.

Въ такіе вечера Марцися обыкновенно сидѣла на землѣ подъ печкой, всматривалась въ приходящихъ людей, слѣдила за грубыми, нерѣдко не особенно пристойными жестами, смѣялась надъ забористыми шутками и надъ бѣготней вокругъ стола. Часто она засыпала въ этой атмосферѣ, наполненной сирадомъ сала и опьяняющимъ испареніемъ спирта. Когда синеватое пламя сильнѣе вспыхивало, можно было видѣть въ темномъ углѣ ея голову на соломенномъ тюфякѣ и блѣдное, отъ падавшаго на него освѣщенія, лицо. Но иногда и сонъ ее не бралъ. Казалось, она выжидаетъ минуты, когда разговоръ сдѣлается всеобщимъ и вниманіе всѣхъ обратится на какой-либо предметъ, тогда она вставала съ пола, накидывала на плечи и голову сѣрый истасканный платокъ и выходила изъ хаты. За порогомъ ее охватывало холодное дыханіе морозной зимней ночи, бока оврага были покрыты снѣгомъ, звѣзды ярко свѣтились на темномъ небѣ; въ глубинѣ оврага было тихо и пусто, какъ въ могилѣ, и только вербы, какъ скелеты, протягивали впередъ свои обнаженныя вѣтви; вдали, за рѣкою, шумѣлъ и мигалъ тысячью золотыхъ очей городъ.

Марцися, не обращая вниманія на снѣгъ, твердою походкой, шибко, сходила съ горы и пускалась по льду, по дорожкѣ, обозначенной двумя рядами ёлокъ. На встрѣчу ей попадались большіе воза на саняхъ, красивыя, быстрыя, какъ молнія, городскія саночки, множество людей проходящихъ изъ города въ предмѣстье. Она ничего не пугалась, ни на что не обращала вниманія. Только въ лунную ясную ночь она останавливалась на минуту полюбоваться длинною полосой блѣдно-желтаго свѣта, отражающагося, какъ въ зеркалѣ, во льду и милліонами брилліантовыхъ искръ разсыпающагося по снѣгу. Потомъ она шла впередъ, все быстрѣй и быстрѣй, по городскимъ улицамъ, мимо оконъ ярко-освѣщенныхъ магазиновъ, мимо богатыхъ домовъ, гдѣ гремѣла музыка, мимо церквей и садовъ, пока не останавливалась подъ окнами кондитерской. Тамъ теперь горѣли лампы, блестѣли позолоченныя бонбоньерки и раздавался мѣрный стукъ билліардныхъ шаровъ. Она вставала на цыпочки и прикладывала лицо къ стеклу.

За окномъ въ дымной атмосферѣ, среди которой слабо мерцали кенкеты, толпились фигуры играющихъ и смотрящихъ. Среди нихъ стоялъ высокій блѣдный юноша съ кіемъ на плечѣ и, слѣдя за катящимися шарами, громко выкрикивалъ различныя цифры. Въ это время лицо его постоянно мѣнялось, губы складывались въ улыбку, глаза сверкали попеременно то радостью, то злостью подъ желтыми бровями, которыя то дрожали нетерпѣніемъ, то мрачно сдвигались. По временамъ на его блѣдныхъ щекахъ выступалъ лихорадочный румянецъ и онъ, выкрикивая цифры, улыбался и показывалъ два ряда бѣлыхъ зубовъ; по временамъ на мгновеніе отвращалъ взоръ отъ билліарда и жадно слѣдилъ за руками гостей, подносившими къ губамъ кружки пѣнистаго пива или стаканы съ золотистымъ пуншемъ.

Долго стоящая за окномъ дѣвочка присматривалась къ происходящему въ кондитерской, и ея прислоненное къ стеклу лицо вѣрно повторяло всѣ улыбки и судороги, пробѣгающія по лицу высокаго, блѣднаго маркера. Она, совсѣмъ не понимая, въ чемъ дѣло, вмѣстѣ съ нимъ радовалась и дрожала отъ нетерпѣнія.

Потомъ гости постепенно расходились, кенкеты у стѣнъ билліардной гасли и вся кондитерская погружалась въ мракъ и тишину. Марцися отходила, пріостанавливалась, чего-то ожидая. Эти ожиданія не всегда оставались безъ результата: она нѣсколько разъ видѣла Владка, поспѣшно выходящаго и направля-

ющагося въ глубь города. Она пыталась догнать его, но онъ шелъ такъ шибко, что она не могла поспѣвать за нимъ, притомъ же страшно боялась полицейскаго, который однажды поймалъ ее за платье и послѣ долгихъ распросовъ, кто она и зачѣмъ таскается по улицамъ, приказалъ возвратиться домой, а на прощанье больно ударилъ по спинѣ.

Рѣдко отваживалась она бѣжать за Владкомъ, въ особенности когда онъ направлялся куда-то, спускавшимися къ рѣкѣ узенькими, грязными улицами. Однажды она шла за нимъ дальше, чѣмъ обыкновенно, и увидала его входящимъ въ низкое. полуразвалившееся строеніе съ маленькими, закрытыми ставнями, окнами. Чрезъ оконныя щели виднѣлся внутри желтый, дымный свѣтъ, стучали, какъ и въ кондитерской, билліардные шары и царилъ такой страшный, безобразный шумъ, что испуганная дѣвочка, не помня себя отъ страха, пустилась бѣжать.

Среди нестройнаго хора голосовъ она распознавала хорошо знакомый ей съ лѣтъ дѣтства голосъ Франка, такъ что она догадалась, что это и былъ тотъ домъ на Ниской улицѣ, куда Владекъ, судя по его словамъ, ходилъ погулять, выпить пивца и испытать счастье на билліардѣ...

Возвратившись изъ ночнаго путешествія, Марцися находила окна дома темными и дверь запертою. Если было очень холодно, она осторожно стучала въ окно и покорнымъ голосомъ упрашивала Вежбову пустить ее въ хату.

Двери отворялись и на плечи входящей Марциси спадало нѣсколько ударовъ сильной еще, хотя и старой, руки, вмѣстѣ съ градомъ ругательствъ, вполголоса произносимыхъ Вежбовой. Шепотъ былъ пускаемъ въ ходъ потому, что въ подобныя ночи. послѣ шумныхъ, долгихъ вечернихъ разговоровъ изба не освобождалась совершенно отъ постороннихъ. Дѣвочка, увернувшись отъ ударовъ преслѣдующей ее руки, припадала въ какомъ-нибудь уголкѣ къ голому полу и засыпала тутъ же, бокъ-о-бокъ съ чьимъ-нибудь раскраснѣвшимся, обдающимъ запахомъ водки. лицомъ, среди храпа и свиста лежащихъ на лавкахъ, подъ печкой, подъ столомъ.

Но если морозъ былъ не такъ жестокъ и вѣтеръ не сыпалъ тучами снѣга, она не стучалась въ окно избы и не просилась войти, а завернувшись, какъ можно лучше, въ свой дырявый платокъ, садилась у стѣны, на снѣгу, и, опершись головой о дерево, засыпала. Она чувствовала утомленіе, къ тому же съ пе-

ленокъ привыкла къ подобнымъ ночлегамъ, чтобы не спать хорошо. Только передъ утромъ ее будилъ увеличивающійся холодъ. Она поджимала тогда коченѣющія ноги подъ холстинную юбку, или, раскрывъ, покраснѣвшія отъ холода, рѣсницы, глядя на синеватый разсвѣтъ, шептала соннымъ, прерывающимся и умоляющимъ голосомъ:

Пожалѣй меня родная, горько пожалѣй,—
Негдѣ голову склонить мнѣ средь чужихъ людей!

Она, казалось, вспоминала въ эту минуту мать и съ лиловатымъ разсвѣтомъ, мягко опускающимся на бѣлый снѣгъ, спускалось въ ея душу какое-то грустное, тяжелое воспоминаніе.

Четырнадцати лѣтъ она совершенно прекратила свои ночныя прогулки въ городъ; явилось чувство стыда и боязни передъ полицейскими и прохожими, нѣсколько разъ обращавшимися къ ней съ грубыми шутками. Владка почти совсѣмъ не было видно. Приходилъ кое-когда, но разстроенный, хмурый, молчаливый. Она замѣтила, что его взглядъ становится все болѣе пасмурнымъ, смѣхъ болѣе рѣзкимъ и язвительнымъ.

— Что, дядя бьетъ тебя еще?—спросила она какъ-то.

— Э, нѣтъ... Кричитъ часто и бранится, а бить—давно не билъ!

— Или тебѣ ѣсть не даютъ?

— О, ѣды у насъ по горло!

— Такъ отчего же ты... какой-то... Она не могла выразить словами впечатлѣніе, какое производило на нее его постоянно гнѣвное и нетерпѣливое лицо.

— Какая-жь ты глупая, моя Марцися!—отвѣчалъ Владекъ.— Тебѣ кажется, что коли человѣка не бьютъ и даютъ ему ѣсть, то ужь больше ничего и не нужно! У человѣка, моя милая, есть и другія потребности и желанія, которыхъ ты понимать еще не можешь, но я—дѣло другаго рода!... Меня злость беретъ, какъ подумаю, что люди меня такъ подло бросили. Ни науки, ни воспитанія, ни средствъ! Я не буду служить дядѣ по гробъ, даже брошу его скоро, потому что тамъ, у него, ни до чего не добьешься. А затѣмъ что?... Въ свѣтъ, что ли, идти, куда глаза глядятъ, и тамъ искать себѣ лучшаго счастья?

Ему было семнадцать лѣтъ. Онъ говорилъ языкомъ совершенно взрослаго человѣка. Марцися его понимала только на половину.

Такіе разговоры современемъ происходили все рѣже и рѣже. Прошли, наконецъ, долгіе мѣсяцы, въ продолженіе которыхъ Марцися не только ни разу не видала Владка, но даже и не знала, гдѣ онъ и что съ нимъ творится.

Теперь, въ пятнадцать лѣтъ, она не жбаномъ изъ ручья, а цѣлыми ведрами носила воду богатымъ жителямъ предмѣстья. Каждый день, предъ восходомъ солнца, изъ домика у обрыва выходила молодая и красивая дѣвушка съ двумя ведрами на плечахъ. Ея одежда была похожа на ту, что она носила въ дѣтствѣ, развѣ за исключеніемъ башмаковъ. На ней была надѣта толстая, синяя юбка, сѣрая рубашка, иногда покрытая краснымъ, скрещеннымъ на груди, платкомъ. На головѣ—ничего, кромѣ огненно-золотистыхъ волосъ, спускавшихся спереди гладкими прядями, а сзади завязанныхъ въ толстый узелъ. Она останавливалась у вершины горы и поводила разсѣяннымъ взоромъ по начинающимъ свѣтлѣть домикамъ и по серебрящейся рѣкѣ.

Со временемъ ея черные глаза стали болѣе задумчивыми и глубокими; иногда въ нихъ вспыхивалъ огонекъ, характеризующій страстную, полуденную натуру. Ежедневно съ крыши слеталъ розовый голубь и вился надъ ея головой, или садился на плечо. Тогда она переставала смотрѣть на рѣку и на городъ, обращала все вниманіе на птицу и губы ея складывались въ добрую улыбку.

Жители пригорода, которымъ она носила воду и помогала полоть огороды и мыть бѣлье, такъ привыкли ее видѣть съ парящимъ надъ ея головой голубемъ, что спрашивали, когда случайно онъ оставался дома:

— А гдѣ-жь твой Любусь?

Кто-то сказалъ, указывая на ея голубя:

— Это ея любовникъ!—Прочіе засмѣялись.

— Вѣроятно, у нея есть и другіе,—такая красивая дѣвушка!

Марцися покраснѣла, какъ вишня, и уперлась взглядомъ въ землю. Въ этотъ же день, прійдя домой обѣдать, она сорвала вѣтку дикой повилики и обвила ее вокругъ косы. Потомъ цѣлый часъ, что ей оставался провесть въ хатѣ, сидѣла на вершинѣ горы и смотрѣла на рѣку, городъ и мостъ. Должно-быть она ожидала Владка, который ходилъ тою дорогой. Вмѣсто Владка, съ другой стороны, явился молодой сынъ богатаго огородника, который видѣлъ ее утромъ этого дня и весьма любезно ласкалъ ея голубя.

— Панна Марціана!—издали привѣтствовалъ онъ ее.—Добрый вечеръ, панна Марціана!

Она посмотрѣла испуганными глазами въ сторону приближающагося, вскочила, побѣжала въ хату и заперла за собою двери. Молодой и ловкій юноша долго стучался въ двери, наконецъ ушелъ, но возвратился этимъ же вечеромъ и крикнулъ въ окно:

— Пани Вежбова! завтра утромъ намъ понадобятся работницы выкапывать овощи. Что, паннѣ Марціанѣ можно придти?

— Придетъ, придетъ! Отчего же нѣтъ?—отозвалась старуха изъ глубины хаты.—А почему панъ Антони не хочетъ войти въ хату?

Онъ однимъ прыжкомъ очутился въ хатѣ и быстро осмотрѣлъ ее. Марциси здѣсь не было. Въ сумерки, послѣ окончанія работъ, когда Вежбова укладывалась спать, она уходила въ глубь оврага, и тамъ, сидя подъ вербами и покачивая изъ стороны въ сторону свой гибкій станъ, смотрѣла въ тихую воду и вполголоса напѣвала:

Тихо, струйка, журчи ты, по травкѣ зеленой журчи!
Сгибла доля моя! Ой, погибла ты въ черной ночи!
Ой ты, долюшка-доля, куда улетѣла?
Потонула въ водѣ, иль въ огнѣ погорѣла?...

V.

Большой и обширный домъ богатаго огородника стоялъ противъ хаты Вежбовой, отдѣленный отъ нея только спускомъ горы, низенькими домиками и рѣкой, къ которой спускался принадлежащій ему огородъ.

Въ этомъ огородѣ, среди грушъ и яблонь, покрытыхъ пожелтѣвшими листьями, находилась Марцися съ нѣсколькими поденщицами разнаго возраста и выкапывала овощи изъ черной, рыхлой земли. Воздухъ былъ свѣжій и прозрачный; серебряныя нити паутины прихотливо развѣшивались на деревьяхъ и кустахъ; желѣзныя лопаты весело ударяли о каменья или твердыя глыбы земли; работницы болтали, хохотали и пѣли. Въ волосахъ Марциси, какъ вчера вѣтка повилики, красовалась большая красная георгина. Румянецъ, вызванный утомленіемъ, оживилъ ея блѣдное и похудѣвшее лицо. Не такъ говорливая, какъ ея товарка, она изрѣдка затягивала пѣсни, которыя навѣки поселила въ ея памяти мать, и блестящими глазами поглядывала на деревья и дорожки

огорода. Прійдя, она нашла здѣсь Франка, который два мѣсяца поступилъ на постоянную службу къ огороднику, а теперь сказалъ ей, что вотъ-вотъ придетъ въ огородъ Владекъ поговорить съ нимъ объ одномъ важномъ дѣлѣ.

Вдругъ она перестала пѣть и глядѣть на дорожки и, опустивши глаза, начала усиленно копать.

На дорожкѣ у грядокъ остановился молодой сынъ огородника и промолвилъ ей:

— А гдѣ же голубь панны Марціаны?

— Остался дóма,—неохотно отвѣчала она.

Смѣлый, по-пански убранный молодой человѣкъ началъ потихоньку подходить и шутливо что-то нашептывать ей. Работницы перемигивались другъ съ другомъ, иныя съ завистью поглядывали на огненноволосую дѣвочку, привлекшую на себя благосклонное вниманіе красиваго и молодаго человѣка, притомъ еще всегдашняго надсмотрщика за ихъ работами.

Но она не отвѣчала на любезности и шутки его; напротивъ, когда сынъ огородника, склонившись къ ней, шепнулъ что-то на ухо, обратила къ нему гнѣвное лицо, съ глазами, горѣвшими такимъ свирѣпымъ огнемъ, что онъ тщетно попытался разсмѣяться и потомъ обидѣвшись, можетъ-быть испугавшись, что она осрамитъ какимъ-нибудь грубымъ словомъ передъ людьми, отошелъ.

Марцися подняла голову, оперлась обѣими руками на лопату и проговорила, сквозь тѣсно сжатыя зубы:

— Черти бы его побрали съ его шутками и его любовью! Если очень надоѣстъ, я его такъ двину лопатой, что... попомнитъ впередъ!

Вдругъ возбужденное ея лицо разъяснилось и разцвѣло. Черты сдѣлались мягче, румянецъ исчезъ, губы дрогнули улыбкой необыкновеннаго счастья и радости. Она бросила лопату и побѣжала въ глубь огорода, гдѣ между густыхъ вѣтвей сѣрѣли двѣ мужскихъ фигуры.

— Владекъ!—крикнула она и остановилась, запыхавшаяся, передъ товарищемъ дѣтства, котораго не видала почти годъ. Она едва могла его узнать: онъ выросъ, возмужалъ, одѣтъ былъ въ черное платье, показавшееся ей изящнымъ. Она остановилась, какъ вкопанная, и смотрѣла ему въ лицо огненнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несмѣлымъ взоромъ. Онъ тоже радостно, очевидно довольный, усмѣхнулся.

— Какъ поживаешь, Марцися?—спросилъ онъ и, окинувъ ее съ ногъ до головы, прибавилъ:

— Ого, какая красивая дѣвушка вышла изъ тебя!

Марцися покраснѣла горячимъ румянцемъ отъ корня гладкихъ волосъ до ворота толстой рубашки.

— Владекъ!—прошептала она медленно,—какой ты сталъ... паничъ.

— А, видишь,—отвѣтилъ онъ съ торжествомъ,—кто гонится за счастьемъ, тотъ и догонитъ его когда-нибудь. Я еще и не такимъ паничемъ буду когда-нибудь!... Вотъ какъ давно не видались мы, Марцися,—приблизившись къ ней, тихо заговорилъ онъ.—А ей-Богу ты теперь красивая дѣвушка! Ну, по-правдѣ сказать, ты и маленькою была хороша!... Когда будешь идти изъ города, постой у моста. Я тебя встрѣчу тамъ и доведу до хаты. Будешь ждать меня у моста?

— Хорошо, буду!—отвѣчала она тихо.

— А теперь,—сказалъ Владекъ,—ступай къ своей работѣ, а мнѣ нужно съ Франкомъ потолковать о важномъ дѣлѣ. Нехорошо, если, отыскивая тебя, меня увидятъ здѣсь.

Марцися отошла и видѣла издалека, какъ, укрытые высокимъ плетнемъ и деревьями, двое юношей разговаривали между собой съ таинственными и оживленными жестами. Потомъ Владекъ пробѣжалъ около плетня, не далеко отъ грядокъ, гдѣ работала Марцися. Лицо его было весело, глаза блестѣли, онъ тихонько посвистывалъ и, посмотрѣвши на Марцисю, состроилъ гримасу и подпрыгнулъ, какъ въ прошлое время, когда хотѣлъ ее разсмѣшить.

Долго стояла на мосту Марцися послѣ захода солнца, опершись на перила, и смотрѣла въ глубину улицы. Небо потемнѣло, внизу грозно шумѣла широко разлившаяся, одѣтая бѣлою пѣной, рѣка. Около Марциси проходили люди и толковали, что завтра непремѣнно разберутъ и снимутъ мостъ, потому что рѣка все прибываетъ. Она ничего не слыхала, стояла, смотрѣла и ждала. Начало смеркаться... Какой-то прохожій прошелъ близко около нея и старался заглянуть въ лицо. Она вернулась и побѣжала; бѣжала шибко и все оглядывалась назадъ.

— О, Боже мой, Боже!—шептала она.—Не пришелъ, не пришелъ... Такъ-таки и не пришелъ!

На верху горы ея дорогу перерѣзала какая то мужская тѣнь и мгновенно заключила въ свои объятія.

Дѣвушка остановилась и крикнула:

— Пустите меня! Чего вамъ отъ меня надобно? Пустите!

— Ого,—отвѣчалъ молодой сынъ огородника,—не пущу, ни за что не пущу! Пе на то ты такая хорошенькая, чтобы...

Онъ не договорилъ,—какая-то сильная рука схватила его за одежду и далеко отпихнула назадъ.

— Владекъ!—закричала дѣвушка.

— Тише!—отозвался голосъ Владка.—Не кричи... Пойдемъ!

Онъ взялъ ее за руку и повелъ къ оврагу, гдѣ скоро оба исчезли.

Сынъ огородника въ это время слегка постучалъ въ дверь освѣщеннаго домика.

— У меня дѣло до панны Вежбовой

— Пожалуйте!—отвѣчала вдова.

Онъ вошелъ, сѣлъ на лавкѣ около старухи и началъ ей нашептывать что-то длинное и таинственное на ухо. Два раза онъ наклонился и поцѣловалъ у нея руку. О чемъ-то просилъ, что-то обѣщалъ... Вежбова шутливо и поощрительно кивала головой, то смѣялась, то какъ будто гнѣвалась и грозила.

Въ то же время въ оврагѣ, подъ вербами, въ густомъ муракѣ, гдѣ мѣстами слабо свѣтилась вода пруда, Владекъ и Марцися шепотомъ вели бесѣду.

— Этотъ франтъ, Антекъ, что-то черезчуръ ужь пристаетъ къ тебѣ!—сказалъ Владекъ.

— Пристаетъ,—прошептала Марцися.—Чтобъ его черти побрали, провалиться бы ему сквозь землю.

Она хотѣла продолжать, но Владекъ гнѣвно прервалъ ея рѣчь:

— Боже тебя избави когда-нибудь послушаться его! Когда онъ въ другой разъ встрѣтится тебѣ на дорогѣ, кричи во все горло и бей его, бей обѣими руками, глаза выцарапай... Тебѣ нельзя парней слушать,—ты моя... Слышишь?

Онъ обвилъ ее руками.

— Ты—моя... Это ничего, что я рѣдко прихожу къ тебѣ и теперь мы около года невидались. Времени не было... Я долженъ постоянно думать о себѣ и о будущности, но ты неотступно стоишь въ моихъ глазахъ, какъ сестра... Бывало, только-что закроешь глаза, ты внезапно предстаешь передо мной, какъ живая... Временами, когда я проклинаю свѣтъ, людей и свою лихую долю,—тсс!.. слушаю, точно ты поешь пѣсни надъ моимъ ухомъ, и на сердцѣ дѣлается легче... А теперь, когда я

увидалъ тебя такою выросшею и красивою, то такъ мнѣ сдѣлалось, что какъ будто Господь блеснулъ небеснымъ свѣтомъ передъ моими глазами... Тебѣ нельзя Антка слушать, никого!.. Ты—моя!

Онъ крѣпко прижалъ ее къ груди и поцѣловалъ въ лобъ и уста. Дѣвушка молчала, какъ нѣмая, только обвилась руками около его шеи и прильнула своимъ лицомъ къ его лицу.

— Видишь,—шепнулъ Владекъ,—мы другъ друга знаемъ такъ давно, давно, давно...

— Ой, давно и на всю, на всю жизнь!..

— Помнишь, какъ ты тонула въ прудѣ, а я тебя вытаскивалъ изъ воды и сажалъ, чтобъ обсохла, на дерево?

Они оба засмѣялись.

— Помнишь, какъ тутъ, подъ этими деревьями, мы засыпали вмѣстѣ и какъ ты мнѣ разсказывала сказки?... Твоя мать не возвратилась?

— Не возвратилась. Спилась гдѣ-нибудь да и умерла подъ плетнемъ.

Владекъ тряхнулъ головой.

— Сироты мы съ тобой оба, безъ отца, безъ матери... Такими были, такими и останемся... Я-то еще какъ-нибудь проживу на свѣтѣ, но ты...

— Я съ тобой!—пылко отвѣчала Марцися.

Его рука оставила ея станъ. Онъ выпрямился и замеръ.

— Ага, со мной!—проговорилъ онъ съ унылой усмѣшкой и замолкъ.

Воцарилось молчаніе.

— Владекъ!—первая заговорила Марцися,—отчего ты сразу сдѣлался... какой то...

Онъ помолчалъ минуту.

— Ну, всегда такъ съ людьми бываетъ!... Пока страшное далеко, то какъ будто ничего, а какъ приблизится, то и обоймегъ тревога и смущеніе... Сегодня утромъ я былъ веселъ, точно въ раю, а теперь желалъ бы, чтобъ *это* за десятымъ мостомъ было!

— Что *это*?—спросила Марцися.

— На что тебѣ знать?—сурово отвѣтилъ онъ.—Молчи и не спрашивай... Когда удастся, приду сюда, возьму тебя и поѣдемъ вмѣстѣ на край свѣта, а не удастся—потуда твои глаза и видѣли меня... Ужъ такъ: царь, или цыганъ... Не жди меня долго,

чтобъ идти и завоевывать счастье. Не дастся—бухъ въ безвыходную нужду, какъ камень въ воду!..

Она, остолбенѣвшая отъ изумленія, слушала его отрывистыя рѣчи, ничего не понимая. Какая-то необъяснимая тревога стиснула ей сердце; она вновь закинула руки на его шею и старалась въ темнотѣ заглянуть ему въ лицо. Она замѣтила, что его лицо было неподвижно и опущенные глаза неподвижно смотрѣли на воду. Вдругъ, точно озаренная, она воскликнула:

— Помнишь, когда ты жаловался передо мною, что мать у тебя умерла, а отецъ бросилъ тебя, что тебѣ плохо живется при злой теткѣ, то всегда, бывало, точно такъ же смотрѣлъ, какъ теперь?

— Лучше бы я утопился тогда,—глухо выговорилъ онъ.

— Ахъ, Владекъ, Владекъ!—крикнула Марцися.

— Тише, не кричи... Я желалъ бы, чтобы съ этой минуты до завтрашняго разсвѣта было тихо на свѣтѣ, какъ на кладбищѣ, и чтобы всѣ люди заснули, какъ убитые... Я плакался тебѣ на мое сиротство и кулаки, какими часто меня угощала тетка, и на холодъ, и на голодъ, а самъ все на воду смотрѣлъ. А ты что?... Ты жалѣла меня тогда,—такая же сирота безродная, какъ я,—крыжовнику мнѣ приносила, сказки разсказывала и выпрашивала булки... Ты была добрая... Я этого никогда не забывалъ и теперь, какъ только я взглянулъ на тебя, все прошлое возстало въ глазахъ... Ты—моя!...

И онъ снова обнялъ ее, сильно, страстно, снова приблизилъ свои уста къ ея устамъ, но вдругъ выпустилъ и руки его упали. Вдали, гдѣ-то около рѣки, раздался долгій, пронзительный свистъ.

— Вотъ зовутъ уже... Франекъ зоветъ!—тихо шепнулъ онъ и сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, точно хотѣлъ подняться съ земли.

— Еще немного, еще немного посиди около меня...

— Марцися, когда ты спишь крѣпче—предъ разсвѣтомъ?

— Предъ разсвѣтомъ,—машинально повторила она.

— Всѣ люди крѣпче спятъ передъ разсвѣтомъ... Старый огородникъ и этотъ франтъ, сынокъ его, куда-то на крестины пойдутъ... Франекъ останется сторожить домъ... Кухарка и двое работниковъ заснутъ передъ разсвѣтомъ мертвымъ сномъ, правда?

— Правда, правда,—шептала она, дрожа съ ногъ до головы и ничего не понимая изъ его словъ. Все бóльшая и большая тревога обнимала ее. Она обѣими руками ухватилась за его платье.

— Владекъ, Владекъ! что ты такой страшный?... О чемъ ты думаешь? Что такое будетъ?

Владекъ всталъ и поднялъ ее за руки. Лицо его было блѣдно, какъ бумага, глаза свѣтились во мракѣ лихорадочнымъ огнемъ.

— Что будетъ?—А вотъ что: или возьму тебя и поѣдемъ вмѣстѣ въ далекое путешествіе, или... никогда ужь меня не увидишь... Теперь пожалѣй меня... крѣпко...

Надъ берегомъ пруда, свидѣтеля ихъ дѣтства, подъ вербами, которые теперь роняли на ихъ головы дождь мелкихъ капель, сплелись ихъ объятія и въ густомъ мракѣ, въ глубокой тишинѣ, долго смѣшивался шелестъ деревьевъ со звуками поцѣлуевъ.

Новый свистокъ, еще болѣе рѣзкій и пронзительный, опять разнесся надъ сонною водой.

— Будь здорова! — поспѣшно шепталъ Владекъ надъ горящимъ челомъ дѣвушки.—Помни, Антка не слушай... И если я не вернусь скоро, жди меня,—жди, хоть бы пришлось долго ждать, и не думай, что я такой ужь злодѣй... Еслибъ я иначе родился, то мнѣ можетъ-быть удалось бы быть такимъ же приличнымъ, какъ разные болваны, что спокойно ходятъ по свѣту, потому что имъ люди проторили гладкія дорожки!... Видишь, я могъ бы погубить тебя сейчасъ, но не хотѣлъ,—ты была добра ко мнѣ. А люди какими были для меня?... Прощай! Если вернусь, куплю тебѣ платье какъ солнце и башмаки какъ кораллы и посажу на красномъ креслѣ передъ золотымъ окномъ, а самъ... буду цѣловать тебя съ утра до ночи... Прощай!

Онъ побѣжалъ на гору и скрылся во мракѣ.

Въ эту ночь Вежбова, которая всегда, вѣроятно отъ старости, а можетъ-быть, какъ толковали, отъ неспокойной совѣсти, обыкновенно плохо спала, нѣсколько разъ ворчала:

— Марцися, да не стони же такъ,—спать не даешь! Марцися, что это?... Что ты зелья какого напилась, что ли, что тебя сонъ не беретъ?... Вздыхаетъ, стонетъ, ворочается...

Дѣйствительно, дѣвушка вздыхала и поворачивалась на своемъ соломенномъ, лежащемъ на землѣ у печки, матрасѣ, засыпала на минуту и во снѣ что-то бормотала и стонала. Передъ разсвѣтомъ, когда Вежбова уснула крѣпче, Марцися встала, надѣла юбку, скрестила на груди платокъ и тихонько подошла къ окну.

Разсвѣтало. Марцися, глубоко задумавшись, всматривалась въ синеватый туманъ покраснѣвшими отъ безсонной ночи глазами.

Вѣроятно, мечтала, что-то вспоминала и вмѣстѣ чего-то страшилась. Въ ея глазахъ отражалось, попеременно, то выраженіе радости, то безпокойства. Вдругъ ей послышался за рѣкой какой-то крикъ.

Хоть это было обычнымъ явленіемъ, хоть изъ города въ разныя времена доносились различные звуки, она вскочила съ мѣста и, забывъ о всякихъ предосторожностяхъ, выбѣжала изъ хаты и остановилась у начала дорожки. Крикъ нѣсколькихъ десятковъ голосовъ хотя ослабѣлъ, но все еще продолжался. Онъ ясно выходилъ изъ-за рѣки, изъ бѣлаго дома огородника. Еще нѣсколько отрывочныхъ восклицаній и—все опять погрузилось въ молчаніе и сонъ, царившій еще въ городѣ и предмѣстьѣ.

— Что мнѣ за дѣло!—махнула Марцися рукой.

Она заставляла себя думать, что шумъ около дома огородника не имѣлъ ничего общаго съ причиной ея безпокойства, въ которомъ она и сама не могла отдать себѣ отчета. Цѣлую ночь пробѣгали въ ея головѣ непонятныя рѣчи Владка и теперь вновь воскресли въ ея памяти.

— О чемъ это онъ думалъ?—шептали ея губы.—Отчего онъ былъ какой-то странный?... Что-то будетъ, что-то будетъ?

Пошелъ мелкій осенній дождикъ. Марцися вошла въ хату и тотчасъ же вышла опять съ ведрами на плечахъ, со старымъ платкомъ на головѣ.

Небо было пасмурно; дождь то усиливался, то переставалъ. Вежбова не пошла въ городъ и Марцисѣ тоже не приказала идти на работу.

Дѣвушка подмела избу, приготовила завтракъ и стала стирать грубое бѣлье. Въ хату вошла старая женщина, занимающаяся разноской молока въ предмѣстьѣ.

— Не купите ли молока?—спросила она съ порога.

— Непремѣнно,—отвѣчала Вежбова, вязавшая у окна шерстяной чулокъ.—Дайте кварту!

Женщина вышла и, возвратясь съ покрытою отъ дождя крынкой, поставила ее на лавкѣ.

— А знаете новость?

— Какую новость?—съ любопытствомъ спросила Вежбова.

— А вотъ пана огородника, — того, знаете, что за рѣкой,— воры нынѣшнюю ночь ограбили.

— Іисусъ, Марія! Ограбили... И что-жь?

— Что-жь? — Схватили съ пустыми руками одного, только того, что помогалъ, а другой съ деньгами удралъ... Ночью огородникъ былъ гдѣ-то, съ сыномъ вмѣстѣ, на крестинахъ, а работники заснули... Одинъ изъ нихъ проснулся передъ разсвѣтомъ и увидѣлъ огонь на чердакѣ, а чердакъ-то былъ подъ замкомъ и за желѣзною рѣшеткой.

— Да какъ же они забрались туда?

— Дѣло домашнее, матушка! Работникъ огородника-то, Франекъ, былъ тамъ запѣвалой...

— Что съ тобой? — крикнула Вежбова на Марцисю, которая въ эту минуту выпустила изъ рукъ жестяной жбанъ, куда молочница вливала молоко, и стояла, какъ окаменѣвшая.

— Вотъ и молоко разлила!... Нечистый ее опуталъ... Цѣлую ночь спать мнѣ не дала своими стонами да вздохами, а теперь вотъ руки сразу ослабѣли...

— Больна быть-можетъ? — догадалась молочница.

— А можетъ быть, — небрежно бросила Вежбова въ ея сторону и начала сожалѣть о разлитомъ молокѣ.

Когда молочница выходила изъ двери, Вежбова крикнула:

— А не знаете, кто былъ другой?

— Кто — другой?

— А тотъ, кого схватили?

Теперь Марцися наклонилась надъ корытомъ и такъ сильно начала стирать, что вода съ плескомъ выливалась на полъ.

— А не знаю, матушка, — отвѣчала молочница ужь за порогомъ. — Что слышала, то и разсказала... Больше не знаю ничего. Господи Іисусе...

Двери хаты захлопнулись. Марцися, наклонившаяся надъ корытомъ, протяжно вздохнула. Вежбова пытливо посмотрѣла на нее поверхъ очковъ, но ничего не сказала.

Черезъ часъ дѣвушка затопила печку, поставила горшокъ съ пищей и выбѣжала изъ хаты. Долго смотрѣла она на городъ широко раскрытыми глазами, потомъ пошла и вернулась опять. Ее охватила неопредѣленная тревога, безпокойныя догадки и предположенія. Она не знала, гдѣ *онъ* и гдѣ его искать въ людномъ городѣ. Въ хату она вошла блѣдная, какъ полотно. До пищи почти не прикасалась, а когда Вежбова, поглядывая на нее искоса, пожирала обѣдъ, она обратилась къ печкѣ и помутившимися глазами глядѣла въ огонь. Руки ея дрожали и временами она вздрагивала съ ногъ до головы, точно отъ электрической искры, пре-

слѣдуемая неотступною, ужасною мыслью. Короткій осенній день близился къ концу. Были почти сумерки, когда подъ окномъ промелькнула быстрая тѣнь молодаго человѣка и въ хату, громко стукнувши дверью, вошелъ сынъ огородника.

— Никакъ не могъ придти раньше!—еще съ порога началъ онъ запыхавшимся голосомъ.—А спѣшилъ... Столько хлопотъ у насъ сегодня,—ну, просто по уши!

Онъ обратился къ Марцисѣ:

— Здравствуйте, милая моя! Слышно, пропадала съ нимъ... Пропадай же и теперь, если хочешь. Онъ, разбойникъ, взломалъ замокъ, влѣзъ на чердакъ и укралъ у отца деньги!

Кровь залила блѣдное лицо дѣвушки.

— Ты лжешь!—крикнула она.

— Кто такой, кто такой?... Кто?—кричала Вежбова, или не понимающая, или старающаяся непонимать.

— Да кто же?—Вашъ же воспитанникъ, а ея... любовникъ!—сказалъ молодой человѣкъ и, смѣясь полузлобно, полуторжественно, сѣлъ на лавку.

— Ты лжешь!—тише чѣмъ прежде проговорила Марцися, держась рукою за щеколду и жадно глядя въ лицо собесѣдника.

— Прекрасная ложь!... Правда—ясная какъ день! Его поймали почти у дома и онъ тотчасъ признался... Цѣлый день ужь сидитъ въ полиціи, а вотъ теперь, въ эту можетъ-быть минуту, его въ тюрьму ведутъ.

Дѣвушка выбѣжала и молніей пронеслась мимо оконъ хаты. Ее никто не останавливалъ.

— Пусть бѣжитъ,—шепнулъ сынъ огородника.—Теперь не увидится съ нимъ: не допустятъ.

Вежбова молчала. Что-то—не то стыдъ, не то сожалѣніе—заставляло ее молчать и опустить внизъ глаза.

Почти падая, Марцися подбѣжала къ берегу рѣки. Мостъ былъ на половину разобранъ и пройти не было возможности. Паромъ еще не былъ поставленъ. Большая лодка—*чайка* на мѣстномъ жаргонѣ—отплывала отъ берега.

Дѣвушка схватилась за грудь и хриплымъ, хотя пронзительнымъ, голосомъ крикнула:

— Чайка! Ой, чайка!... Возвратитесь, если Бога въ сердцѣ имѣете...

Послѣднія слова едва слышно вылетали изъ ея устъ, но сначала ея голосъ звучалъ такимъ отчаяніемъ и такою мольбой, что

люди, управлявшіе лодкой, направили ее къ берегу. Она вскочила, почти безъ чувствъ упала на дно лодки и, едва послѣдняя стала подплывать къ противоположному берегу, поднялась и выскочила въ воду,—лодка подвигалась съ возмутительною медленностью. Не обращая вниманія на крики, предостереженія и угрозы, несшіеся за ней, она брела въ водѣ по поясъ, по колѣно, по щиколку, наконецъ выскочила на берегъ и вихремъ понеслась въ городъ.

Она знала положеніе зданія, въ которомъ помѣщались подсудимые до слѣдствія. Напротивъ находилась большая, мрачная, выглядывающая рѣшетчатыми окнами изъ-за высокихъ стѣнъ, тюрьма. Марцися вбѣжала на площадь и остановилась какъ вкопанная.

Черезъ площадь, отъ зданія полицейскаго правленія къ тюрьмѣ, быстро переходила группа людей изъ нѣсколькихъ вооруженныхъ солдатъ и идущаго посреди ихъ человѣка. Высоко торчащіе штыки сухими, черными линіями перерѣзывали находящій мракъ и мглу мелкаго дождя; посреди ихъ то показывался, то снова исчезалъ профиль лица очень молодаго, очень блѣднаго, низко опущеннаго. Марцися изо всей мочи бросилась къ этой группѣ. Передъ самыми воротами тюрьмы она догнала ее и съ гибкостью ужа проскользнула между солдатами.

— Владекъ!—крикнула она, обѣими руками цѣпляясь за молодаго преступника. Онъ обернулся и посмотрѣлъ на нее. Она замѣтила, что взглядъ его былъ суровъ, губы дрожали; онъ хотѣлъ что-то сказать ей и не могъ... Ближайшій солдатъ отпихнулъ ее такъ, что она упала на земь, а узника ввели въ темныя, глубокія ворота, за которыми сейчасъ же со стукомъ и скрипомъ захлопнулись больнія, окованныя желѣзомъ, двери.

Она прижала лобъ къ стѣнѣ, запустила руки въ волосы и разразилась громкими рыданіями.

— Чего кричишь? Иди прочь!—раздался надъ ея ухомъ голосъ проходящаго полицейскаго.

Онъ взялъ ее за плечо.

— Иди прочь отсюда,—повторилъ онъ.

Марцися тотчасъ замолкла, но не отрывала головы отъ стѣны. Полицейскій взялъ ее подъ руки и поднялъ съ земли. Она билась въ его рукахъ и шептала подавленнымъ голосомъ.

— Я буду тихо, тихонько!... Позвольте мнѣ только тутъ остаться.

Она припала къ его рукамъ и покрыла ихъ поцѣлуями.

— Позвольте... Ой, позвольте... Одно слово, одно словечко только скажу ему, только разъ взгляну на него... Позвольте.

Быть-можетъ этотъ человѣкъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на нее,—во мракѣ невозможно было разсмотрѣть выраженія его лица,—однако сурово и положительнымъ голосомъ онъ отвѣчалъ:

— Невозможно! Съ ума ты сошла, дѣвушка? Ступай отсюда, ступай, а то въ полицію отведу...

Когда она все еще не отходила, обѣими руками цѣпляясь за тюремныя двери и всею силой прижимаясь къ стѣнѣ, онъ ударилъ ее въ спину и однимъ движеніемъ сильной руки отбросилъ на противуположную сторону улицы.

Она вновь упала на каменную мостовую, но тотчасъ же поднялась и, слегка прихрамывая, быстро побѣжала. Сама не зная зачѣмъ и для чего, она вошла въ чайку, а когда при концѣ пути услыхала напоминаніе перевощика о нѣсколькихъ грошахъ обычной платы, сорвала съ головы и плечъ старый платокъ, бросила его въ лодку и пустилась дальше въ гору, къ хатѣ Вежбовой.

Окна хаты издали мигали сквозь завѣсу мелкаго дождя красноватымъ и синеватымъ свѣтомъ. Вѣроятно, у Вежбовой были гости и проводили время обыкновеннымъ образомъ. Дѣйствительно, за большимъ столомъ кромѣ хозяйки сидѣла еще молочница, которая сегодня утромъ приходила съ молокомъ и первая сообщила о случившемся происшествіи, старая гадалка, приходившая сюда отъ времени до времени съ колодою засаленныхъ картъ, какая-то высокая, унылая, оборванная дѣвушка, двое бородатыхъ мужчинъ и еще одна женщина—худая, желтая, съ покраснѣвшими, слезящимися глазами, покрытая лохмотьями—олицетвореніе нужды грязной, циничной, безысходной. На эту послѣднюю женщину было обращено всеобщее вниманіе. Всѣ смотрѣли на нее, кивали головами и перекидывались отрывистыми фразами.

— Ну, ну,—говорила Вежбова,—воротились, воротились таки! А я ужь думала, что васъ водка окончательно доконала или собаки разорвали!

— Ну, вотъ,—произнесла гадалка,—я вѣдь и передъ отъѣздомъ еще сказала, что она вернется...

— Что же изъ того, что вернулась?—пробормотала высокая дѣвушка.—Какая была, такой и осталась.

Молочница вздохнула.

— Вотъ то-то, что грѣшникамъ Богъ милости своей не посылаетъ, чтобы поправиться.

Одинъ изъ мужчинъ разсмѣялся на всю избу.

— Какъ она выпьетъ стаканъ спирту, такъ и поправится.

Оборванная, желтая женщина смотрѣла на окружающихъ ее людей мутными глазами, съ безсмысленною улыбкой на выцвѣтшихъ, покривившихся губахъ. Она была уже выпивши.

— Вотъ и возвратилась!—сказала она.—Вотъ и возвратилась! Къ Марцисѣ моей, къ дочкѣ, къ дитяткѣ моему родному возвратилась... Пусть мои глаза хоть еще разъ ее передъ смертью увидятъ...

— Утѣшится дочка, какъ встрѣтитъ такую мамашу!—проворчала высокая дѣвушка.

Эльжбета запустила руку въ карманъ разваливающейся юбки, вытащила оттуда грязный кусокъ полотна и начала дрожащими пальцами развязывать завязанный въ узелъ одинъ изъ его угловъ. Оттуда высыпалось нѣсколько мѣдныхъ монетъ.

— Матушка, благодѣтельница моя!—обратилась она къ Вежбовой,—устройте балъ, зажгите спиртъ... Пусть старое время, лучшая доля припомнится...

Она обвела избу помутившимся взоромъ и запѣла дребезжащимъ голосомъ:

Охъ ты, долюшка-доля, куда улетѣла?
Потонула-ль въ водѣ, иль въ огнѣ погорѣла?...

Вежбова посматривала на мѣдяки.

— Что же я съ этимъ сдѣлаю?—спросила она, оглянувши гостей.

Гости полѣзли въ кошельки и на столъ посыпались злоты и гроши.

Черезъ двѣ минуты на столѣ появился мѣдный котелокъ и блеснулъ синеватый огонекъ. Розыскивая сахаръ гдѣ-то за печкой, Вежбова зажгла лучину и воткнула ее въ щель стѣны. Изба вся озарилась синимъ и краснымъ огнемъ; въ рукахъ Вежбовой послышался стукъ оловянныхъ чарокъ; высокая дѣвица, обнявши одною рукой шею своего сосѣда, наклонилась къ котлу, а гадалка и молочница удерживали за рубашку и платокъ Эльжбету, которая кричала:

— Пойду, пойду искать её... Марцисю мою, дочку милую... Могла ли я разсчитывать, чтобъ ее не застать здѣсь?!... Скорѣй думала умереть, чѣмъ не видать...

Она наклонилась къ Вежбовой и усиливалась цѣловать ея руки.

— Матушка моя! — все плаксивѣй и плаксивѣй хныкала она,—скажите мнѣ, гдѣ Марцися, гдѣ дитя мое, что я оставила на ваше материнское попеченіе? Я, бѣдная, погибшая женщина, шла въ свѣтъ, чтобы завоевать ей счастье...

И пронзительнѣй, чѣмъ прежде, она запѣла:

Ой ты, долюшка-доля, куда улетѣла?
Потонула-ль въ водѣ, иль въ огнѣ погорѣла?..

Въ это время двери съ шумомъ отворились и на порогѣ появилась кричащая Марцися:

— Спасите!... Ой, люди, если въ Бога вѣруете, спасите!

Она была блѣдна, какъ трупъ, и такъ промокла, что юбка плотно облегала вокругъ ногъ, а расплетенные волосы мокрыми прядями закрывали лобъ, плечи и грудь.

Вежбова и Эльжбета бросились къ ней: одна—съ гнѣвнымъ любопытствомъ, другая—съ распростертыми объятіями и полными слезъ глазами.

Марцися сначала припала къ рукамъ Вежбовой и, цѣлуя ихъ, повторяла одно и то же:

— Спасите его, если въ Бога вѣруете! Его въ тюрьму потащили, посадили за тѣми дверями проклятыми. Ой!...

Она схватилась за сердце, выпрямилась и только въ эту минуту замѣтила мать. Не узнала ли она ее сразу, или въ душѣ ея промелькнуло неясное воспоминаніе чертъ матери, только она замолчала и широко раскрыла глаза.

Эльжбета обняла ее дрожащими руками.

— Это я, дочка моя,—заговорила она.—Вотъ видишь, это я... вернулась къ тебѣ... Ну, обними же меня своими ручками, прижми къ себѣ мою голову бѣдную... Ой! нашаталась, нашаталась голова моя по недоброму свѣту... Пусть теперь-то хоть минутку отдохнетъ на груди у дочки милой...

Она прижалась своимъ морщинистымъ, раскраснѣвшимся лицомъ къ лицу дочери и искала ея губъ своими, зіяющими запахомъ водки. Но дѣвушка стремительно отскочила, прислонилась къ стѣнѣ и осматривала ее удивленнымъ и унылымъ взглядомъ.

Эльжбета снова приблизилась къ ней. На ея полупьяномъ лицѣ явилась не то жалость, не то усиленная работа мысли и памяти. Она закивала головой и нѣсколько разъ ударила рукою въ грудь.

— Не исполнила, дочка, — кричала она, — не исполнила я обѣта своего предъ тобою и Господомъ Богомъ! Хотѣла исправиться и... не могла... Проклятая водка все тянула и тяну-

ла... Цѣлый годъ ко рту не подносила,—еще горше... Ой, Марцися моя, дочка! не гнѣвайся на меня... Въ сердцѣ моемъ кошки скребли, а въ головѣ звучали грустныя пѣсни... Какъ осенняя ночь черна была доля моя.

Точно что-то оборвалось въ груди у дѣвушки; блѣдныя губы ея дрогнули горькой, отчаянной, страшной усмѣшкой. Она отвернулась отъ матери и заходила по избѣ съ заложенными руками, крича:

— Бѣдный мой Владекъ!... Бѣдный, бѣдный мой Владекъ!

Слезы ручьемъ хлынули изъ ея глазъ; грудь надрывалась отъ рыданій.

Присутствующіе переглянулись между собой на-половину съ сожалѣніемъ, на-половину съ злорадствомъ.

— Вотъ полюбила-то!—громко произнесла высокая дѣвица.

— Несчастіе!—вздохнула молочница.

— А какъ выглядываетъ-то,—замѣтилъ одинъ изъ мужчинъ,— точно утопленица.

Услыхавъ послѣднія слова, Марцися остановилась и снова начала всматриваться въ мать. Что-то припомнилось ей, что-то зашумѣло въ ея головѣ... Она заговорила, съ стеклянными глазами, монотоннымъ, машинальнымъ голосомъ:

— Утопленицы спокойно лежатъ на днѣ воды, обвитыя пахучими зельями, посыпанныя желтымъ пескомъ...

Она подняла руки къ головѣ и кинулась къ дверямъ.

— Держите ее, а то еще утопится,—кричала Вежбова.

Одинъ мужчина схватилъ ее и подвелъ къ столу. Она дрожала отъ холода съ ногъ до головы и, ломая руки, тихо шептала:

— Бѣдный мой Владекъ!... Бѣдный, бѣдный Владекъ!

— Дайте-ка ей выпить,—посовѣтовала гадалка,—а то, сохрани Боже, еще лихорадку или горячку схватитъ. Ишь какъ промокла!

— На, пей, и перестань здѣсь скандалы выдѣлывать, да добрыхъ людей пугать, — сказала Вежбова, наливая въ чарку заправленный сахаромъ спиртъ.

Эльжбета раскрывала передъ ней безсильныя объятія и, шатаясь, бормотала:

— Пей, дочка, пей! Это хорошее лѣкарство отъ червяка, что въ сердцѣ... Забудешься да и заснешь!

Заиграла ли въ это время въ ея жилахъ кровь пьяницы-матери, блеснула ли передъ нею свѣтлая надежда угасить невы-

носимую боль въ сердцѣ, или, уже пьяная отчаяніемъ, сама не знала, что дѣлаетъ, но Марцися вырвала изъ дрожащей руки матери дымящуюся чарку и выпила ее до дна.

— Ай!—простонала она, хватаясь за сердце и горло, но въ мгновеніе ока на блѣдномъ, какъ смерть, лицѣ ея выступилъ кровавый румянецъ, заплаканные глаза высохли и заискрились, какъ черные бриліанты. Ей стало легче. Она протянула вновь чарку.

— Дайте еще.

— Ой, дочка моя,—плакала Эльжбета,—такая-жь, вѣрно, доля у тебя будетъ, какъ и у меня!...

Она протянула руку къ котлу, наполнила другую чарку и подала дочери.

Марцися выпила и опустилась на лавку. Она притихла, черты ея лица сдѣлались мягче, неопредѣленная улыбка точно застыла на покраснѣвшихъ, какъ кораллъ, губахъ. Мутнымъ взоромъ обвела она всѣхъ присутствующихъ и, какъ будто вспомнивши, глубоко вздохнула, зарыдала безъ слезъ и ужаснымъ, дрожащимъ голосомъ запѣла:

Двѣ сиротки въ полѣ спали
Подъ шатромъ ракиты.
Деревцо... сломалось,—обѣ
Сиро... ты.... у... би... ты...

Послѣдній стихъ еле былъ слышенъ. Она опустила голову на столъ и закрыла глаза.

Она была пьяна.

В. Л.

———————

Изъ Бодлера.

Чтобъ цѣломудренно слагать мои эклоги,
Я къ небу ближе быть хочу, какъ астрологи,
Вблизи колоколовъ задумчиво мечтать
И молча гимнамъ ихъ торжественнымъ внимать.

Я буду съ чердака слѣдить за мастерскою,
Шумящей пѣснями, веселой болтовнею,
И взоры устремлять къ далекимъ небесамъ,
Что такъ о вѣчности напоминаютъ намъ.

Пріятно наблюдать въ лазурной вышинѣ
Рожденіе звѣзды и лампу на окнѣ,—
Смотрѣть, какъ дымъ изъ трубъ столбами къ верху вьется,
Какъ съ неба свѣтъ луны, чаруя зрѣнье, льется.

И лѣто, и весна, и осень, чередой,
Пройдутъ въ моихъ глазахъ, а скучною зимой
Я буду создавать, средь пблночи глубокой,
Волшебные дворцы въ мансардѣ одинокой,—

И буду грезить я о синихъ небесахъ,
О зелени садовъ, о листьяхъ, о цвѣтахъ,
Фонтанахъ брызжущихъ струею серебристой
И о полетѣ птицъ, съ ихъ пѣснью голосистой.

Не отвлечетъ меня отъ этихъ грезъ и думъ
Волненій бѣшеныхъ и бунта грозный шумъ;
Пусть подъ моимъ окномъ онъ громко раздается,—
На этотъ шумъ душа моя не отзовётся:

Я въ созерцаніи, я въ нѣгѣ потону,
И буду вызывать, по прихоти, весну,
Изъ сердца моего лучъ солнца добывая
И думы жгучія въ тепло преображая...

Д. Михаловскій.

* * *

Не надо мнѣ поэзіи холодной,
Безсмысленныхъ, пустыхъ и звонкихъ фразъ,
Плодовъ хандры или тоски безплодной,
Написанныхъ какъ будто на заказъ...

Нѣтъ, пусть ея живительныя волны
Такъ утоляютъ алчущихъ людей,
Какъ тотъ потокъ, что̀, дивной силы полный,
Изъ нѣдръ пустыни вырвалъ Моисей.

Пусть каждый стихъ дрожитъ волшебной силой...
Пусть каждый стихъ бросаетъ въ душу свѣтъ—
И каждый звукъ, какъ голосъ сердцу милый,
Находитъ въ немъ и эхо, и отвѣтъ...

Чтобъ, внемля ей, злодѣй бы пролилъ слезы,
Чтобъ плакали желѣзныя сердца
И, хоть на мигъ, плѣнительныя грёзы
Согнали-бъ скорбь съ унылаго лица.

П. Козловъ.

О новыхъ книгахъ.

А. В. Погожева: **Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Верейскаго и Рузскаго уѣздовъ.** Съ 12-ю планами фабрикъ и заводовъ. Изданіе московскаго губернскаго земства. Москва. 1882 года.

Кто слѣдилъ за дѣятельностью московскаго земства, тотъ знаетъ, что два года тому назадъ оно предприняло санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Московской губерніи. Дѣло изслѣдованія земство поручило извѣстному спеціалисту по гигіенѣ д-ру Эрисману, который выбралъ себѣ въ помощники д-ра Погожева. Результатомъ ихъ трудовъ явились въ концѣ прошлаго года двѣ большія книги: «Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Клинскаго уѣзда» г. Эрисмана и «Кирпично-гончарное производство Московскаго уѣзда» г. Погожева.

Въ настоящее время оба эти гигіениста ведутъ свои изслѣдованія отдѣльно другъ отъ друга, и у г. Погожева есть даже свой помощникъ— г. Леженевъ, которому принадлежитъ составленіе плановъ для «Санитарнаго изслѣдованія фабричныхъ заведеній Верейскаго и Рузскаго уѣздовъ».

Кто знакомъ съ вышеназванными трудами обоихъ санитарныхъ дѣятелей, того уже не поразятъ картины жизни фабричнаго рабочаго, встрѣчаемыя въ только-что вышедшей книгѣ г. Погожева: не поразитъ худосочіе рабочихъ, малая упитанность, плохо развитая мускулатура; не удивитъ и отсутствіе не только-что порядочныхъ, а вообще какихъ бы то ни было помѣщеній на фабрикахъ для рабочихъ, которые обычно спятъ въ самыхъ мастерскихъ; не удивятъ и 16 рабочихъ часовъ въ сутки, и такая эксплуатація рабочихъ со стороны фабриканта, какъ оттягиваніе выдачи жалованья на 8 дней, а иногда и больше; не удивитъ и штрафъ въ *3 дня* за одинъ прогульный день и т. д. Потому не будемъ останавливаться на подробной передачѣ сообщаемыхъ г. Погожевымъ данныхъ,— правда, въ высшей степени интересныхъ,—а постараемся указать только на тѣ особенности, которыя отмѣчены самимъ авторомъ, какъ характерныя для Верейскаго и Рузскаго уѣздовъ.

Эти оба уѣзда по числу фабричныхъ заведеній занимаютъ послѣднее мѣсто среди уѣздовъ Московской губерніи. Въ Рузскомъ же уѣздѣ, кромѣ того, замѣчается еще съ 1871 года упадокъ фабрично-заводской промышленности. (Послѣднее явленіе, по словамъ мѣстныхъ фабрикантовъ, объясняется «отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія съ Москвой».) Здѣсь почти совсѣмъ не развиты кустарные промыслы. И потому не удивительно, что многіе изъ рабочихъ этого уѣзда, а также и Верейскаго, уходятъ на посторонніе заработки; а въ Вышегородской волости, Верейскаго уѣзда, такъ цѣлыя деревни безъ зазрѣнія совѣсти заняты *«побирошничествомъ»*. «Утверждаютъ даже,—говоритъ авторъ,—что промыселъ этотъ до такой степени укоренился въ мѣстномъ населеніи, что ни одна дѣвушка въ деревнѣ не выйдетъ будто бы замужъ за парня, не ходившаго по міру: «какой же онъ будетъ мнѣ мужъ, коли ни разу съ сумой Христовымъ именемъ по міру не ходилъ?» (стр. 6).

Самой характерною чертой въ фабрично-промышленной дѣятельности этихъ обоихъ уѣздовъ является та особенность, что всѣ фабрики здѣсь были основаны помѣщиками, на которыхъ работали поссессіонные крестьяне. Авторъ такія фабрики называетъ *вотчинными* и указываетъ на слѣдующія характерныя особенности рабочихъ этихъ фабрикъ, въ особенности чрезвычайно важныя для санитарнаго и экономическаго изслѣдователя:

1. «На такихъ фабрикахъ встрѣчается типъ *«кореннаго фабричнаго*, оторваннаго отъ земли и усадьбы, кромѣ силы собственныхъ рукъ не имѣющаго за душой ровно ничего».

2. Занятіе фабричною работой тутъ переходитъ по наслѣдству отъ дѣда къ отцу и отъ послѣдняго къ сыну.

3. Мускулатура, развитіе подкожной клѣтчатки и общій наружный видъ большинства коренныхъ фабричныхъ производятъ худшее впечатлѣніе на врача, чѣмъ обыкновенные рабочіе на крупныхъ бумагопрядильныхъ фабрикахъ и т. д.

Любопытна въ самомъ дѣлѣ судьба этихъ поссессіонныхъ крестьянъ послѣ освобожденія. Вотъ что сообщаетъ о нихъ г. Погожевъ въ своей книгѣ:

«Послѣ освобожденія крестьянъ вотчинные фабричные, числившіеся на правахъ дворовыхъ, не получили, какъ говорятъ, никакого надѣла и должны были сами устроиваться, сообразуясь съ мѣстными условіями: одни взяли въ аренду небольшое количество усадебной земли, сохранивъ за собой право на пользованіе избами, которыя были выстроены для нихъ помѣщиками въ самомъ началѣ; но когда населеніе умножилось и привычка къ земледѣльчеству стала постепенно исчезать, семьи вотчинныхъ фабричныхъ заколотили свои дома и перебрались на полное житье на самую фабрику, въ казармы для рабочихъ; другіе получили въ надѣлъ или въ аренду извѣстное количество усадебной и пахатной земли, выстроили для себя избы и назвали свои поселки Александровскими; но въ концѣ

домовъ и они пошли искать работы на мѣстныхъ фабрикахъ; наконецъ, третьи прямо начали съ того, чѣмъ кончили двѣ вышеупомянутыхъ категоріи вотчинныхъ рабочихъ» (стр. 15).

Первыми производствами въ Верейскомъ уѣздѣ считаются кожевенное и клееваренное.

Самымъ худшимъ въ санитарномъ и другихъ отношеніяхъ изъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ этого уѣзда оказывается химическій заводъ Шлиппе. Работа на немъ до того пагубно дѣйствуетъ на рабочихъ, что, по словамъ самой администраціи завода, «хорошій человѣкъ на такую работу не пойдетъ». Рабочихъ для этого завода обыкновенно нанимаютъ въ Москвѣ, на Хитровомъ рынкѣ—притонѣ бездомнаго, обнищавшаго люда. Между ними попадаются и люди высшихъ сословій. Штрафы на этомъ заводѣ полагаются особые: *«если рабочій уйдетъ раньше срока, то въ такомъ случаѣ получаетъ за все время половину договоренной платы»*; за прогулъ одного дня вычитается *3 дня*; за пьянство кладется штрафъ отъ 50 коп. до 3 руб. «Заработная плата поражаетъ своей ничтожностью (въ особенности при вышепоименованныхъ штрафахъ): обыкновенный рабочій получаетъ зимой *рубль* или *полтора рубля*, а лѣтомъ—отъ 4 руб. 50 коп. до 6 рублей въ мѣсяцъ» (стр. 152). Продовольствуются рабочіе на хозяйскихъ харчахъ. «Одежда ихъ,—говоритъ авторъ,—обычная, но вообще большинство изъ нихъ ходитъ въ рубищѣ и лохмотьяхъ, едва-едва прикрывающихъ тѣло. Сапоги имѣются лишь у немногихъ; большая часть получаетъ дойти въ контору завода» (стр. 53).

Санитарная часть даннаго завода ужасна, благодаря тѣмъ ядовитымъ веществамъ, дѣйствующимъ губительно на организмъ, которыя употребляются въ производствѣ.

Какъ особенность производства Рузскаго уѣзда, авторъ отмѣчаетъ производство музыкальныхъ струнъ, при чемъ даетъ подробныя, интересныя свѣдѣнія объ этомъ производствѣ. «Всѣхъ струнныхъ заведеній въ этомъ уѣздѣ считается около пяти».

Самымъ же интереснымъ заведеніемъ здѣсь какъ въ санитарномъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ представляется ткацкая фабрика Евтихія Власова, находящаяся въ мѣстечкѣ Ивановъ-Поселокъ. Авторъ называетъ эту фабрику «крайне любопытной въ бытовомъ отношеніи», и сообщаемыя имъ о ней свѣдѣнія дѣйствительно интересны. Арендуется она женщиной; работа на ней почти вся производится незамужними женщинами и вдовами. «Эта фабрика,—по словамъ автора,—представляетъ несомнѣнно совершенно новыя санитарно-экономическія черты своего устройства. Даже самъ Ивановъ-Поселокъ, по его словамъ, по своему внѣшнему виду производитъ едва ли не лучшее впечатлѣніе, чѣмъ сама Руза съ ея полуразвалившимися мостами на городскихъ улицахъ» (стр. 83).

Не въ примѣръ другимъ фабрикамъ, здѣсь почти всѣ мастерскія «содержатся опрятно и достаточно свѣтлы», «отапливаются голландскими

летами». «Мужчины не работають почти совсѣмъ». «Денежныхъ взысканій здѣсь не бываетъ». «Особыхъ правилъ для работницъ не существуетъ». Плата ничтожная—отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб. въ мѣсяцъ. На фабрикѣ существуетъ продовольственная *женская* артель, почему харчи въ мѣсяцъ каждой обходятся не дороже 2 рублей. Баней рабочіе пользуются безплатно.

Вотъ какую санитарную оцѣнку этой фабрикѣ дѣлаетъ авторъ:

«Общій наружный видъ работницъ, подвергавшихся измѣренію, *вполнѣ удовлетворителенъ*; почти всѣ дѣвушки хотя нѣсколько худощавы, но довольно мускулисты и вообще обнаруживаютъ сравнительно цвѣтущій видъ, почти совсѣмъ не встрѣчающійся на другихъ ткацкихъ фабрикахъ; признаки малокровія наблюдаются лишь у немногихъ» (стр. 87).

Такая оцѣнка выдѣляетъ данную фабрику изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ фабрикъ какъ г. Погожевымъ, такъ и г. Эрисманомъ.

«Въ данномъ случаѣ,—продолжаетъ авторъ,—мы впервые встрѣчаемъ *вполнѣ разумное отношеніе къ дѣлу* фабричной администраціи, *добровольно* съумѣвшей съ полученіемъ выгоды отъ производства совмѣстить похвальную заботливость о санитарномъ благосостояніи своихъ рабочихъ...» (стр. 88).

Сдѣланный нами краткій обзоръ книги г. Погожева показываетъ, какъ авторъ, слѣдуя системѣ изложенія, принятой д-ромъ Эрисманомъ, полно взглянулъ на дѣло и не ограничился одной санитарною стороной изслѣдованія, которую мы при своемъ обзорѣ, какъ часто спеціальную часть, оставили въ сторонѣ. Приведенныя нами сообщенія изъ названной книги говорятъ читателю, какъ много крайне интересныхъ данныхъ собрано г. Погожевымъ. Сравнивая эту книгу съ первой его работой: «Кирпично-гончарное производство Московскаго уѣзда», невольно замѣчается больше спокойствія и объективности въ изложеніи, которыми непремѣнно долженъ обладать каждый изслѣдователь: темныя стороны, возмущающія душу, скажутся сами безъ комментарія автора,—ихъ скажутъ безпристрастныя цифры, какъ онѣ прекрасно говорятъ въ данной книгѣ г. Погожева.

Въ заключеніе мы не можемъ не указать автору на одинъ изъ важныхъ недостатковъ его книги, гдѣ онъ не разъ становится въ противорѣчіе съ слѣдующимъ, имъ же самимъ высказаннымъ, положеніемъ: «Необходимо замѣтить, что заработная плата на Воскресенской мануфактурѣ показана слишкомъ высоко по причинѣ умышленнаго или неумышленнаго искаженія дѣйствительныхъ данныхъ со стороны фабричной администраціи. Само собой разумѣется, это набрасываетъ тѣнь сомнѣнія и на всѣ другія, правда, очень немногія, свѣдѣнія, исходившія непосредственно отъ завѣдующихъ фабрикой, *а на изслѣдователя налагаетъ обязанность относиться впредь съ полнымъ недовѣріемъ къ показаніямъ фабрикантовъ-заводчиковъ*» (стр. 44).

Послѣ такихъ рѣшительныхъ словъ читатель, разумѣется, увѣренъ, что авторъ не будетъ при своемъ изслѣдованіи прибѣгать къ забракованному имъ же самимъ источнику; но думающій такъ читатель очень ошибется.

На страницѣ 57 читаемъ: «Заработная плата распредѣляется слѣдующимъ образомъ, судя по даннымъ, *сообщеннымъ фабричной администраціей...*»

На страницѣ 109 читаемъ: «*По словамъ директора фабрики*, несчастные случаи при работѣ бываютъ не чаще 3—5 разъ въ годъ...»

На страницѣ 103 читаемъ: «Заборъ изъ лавки, *по словамъ хозяина*, не обязателенъ...» и т. д. и т. д.

Разумѣется, такое противорѣчіе автора съ однимъ изъ главныхъ своихъ положеній, какъ изслѣдователя, нельзя объяснить инымъ чѣмъ, кромѣ спѣшности работы, тѣмъ болѣе, что онъ самъ говоритъ въ предисловіи, какъ бы извиняясь, что данная книга есть результатъ работы *пяти* мѣсяцевъ, *включая разъѣзды, обработку и печатаніе матеріала*» (стр. III). И эта спѣшность чувствуется при чтеніи книги не разъ. Мы укажемъ только на ея крупные слѣды, для чего приведемъ нѣсколько выписокъ, которыми и закончимъ данную рецензію:

«Къ сожалѣнію,—говоритъ авторъ,—за *недостаткомъ времени* и необходимыхъ приспособленій, *мы не могли изслѣдовать мочу*, чтобъ убѣдиться, на сколько мы были правы въ своей діагностикѣ per distantiam (!), заподозривъ, что у этого рабочаго должны быть признаки страданія почекъ» (стр. 47).

«Къ величайшему сожалѣнію, *мы не могли познакомиться съ струнными заведеніями во время самой работы* и потому *не можемъ сказать ничего относительно непосредственнаго вліянія даннаго производства на здоровье рабочихъ*» (стр. 55 и 56).

Эта же спѣшность работы не позволила автору видѣть въ полномъ ходу и писчебумажную фабрику г. Гилярова-Платонова, къ которой онъ въ своемъ изслѣдованіи, надо думать, уже больше не вернется.

Сборникъ Московскаго Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ 2-й, изданіе коммиссіи печатанія грамотъ и договоровъ. Москва, 1881 года.

Еще при царѣ Иванѣ Грозномъ въ Москвѣ существовалъ посольскій приказъ, который завѣдывалъ посольскими дѣлами, хранилъ государственную печать и всѣ важнѣйшіе государственные акты.

Въ XVII в. значеніе этого приказа еще болѣе возросло: ему было поручено завѣдываніе другими приказами, подчинены разныя лица, ввѣрены разные предметы. Такъ посольскій приказъ завѣдывалъ, между прочимъ, аптеками, лѣкарями, комедіантами, вызванными изъ-за границы... Петръ

Великій уничтожилъ этотъ приказъ и замѣнилъ его иностранною коллегіей. Послѣдняя въ свою очередь была замѣнена министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Московскій главный архивъ составляетъ часть этого министерства. Въ немъ хранятся документы, относящіеся до сношеній Россіи съ иностранными государствами, а также и множество дѣлъ, рисующихъ внутреннюю жизнь Россіи XVI, XVII и XVIII столѣтій.

И. Ѳ. Аммону было поручено составить историческій очеркъ этого богатаго въ Россіи хранилища древностей. Работа уже была начата, но смерть Аммона (1874 года) прервала этотъ интересный трудъ, начало котораго помѣщено въ данномъ Сборникѣ и составляетъ одну изъ интересныхъ статей, любопытныхъ не только для спеціалиста, но вообще для всякаго русскаго человѣка, интересующагося своею стариной и исторіей общественныхъ учрежденій въ Россіи.

Почти половина Сборника занята диссертаціей В. А. Уляницкаго: «Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII в.», которая представляетъ спеціальный интересъ, потому и не входитъ въ предметъ нашей рецензіи *). За то три письма Вольтера, а въ особенности семь писемъ князя Д. А. Голицына — объ освобожденіи крестьянъ — составляютъ драгоцѣнный памятникъ.

Еще въ царствованіе императрицы Екатерины II-й Экономическое Общество въ Петербургѣ объявило премію за сочиненіе на слѣдующую тему: «Что выгоднѣе и полезнѣе для общественнаго блага: предоставить ли крестьянамъ въ собственность земельный надѣлъ или одну движимость»? Этотъ вопросъ сильно заинтересовалъ князя Д. А. Голицына, прожившаго почти всю жизнь за границей, сперва при версальскомъ дворѣ въ качествѣ русскаго посланника, потомъ въ Нидерландахъ. И по этому поводу онъ писалъ рядъ писемъ къ князю А. М. Голицыну, гдѣ высказывалъ предположеніе «о возможности освобожденія крестьянъ въ Россіи съ дарованіемъ имъ надѣла» (стр. 99). А предокъ его, — говорится въ примѣчаніи къ этимъ письмамъ, — князь В. В. Голицынъ еще при царевнѣ Софіи «хотѣлъ освободить крестьянъ и подарить имъ обрабатываемыя ими земли» («Relation curieuse et nouvelle de Moscovie», стр. 215).

Эти семь писемъ князя Голицына на французскомъ языкѣ помѣщены въ Сборникѣ А. Рачинскимъ съ приложеніемъ перевода и весьма обстоятельныхъ примѣчаній. Жаль только, что издатель зачѣмъ-то раздѣлилъ эти семь писемъ на двѣ группы (пять и два), приложивъ къ каждой отдѣльныя предисловія, въ которыхъ говорится почти одно и то же.

*) Если обозрѣніе ученаго труда г. Уляницкаго по его спеціальности и не могло войти въ краткій отчетъ о 2-мъ выпускѣ „Сборника московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ“, то по важности для насъ, особенно въ настоящее время, вопроса о Дарданеллахъ и Черномъ морѣ и ученой серьезности, съ какою произведена работа молодымъ ученымъ, это сочиненіе должно обратить на себя вниманіе каждаго мыслящаго русскаго. Мы постараемся дать отчетъ объ этомъ прекрасномъ трудѣ г. Уляницкаго. *Ред.*

Остальныя статьи касаются собственно дѣятельности Архива за послѣдніе годы: баронъ Бюлеръ, директоръ архива, и г. Выводцевъ подробно сообщаютъ объ участіи этого учрежденія въ казанскомъ археологическомъ съѣздѣ (1877 года), въ V археологическомъ и III географическомъ съѣздѣ.

Съ внѣшней стороны «Сборникъ» изданъ прекрасно.

Болѣзни памяти. *Т. Рибо* (редактора *Revue philosophique*). Переводъ съ французскаго подъ редакціей *А. Чермшанскаго*. Изданіе журнала *Медицинская Библіотека*, № 2 (?), С.-Петербургъ. 1881 г.

Желая отыскать законы для нормальной памяти, Рибо въ названной монографіи изучаетъ ея явленія въ патологическомъ состояніи, такъ какъ «психологическія болѣзненныя явленія могутъ во многомъ выяснить ея здоровое состояніе» (стр. 42). Съ этою цѣлью онъ сообщаетъ рядъ любопытныхъ фактовъ временной, періодической, прогрессивной и врожденной амнезіи. Анализъ этихъ фактовъ приводитъ его къ установленію слѣдующихъ законовъ: 1) Память зависитъ отъ питанія и кровообращенія; чѣмъ послѣднее совершается быстрѣй, тѣмъ возбужденнѣе дѣлается память. Нерѣдко въ лихорадочномъ состояніи люди начинаютъ говорить на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, который въ нормальномъ состояніи считали забытымъ. 2) Въ случаяхъ общаго разрушенія памяти потеря воспоминаній слѣдуетъ неизмѣнному пути: сперва забываются недавніе факты, затѣмъ идеи вообще, чувствованія и наконецъ дѣйствія. 3) При частномъ разрушеніи памяти (забвеніе знаковъ) сперва теряется память именъ собственныхъ, потомъ существительныхъ вообще, затѣмъ прилагательныхъ, глаголовъ и уже послѣ всего междометій и жестовъ.

Законы эти находятся въ связи съ слѣдующимъ физіологическимъ принципомъ: «дегенерація поражаетъ прежде всего то, что развилось позже всего», а также и съ тѣмъ психологическимъ принципомъ, что «сложное исчезаетъ прежде простаго, потому что рѣже повторяется» (стр. 118).

Рибо въ своей брошюрѣ касается такихъ фактовъ, которые нерѣдко поражаютъ вниманіе не только психолога или психіатра, но и вообще каждаго смертнаго, который мало-мальски привыкъ къ наблюденію. Это именно и дѣлаетъ данную брошюру интересной не для одного спеціалиста, а для публики вообще.

Кто, напримѣръ, не испытывалъ на себѣ того, что авторъ называетъ fausse mémoire, ложная память. Въѣзжаете вы, наприм., въ совершенно незнакомый вамъ городъ; его улицы, дома, площадь—все это видите въ первый разъ... И вдругъ вамъ кажется, что когда-то вы все это видѣли, и видѣли при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ.

Это явленіе было подмѣчено давно. На немъ даже пробовали основывать теорію о переселеніи душъ. Но новѣйшая психологія даетъ ему слѣдующее объясненіе: «Получаемое въ данный моментъ впечатлѣніе вызы-

ваетъ въ нашемъ прошломъ аналогичныя, смутныя, блѣдныя и еле-замѣтныя для насъ впечатлѣнія, которыя однако же достаточны для того, чтобы внушить намъ убѣжденіе, что новое состояніе, переживаемое нами, есть въ сущности только повтореніе стараго» (стр. 109). Этого мнѣнія держится и авторъ интересной брошюры: «Болѣзни памяти».

Чтобы показать читателю, насколько любопытны факты, собранные въ монографіи Рибо, мы приведемъ для заключенія нашей рецензіи одинъ изъ нихъ, свидѣтельствующій, что воспоминанія могутъ сохраняться отъ полуторагодоваго возраста.

«Одинъ человѣкъ, одаренный выдающимся артистическимъ талантомъ (это обстоятельство слѣдуетъ замѣтить), отправился вмѣстѣ съ своими друзьями на прогулку въ окрестности одного замка; онъ не помнилъ, что когда-либо бывалъ въ этомъ мѣстѣ. Приблизившись къ главнымъ воротамъ замка, онъ испыталъ однако же чрезвычайно живое впечатлѣніе и увѣренность въ томъ, что уже видѣлъ когда-то этотъ замокъ; ему ясно припомнились не только ворота, но и люди, стоявшіе на воротахъ, а внизу подъ портикомъ нѣсколько ословъ. Это странное воспоминаніе такъ поразило его, что онъ обратился за разъясненіемъ къ своей матери. Отъ нея онъ узналъ, что, когда ему было 16 мѣсяцевъ, его привозили сюда въ карзинкѣ, привязанной къ спинѣ осла; затѣмъ его оставили внизу вмѣстѣ съ ослами и прислугой, а старшіе отправились закусить и расположились надъ воротами замка» (стр. 104).

Руссо, *Джона Морлея*. Перевелъ съ послѣдняго англійскаго изданія *В. Н. Невѣдомскій*. Изданіе *К. Т. Солдатенкова*. Москва. 1881 г.

«Исторія чьей-либо жизни есть столько же исторія тѣла, сколько и исторія души», — говоритъ Джонъ Морлей, авторъ книги «Руссо», вышедшей въ настоящее время въ Англіи вторымъ изданіемъ. Біографы обыкновенно игнорирують въ знаменитомъ человѣкѣ его тѣлесную сторону и видятъ въ немъ развитіе только его духовныхъ способностей. Такимъ образомъ знаменитость выступаетъ передъ читателемъ не полною фигурой, не лицемъ, а какимъ-то духомъ, который способенъ углубляться въ міръ абстрактныхъ идей, доискиваться до сокровенныхъ тайнъ природы, рѣшать великіе вопросы и т. д., оставаясь свободнымъ отъ всякихъ страстей, присущихъ человѣку съ плотью и кровью. Такое отношеніе біографовъ къ изучаемой имъ личности объясняется, отчасти, идеально-благоговѣйнымъ отношеніемъ къ покойнымъ, а частію и отсутствіемъ матеріаловъ иного рода.

Морлей въ сочиненіи «Руссо» не слѣдуетъ пути всѣхъ біографовъ. Въ названномъ сочиненіи Руссо выступаетъ передъ нами не только великимъ мыслителемъ своего вѣка, не только человѣкомъ, давшимъ громадный толчокъ европейской мысли, имѣвшимъ неотразимое вліяніе на

поэта-олимпійца Германіи Шиллера, Байрона и другихъ *),—онъ выступаетъ передъ нами слабымъ, какъ и всѣ люди, и невообразимо чувственнымъ. Раскрыть въ Руссо эту послѣднюю сторону его существа, которая имѣла громадное вліяніе на его отношеніе къ людямъ, представить намъ не безплотнаго духа, а человѣка со всѣми его страстями, біографу, разумѣется, помогъ самъ великій человѣкъ, безпощадно анализировавшій свою душу и тѣло въ извѣстной всѣмъ «Исповѣди» (Confession), которая изъ всѣхъ сочиненій Жанъ-Жака находитъ читателей еще до настоящаго времени. Какъ извѣстно, она была писана авторомъ въ крайне болѣзненномъ состояніи. Руссо не давалъ себѣ пощады и нерѣдко разсказывалъ о такихъ своихъ недостаткахъ, о которыхъ принято обычно умалчивать. Потому такому талантливому писателю, какъ Джонъ Морлей, воспользовавшись «Исповѣдью» помимо другихъ постороннихъ матеріаловъ, не трудно было нарисовать полный образъ человѣка съ мозгомъ, нервами, мускулами.

Люди, не закрывающіе глазъ на жизнь и желающіе знакомства съ полными образами великихъ людей, а не съ одной ихъ показной стороной, будутъ вполнѣ довольны книгою Морлея. Она, кромѣ талантливаго изображенія личности знаменитаго француза, увлекаетъ своимъ не менѣе талантливымъ изложеніемъ и тою картинностью языка, какая присуща истинно-поэтическимъ произведеніямъ. Вотъ, напр., какъ картинно передаетъ авторъ разницу впечатлѣній отъ посланія одного архіепископа и отъ возраженія на него Руссо: «Когда мы переходимъ къ нему (возраженію Руссо) отъ возвышеннаго пастырскаго посланія, намъ кажется, что съ нами случился кошмаръ, во время котораго за нами гонялись какія-то замаскированныя фигуры, но что потомъ мы наконецъ схватили руку живаго человѣка» (стр. 280). Или вотъ сравненіе непріятнаго положенія знаменитаго человѣка, когда на него устремлены тысячи глазъ: «пьедесталъ славы имѣетъ нѣкоторое сходство съ позорнымъ столбомъ или съ кандалами» (стр. 288).

Этотъ картинный слогъ, передачѣ котораго много помогаетъ хорошій переводъ г. Невѣдомскаго, дѣлаетъ книгу Морлея однимъ изъ пріятныхъ чтеній, нисколько не утомляя читателя серьезностью своего содержанія. При бѣдности нашей беллетристики эта книга можетъ замѣнить чтеніе хорошаго романа: почти половина ея занята романами Жанъ-Жака.

Читая послѣдніе, невольно удивляешься, въ какомъ противорѣчіи стояла личная жизнь Руссо съ его теоретическими воззрѣніями. Вотъ что авторъ «Эмиля» говоритъ въ одномъ мѣстѣ о бракѣ, о женѣ:

«Въ лицахъ обоего пола я усматриваю два дѣйствительно различныхъ класса людей; къ одному классу принадлежатъ люди, которые размышля-

*) Надо замѣтить, что авторъ ни слова не говоритъ о вліяніи Руссо на Карамзина и на русскую литературу вообще.

ютъ, а къ другому—люди, которые не размышляютъ, и это различіе почти вполнѣ происходитъ отъ воспитанія. Мужчина, принадлежащій къ первому изъ этихъ классовъ, не долженъ жениться на особѣ изъ втораго класса, *такъ какъ онъ не найдетъ самой большой прелести общежитія, если, имѣя жену, все-таки долженъ будетъ размышлять наединѣ.* Только развитой умъ дѣлаетъ сношенія пріятными, а для отца семейства, любящаго домашнюю жизнь, было бы очень непріятно, еслибъ онъ былъ принужденъ оставаться глазъ-на-глазъ съ самимъ собой и не имѣть подлѣ себя никого, кто въ состояніи его понимать» (стр. 388).

Послѣ этихъ словъ позволительно думать, что человѣкъ, такъ хорошо и ясно понимавшій удобства отъ сожительства съ существомъ, способнымъ раздѣлять его думы и размышленія, все это, разумѣется, имѣетъ въ своей подругѣ жизни. Но правильно, логически разсуждать и такъ же дѣйствовать—совсѣмъ не одно и то же. Въ этомъ каждый изъ насъ убѣждался и убѣждается на каждомъ шагу. Жанъ-Жакъ представляетъ только болѣе замѣтный примѣръ противорѣчія, можетъ-быть, изъ тысячи ему подобныхъ.

Онъ, какъ извѣстно, болѣе 26 лѣтъ жилъ съ Терезой Ле-Вассёръ, съ которой встрѣтился близъ Сорбонны, въ одной гостиницѣ. Тереза Ле-Вассёръ служила тамъ кухаркой. Хозяйка гостиницы соблазняла ее той веселой жизнью, которая такъ легко открывается дѣвушкѣ 22 лѣтъ. Руссо почувствовалъ къ Терезѣ сперва состраданіе, а потомъ и болѣе горячее чувство, затѣмъ сошелся... Когда впослѣдствіи между ними происходили размолвки и когда Тереза къ нему совсѣмъ охладѣла,—вотъ какія нѣжныя письма писалъ онъ къ этой женщинѣ: «Въ теченіе 26-лѣтней нашей связи я никогда, дорогая моя, не искалъ моего счастья иначе, какъ въ вашемъ счастьи, и никогда не переставалъ стараться сдѣлать васъ счастливой...» (стр. 79).

И что же это была за женщина, съ которой жилъ Руссо 26 лѣтъ, къ которой питалъ такія нѣжныя чувства? Это было нѣчто до невозможности тупое. Сдѣланная ей характеристика Морлеемъ весьма любопытна. «Она,—говоритъ біографъ,—никогда не могла научиться читать сколько-нибудь сносно. Она никогда не была въ состояніи заучить, въ какомъ порядкѣ мѣсяцы года слѣдуютъ одинъ за другимъ, никогда не могла пріобрѣсть знаніе ариѳметическихъ знаковъ, не могла сосчитать никогда суммы денегъ или сообразить, что можетъ стоить та или другая вещь. Цѣлаго мѣсяца усилій ей было недостаточно, чтобъ изучить часы дня по циферблату. Слова, которыя она употребляла, часто выражали совершенно противное тому, что она хотѣла сказать» (стр. 72).

Трудно себѣ представить болѣе рельефный примѣръ противорѣчія теоріи съ жизнью, чѣмъ представляетъ личность Руссо, и это высказывается не въ одномъ только данномъ фактѣ. Не менѣе поразительнымъ кажется и его безчувственное отношеніе къ собственнымъ дѣтямъ. Такой нѣжный

человѣкъ, какъ Руссо, способный проливать слезы при видѣ букашки, спокойно, легко, безъ малѣйшихъ колебаній отдаетъ своихъ собственныхъ дѣтей въ воспитательный домъ, не выказывая ни малѣйшей заботы къ тому, чтобы когда-нибудь разыскать ихъ: онъ не записываетъ даже дня ихъ рожденія! А между тѣмъ вотъ что этотъ самый человѣкъ говоритъ въ «Эмилѣ» о прелестяхъ семейной жизни, гдѣ есть дѣти: «Дѣтскій шумъ, кажущійся вамъ надоѣдливымъ, мало-по-малу становится пріятнымъ; онъ сближаетъ отца съ матерью, а семейное оживленіе въ связи съ домашними заботами доставляетъ самое пріятное занятіе для жены и самое сладкое развлеченіе для мужа» (стр. 362).

Послѣ такихъ непріятныхъ противорѣчій намъ кажется страннымъ, что такой проницательный писатель, какъ Джонъ Морлей, останавливаясь на вопросѣ: могъ ли Жанъ-Жакъ покончить съ собой, т. е. умереть насильственною смертью, какъ въ то время думали,—полагаетъ возможнымъ строить рѣшеніе вопроса *на основаніи высказаннаго въ одномъ изъ писемъ Руссо въ «Новой Элоизѣ»*, тѣмъ болѣе, что вовсе нѣтъ необходимости исповѣдывать теоретически эту возможность, чтобы покончить съ собой de facto. Послѣ близкаго знакомства съ біографіей Руссо, гдѣ противорѣчія теоріи и жизни на каждомъ шагу поражаютъ читателя, немыслимо искать разъясненія или опоры фактамъ жизни Жанъ-Жака въ его теоретическихъ воззрѣніяхъ. Кромѣ того, возможно ли искать логики въ дѣйствіяхъ психически-больнаго человѣка, какимъ былъ Руссо при концѣ своей жизни? Возможно ли искать логики вообще въ такихъ ненормальныхъ проявленіяхъ, какъ самоубійство? Наука уже давно констатировала, что самоубійство есть слѣдствіе хроническаго или остраго патологическаго состоянія самоубійцы. Иногда такое патологическое состояніе неоспоримо-ясно для всякаго, иногда же его процессъ совершается скрытно, незамѣтно для простаго наблюдателя.

Не пропуская безъ критики и безъ анализа ни одного изъ важныхъ положеній въ жизни и въ сочиненіяхъ Руссо, авторъ этимъ самымъ придаетъ своему труду особый интересъ, а оригинальныя теоріи Руссо, какъ и его личность—дѣлаются чрезъ это еще яснѣй. Желательно, чтобы личность и сочиненія хоть одного изъ нашихъ писателей получили такое ясное, такое полное освѣщеніе, какое даетъ личности Руссо разсматриваемое сочиненіе Джона Морлея.

Басни И. А. Крылова. Съ рисунками въ текстѣ *И. С. Цанова*. Изданіе *П. А. Егорова*. С.-Пб. 1880 года.

Едва ли какая книга выдержала столько изданій въ такой сравнительно небольшой промежутокъ, какъ басни И. А. Крылова. Издавались онѣ и большимъ, и меньшимъ, и среднимъ, и очень маленькимъ форматомъ; издавались и съ картинками, и безъ картинокъ. Случалось, что картинки иллюстрировали текстъ изображеніемъ людей, вмѣсто звѣрей,—ну, и бы-

вали случая, что такія изданія басенъ запрещались. А между тѣмъ обычай изображать при басняхъ Крылова дѣйствующихъ звѣрей въ человѣческихъ одѣяніяхъ есть обычай весьма давній, практиковавшійся еще при жизни самого баснописца.

Данное изданіе басенъ отличается отъ всѣхъ прочихъ удобнымъ, небольшимъ форматомъ и художественно сдѣланными рисунками въ текстѣ. Художникъ изобразилъ звѣрей въ ихъ звѣриныхъ шкурахъ, безъ переодѣваній: лиса у него такъ и изображена лисой съ хвостомъ, съ ушами, съ поднятой кверху мордой, задумавшейся надъ какой-нибудь лисьей продѣлкой. Картинки сдѣланы весьма изящно, текстъ напечатанъ пріятнымъ для глазъ шрифтомъ, на оберткѣ красуется медальонный снимокъ съ бюста Ивана Андреевича. Кому требуются собственно басни безъ комментарій и біографіи автора, тому это изданіе можно вполнѣ рекомендовать.

Полное собраніе сочиненій Н. Г. Помяловскаго. Съ портретомъ и біографіей автора, составленной *Н. А. Благовѣщенскимъ*. 4-е изданіе. С.-Пб. 1881 года.

Ни Бѣлинскаго, ни Добролюбова не застали уже своимъ появленіемъ на свѣтъ не только «Очерки бурсы» Помяловскаго, но даже и его «Молотовъ», хотя Николай Герасимовичъ пережилъ нашего втораго критика какими-нибудь полутора-двумя годами. Но въ эти два года онъ успѣлъ издать и «Мѣщанское счастье», и «Молотова», и «Зимній вечеръ въ бурсѣ», и «Бурсацкіе типы»,—однимъ словомъ, все то, что выдвинуло имя Помяловскаго и дало ему заслуженное мѣсто среди русскихъ литераторовъ.

Дитя бурсы, занимавшее мѣсто въ «Камчаткѣ», среди отпѣтыхъ лѣнтяевъ и идіотовъ, безъ конца сѣченное и поротое, «отпѣтый» даже среди самыхъ бурсаковъ, признанный чуть не за идіота большинствомъ бурсацкихъ учителей, человѣкъ лишенный почти всякаго образованія,—Помяловскій поражаетъ своимъ знаніемъ жизни, глубиною взгляда и тонкимъ пониманіемъ мельчайшихъ душевныхъ движеній человѣка. Этотъ неотесанный бурсакъ въ своемъ «Молотовѣ» и «Мѣщанскомъ счастьи» даетъ чудныя картины красотъ природы и тонкій душевный анализъ своихъ героевъ и героинь, рисуетъ безо лжи, безъ утайки голую правду жизни, нигдѣ при этомъ не оскорбляя чувства читателя грубыми сторонами этой жизни. Такъ рисовать жизнь дѣйствительно можетъ только тотъ, кто никогда не обманывалъ себя, кто «не боялся своей головы, своего ума смотрѣть въ свою душу, не подличая...» («Молотовъ») Въ названныхъ повѣстяхъ повсюду чувствуется самъ авторъ съ его глубокой, человѣчною душой,—авторъ, много переживш1й и перестрадавшій въ своей короткой жизни*). Пусть читатель перечтетъ эти обѣ повѣсти,—ему не придется пожалѣть потраченнаго времени.

---

*) Помяловскій умеръ на 29 году.

Что касается до «Очерковъ бурсы», то, помимо другихъ достоинствъ, они имѣютъ по отношенію къ Помяловскому громадный біографическій интересъ. Душа замираетъ, когда читаешь «Зимній вечеръ бурсы» или «Бѣгуны бурсы», гдѣ печальная судьба автора совсѣмъ надрываетъ душу. По прочтеніи этихъ очерковъ, невольно думается: какою громадной нравственной и умственною силой долженъ былъ обладать тотъ, кто не только не одурѣлъ, не отупѣлъ отъ битья, «долбежки» и отъ всей наводящей ужасъ бурсацкой обстановки, но еще вылилъ изъ своей наболѣвшей души: «Вукола», «Молотова», «Мѣщанское счастье» и т. д. Да, это несомнѣнно та недюженная сила, которая, будучи поставлена чуть не въ безвоздушное пространство, все же находитъ себѣ путь на свѣжій воздухъ!

Сочиненія Помяловскаго трехъ предшествующихъ изданій сдѣлались библіографическою рѣдкостью, за которую книгопродавцы берутъ—даже въ потасканномъ видѣ—безбожныя цѣны. Потому появленіе 4-го изданія сочиненій Н. Г. Помяловскаго,—изданія, не представляющаго никакихъ измѣненій, кромѣ формата и шрифта, напоминающихъ журналъ *Дѣло*,—мы привѣтствуемъ съ искреннею радостью и съ желаніемъ, чтобы публика снова перечла вышеназванныя повѣсти Помяловскаго, а педагоги - воспитатели прочли бы его «Вукола», который научаетъ несравненно лучше и нагляднѣе нѣкоторымъ педагогическимъ истинамъ, чѣмъ десятки ученыхъ педагогическихъ статей. Этотъ же разсказъ, равно какъ и описаніе дѣтства «Молотова», можетъ представить прекрасное чтеніе для дѣтей, на недостатокъ котораго не перестаютъ до настоящаго времени жаловаться родители и педагоги.

На закатѣ. Стихотворенія *Я. П. Полонскаго.* 1877—1880. Изданіе *К. Т. Солдатенкова.* Москва 1881 года.

Тридцать пять лѣтъ тому назадъ Я. П. Полонскій издалъ книжку своихъ стиховъ, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія 1845 года». Тогда еще былъ живъ нашъ незабвенный критикъ Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, не пропускавшій ни одной книжки безъ своей вѣрной, безпристрастной, ничѣмъ—кромѣ истиннаго таланта и генія—неподкупной оцѣнки. Вотъ что сказалъ онъ тогда о стихотвореніяхъ г. Полонскаго:

«У него больше, чѣмъ у г. Григорьева (стихотворенія котораго онъ разбиралъ вмѣстѣ съ книгой г. Полонскаго), самостоятельнаго элемента поэзіи, слѣдовательно больше таланта... Г. Григорьеву есть о чемъ писать, но недостаетъ способности къ формѣ; но у г. Полонскаго рѣшительно не о чемъ писать, т. е. нечего вкладывать въ свой гладкій, а иногда дѣйствительно поэтическій стихъ» («Соч. Бѣлинскаго», часть X, стр. 408).

Теперь, *черезъ 35 лѣтъ*, передъ нами лежитъ томъ стихотвореній Я. П. Полонскаго,—стихотвореній, относящихся къ 1877—1880 годамъ.

Много воды утекло въ этотъ промежутокъ времени, много тяжелаго пережила русская жизнь, убѣлились сѣдинами головы тѣхъ, кто въ 40-хъ годахъ только еще выступалъ на литературное поприще. Читая книжку г. Полонскаго, названную, по имени перваго ея стихотворенія, «На закатѣ», мы уже не можемъ сказать того, что сказалъ Бѣлинскій: «У г. Полонскаго рѣшительно нѣтъ о чемъ писать». Не позволяютъ этого сказать стихотворенія: «На закатѣ», «Болгарка», «Безпутный годъ» и другія.

— Здравствуй, волна! (говоритъ авторъ, подходя на закатѣ дней своихъ къ морю).

Мнѣ охлажденному жизнью и свѣтомъ,
Дай хоть тебя встрѣтить теплымъ привѣтомъ!..
Но на скалу набѣжала волна,—
Тяжко обрушилась, въ пѣну зарылась
И прошумѣла, отхлынувъ назадъ:
Новой волны подожди,—я разбилась...
Новыя волны бѣгутъ и шумятъ,—
То же, все то же я слышу отъ каждой.
Сердце полно безконечною жаждой,
Жду,—все темно,—погасаетъ закатъ (стр. 1 и 2).

Война за независимость славянъ дала автору много темъ для его стихотвореній, между которыми «Болгарка» представляетъ прекрасное украшеніе данной книги. Мы вырвемъ изъ разныхъ мѣстъ этого стихотворенія три куплета:

«Безъ пѣсенъ и слезъ, въ духотѣ городской,
Роптать и молиться не смѣя,
Живу я въ гаремѣ, продажной рабой,
У женъ мусульманскаго бея...

* *
*

...Другая, смѣясь, говоритъ мнѣ: «Ну, да!
Не даромъ тебя пощадили:
Нашъ бей ужъ, конечно, былъ первый, когда
Твою красоту обнажили...

* *
*

...Приди же, спаситель, бери города,
Гдѣ слышится крикъ муэзина,
И пусть въ ихъ дыму я задохнусь тогда,
Въ надеждѣ на Божьяго Сына» (стр. 34 и 35).

Въ стихотвореніяхъ разбросано много прелестныхъ картинъ, какъ, напримѣръ, въ прекрасной сатирической сказкѣ — «Кукла». Стихотвореніе «Безпутный годъ», въ особенности его конецъ, говоритъ за то, что у ав-

тора не было въ запасѣ, о чемъ бы онъ хотѣлъ договорить съ читателемъ... Прочтите вотъ эти строки:

«Поднявъ бокалъ, я только пью
Здоровье тѣхъ, кто постигалъ
Всю немощь страшную твою,
Кто не кадилъ, не воровалъ,
Не притворялся, не роптал
И, несмотря на темный годъ,
Хоть ощупью, да шелъ впередъ...» (стр. 75).

Что же касается до музыки стиха, богатствомъ которой г. Полонскій выдѣлялся еще въ 40-хъ годахъ и поражалъ Бѣлинскаго, то теперь его стихъ доходитъ иногда до особой оригинальности. Мы не можемъ удержаться, чтобы не привести изъ стихотворенія «Старая няня» хоть три послѣдніе куплета.

«Я измученъ былъ, а ты (говоритъ поэтъ, вернувшись черезъ 30 лѣтъ въ деревню къ своей нянѣ)

Прожила безъ суеты
И мятежныхъ думъ не вѣдала,
Капли яду не отвѣдала,—
Яду маящихся,
Сомнѣвающихся.

* *
*

И напомнила Христа
Ты страдальцу безъ креста,
Гражданину, сыну времени,
Посреди роднаго племени
Прозябающему,
Изнывающему.

* *
*

Богъ съ тобой! Я жизнь мою
Не смѣняю на твою...
Но ты мнѣ близка, безродная,
Въ самомъ рабствѣ благородная,
Неоплаченная
И утраченная» (стр. 22).

Что касается до внѣшности изданія названной книги, то она весьма прилична и нѣсколько напоминаетъ хорошія заграничныя изданія: толстая бумага, крупный, хорошій шрифтъ, красная рамка къ каждой страницѣ.

К.

Отчетъ Императорской Археологической коммиссіи за 1878 и 1879 годы, съ атласомъ. С.-Пб. 1881.—Девятнадцатый (съ 1859 года) отчетъ археологической коммиссіи, производящей раскопки въ южной Россіи, можетъ назваться однимъ изъ блестящихъ, даже среди этой серіи изданій, столь справедливо пользующейся вниманіемъ западной науки. Въ роскошномъ снимкѣ воспроизведены здѣсь живописныя изображенія стѣнъ новооткрытой катакомбы на Митридатовой горѣ въ Керчи. Не отличаясь художественностью, эти фрески рисуютъ намъ жизнь грековъ, селившихся среди скиѳовъ и проводившихъ свою жизнь, по скиѳскому обычаю, съ табунами своихъ коней въ степяхъ южной Россіи. Мы видимъ здѣсь бурый войлочный шатеръ, внутри котораго два члена семьи умершаго сидятъ, ожидая хозяина, который, возвращаясь съ охоты, подъѣзжаетъ къ шатру. Въ сторонѣ отъ шатра на высокомъ креслѣ сидитъ хозяйка, возлѣ нея дѣти; ниже мальчикъ готовитъ питье. Жизнь среди степей, занятія, костюмы, божества, вооруженіе—все это столь любопытное историческое содержаніе передано наивно, грубо, но типично; особенно любопытна окраска одеждъ въ красный цвѣтъ. Фрески эти, какъ и знаменитыя изображенія, описанныя въ отчетѣ за 1872 годъ г. Стасовымъ и подавшія поводъ къ большимъ преніямъ, конечно, заинтересуютъ и русскихъ историковъ. Но, кромѣ другихъ вновь найденныхъ произведеній древняго искусства, нынѣшній отчетъ представляетъ на табл. III—VI атласа снимки съ предметовъ *ткацкаго* искусства—крайней рѣдкости и истинно-драгоцѣнныхъ, которые дали содержаніе цѣлой диссертаціи г. академика Стефани, съ извѣстною его эрудиціей. Это—рисунки подлинныхъ античныхъ *тканей*, постепенно накопившихся въ нашемъ Эрмитажѣ, благодаря двадцатипятилѣтнимъ раскопкамъ въ южной Россіи. Кусочки и фрагменты покрововъ, цѣльныя вещи изъ матеріи были развернуты, подвергнуты химическому анализу экспертовъ и нынѣ изданы въ фототипіяхъ, раскрашенныхъ отъ руки. Многія оказались необычайно тонкой выработки шерсти, соперничающими съ нашими репсами; но особенную драгоцѣнность представили тѣ, которыя покрыты раскрашенными орнаментами, миѳологическими сценами съ надписями и т. п. Это—памятники неоцѣненнаго достоинства и «подобныхъ имъ,—говоритъ г. Рэйе въ декабрскомъ нумерѣ Gazette des Beaux Arts,—*не находится нигдѣ*».

Н. К.

Замѣтки о русской и нѣмецкой восточной политикѣ въ связи съ славянскимъ вопросомъ.

II *).

Австрія и Габсбурги.

«Въ чемъ бы ни упрекали Габсбурговъ, *одного* за ними отрицать нельзя: изъ всѣмъ нѣмецкихъ государей они выказали наиболѣе способности къ распространенію и захвату. Хотя прусскіе государи тоже не пренебрегали грабежомъ иностранныхъ (не нѣмецкихъ) земель, но въ общемъ они все же больше походили на тѣхъ хищныхъ рыбъ, которыя съ особеннымъ удовольствіемъ пожираютъ экземпляры своей собственной породы. Габсбурги, напротивъ, несли нѣмецкій языкъ и нѣмецкую мощь далеко за предѣлы восточной границы имперіи. Они открывали широкую арену энергіи нѣмецкаго народа, колоссальное поле для цивилизаторской дѣятельности его языка. Конечно, они дѣлали это не вслѣдствіе нѣмецкаго самосознанія, а единственно для увеличенія могущества своего дома, которому даже принесли въ жертву много нѣмецкихъ владѣній; но тѣмъ не менѣе распространеніе ихъ господства оказывало громадную пользу нѣмецкимъ интересамъ».

Такъ характеризуетъ роль Габсбурговъ въ исторіи нѣмецкаго племени одинъ изъ самыхъ блестящихъ и, надо прибавить, самыхъ благородныхъ и честныхъ австрійскихъ публицистовъ—Адольфъ Фитгофъ. Какъ нѣмецъ, онъ въ этой характеристикѣ видитъ величайшую похвалу. Способность къ распространенію и къ *захвату*, расширяющимъ господство нѣмецкой культуры, естественно представляется ему драгоцѣннѣйшимъ и полезнѣйшимъ свойствомъ. Иностранцы и въ частности мы, славяне, можемъ быть на этотъ счетъ инаго мнѣнія. Но вѣрности самаго опредѣленія не признать нельзя. Дѣйствительно, такова была роль Габсбурговъ и задача ихъ государства—Австріи. Они распространяли нѣмецкое вліяніе на Востокъ. Нѣмецкая Австрія служила форпостомъ германизма, который сначала служилъ для защиты населенной германцами средней Европы отъ нашествія

*) *Русская Мысль*, кн. I.

азіятскихъ варваровъ, а потомъ черезъ него стали пробираться все далѣе и далѣе на Востокъ нѣмецкая колонизація, нѣмецкій языкъ, нѣмецкіе нравы и цивилизація. Габсбурги же руководили осуществленіемъ этой задачи Австріи и могущественнымъ образомъ способствовали ей своими отличительными наслѣдственными свойствами, которыя сами по себѣ представляютъ лишь рядъ недостатковъ, но именно въ австрійскомъ царствующемъ домѣ превращались въ положительныя достоинства,—до такой степени они соотвѣтствовали потребностямъ положенія. Эти свойства: ненасытная жадность, жажда господства, исключительный семейный эгоизмъ, заставлявшій Габсбурговъ все на свѣтѣ, между прочимъ и «нѣмецкое самосознаніе», считать дѣломъ второстепеннымъ, а главнымъ и единственно-существеннымъ — интересы дома, династіи,—наконецъ, замѣчательныя хитрость и ловкость, соединенныя съ удивительною способностію примѣняться ко всякимъ обстоятельствамъ и изъ всего извлекать для себя пользу. Они умѣли быть и безчеловѣчно-жестокими и въ высшей степени великодушными, возмутительно-безсовѣстными и честными и справедливыми, безжалостными угнетателями и защитниками слабыхъ, обскурантными фанатиками и реакціонерами и дѣятельнѣйшими ревнителями просвѣщенія и правъ, смотря по тому, что въ данное время могло наилучшимъ образомъ служить выгодамъ ихъ дѣла. И еще одно, на этотъ разъ ужъ въ самомъ дѣлѣ положительное, качество: Габсбурги умѣли всегда сохранять видъ истинно-царственнаго величія. Руководимые опять-таки инстинктами династическаго эгоизма, они, въ эпохи самыхъ блестящихъ успѣховъ своихъ, умудрялись не оскорблять другихъ династовъ дерзкою заносчивостью, которая такъ часто губитъ выскочекъ, возбуждая противъ нихъ неумолимую ненависть, въ эпохи же неудачъ умѣли страдать такъ величественно, что оно выходило даже трогательно, умѣли подчиняться судьбѣ, терпѣть и ждать. Словомъ, это—хищники дѣйствительно царственные. Самыя имена Австріи и Габсбурговъ указываютъ на ихъ взаимныя задачи. Австрія, по-нѣмецки Oesterreich, или Ostreich (послѣднее названіе часто употребляется теперь въ книгахъ и статьяхъ, трактующихъ объ исторической миссіи Австріи) означаетъ — восточное государство. Въ древнихъ документахъ, которые писались обыкновенно по-латыни, это названіе встрѣчается въ такомъ переводѣ: orientale regnum, orientalis provincia. Первоначально же Австрія называлась Marchia Austriaca, по-нѣмецки Ostmark, т. е. восточная граница. Габсбургъ есть не что иное какъ сокращеніе слова Habichtsburg, т. е. замокъ коршуновъ. Такъ назывался родовой замокъ Габсбурговъ, отъ котораго они получили свое имя и развалины котораго и теперь еще существуютъ въ Эльзасѣ, на возвышенности Виндишъ, у рѣки Ааръ. Знаменательное имя, какъ бы заранѣе предопредѣляющее неизмѣнный характеръ рода и его дѣятельность *).

*) Габсбурги вообще могутъ служить примѣромъ проявленія закона наслѣдственности. Едва ли можно отыскать другой родъ, въ которомъ съ такимъ

Созданная специально для защиты имперіи, часть которой она составляла, съ той стороны, откуда имперіи угрожала наибольшая опасность, т. е. съ востока, Австрія можетъ съ гордостію сказать, что съ честью выполнила возложенную на нее задачу. Дѣйствительно, она, вмѣстѣ съ Венгріей, Моравіей, Хорватіей и Польшей, грудью отстояла Европу отъ нашествія турокъ, какъ Россія, съ Польшей же и Малороссіей, отстояла ее отъ татаръ. Впрочемъ, Австрія не съ одними турками боролась. Она стала вѣрнымъ и неутомимымъ стражемъ христіанской Европы отъ варваровъ еще за нѣсколько столѣтій до появленія турокъ на Балканскомъ полуостровѣ. Сначала она, въ союзѣ съ славянскими племенами, вела отчаянную борьбу противъ мадьяръ (противъ нихъ-то именно императоръ Оттонъ II и создалъ Остмарку, отдѣливъ вошедшія въ нее земли отъ Баваріи), а потомъ, уже вмѣстѣ съ мадьярами, противъ татаръ, около половины XIII столѣтія наводнившихъ и опустошавшихъ Моравію и Венгрію. Съ турками Австрія вступила въ борьбу съ самыхъ первыхъ лѣтъ ихъ появленія. Характеръ правильной политической борьбы двухъ государствъ, Австріи и Турціи, она приняла лишь въ началѣ XVI столѣтія, когда, напуганныя непомѣрнымъ возрастаніемъ могущества Габсбурговъ, европейскія государства (Франція, а впослѣдствіи и Англія) втянули Турцію въ свою политику и, пользуясь стихійною воинственностью турокъ, постоянно подстрекали султановъ затѣвать войны съ австрійскими государями. Но вообще борьба противъ «варваровъ» и «невѣрныхъ» началась для Австріи еще за два столѣтія. Въ планъ этихъ замѣтокъ отнюдь не входитъ подробное изложеніе исторіи австрійскихъ войнъ съ турками. Для насъ важна *восточная* политика Австріи и Габсбурговъ и связь этой политики съ судьбами славянства. Поэтому мы ограничимся краткимъ хронологическимъ перечнемъ, который покажетъ, какъ съ первыхъ же лѣтъ появленія турокъ въ Европѣ не было почти ни одного сколько-нибудь значительнаго дѣла съ ними, въ которомъ бы не участвовали австрійскіе нѣмцы. По свидѣтельству сербскихъ историковъ, согласныхъ въ этомъ съ нѣмецкими, уже въ первыя битвы сербовъ съ турками нѣмцы встрѣчаются въ рядахъ сербовъ. Въ знаменитой битвѣ на Коссовомъ полѣ (1389 г.) они

постоянствомъ въ теченіе столѣтій, изъ поколѣнія въ поколѣніе, и притомъ въ каждомъ отдѣльномъ членѣ рода—повторялись всѣ типическія фамильныя черты, какъ нравственныя, такъ и физическія. Даже послѣдовавшее нѣкоторое измѣненіе первоначальнаго типа — и то служитъ лишь подтвержденіемъ того же закона наслѣдственности, ибо оно начало проявляться непосредственно послѣ пресѣченія прямой мужской линіи. Марія-Терезія была послѣднимъ воспроизведеніемъ полнѣйшаго, чистаго типа коршуновъ. Въ ея дѣтяхъ и внукахъ онъ сталъ нѣсколько вырождаться; но онъ сохранилъ и до нашихъ дней всѣ специфическія габсбургскія особенности, хотя уже въ значительно смягченномъ видѣ, и въ немъ появились новыя черты. Очевидно, кровь Франциска Лотарингскаго возымѣла свое дѣйствіе и сгладила то, что было чересчуръ рѣзкаго въ Габсбургахъ.

играютъ замѣтную роль, хотя и не столь выдающуюся, какъ мадьяры и поляки. Затѣмъ, во весь періодъ мадьярско-хорватско-далматинскихъ войнъ (1389 и 1427—9 гг.), когда сербы, уже утратившіе политическую самостоятельность, шли вмѣстѣ съ турками, мы постоянно видимъ нѣмцевъ въ рядахъ христіанъ. Участвовали они далѣе и во всѣхъ славныхъ походахъ Ивана Гуніоза, и въ несчастномъ погромѣ христіанскихъ войскъ при Варнѣ (1448 г.), и во второй битвѣ на Коссовомъ полѣ (1448 г.). Изъ этого бѣглаго перечня видно, что Австрія ни въ какую эпоху своего существованія не переставала исполнять свою прямую задачу—бороться съ варварами. Разница лишь въ томъ, что до начала XVI столѣтія она играла роль второстепенную, слѣдовала за другими, увлекаемая общимъ потокомъ событій, тогда какъ въ XVI ст. выступаетъ уже самостоятельнымъ и первенствующимъ факторомъ, вполнѣ сознательно преслѣдующимъ свои опредѣленные интересы, которымъ заставляетъ служить и другихъ.

Однако и въ предшествовавшей XVI ст. исторіи Австріи надо отличать два періода, рѣзко разнящіеся между собою по характеру. Эти два періода обнимаютъ собою: первый—время отъ возникновенія Австріи въ X вѣкѣ до половины XIII (1246 г.), когда погибъ въ битвѣ съ мадьярами послѣдній представитель первой австрійской династіи, Фридрихъ Бобенбергъ; второй—отъ 1273 года, когда въ Австріи впервые появился тотъ политическій факторъ, который сдѣлался центромъ государственнаго развитія этой страны и опредѣлилъ ея роль въ исторіи: факторъ этотъ—Габсбурги. Въ первомъ періодѣ *германцы* вели борьбу *съ варварами*, все равно какъ бы они ни назывались. Имперская «восточная марка» не успѣла еще окончательно развиться въ отдѣльный самостоятельный организмъ—Австрію и роль ея, по отношенію къ Востоку, была поэтому часто пассивная, а борьба—оборонительная. Она мало нападала; она только защищалась и защищала свою мать—имперію, во внутреннихъ распряхъ которой принимала живѣйшее участіе. Самое расширеніе Австріи происходило больше на счетъ имперскихъ же нѣмецкихъ владѣній. Въ сторону Востока она пріобрѣла только полуславянскую, полунѣмецкую Штирію, да и то по наслѣдству, а не оружіемъ, и уже въ самомъ концѣ перваго періода, при предпослѣднемъ изъ Бобенберговъ, которые всѣ почти были людьми очень воинственными, но политическимъ геніемъ не отличались. Рудольфъ Габсбургскій, основатель нынѣшней династіи, былъ, напротивъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего вѣка. Онъ первый положилъ начало органической особности Австріи, первый указалъ ей путь и придалъ ея стихійной борьбѣ съ варварами характеръ послѣдовательной политики, самостоятельной и самобытной *австрійской*, или, вѣрнѣе, габсбургской политики. Этой политикѣ онъ оставался вѣренъ и тогда, когда случай сдѣлалъ его императоромъ. (Первоначально коллегія курфюрстовъ-избирателей предложила корону богемскому королю Оттокару II, который почему-то отказался, и тогда выборъ палъ на Рудольфа Габсбурга.). Можно

даже сказать, что съ тѣхъ поръ роли между Австріей и имперіей перемѣнились: не Австрія служила имперіи, а наоборотъ имперія служила Австріи, обезпечивала ея возрастаніе и помогала ея возвеличенію. Обстоятельства сложились такъ, что Рудольфъ на первыхъ же порахъ нѣкоторымъ образомъ вынужденъ былъ вступить въ борьбу на жизнь и смерть съ двумя могущественными въ то время сосѣдями Австріи, сильно препятствовавшими ея росту — съ Венгріей и Богеміей. Во время междуцарствія, наступившаго въ Австріи послѣ смерти послѣдняго Бобенберга, Оттокаръ II богемскій и Бэла IV венгерскій присвоили себѣ австрійскія земли, такъ что, когда, черезъ 27 лѣтъ, законный, въ силу императорскаго назначенія, государь Австріи, Рудольфъ, явился вступить во владѣніе своею собственностію, ему пришлось отнимать ее у грабителей силою. Очень можетъ быть, что безъ этого обстоятельства и габсбургская политика сложилась бы нѣсколько иначе если не въ общемъ, то по крайней мѣрѣ въ частностяхъ, и именно по отношенію къ Богеміи. Но это рѣшило ея направленіе, сразу же давъ ему ту почву, которая необходима была габсбургамъ, въ силу ихъ двойственныхъ интересовъ — какъ государей австрійскихъ и какъ императоровъ германскихъ. Начиная съ Рудольфа, габсбурги стали неутомимо и неуклонно стараться уничтожить государственную самостоятельность Богеміи и Венгріи, втянуть ихъ въ свою политику и подчинить ихъ сначала своему вліянію, а потомъ и господству. Относительно Венгріи это обусловливалось причинами весьма естественными: покуда Венгрія оставалась самостоятельнымъ и сильнымъ королевствомъ, Австрія не имѣла выхода къ морю, такъ какъ все адріатическое побережье, за исключеніемъ Дубровницкой республики и вольнаго города Тріеста, находилось во владѣніи Венгріи, которая еще за полтораста слишкомъ лѣтъ передъ тѣмъ присоединила къ себѣ (по добровольному соглашенію и на правахъ политической автономіи, 1102 г.) Хорватію и Славонію, а вскорости послѣ того завоевала почти всю Далматію. Это положеніе обусловливало для Австріи жизненную необходимость борьбы на жизнь и смерть съ Венгріей, совершенно такъ, какъ подобное же естественное стремленіе къ морю обусловливало борьбу Россіи съ Швеціей на сѣверѣ, съ Турціей на югѣ, а также и съ Польшей, которая своей завоевательною политикой въ Украйнѣ стояла поперекъ русской дороги къ Черному морю. Положеніе Австріи въ этомъ отношеніи было даже гораздо хуже положенія Россіи, такъ какъ Россія, сокрушивъ силу своихъ враговъ, имѣла полную возможность не добивать ихъ до конца, великодушно оставить имъ жизнь. Австріи и такое великодушіе не было позволено. Она вынуждена была, ради собственнаго своего существованія, непремѣнно поглотить совсѣмъ Венгрію. Ибо въ противномъ случаѣ, она сама никогда не могла бы стать самостоятельною, не могла бы эманципироваться отъ мелочной имперской политики и въ концѣ концовъ превратилась бы въ такого же безсильнаго, атрофированнаго

играютъ замѣтную роль, хотя и не столь выдающуюся, какъ мадьяры и поляки. Затѣмъ, во весь періодъ мадьярско-хорватско-далматинскихъ войнъ (1389 и 1427—9 гг.), когда сербы, уже утратившіе политическую самостоятельность, шли вмѣстѣ съ турками, мы постоянно видимъ нѣмцевъ въ рядахъ христіанъ. Участвовали они далѣе и во всѣхъ славныхъ походахъ Ивана Гуніоза, и въ несчастномъ погромѣ христіанскихъ войскъ при Варнѣ (1448 г.), и во второй битвѣ на Коссовомъ полѣ (1448 г.). Изъ этого бѣглаго перечня видно, что Австрія ни въ какую эпоху своего существованія не переставала исполнять свою прямую задачу—бороться съ варварами. Разница лишь въ томъ, что до начала XVI столѣтія она играла роль второстепенную, слѣдовала за другими, увлекаемая общимъ потокомъ событій, тогда какъ въ XVI ст. выступаетъ уже самостоятельнымъ и первенствующимъ факторомъ, вполнѣ сознательно преслѣдующимъ свои опредѣленные интересы, которымъ заставляетъ служить и другихъ.

Однако и въ предшествовавшей XVI ст. исторіи Австріи надо отличать два періода, рѣзко разнящіеся между собою по характеру. Эти два періода обнимаютъ собою: первый—время отъ возникновенія Австріи въ X вѣкѣ до половины XIII (1246 г.), когда погибъ въ битвѣ съ мадьярами послѣдній представитель первой австрійской династіи, Фридрихъ Бобенбергъ; второй—отъ 1273 года, когда въ Австріи впервые появился тотъ политическій факторъ, который сдѣлался центромъ государственнаго развитія этой страны и опредѣлилъ ея роль въ исторіи: факторъ этотъ—Габсбурги. Въ первомъ періодѣ *германцы* вели борьбу *съ варварами*, все равно какъ бы они ни назывались. Имперская «восточная марка» не успѣла еще окончательно развиться въ отдѣльный самостоятельный организмъ—Австрію и роль ея, по отношенію къ Востоку, была поэтому часто пассивная, а борьба—оборонительная. Она мало нападала; она только защищалась и защищала свою мать—имперію, во внутреннихъ распряхъ которой принимала живѣйшее участіе. Самое расширеніе Австріи происходило больше на счетъ имперскихъ же нѣмецкихъ владѣній. Въ сторону Востока она пріобрѣла только полуславянскую, полунѣмецкую Штирію, да и то по наслѣдству, а не оружіемъ, и уже въ самомъ концѣ перваго періода, при предпослѣднемъ изъ Бобенберговъ, которые всѣ почти были людьми очень воинственными, но политическимъ геніемъ не отличались. Рудольфъ Габсбургскій, основатель нынѣшней династіи, былъ, напротивъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего вѣка. Онъ первый положилъ начало органической особности Австріи, первый указалъ ей путь и придалъ ея стихійной борьбѣ съ варварами характеръ послѣдовательной политики, самостоятельной и самобытной *австрійской*, или, вѣрнѣе, габсбургской политики. Этой политикѣ онъ оставался вѣренъ и тогда, когда случай сдѣлалъ его императоромъ. (Первоначально коллегія курфюрстовъ-избирателей предложила корону богемскому королю Оттокару II, который почему-то отказался, и тогда выборъ палъ на Рудольфа Габсбурга.) Можно

даже сказать, что съ тѣхъ поръ роли между Австріей и имперіей перемѣнились: не Австрія служила имперіи, а наоборотъ имперія служила Австріи, обезпечивала ея возрастаніе и помогала ея возвеличенію. Обстоятельства сложились такъ, что Рудольфъ на первыхъ же порахъ нѣкоторымъ образомъ вынужденъ былъ вступить въ борьбу на жизнь и смерть съ двумя могущественными въ то время сосѣдями Австріи, сильно препятствовавшими ея росту — съ Венгріей и Богеміей. Во время междуцарствія, наступившаго въ Австріи послѣ смерти послѣдняго Бабенберга, Оттокаръ II богемскій и Бела IV венгерскій присвоили себѣ австрійскія земли, такъ что, когда, черезъ 27 лѣтъ, законный, въ силу императорскаго назначенія, государь Австріи, Рудольфъ, явился вступить во владѣніе своею собственностью, ему пришлось отнимать ее у грабителей силою. Очень можетъ быть, что безъ этого обстоятельства и габсбургская политика сложилась бы нѣсколько иначе если не въ общемъ, то по крайней мѣрѣ въ частностяхъ, и именно по отношенію къ Богеміи. Но это рѣшило ея направленіе, сразу же давъ ему ту почву, которая необходима была габсбургамъ, въ силу ихъ двойственныхъ интересовъ — какъ государей австрійскихъ и какъ императоровъ германскихъ. Начиная съ Рудольфа, габсбурги стали неутомимо и неуклонно стараться уничтожить государственную самостоятельность Богеміи и Венгріи, втянуть ихъ въ свою политику и подчинить ихъ сначала своему вліянію, а потомъ и господству. Относительно Венгріи это обусловливалось причинами весьма естественными: покуда Венгрія оставалась самостоятельнымъ и сильнымъ королевствомъ, Австрія не имѣла выхода къ морю, такъ какъ все адріатическое побережье, за исключеніемъ Дубровницкой республики и вольнаго города Тріеста, находилось во владѣніи Венгріи, которая еще за полтораста слишкомъ лѣтъ передъ тѣмъ присоединила къ себѣ (по добровольному соглашенію и на правахъ политической автономіи, 1102 г.) Хорватію и Славонію, а вскорости послѣ того завоевала почти всю Далматію. Это положеніе обусловливало для Австріи жизненную необходимость борьбы на жизнь и смерть съ Венгріей, совершенно такъ, какъ подобное же естественное стремленіе къ морю обусловливало борьбу Россіи съ Швеціей на сѣверѣ, съ Турціей на югѣ, а также и съ Польшей, которая своей завоевательною политикой въ Украйнѣ стояла поперекъ русской дороги къ Черному морю. Положеніе Австріи въ этомъ отношеніи было даже гораздо хуже положенія Россіи, такъ какъ Россія, сокрушивъ силу своихъ враговъ, имѣла полную возможность не добивать ихъ до конца, великодушно оставить имъ жизнь. Австріи и такое великодушіе не было позволено. Она вынуждена была, ради собственнаго своего существованія, непремѣнно поглотить совсѣмъ Венгрію. Ибо въ противномъ случаѣ она сама никогда не могла бы стать самостоятельною, не могла бы эманципироваться отъ мелочной имперской политики и въ концѣ концовъ превратилась бы въ такого же безсильнаго, атрофированнаго

играютъ замѣтную роль, хотя и не столь выдающуюся, какъ мадьяры и поляки. Затѣмъ, во весь періодъ мадьярско-хорватско-далматинскихъ войнъ (1389 и 1427—9 гг.), когда сербы, уже утратившіе политическую самостоятельность, шли вмѣстѣ съ турками, мы постоянно видимъ нѣмцевъ въ рядахъ христіанъ. Участвовали они далѣе и во всѣхъ славныхъ походахъ Ивана Гуніоза, и въ несчастномъ погромѣ христіанскихъ войскъ при Варнѣ (1448 г.), и во второй битвѣ на Коссовомъ полѣ (1448 г.). Изъ этого бѣглаго перечня видно, что Австрія ни въ какую эпоху своего существованія не переставала исполнять свою, прямую задачу—бороться съ варварами. Разница лишь въ томъ, что до начала XVI столѣтія она играла роль второстепенную, слѣдовала за другими, увлекаемая общимъ потокомъ событій, тогда какъ въ XVI ст. выступаетъ уже самостоятельнымъ и первенствующимъ факторомъ, вполнѣ сознательно преслѣдующимъ свои опредѣленные интересы, которымъ заставляетъ служить и другихъ.

Однако и въ предшествовавшей XVI ст. исторіи Австріи надо отличать два періода, рѣзко разнящіеся между собою по характеру. Эти два періода обнимаютъ собою: первый—время отъ возникновенія Австріи въ X вѣкѣ до половины XIII (1246 г.), когда погибъ въ битвѣ съ мадьярами послѣдній представитель первой австрійской династіи, Фридрихъ Бобенбергъ; второй—отъ 1273 года, когда въ Австріи впервые появился тотъ политическій факторъ, который сдѣлался центромъ государственнаго развитія этой страны и опредѣлилъ ея роль въ исторіи: факторъ этотъ—Габсбурги. Въ первомъ періодѣ *германцы* вели борьбу *съ варварами*, все равно какъ бы они ни назывались. Имперская «восточная марка» не успѣла еще окончательно развиться въ отдѣльный самостоятельный организмъ—Австрію и роль ея, по отношенію къ Востоку, была поэтому часто пассивная, а борьба—оборонительная. Она мало нападала; она только защищалась и защищала свою мать—имперію, во внутреннихъ распряхъ которой принимала живѣйшее участіе. Самое расширеніе Австріи происходило больше на счетъ имперскихъ же нѣмецкихъ владѣній. Въ сторону Востока она пріобрѣла только полуславянскую, полунѣмецкую Штирію, да и то по наслѣдству, а не оружіемъ, и уже въ самомъ концѣ перваго періода, при предпослѣднемъ изъ Бобенберговъ, которые всѣ почти были людьми очень воинственными, но политическимъ геніемъ не отличались. Рудольфъ Габсбургскій, основатель нынѣшней династіи, былъ, напротивъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего вѣка. Онъ первый положилъ начало органической особности Австріи, первый указалъ ей путь и придалъ ея стихійной борьбѣ съ варварами характеръ послѣдовательной политики, самостоятельной и самобытной *австрійской*, или, вѣрнѣе, габсбургской политики. Этой политикѣ онъ оставался вѣренъ и тогда, когда случай сдѣлалъ его императоромъ. (Первоначально коллегія курфюрстовъ-избирателей предложила корону богемскому королю Оттокару II, который почему-то отказался, и тогда выборъ палъ на Рудольфа Габсбурга.) Можно

даже сказать, что съ тѣхъ поръ роли между Австріей и имперіей перемѣнились: не Австрія служила имперіи, а наоборотъ имперія служила Австріи, обезпечивала ея возрастаніе и помогала ея возвеличенію. Обстоятельства сложились такъ, что Рудольфъ на первыхъ же порахъ нѣкоторымъ образомъ вынужденъ былъ вступить въ борьбу на жизнь и смерть съ двумя могущественными въ то время сосѣдями Австріи, сильно препятствовавшими ея росту — съ Венгріей и Богеміей. Во время междуцарствія, наступившаго въ Австріи послѣ смерти послѣдняго Бобенберга, Оттокаръ II богемскій и Бела IV венгерскій присвоили себѣ австрійскія земли, такъ что, когда, черезъ 27 лѣтъ, законный, въ силу императорскаго назначенія, государь Австріи, Рудольфъ, явился вступать во владѣніе своею собственностію, ему пришлось отнимать ее у грабителей силою. Очень можетъ быть, что безъ этого обстоятельства и габсбургская политика сложилась бы нѣсколько иначе если не въ общемъ, то по крайней мѣрѣ въ частностяхъ, и именно по отношенію къ Богеміи. Но это рѣшило ея направленіе, сразу же давъ ему ту почву, которая необходима была габсбургамъ, въ силу ихъ двойственныхъ интересовъ — какъ государей австрійскихъ и какъ императоровъ германскихъ. Начиная съ Рудольфа, габсбурги стали неутомимо и неуклонно стараться уничтожить государственную самостоятельность Богеміи и Венгріи, втянуть ихъ въ свою политику и подчинить ихъ сначала своему вліянію, а потомъ и господству. Относительно Венгріи это обусловливалось причинами весьма естественными: покуда Венгрія оставалась самостоятельнымъ и сильнымъ королевствомъ, Австрія не имѣла выхода къ морю, такъ какъ все адріатическое поморье, за исключеніемъ Дубровницкой республики и вольнаго города Тріеста, находилось во владѣніи Венгріи, которая еще за полтораста слишкомъ лѣтъ передъ тѣмъ присоединила къ себѣ (по добровольному соглашенію и на правахъ политической автономіи, 1102 г.) Хорватію и Славонію, а вскорости послѣ того завоевала почти всю Далматію. Это положеніе обусловливало для Австріи жизненную необходимость борьбы на жизнь и смерть съ Венгріей, совершенно такъ, какъ подобное же естественное стремленіе къ морю обусловливало борьбу Россіи съ Швеціей на сѣверѣ, съ Турціей на югѣ, а также и съ Польшей, которая своей завоевательною политикой въ Украйнѣ стояла поперекъ русской дороги къ Черному морю. Положеніе Австріи въ этомъ отношеніи было даже гораздо хуже положенія Россіи, такъ какъ Россія, сокрушивъ силу своихъ враговъ, имѣла полную возможность не добивать ихъ до конца, великодушно оставить имъ жизнь. Австріи и такое великодушіе не было позволено. Она вынуждена была, ради собственнаго своего существованія, непремѣнно поглотить совсѣмъ Венгрію. Ибо въ противномъ случаѣ она сама никогда не могла бы стать самостоятельною, не могла бы эманципироваться отъ мелочной имперской политики и въ концѣ концовъ превратилась бы въ такого же безсильнаго, атрофированнаго

играютъ замѣтную роль, хотя и не столь выдающуюся, какъ мадьяры и поляки. Затѣмъ, во весь періодъ мадьярско-хорватско-далматинскихъ войнъ (1389 и 1427—9 гг.), когда сербы, уже утратившіе политическую самостоятельность, шли вмѣстѣ съ турками, мы постоянно видимъ нѣмцевъ въ рядахъ христіанъ. Участвовали они далѣе и во всѣхъ славныхъ походахъ Ивана Гуніоза, и въ несчастномъ погромѣ христіанскихъ войскъ при Варнѣ (1448 г.), и во второй битвѣ на Коссовомъ полѣ (1448 г.). Изъ этого бѣглаго перечня видно, что Австрія ни въ какую эпоху своего существованія не переставала исполнять свою, прямую задачу—бороться съ варварами. Разница лишь въ томъ, что до начала XVI столѣтія она играла роль второстепенную, слѣдовала за другими, увлекаемая общимъ потокомъ событій, тогда какъ въ XVI ст. выступаетъ уже самостоятельнымъ и первенствующимъ факторомъ, вполнѣ сознательно преслѣдующимъ свои опредѣленные интересы, которымъ заставляетъ служить и другихъ.

Однако и въ предшествовавшей XVI ст. исторіи Австріи надо отличать два періода, рѣзко разнящіеся между собою по характеру. Эти два періода обнимаютъ собою: первый—время отъ возникновенія Австріи въ X вѣкѣ до половины XIII (1246 г.), когда погибъ въ битвѣ съ мадьярами послѣдній представитель первой австрійской династіи, Фридрихъ Бобенбергъ; второй—отъ 1273 года, когда въ Австріи впервые появился тотъ политическій факторъ, который сдѣлался центромъ государственнаго развитія этой страны и опредѣлилъ ея роль въ исторіи: факторъ этотъ—Габсбурги. Въ первомъ періодѣ *германцы* вели борьбу *съ варварами*, все равно какъ бы они ни назывались. Имперская «восточная марка» не успѣла еще окончательно развиться въ отдѣльный самостоятельный организмъ—Австрію и роль ея, по отношенію къ Востоку, была поэтому часто пассивная, а борьба—оборонительная. Она мало нападала; она только защищалась и защищала свою мать—имперію, во внутреннихъ распряхъ которой принимала живѣйшее участіе. Самое расширеніе Австріи происходило больше на счетъ имперскихъ же нѣмецкихъ владѣній. Въ сторону Востока она пріобрѣла только полуславянскую, полунѣмецкую Штирію, да и то по наслѣдству, а не оружіемъ, и уже въ самомъ концѣ перваго періода, при предпослѣднемъ изъ Бобенберговъ, которые всѣ почти были людьми очень воинственными, но политическимъ геніемъ не отличались. Рудольфъ Габсбургскій, основатель нынѣшней династіи, былъ, напротивъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего вѣка. Онъ первый положилъ начало органической особности Австріи, первый указалъ ей путь и придалъ ея стихійной борьбѣ съ варварами характеръ послѣдовательной политики, самостоятельной и самобытной *австрійской*, или, вѣрнѣе, габсбургской политики. Этой политикѣ онъ оставался вѣренъ и тогда, когда случай сдѣлалъ его императоромъ. (Первоначально коллегія курфюрстовъ-избирателей предложила корону богемскому королю Оттокару II, который почему-то отказался, и тогда выборъ палъ на Рудольфа Габсбурга). Можно

даже сказать, что съ тѣхъ поръ роли между Австріей и имперіей перемѣнились: не Австрія служила имперіи, а наоборотъ имперія служила Австріи, обезпечивала ея возрастаніе и помогала ея возвеличенію. Обстоятельства сложились такъ, что Рудольфъ на первыхъ же порахъ нѣкоторымъ образомъ вынужденъ былъ вступить въ борьбу на жизнь и смерть съ двумя могущественными въ то время сосѣдями Австріи, сильно препятствовавшими ея росту — съ Венгріей и Богеміей. Во время междуцарствія, наступившаго въ Австріи послѣ смерти послѣдняго Бобенберга, Оттокаръ II богемскій и Бела IV венгерскій присвоили себѣ австрійскія земли, такъ что, когда, черезъ 27 лѣтъ, законный, въ силу императорскаго назначенія, государь Австріи, Рудольфъ, явился вступить во владѣніе своею собственностію, ему пришлось отнимать ее у грабителей силою. Очень можетъ быть, что безъ этого обстоятельства и габсбургская политика сложилась бы нѣсколько иначе если не въ общемъ, то по крайней мѣрѣ въ частностяхъ, и именно по отношенію къ Богеміи. Но это рѣшило ея направленіе, сразу же давъ ему ту почву, которая необходима была габсбургамъ, въ силу ихъ двойственныхъ интересовъ — какъ государей австрійскихъ и какъ императоровъ германскихъ. Начиная съ Рудольфа, габсбурги стали неутомимо и неуклонно стараться уничтожить государственную самостоятельность Богеміи и Венгріи, втянуть ихъ въ свою политику и подчинить ихъ сначала своему вліянію, а потомъ и господству. Относительно Венгріи это обусловливалось причинами весьма естественными: покуда Венгрія оставалась самостоятельнымъ и сильнымъ королевствомъ, Австрія не имѣла выхода къ морю, такъ какъ все адріатическое побережье, за исключеніемъ Дубровницкой республики и вольнаго города Тріеста, находилось во владѣніи Венгріи, которая еще за полтораста слишкомъ лѣтъ передъ тѣмъ присоединила къ себѣ (по добровольному соглашенію и на правахъ политической автономіи, 1102 г.) Хорватію и Славонію, а вскорости послѣ того завоевала почти всю Далматію. Это положеніе обусловливало для Австріи жизненную необходимость борьбы на жизнь и смерть съ Венгріей, совершенно такъ, какъ подобное же естественное стремленіе къ морю обусловливало борьбу Россіи съ Швеціей на сѣверѣ, съ Турціей на югѣ, а также и съ Польшей, которая своей завоевательною политикой въ Украйнѣ стояла поперекъ русской дороги къ Черному морю. Положеніе Австріи въ этомъ отношеніи было даже гораздо хуже положенія Россіи, такъ какъ Россія, сокрушивъ силу своихъ враговъ, имѣла полную возможность не добивать ихъ до конца, великодушно оставить имъ жизнь. Австріи и такое великодушіе не было позволено. Она вынуждена была, ради собственнаго своего существованія, непремѣнно поглотить совсѣмъ Венгрію. Ибо въ противномъ случаѣ она сама никогда не могла бы стать самостоятельною, не могла бы эманципироваться отъ мелочной имперской политики и въ концѣ концовъ превратилась бы въ такого же безсильнаго, атрофированнаго

играють замѣтную роль, хотя и не столь выдающуюся, какъ мадьяры и поляки. Затѣмъ, во весь періодъ мадьярско-хорватско-далматинскихъ войнъ (1389 и 1427—9 гг.), когда сербы, уже утратившіе политическую самостоятельность, шли вмѣстѣ съ турками, мы постоянно видимъ нѣмцевъ въ рядахъ христіанъ. Участвовали они далѣе и во всѣхъ славныхъ походахъ Ивана Гуніоза, и въ несчастномъ походѣ христіанскихъ войскъ при Варнѣ (1448 г.), и во второй битвѣ на Коссовомъ полѣ (1448 г.). Изъ этого бѣглаго перечня видно, что Австрія ни въ какую эпоху своего существованія не переставала исполнять свою, прямую задачу—бороться съ варварами. Разница лишь въ томъ, что до начала XVI столѣтія она играла роль второстепенную, слѣдовала за другими, увлекаемая общимъ потокомъ событій, тогда какъ въ XVI ст. выступаетъ уже самостоятельнымъ и первенствующимъ факторомъ, вполнѣ сознательно преслѣдующимъ свои опредѣленные интересы, которымъ заставляетъ служить и другихъ.

Однако и въ предшествовавшей XVI ст. исторіи Австріи надо отличать два періода, рѣзко разнящіеся между собою по характеру. Эти два періода обнимаютъ собою: первый—время отъ возникновенія Австріи въ X вѣкѣ до половины XIII (1246 г.), когда погибъ въ битвѣ съ мадьярами послѣдній представитель первой австрійской династіи, Фридрихъ Бобенбергъ; второй—отъ 1273 года, когда въ Австріи впервые появился тотъ политическій факторъ, который сдѣлался центромъ государственнаго развитія этой страны и опредѣлилъ ея роль въ исторіи: факторъ этотъ—Габсбурги. Въ первомъ періодѣ *германцы* вели борьбу *съ варварами*, все равно какъ бы они ни назывались. Имперская «восточная марка» не успѣла еще окончательно развиться въ отдѣльный самостоятельный организмъ—Австрію и роль ея, по отношенію къ Востоку, была поэтому часто пассивная, а борьба—оборонительная. Она мало нападала; она только защищалась и защищала свою мать—имперію, во внутреннихъ распряхъ которой принимала живѣйшее участіе. Самое расширеніе Австріи происходило больше на счетъ имперскихъ же нѣмецкихъ владѣній. Въ сторону Востока она пріобрѣла только полуславянскую, полунѣмецкую Штирію, да и то по наслѣдству, а не оружіемъ, и уже въ самомъ концѣ перваго періода, при предпослѣднемъ изъ Бобенберговъ, которые всѣ почти были людьми очень воинственными, но политическимъ геніемъ не отличались. Рудольфъ Габсбургскій, основатель нынѣшней династіи, былъ, напротивъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего вѣка. Онъ первый положилъ начало органической особности Австріи, первый указалъ ей путь и придалъ ея стихійной борьбѣ съ варварами характеръ послѣдовательной политики, самостоятельной и самобытной *австрійской*, или, вѣрнѣе, габсбургской политики. Этой политикѣ онъ оставался вѣренъ и тогда, когда случай сдѣлалъ его императоромъ. (Первоначально коллегія курфюрстовъ-избирателей предложила корону богемскому королю Оттокару II, который почему-то отказался, и тогда выборъ палъ на Рудольфа Габсбурга.). Можно

даже сказать, что съ тѣхъ поръ роли между Австріей и имперіей перемѣнились: не Австрія служила имперіи, а наоборотъ имперія служила Австріи, обезпечивала ея возрастаніе и помогала ея возвеличенію. Обстоятельства сложились такъ, что Рудольфъ на первыхъ же порахъ нѣкоторымъ образомъ вынужденъ былъ вступить въ борьбу на жизнь и смерть съ двумя могущественными въ то время сосѣдями Австріи, сильно препятствовавшими ея росту — съ Венгріей и Богеміей. Во время междуцарствія, наступившаго въ Австріи послѣ смерти послѣдняго Бабенберга, Оттокаръ II богемскій и Бела IV венгерскій присвоили себѣ австрійскія земли, такъ что, когда, черезъ 27 лѣтъ, законный, въ силу императорскаго назначенія, государь Австріи, Рудольфъ, явился вступить во владѣніе своею собственностію, ему пришлось отнимать ее у грабителей силою. Очень можетъ быть, что безъ этого обстоятельства и габсбургская политика сложилась бы нѣсколько иначе если не въ общемъ, то по крайней мѣрѣ въ частностяхъ, и именно по отношенію къ Богеміи. Но это рѣшило ея направленіе, сразу же давъ ему ту почву, которая необходима была габсбургамъ, въ силу ихъ двойственныхъ интересовъ — какъ государей австрійскихъ и какъ императоровъ германскихъ. Начиная съ Рудольфа, габсбурги стали неутомимо и неуклонно стараться уничтожить государственную самостоятельность Богеміи и Венгріи, втянуть ихъ въ свою политику и подчинить ихъ сначала своему вліянію, а потомъ и господству. Относительно Венгріи это обусловливалось причинами весьма естественными: покуда Венгрія оставалась самостоятельнымъ и сильнымъ королевствомъ, Австрія не имѣла выхода къ морю, такъ какъ все адріатическое побережье, за исключеніемъ Дубровницкой республики и вольнаго города Тріеста, находилось во владѣніи Венгріи, которая еще за полтораста слишкомъ лѣтъ передъ тѣмъ присоединила къ себѣ (по добровольному соглашенію и на правахъ политической автономіи, 1102 г.) Хорватію и Славонію, а вскорости послѣ того завоевала почти всю Далматію. Это положеніе обусловливало для Австріи жизненную необходимость борьбы на жизнь и смерть съ Венгріей, совершенно такъ, какъ подобное же естественное стремленіе къ морю обусловливало борьбу Россіи съ Швеціей на сѣверѣ, съ Турціей на югѣ, а также и съ Польшей, которая своей завоевательною политикой въ Украйнѣ стояла поперекъ русской дороги къ Черному морю. Положеніе Австріи въ этомъ отношеніи было даже гораздо хуже положенія Россіи, такъ какъ Россія, сокрушивъ силу своихъ враговъ, имѣла полную возможность не добивать ихъ до конца, великодушно оставить имъ жизнь. Австріи и такое великодушіе не было позволено. Она вынуждена была, ради собственнаго своего существованія, непремѣнно поглотить совсѣмъ Венгрію. Ибо въ противномъ случаѣ она сама никогда не могла бы стать самостоятельною, не могла бы эманципироваться отъ мелочной имперской политики и въ концѣ концовъ превратилась бы въ такого же безсильнаго, атрофированнаго

члена Германскаго Союза, какими мы нынѣ видимъ Баварію и Саксонію, тоже въ свое время пользовавшихся эфемернымъ величіемъ. Эгоистическіе инстинкты Габсбурговъ вѣрно подсказали имъ единственный путь, на которомъ они могутъ прочно основать свое могущество, и они пошли по этому пути. Сомнительно, чтобъ уже Рудольфъ Габсбургскій или его ближайшіе наслѣдники точно и ясно отдавали себѣ отчетъ въ преимущественной важности для нихъ Венгріи и Востока, въ сферу котораго они были вовлечены отчасти именно своими отношеніями къ Венгріи. Вполнѣ опредѣленно восточная «миссія» Австріи была формулирована только Евгеніемъ Савойскимъ, кромѣ австро-турецкихъ войнъ, дѣйствовавшимъ уже въ XVIII столѣтіи (онъ впервые выступилъ на сцену въ 1691 г.). Но несомнѣнно, что, съ самаго своего водворенія въ Австріи, Габсбурги именно за восточныя свои пріобрѣтенія ухватились съ особенною цѣпкостію и крѣпко держали ихъ. Что разъ попадало въ ихъ когти, тому уже не легко было ускользнуть оттуда. Это отнюдь не мѣшало имъ, главнымъ образомъ при помощи политическихъ браковъ *), усиленно распространять господство своего дома во всѣ стороны: на западъ, на югъ и на сѣверъ. Но къ тѣмъ пріобрѣтеніямъ, которыя имъ удавалось сдѣлать тамъ, они относились довольно равнодушно и сравнительно легко мирились съ утратой ихъ. Конечно, добровольно они нигдѣ ничего не уступали (впрочемъ, кто же и другой-то дѣлалъ это?). Каждую провинцію, каждый клочокъ земли, разъ подпавшіе подъ власть ихъ дома, они отстаивали очень упорно и всегда прибѣгали къ исконной вѣковъ и до нашихъ дней обычнымъ въ такихъ случаяхъ жестокостямъ. Но это отстаиваніе не переходило извѣстныхъ границъ и въ особенности не могло подвинуть ихъ ни на какой рискъ, тогда какъ изъ-за восточныхъ пріобрѣтеній своихъ они, не задумываясь, рисковали всѣмъ. Не только какую-нибудь провинцію, хотя бы и ихъ собственную съ болѣе или менѣе давнихъ поръ, какъ, напримѣръ, Швейцарію или Фландрію, но и всю Германскую имперію вмѣстѣ взятую забывали Габсбурги абсолютно, какъ скоро хоть малѣйшая опасность грозила Австріи со стороны Востока. Въ XVII столѣтіи, напримѣръ, имперія находилась въ самомъ жалкомъ состояніи, до какого только можетъ дойти государство. Людовикъ XIV распоряжался въ ней самовластно, а германскіе владѣтельные князья были просто его вассалами. Но Габсбурги и вниманія на это не обращали, хотя имперская

*) Тоже путь, указанный Рудольфомъ, на которомъ его потомки были только достойными подражателями своего славнаго предка. Побѣдивъ окончательно Оттокара II, но чувствуя еще себя и Австрію безсильными тотчасъ же поглотить Богемское королевство, Рудольфъ позаботился прежде всего обезпечить будущее двойнымъ бракомъ. Къ превеликому скандалу не только Богеміи, но и всей имперіи, онъ торжественно обвѣнчалъ въ Игловѣ своихъ сына и дочь съ дочерью и сыномъ Оттокара, хотя женихамъ было въ то время одному 7, а другому 9 лѣтъ, невѣстамъ же и того меньше.

корона блистала на ихъ головѣ. Страсбургъ, собственное ихъ владѣніе, взятъ, Эльзасъ завоеванъ французами, дѣлаются приготовленія перейти Рейнъ. Что за дѣло Габсбургамъ! Они заняты на Востокѣ. Правда, въ это время Турція безпрестанно нападала на нихъ. Франція, давно уже сдѣлавшая своею политическою задачей борьбу съ Габсбургами, успѣла утвердить свое вліяніе въ Портѣ и усиленно интриговала тамъ противъ Австріи, побуждая султановъ къ войнѣ съ нею. Но Габсбурги въ дѣлѣ интригъ могли поспорить съ кѣмъ угодно. Это была ихъ, такъ сказать, родная стихія. А такъ какъ невѣжественные, рѣшительно ничѣмъ не ограниченные въ своей деспотической власти султаны очень легко поддавались чужому вліянію, особенно если оно проводилось подъ маской непомѣрной лести и притворной покорности, да и совѣтниковъ султанскихъ можно было отъ перваго до послѣдняго купить за сравнительно весьма недорогую цѣну, то, надо полагать, Габсбурги, еслибъ они серьезно желали этого, могли бы безъ особеннаго труда заручиться расположеніемъ султана и временно обезпечить себѣ миръ съ Турціей. Но они никогда особенно не старались объ этомъ и, напротивъ, даже тогда, когда турки нападали не на нихъ, а на кого-нибудь изъ сосѣдей, и тѣ кликали кличъ къ христіанскому міру, призывая его на борьбу съ невѣрными варварами того времени (это былъ общій обычай того времени, сохраняемый, впрочемъ, и нынѣ), Габсбурги первые откликались на это воззваніе и непремѣнно участвовали во всякой коалиціи противъ турокъ, большею частію становясь во главѣ ея и первые открывая военныя дѣйствія (Лепантская битва 1571 г. подъ командой Донъ-Жуана Австрійскаго; первый «священный союзъ», съ участіемъ Россіи, въ 1686 году и проч.). Если иногда Габсбурги вступали въ мимолетныя дружественныя отношенія съ невѣрными турками и пользовались ихъ услугами, то единственно когда это требовалось имъ, чтобы нанести вредъ христіанской Венеціи, съ которою Австрія, опять-таки вслѣдствіе стремленія своего къ Адріатикѣ и къ Востоку, боролась такъ же ожесточенно, какъ и съ мусульманскими варварами.

Не жертвуя никогда спеціальными австрійскими интересами таковымъ же интересамъ имперскимъ, Габсбурги всегда, однако же, очень ловко эксплуатировали имперію въ пользу Австріи. Междоусобицы имперскихъ господарей, желаніе имперіи распространить свое могущество — все это служило Габсбургамъ орудіемъ для усиленія Австріи въ сторону Востока. Такъ, императоръ Максимиліанъ I, при которомъ Швейцарія, въ 1499 г., отдѣлилась отъ Австріи, шесть лѣтъ спустя, воспользовавшись возникшею около того времени въ имперіи внутреннею войной изъ-за баварскаго наслѣдства, заставилъ имперію заплатить ему за мирное посредничество между врагами не помощію противъ швейцарцевъ, а уступкой Австріи имперскихъ владѣній, расположенныхъ на устьяхъ рѣки Дравы и Изонцы. Тотъ же императоръ, нуждаясь въ издержкахъ для войны съ ни мало не

интересовавшею имперію Венгріей, увѣрялъ имперскій сеймъ, будто «надѣется преподнести Германской имперіи короны Венгерскую и Богемскую, если только имперскіе государи помогутъ ему привести къ покорности венгерцевъ». Это обѣщаніе не разъ повторялось и наслѣдниками Максимиліана, хотя ни одинъ изъ нихъ и не пытался выполнить его, а напротивъ, даже и въ то время, когда Венгрія была уже окончательно поглощена Австріей, Габсбурги очень старательно держали ее внѣ имперскаго союза.

Приведенныхъ примѣровъ, кажется, какъ достаточно, чтобы доказать, что Габсбургская Австрія издревле стремилась на Востокъ. И надо замѣтить, что это стремленіе было до извѣстной степени взаимнымъ. Если и нельзя сказать, что Востокъ, съ своей стороны, такъ же неудержимо стремился къ Австріи, какъ она къ нему, то онъ ее и не отталкивалъ. Она въ немъ находила благодарную почву, въ которую ей легко было пускать корни и рости въ ней. Стремленіе къ Востоку отнюдь не мѣшало Габсбургамъ распространяться, большею частію посредствомъ браковъ, и во всѣ другія стороны. Одно время этотъ домъ грозилъ занять своими представителями чуть не всѣ троны Европы и осуществить, въ видѣ фамильнаго владычества, идею всемірной монархіи. Кромѣ наслѣдственныхъ австрійскихъ земель: Богеміи, Венгріи, Хорватіи съ Славоніей и Далматіей, Габсбургамъ, въ свое время, принадлежали: Швейцарія, часть Баваріи, часть Эльзаса, Фландрія, Нидерланды, Испанія, со всѣми ея необъятными владѣніями, и значительная часть Италіи. Но тогда какъ всѣ эти благопріобрѣтенія Габсбурговъ одно за другимъ ускользали изъ-подъ ихъ власти, тѣ, которыя открывали имъ путь на Востокъ, напротивъ, становились ихъ прочною собственностью. Габсбургская политика на Западѣ и Югѣ потерпѣла полное фіаско; одна восточная имѣла успѣхъ, который съ теченіемъ времени только увеличивался. Этого нельзя объяснить однимъ тѣмъ, что на Востокѣ Габсбурги имѣли дѣло съ варварами, врагами всего христіанскаго міра, отъ которыхъ они отстаивали цивилизованную (вѣрнѣе—цивилизующуюся) Европу. Венеціанцы не были ни варварами, ни врагами христіанскаго міра, а между тѣмъ тѣ, не чисто итальянскія части Адріатическаго побережья, которыя Австрія отвоевала у Венеціи, плотно приросли къ ней, тогда какъ итальянскія отпали и, разумѣется, никогда не вернутся вновь, такъ что существовавшей когда-то надеждѣ сдѣлать Адріатическое море австрійскимъ озеромъ суждено на вѣки остаться несбыточною мечтой. И Богемія не можетъ разсматриваться какъ входящая въ сферу «антиварварской» миссіи Австріи. Чехія никогда почти не приходила въ прямое столкновеніе съ азіятскими варварами, соединившаяся же съ нею Моравія подвергалась ихъ нападеніямъ въ первый изъ указанныхъ выше періодовъ австрійской исторіи, т. е. тогда, когда Австрія не была еще вполнѣ самостоятельнымъ факторомъ. Впослѣдствіи собственно турки только посредственно, черезъ Габсбургскую Австрію, касались Моравіи и Чехіи, а между тѣмъ Богемское королевство тоже на-

всегда осталось за Габсбургами. Наконецъ, Испанія, подобно Австріи, хотя и не такъ исключительно, вела борьбу съ варварами. Но отъ блестящей монархіи Карла V не осталось и слѣда, а его наслѣдники, испанскіе Габсбурги, въ конецъ убили Испанію, погрузивъ ее въ мракъ религіознаго фанатизма и его неизмѣннаго спутника—невѣжества; тогда какъ, немногимъ уступавшіе въ фанатизмѣ своимъ испанскимъ родственникамъ, австрійскіе Габсбурги основали могущественное государство, устоявшее противъ безчисленныхъ бурь внѣшнихъ и внутреннихъ. Необходимо, слѣдовательно, предположить, что были иныя, болѣе глубокія причины роста Австріи и успѣха восточной политики Габсбурговъ, и причинъ этихъ надо искать во внутреннихъ условіяхъ жизни тѣхъ земель и народовъ, которые составляютъ нынѣшнюю Австро-Венгерскую монархію. Ясное указаніе на эти причины доставляетъ ближайшее разсмотрѣніе настоящихъ и бывшихъ владѣній Габсбургскаго дома не столько съ географической, сколько съ этнографической точки зрѣнія. Разбирая ее по народностямъ, которыя она прочно захватывала въ сферу своего воздѣйствія, политикѣ Габсбурговъ приходится почти дать иное названіе, и именно вмѣсто *восточной* назвать ее *славянской*. Дѣйствительно, трудно не видѣть того поразительнаго факта, что только земли, первоначально занятыя славянскими племенами и гдѣ славянскій элементъ подвергся сильному напору чуждыхъ народностей,—только эти земли крѣпко срослись съ Австріей и черезъ нее прочно связались между собою. Это обстоятельство даетъ, по нашему мнѣнію, ключъ къ уразумѣнію того, необъяснимаго иначе, явленія, что одна и та же политика насильственныхъ захватовъ,—политика абсолютно-эгоистическая, никогда не преслѣдовавшая никакихъ идеальныхъ цѣлей, кромѣ цѣлей распространенія фамильнаго могущества,—въ различныхъ сторонахъ приводила къ различнымъ, прямо противуположнымъ, результатамъ: на Западѣ и Югѣ терпѣла пораженіе, а въ центрѣ и на Востокѣ сопровождалась непрерываемымъ успѣхомъ. Въ германскомъ и романскомъ мірахъ *Австріи нечего было дѣлать*. Тамъ Габсбурги съ перваго и до послѣдняго момента были тѣмъ, чѣмъ мы недавно видѣли ихъ въ Италіи: представителями деспотическаго самовластія и обскурантизма, поддерживаемыхъ однимъ внѣшнимъ насиліемъ, безъ малѣйшаго подобія культурной задачи. Они не способствовали естественному историческому развитію народовъ, а задерживали и подавляли его, то-есть являлись началомъ безусловно злымъ и вреднымъ. Въ славянскомъ же мірѣ, въ силу условій мѣста и времени, эти самые Габсбурги явились источниками жизни и защитниками слабыхъ противъ сильныхъ. Помимо своей воли и совершенно безсознательно, они служили тамъ идеальнымъ цѣлямъ исторіи и исполняли великую культурную задачу. По странному капризу исторіи, которая заключаетъ въ себѣ много подобныхъ чудесъ, именно худшая сторона габсбургской политики—ея исключительный фамильный эгоизмъ—сдѣлалась въ славянскихъ земляхъ орудіемъ добра и пользы. Она заставила Габсбур-

говъ съ самаго начала играть тамъ ту роль, которая внушила Палацкому его знаменитое изреченіе, что «еслибы Австріи не было, ее слѣдовало бы выдумать». Эта роль заключалась въ *сохраненіи равновѣсія*. Только въ то время, о которомъ мы говоримъ, Австрія сохраняла не равновѣсіе европейскихъ державъ, которое имѣлъ въ виду Палацкій, *а гораздо болѣе важное равновѣсіе — равновѣсіе народностей*. Своимъ возникновеніемъ она помѣшала сильнымъ нѣмцамъ, мадьярамъ, итальянцамъ поглотить слабыя славянскія народности и помогла этимъ послѣднимъ сохранить свой племенной духъ и національную самобытность.

Этой задачѣ Австріи нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что чехи и моравaне составляли уже большое и сильное славянское королевство въ то время, какъ, руководимая Габсбургами, Австрія едва начала укрѣпляться. Вникая въ условія и нравы того времени, трудно не придти къ убѣжденію, что величіе Богеміи было такъ же эфемерно, какъ и временное величіе Моравскаго царства, и что славянству въ ней грозила смертельная опасность. То была смутная эпоха, въ особенности въ занимающей насъ части Европы,—эпоха всеобщаго броженія еще не вполнѣ осѣвшихъ народностей, всеобщей анархіи и войны всѣхъ противъ всѣхъ. Ни одно государство не вошло еще въ точные предѣлы, границы ихъ мѣнялись безпрестанно, владѣнія переходили изъ рукъ въ руки и населенія двигались массами съ одного мѣста на другое. Отсутствіе сильной центральной власти и безпрерывныя распри феодаловъ, не задумывавшихся призывать къ себѣ на помощь иноземцевъ, дѣлали внутреннее положеніе каждаго государства вполнѣ соотвѣтствующимъ внѣшнему: вездѣ царилъ хаосъ. Въ особенности Чехія и Моравія были раздираемы внутренними междоусобицами, приводившими ихъ въ безпрестанное столкновеніе съ нѣмцами, которые и безъ того окружали Богемію съ трехъ сторонъ и постоянно съ страшною силой напирали на нее. Она долгое время побѣдоносно сопротивлялась этому напору, но, отрѣзанная отъ моря, она могла устоять до конца лишь въ такомъ случаѣ, еслибы соединилась съ Польшей. Такъ какъ этого не случилось, то ей, очевидно, предстояло рано или поздно пасть въ борьбѣ, тѣмъ болѣе, что нѣмцы проникали туда не въ качествѣ воиновъ только, а въ качествѣ колонистовъ. Они начали селиться тамъ еще до образованія королевства съ X вѣка и это движеніе никогда не прекращалось. При своемъ появленіи, въ концѣ XIII столѣтія, Рудольфъ Габсбургскій нашелъ Моравію чуть не на половину заселенною нѣмцами и въ особенности города сплошь нѣмецкими. Князья чешскіе и моравскіе, а впослѣдствіи короли богемскіе, не только не мѣшали нѣмцамъ колонизировать ихъ славянскія земли, но еще сами старались заманить ихъ туда, цѣня ихъ культурность и ихъ способность къ труду и не подозрѣвая, какая опасность кроется въ этихъ носителяхъ культуры. Даже немногіе національные короли богемскіе, и притомъ лучшіе изъ нихъ, какъ Оттокаръ II и Георгъ Подѣбрадъ (1437 г.), продолжали

призывать нѣмцевъ, жаловали имъ особенныя права и преимущества и сами, при своемъ дворѣ и въ семействѣ, говорили не иначе, какъ по-нѣмецки.

Объ Оттокарѣ одинъ чешскій писатель того времени восклицаетъ: «Какъ жаль, что такой мудрый, великій и славный государь *не умѣлъ говорить на своемъ родномъ языкѣ!»* Но особенно усилилось нѣмецкое наводненіе, а главное — привилегіи нѣмцевъ при короляхъ Люксамбургскаго дома, единственной династіи, успѣвшей какъ-то сдѣлаться наслѣдственной на богемскомъ престолѣ. Въ этой династіи выдался одинъ король, Карлъ I (какъ императоръ—IV), основатель Пражскаго университета, котораго чехи и до сихъ поръ вспоминаютъ съ благодарностью. Онъ любилъ Прагу и старался поднять и развить именно чешскій элементъ. Но послѣ его смерти дѣла приняли прежній оборотъ, то-есть нѣмцы стали опять наводнять страну, занимать въ ней лучшія и вліятельнѣйшія мѣста и отовсюду вытѣснять національные славянскіе элементы. Самыя религіозныя войны носятъ въ Богеміи, особенно въ началѣ ихъ, такой сильный отпечатокъ соціальный и національный, что въ нихъ нельзя не видѣть народнаго протеста противъ внутренняго гнета нѣмцевъ. Впрочемъ, этотъ гнетъ не разъ вызывалъ сильное, но, къ сожалѣнію, безуспѣшное противодѣйствіе и раньше. Крестьянскія возстанія начали происходить еще въ XIII вѣкѣ. Внѣшняя исторія Богеміи того времени полна войнами съ разными нѣмецкими государями, большею частію съ саксонскими и съ бранденбургскими, владѣнія которыхъ граничили съ богемскими. Это сосѣдство было особенно опасно для славянъ, потому что подвергало ихъ напору именно сѣверныхъ нѣмцевъ, которые въ несравненно большей степени, чѣмъ южные, къ которымъ принадлежатъ австрійцы, обладаютъ способностью къ ассимилированію и другимъ страшнымъ оружіемъ нѣмцевъ—ихъ непомѣрною плодовитостью. Нѣмцы не безъ основанія называютъ себя «культуртрегерами». Они безспорно много способствовали *распространенію* культуры. Но тогда, какъ южные нѣмцы, переселяясь въ какую-нибудь страну и становясь въ ней центромъ культуры, дѣлятся этою культурой съ мѣстными и сосѣдними населеніями, пріобщаютъ ихъ къ ней (такими центрами были сначала Мёлькъ—резиденція Бобенберговъ, потомъ Вѣна),—сѣверные нѣмцы культивируютъ исключительно только страну. Они превосходно обрабатываютъ землю, заводятъ правильное хозяйство, основываютъ города и въ нихъ промышленность и торговлю. Но туземное населеніе они истребляютъ. Плодясь истинно какъ тараканы, они выпираютъ его изъ страны, а немногое, которое остается, ассимилируютъ. Несмотря на близость Богеміи, славянство въ Лужичахъ пропало почти безслѣдно. Кое-гдѣ теплятся лишь искорки, но разгорѣться яркимъ пламенемъ онѣ едва ли могутъ,—матеріала нѣтъ. Австрійская Силезія—насквозь славянская, несмотря на присутствіе въ ней нѣмцевъ, въ видѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, а въ

прусской — славянство начало было замирать окончательно и нужна была вся сила электрическихъ батарей благодѣтельнаго бисмарковскаго культуркампфа, чтобъ оживить его вновь. Давно ли Познань попала въ руки пруссаковъ, а они ужь добрую долю ея захватили въ свои руки. Тутъ, какъ и вездѣ, они механически вытѣсняютъ населеніе. Оно уходило частію въ Россію, частію въ Америку, а мѣсто умершихъ немедленно занимаетъ цѣлая туча нѣмцевъ. Та же участь ждала и Богемію, еслибъ она однѣми своими силами принуждена была бороться съ своими сосѣдями, сѣверными нѣмцами. Въ этомъ отношеніи Габсбурги несомнѣнно спасли славянство въ Богеміи, хотя они и погубили ея государственную независимость. Мнѣніе, будто они издавна старались нѣмечить Богемію, лишено всякаго основанія.

Даже самый гибельный для Богеміи, какъ для королевства, Габсбургъ, отличавшійся звѣрскою жестокостью, Фердинандъ II — и тотъ не пытался усиливать нѣмецкій элементъ въ Богеміи. Окончательно подчинивъ ее Австріи послѣ битвы при Бѣлой-Горѣ (1680 г.), онъ, правда, чтобы разъ навсегда сломить силу враждебныхъ ему чешскихъ феодаловъ, наводнилъ страну чужеземнымъ дворянствомъ, пожаловавъ въ князья и графы разныхъ проходимцевъ, служившихъ въ его арміи. Но это были проходимцы всевозможныхъ національностей: испанцы, итальянцы, валлонцы, французы; нѣмцы составляли незначительное меньшинство въ этомъ сбродѣ. Вообще стремленіе къ онѣмеченію составляетъ въ Австріи явленіе самаго послѣдняго времени. Неудачно начатое Іосифомъ II, оно приняло характеръ опредѣленной системы уже на нашихъ глазахъ, да и теперь это политика не короны, а самого нѣмецкаго общества. Первымъ же Габсбургамъ было невыгодно поощрять одну какую-нибудь народность преимущественно передъ всѣми остальными и менѣе всего выгодно особенно усиливать нѣмецкую, потому что вмѣстѣ съ нею усиливались бы и ихъ связи съ Германской имперіей, а они отъ нихъ всегда старались эманципировать ее. Они хотѣли и, при помощи своей хитрой попытки, успѣли себѣ подчинить имперію, а не сами подчиняться ей *). Это-то и

*) Какъ сильно Габсбурги стремились сдѣлаться независимыми отъ имперской власти не только фактически, но и юридически, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что они еще въ половинѣ XIV столѣтія вчетверомъ (ихъ было тогда четыре брата и они царствовали всѣ вмѣстѣ, не раздѣляя владѣній. Это былъ фамильный обычай, отъ котораго они рѣдко отступали) поддѣлали цѣлый рядъ документовъ, которыми прежніе императоры будто бы въ разное время пожаловали Австріи особенныя привилегіи. Этими фальшивыми документами, извѣстными подъ названіемъ „Privilegium majus“, за австрійскими государями устанавливалось право фигурировать на имперскихъ сеймахъ, въ качествѣ первыхъ электоровъ, право располагать своими владѣніями, какъ имъ вздумается, не испрашивая разрѣшенія императора, причемъ имперія въ этихъ владѣніяхъ не можетъ пріобрѣтать ни леновъ, ни помѣстій, которые были бы подчинены имперской власти, помимо власти австрійскихъ государей и т. п.

сдѣлало ихъ безсознательными орудіями исторіи, что они, вынуждаемые къ тому своею бѣдностью *), принуждены были пробивать себѣ путь не столько силою, которой у нихъ не было, сколько хитростію. Опытъ съ перваго же шага научилъ ихъ понимать и цѣнить силу народности. Рудольфъ I, найдя свои владѣнія захваченными Оттокаромъ, поступилъ на службу къ мадьярамъ и въ то же время принялся возбуждать къ восстанію нѣмецкое населеніе австрійскихъ провинцій. Этой политикѣ слѣдовали всѣ его потомки. Признавая одну національность—габсбургскую и понимая одинъ патріотизмъ—фамильный, они совершенно одинаково относились ко всѣмъ народамъ, въ которыхъ видѣли только объектъ и матеріалъ власти. Земли они захватывали, гдѣ и когда могли, государственную независимость уничтожали, непокорныхъ преслѣдовали и истребляли; но народности, какъ таковыя, они щадили—каждую, даже самую маленькую, потому что она могла понадобиться имъ для борьбы съ большими. И, дѣйствительно, надобилась не разъ. Напримѣръ, въ Далмаціи Габсбурги всегда особенно покровительствовали славянамъ. Эта славянская земля въ теченіе столѣтія переходила отъ Венеціи къ Венгріи и отъ Венгріи опять къ Венеціи, мѣняя одно иго на другое, худшее. Габсбурги наровили оттягать ее отъ той и отъ другой и натурально имъ приходилось вступать при этомъ въ сношеніе съ мѣстнымъ населеніемъ, дѣлать то, что теперь называется такъ громко и звучно—«опираться на народъ». Поэтому-то далматинцы, подвергавшіеся такому сильному вліянію итальянцевъ, что и до сихъ поръ носятъ ясные слѣды его, ни на йоту не онѣмечились, хотя и выучились говорить по-нѣмецки. То же самое происходило и въ Венгріи, хотя уже гораздо позднѣе, въ послѣднія два столѣтія. Національная терпимость мадьяръ, равенство правъ предоставляемыхъ ихъ конституціей всѣмъ гражданамъ Венгріи, безъ различія вѣроисповѣданія и происхожденія, и чрезвычайное, строжайшее уваженіе ими каждой статьи этой конституціи—все это легенды, распущенныя самими же мадьярами и которыя долго держались въ Европѣ, потому что никто не занимался внутренними дѣлами Венгріи. Теперь этимъ легендамъ ужъ мало кто вѣритъ. Послѣднія 15 лѣтъ самымъ упорнымъ мадьярофиламъ открыли глаза

За имперіей оставалось одно лишь право—оказывать помощь Австріи, когда та будетъ нуждаться въ ней. Старшій изъ братьевъ, Рудольфъ, говаривалъ: „Я хочу быть въ своихъ владѣніяхъ и папой, и императоромъ, и епископомъ, и княземъ“.

*) Плохіе финансы—историческая болѣзнь Габсбургскаго государства. Нельзя указать ни одного такого момента въ исторіи, когда финансы въ Австріи не были бы разстроены и ея государи не нуждались бы въ деньгахъ. Первые же Габсбурги были не только какъ государи, но и просто какъ частные люди бѣдны подчасъ до нищеты. Извѣстно, напримѣръ, что даже императоръ Максимиліанъ, дѣдъ Карла V, не въ состояніи былъ даже сдѣлать себѣ приличное платье, такъ что когда онъ пріѣхалъ въ Бургундію жениться на тамошней принцессѣ Маріи, то невѣста принуждена была одѣть его съ ногъ до головы.

насчетъ дѣйствительной терпимости мадьяръ, и болѣе правильныя историческія изысканія начинають устанавливать тотъ фактъ, что далеко не одни Габсбурги выказывали себя тиранами въ Венгріи. Покуда мадьяры принуждены были защищаться на два фронта, отъ турокъ и отъ Австріи, т. е. отъ Габсбурговъ, они, разумѣется, не могли думать о подавленіи не мадьярскихъ народностей въ своемъ государствѣ. Но какъ только борьба съ Австріей кончилась и Венгрія признала себя подвластной, а ихъ династію наслѣдственной, такъ немедленно духъ исключительности и нетерпимости проявился въ полномъ блескѣ. Достаточно вспомнить закрѣпощеніе сербовъ, произведенное по постановленію венгерскаго сейма 1723 г. Это было одно изъ первыхъ представительныхъ собраній, на которомъ свободолюбивые мадьяры получили возможность посвятить все вниманіе внутреннимъ дѣламъ, а не обсуждать готовящуюся войну, или избраніе короля, какъ прежде. И этимъ рѣдкимъ случаемъ мадьяры воспользовались для того, чтобы лишить несчастныхъ сербскихъ колонистовъ всѣхъ правъ, дарованныхъ имъ Леопольдомъ Габсбургскимъ, между прочимъ и права возвращенія въ отечество, прикрѣпить ихъ къ землѣ и сдѣлать помѣщичьими крестьянами. Императоръ Карлъ VI протестовалъ противъ этого постановленія, нарушавшаго привилегіи, данныя его предкомъ и отъ сейма не зависѣвшія. Затѣмъ начались религіозныя преслѣдованія, до того жестокія, что опять-таки Карлъ, самъ порядочный фанатикъ, подобно всѣмъ Габсбургамъ, вынужденъ былъ вступиться за безпощадно гонимыхъ православныхъ и протестантовъ. Подобныя вещи случались нерѣдко и каждый разъ угнетаемое мадьярами населеніе, обращавшееся къ помощи императоровъ, встрѣчало въ нихъ защитниковъ. Государственные архивы Венгріи хранятъ много актовъ, въ которыхъ императоры австрійскіе иногда предлагають, иногда—когда обстоятельства позволяли не очень церемониться съ мадьярами—предписываютъ сейму болѣе справедливое отношеніе къ національнымъ меньшинствамъ страны. Леопольдъ II, такъ-сказать à son corp défendant, далъ сербамъ право собраться на конгрессъ, для обсужденія своихъ національныхъ правъ, оффиціально призналъ православную церковь полноправною, наравнѣ съ другими, и, наконецъ, создалъ отдѣльную сербскую канцелярію. Мадьяры чуть не сдѣлали революціи изъ всего этого. Они на своемъ пресловутомъ сеймѣ провозглашали, что «сербы—пришельцы въ государствѣ и должны поэтому подчиняться его хозяевамъ», т. е. мадьярамъ, и что «венгерскій народъ не знаетъ и не хочетъ знать православной церкви». Всѣ эти и подобныя вещи вполнѣ объясняютъ факты. Эти факты вполнѣ выясняютъ то, кажущееся непонятнымъ и многимъ русскимъ писателямъ, обстоятельство, что славяне Венгріи всегда возлагали всѣ свои надежды на Габсбурговъ и политически взывали къ нимъ о милосердіи, тогда какъ мадьяры брались за оружіе. Эти славяне знали, что отъ мадьяръ имъ ждать нечего, а если ихъ національности можетъ быть кѣмъ-нибудь оказана защита, такъ толь-

ко Габсбургами. Хорваты, въ силу своего особеннаго положенія, были болѣе другихъ славянъ обезпечены отъ произвола мадьяръ. Но однако же и ихъ политическая автономія настолько сгладилась съ теченіемъ времени, государственныя и административныя отношенія настолько перепутались и мадьяры такъ забрали въ руки Хорватію, что Кошутъ получилъ возможность произнести въ 1848 году свое знаменитое, приведшее къ такимъ роковымъ послѣдствіямъ: «Wo liegt Kroatien?» Банъ Елачичъ не замедлилъ показать, гдѣ лежитъ Хорватія. Но могъ ли бы онъ сдѣлать это и была ли бы вообще Хорватія, еслибы послѣ ея соединенія съ Венгріей не возникла Австрія и не было Габсбурговъ, въ этомъ позволительно сомнѣваться. А въ чемъ уже вовсе нельзя сомнѣваться, такъ это въ томъ, что православный сербскій элементъ не сохранился бы въ Австріи, еслибы Военная Граница была еще при Карлѣ VI подчинена вѣдѣнію венгерскихъ палатиновъ, или хорватскихъ бановъ, какъ того неотступно добивались мадьяры и хорваты съ ихъ сеймами.

Историки мадьярскіе и европейскіе, писавшіе преимущественно по мадьярскимъ источникамъ, или со словъ мадьяръ, объясняютъ защиту, которую Габсбурги всегда оказывали венгерскимъ славянамъ, лицемѣрной игрей ихъ, скрывавшей одно желаніе «выставить неограниченную власть болѣе либеральной, чѣмъ конституціонной,—болѣе открытой прогрессу, чѣмъ представительное собраніе, болѣе великодушной относительно вѣроисповѣднаго или національнаго меньшинства, чѣмъ народъ Вербёци». Въ этихъ именно выраженіяхъ говоритъ объ этомъ предметѣ вообще очень умный и добросовѣстный французскій писатель Суайо. Не мы, конечно, станемъ защищать искренность или либерализмъ Габсбурговъ. Несомнѣнно, они дѣйствовали съ заднею цѣлію; только едва ли цѣль эта могла состоять въ непремѣнномъ желаніи выставить недостатки конституціонализма въ началѣ XVIII столѣтія, когда конституціонализмъ только и существовалъ что въ Англіи да въ Венгріи. Гораздо вѣрнѣе объясняютъ это приводимыя бельгійскимъ писателемъ, Эмилемъ де-Лавеле, слова Франциска II, сказанныя имъ французскому посланнику: «Мои народы чужды другъ другу, и это—самое лучшее. Они не заболѣваютъ одновременно одною и тою же болѣзнью. У васъ, во Франціи, когда является лихорадка, она охватываетъ всѣхъ сразу. Я же у себя помѣщаю итальянцевъ въ Венгріи, а венгерцевъ въ Италіи. Каждый стережетъ сосѣда. Они другъ друга не понимаютъ и ненавидятъ одни другихъ. Отъ ихъ антипатіи рождается порядокъ, отъ ихъ взаимной ненависти—общій міръ». Я нарочно привелъ эти слова, а не общеизвѣстное габсбургское «divide et impera», потому что въ нихъ какъ нельзя рельефнѣй и полнѣй вылилась вся политика Габсбурговъ, со всѣми ея темными и свѣтлыми сторонами, со всѣмъ ея замышляемымъ завѣдомо и помимо воли умышляющаго происходящимъ добромъ. Габсбурги не только «раздѣляли, чтобъ управлять», они еще *не желали, чтобъ ихъ народы понимали другъ друга*, и поэтому не стремились денаціонализировать ихъ,

не навязывали имъ общаго языка *). Играя народностями, какъ картами, одною противъ другой, они, сами того не подозрѣвая, охраняли ихъ же и такимъ образомъ исполняли культурную историческую задачу, которою искупали въ глазахъ исторіи приносимое ими съ другой стороны зло: *они являлись оплотомъ и спасителями слабыхъ народностей, т. е., въ районѣ ихъ имперіи, народностей славянскихъ*. Впослѣдствіи Габсбурги временно отказались отъ своей традиціонной политики относительно народностей. Они принялись старательно нѣмечить своихъ подданныхъ, но было уже поздно. Эти старанія раздражали людей и привели вскорѣ къ тому, чего Габсбурги опасались болѣе всего, а именно: къ проникновенію и развитію въ ихъ владѣніяхъ тлетворныхъ идей революціи. Но привести къ онѣмеченію они больше не могли. Спасенныя самими же Габсбургами народности окрѣпли, прочно усѣлись на своихъ мѣстахъ, развились матеріально и умственно и въ состояніи были постоять за себя. Да за нихъ встала и та сила, орудіемъ которой такъ долго служили Габсбурги,—исторія. Духъ вѣка, начинавшія воплощаться въ опредѣленныя формулы идеи не допускали денаціонализаціи, не допускали ея историческія традиціи...

Тѣ же причины, которыя позволили маленькой, самой по себѣ ничтожной «восточной провинціи» вырости въ великую державу—Австрію, сгруппировавъ вокругъ себя массу чуждыхъ ей по крови и по духу народностей,—причины, не разъ уже указанныя: исключительно фамильный, не-національный и даже не государственный эгоизмъ Габсбурговъ и ихъ бѣдность,—лишили Австрію и самихъ Габсбурговъ даже возможности когда-либо измѣнить своей задачѣ и изъ спасительнаго центра, охранявшаго равновѣсіе народностей, превратиться въ источникъ погибели для нихъ. Насильственная денаціонализація возможна при всякихъ формахъ правленія. Примѣръ нынѣшней Германіи какъ нельзя лучше доказываетъ, что конституція отнюдь не мѣшаетъ безпощаднѣйшему насилію въ этомъ отношеніи. Тѣмъ болѣе возможно это было въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго вѣкахъ, при правленіи абсолютистскомъ. Но для успѣшной денаціонализаціи, если она не сопровождается механическимъ вытѣсненіемъ народа другой національности (т. е. тою системой, къ которой именно и прибѣгаютъ всегда сѣверные нѣмцы), необходимо одно условіе sine qua non—централизація. Гдѣ нѣтъ централизаціи, тамъ не можетъ быть и денаціонализаціи. А именно этого-то условія и не хватало всегда Австріи.

---

*) Какъ мало Габсбурги придавали значенія нѣмецкому языку и какъ, напротивъ, избѣгали дѣлать общимъ этотъ живой разговорный языкъ (чтобы народы не понимали другъ друга), стараясь при всякомъ случаѣ выставить равноправность всѣхъ языковъ въ монархіи,—видно изъ прежнихъ австрійскихъ ассигнацій, текстъ которыхъ напечатанъ микроскопическимъ шрифтомъ на восьми языкахъ. Такія ассигнаціи печатались вплоть до баховскихъ временъ, и ихъ недавно еще можно было встрѣтить въ Австріи.

Она искони вѣковъ была федераціей и этотъ свой характеръ сохраняла фактически даже и въ то время, когда Габсбурги вдругъ принимались по временамъ хлопотливо вводить въ своей монархіи единство. Всѣ ихъ хлопоты въ этомъ отношеніи пропали даромъ, разбившись объ «историческія права» различныхъ частей государства. Кто-то сравнилъ Австрію съ однимъ изъ тѣхъ старинныхъ зданій, образцы которыхъ и теперь еще можно встрѣтить мѣстами въ Англіи. Къ древнему, еще во времена Крестовыхъ походовъ построенному, корпусу съ теченіемъ времени дѣлались новыя пристройки, каждая въ своемъ стилѣ, безъ малѣйшаго соотвѣтствія съ характеромъ какъ основнаго корпуса, такъ и прочихъ пристроекъ. Все это вмѣстѣ представляетъ нѣчто, съ точки зрѣнія архитектурной техники, нелѣпое и неуклюжее, но на взглядъ живописное и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпкое, прочное, а главное—удобное въ томъ отношеніи, что тутъ можно отыскать помѣщеніе на всѣ вкусы. Это сравненіе необыкновенно удачное. Дѣйствительно, Австрія тѣмъ болѣе имѣетъ сходства съ подобнымъ старинным зданіемъ, что она не *развивалась*, какъ Франція, химически-физіологическимъ путемъ, а *слагалась* механически-архитектурнымъ образомъ.

Разростаніе Австріи представляло то, неоцѣненное для захватываемыхъ ею постепенно земель и народовъ, преимущество, что оно шло мирнымъ путемъ, а не завоевательнымъ, какимъ росли сѣверо-германскія государства, въ особенности превратившаяся въ Пруссію Бранденбургская марка. Съ завоеваніемъ, разумѣется, уничтожались и всѣ права завоеванныхъ: они становились рабами побѣдителей и, конечно, тѣ ихъ быстро поглощали. Въ Австріи ничего подобнаго не было. Къ ней ея многочисленныя пріобрѣтенія присоединялись частію добровольно, частію по наслѣдству и всегда подъ условіемъ сохраненія самой широкой автономіи. Присоединявшіеся вступали, какъ сказали бы нынче, въ персональную унію; они соглашались признать надъ собою сюзеренныя права австрійскихъ государей, но при этомъ формальнымъ договоромъ обезпечивали за собою право на внутреннюю независимость, на неприкосновенность своихъ, прежде, до присоединенія, существовавшихъ, правъ и особенностей мѣстнаго строя. Въ полномъ смыслѣ добровольно, т.-е. по собственному почину, присоединился одинъ Тріестъ (въ концѣ XIV ст.), которому стало невыносимо двойное господство — Венеціи и Аквилійскаго патріархата, и онъ потому искалъ защиты у Австріи, гарантировавъ, однако же, за собою весьма широкія права муниципальнаго самоуправленія. Но и присоединеніе по наслѣдству не было вполнѣ произвольнымъ со стороны государей. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время только въ Испаніи да во Франціи начала утверждаться сильная центральная власть, въ средней же Европѣ ея совсѣмъ не было, а неограниченнаго монарха еще и въ зародышѣ не существовало. Федеративный строй былъ господствующимъ. Каждая провинція, каждый городъ пользовались самоуправленіемъ. Это было само-

управленіе, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, чрезвычайно безобразное, потому что масса народа находилась въ полномъ угнетеніи. Но власть государей оно ограничивало очень сильно и тѣмъ дѣйствительнѣе, что отъ частныхъ сеймиковъ, провинціальныхъ и городскихъ, зависѣло дать или не дать государямъ денегъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ и правильныхъ армій не существовало еще,—солдатъ приходилось набирать по найму,—то воинственнымъ и честолюбивымъ государямъ приходилось по неволѣ очень бережно относиться къ мѣстнымъ правамъ своихъ подданыхъ, всегда бывшихъ на чеку отпасть отъ нихъ къ другимъ, болѣе покладистымъ, честолюбцамъ, въ которыхъ не было недостатка. Габсбурги, самые честолюбивые изъ всѣхъ, интереса своего ради, всѣхъ болѣе уважали мѣстныя права, особенно горожанъ, а случалось и крестьянъ, когда тѣ могли быть имъ полезны. Такъ крестьяне въ Тиролѣ еще въ V ст., когда тамошніе феодалы возстали противъ Габсбурговъ, получили отъ этихъ послѣднихъ очень широкія для того времени сословныя права, поставившія ихъ въ относительную независимость отъ помѣщичьей власти (потому-то Тироль и сохранялъ всегда такую непоколебимую вѣрность Габсбургамъ, за которыхъ и сейчасъ готовъ драться противъ всѣхъ и всего). Благодаря этимъ условіямъ, брачные договоры только тогда имѣли силу, когда бывали одобрены и приняты мѣстными сеймами, а въ большихъ королевствахъ, какъ Венгрія и Богемія, центральными. Объ этой легальности своихъ договоровъ дальновидные и хитрые Габсбурги особенно тщательно заботились. Такъ договоры, заключенные Рудольфомъ IV (въ 1364 г.) съ одной стороны съ Богеміей, съ другой—съ Венеціей, по которымъ царствующіе государи этихъ королевствъ и Австріи взаимно гарантировали другъ другу наслѣдство короны, въ случаѣ прекращенія ихъ собственнаго рода,—эти договоры были торжественно утверждены сеймами венгерскимъ, богемскимъ и австрійскимъ, причемъ каждый строжайше обусловилъ полную автономію государства. Впрочемъ, и эти утвержденные договоры приводились въ исполненіе только тогда, когда въ моментъ ихъ осуществленія сеймамъ угодно было согласиться на это. Права первородства не существовало. По наслѣдству или безъ онаго корона передавалась путемъ избранія и часто случалось, что одна часть страны признавала государемъ одно лицо, а другая—другое. Между ними происходили войны и, разумѣется, каждый спѣшилъ, независимо отъ военнаго занятія, всегда въ то время непрочнаго, купить себѣ расположеніе населенія обѣщаніями и расширеніемъ его правъ. Даже позднѣе, когда приближеніе турокъ заставило почувствовать потребность въ сильной центральной власти, которая могла бы организовать прочную оборону, эти права все-таки упорно отстаивались и сохранялись во всемъ своемъ объемѣ, все-таки происходила персональная унія, а не государственное слитіе. Турки въ этомъ отношеніи оказали большую услугу народамъ Австріи, точно также какъ и Габсбургамъ. Послѣднимъ потому, что они, не только въ силу своего родства съ

большею частію тогдашнихъ государей, но и въ силу своей исконной наслѣдственной власти, традицій, связанныхъ съ ихъ именемъ, въ тѣ времена безурядицы и безначалія возбуждали въ умахъ представленіе чего-то прочнаго и сильнаго, что въ состояніи и за себя постоять, и другимъ послужить оплотомъ *). Первымъ потому, что, занятые всецѣло борьбой съ турками, Габсбурги, и укрѣпившись окончательно, при всемъ своемъ стремленіи къ абсолютизму, не могли въ особенности юридически нарушить автономныя, или (употребляя обычное въ Австріи выраженіе) «историческія» права своихъ коронныхъ земель, изъ боязни вызвать тамъ опасное возстаніе, которое и такъ въ Венгріи, напримѣръ, почти не прерывалось.

Что эти права дѣйствительно никогда не были уничтожены, что Австро-Венгрія фактически всегда была федераціей, это доказывается лучше всего тѣмъ, что знаменитыя «историческія права» и теперь составляютъ въ ней почву, на которой каждая часть имперіи отстаиваетъ свою автономію и каждая народность борется противъ новѣйшихъ притязаній нѣмцевъ на господство. Когда читаешь пренія первыхъ представительныхъ собраній Австріи и Венгріи, чувствуешь себя какъ бы перенесеннымъ въ средніе вѣка. Тутъ и «Золотая булла» Карла IV фигурируетъ, и патенты, выданные разными князьями, королями и императорами отъ Крестовыхъ походовъ до Вѣнскаго конгресса включительно, и договоры, заключенные въ теченіе тѣхъ же вѣковъ,—словомъ, самые, повидимому, невозможные документы, которые во всемъ остальномъ Божьемъ мірѣ представляютъ лишь археологическій интересъ, а въ Австріи оказываются имѣющими силу дѣйствующихъ законовъ. И они въ самомъ дѣлѣ дѣйствуютъ; это—не перифраза только. Если когда-либо существовало на свѣтѣ государство, образовавшееся по договору, такъ это именно Австрія. Въ ней никогда не было и по сей день нѣтъ одной общей системы управленія, которая безразлично примѣнялась бы во всѣхъ частяхъ имперіи. Въ административномъ отношеніи она раздѣлена точнёхонько въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ были, въ глубокой древности, раздѣлены наслѣдственныя земли и въ какомъ присоединялись къ нимъ благопріобрѣтенныя. Каждая «земля» тамъ и называется «землей» и осталась въ прежнихъ границахъ—въ границахъ своихъ историческихъ правъ. Каждая имѣетъ свой мѣстный сеймъ,

---

*) Теперь уже доказано документально, что Фердинандъ Габсбургскій (братъ Карла V), первый окончательно подчинившій Богемію и Венгрію господству своего рода, былъ и свободно избранъ большинствомъ сеймовъ, независимо отъ его правъ на короны по брачнымъ договорамъ. Въ виду грозной опасности, представлявшейся въ лицѣ турокъ, всѣ почувствовали необходимость соединенія для общей борьбы и первая мысль была — соединиться подъ скипетромъ Габсбурговъ. По этому поводу происходили письменныя совѣщанія между вліятельными представителями Венгріи и Богеміи, и тѣ и другіе пришли къ сказанному рѣшенію.

вѣдающій мѣстныя дѣла, и каждая, въ сферѣ этихъ мѣстныхъ дѣлъ, имѣетъ свое собственное законодательство. Тироль совсѣмъ не такъ управляется, какъ Штирія,—Штирія не такъ, какъ Краина, и т. д. и т. д. Вездѣ чувствуется присутствіе «историческихъ правъ». Видоизмѣненныя съ теченіемъ времени, но не уничтоженныя, эти «земли» выдержали относительно невредимо всѣ спорадическія попытки унитаризма и сохранили за монархіей федеративный характеръ. Государственнаго единства нѣтъ совсѣмъ. Въ политическомъ отношеніи его еще меньше, чѣмъ въ административномъ. Монархія состоитъ изъ нѣсколькихъ, вполнѣ независимыхъ одна отъ другой, частей, связанныхъ между собой однимъ лишь общимъ для всѣхъ центромъ—короной Габсбурговъ. Она даже не имѣла никогда общаго названія. Въ монархію и имперію она пожалована только въ 1804 году Францискомъ II (съ согласія сеймовъ, однако, а не по личному распоряженію). Но имени и тутъ не получила. Австрія, Австрійская монархія—это термины географическіе и дипломатическіе, для внѣшнихъ дѣлъ, а во внутреннихъ государственныхъ актахъ она носитъ странное названіе «коронныхъ земель представленныхъ въ рейхсратѣ». Это—союзъ государствъ, а не государство. Но и каждая часть сама въ себѣ тоже не едина; внутренно онѣ всѣ построены на началахъ федераціи: Венгрія только въ союзѣ съ Австріей, Хорватія же съ Славоніей лишь въ союзѣ съ Венгріей; Богемія тоже въ союзѣ только съ Австріей, но и къ ней самой Моравія стоитъ лишь въ союзномъ отношеніи. Даже въ Галиціи, которая одна не къ Габсбургамъ присоединилась, а была присоединена къ Австріи и поэтому «историческихъ правъ» не имѣла,—даже и въ ней свойственное всей монархіи федеративное начало восторжествовало: слѣдуя своему обычаю дѣйствовать одною народностью противъ другой, Габсбурги даровали тамъ автономныя права русинамъ. Впрочемъ и сама Галиція, въ общемъ, получила отъ короны полную политическую автономію.

Это сохранившееся, несмотря ни на что, федеративное начало въ государственномъ строѣ составляло всегда нравственную силу Габсбурговъ и Австріи. Благодаря ему, чисто механическія связи органически столь различныхъ между собою частей оказались настолько крѣпкими и прочными, что разноплеменная, разноязычная, изъ кусочковъ составленная монархія въ состояніи была выдержать всѣ бури внѣшія и внутреннія.

Глядя на противоестественное (съ точки зрѣнія унитаризма) стремленіе Габсбургской монархіи, ее издавна считали готовой развалиться отъ перваго толчка. Знаменитая война за австрійское наслѣдство, при вступленіи на престолъ Маріи-Терезіи, когда на Австрію ополчилась вся Европа, была вызвана именно этимъ недовѣріемъ къ внутренней силѣ и прочности Австріи. Союзники до того были увѣрены въ снѣдающей всѣ части государства жаждѣ освободиться изъ-подъ ига Габсбурговъ, что маршалъ Бэль-Иль во Франціи составилъ даже планъ раздѣла. Его затрудняло только одно, что̀ сдѣлать съ Моравіей. Къ общему изумленію, этой жажды

не оказалось и слѣда. Венгерскіе гусары два раза доскакивали почти до Берлина; граничары и хорваты дрались какъ львы; Богемія грудью стояла за свою государыню. Семилѣтняя война, долженствовавшая стереть Австрію съ лица земли, смогла отнять у нея только Силезію, да и то не всю. Что придавало такую могучую силу сопротивленія этой на видъ безпорядочной, кое-какъ сколоченной монархіи?—Очевидно, ея федеративный характеръ. Между «народами Австріи» и Габсбургомъ установились такія отношенія, какія мы часто видимъ между супругами. Мужъ и жена безпрестанно ссорятся между собою, поносятъ другъ друга какъ нельзя быть хуже, а вздумаетъ посторонній заступиться за котораго-нибудь, они оба на него накидываются. Чехи и мораване и даже богемскіе нѣмцы-протестанты не забыли еще ужасающихъ неистовствъ, которымъ подвергалась Богемія послѣ несчастной битвы при Бѣлой-Горѣ, и въ особенности кровавый день 21 іюня 1621 года въ Прагѣ. Въ Венеціи еще находились тамъ и сямъ старожилы, которые собственными глазами видѣли «эперійскую бойню», эти страшныя публичныя пытки, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль производившіяся послѣ несчастнаго возстанія «короля куруцовъ» (Эмерикъ Тёкёли 1682 г.). Всѣ прочіе подданные Габсбурговъ помнили, и не могли не помнить, безчеловѣчную жестокость многихъ изъ нихъ, фанатизмъ и реакціонный духъ всей фамиліи. Но рядомъ съ этими воспоминаніями въ нихъ жило и сознаніе, что только Габсбурги, охранявшіе ихъ въ прошломъ, могутъ обезпечить и ихъ будущее. Гдѣ, кромѣ Австріи, могли имѣть значеніе ихъ «историческія права»? Кто, кромѣ Габсбурговъ, сталъ бы ихъ уважать?... Каждый чувствовалъ себя слишкомъ слабымъ, чтобы въ-одиночку отстоять свое право на личную самобытную жизнь, и потому-то въ минуту опасности всѣ отложили на время въ сторону взаимные счеты и дружно встали на защиту этихъ самыхъ Габсбурговъ.

Мы просимъ у читателей извиненія за этотъ длинный историческій очеркъ. Конечно, можно было бы ограничиться нѣсколькими фразами, не прибѣгая къ фактическимъ доказательствамъ, просто резюмировать выводы и сказать: *условія роста Австріи и причина упроченія могущества Габсбурговъ среди славянскихъ и полуславянскихъ земель заключались въ томъ, что они имѣли здѣсь за собою не одну матеріальную, но и нравственную силу. Эту нравственную силу давало имъ: во-первыхъ, то, что они служили оплотомъ и защитою съ одной стороны цивилизованной Европы отъ нашествія варваровъ, съ другой— равновѣсія народностей, которыя сгруппировались вокругъ нихъ; во-вторыхъ, то, что они сохранили въ государствѣ федеративный строй, иногда пробуя нарушить его, но никогда не доводя этихъ попытокъ до конца и въ особенности никогда серьезно не отрицая значенія «историческихъ правъ».*

Но намъ казалось особенно необходимо сказать это не голословно, а подтвердить фактами, развитіемъ историческихъ условій жизни Габсбург-

ской монархіи, потому что въ этихъ вѣковыхъ традиціяхъ Австріи и ея царствующаго дома заключается корень будущаго разрѣшенія восточнаго вопроса въ томъ видѣ, какъ вопросъ этотъ поставленъ нынѣ. Всѣмъ извѣстно, и мы постараемся показать ниже, какъ и почему это случилось, что идея федераціи стала теперь лозунгомъ внутренней и внѣшней политики Австріи. Федерація придунайскихъ государствъ и балканскихъ славянскихъ народностей, роль Австріи, какъ центръ этой федераціи, и Габсбурговъ, какъ ея главы и оплота государственной независимости и національной самостоятельности всѣхъ ея членовъ, пропагандируются не только въ печати, съ академическихъ и парламентскихъ каѳедръ, но и съ министерскихъ креселъ, и даже съ высоты трона. И тѣмъ, кому предстоитъ вступить въ открытое соперничество съ Австріей на почвѣ Востока, слѣдуетъ твердо помнить и ни на минуту не забывать, что для Австріи пропагандируемые въ ней теперь принципы не представляютъ ad hoc сочиненную въ кабинетѣ теорію, а суть вѣковѣчныя, историческія традиціи, что она *не вступаетъ* на почву федераціи, а *возвращается* къ ней. Историческія традиціи—это великая сила, удесятеряющая шансы успѣха того, кому онѣ принадлежатъ, особенно когда на нихъ опирается и находитъ въ нихъ готовую почву другая, во сто кратъ могущественнѣйшая, сила—сила духа времени и господствующихъ идей вѣка.

Мы знаемъ, что у насъ есть цѣлый кружокъ людей, къ сожалѣнію, весьма вліятельныхъ, которые поставляютъ себѣ въ особенное удовольствіе постоянно издѣваться надъ идеей федераціи и, мало того, выставлять ее даже чѣмъ-то преступнымъ, злоумышленнымъ, направленнымъ къ отуманенію массъ и къ ниспроверженію основъ. Но издѣваніемъ и обвиненіями нельзя помочь дѣлу. Что бы мы ни говорили и ни писали, федеральная идея есть и останется одной изъ господствующихъ идей нашего времени. Нѣтъ почти ни одного государства въ Европѣ, гдѣ она не проявлялась бы съ большей или меньшею силой. Эта идея проявляется въ двухъ различныхъ формахъ и движеніе, ею вызываемое, принимаетъ два различныхъ направленія: дифференціаціи съ одной стороны и интеграціи съ другой,—но корень у обоихъ движеній одинъ и тотъ же и цѣли однѣ. Внутри самихъ себя государства стремятся къ децентрализаціи, къ расширенію мѣстнаго самоуправленія и ограниченію компетенціи центральной власти. Даже Франція, эта твердыня централизма, и та подалась, и въ ней замѣтно усиливается стремленіе къ самоуправленію провинцій. Въ Испаніи его требуютъ всѣ, отъ мала до велика, отъ гранда до крестьянина. Италія старается только объ одномъ: какъ бы поставить его на болѣе правильныя основы, сдѣлать болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ. Въ Германіи бисмарковскія попытки унитаризма разомъ подкопали едва созданное единство. Это такъ долго и томительно страстно жданное единство опостылѣло народу, какъ только пошло въ разрѣзъ съ духомъ времени, и ужь начинаетъ колебаться въ самомъ своемъ основаніи. Партикуляризмъ,

который нѣмцы нѣсколько лѣтъ тому назадъ считали язвой Германіи, теперь представляется имъ величайшимъ благомъ, которое они хотятъ воскресить во что бы то ни стало (правда, въ иной формѣ...). Это дифференціальное внутреннее движеніе сопровождается интегральнымъ внѣшнимъ. Націи, народы стремятся образовать между собою союзы, соединиться въ группы, связанныя племеннымъ родствомъ или общими интересами, обусловливаемыми географическимъ положеніемъ. Кому не случалось слышать или читать о большомъ франко-испанско-итальянскомъ обществѣ «Alliance Latine», объ одной изъ любимѣйшихъ идей Бисмарка—«средне-европейскомъ таможенномъ союзѣ», о пропагандируемой въ нѣмецкихъ учебникахъ федераціи народовъ германской расы и, наконецъ, о федераціи Балканскихъ княжествъ.

Трудно не видѣть, что оба эти движенія—къ децентрализаціи внутри и къ образованію союзовъ извнѣ—въ сущности есть лишь сообразное съ окружающими условіями видоизмѣненіе одной и той же преобладающей идеи, одну изъ составныхъ частей которой представляетъ и національная идея — стремленіе людей къ индивидуальной свободѣ. Развившаяся личность человѣческая не хочетъ больше оставаться однимъ матеріаломъ власти, она требуетъ себѣ независимости, ограничиваемой лишь потребностями дѣйствительно *общаго* блага, а не провозглашаемыхъ за таковое интересовъ маленькой группы власто- и- корыстолюбцевъ, — хочетъ устраивать свою судьбу по собственной, а не по чужой волѣ. Централизація отжила свой вѣкъ. Возникшая когда-то вслѣдствіе общей потребности въ защитѣ отъ опасности, которую средневѣковая, анархичная, дикая, невѣжественная и вѣчно-воюющая федерація не могла организовать, и въ то время принесшая несомнѣнную пользу,—централизація, съ теченіемъ времени, сама превратилась въ величайшую опасность; поддерживаемая милитаризмомъ, она сдѣлалась орудіемъ деспотизма, средствомъ подавленія свободы людей, свободы ихъ совѣсти, мысли и слова. Реакція противъ нея въ видѣ стремленія къ мѣстному самоуправленію составляетъ явленіе естественное и необходимое. Но если единичная личность стремится къ самостоятельному и свободному существованію, то и собирательная личность, народная и національная, не можетъ не стремиться къ тому же. Съ одной стороны много такихъ собирательныхъ личностей не пользуются независимостью, будучи съ болѣе или менѣе давнихъ поръ покорены чуждыми народами и включены въ составъ чуждыхъ государствъ. Съ другой—деспотизмъ и его главная опора—милитаризмъ—отжили свой вѣкъ, но они еще далеко не исчезли. Завоеваніе все еще считается не только славнымъ подвигомъ, но и *правомъ*. Все еще время отъ времени рождаются честолюбцы, мечтающіе если не о всемірномъ, то все же о весьма широкомъ господствѣ, далеко простирающемся за предѣлы ихъ естественнаго права. Отъ этой вѣчной угрозы необходимо обезопасить личность собирательную, не жертвуя свободой единичной. Отсюда

мысль о федеративныхъ союзахъ, которые увеличили бы силы каждаго государства и народа и позволили бы имъ противустоять всякимъ поползновеніямъ на ихъ независимость, между тѣмъ какъ подчиненныя чужому господству народныя личности могли бы найти удовлетвореніе своихъ національныхъ потребностей на почвѣ внутренней федераціи. Такова федеральная идея по происхожденію и существу своему. Ясно, что это идея жизненная, могучая, которую нельзя уничтожить никакимъ давленіемъ, не говоря уже о простомъ отрицаніи или насмѣшкахъ. Она возьметъ свое непремѣнно, потому что корень ея гнѣздится въ лучшихъ и благороднѣйшихъ стремленіяхъ человѣчества. Бороться съ ней — значитъ обрекать себя на пораженіе, а свое дѣло на гибель. Ибо съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, никогда не было, нѣтъ и не будетъ той силы физической, какъ бы могущественна она ни была, которая вышла бы побѣдительницей изъ борьбы съ безплотною силой идей...

Мысль о федераціи Балканскихъ княжествъ родилась, сколько помнится, у насъ. Въ Австріи ее видоизмѣнили въ федерацію дунайскихъ государствъ. Трудно сказать, которая изъ этихъ формъ больше по сердцу самимъ заинтересованнымъ государствамъ, но мысль о федераціи сама по себѣ не противна имъ. Мы думаемъ, что не ошибемся, если скажемъ, что она тамъ даже привилась — хоть и не въ массахъ покуда, а только среди немногочисленной тамошней интеллигенціи. Балканскіе народы, къ сожалѣнію, далеко не дружественны между собою. Не говоря уже о грекахъ, албанцахъ, румынахъ, даже славянскія племена, несмотря на близкое родство свое и на общность религіи, ненавидятъ другъ друга. Всякая народность считаетъ за собой несомнѣнныя права на часть земель, занимаемыхъ другою, а нѣкоторыя воображаютъ себя призванными къ господству чуть не надъ всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ. Повидимому, тутъ нѣтъ примиренія. Но именно непримиримость притязаній и количество претендентовъ заставляютъ интеллигентныхъ людей съ удовольствіемъ останавливаться на мысли о федераціи, какъ на единственномъ средствѣ выйти изъ лабиринта затрудненій, создавъ общую почву, на которой всѣ народности могли бы спокойно заняться своимъ внутреннимъ культурнымъ развитіемъ, не пожирая другъ друга и не боясь быть съѣденными другими. Мечты о великомъ призваніи въ будущемъ, связывающіяся съ фантастическими представленіями о прошломъ, очень сильны въ славянскихъ народностяхъ Балканскаго полуострова. Но и въ этомъ лучшее доказательство ихъ внутренней силы и жизненности, — въ нихъ еще несравненно сильнѣе жажда образованія, жажда культуры. И эта жажда одушевляетъ ужъ ни одну интеллигенцію, а проникаетъ всю народную массу насквозь. Послѣдній крестьянинъ, безграмотный самъ, наровитъ образовать своего сына; всѣ хотятъ «быть не хуже другихъ» (иностранцевъ т.-е.), и желаніе «занять мѣсто въ европейской семьѣ», «пріобщиться къ европейской культурѣ» — не пустыя фразы у сербовъ и бол-

гаръ, а живое стремленіе всего народа. Общенародное же стремленіе составляетъ и желаніе, пріобщаясь къ культурѣ, сохранить и свою самобытность—не общую племенную, а частную, національную самобытность каждой народности: свои права, свои обычаи, свой языкъ, въ особенности языкъ.

И вотъ, когда среди всѣхъ этихъ стремленій: сознанія интеллигенціи въ необходимости союза на реальной, фактической почвѣ федераціи, жажды народа къ образованію и общаго всѣмъ желанія сохранить свою индивидуальную самобытность, — когда среди этихъ стремленій является факторъ, который, опираясь на свои вѣковыя традиціи, на свою историческую роль, говоритъ: «идите ко мнѣ, группируйтесь вокругъ меня; я обезпечу вамъ все то, чего вы желаете и въ чемъ вы нуждаетесь; я не допущу васъ до взаимныхъ препирательствъ и братоубійственныхъ дракъ, дамъ вамъ высшую культуру и защиту васъ отъ всякихъ посягательствъ на вашу независимость; я буду вашимъ главой, но только для того, чтобы служить вамъ оплотомъ»,—когда такой факторъ является, его дѣло, уже въ силу окружающихъ условій, на половину выиграно. За него говорятъ непреоборимыя, насущныя потребности народовъ, къ которымъ онъ обращается и которые чувствуютъ и видятъ, что одни, своими собственными, еще неокрѣпшими и разрозненными, силами не могутъ удовлетворить этимъ потребностямъ. А когда при этомъ за него же, за этого фактора, поднимается и убѣдительный голосъ историческаго прошлаго, тогда его задача становится и совсѣмъ легка. Даже и лишенный матеріальной силы, онъ имѣетъ всѣ шансы на своей сторонѣ. Борьба съ нимъ трудна для всякаго соперника, какъ бы могуществененъ онъ ни былъ,— трудна, но не невозможна. У этого соперника есть одинъ неоцѣненный, громадный шансъ—неискренность фактора, т.-е. въ данномъ случаѣ Габсбурговъ, такъ какъ это они стараются занять мѣсто центра и главы дунайско-балканскаго союза. Они не искренни, потому что теперь, какъ и всегда, преслѣдуютъ лишь свои личныя цѣли, а о дѣйствительномъ благѣ народовъ, къ которымъ обращаются, заботятся какъ о прошлогоднемъ снѣгѣ. Они не могутъ сдѣлаться искренними, помимо своихъ воли и сознанія, какъ это было съ ними въ прошломъ, потому что теперь обстоятельства измѣнились. Они не одни, да и не дѣйствуютъ самостоятельно. За ними стоитъ и ими руководитъ факторъ, сознательно злой относительно славянскихъ племенъ и своей злоумышленности не скрывающій — прусская Германія. Балканскіе славяне, въ особенности ближайшіе—сербы—ненавидятъ «швабовъ», т.-е. нѣмцевъ, не менѣе, если не болѣе, чѣмъ ненавидѣли въ былое время турокъ. Это присутствіе прусской Германіи въ дѣлѣ Габсбурговъ и эта, такъ-сказать, органическая славянская ненависть къ «швабу» даютъ, повторяемъ, огромный шансъ въ руки соперника Габсбурговъ. Опираясь на этомъ шансѣ, онъ можетъ смѣло глядѣть въ глаза будущему, не смущаясь никакими габсбургскими традиціями прошлаго, если... если

онъ при этомъ усвоитъ себѣ принципы, выставляемые Габсбургами: федерацію, просвѣщеніе, свободу личности, національную самобытность каждой народности. Но горе ему, если онъ вмѣсто этихъ принциповъ напишетъ на своемъ знамени отрицаніе началъ общечеловѣческой культуры и борьбу съ духомъ времени. Горе ему, если онъ явится передъ балканскими народностями съ такими принципами, которые заставятъ ихъ сказать: «не хочу твоего меда, потому что не хочу твоего жала». Тогда его дѣло проиграно навѣрняка,—лучше и не начинать его. Повторится та же исторія, которая уже послужила въ прошломъ къ возвеличенію Габсбурговъ: болѣе грозная опасность заставитъ слабыя государства и народности упасть въ объятія Австріи и Габсбурговъ, несмотря на полное сознаніе ихъ неискренности и относительной небезопасности. Передъ лицомъ этой болѣе грозной, или, по крайней мѣрѣ, представляющейся таковою, опасности историческія габсбургскія традиціи возстанутъ во всей своей силѣ, пріобрѣтутъ новый блескъ и стушуютъ, скроютъ, кажущуюся сравнительно отдаленной и меньшею, опасность отъ шваба. Такой результатъ тѣмъ неизбѣжнѣй, что относительно нѣкоторыхъ балканскихъ славянъ, и именно сербскихъ племенъ, габсбургскія традиціи далеко не лишены условной почвы, что намъ докажетъ разсмотрѣніе самостоятельной восточной политики Австріи, къ которому мы и приступимъ.

Н. С.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ послѣднее время у насъ вошла въ моду игра въ народничество. Всевозможныя измышленія досужихъ головъ, всякія своекорыстныя, основанныя на личныхъ цѣляхъ, стремленія сплошь да рядомъ прикрываются именемъ народа и выдаются, будто бы, за народныя желанія и стремленія. Между тѣмъ какъ лучшіе представители общественныхъ партій, проникнутыхъ дѣйствительно народными интересами, только путемъ долгаго изученія нуждъ народа доходятъ до пониманія народныхъ идеаловъ и затѣмъ всѣ свои желанія и требованія сообразуютъ съ выяснившимися потребностями народа,—въ то же время модные псевдо-народники поступаютъ какъ разъ наоборотъ. Они, не справляясь съ дѣйствительною народною жизнью, безъ церемоніи приписываютъ народу свои собственныя измышленія, развязно выдаютъ ихъ за народныя нужды и для большей убѣдительности мечутъ громы и молніи въ интеллигенцію, которая будто бы оторвалась отъ народа, не имѣетъ ничего общаго съ нимъ и не понимаетъ народныхъ нуждъ. Дѣло дошло до того, что самыя противоположныя убѣжденія и стремленія въ настоящее время одинаково прикрываются однимъ и тѣмъ же народнымъ знаменемъ. Такое явленіе не принадлежитъ исключительно намъ однимъ, но составляетъ достояніе всякаго народа, какъ скоро въ немъ пробуждаются политическія страсти и завязывается живая, страстная борьба между общественными партіями. Если возникновеніе и существованіе политическихъ партій обусловливается не мелочными интересами борющихся изъ-за власти лицъ, если въ общественномъ сознаніи съ неотразимою силой выясняются высшіе принципы и несогласіе во взглядахъ относительно проведенія этихъ принциповъ въ жизнь порождаетъ различныя общественныя партіи, тогда неминуемо происходитъ

та самая путаница, какую мы въ настоящее время наблюдаемъ у себя дома при видѣ лицъ, прикрывающихъ однимъ и тѣмъ же народнымъ знаменемъ діаметрально противоположныя одно другому стремленія. Среди этой путаницы ясно только одно, что идея всеподчиняющей себѣ силы и власти народа прочно укоренилась въ общественномъ сознаніи и увлекла собою все русское общество безъ различія партій. Теперь безъ народнаго знамени никуда показаться нельзя; никакое дѣло не можетъ разсчитывать на успѣхъ, если не придать ему народнической окраски. Поэтому-то и въ прогрессивномъ, и въ ретроградномъ лагеряхъ въ настоящее время выкинуто одно и то же народное знамя. Дивная красота и чарующая прелесть этого знамени неотразимо увлекаетъ людей въ тѣ ряды, гдѣ оно выставлено, и многіе честные, но не достаточно опытные и проницательные люди, увлекаясь видомъ знамени, часто попадаютъ совсѣмъ не въ тотъ лагерь, гдѣ бы слѣдовало быть имъ, какъ честнымъ друзьямъ народа, и становятся жертвами обмана ловкихъ политическихъ проходимцевъ. Знамя, какъ бы оно ни было красиво, какъ бы мы ни симпатизировали тому принципу, во имя котораго оно воздвигнуто, само по себѣ еще ничего не значитъ. Важно не то, подъ какимъ выставленнымъ на-показъ знаменемъ идетъ та или другая общественная партія, но нужно знать, куда она идетъ, къ чему стремится и въ состояніи ли она привести къ торжеству, или, наоборотъ, приведетъ къ пораженію того принципа, который красуется на знамени партіи. Въ особенности въ настоящее время, когда всякій шалопай изъ штыкъ-юнкеровъ съ пѣною у рта кричитъ о народѣ, нужно относиться осмотрительно ко всему, что говорится отъ имени и во имя народа, отнюдь не принимая на одну вѣру постоянно дѣлаемыя заявленія, что народъ желаетъ того или другаго, сочувствуетъ или не сочувствуетъ такимъ или инымъ стремленіямъ. Не слѣдуетъ забывать, что у насъ народъ самъ непосредственно лишенъ всякой возможности и средствъ дѣлать заявленія о своихъ нуждахъ, тогда какъ шалопаи изъ штыкъ-юнкеровъ пользуются полною свободой выдавать свои измышленія за голосъ народа. Поэтому нельзя вѣрить на слово всему, что выдается за народный голосъ; но когда предъ глазами общества является штыкъ-юнкеръ съ народнымъ знаменемъ, то его слѣдуетъ предупредить, чтобы не слишкомъ завирался, и непремѣнно требовать фактическихъ доказательствъ того, что дѣйствительно въ народѣ существуютъ тѣ нужды и стремленія, о которыхъ любятъ такъ развязно заявлять штыкъ-юнкеры.

Народъ молчитъ и только глухимъ, отдаленнымъ шумомъ даетъ знать, что тамъ, въ отдаленныхъ глубинахъ народной массы идетъ дѣятельная

жизнь, происходитъ какое-то движеніе. На поверхности народной жизни, въ средѣ интеллигентнаго общества, рѣдко кто прислушивается къ движеніямъ въ глубокихъ слояхъ народа; но за то, Боже мой, сколько здѣсь шумныхъ рѣчей о народѣ и во имя народа! Довѣрчиво прислушиваясь къ подобнымъ словоизверженіямъ, кажется такъ ясно и такъ просто, что народъ нашъ ничего не хочетъ и ни о чемъ не думаетъ, какъ только о войнѣ за освобожденіе угнетенныхъ народностей. О, только дайте народу подраться съ австрійцами—и народъ будетъ вполнѣ доволенъ, онъ успокоится и забудетъ всѣ проклятые внутренніе вопросы, выдуманные интеллигенціей. Мы ничего не говоримъ о славянскомъ вопросѣ по существу, а только спрашиваемъ, своевременна ли такая постановка его. Отложить въ сторону внутренніе вопросы и начать войну за свободу—мысль очень увлекательная, хотя въ то же самое время далеко не новая. Она уже не разъ приводилась въ исполненіе распорядителями народной судьбы. Въ особенности намъ памятно то время, когда во Франціи, наканунѣ великой революціи, внутренніе вопросы такъ же были отложены въ сторону и французскій народъ былъ вовлеченъ въ войну за освобожденіе Америки отъ ига англичанъ. А пока войска деспотическаго французскаго правительства боролись за народную свободу въ Новомъ Свѣтѣ, на родинѣ ихъ все назрѣвали великіе внутренніе вопросы, о разрѣшеніи которыхъ некогда было подумать правительству, всецѣло занятому изнурительною, долголѣтнею войной. Эта война ни мало не отсрочила разрѣшенія внутреннихъ вопросовъ и не успокоила народнаго недовольства.

Правда, бываютъ въ жизни народа моменты, когда самъ онъ въ войнѣ ищетъ выхода изъ того положенія, которое невыносимо тяготитъ его. Въ такихъ случаяхъ голосъ народа ясно вырывается наружу даже тамъ, гдѣ нѣтъ благопріятныхъ условій для свободнаго обнаруженія его. Такъ было у насъ передъ послѣднею турецкою войной. Народное возбужденіе въ то время невольно бросалось въ глаза всѣмъ и повсюду; рѣчи о войнѣ слышались повсемѣстно. Всѣ мы живо помнимъ то время и, сравнивая съ настоящими минутами, не находимъ ни малѣйшихъ признаковъ сходства. Теперь народъ сумрачно молчитъ, не обнаруживая ни малѣйшаго признака сочувствія воинственнымъ замысламъ. А между тѣмъ модные псевдонародники, толкуя о войнѣ, тоже выставляли народное знамя и легко могли ввести многихъ въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго настроенія народной массы. Вѣдь почемъ знать, можетъ-быть сѣрый мужикъ и вправду думаетъ о войнѣ, ищетъ случая подраться съ нѣмцами и только интеллигенція не даетъ ему воли. Посмотримъ, такъ ли это.

Нѣтъ, не до войны мужику въ настоящее время, когда всѣхъ угне-

таетъ тяжелый вопросъ о кускѣ насущнаго хлѣба. Положеніе крестьянъ въ нынѣшнюю зиму было не только не лучше, но пожалуй даже хуже, чѣмъ въ прошлую голодную зиму. Только-что окончившуюся зиму мы не называемъ голодною больше потому, что успѣли притерпѣться къ голоду, который сдѣлался совсѣмъ обыкновеннымъ, правильнымъ явленіемъ въ крестьянской жизни. Ужасная дороговизна предметовъ первой необходимости продолжается безпрерывно и мы не предвидимъ близкаго конца ей. Хлѣбъ по-прежнему дорогъ, несмотря на довольно удовлетворительный урожай. Еще недавно бывшія низкія цѣны на хлѣбъ сдѣлались достояніемъ исторіи. Теперь даже наиболѣе низкія осеннія цѣны на хлѣбъ поражаютъ своею дороговизной. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ въ министерство финансовъ управляющими акцизными сборами, видно, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ губерніяхъ Европейской Россіи и Царства Польскаго стояли слѣдующія цѣны на главные хлѣба. Минимальныя цѣны на рожь изъ 48 русскихъ губерній только въ двухъ—Саратовской и Пермской—спустились до 40—43 коп. за пудъ, въ остальныхъ же 46 губерніяхъ даже низшія цѣны вездѣ превышали 65 коп. за пудъ, доходя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ до 1 руб. 40 коп. Ниже одного рубля минимальныя цѣны стояли въ 30 губерніяхъ, а свыше—въ 18. Максимальныя же цѣны спускались ниже 1 руб. только въ 6 русскихъ губерніяхъ. Среднія цѣны на рожь для русскихъ губерній равняются 1 руб. 7 коп. за пудъ. На пшеницу низшія цѣны стояли ниже рубля, и притомъ очень недавно, только въ 8 русскихъ губерніяхъ, въ остальныхъ же 40 губ. вездѣ превышали эту норму, возвышаясь въ Новгородской губерніи до 2 руб. за пудъ; максимальныя же цѣны нигдѣ не спускались до 1 руб. за пудъ, причемъ въ 5 губ. были свыше 2 рублей, въ Московской—3 руб., а въ Вятской—4 р. за пудъ. Средняя цѣна на пшеницу для всѣхъ губерній—1 руб. 38 коп. за пудъ. Минимальныя цѣны на овесъ въ Самарской губ. спускались до 23 коп. за пудъ, въ Ставропольской—до 25 коп., въ остальныхъ же 46 губ. ниже 25 коп. не спускались; максимальныя же цѣны въ 19 губ. стояли выше 1 руб. за пудъ и доходили до 1 руб. 33 коп. Средняя цѣна на овесъ для всѣхъ русскихъ губ.—69 коп. за пудъ. Что же касается губерній Царства Польскаго, то тамъ дороговизна хлѣба развѣ въ очень небольшой степени ниже прошлогодней. Самая низшая цѣна ржи только въ одной Сѣдлецкой губ. доходила до 72 коп. за пудъ, въ остальныхъ же губерніяхъ минимальныя цѣны были выше 1 руб., доходя до 1 руб. 44 копѣекъ за пудъ; максимальныя цѣны достигали въ большинствѣ польскихъ губерній до 1 руб. 78 коп. Среднія цѣны на рожь для польскихъ губ.—1 руб. 27 коп. Низшія цѣны на пшеницу упадали до 1 руб. 2 коп.

за пудъ, а высшія доходили до 2 руб.; среднія цѣны на пшеницу—1 руб. 57 коп. Минимальныя цѣны на овесъ въ польскихъ губерніяхъ равняются максимальнымъ цѣнамъ на этотъ хлѣбъ въ русскихъ губерніяхъ, именно—67 коп. за пудъ; высшія же цѣны на овесъ превышаютъ даже среднія цѣны на пшеницу въ русскихъ губ., именно 1 руб. 67 коп. Среднія цѣны на овесъ для всѣхъ польскихъ губерній—1 руб. 4 коп. за пудъ.

Повидимому слѣдовало бы ожидать, что высокія цѣны на хлѣбъ принесутъ значительныя выгоды крестьянамъ, отчего народное благосостояніе должно улучшиться. Но на самомъ дѣлѣ экономическое положеніе крестьянства до такой степени расшатано, что ни хорошій урожай, ни высокія цѣны не могутъ болѣе приносить существенной пользы кругомъ задолжавшимъ и въ конецъ обнищавшимъ крестьянамъ. Возьмемъ для примѣра двѣ губерніи, которыя въ прошломъ году голодали, а въ нынѣшнемъ пользуются хорошимъ урожаемъ. При нормальномъ порядкѣ естественно должно было ожидать, что урожай нынѣшняго года поправитъ крестьянское хозяйство, упавшее во время прошлогодней голодовки. И точно, урожай вышелъ превосходный. «Самарскую губернію,—сообщалъ минувшею осенью корреспондентъ *Порядка*,—послѣ тяжелаго года испытаній, постигла благодать Божья. Урожай за кое-какими незначительными исключеніями, такъ сказать, бьетъ черезъ край; жатва и уборка кипятъ, рабочихъ рукъ не хватаетъ, склады сельско-хозяйственныхъ машинъ не успѣваютъ удовлетворять запросу. Но вотъ въ чемъ истинное горе пахаря. Онъ уже сейчасъ весь опутанъ кулаками, скупщиками и ихъ агентами, аттаковавшими его со всѣхъ сторонъ, ведущими правильную, систематическую осаду. Аттакованный уже и теперь капитулируетъ, нужда его давитъ, масса недоимокъ не ждетъ, платежи по частнымъ долгамъ также предъявляютъ свои требованія. Просто глазамъ и ушамъ не вѣрится. Цѣны на хлѣбные продукты, скупаемые у крестьянина, падаютъ, какъ миоическія акціи. Рожь съ 1 р. 20 коп. въ теченіе двухъ недѣль упала до 80 коп., пудъ «бѣлотурки» съ 2 р. 50 коп.—до 1 р. 50 коп. При такой общей стачкѣ капиталистовъ-скупщиковъ, врядъ ли крестьянину выбиться изъ нужды и лишеній. Какъ бы ни былъ обиленъ урожай, пахарь поставленъ въ такія невыгодныя экономическія условія, что онъ въ годъ отличнаго урожая получитъ такую же сумму за свой продуктъ отъ коммерсанта-скупщика, какъ и въ годъ посредственнаго урожая. Стачка не только между крупными хлѣботорговцами, но даже и паразитною мелкотой, извѣстною здѣсь подъ именемъ «мартыновъ», безжалостно понижаетъ цѣнность на самарскомъ рынкѣ. Десятина, принесшая полтораста пудовъ ржи въ текущемъ году, дастъ крестьянину заработковъ не больше про-

шлаго года, когда десятина плохаго или посредственнаго урожая принесла не болѣе 50—60 пудовъ. Въ прошломъ году цѣна на рожь, въ октябрѣ мѣсяцѣ, была на здѣшнемъ рынкѣ, какъ это видно изъ мѣстнаго *Справочнаго Листка*, 1 р. 35 коп. за пудъ, теперь же, при началѣ уборки ея въ іюлѣ, цѣна ея—80 к., а въ уѣздныхъ торговыхъ центрахъ (напримѣръ, въ Мелекесѣ) понизилась даже до 60 коп. Пшеница кубанка осенью продавалась здѣсь 2 р. 60 коп., теперь ее покупаютъ, прошлогоднюю, по 1 р. 30 коп. Со сборомъ же новой цѣна на нее упадетъ еще ниже. И нужно замѣтить, что спросъ на хлѣбъ у насъ великъ, но стая кулаковъ-скупщиковъ, агентовъ разныхъ фабрикъ и конторъ, мелкихъ факторовъ снуютъ всюду по селамъ и экономіямъ и держатъ въ блокадѣ все сельское населеніе, захудалое, обнищавшее, забитое». Нужда въ деньгахъ для уплаты казенныхъ податей и недоимокъ, а также частныхъ долговъ, заключенныхъ весною подъ высокіе проценты, заставила крестьянъ распродать хлѣбъ скупщикамъ на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Приходилось соглашаться на все, что ни предложатъ скупщики хлѣба. Между тѣмъ долговъ на крестьянскомъ населеніи такъ много, что даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ невозможно уплатить ихъ за счетъ полученнаго урожая. Напримѣръ корреспондентъ *Недѣли* изъ Богурусланскаго уѣзда разсказываетъ, что въ Якушинской волости на 1.762 ревизскихъ души числится въ недоимкѣ разныхъ сборовъ до 35.000 руб. Сто рублей за семьей встрѣчается не рѣдко, десятки рублей сплошь и рядомъ, а есть семейства съ недоимкой въ 200 руб. слишкомъ. Въ этотъ счетъ не включены еще продовольственная и сѣменная ссуды, выданныя земствомъ съ обязательствомъ уплатить деньгами по 1 р. 30 к. за пудъ ржи и 94 коп. за пудъ гречи. При такихъ условіяхъ крестьяне, несмотря на обильный урожай и высокія хлѣбныя цѣны, остались безъ хлѣба и безъ денегъ въ положеніи гораздо худшемъ, чѣмъ были въ прошлую зиму во время голода. По словамъ корреспондента *Русскаго Курьера*, крестьяне почти всѣхъ селеній, начиная верстъ за 40 отъ Самары, уже съ 6-го декабря начали занимать у самарскихъ торговцевъ хлѣбъ. Такъ крестьянскими обществами уже занято за 25% у мѣстнаго хлѣбнаго торговца Соловьева, скупившаго ранѣе у нихъ же хлѣбъ: однимъ (изъ 600 душъ)—6.000 пудовъ, другимъ—800 пудовъ и третьимъ—3.200 пуд. Занимавшіе крестьяне объясняютъ необходимость прибѣгнуть къ займу массою истребованныхъ недоимокъ, которыя они теперь почти всѣ заплатили, но за то и безъ хлѣба остались. «Было много, да сплыло,—отвѣчали крестьяне,—и въ нынѣшній урожайный годъ мы голоднѣе, чѣмъ были въ прошломъ году». Нищенство также нисколько не уменьшается противъ

голоднаго года. Изъ Самары пишутъ *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что тамъ нищіе—дѣти, женщины и старики—толпами въ 100—150 человѣкъ ходятъ по улицамъ, осаждаютъ паперти церквей, дома и магазины богатыхъ купцовъ. Нищенство составляетъ отчасти даже промыселъ для мѣстнаго мѣщанства, занимающагося поденною работой, и т. п. Объ этомъ интересномъ промыслѣ корреспондентъ названной газеты сообщаетъ слѣдующія подробности. Нищіе по профессіи дѣлятся на двѣ категоріи—пѣшихъ и конныхъ. Съ половины октября, какъ только прекращаются работы на Волгѣ и Самаркѣ, сотни самарскихъ обывателей на подводахъ выѣзжаютъ въ уѣзды Самарской губерніи, въ Оренбургскую губернію, пробираются въ хлѣбородные уѣзды—Челябинскій, Оренбургской губерніи, Шадринскій, Пермской губерніи, и въ Зауралье. Тамъ, выдавая себя за погорѣльцевъ, «конные» получаютъ изобильныя подачки хлѣбомъ, который и продаютъ нуждающимся въ немъ киргизамъ и башкирамъ. Конный нищенскій промыселъ иногда бываетъ весьма выгоденъ. Расторопный «конный» можетъ, отправясь на сборъ по первому зимнему пути, заработать къ масляницѣ рублей 100—150. Нищіе этого рода отправляются обыкновенно вдвоемъ или втроемъ съ женою и взрослыми дѣтьми. Менѣе выгоденъ «пѣшій» нищенскій промыселъ. Съ половины октября «пѣшій» не насбираетъ къ новому году болѣе 60 руб.

Въ одинаковомъ положеніи находится и населеніе Саратовской губерніи, точно также выдержавшее голодуху въ прошломъ году, а въ нынѣшнемъ году обрадованное хорошимъ урожаемъ. Здѣсь, какъ и въ Самарской губерніи, урожай не принесъ существенной пользы крестьянамъ и не поправилъ ихъ разореннаго хозяйства, которое, напротивъ, теперь падаетъ еще болѣе. Во время уборки хлѣба, когда крестьяне спѣшили продажею урожая, хлѣбные торговцы спустили цѣны до 60 коп. за пудъ, а затѣмъ, когда скупка была окончена, то цѣны вновь поднялись выше рубля и установились немного ниже прошлогоднихъ голодныхъ цѣнъ; напримѣръ, въ Царицынѣ въ прошломъ году ржаная мука продавалась по 1 р. 40—50 коп. за пудъ, а въ нынѣшнемъ году по 1 руб. 15 коп. Да и не на одинъ хлѣбъ, но на всѣ предметы первой необходимости теперь стоитъ ужасная дороговизна. Напримѣръ, въ декабрѣ 1881 года писали *Русскимъ Вѣдомостямъ* изъ Саратова, что тамъ въ прежніе годы съ наступленіемъ морозовъ мясо быстро дешевѣло и доходило до 5—6 коп. за фунтъ, нынѣ же по-весеннему продолжаетъ стоять на 11—12 копѣйкахъ. Пара гусей стóитъ до 2 р. 50 коп., куропатки—90 коп.; даже зайцевъ, продававшихся прежде по 10 к., теперь нельзя купить дешевле 45—50 коп. «Очевидно,—замѣчаетъ корреспондентъ,—неурожай и без-

кормица прежнихъ лѣтъ въ значительной степени сократили племенныя стада рогатаго скота и птицъ въ нашемъ краѣ. На базарѣ уже не встрѣчаются крестьяне съ цѣлыми возами куръ, гусей, утокъ, индеекъ и проч. живности, да и изъ большихъ-то помѣщичьихъ экономій въ городъ начали приходить уже не обозы, а только десятки штукъ». Въ то время, какъ крестьянское имущество, состоящее главнымъ образомъ изъ скота, значительно сократилось, а хлѣбный урожай, распроданный по низкимъ цѣнамъ, не могъ принести значительныхъ выгодъ крестьянамъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ долги увеличились до такой степени, что большинство задолжавшихъ крестьянъ едва ли когда-нибудь будетъ въ состояніи уплатить ихъ. Чуть только въ началѣ осени вполнѣ выяснились надежды на обильный урожай, какъ саратовскій губернаторъ поспѣшилъ созвать всѣхъ уѣздныхъ исправниковъ для совѣщанія о мѣрахъ ко взысканію съ крестьянъ числящихся за ними казенныхъ и частныхъ долговъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что однихъ казенныхъ и общественныхъ недоимокъ считается за крестьянами около 16.000.000 рублей, что равняется трехгодичной суммѣ крестьянскихъ платежей по губерніи. Сверхъ того крестьяне задолжали частнымъ лицамъ, преимущественно крупнымъ землевладѣльцамъ, за арендованныя у нихъ земли до 12.000.000 рублей, не считая проданнаго впередъ за безцѣнокъ труда, который крестьяне уже отбыли землевладѣльцамъ въ минувшее лѣто. Послѣдствіемъ усиленнаго взысканія съ крестьянъ числившихся за ними долговъ была полная невозможность поправить упавшее во время голода хозяйство, которое безъ поддержки неминуемо должно придти въ еще большій упадокъ. *Саратовскій Листокъ* сообщаетъ, что масса арендныхъ долговъ за землю, а также казенныя и земскія недоимки, накопившіяся за крестьянскимъ населеніемъ Саратовской губерніи во время предшествовавшихъ неурожайныхъ годовъ, создали такое положеніе, что богатый урожай одного прошлаго года не могъ вполнѣ поправить благосостояніе крестьянъ. Въ Аткарскомъ уѣздѣ многія сельскія общества обратились къ уѣздному земству съ ходатайствомъ о выдачѣ имъ продовольственной ссуды. Еще болѣе примѣровъ, что крестьяне обращаются въ уѣздныя земскія управы за разрѣшеніемъ воспользоваться запаснымъ хлѣбомъ изъ мірскихъ магазиновъ, засыпанныхъ ими въ прошлую осень. Распродавъ свой хлѣбъ на уплату долговъ, многіе крестьяне оказались въ невозможности прокормить себя, какъ они надѣялись, посторонними заработками и теперь прибѣгаютъ къ мірскимъ запасамъ, которые должны бы служить обезпеченіемъ ихъ продовольствія только въ такихъ крайнихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, неурожай несчастнаго 1880 года.

Такимъ образомъ, по извѣстіямъ изъ двухъ наиболѣе хлѣбородныхъ губерній, оказывается, что тамъ крестьяне нынѣшнею зимой находятся въ такомъ же бѣдственномъ положеніи, какъ и въ прошлогоднюю зиму во время голода. Обильный урожай ни мало не поправилъ разстроенное крестьянское хозяйство,—до такой степени раззорены крестьяне и истощены экономическія силы ихъ. Причиною такого разстройства былъ не одинъ только неурожай, но цѣлая масса неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, съ неуклоннымъ постоянствомъ въ теченіе многихъ лѣтъ оказывавшихъ свое гибельное вліяніе на экономическій бытъ крестьянъ. Въ доказательство того, что прошлогодній неурожай не былъ главною причиной бѣдственнаго положенія крестьянъ въ нынѣшнюю зиму, мы приведемъ извѣстіе изъ другой тоже хлѣбородной губерніи—Воронежской, гдѣ въ прошломъ году не было голода. Оттуда корреспондентъ *Порядка* пишетъ, что «урожай въ нынѣшнемъ году былъ весьма недуренъ: на десятину крестьянской земли становилось отъ 20 до 25 копенъ, что даже при плохомъ умолотѣ въ 3 мѣры съ копны (по случаю дождливаго лѣта зерно очень мелко) даетъ около 9 четвертей съ десятины, т.-е. урожай самъ 8. Результатъ недурный, если принять во вниманіе неудовлетворительность земледѣльческихъ орудій и недостатокъ рабочаго скота; и однако, несмотря на этотъ результатъ, крестьянамъ средней руки (богачи не въ счетъ) недостанетъ своего хлѣба, потому что высшій надѣлъ, даже для государственныхъ крестьянъ, находящихся повсемѣстно въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ, нежели бывшіе помѣщичьи,—почти нигдѣ не превышаетъ 3-хъ десятинъ на душу. Слѣдовательно подъ рожью, при трехпольной системѣ хозяйства, могла быть только 1 десятина, которая и дала 9 четвертей; но этихъ 9-ти четвертей не хватитъ на продовольствіе крестьянскому семейству изъ двухъ взрослыхъ работниковъ и двухъ дѣтей, получающему по раскладкѣ землю на одну душу. О бывшихъ владѣльческихъ крестьянахъ и говорить нечего: нѣкоторыя сельскія общества, какъ, напримѣръ, сухочаевское, получили только по 1 десятинѣ на душу надѣла; нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, дмитровское, только одну усадебную землю — такъ-называемый нищенскій надѣлъ; эти ужь рѣшительно бѣдствуютъ и не выходятъ изъ недоимокъ. Интересенъ тотъ фактъ, что каждая десятина пшеницы даетъ несравненно высшій доходъ, чѣмъ десятина ржи, но крестьяне рѣшительно нигдѣ не сѣютъ пшеницы. Это происходитъ не только отъ недостатка хорошихъ земледѣльческихъ орудій (пшеница требуетъ лучшей пахоты, чѣмъ рожь), но, главнымъ образомъ, оттого, что пшеница дороже ржи, и, слѣдовательно, ѣсть ее черезчуръ жирно будетъ для крестьянина, такъ что пшеницу приходится продавать и на вырученныя деньги покупать себѣ рожь для продовольствія. Вотъ

въ этой-то операціи вся суть и заключается: нашъ крестьянинъ поставленъ въ какія-то заколдованныя экономическія условія, изъ которыхъ, какъ онъ ни бьется, выбиться не можетъ, какъ ни старается идти вмѣстѣ съ людьми, но не удается. Наперекоръ всевозможнымъ политико-экономическимъ теоріямъ и истинамъ, крестьянинъ поставленъ въ безвыходную необходимость продавать дешево, а покупать дорого, такъ что на этихъ сдѣлкахъ онъ теряетъ большую часть, могущей достаться ему, разницы между цѣною продаваемой пшеницы и цѣною покупаемой ржи». Осенью хлѣбные торговцы покупали у землевладѣльцевъ рожь отъ 6 р. 50 к. до 7 р. 20 к., тогда какъ года четыре тому назадъ она продавалась отъ 3 р. 50 к. до 4 р. за четверть. Но очень часто случалось, что за ссуду крупныхъ хозяевъ деньгами на два-три мѣсяца хлѣбъ пріобрѣтался по цѣнамъ на августъ и сентябрь со скидкою 50—70 к. и даже до 1 р. 25 коп. Если такимъ образомъ торговцы не упускали случая воспользоваться критическимъ положеніемъ крупныхъ хозяевъ, то само собою понятно, что закупки хлѣба у крестьянъ были сдѣланы по цѣнамъ еще болѣе пониженнымъ. А между тѣмъ по окончаніи закупокъ цѣны на хлѣбъ были вновь подняты до высоты немного низшей противъ голодныхъ цѣнъ. Въ концѣ минувшаго года *Биржевымъ Вѣдомостямъ* писали изъ Воронежа, что тамъ дороговизна на всѣ предметы первой необходимости растетъ съ замѣчательною быстротою. Пудъ муки, какъ и во время самаго сильнаго неурожая, стоитъ 1 р. 10 к.—1 р. 20 к., пшено—до 2 р. мѣра, картофель по 30—35 к. мѣра, капуста—по 4 р. сотня, куб. сажень дровъ—отъ 30 до 40 р. и т. д. Всѣ приведенныя цѣны вдвое выше нормальныхъ для прежнихъ лѣтъ. Недавно стали продаваться въ городѣ дрова уже на пуды, по 13—15 к. за пудъ Жалобы на непомѣрную дороговизну предметовъ первой необходимости и вмѣстѣ съ тѣмъ на распространеніе въ народѣ нищеты слышатся повсемѣстно и въ особенности поражаютъ, когда доносятся изъ благодатныхъ, хлѣбородныхъ областей, отличавшихся въ нынѣшнемъ году хорошимъ урожаемъ. Напримѣръ, изъ Кременчуга, Волынской губерніи, осенью минувшаго года писали *Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ*, что тамъ дороговизна на всѣ предметы первой необходимости возрастаетъ, несмотря на хорошій урожай. Причины дороговизны заключаются, между прочимъ, въ томъ, что перекупщики на базарахъ чуть не силою вырываютъ у крестьянъ привозимые изъ деревень продукты и затѣмъ произвольно возвышаютъ цѣну. Вмѣстѣ съ тѣмъ возвышаются и цѣны на квартиры: вмѣсто 100—150 р., платимыхъ 5—6 лѣтъ назадъ, теперь за такую же квартиру платятъ 300—400 р. въ годъ. Въ Подольской губерніи, какъ сообщаютъ *Голосу* изъ Могилева, цѣны на всѣ жизненные продукты въ послѣднее время возвысились почти вдвое,

сравнительно съ цѣнами бывшими нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Отсюда же пишутъ *Новому Времени*, что, несмотря на урожайный годъ, нищенство ни мало не уменьшается. Старъ и младъ, даже малолѣтніе, бродятъ цѣлыми ватагами, протягивая руку за подаяніемъ, а иные безцеремонно стучатся въ двери жилищъ.

Понятное дѣло, что еще печальнѣе положеніе крестьянъ въ мѣстностяхъ, гдѣ урожай хлѣба былъ не вполнѣ удовлетворительный, а тѣмъ болѣе въ мѣстахъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Напримѣръ, о положеніи населенія Уральской области *Голосъ* сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: «Неурожай хлѣба и травъ въ прошломъ году сказался столь неблагопріятно на населеніи, особенно кочевомъ, что теперь грозитъ полный голодъ. Ржаная мука дошла до 3 руб. и выше за пудъ. Денегъ нѣтъ, скотъ вымеръ и хлѣба взять негдѣ, какъ только изъ Самары». Равнымъ образомъ корреспондентъ *Московскаго Телеграфа* сообщаетъ не менѣе печальныя извѣстія о положеніи населенія Казанской губерніи. Хлѣбъ, которымъ питаются крестьяне, ни болѣе, ни менѣе какъ грязь, смѣсь изъ воды (до 60%), травянистыхъ веществъ и незначительнаго количества муки. Тетюшская уѣздная управа, испрашивая ссуду у губернскаго земства, констатировала фактъ страшной нужды въ уѣздѣ; по ея словамъ, ссуды на продовольствіе, не говоря уже о будущихъ, на обсѣмененіе полей, потребуются для многихъ волостей раньше, чѣмъ съ половины зимы, до какого времени еще кое-какъ, истребя всѣ запасы хлѣба, пробьется населеніе. Но далеко не одинъ Тетюшскій уѣздъ испытываетъ нужду,—въ нынѣшнемъ году вся губернія вообще пострадала отъ неурожая. Недостатокъ хлѣба на продовольствіе выражается въ громадныхъ числахъ. Общій недостатокъ озимаго по губерніи 1.221.000 четвертей. Такимъ образомъ предстоитъ несомнѣнная голодовка если не для всѣхъ жителей губерніи, то для большей части уѣздовъ. Единственная надежда у крестьянъ—на хлѣбные общественные запасы и продовольственные капиталы. Уѣздныя земства, понимая все тяжелое положеніе населенія, потребовали ссуды изъ губернскаго продовольственнаго капитала на сумму слишкомъ въ 310.000 рублей. Между тѣмъ состояніе продовольственныхъ средствъ тоже не блестящее: въ наличности губернскаго продовольственнаго капитала немного болѣе 278.000 рублей. Губернская управа весною назначила ссуды на продовольствіе и обсѣмененіе въ нынѣшнемъ году; ее поддержала и особая коммиссія, а собраніе согласилось съ ихъ мнѣніемъ. Изъ Яранска, Вятской губерніи, пишутъ *Голосу*, что въ десяти волостяхъ уѣзда ощущается сильный недостатокъ хлѣба, почему уѣздное земское собраніе ходатайствуетъ объ открытіи кредита до 50.000 руб. на продовольствіе и обсѣмененіе полей. Неутѣшительныя свѣдѣнія получаются также изъ Вологодской губерніи. *Русскимъ Вѣдомостямъ* пишутъ изъ Устюга, что, по случаю неурожая, у большинства крестьянъ собрано хлѣба и сѣна такъ мало, что едва достанетъ его до Рождества. Наличные хлѣб-

ные запасы весьма скудны; нѣкоторые хлѣбные магазины совсѣмъ пусты и на пополненіе ихъ разсчитывать нечего. Равнымъ образомъ изъ Сольвычегодска сообщаютъ, что неурожай хлѣба и травъ грозитъ населенію голодухою, почему земское собраніе ходатайствуетъ о ссудѣ въ 20.000 руб. для помощи населенію, хотя бы въ самыхъ крайнихъ случаяхъ нужды. Въ Вологдѣ на все стоитъ ужасная дороговизна. Ржаная мука дошла до 1 р. 50 к. за пудъ; заработковъ нѣтъ; нищенство принимаетъ ужасающіе размѣры. Въ Архангельскомъ поморьѣ цѣна на хлѣбъ дошла до 2 р. 50 коп. за пудъ на наличныя деньги, а въ долгъ нужно заплатить не меньше 3-хъ рублей. Въ Олонецкой губерніи неурожай побудилъ губернское земское собраніе ходатайствовать передъ правительствомъ о ссудѣ на продовольствіе и обсѣмененіе полей въ размѣрѣ 500.000 рублей. Дороговизна вездѣ стоитъ ужасная. Самый плодородный уѣздъ въ губерніи—Каргопольскій—и тотъ въ нынѣшнемъ году терпитъ нужду въ хлѣбѣ. По словамъ каргопольскаго корреспондента *Порядка*, дороговизна хлѣба въ Каргополѣ возрастаетъ и возрастаетъ, такъ что даже люди со среднимъ достаткомъ положительно въ отчаяніи. Двадцать лѣтъ тому назадъ мука стоила здѣсь 25 к. за пудъ, а теперь поднялась въ цѣнѣ въ 6 разъ, до 1 р. 55 коп. за пудъ. Въ концѣ прошлаго года здѣшнее мѣщанское общество обратилось къ губернатору положительно съ мольбою о принятіи мѣръ къ обезпеченію продовольствія жителей, иначе придется умереть съ голоду. Мѣщане перебиваются кое-какъ, съ недѣли на недѣлю. Изъ Вытегры пишутъ въ ту же газету, что большинство уѣздныхъ земствъ Олонецкой губерніи сидятъ безъ денегъ, какъ, напримѣръ, вытегорское, лодейнопольское и др. Доктора, фельдшера, мировые судьи, учителя за нѣсколько мѣсяцевъ, даже за полгода, не удовлетворены жалованьемъ. Вытегорское земство просило заимообразно 20.000 р. на пополненіе земской смѣты настоящаго года, вслѣдствіе громаднаго недобора по земской раскладкѣ, но губернское собраніе отказало. Хлѣбъ въ Вытегрѣ на Маріинской системѣ продается кулями—15 р. 25 коп., а пудами 1 р. 80 к. Въ Петрозаводскѣ дороговизна хлѣба и бѣдность населенія дошли до того, что для помощи бѣдствующему населенію уже не хватило мѣстныхъ средствъ и понадобилась частная благотворительность со стороны лица совершенно посторонняго населенію, а именно петербургскаго купца Синебрюхова, который устроилъ въ городѣ на свой счетъ хлѣбопѣкарню и отпускаетъ бѣднымъ печеный хлѣбъ по пониженной цѣнѣ, а неимущимъ совсѣмъ даромъ. О дороговизнѣ хлѣба можно составить понятіе изъ того, что мука въ Петрозаводскѣ продается по 13 р. 50 к. за куль изъ земскихъ запасовъ, распродаваемыхъ по удешевленной цѣнѣ сравнительно съ рыночными цѣнами. Нужно замѣтить, что такая дороговизна хлѣба продолжается здѣсь съ осени 1880 года и возбуждаетъ въ бѣдномъ классѣ населенія сильное недовольство земскими дѣятелями и высшею губернскою администраціей за то, что, будто бы, первые мало заботятся объ обезпеченіи на-

роднаго продовольствія, а вторая отличается излишнею снисходительностью во всѣхъ отношеніяхъ къ земскимъ дѣятелямъ. Это недовольство разъ уже выразилось въ наклейкѣ мѣстныхъ самодѣльныхъ прокламацій на фонарныхъ столбахъ и у крыльца квартиры предсѣдателя губернской земской управы г. Савельева, при имени котораго во всѣхъ газетныхъ сообщеніяхъ неизмѣнно прибавляется, что онъ шуринъ губернатора. Подобный же способъ выраженія недовольства распоряженіями земства по обезпеченію народнаго продовольствія осенью прошлаго года былъ практикованъ въ Златоустѣ, Уфимской губерніи. Оттуда сообщалось *Порядку*, что предсѣдателю мѣстной земской управы и исправнику подкидываются угрожающія анонимныя письма по поводу повышенія цѣнъ на хлѣбъ. Перваго изъ нихъ, какъ винокуреннаго заводчика и весьма крупнаго виноторговца, считаютъ будто бы виновникомъ повышенія цѣнъ. Необыкновенная дороговизна хлѣба въ нынѣшнемъ году даетъ о себѣ знать даже въ такихъ торговыхъ центрахъ, какъ Рыбинскъ, гдѣ въ прежнее время всегда стояли сравнительно умѣренныя цѣны. По случаю ранняго закрытія навигаціи и неприбытія хлѣбныхъ каравановъ, цѣна ржаной муки въ Рыбинскѣ доходила до 14 р. за куль, чего никогда не бывало. Вмѣстѣ съ хлѣбною дороговизной весьма усилились въ городѣ мошенничества и кражи. Да и вообще въ Ярославской губерніи, при посредственномъ урожаѣ озимыхъ, плохомъ урожаѣ яровыхъ хлѣбовъ и полномъ неурожаѣ травъ, чрезмѣрная дороговизна предметовъ первой необходимости поставила населеніе въ самое безотрадное положеніе. Не лучшее положеніе дѣлъ и въ сосѣдней Костромской губерніи. Въ концѣ минувшаго года *Порядку* сообщали изъ Кинешмы, что вотъ уже второй годъ, какъ эту мѣстность постигаютъ неурожаи. Въ прошломъ году, когда цѣна на рожь вдругъ поднялась до 12 и болѣе рублей, всѣ ожидали, что эта цѣна продержится лишь до новаго урожая; но, несмотря на хорошій урожай хлѣба въ нынѣшнемъ году, въ низовыхъ волжскихъ губерніяхъ цѣна на хлѣбъ къ осени мало понизилась, а къ половинѣ зимы, вѣроятно, повысится. Нынѣшняя зима для населенія труднѣе прошлой. Тогда хоть сѣно хорошо уродилось, а нынѣ и сѣна уродилось на половину противъ прошлаго года. Къ довершенію несчастія, необыкновенно сухая осень помѣшала лежанью льна, посѣвы котораго, благодаря близости льнопрядильныхъ фабрикъ, значительны. Ленъ не успѣлъ улежаться и его пришлось поднять изъ опасенія, чтобы не занесло снѣгомъ. Многіе крестьяне, возлагавшіе свои надежды на доходъ отъ продажи льна, жестоко ошиблись и должны были или обработать его въ такомъ видѣ, какъ онъ есть, и получить плохое волокно, за которое дадутъ полцѣны, да и его выйдетъ мало, или ждать будущей весны и даже осени, чтобы вновь выстлать его и какъ слѣдуетъ обработать. А нужда не ждетъ,—подати требуются. Многіе крестьяне уже и теперь покупаютъ хлѣбъ. Какъ прожить съ семействомъ до новаго урожая и заплатить повинности?—вотъ вопросъ... Равнымъ образомъ и изъ

Тверской губерніи сообщалось въ газетахъ, что урожай ржаныхъ хлѣбовъ былъ въ Тверскомъ уѣздѣ хорошій, но цѣна на муку стоитъ прежняя—1 руб. 40 коп. за пудъ. Та мука, которая прежде привозилась для продажи на базаръ, теперь скупается молодцами (приказчиками) хлѣботорговцевъ или по деревнямъ, или по окраинамъ города въ базарные дни, такъ что на рынокъ поступаетъ ея ничтожное количество. Привыкнувъ брать большіе проценты на капиталъ, наши хлѣботорговцы не спускаютъ цѣнъ и съ прочихъ товаровъ: пшеничной муки, крупы, гороху и соли, которая въ розницу продается по 2 коп. за фунтъ. Дороговизна жизни даетъ себя знать въ увеличеніи преступленій и развитіи нищенства. Такъ, въ августѣ совершено было до 30 уголовныхъ преступленій, а въ сентябрѣ до 35 только въ городѣ, не говоря о мелкихъ кражахъ, разбираемыхъ у мировыхъ судей; судебные слѣдователи поэтому до-нельзя завалены дѣлами. Не только при церквахъ, но и на многихъ улицахъ постоянно встрѣчаются просящіе подаяніе не только взрослые, но и дѣти.

Раззоренію крестьянскаго хозяйства въ нынѣшнемъ сельско-хозяйственномъ году въ значительной степени содѣйствовалъ неурожай травъ на громадномъ пространствѣ съ населеніемъ около 36.000.000 душъ, не считая въ томъ числѣ Финляндію, Царство Польское и тѣ русскія губерніи, въ которыхъ неурожай былъ только мѣстами. Послѣдствія неурожая травъ сказываются въ ужасной дороговизнѣ сѣна и недостаткѣ его для корма скота, вслѣдствіе чего крестьяне вынуждены за безцѣнокъ распродавать лошадей и коровъ. По получаемымъ отовсюду газетнымъ извѣстіямъ, раззореніе крестьянскаго хозяйства, черезъ продажу на убой рабочаго скота, идетъ съ чрезвычайною быстротой. Такъ, напр., изъ Вологодской губерніи пишутъ, что, вслѣдствіе неурожая травъ, крестьяне распродаютъ скотъ по самой дешевой цѣнѣ. Въ Кадниковскомъ уѣздѣ корова, стоившая весною 30—35 руб., осенью продавалась за 10—12 р. Въ Устюжскомъ уѣздѣ цѣны на скотъ упали въ половину: лошадь, стоившая прежде 50 р., продавалась по осени за 25 р., а за корову въ 30 руб. давали 15 р.; на рынкѣ можно было видѣть порядочныхъ лошаденокъ въ 5 руб. Мясники, какъ волки, рыскали по деревнямъ и закупали крупный скотъ за безцѣнокъ, мелкій же—овецъ, телятъ—крестьяне рѣзали и ѣли сами. Послѣдняя лошаденка сбывалась крестьянами съ рукъ, такъ что не на чемъ стало и по дрова ѣхать. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ урожай травъ въ нынѣшнемъ году нигдѣ не превышалъ одну треть обыкновеннаго средняго урожая. Благодаря этому, а также неурожаю и дороговизнѣ хлѣба, при непосильной тяжести налоговъ, населеніе вынуждено сократить количество скота на двѣ трети противъ прежняго. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ мѣстной уѣздной земской управы, въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ на 40.000 ревизскихъ душъ населенія значится лошадей 15.631, или 0,39 на ревизскую душу, коровъ 31.904, или почти 0,8, и мелкаго скота 48.898 штукъ, или 1,$^{1}/_{3}$ на каждую ревизскую душу. Въ Вологодскомъ уѣздѣ

крестьяне, по случаю безкормицы, уже распродали за безцѣнокъ большую часть своего скота. Въ Костромской губерніи крестьянамъ приходилось ѣздить верстъ за 40 за продажною травой. Въ самой Костромѣ сѣно доходило до 70 к. за пудъ. Въ Новгородской губерніи, по заявленіямъ, сдѣланнымъ оффиціальнымъ путемъ, крестьяне неминуемо должны уменьшить количество скота, въ виду недостатка кормовъ. Въ Петербургской губерніи недостатокъ сѣна такъ великъ, что, напр., въ Петергофскомъ уѣздѣ во время сѣнокоса сѣно продавалось по 35 к. за пудъ, тогда какъ обыкновенно въ это время цѣна его бываетъ 10—18 к., а въ концѣ іюля цѣна сѣна поднялась уже до 50 к. за пудъ. Крестьяне такъ много распродали скота, что на рождественской ярмаркѣ въ Новой-Ладогѣ мясо продавалось почти въ убытокъ самимъ купцамъ,—солонина по 1 р. 20 к. и говядина по 4 р. за пудъ. Въ Псковской губерніи кормы такъ вздорожали, что, напр., въ Порховскомъ уѣздѣ возъ сѣна, стоившій прежде 60—80 к., осенью продавался по 2 р. 50 к.—3 руб. По извѣстіямъ изъ Пермской губерніи, тамъ также стоитъ безкормица и ужасная дороговизна сѣна, о которой можно составить понятіе уже изъ того, что въ Красноуфимскомъ уѣздѣ еще осенью сѣно продавалось отъ 60 к. до 1 руб. за копну въ 5—6 пудовъ. Во Владимірской губерніи недостатокъ сѣна такъ великъ, что еще по осени оно продавалось отъ 30 до 45 к. за пудъ, а къ веснѣ, безъ сомнѣнія, дойдетъ до 60 к. Крестьяне распродаютъ скотъ; осеннія и зимнія ярмарки изобилуютъ пригономъ скота въ количествѣ далеко превышающемъ спросъ. Въ Московской губерніи отовсюду жалуются на дороговизну кормовъ по случаю плохого урожая сѣна. Напр., изъ Гуслицъ сообщаютъ въ газеты, что сѣно дошло до небывало-высокихъ цѣнъ: лучшее до 50 к. и самое плохое не дешевле 30 коп. за пудъ; крестьяне сбываютъ скотъ за безцѣнокъ; на базарахъ крестьянскія рабочія лошади распродаются по 3—5 руб. за штуку на убой и живодеры скупаютъ ихъ цѣлыми табунами. Возникаетъ масса небывалыхъ ранѣе дѣлъ о покражахъ сѣна изъ нужды. На покровскую ярмарку въ Волоколамскъ было пригнано очень много распроданнаго крестьянами скота; цѣны стояли до того низкія, что хорошую корову можно было купить за 18—20 руб. Во всей Ярославской губерніи стоитъ ужасная дороговизна сѣна, скотъ крестьянами распроданъ и ужасно упалъ въ цѣнѣ. Корреспондентъ *Новаго Времени* пишетъ изъ Ярославля, что, вслѣдствіе безкормицы, крестьяне спѣшатъ сбывать коровъ по 15 и даже 12 руб.; за лошадей ничего не даютъ. Изъ Рыбинска пишутъ *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что не только въ городѣ, но и въ уѣздѣ пудъ сѣна—60 к. Безкормица, въ связи съ другими тяжелыми условіями жизни, вынуждаетъ крестьянъ продавать свой скотъ за безцѣнокъ, чаще же убивать его. Нѣкоторые отдаютъ коровъ на зиму на прокормленіе, но сдѣлки эти крайне невыгодны для владѣльцевъ скота. На станціи, напр., Родіоновѣ и въ другихъ мѣстностяхъ за прокормъ коровы берутъ: 10 р. деньгами, теленка, да вы-

говариваютъ еще при этомъ себѣ право пользоваться молокомъ въ теченіе года. Насколько тяготятся теперь содержаніемъ скота, показываютъ слѣдующіе факты. Одна землевладѣлица заколола 35 коровъ и нѣсколько лошадей. Одинъ барышникъ скупилъ 120 лошадей по 3 р. и по убоѣ ихъ на однѣхъ только шкурахъ выручилъ 500 р. Что будетъ далѣе весною безъ скота да еще при поздней зимѣ, вредно вліяющей на сельскіе посѣвы—трудно себѣ представить. Изъ Углича той же газетѣ сообщаютъ, что сѣно продается по 40 — 50 коп. за пудъ. Скотъ вслѣдствіе этого подешевѣлъ настолько, что лошади, стоившія весной 30 р., покупаются теперь по 5—7 и 10 рублей; въ той же мѣрѣ дешевъ и рогатый скотъ. Мясо самое лучшее, продававшееся по 3 руб. 80 к. — 4 руб., теперь — 2 р. — 2 руб. 40 к. за пудъ и его очень много. Въ Тверской губерніи также стоитъ безкормица. Въ Старицкомъ уѣздѣ еще лѣтомъ сѣно продавалось по 30—35 к. за пудъ, тогда какъ самая высокая зимняя цѣна сѣна тамъ бываетъ не дороже 20 к. за пудъ. Изъ Калязинскаго уѣзда священникъ Белюстинъ осенью писалъ *Новому Времени*, что «собранъ возъ сѣна тамъ, гдѣ прежде получалось 5—6 возовъ; а между тѣмъ пустоши нанимались, — своихъ покосовъ у крестьянства нашей мѣстности клока не имѣется,—вдвое и втрое дороже прошлыхъ зимъ, поэтому сѣно теперь уже у насъ продается 30—35 к. за пудъ; значитъ, зимой цѣна ему будетъ за 50 к. Что же въ итогѣ?—За чрезвычайнымъ недостаткомъ яровой соломы и сѣна, необходимость распродавать и то ничтожное количество скота, какое еще имѣлось, по какой бы то ни было цѣнѣ; за этимъ отсутствіе и того скуднаго удобренія полей, какимъ, за всецѣлой невозможностью скотоводства въ нужномъ количествѣ, крестьянство еще пробавлялось». Изъ Твери пишутъ *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что, по отсутствію кормовыхъ запасовъ, крестьяне дешево распродаютъ свой скотъ. Подтвержденіемъ тому можетъ служить, напр., фактъ, что одинъ изъ прасаловъ,—конечно, не безъ выгоды для себя,—продалъ мяснику 70 штукъ скота по 90 к. среднимъ числомъ за пудъ; по какой же цѣнѣ, значитъ, этотъ скотъ проданъ ему крестьянами? Мясо въ городѣ въ базарные дни продается крестьянами по 4—4½ коп. за фунтъ, несмотря на постоянныя и значительныя закупки его торговцами на солонину. Масло же, прежде покупавшееся по 20 к., много по 25 к. за фунтъ, теперь вздорожало до 35 к. Оттуда же сообщаютъ петербургскимъ газетамъ, что плохой урожай кормовъ для скота даетъ себя сильно чувствовать, такъ что коровы, стоющія 40—45 р., продаются теперь за 18—20 руб., отчего молочные продукты сильно поднимаются въ цѣнѣ; коровье масло вмѣсто 22 к. за фунтъ продается по 35 к., штофъ молока вмѣсто 10 к.— по 18—20 коп. Пудъ сѣна уже продается по 40—45 коп., но среди зимы можетъ возвыситься до 60—70 к.; яровая солома также стоитъ въ высокой цѣнѣ по причинѣ плохого урожая, и дороговизна кормовъ заставляетъ крестьянъ продавать необходимую для нихъ скотину, что въ

свое время неблагопріятно отзовется и на сельскомъ хозяйствѣ по недостатку удобрительныхъ туковъ. Въ Смоленской губерніи недостатокъ корма для скота дошелъ до того, что уже въ началѣ осени въ городѣ Вязьмѣ на базарѣ сѣно продавалось по 40 — 45 к. за пудъ, тогда какъ обыкновенная цѣна ему въ эту пору 15 к. Изъ Рославля сообщаютъ *Голосу*, что пудъ сѣна еще съ осени продавался по 40 к., а теперь у большинства крестьянъ совсѣмъ нѣтъ сѣна, да и купить негдѣ. За недостаткомъ корма осенью убито много жеребятъ, да и еще, по словамъ корреспондента, придется перерѣзать не мало скота. Въ Калужской губерніи дороговизна кормовъ такъ велика, что, наприм., въ Боровскомъ уѣздѣ по деревнямъ лѣтомъ платили 25 к. за пудъ сѣна, тогда какъ въ предыдущемъ году средняя цѣна въ то же время была около 10 коп. Въ Минской губерніи стоитъ общая безкормица; въ Слуцкскомъ уѣздѣ уже въ іюлѣ сѣно продавалось по 50 к. за пудъ, а къ осени и за эту цѣну стало трудно доставать его; скотъ отощалъ, а коровы убавили удои. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ дороговизна сѣна ужасная. Въ Ревелѣ, по словамъ корреспондента *Порядка*, въ началѣ осени сѣно продавалось по 85—90 коп. Въ Курляндской губерніи, по случаю недостатка сѣна, осенью коровы уменьшили удои на 1/3; цѣна сѣна дошла до 1 р. 20 к. за пудъ. Во всей Финляндіи былъ неурожай травъ. По газетнымъ сообщеніямъ, оттуда ежедневно слѣдуютъ въ Петербургъ значительные гурты финляндскаго скота, который владѣльцы вынуждены заблаговременно продавать на бойню, вслѣдствіе крайней дороговизны сѣна; молочные продукты поднялись въ цѣнѣ.

Чтобы понять печальное значеніе приведенныхъ выше фактовъ, указывающихъ на уменьшеніе скота въ крестьянскихъ хозяйствахъ по случаю неурожая травъ, необходимо принять въ соображеніе, что наше хозяйство и безъ того страдаетъ недостаткомъ рабочаго скота. Скота мало и необходимость увеличить число его самая настоятельная, а между тѣмъ, вмѣсто увеличенія, мы видимъ, какъ на нашихъ глазахъ мужики продаютъ послѣднюю лошадь подъ ножъ живодера. Еще было бы сносно, если бы такое уменьшеніе скота было временнымъ явленіемъ, вызваннымъ исключительно неблагопріятнымъ урожаемъ травъ въ минувшее лѣто. Но въ дѣйствительности мы видимъ, что уменьшеніе скота у насъ идетъ съ правильнымъ постоянствомъ въ теченіе уже многихъ лѣтъ и впереди незамѣтно никакихъ благопріятныхъ признаковъ того, чтобы скоро могъ остановиться этотъ, постоянно прогрессирующій, упадокъ скотоводства. Въ Европейской Россіи, безъ Финляндіи и Царства Польскаго, считалось жителей въ 1857 году 59.330.752, въ 1867 году—63.658.311, въ 1870 г.—65.704.559, въ 1878 году—67.533.639 человѣкъ. Между тѣмъ движеніе скотоводства въ тѣхъ же самыхъ областяхъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Число лошадей.	Число рогат. скота.
Въ 1851 году.	16.155.000	20.962.000
» 1856 »	15.063.000	21.251.000
» 1861 »	15.190.000	20.638.000
» 1866 »	15.266.000	21.634.000
» 1871 »	15.568.000	21.504.000
» 1876 »	16.151.000	21.857.500

Приводя эту таблицу, «Обзоръ управленія государственными имуществами за послѣднія 25 лѣтъ, съ 19 февраля 1855 года по 19 февраля 1880 года», дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: «Въ числѣ лошадей замѣчается до 1876 года болѣе или менѣе значительное сокращеніе, особенно въ приволжскихъ губерніяхъ, гдѣ почти совершенно упалъ прежній табунный способъ разведенія лошадей. Паденіе замѣтно также и въ средней черноземной полосѣ. Совершенно упало, и почти повсемѣстно, коннозаводство въ смыслѣ разведенія высокоцѣнныхъ лошадей, по невыгодности дѣла. Значительно увеличилось, какъ у помѣщиковъ, такъ и у крестьянъ, число лошадей въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Вывозъ лошадей за границу съ 9.000 въ годъ, въ среднемъ, за пятилѣтіе 1851—1855 гг. возросъ до 27.000 въ годъ за пятилѣтіе 1872—1876 гг. Количество крупнаго рогатаго скота упало въ эпоху освобожденія крестьянъ, затѣмъ снова поднялось, и хотя въ 1876 году превзошло первоначальную цифру на 4,3%, тѣмъ не менѣе подвергалось колебаніямъ и въ обратную сторону. Въ сѣверныхъ, сѣверо-западныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ, а также въ нѣкоторыхъ среднихъ нечерноземныхъ обращено хозяевами вниманіе какъ на улучшеніе самыхъ породъ скота, посредствомъ скрещиванія ихъ съ выписанными изъ-за границы производителями и посредствомъ улучшенія мѣстныхъ породъ самихъ по себѣ, такъ и на улучшеніе самого содержанія скота и на разведеніе молочнаго хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ на увеличеніе количества содержимаго скота. Въ южномъ и юго-западномъ краю, гдѣ скотъ разводится по преимуществу, какъ рабочая сила, численность его въ послѣдніе годы сокращается, вслѣдствіе замѣны во многихъ мѣстностяхъ воловьей работы—работою лошадей. Въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ замѣчается такое же уменьшеніе, вслѣдствіе усиленной распашки земель. Вывозъ крупнаго рогатаго скота до 1871 года не переставалъ увеличиваться и съ 18.000 головъ въ годъ въ среднемъ за пятилѣтіе 1852—1857 гг. дошелъ до 93.000 въ 1867—1872 гг., но затѣмъ сократился болѣе чѣмъ на половину, именно до 41.000 головъ въ годъ, вслѣдствіе запретительныхъ мѣръ, принятыхъ правительствами нѣкоторыхъ государствъ, отъ опасенія занесенія къ нимъ чумы». Разбирая данныя о количествѣ скота въ Европейской Россіи за 1851, 1861 и 1871 годы, профес. Янсонъ въ своей «Сравнительной статистикѣ» замѣчаетъ, что здѣсь «прежде всего выдѣляется обширная мѣстность, охватывающая сред-

нюю великорусскую, нестепную и черноземную область, центральную и промышленную и новгородско-финское полѣсье, гдѣ общая численность скота падаетъ постоянно. Наиболѣе сильно упала численность скота въ центральной промышленной—на 28,5%, сравнительно съ 1851 годомъ, и вѣроятная причина этого явленія лежитъ въ томъ, что несомнѣнно въ промысловой полосѣ земледѣліе все болѣе и болѣе перестаетъ быть главнымъ занятіемъ населенія. За центральною промышленной слѣдуетъ область новгородскаго полѣсья, гдѣ численность скота упала на 24,1%, вслѣдствіе почти той же причины. Слабѣе—на 5,6%—упала численность скота въ средней части черноземной полосы, вслѣдствіе сокращенія луговъ и возрастающей малоземельности. Въ центральной промышленной упали абсолютно всѣ отрасли скотоводства; въ остальныхъ двухъ—главнымъ образомъ разведеніе рогатаго скота, число же овецъ нѣсколько увеличилось даже,—тоже признакъ, не могущій считаться благопріятнымъ, потому что овцы вездѣ сопровождаютъ или истощеніе почвы, или сравнительное неплодородіе ея, въ мѣстностяхъ болѣе или менѣе густо населенныхъ. Постоянное увеличеніе численности скота мы наблюдаемъ въ западной части черноземной не степной и степной, въ западной окраинѣ и въ черноземной суглинистой. Самое сильное увеличеніе, сравнительно съ 1851 годомъ, было въ западной части черноземной степной области, вслѣдствіе расширенія хлѣбопашества, на 47,9%, въ западной части не степной полосы оно равнялось 26%, въ западной окраинѣ 24,1% и въ черноземно-суглинистой—15,1%. Въ западной части степной черноземной полосы возросли всѣ отрасли скотоводства, кромѣ разведенія рогатаго скота, которое въ той же части не степной полосы даже упало; особенно увеличилась значительно численность лошадей въ западной части не степной полосы,—можетъ-быть, главнымъ образомъ, вслѣдствіе замѣны воловьей силы въ хлѣбопашествѣ лошадиною, и въ западной части степной, вслѣдствіе той же причины и расширенія запашекъ. Въ губерніяхъ западной окраины численность рогатаго скота возросла абсолютно, хотя слабѣе, чѣмъ другія отрасли скотоводства, кромѣ овцеводства, а въ черноземно-суглинистой слабѣе, чѣмъ овцеводство».

Хотя мы и не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о движеніи скотоводства въ Россіи послѣ 1876 года, тѣмъ не менѣе многочисленныя отрывочныя данныя указываютъ, что число скота изъ года въ годъ продолжаетъ уменьшаться. Отовсюду слышатся жалобы, что количество скота у крестьянъ уменьшается, а число бездомныхъ и безземельныхъ бобылей все болѣе и болѣе возрастаетъ. Лишившись скота, крестьяне запускаютъ пашни, сокращаютъ или совсѣмъ прекращаютъ посѣвы, многіе бросаютъ свои недостаточные и скудные надѣлы, распродаютъ все земледѣльческое хозяйство, заколачиваютъ наглухо избы и идутъ скитаться по бѣлому свѣту, отыскивая болѣе выгодные промыслы. Такъ, напримѣръ, изъ Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи, пишутъ *Порядку*, что «размѣры ското-

водства у крестьянъ сильно сократились за послѣднія десять лѣтъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ. По земскимъ даннымъ, въ Кадниковскомъ уѣздѣ въ 1869 году на 23.519 дворовъ приходилось лошадей—40.484, коровъ—107.019, мелкаго скота (овецъ и телятъ)—245.935. Въ 1879 году, по даннымъ статистическаго комитета, лошадей считается всего 35.728, коровъ—83.688 и мелкаго скота—106.974 штуки. Слѣдовательно, число лошадей уменьшилось на 11,7%, рогатаго скота на 22,1% и мелкаго скота на 56%. На одинъ дворъ приходилось въ 1869 году лошадей—1,72, коровъ—4,61 и мелкаго скота—10,4 штуки. Въ 1879 году лошадей—1,57, коровъ—3,68 и мелкаго скота—4,7. За этотъ промежутокъ времени число дворовъ, несмотря на сильное стремленіе къ раздѣламъ, уменьшилось съ 23.519 на 22.711, т.-е. на 3,6%. Куда же дѣвались обитатели исчезнувшихъ дворовъ?—Точныхъ данныхъ по этому предмету нѣтъ; но можно предположить, что одни изъ нихъ, вслѣдствіе обѣднѣнія, сдѣлались владѣльцами половины или четверти дома, другіе поступили въ разрядъ бездомныхъ». Въ Саратовской губерніи въ 1880 году, при общемъ количествѣ народонаселенія въ 2.021.838 душъ, считалось скота 2.247.820 головъ, въ томъ числѣ: въ городахъ на 278.080 жителей 41.998 головъ, въ уѣздахъ на 1.743.843 жителя 2.206.422 головы. Изъ этого количества собственно крестьянамъ принадлежало:

			Изъ нихъ пало.	Осталось.
Лошадей	438.901	гол.	1.870	431.231
Воловъ	76.056	»	2.068	73.988
Коровъ	332.923	»	9.600	323.323
Овецъ.	976.767	»	20.274	956.493
Свиней	123.148	»	3.430	119.718
Козъ.	13.530	»	379	13.151
Всего . . .	1.961.325	гол.	43.421	1.917.904

Крестьянъ въ губерніи считается 1.917.904, составляющихъ 271.006 семействъ, такъ что въ среднемъ выводѣ на каждую семью приходится болѣе 6 душъ. Въ каждой семьѣ по среднему разсчету находится лошадей—1,5, воловъ и коровъ—1,4, овецъ—3,3, свиней и козъ—0,4. Но изъ числа 271.006 крестьянскихъ семействъ 87.907 семей, т.-е. 32,4%, или около 530.000 душъ, имѣютъ менѣе одной рабочей лошади на семью, 40.409 семей, т.-е. 14,9%, или около 243.000 душъ, не имѣютъ вовсе скота, а 16.190 семей, т.-е. около 100.000, не имѣютъ домовъ. Въ Московской губерніи количество скота у крестьянъ уменьшилось, въ періодъ съ 1869 года по 1878 годъ, въ слѣдующей пропорціи: въ лошадяхъ убыль составляетъ—2,7%, въ коровахъ—4,1%, въ мелкомъ скотѣ—2,5%; общая же убыль во всемъ скотѣ, считая 10 штукъ мелкаго скота за одну голову крупнаго, составляетъ 2,4%. Изъ числа крестьянъ Московской губерніи въ строгомъ смыслѣ къ земледѣльческому населенію принадлежатъ

61,3% крестьянскихъ дворовъ, а остальные дворы принадлежатъ крестьянамъ безземельнымъ, совсѣмъ бросившимъ земледѣліе или обрабатывающимъ землю наймомъ. Даже изъ числа коренныхъ земледѣльцевъ найдется множество домохозяевъ, обрабатывающихъ не весь надѣлъ, потому что или не успѣваютъ обрабатывать всей земли, или предпочитаютъ хорошее удобреніе малой части—плохому удобренію всего надѣла, или же не имѣютъ сѣмянъ, чтобъ обсѣять всѣ полосы. Въ Тверскомъ уѣздѣ надѣльной земли считается 190.001 десятина, а всѣхъ крестьянъ обоего пола 113.015 душъ. Изъ общаго числа домохозяевъ 15% не имѣютъ въ домѣ, что называется, куринаго пера. Изъ Звенигородки, Кіевской губерніи, пишутъ *Порядку*, что тамъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ за послѣднія пять лѣтъ скотоводство уменьшилось втрое. Въ Самарской губерніи по случаю безкормицы погибло въ 1879 году слѣдующее количество крестьянскаго скота:

Лошадей	68.344
Воловъ	13.821
Коровъ	49.815
Овецъ	71.027
Свиней	8.755
Козъ	1.201
Итого	212.962 головы.

Въ началѣ 1880 года насчитывалось въ губерніи 82.097 крестьянскихъ семействъ, вовсе не имѣющихъ рабочаго скота, затѣмъ въ теченіе 1880 года количество скота у крестьянъ уменьшилось еще болѣе, такъ что въ одномъ Самарскомъ уѣздѣ погибло 38.541 голова, да, сверхъ того, 100.478 штукъ продано за безцѣнокъ. Крестьянъ совершенно не занимавшихся хлѣбопашествомъ числилось въ 1879 году по всей губерніи 20.703 хозяина и отдавшихъ всю или часть своихъ надѣловъ другимъ лицамъ 30.785 человѣкъ. Особенно много первыхъ оказалось въ 16 волостяхъ губерніи, изъ которыхъ въ каждой насчитывалось такихъ домохозяевъ отъ 200 до 654 человѣка. Изъ общаго числа волостей Самарской губерніи (303 вол.) отыскалось только 35 волостей, въ которыхъ все населеніе занимается хлѣбопашествомъ. Особенно выдѣляется въ этомъ отношеніи Самарскій уѣздъ, гдѣ такихъ волостей нашлось только двѣ. Въ Калужской губерніи количество скота съ 1860 по 1880 годъ уменьшилось на 145.365 головъ, въ томъ числѣ лошадей 51.756, рогатаго скота 39.726, овецъ 48.685, свиней 5.059 и козъ 139 головъ. Хозяйственный упадокъ выразился также въ истребленіи лѣсовъ, составляющихъ главное естественное богатство Калужской губерніи. Въ 1860 году тамъ числилось лѣсу 723.206 десятинъ, такъ что одна десятина лѣсной площади приходилась на 3 десятины общаго пространства губерніи, а въ 1880 году лѣса осталось только 461.805 десятинъ, что составитъ одну

десятину лѣса на шесть десятинъ общаго пространства губерніи. До какой степени упало земледѣліе, видно изъ того, что въ 1860 году пахатной земли было 1.549.946 десятинъ, въ 1880 году 1.207.917 десятинъ, т.-е. распашка уменьшилась на 342.029 десятинъ, между тѣмъ какъ населеніе за это время возросло на 20%. Въ то же время съѣстные продукты за послѣднія 20 лѣтъ возвысились въ цѣнѣ втрое, плата же за трудъ увеличилась только вдвое, именно въ 1860 году работникъ-мужчина стоилъ въ годъ 35 р., а въ 1880 году—70 руб.

На уменьшеніе числа скота указываетъ чрезвычайная смертность его отъ эпизоотій, причиняющихъ громадные убытки населенію. Такъ, напр., въ Тамбовской губерніи съ 1871 по 1880 годъ отъ одной чумы пало 50.135 головъ рогатаго скота, на сумму болѣе 1.000.000 рублей. Въ Курской губерніи къ 1-му января 1880 года въ наличности состояло рогатаго скота 486.735 головъ, въ томъ числѣ крупнаго 356.005 и мелкаго 130.730 головъ. Въ теченіе 1878 года отъ чумы пало крупнаго скота 29.308 и мелкаго 11.990, а всего 41.298 головъ или въ общей сложности почти 12%. Оцѣнивая каждую голову, положимъ, въ 20 р., получимъ сумму въ 825.600 руб. убытка, понесеннаго населеніемъ губерніи отъ падежа скота въ одномъ только 1878 году. По словамъ корреспондента *Московскаго Телеграфа*, приблизительно такіе же убытки повторяются въ Курской губерніи каждый годъ. Вообще, по статистическимъ свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, за послѣдніе 4 года, въ предѣлахъ Европейской Россіи пало отъ чумы 1.010.962 головы рогатаго скота. Погибель скота отъ недостатка корма бываетъ еще сильнѣе, чѣмъ отъ эпизоотій. Напр. въ Уральской области, именно въ уѣздахъ Уральскомъ, Калмыковскомъ, Гурьевскомъ, Эмбенскомъ, бывшій зимою 1879—1880 года, вслѣдствіе безкормицы, падежъ произвелъ ужасное опустошеніе въ стадахъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

	Общее число.	Изъ того числа пало.	Осталось.
Верблюдовъ	272.929	164.148	108.781
Лошадей	709.057	567.828	141.229
Рогатаго скота . .	315.743	209.766	105.077
Барановъ	3.066.505	2.545.475	521.030
Козъ	28.120	21.043	7.077
Итого	4.392.354	3.508.260	884.094

Въ теченіе всего лѣта и осени 1881 года не прекращались опустошительные падежи скота, причинившіе громадное разстройство въ крестьянскомъ, и безъ того раззоренномъ, хозяйствѣ. Сибирская язва свирѣпствовала въ Новгородской губерніи, причемъ особенно много пало скота въ уѣздахъ Боровичскомъ, Новгородскомъ, Крестецкомъ, Тихвинскомъ и Устюжскомъ. Въ одномъ Боровичскомъ уѣздѣ съ 15 іюня по 16 іюля

пало лошадей 328, коровъ 227, овецъ 20, итого 575. Въ Новгородскомъ уѣздѣ съ 1 іюня по 15 іюля пало лошадей 1.483, коровъ 489, овецъ 465, итого 2.437 головъ. Въ Петербургской губерніи также свирѣпствовала сибирская язва, отъ которой въ одномъ Ново-Ладожскомъ уѣздѣ пало 1.500 головъ разнаго скота. Въ губерніяхъ Псковской, Смоленской, Пермской, Харьковской, Виленской, Таврической и другихъ сибирская язва произвела сильное опустошеніе въ стадахъ. Въ Тверской губерніи множество скота погибло отъ чумы. Отсюда эпизоотія перешла въ Московскую губернію, гдѣ въ одномъ Рузскомъ уѣздѣ пало болѣе 1.600 головъ рогатаго скота. Здѣсь крестьяне, не видя конца бѣдствію, съ ужасомъ смотрятъ на будущее и спѣшатъ распродавать скотъ, не надѣясь сохранить его отъ падежа. Чума свободно и быстро распространяется черезъ посредство скота и другихъ зараженныхъ предметовъ: кожи зачумленныхъ животныхъ сбываются на заводы, сѣно изъ мѣстъ, пораженныхъ чумою, распространяется покупкой по селеніямъ, свободнымъ отъ эпизоотіи, даже зачумленный скотъ встрѣчается въ продажѣ. Въ Можайскомъ уѣздѣ пало отъ чумы до 1.000, а въ Волоколамскомъ болѣе 6.000 головъ рогатаго скота. Въ Черниговской губерніи чума дѣйствовала опустошительно: въ Суражскомъ уѣздѣ пало около 6.000 головъ скота, на сумму свыше 150.000 рублей; въ Стародубскомъ уѣздѣ падежъ былъ такъ силенъ, что, напр., въ зажиточномъ селѣ Посудигахъ едва осталось 10 штукъ рогатаго скота. Въ Смоленской губерніи, одновременно съ сибирскою язвой, былъ столь сильный падежъ скота отъ чумы, что, какъ сообщаютъ изъ Рославльскаго уѣзда, у иныхъ землевладѣльцевъ выпалъ поголовно весь скотъ. Точно также опустошительно зараза дѣйствовала въ Рязанской губерніи; напр., въ деревнѣ Большомъ-Гродинѣ, Егорьевскаго уѣзда, изъ 270 головъ скота у крестьянъ не осталось ни одной. Въ Курской губерніи, по словамъ газетныхъ корреспондентовъ, чума производитъ ужасное опустошеніе въ стадахъ: напр., изъ Путивльскаго уѣзда писали, что въ деревнѣ Новой-Слободѣ изъ 450 головъ рогатаго скота 150 пало, 150 оставалось больныхъ и только 150 пока пощажены заразою, а въ другихъ хуторахъ еще хуже, такъ что въ иныхъ мѣстахъ изъ 270 головъ скота уцѣлѣло отъ падежа какихъ-нибудь 30 штукъ. О размѣрахъ скотскаго падежа въ Тамбовской губерніи можно судить по тому, что въ городѣ Моршанскѣ пало отъ чумы до 800, да въ селеніяхъ Моршанскаго уѣзда болѣе 500 головъ крупнаго рогатаго скота; по словамъ газетныхъ корреспондентовъ, многіе крестьяне, благодаря падежамъ, остались совсѣмъ безъ скота. Въ Маріупольскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, только въ пяти русскихъ селеніяхъ въ теченіе мѣсяца чума истребила до 1.000 головъ скота; въ селеніи Ольговкѣ болѣзнь развилась до такой степени, что когда прибылъ туда ветеринарный врачъ, то нашелъ уже до 800 головъ зачумленнаго скота. Съ неменьшею силой чума свирѣпствовала въ губерніяхъ Калужской, Пензенской, Орловской, Харьковской, Виленской, Могилевской, Кіевской, Херсонской и другихъ.

Число скота, погибшаго отъ эпизоотій лѣтомъ и осенью прошлаго года, должно быть чрезвычайно громадно. Если же къ опустошеніямъ, произведеннымъ въ стадахъ заразными болѣзнями, присоединить еще убыль вслѣдствіе распродажи скота осенью и зимою по случаю безкормицы, въ такомъ случаѣ получится самая печальная картина кореннаго упадка въ крестьянскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. У кого уменьшилось количество скота, тому приходится или сократить посѣвы, или уменьшить и безъ того ничтожное удобреніе полей, давно выпаханныхъ и истощенныхъ. Другіе совсѣмъ лишились скота безъ остатка и поневолѣ должны были бросить земледѣліе. Дѣйствительно, грустный, тоскливый видъ представляли нынѣшнею зимой многія селенія въ тѣхъ мѣстностяхъ средней полосы Россіи, гдѣ намъ лично пришлось побывать. По селамъ то и дѣло встрѣчаются избы съ заколоченными наглухо воротами и окнами. Изъ разсказовъ оказывается, что хозяева этихъ домовъ, раззорившись въ конецъ и не видя возможности прокормиться около дома, всѣ поголовно ушли отыскивать заработки на фабрикахъ. Бѣгство изъ деревень, куда глаза глядятъ—то въ городъ за сборомъ милостыни Христовымъ именемъ, то въ большіе фабричные центры для заработковъ, то на вольныя земли для основанія новыхъ земледѣльческихъ хозяйствъ—вотъ конецъ, послѣднее слово въ жизни крестьянскаго населенія Россіи.

Бѣгутъ крестьяне отъ земли, раззорившись въ конецъ и не имѣя никакихъ средствъ дальше обработывать свои скудные надѣлы съ истощенною почвой, и кажется бѣглецамъ, что на сторонѣ какъ-нибудь удастся прокормиться. Но разсчеты на возможность пріобрѣсти кусокъ хлѣба на сторонѣ съ каждымъ годомъ становятся все болѣе и болѣе обманчивыми. Извѣстно, что переселенцевъ нашихъ обыкновенно ожидаетъ самая печальная участь. Рѣдкимъ изъ нихъ удается хорошо и прочно устроиться на новомъ мѣстѣ. Большая часть умираетъ отъ нужды еще дорогою или по прибытіи на мѣсто поселенія. Другіе, не найдя свободныхъ земель, закабаляютъ себя въ наемные батраки у мѣстныхъ землевладѣльцевъ, или богатыхъ крестьянъ. Иные, наконецъ, послѣ напрасныхъ поисковъ свободной земли для поселенія, возвращаются на родину еще болѣе обнищавшими и раззоренными, чѣмъ были до переселенія. Если въ настоящее время стоило затруднительности для крестьянъ поправить свою участь посредствомъ переселенія, то съ другой стороны нелегко также для обѣднѣвшей крестьянской семьи даже временно прокормиться Христовымъ именемъ. Сборъ милостыни еще въ недавнее время служилъ самымъ обыкновеннымъ способомъ перебиться во время невзгоды для крестьянскихъ семей, раззорившихся вслѣдствіе какихъ-либо несчастныхъ случаевъ. Подаянія бывали настолько значительны, что при помощи ихъ временно обнищавшіе люди получали возможность обзавестись самыми крайне необходимыми предметами для земледѣльческаго хозяйства. Напримѣръ, погорѣльцы, или нищіе изъ мѣстностей, пораженныхъ голодомъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ

не только сами прокармливались подаяніемъ, но успѣвали скопить деньжонокъ на постройку избы, покупку лошади и т. п., такъ что опять дѣлались самостоятельными хозяевами земледѣльцами. Эти блаженныя времена, которыя мы еще живо помнимъ, теперь прошли, повидимому, безъ возврата. Нищихъ теперь развелось такъ много, что трудно прокормить ихъ осѣдлому домовитому населенію, которое къ тому же само обѣднѣло настолько, что уже не въ силахъ по-прежнему раздавать нищимъ куски хлѣба, яйца и тому подобные предметы, теперь страшно вздорожавшіе въ цѣнѣ и отчасти сдѣлавшіеся даже лакомствомъ для весьма многихъ осѣдлыхъ крестьянскихъ семействъ. Теперешніе нищіе, сравнительно съ прежнимъ временемъ, не только поражаютъ своимъ громаднымъ числомъ, но и жалкимъ видомъ, ясно указывая этимъ, что раззоренному крестьянству болѣе ужь нечего разсчитывать на возможность временно прокормиться сборомъ милостыни. Не имѣя возможности прокормиться зимою дома около своего хозяйства, крестьянину осталось искать заработка на фабрикахъ. Фабричный трудъ въ прежніе годы, дѣйствительно, давалъ крестьянамъ достаточный для существованія заработокъ. Но, по мѣрѣ распространенія бѣдности во всѣхъ классахъ населенія государства, фабричная промышленность стала падать, заработная плата уменьшилась одновременно съ увеличившеюся дороговизной на всѣ предметы первой необходимости и сверхъ того число фабричныхъ рабочихъ стало вездѣ сокращаться. По случаю неурожая, начиная съ осени 1880 года, вездѣ на фабрикахъ начался роспускъ рабочихъ и пониженіе заработной платы, что продолжалось до осени прошлаго года. Затѣмъ надежды на благопріятный урожай временно, хотя и слабо, оживили промышленность и торговлю, вызвавъ нѣкоторое увеличеніе числа рабочихъ и подъемъ заработной платы на фабрикахъ. Но такое оживленіе въ торгово-промышленномъ мірѣ продолжалось не долго. Финансовое положеніе дѣлъ быстро стало ухудшаться, такъ что наканунѣ Новаго года газета *Порядокъ* слѣдующими рѣзкими чертами характеризовала положеніе дѣлъ въ Петербургѣ: «Невесело встрѣтилъ и проводитъ праздники нашъ биржевой міръ,—совсѣмъ не весело. Наступило время сводить итоги дѣятельности истекающаго года, а итоги предчувствуются такіе невеселые, что сводить ихъ никто не торопится. Всякій чувствуетъ и знаетъ, что ничего хорошаго не выйдетъ, а потому и не спѣшитъ знакомиться съ горькою дѣйствительностью. Шестимѣсячное полнѣйшее бездѣйствіе, полугодовое пониженіе цѣнъ всѣхъ безъ исключенія фондовъ и акцій поставило весьма многихъ изъ биржевыхъ дѣятелей въ безвыходное положеніе, тѣмъ болѣе тягостное, что и въ близкомъ будущемъ никакого улучшенія ждать нельзя. Благодаря упорному, безостановочному и неотвратимому пониженію вексельнаго курса, всесторонняя дороговизна растетъ, всѣ классы общества бѣднѣютъ, существованіе становится затруднительнымъ до крайнихъ предѣловъ, доходы же у всѣхъ сокращаются. Капиталисты начинаютъ вырождаться. Необходимость въ усиленной реа-

лизаціи биржевыхъ цѣнностей все еще растетъ, тогда какъ потребность въ помѣщеніи свободныхъ капиталовъ въ фонды и акціи ежегодно умаляется; самое образованіе свободныхъ остатковъ становится чѣмъ-то не мыслимымъ. Промышленность падаетъ вслѣдствіе увеличивающагося повсемѣстнаго застоя въ торговлѣ. Никогда еще городская магазинная, детальная, торговля не шла передъ рождественскими праздниками такъ худо, какъ въ нынѣшнемъ году. Обороты громаднаго большинства магазиновъ сократились болѣе чѣмъ на половину противъ прошлаго года. Немудрено поэтому, что количество несостоятельностей начинаетъ принимать обширные размѣры и что единственныя въ мірѣ «русскія мѣста для заключенія неисправныхъ должниковъ»—долговыя отдѣленія—уже теперь переполнены. При такомъ положеніи торговли и промышленности, остаткамъ, для помѣщенія въ биржевыя цѣнности, образоваться не откуда, а является прискорбная необходимость реализовать прежде сбереженное, а затѣмъ и жить въ долгъ». Изъ провинцій отовсюду пишутъ одно и то же, что на ярмаркахъ торговля идетъ изъ рукъ вонъ плохо: при всеобщемъ обѣдненіи нѣтъ покупателей на произведенія нашихъ фабрикъ. Оттого, оживившаяся было съ осени, дѣятельность фабрикъ зимою опять остановилась и снова начались роспускъ рабочихъ и уменьшеніе заработной платы оставшимся работникамъ. Въ концѣ 1881 года *Русскимъ Вѣдомостямъ* писали изъ Петербурга, что на мѣстныхъ заводахъ и фабрикахъ чувствуется громадный недостатокъ въ заказахъ. Большое количество рабочихъ поэтому остается теперь безъ работы и безъ куска хлѣба. По одному корабельному отдѣленію чугунно-литейнаго завода Берда, въ которомъ до сихъ поръ работало 1.100 человѣкъ, число рабочихъ сокращено на 1.000, такъ что теперь работаетъ только 100 человѣкъ. На Балтійскомъ заводѣ Матверзена между рабочими и администраціей возникаютъ большія затрудненія по разсчетамъ. Не было разсчетной недѣли, когда бы рабочіе получали весь свой заработокъ сполна и не жаловались бы по этому поводу высшей заводской администраціи. Поденная плата—1 руб. въ сутки. Работаютъ съ 7 часовъ утра до 6 вечера съ 1½ часовымъ отдыхомъ на обѣдъ. Послѣ 6 часовъ вечера желающіе могутъ оставаться въ мастерскихъ и за эту работу сверхъ положеннаго времени имъ полагается особая плата, въ размѣрѣ 8 коп. за часъ. Въ полученіи этого-то часоваго заработка и бываютъ постоянныя затрудненія. Изъ Москвы пишутъ *Голосу*, что туда прибыли искать заработковъ рабочіе Хлудовской мануфактуры и тысяча человѣкъ отпущенныхъ съ Коломенскаго завода Струве; въ теченіе марта и апрѣля съ послѣдняго завода будутъ распущены и остальные 2.000 рабочихъ за недостаткомъ дѣла. Изъ Покровскаго уѣзда Владимірской губерніи въ январѣ писали *Порядку*, что въ послѣдніе годы здѣшняя ткацкая кустарная промышленность подорвана была окончательно отсутствіемъ всякаго спроса на рынкахъ легкихъ бумажныхъ и шерстяныхъ товаровъ. Кустари и, такъ-называемые, «мастерки» (коммиссіонеры

крупныхъ фабрикантовъ) хотя и снабжали мѣстное крестьянское населеніе работами, но по самымъ дешевымъ цѣнамъ, такъ что заработная плата не пребышала 1 р. 50 к. въ недѣлю. Такого скуднаго заработка достаточно было только на одинъ хлѣбъ. Нынѣшнею осенью дѣла кустарниковъ нѣсколько оживились: въ Москвѣ и другихъ рынкахъ явился спросъ на карусетъ, серпянку, нанку и тикъ, что преимущественно въ здѣшнемъ уѣздѣ и вырабатывается. Заработная плата ткачамъ повышена на 30—40%, и рабочій людъ нѣсколько оживѣлъ. Но, къ сожалѣнію, это продолжалось недолго: дѣла кустарей теперь снова замялись и они опять стали «поджимать» ткачей, — вмѣсто денегъ, навязываютъ за работу провизію и, какъ водится, по высокимъ цѣнамъ. У крупныхъ же фабрикантовъ рабочимъ еще тѣснѣе, потому что тѣ не любятъ вообще «баловать» рабочихъ. Въ знаменитомъ фабричномъ центрѣ Владимірской губерніи, Ивановѣ-Вознесенскѣ, отказы отъ работъ и уменьшеніе заработка, при помощи различныхъ, практикуемыхъ фабрикантами, способовъ, вызываютъ въ настоящее время постоянныя волненія въ средѣ рабочаго населенія. Корреспонденты *Русскихъ Вѣдомостей* сообщаютъ цѣлый рядъ любопытныхъ случаевъ изъ печальной жизни фабричныхъ рабочихъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ. Такъ въ концѣ сентября на фабрикѣ наслѣдниковъ Н. Зубкова испортился цилиндръ, отъ котораго зависятъ ходъ и правильность работы всей фабрики. Временно онъ былъ замѣненъ другимъ, хотя и плохо подогнаннымъ, и ткачи кое-какъ успѣвали наверстывать свой заработокъ. Съ октября начинается новый наемъ рабочихъ по новымъ зимнимъ цѣнамъ, о коихъ фабрикантъ обязанъ извѣстить рабочихъ за двѣ недѣли до 1-го октября, чтобы не желающіе принимать новыхъ условій могли за это время найти другую работу, на другихъ фабрикахъ; между тѣмъ, какъ въ одинъ голосъ передаютъ рабочіе, объявленіе о зимнихъ цѣнахъ послѣдовало всего за два дня до 1-го октября. Отчасти этимъ обстоятельствомъ многіе рабочіе вынуждены были пойти и на новыя условія и остаться на фабрикѣ до Пасхи. Между тѣмъ въ концѣ октября изъ-за границы прибылъ новый цилиндръ; на постановку его тратится три дня, за которые рабочіе не получаютъ платы; въ работѣ же оказывается онъ очень плохимъ: часто останавливается, идетъ или очень тихо, или черезчуръ ужь быстро,—и ткать, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, нельзя. Сдѣльная плата ткачей и ткачихъ, вслѣдствіе этого, въ общей суммѣ убавилась на половину. Ткачъ, который поштучно зарабатывалъ при хорошей машинѣ 12—15 руб., едва успѣвалъ заработывать 8—9 р., да и то не всякій. Поставленные такимъ образомъ въ совершенно невыгодное положеніе, рабочіе обращаются сначала къ хозяину фабрики и просятъ помочь ихъ бѣдѣ; тотъ обѣщаетъ прибавку, но на дѣлѣ не выполняетъ. Видя безуспѣшность своего ходатайства у хозяина, они прекращаютъ работу и отправляютъ отъ себя депутатовъ къ полицеймейстеру, съ просьбою вывести ихъ изъ затрудненія. Полицеймейстеръ пріѣхалъ и составилъ актъ о «стачкѣ». Рабочіе между

тѣмъ ожидаютъ, что, вслѣдствіе жалобы, для нихъ что-нибудь сдѣлаютъ; ждутъ дня два-три, наконецъ принимаются опять за работу, какъ пріѣзжаетъ на фабрику мировой судья. Рабочіе судятся за «стачку» и 348 человѣкъ ихъ присуждаются къ семидневному аресту въ арестантской. Они хорошо сознаютъ несправедливость постигшей ихъ кары, но въ обжалованіи рѣшенія судьи въ съѣздъ является для нихъ большое затрудненіе. Никто изъ мѣстныхъ ходатаевъ по дѣламъ и повѣренныхъ не обнаруживаетъ смѣлости принять на себя защиту рабочихъ. Думали они было, сложившись по 50 коп. или по рублю, пригласить адвоката со стороны и собрались потолковать объ этомъ, но ихъ разогнали, какъ начинающихъ яко бы стачку. Едва успѣло окончиться это возмутительное дѣло, какъ фабрикантъ Грезонъ безъ предупрежденія, какъ бы слѣдовало по закону, закрылъ фабрику и оставилъ около 200 человѣкъ безъ работы въ такое время, когда работу найти очень трудно, за нѣсколько недѣль до Пасхи, отъ которой обыкновенно идутъ наймы. Голодные рабочіе предъявили теперь черезъ повѣреннаго искъ объ убыткахъ, но чѣмъ это кончится—неизвѣстно. Не далѣе какъ 15 февраля можно было видѣть толпу человѣкъ въ 500 рабочихъ, шатающихся по городу и отыскивающихъ подлежащее начальство съ тѣмъ, чтобы просить защиты отъ фабриканта Дербенева. Опять большая «стачка» изъ-за плохихъ основъ и большихъ штрафовъ. Вотъ въ чемъ дѣло, какъ оно представляется по разсказу рабочихъ: Дербеневы купили плохую основу для ткацкой, конечно, изъ-за ея дешевизны. Основа эта постоянно обрывается, надо надвязывать нитки и останавливать машину; черезъ это теряется, конечно, время и заработокъ у ткачей, работающихъ обыкновенно «сдѣльно», съ куска. Недосмотри немного, и оборвавшаяся нитка даетъ въ кускѣ неровность, «бликъ», за что съ ткача записываютъ штрафъ до 20 коп. Довольно повториться двумъ «бликамъ» въ день, чтобы ткачъ лишился всего своего дневнаго заработка, имѣя въ виду мѣсячную выработку рублей на 12—15 и около полутора куска въ день среднимъ числомъ. Спрашивается, что же остается дѣлать рабочимъ при такихъ условіяхъ? Неужели судъ обвинитъ и ихъ въ стачкѣ, какъ это было съ зубковскими рабочими? Въ послѣднее время извѣстія о безработицѣ, пониженіи заработной платы и, вообще, о постоянно ухудшающемся положеніи наемныхъ рабочихъ получаются отовсюду. Такъ, напримѣръ, *Голосу* сообщаютъ, что въ нѣкоторыхъ изъ юго-западныхъ губерній между крестьянами явилось очень много нуждающихся, вслѣдствіе уменьшенія числа рабочихъ на фабрикахъ. Уволенные рабочіе, оставшіеся безъ дѣла, испытываютъ такія нужды, такія лишенія, подобныхъ которымъ не приходилось имъ испытывать прежде. Рабочіе эти по большей части обременены большими семействами; нѣкоторые изъ нихъ служатъ единственною подпорой своихъ родителей. Изъ Сергіево-Радицкаго завода близъ Брянска, Орловской губерніи, пишутъ *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что тамошнимъ рабочимъ пришлось понести чувствительныя по-

тери отъ падежа рогатаго скота въ такое тяжелое время, когда съѣстные припасы дороги, а работы на заводѣ идутъ тихо, сравнительно съ 1878—79 годами. Въ Тулѣ къ апрѣлю ожидается увольненіе съ мѣстнаго оружейнаго завода до 1.500 рабочихъ, вслѣдствіе уменьшившагося заказа на оружіе. Въ январѣ ожидалось увольненіе слишкомъ 500 мастеровъ, которымъ было предложено бросить между собою жребій. По словамъ корреспондента *Голоса*, въ Ростовѣ на Дону, вслѣдствіе отсутствія работъ, цѣлыя тысячи рабочихъ рукъ остались безъ дѣла и бѣдствуютъ; всѣ ночлежные дома переполнены.

Такимъ образомъ настоящее положеніе рабочаго класса представляется въ самомъ безотрадномъ видѣ. Крестьянское, собственно земледѣльческое, населеніе совершенно обнищало и на нашихъ глазахъ теряетъ послѣднее свое достояніе—рабочій скотъ, на которомъ зиждется весь бытъ земледѣльца. Покидая земледѣліе, раззорившіеся крестьяне несутъ свой рабочій трудъ на фабрики, но и здѣсь въ настоящее время не находятъ заработка. Вслѣдствіе общаго, всенароднаго обѣднѣнія, фабрики частію закрываются, частію же сокращаютъ производство, распускаютъ рабочихъ и уменьшаютъ заработную плату оставшимся работникамъ. Словомъ, крестьянинъ нигдѣ не встрѣчаетъ поддержки въ теперешнемъ бѣдственномъ положеніи, а напротивъ, какъ бы роковымъ образомъ, стремится къ ужасной развязкѣ своего теперешняго напряженнаго положенія — къ полному раззоренію своего хозяйства. Въ прошлую зиму еще живы были надежды, что хорошій урожай можетъ поддержать и поправить упавшее крестьянское хозяйство. Урожай дѣйствительно вышелъ хорошій, но разсчеты на улучшеніе крестьянскаго хозяйства ни мало не оправдались. Несмотря на обманутыя надежды, опять крестьяне ждутъ не дождутся новаго урожая, думая, что, авось, удастся на счетъ будущихъ благъ поправить еще болѣе упавшее въ нынѣшнемъ году хозяйство. А между тѣмъ на чемъ основаны эти надежды и эти ожиданія хорошаго урожая? Увы, мы не видимъ ни одного признака, который бы обѣщалъ удачу земледѣльцу будущимъ лѣтомъ. Напротивъ, какъ грозныя тучи нависли надъ головами земледѣльцевъ зловѣщіе признаки будущаго плохого урожая. Еще съ осени начались у земледѣльцевъ неудачи и разнаго рода бѣдствія, которыя грозятъ въ большей или меньшей степени погибелью озимымъ посѣвамъ. Червь, истребляющій озими, въ небываломъ прежде множествѣ появился сразу во многихъ губерніяхъ. Въ Олонецкой губерніи почти всѣ уѣзды, въ большей или меньшей степени, пострадали отъ червя. Въ Новгородской губерніи червь опустошалъ озимыя поля въ иныхъ мѣстахъ полосами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пожиралъ сплошь всѣ посѣвы. Въ Ярославской губерніи озимые посѣвы во многихъ мѣстахъ истреблены червемъ. Въ Тверской губерніи червь опустошилъ множество полей, причинивъ громадный убытокъ. Въ Московской губерніи поврежденія полей червемъ также весьма значительны. Въ Рязанской губерніи также опустошено множество по-

лей, на которыхъ прожорливый червь не оставилъ послѣ себя ни былинки. Въ Самарской губерніи червь появился въ нѣсколькихъ волостяхъ Николаевскаго уѣзда. Членъ губернской управы г. Лавровъ объѣхалъ и осмотрѣлъ эти волости. Оказалось, что червь повредилъ посѣвы въ слѣдующихъ волостяхъ: Самаровской, Колокольцовской, Каменской, Григорьевской, Березоволукской, Николаевской, Липовской, Шиншиновской, Никольской, Падовской и Марьевской. Характеръ поврежденія оказывается вездѣ одинъ и тотъ же. Червь появился въ двухъ видахъ: желтый, жесткій, лежащій болѣе глубоко въ землѣ на уровнѣ зерна. Этотъ видъ выѣдаетъ зерно, пока оно не взросло, и обтачиваетъ корень немного выше зерна—такъ, что поврежденный всходъ пропадаетъ окончательно. Другой видъ—сѣробурый, мягкій, который перегрызаетъ всходъ въ землѣ близъ самой поверхности—такъ, что былинка отваливается и засыхаетъ, а корень остается способнымъ, при благопріятныхъ условіяхъ, дать новый ростокъ. Всего десятинъ пострадавшихъ отъ червя оказалось 4.240, а число домохозяевъ 2.225. Въ Воронежской губерніи въ нѣсколькихъ уѣздахъ червь уничтожилъ озимые посѣвы, превративъ зелени въ черное поле. Отсюда онъ перешелъ въ Орловскую губернію, гдѣ, идя сверхъ почвы и на полвершка подъ почвою не широкими полосами, всюду одинаково дочиста истреблялъ молодые озимые всходы. Надежды, что холодъ и морозы могутъ истребить это вредное насѣкомое, нисколько не оправдались. Послѣ сильнаго ночнаго мороза, оцѣпенѣвшіе отъ холода, черви, будучи взяты съ озимаго поля и внесены въ теплую комнату, черезъ нѣсколько минутъ оживали и начинали ползать. Въ Тамбовской губерніи также былъ замѣченъ червь на поляхъ ранняго посѣва, истребляющій сначала корень, а потомъ и самый стебель зеленей; прожорливость, а еще болѣе численность этого червя почти неимовѣрныя. Въ Курской губерніи также было замѣчено появленіе червя озимой ночницы. Въ Пензенской губерніи повреждено червемъ много раннихъ посѣвовъ въ уѣздахъ: Саранскомъ, Наровчатскомъ, Керенскомъ, Нижне-Ломовскомъ, Инсарскомъ и Краснослободскомъ. Точно также появленіе червя, истребляющаго озимые посѣвы, было замѣчено въ Калужской, Волынской, Люблинской и другихъ губерніяхъ.

Ранніе осенніе морозы и безснѣжная зима также внушаютъ земледѣльцамъ серьезныя опасенія за судьбы озимыхъ посѣвовъ. Такъ изъ Новгородской губ. *Русскимъ Вѣдомостямъ* пишутъ, что мѣстнаго земледѣльца ожидаетъ весьма печальная перспектива. И почвенныя, и климатическія, и вообще экономическія условія губ. обусловливаютъ собою упадокъ изъ года въ годъ крестьянскаго благосостоянія. По степени задолженности Новгородская губернія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Имперіи. Въ недоимкахъ за губерніей состояло къ 1 января: казенныхъ сборовъ—подушной и оброчной подати, государственнаго и земскаго сбора и выкупныхъ платежей—2.532.724 р., земскихъ сборовъ 794.145 руб. и

страховыхъ 170.160 р., всего 3.497.029 руб. Теперь поля почти голыя. По нынѣшней безснѣжной зимѣ, озимые, едва поднявшись отъ земли, побиты морозами и сильными холодными вѣтрами. Въ оттепель поля почти сплошь покрываются водой и обращаются въ трудно проходимыя болота, среди которыхъ уцѣлѣвшему отъ морозовъ озимому посѣву грозитъ опасность сгнить отъ воды. Крестьяне со страхомъ смотрятъ на будущее. Изъ Саратова въ ту же газету сообщаютъ, что, въ виду неудовлетворительнаго состоянія озимыхъ посѣвовъ въ губерніи, министерство внутреннихъ дѣлъ предложило мѣстному земству изыскать мѣры на случай могущей представиться будущею весной необходимости перепашки полей и засѣва ихъ яровыми хлѣбами. Справившись вмѣстѣ съ тѣмъ о положенія продовольственной части въ губерніи, о средствахъ и капиталахъ, какими располагаетъ саратовское земство на этотъ счетъ, министерство рекомендовало земству озаботиться также устройствомъ въ уѣздахъ центральныхъ складовъ зерноваго хлѣба. При обсужденіи этихъ предложеній въ минувшемъ губернскомъ земскомъ собраніи, нѣкоторыми изъ гласныхъ было подтверждено, что большая часть озимыхъ посѣвовъ дѣйствительно внушаетъ опасенія за благопріятную ихъ судьбу. Собраніе поручило губернской управѣ собрать свѣдѣнія, гдѣ и въ какой мѣрѣ населеніе нуждается въ ссудѣ на обсѣмененіе озимыхъ полей, въ случаѣ перепашки ихъ подъ яровые посѣвы, и свѣдѣнія эти представить министру внутреннихъ дѣлъ. Бывшее въ декабрѣ харьковское очередное губернское земское собраніе открылось рѣчью губернатора, генералъ-майора Грессера, въ которой онъ обратилъ особенное вниманіе гласныхъ на вопросъ о народномъ продовольствіи. Урожай прошлаго года не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, а по нѣкоторымъ приведеннымъ начальникомъ губерніи соображеніямъ должно опасаться и за будущій годъ; поэтому генералъ-майоръ Грессеръ высказалъ надежду, что земство придетъ на помощь нуждающемуся народу и облегчитъ, насколько возможно, его положеніе. Въ Орловской губерніи, по словамъ мѣстнаго *Вѣстника*, по случаю раннихъ холодовъ, всходы озимей были рѣдки, тощи и едва замѣтны. Поэтому опытные хозяева не ожидаютъ хорошаго урожая и думаютъ, что, даже при благопріятной веснѣ, урожай озимаго хлѣба можетъ быть только посредственный. По словамъ *Голоса*, виды на урожай озимыхъ хлѣбовъ почти всюду въ Херсонской губерніи внушаютъ серьезныя опасенія. По собраннымъ до сихъ поръ свѣдѣніямъ, озимые посѣвы наиболѣе пострадали въ Херсонскомъ, Тираспольскомъ и сѣверной части Одесскаго уѣзда. Земство не предвидѣло этого, а потому, вѣроятно, для изысканія общихъ мѣръ противъ гибели озимыхъ хлѣбовъ, а также для закупки зерна для крестьянъ, придется созвать чрезвычайныя земскія собранія. Вообще какъ у крестьянъ, такъ и у крупныхъ владѣльцевъ запашки подъ озими значительно уменьшены, вслѣдствіе давно небывалаго недостатка въ рабочихъ. Сырая, ненастная осень задержала повсюду молотьбу

хлѣба и поэтому не дала возможности своевременно заняться хозяевамъ вспашкою озимыхъ полей. По извѣстіямъ, полученнымъ тою же газетою изъ Новочеркаска, тамъ ожидаютъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ долженъ отродиться въ большомъ количествѣ хлѣбный жукъ, положившій во многихъ мѣстахъ Донской области свои яички въ позапрошломъ году. Хотя, по наблюденіямъ, яички хлѣбнаго жука, вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій, гибли въ довольно большомъ количествѣ, тѣмъ не менѣе хозяева въ страхѣ и думаютъ предпринять серьезныя мѣры къ предстоящей борьбѣ съ врагомъ сельскаго хозяйства.—Точно также изъ Новогеоргіевска корреспондентъ *Голоса* сообщаетъ, что «слѣдуетъ ожидать поздней весны съ изморозями, а отъ такой весны яровымъ посѣвамъ будетъ плохо. Озимые посѣвы уже и теперь почти всѣ погнили и перемерзли. Не быть въ нашихъ мѣстахъ урожая! А дороговизна и нынѣ по здѣшнимъ мѣстамъ ужасная». Въ Ростовѣ на Дону, по словамъ *Русск. Вѣд.*, сильно опасаются за озимые посѣвы и виноградники. Изъ Кишинева въ концѣ января писали *Голосу*, что погода во всей Бессарабіи стоитъ сухая. Снѣга и дождя не падаетъ ни капли. Всѣ поля обнажены. Вдобавокъ ко всему ежедневно свирѣпствуютъ сухіе вѣтры, которые могутъ унести открытыя во многихъ мѣстахъ зерна. Земледѣльцы говорятъ, что если эта погода продлится еще нѣкоторое время, то всѣ озимые посѣвы пропадутъ и придется всю надежду возложить на яровые хлѣба, которые здѣсь всегда бываютъ неудачны и для которыхъ не найдется достаточнаго количества сѣмянъ. Точно также изъ Могилева-Подольскаго въ половинѣ февраля писали, что, вслѣдствіе постоянно сырой погоды и дождей, во многихъ мѣстахъ посѣвы сгнили. Впрочемъ позднѣе *Голосъ* получилъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ Бессарабской и южныхъ Подольской губерніи болѣе благопріятныя свѣдѣнія о видахъ на урожай озимыхъ хлѣбовъ. «Безснѣжная зима, а затѣмъ отсутствіе на засѣянныхъ поляхъ зелени даже въ первые теплые дни заставили предположить, что зерно пропало; въ половинѣ февраля шелъ дождь, а потомъ небольшіе повсемѣстные дожди открыли совершенно новую картину: поля зазеленѣли, всходы всюду хороши. Оказалось, что бывшіе сильные вѣтры нанесли на поля много земли, что взамѣнъ снѣга предохраняло посѣвы, и дождь, смывшій и утоптавшій наносную землю, открылъ полную надеждъ будущность. Такимъ образомъ земледѣльцы случайно избавлены отъ предстоящей необходимости перепахивать и вновь засѣвать поля. Съ возвышенныхъ же мѣстъ вѣтеръ, вмѣстѣ съ землею, унесъ много и зерна, такъ что на этихъ мѣстахъ хлѣбъ будетъ рѣдкій; но въ общемъ—небольшая бѣда. Если въ апрѣлѣ будутъ дожди, урожай озимыхъ хлѣбовъ считаютъ обезпеченнымъ. Теперь, вслѣдствіе теплой погоды, опасаются даже большаго роста: когда станетъ колоситься, можетъ лечь, перепутаться, отчего жатва будетъ труднѣе и обойдется дороже».

Такимъ образомъ мы видимъ, что громадное большинство русскаго народа, вся многомилліонная рабочая масса, обѣднѣвъ и раззорившись, съ величайшимъ трудомъ снискиваетъ средства къ существованію и не имѣетъ никакихъ серьезныхъ надеждъ, чтобы хорошій урожай въ нынѣшнемъ году измѣнилъ къ лучшему теперешнее безотрадное положеніе дѣла. Когда мы говоримъ, что народъ съ трудомъ снискиваетъ средства для пропитанія, то въ этомъ случаѣ мы разумѣемъ тѣхъ здоровыхъ и сильныхъ работниковъ, которые прокармливаютъ не только себя самихъ, но и нерабочихъ членовъ въ своихъ семействахъ, какъ-то: женщинъ, малолѣтнихъ, стариковъ, слабыхъ, больныхъ и т. п. Чѣмъ больше среди народа сильныхъ и здоровыхъ работниковъ и чѣмъ меньше приходится на каждаго изъ нихъ нерабочихъ людей, тѣмъ болѣе народъ обезпеченъ въ средствахъ для существованія. Если же средства для существованія сокращаются, какъ это случилось въ настоящее время, если народная масса бѣднѣетъ и раззоряется, то здравая экономическая политика требуетъ обратить особенное вниманіе на положеніе, въ какомъ находятся здоровыя рабочія силы въ странѣ, и всѣми мѣрами постараться вызвать къ дѣятельности наибольшее количество такихъ силъ, въ тѣхъ разсчетахъ, чтобы на каждаго работника приходилось меньшее число нерабочихъ людей. Наоборотъ, если, во время экономическаго бѣдствія, число дѣятельныхъ рабочихъ силъ сокращается и каждой изъ нихъ приходится прокармливать большее, чѣмъ прежде, число нерабочихъ людей, тогда положеніе народа будетъ неминуемо ухудшаться, нищета станетъ рости и все болѣе будетъ увеличиваться опасность для страны, что невыносимо-тяжелое положеніе народа должно привести къ какой-нибудь ужасной развязкѣ. Въ особенности гибельны для народа войны въ такое бѣдственное время. Въ ряды войскъ берутся самыя лучшія рабочія силы страны, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ изъемлются изъ числа работниковъ и увеличиваютъ собою массу нерабочихъ людей, требующихъ себѣ готоваго прокормленія. Такъ какъ во время войны число войскъ чрезвычайно увеличивается, поэтому на каждую оставшуюся въ народѣ дѣятельную рабочую силу приходится гораздо больше, чѣмъ въ мирное время, нерабочихъ людей, требующихъ готоваго прокормленія. Понятное дѣло, что̀ должно произойти въ томъ случаѣ, если обѣднѣвшій народъ встрѣчаетъ затрудненія въ пріобрѣтеніи необходимыхъ для существованія средствъ и въ такое-то бѣдственное время онъ будетъ вовлеченъ въ войну. Тогда скудныя, недостаточныя средства къ существованію сократятся еще болѣе и народъ неминуемо будетъ гибнуть дома отъ голода, а на войнѣ—отъ непріятельскаго оружія. При настоящемъ положеніи дѣлъ въ нашей странѣ война была бы такимъ ужаснымъ бѣдствіемъ, котораго могутъ желать только заклятые враги народа. Она вызоветъ полное, окончательное истощеніе народныхъ силъ, которыя, будучи напряжены и утомлены до крайней степени, въ настоящее время требуютъ отдыха и облегченія отъ угнетающей

ихъ, ни съ чѣмъ несоразмѣрной, тяжести. Въ интересахъ народа слѣдуетъ желать не войны, но роспуска войскъ и, хотя бы временнаго, прекращенія расходовъ на военныя надобности. Тогда бѣдственное положеніе народа должно въ значительной степени улучшиться, вслѣдствіе увеличенія числа дѣятельныхъ рабочихъ силъ въ странѣ одновременно съ уменьшеніемъ числа нерабочихъ людей и съ сокращеніемъ падающихъ на дѣятельныя рабочія силы расходовъ по содержанію нерабочихъ людей. Такъ было бы желательно съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ. Но Богъ вѣсть, что ждетъ насъ впереди. Прислушиваясь къ задорнымъ воинственнымъ рѣчамъ, съ глубокою тоской невольно шлёшь въ безпросвѣтно-мрачное будущее не то мучительно-скорбный вопросъ, не то отчаянное восклицаніе: «да неужели-жь все мало теперешнихъ бѣдствій для изстрадавшагося народа и его ждетъ новая, страшная, какъ египетская казнь, бѣда—война?!...»

....**скій**.

Замѣтки по внѣшнимъ дѣламъ.

I.

22 февраля министры и малая скупщина въ Бѣлградѣ провозгласили князя Милана сербскимъ королемъ. При этихъ торжественныхъ крестинахъ воспріемниками были, какъ оказывается, вѣнскій и берлинскій дворы. Ихъ сподручные органы поспѣшили прочесть должное наставленіе новому королю; по ихъ словамъ, Сербія уже такъ много облагодѣтельствована Австро-Венгріей; отнынѣ она должна продолжать ту же «благоразумную» политику, какой слѣдовала до сихъ поръ относительно сосѣдней съ нею Австро-Венгріи. И благодарный крестникъ отвѣчалъ, что онъ и впредь будетъ держаться той же правильной и честной политики.

Справедливо однако замѣчаютъ, что спѣшное провозглашеніе князя Милана королемъ сдѣлано съ цѣлью поддержать значительно пошатнувшееся положеніе какъ его самого, такъ и нынѣшнихъ его министровъ. Въ самомъ дѣлѣ, разорительная для народа уступка желѣзныхъ дорогъ Бонту, невыгодный торговый договоръ съ Австро-Венгріей, вмѣшательство свѣтской власти въ церковные каноны, насиліе надъ митрополитомъ Михаиломъ, ссора со всѣми остальными сербскими епископами, подтасовка личнаго состава скупщины, взяточничество, придворное скоморошество и многое тому подобное, на что такъ падки бываютъ невѣжественные себялюбцы, не достигшіе еще ни пониманія общественнаго долга, ни народнаго самосознанія и все свое человѣческое достоинство поставляющіе въ заимствованной западно-европейской внѣшности и въ презрѣніи къ существеннымъ потребностямъ народнаго саморазвитія—все это возбудило глубокое неудовольствіе въ сербскомъ народѣ, который съ ужасомъ видитъ, какъ его правительство порабощаетъ весь его хозяйственный бытъ, всѣ его прибытки, все его состояніе сосѣдней Австро-Венгріи, даже земельную собственность переводитъ въ чужія руки и вмѣстѣ съ тѣмъ нарушаетъ государственное полноправіе, выдавая сербскихъ подданныхъ австрійскимъ властямъ на казнь. Но едва ли новый титулъ поможетъ въ этомъ случаѣ. Онъ не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы заглушить

народный ропотъ, успокоить общее раздраженіе. Если въ конституціонной странѣ, какова Сербія, появилась подпольная печать, то значитъ, что произволъ и насиліе достигли уже крайнихъ предѣловъ.

Напротивъ, провозглашеніе Сербіи королевствомъ дастъ народу почувствовать, что завѣтная мысль его о возсоединеніи всѣхъ сербовъ окончательно упразднена; а это еще болѣе возбудитъ въ немъ отвращеніе къ своему правительству. Если установленіе независимой сербской церкви было громадною ошибкой, то къ этой ошибкѣ присоединена теперь и другая. Сербское королевство съ независимою церковью—это то же, что отрывокъ Сербской земли, уже навсегда отгороженный непреодолимою стѣной отъ прочихъ сербскихъ земель; это—отрѣзанный ломоть, духовенство и правительство котораго навсегда отреклись отъ народнаго единства. Теперь приличнѣе чѣмъ когда-либо назвать и церковь, и корону королевскую—шумадійскими, а не сербскими, потому что предѣлами своими, за исключеніемъ небольшой части Старой Сербіи, онѣ совпадаютъ съ тою частицею прежней цѣльной Сербіи, которая и до сихъ поръ зовется въ народѣ Шумадіею (отъ шума—лѣсъ). Было бы просто смѣшно, еслибы король шумадійскій Миланъ надѣлъ на себя корону сербскаго царя Душана, выкупивши ее изъ вѣнскаго древнехранилища и забывая, что Душанъ Сильный обладалъ, кромѣ собственной Сербіи, еще македоніей до Солуна, значительнымъ пространствомъ Болгаріи, Босніей, Герцеговиною, Зетою, Поморьемъ и отчасти Албаніей и носилъ титулъ царя сербовъ, болгаръ и грековъ. Несомнѣнно, что Турція и въ особенности Австро-Венгрія довольны тѣмъ, что шумадійская клѣточка, равняющаяся по величинѣ своей и по числу жителей одной русской губерніи, возвела себя въ санъ королевства и отгородилась отъ остальной Сербіи, предоставленной на волю всякаго хищника.

Для Австро-Венгріи разсчетъ состоитъ въ томъ, что если король Миланъ уцѣлѣетъ на своемъ королевствѣ, то онъ пребудетъ вѣчнымъ послушникомъ ея; если же, чего добраго, онъ не усидитъ, то новосозданный имъ королевскій престолъ будетъ приличнѣе, чѣмъ прежній княжескій, для его преемника изъ многочисленнаго рода Габсбурговъ.

Упоенный самодовольствомъ, король Миланъ, на привѣтствіе предсѣдателя скупщины, отвѣчалъ: «Я съ особеннымъ удовольствіемъ могу сообщить народу, что, уже въ первыя сутки послѣ возведенія Сербіи на степень королевства, двѣ великія державы, которыя всегда выражали намъ свои благорасположенія, извѣстили о своемъ признаніи совершившагося факта. Полагаю, что я только исполню свой долгъ и долгъ Сербіи, если громко выражу признательность императору Францу-Іосифу и императору Вильгельму». Почему же еще и не султану Абдулъ-Гамиду, представитель котораго поздравилъ его одновременно съ предыдущими?

Одна петербургская газета, изображающая собою дипломатическаго Санхо-Пансо, обидѣлась, почему король Миланъ не подождалъ еще од-

нихъ сутокъ, чтобы къ именамъ двухъ упомянутыхъ имъ императоровъ присоединить и имя государя, правящаго тою страною, которой Сербія обязана всѣмъ своимъ политическимъ бытіемъ. Газета замѣчаетъ, что признаніе Сербскаго королевства Россіею послѣдовало всего только однимъ днемъ позже, и это замедленіе зависѣло, вѣроятно, отъ разности разстояній. Газета ужасно какъ простодушествуетъ и притомъ ошибается во времени. Если Австро-Венгрія и Германія признали Сербское королевство въ первыя сутки, то, значитъ, не позже 23 февраля, а русскій представитель поздравилъ короля Милана 25 февраля. Для телеграфа разстояніе между Бѣлградомъ, Берлиномъ и Петербургомъ не составляетъ почти никакой разницы. Санхо-Пансо хочетъ только прикрыть своего дипломата-барина и его въ самомъ дѣлѣ неловкое положеніе. Какъ это такъ опоздала Россія и не поспѣла за сосѣдями-друзьями, за которыми она такъ гоняется! Но если не дипломатствующему публицисту, то всякому другому понятно, что король Миланъ намѣренно избралъ такой предметъ для своей отвѣтной рѣчи, которымъ косвенно задѣвалъ Россію, а это въ свою очередь служитъ яснымъ доказательствомъ того, какъ низко дипломатія уронила значеніе Россіи въ Сербіи. Разгадка, слѣдовательно, не въ запозданіи телеграфа, а въ долголѣтней дипломатической ошибкѣ, создавшей для Россіи ложное, противуисторическое положеніе относительно Сербіи, включая сюда и непозволительную постановку сербскаго дѣла русскими уполномоченными на Берлинскомъ конгрессѣ. Если же приписывать соль королевской рѣчи лишь телеграфному замедленію, то опять дипломатія останется не въ авантажѣ: стало-быть, г. Персіани менѣе зналъ того, что знали Кевенгюллеръ, Брай, или Али-бей, и не былъ заблаговременно снабженъ инструкціей на случай провозглашенія Сербіи королевствомъ. Ребячествомъ или смѣлою шуткой надъ обществомъ слѣдуетъ назвать эту выходку дипломатической прислужницы, которая плачется, что король не подождалъ однихъ сутокъ и не отсрочилъ для своей рѣчи на одни сутки поздравленія скупщины, иначе онъ и объ насъ бы упомянулъ съ признательностію?... Какъ же газета не примѣтила тутъ умысла, которому поясненіемъ служитъ отвѣтъ короля Милана австро-венгерскому представителю съ обѣщаніемъ продолжать ту же «разумную» политику, т.-е. сторониться Россіи и подчиниться во всемъ указаніямъ и требованіямъ союзныхъ дворовъ—вѣнскаго и берлинскаго!

Мнѣ кажется, что съ русской точки зрѣнія, еслибъ ее имѣла наша дипломатія, было бы гораздо лучше обождать оффиціальнымъ признаніемъ Сербскаго королевства. Русскимъ дипломатамъ должно быть извѣстно, что провозглашеніе князя Милана королемъ произошло незаконнымъ порядкомъ, вопреки государственному уставу Сербіи. По § 10 этого устава, въ силу народныхъ постановленій, состоявшихся до 1839 года, и въ силу постановленія святоандреевской скупщины 1858 года и великой народной скупщины 1868 г., въ Сербіи установлено княжеское достоинство въ на-

слѣдственномъ родѣ князя Милана Обреновича IV. По § 89 п. 3. только великая народная скупщина разрѣшаетъ всякое измѣненіе въ государственномъ уставѣ. Слѣдовательно, измѣненіе въ уставѣ §§ 1, 10 и другихъ, признающихъ Сербію княжествомъ, и возвышеніе государственнаго титула изъ княжескаго въ королевскій не было во власти малой скупщины, но принадлежало всецѣло полномочію только одной великой скупщины, которую, однако, правительство сербское не отважилось созвать въ виду многихъ злоупотребленій, имъ допущенныхъ. Воздержность Россіи отъ преждевременнаго признанія князя Милана королемъ имѣла бы весьма важныя въ пользу ея послѣдствія. Во-первыхъ, она показала бы, что Россія всегда имѣетъ самостоятельное значеніе для Сербіи и стоитъ на законной почвѣ государственнаго права; во-вторыхъ, она отвѣчала бы прежней и единственно вѣрной политикѣ, которой Россія должна безусловно держаться на Балканскомъ полуостровѣ,—политикѣ народной, состоящей въ поддержаніи народа помимо какихъ бы то ни было отношеній къ правителямъ; въ-третьихъ, она побудила бы къ скорѣйшему созванію великой скупщины, а эта скупщина, по всему вѣроятію, многое повернула бы въ сторону Россіи. Но чтобы такъ поступить, нужно сначала въ самихъ себѣ сознать необходимость дѣйствовать самостоятельно, а для этого требуется быть кореннымъ русскимъ человѣкомъ, проникнутымъ духомъ родной исторіи, требуется также и знаніе, и искусство, и дѣятельность,—словомъ, извѣстное напряженіе силъ ума и воли при внутреннемъ влеченіи трудиться на пользу родной по духу и крови страны.

Россія всегда защищала въ Сербіи государственный уставъ, котораго первыя начала созданы были ею же. Уставъ, хотя впослѣдствіи и видоизмѣненный сербскимъ правительствомъ и искаженный тѣмъ, что въ составъ обыкновенной или малой скупщины введена была четвэртая часть членовъ, назначаемыхъ отъ правительства, все же представлялъ обезпеченіе за народомъ его права на участіе въ законодательствѣ своей страны. Уклоняясь опять отъ устава, Россія обнаружила лишь слѣпое шествіе по пятамъ сосѣднихъ державъ, постаравшихся, впрочемъ, съ ея же предварительнаго согласія, лишить ее, чрезъ давленіе на сербское правительство, законно-историческаго и наслѣдственнаго вліянія на сербскій народъ. Ложь и насиліе, поддержанныя изъ Вѣны и Берлина, замѣнили народное независимое самоуправленіе, которое въ прежнія, лучшія времена было цѣлью русской политики. Въ рѣчахъ новаго короля слышатся громкія слова: право, свобода. Но какое же это право, когда исключительно церковные каноны нарушены вторженіемъ въ нихъ свѣтской власти? Какое же это право, когда народъ лишенъ возможности высказаться о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ чрезъ великую скупщину, которую правительство не созываетъ вопреки § 89 п. 4? Какое же это право, когда титулъ княжества измѣняется неправоспособною для этого малою скупщиной въ противность тому же § 89 государственнаго устава? Какая это

свобода, когда народные представители, не согласные съ предложеніями правительства, подвергаются выговору и угрозамъ въ княжескомъ дворцѣ за неподписаніе отвѣтнаго адреса на княжеское посланіе? Какая это свобода, когда во дворецъ призываютъ по одиночкѣ вліятельныхъ народныхъ представителей и стараются разными способами склонить ихъ на сторону правительства? Какая же это свобода, когда чиновники открыто вмѣшиваются въ выборы, а правительство прибѣгаетъ къ временному увольненію отъ службы и пенсіонированію своихъ чиновниковъ, чтобы посадить ихъ въ скупщину? Какая же это свобода, когда газеты конфискуются и запрещаются не за какія-либо преступленія, наказуемыя по закону, а единственно потому, что не угодны правительству? Какое же это право и какая это свобода, когда, по наущенію министра, предсѣдатель скупщины не даетъ слова народному представителю, а отвѣтственное министерство отказывается отвѣчать на предложенные въ скупщинѣ вопросы по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ?

Не много послѣ этого довѣрія и чувства правды возбуждаетъ прокламація короля Милана I къ сербскому народу. «Любезный мой народъ! Сегодня я провозглашенъ королемъ по единогласному и единодушному постановленію, которое есть выраженіе твоей воли, твоей души, твоихъ мыслей, твоихъ желаній. Сегодня я принимаю наслѣдственную корону, которую ты мнѣ подалъ черезъ своихъ представителей, съ твердымъ намѣреніемъ посвятить всю мою жизнь тебѣ, твоему счастію, твоему будущему, съ твердою волей вести тебя постоянно по пути чести и справедливости, на которомъ ты, съ твоею мудростію и любовію къ отечеству, обезпечишь и утвердишь свою свободу и независимость,—по пути, на которомъ ты всегда будешь стоять передъ Европой, какъ дѣятель прогресса, порядка и мира, а самому себѣ пріобрѣтешь новую славу... Пускай новое имя освятится болѣе мощнымъ развитіемъ гражданскихъ добродѣтелей, любви къ законности, прогрессу, свободѣ и порядку! Въ нихъ, и только въ нимъ, найдетъ себѣ защиту молодое королевство, которое онѣ поведутъ къ великой будущности...» Все, что здѣсь ни провозглашено, стоитъ, къ сожалѣнію, въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Въ первомъ же своемъ словѣ, обращенномъ къ народу, новый король сказалъ не то, что есть на самомъ дѣлѣ. «Та вдохновенная сила, которая черезъ пятьсотъ почти лѣтъ сохранила преданіе о сербскомъ королевскомъ достоинствѣ,—та сила вѣщала сегодня устами національнаго собранія. Сегодня радостные крики раздаются отъ Тимока до Дрины, отъ Бѣлграда до Враньи. И въ этой радости привѣтствуетъ тебя, любезный народъ, твой первый король новой Сербіи!» Такъ заканчиваетъ новый король новой Сербіи свое обращеніе къ народу. Но, увы, народъ вовсе не думаетъ радоваться. По извѣстіямъ изъ Сербіи, народъ отнесся совершенно равнодушно къ своему королевству, а въ прокламаціи короля усматриваетъ скорѣе иронію, чѣмъ нѣчто положительное. Одно только кажется

ему вѣрнымъ—это то, что новое королевство есть дѣйствительно «новая Сербія», а не та прежняя Сербія, которая не знала указываемыхъ въ прокламаціи предѣловъ, а совмѣщала въ титулѣ своихъ старыхъ королей и царей всѣ сербскія земли и весь сербскій народъ; это даже не та недавняя Сербія, которую впервые призвалъ къ свободѣ Георгій Черный. Недосягаемый для сербскихъ правителей первообразъ честнаго, самоотверженнаго служенія народному дѣлу, строгаго соблюденія нравственности, уваженія къ народнымъ обычаямъ и обычному праву, Георгій Черный не рѣшался назваться даже княземъ сербскимъ, а просто именовалъ себя вождемъ сербовъ; но этотъ титулъ всегда останется почетнѣе всякаго королевскаго, потому что вождь сербовъ приглашалъ на брань за свободу не однихъ только шумадійцевъ, но велъ съ собою также и старосербовъ, и босняковъ, и герцеговинцевъ.

А теперешнее королевское шумадійское правительство не только отрекается отъ единокровныхъ герцеговинцевъ и босняковъ, не допуская даже и частной помощи имъ, но и цѣлое свое королевство держитъ подъ швабо-мадьярскимъ ярмомъ.

Къ чему же было русской дипломатіи спѣшить преждевременнымъ, ранѣе великой народной скупщины, признаніемъ Шумадійскаго королевства?

Въ Сербіи затраченъ русскій капиталъ—многолѣтній и весьма цѣнный. Во-первыхъ, это капиталъ духовнаго образованія. Возрожденіе сербскаго народа совершалось подъ воздѣйствіемъ школъ, заведенныхъ въ австрійскихъ владѣніяхъ русскими людьми, и потомъ въ домашнихъ школахъ, учрежденныхъ при посредствѣ Россіи; книжный языкъ и правописаніе возникли на почвѣ русской письменности; Кіевъ и Москва служили для многихъ и лучшихъ сербовъ разсадникомъ духовнаго и научнаго воспитанія. Во-вторыхъ, это капиталъ крови. Съ 1806 года русскія войска сражались о-бокъ съ сербами за ихъ освобожденіе. Послѣдующія русско-турецкія войны и договоры Букарештскій, Аккерманскій и Адріанопольскій имѣли однимъ изъ прямыхъ своихъ итоговъ упроченіе политической самостоятельности Сербіи; послѣдняя русско-сербско-турецкая война завершилась возстановленіемъ полной независимости Сербскаго княжества. Присоединимъ сюда и кровь русскихъ добровольцевъ. Въ-третьихъ, это капиталъ денежный. Россія много пожертвовала денегъ въ пособіе Сербіи, много издержала ихъ на военныя дѣйствія, много принесла даровъ Сербіи въ двѣ послѣднія ея войны съ Турціею. Наконецъ, въ-четвертыхъ, это капиталъ, равняющійся полному состоянію, если только не всему существованію Сербіи: это—слово Императора Александра II, спасшее Сербію отъ турецкаго нашествія послѣ погрома подъ Дюнишемъ.

Все это составляетъ такой капиталъ, въ которомъ вкладчиками было нѣсколько поколѣній и царствованій. Это—капиталъ наслѣдственный, расточать который никто не имѣетъ права. Онъ долженъ быть сбереженъ во всей неприкосновенности и переданъ потомству. Храненіе его лежитъ

на обязанности русскаго канцлера и министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ-то и состоитъ живое историческое преданіе, вырабатываемое всею сущностію народнаго развитія и состоящее въ преемственности основныхъ руководящихъ началъ внѣшней политики.

Со времени Берлинскаго конгресса Австрія наложила свою хищническую руку на этотъ русскій капиталъ.

Нашъ долгъ передъ самими собою, передъ нашими предками и потомками—охранить этотъ нашъ столь цѣнный капиталъ. Горсть людей, обманомъ и всѣми неправдами ставшая во главѣ управленія Сербіей, не есть еще сербскій народъ. Но если во время своего господства, подчиняясь австрійскимъ притязаніямъ, она наноситъ неисправимый ущербъ своей странѣ, то долгъ русской политики, исполнительнымъ орудіемъ которой есть дипломатія, противустать такому направленію и спасти Сербію для самой же Сербіи. Мы въ правѣ предполагать, что дерзкій вызовъ хищниковъ будетъ принятъ и что русское представительство будетъ ввѣрено лицу, которое совмѣститъ въ себѣ достаточно умѣнья, убѣдительности и нравственной силы, чтобъ отстоять то, что Россія пріобрѣла на свои средства и безкорыстно вручила сербскому народу — его право свободно располагать самимъ собою безъ посторонняго давленія и внутренняго насилія.

При такой политикѣ развѣ одна только бездарность выпустила бы изъ рукъ первенство. Это не хищническая политика Астро-Венгріи. Россія уже доказала свою непритязательность и на Черногоріи, и на Румыніи, и на Болгаріи, и на самой Сербіи. За то на ея сторонѣ—вся честная народная сила. Нашей дипломатіи было бы легко дѣйствовать, какъ и прежде при императорахъ Павлѣ и Николаѣ, еслибы только въ ея словарѣ значилось слово «самостоятельно». Къ сожалѣнію, этого слова она и не знаетъ. Ея органъ Journal de St.-Pétérsbourg не преминулъ помѣстить въ передовой статьѣ извѣстіе (и притомъ ложное), что нынѣшнее сербское правительство получаетъ отовсюду изъ Сербіи одобрительные отзывы. Газетѣ, хлопочущей объ интересахъ Австро-Венгріи и не понимающей, что такое русская самостоятельная политика, это извѣстіе должно было показаться очень пріятнымъ.

Между тѣмъ народная сторона, оттѣсненная отъ дѣлъ искусственнымъ подборомъ скупщины, съ изумленіемъ смотрѣла на небывалое предательство и положительно со дня на день ждала изъ Петербурга «царскаго указа», который остановилъ бы Сербію на пути самоизмѣны рѣшительнымъ «стой!»... Однако такого указа не послѣдовало.

Напротивъ, Journal de St.-Pétérsbourg съ глумленіемъ восклицаетъ: «если Сербія получила независимость, то пусть она сама и отстаиваетъ свои интересы». Безстыдство и дерзость отрицанія дошли до того, что для этой газеты какъ бы уже не существовало ни прежней русской исторіи, ни наслѣдія отцовъ нашихъ, ни чести и достоинства Россіи. При-

служница Австро-Венгріи давала этимъ разумѣть кому слѣдуетъ, чтобы, не опасаясь преграды со стороны Россіи, хищники дѣлали бы свое дѣло. Такое же восклицаніе относилось и къ Черногоріи. Газетѣ желательно выставить на видъ, что Россія отреклась отъ всего сербскаго народа, который, однако, за исключеніемъ полуобразованныхъ личностей, остается по-прежнему приверженъ Россіи и ея Царю.

Въ силу несомнѣннаго историческаго преданія, Сербія должна была всегда оставаться въ сферѣ русскаго вліянія, сущность котораго—не порабощеніе русскимъ политико-торговымъ интересамъ, не корыстное давленіе, не посягательство на церковь, на власть, на духовное и вещественное достояніе народа, а безпрепятственное развитіе народности чрезъ ея самодѣятельность въ духѣ ей прирожденномъ и чрезъ свободное всенародное сознаніе единства интересовъ съ другими восточными православными государствами. Но тлетворное вѣяніе съ сѣвера, поддерживая противонародную стачку въ ущербъ честной народной сторонѣ, толкало Сербію въ кругъ вліянія Австро-Венгріи.

Когда изъ Бѣлграда дано было знать, что подтасованная скупщина дѣйствуетъ предательски, то изъ Петербурга телеграфировали: «предоставьте Сербію самой себѣ».

Когда въ Бѣлградѣ сознавали необходимость имѣть при русскомъ представителѣ драгомана, который дѣйствительно былъ нуженъ, потому что такой помощникъ удобнѣе всякаго другаго могъ бы служить проводникомъ въ средѣ народа русской политики и поддержкою народной стороны, тогда сообщено было, что ожидаются новые штаты, а потомъ вмѣсто драгомана присланъ былъ для г. Персіани второй секретарь. Но оказалось, что и при двухъ секретаряхъ: г. Гирсѣ, сынѣ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, и г. Богдановѣ—сербское правительство продолжало вести дѣла противно народнымъ пользамъ, умаляя послѣдовательно всякое значеніе Россіи. Да и что было дѣлать двумъ секретарямъ, когда и одному нечего дѣлать въ странѣ, предоставленной самой себѣ? Можно развѣ только пожалѣть о напрасныхъ расходахъ государственнаго казначейства на содержаніе русскихъ дипломатическихъ агентовъ, которые какъ будто для того только и назначены, чтобы быть очевидцами пренебреженія, съ которымъ нынѣшнее сербское правительство относится къ преданіямъ прошлаго.

Та ли это теперь Россія, которая въ 1853 году имѣла достаточно силы, чтобы въ 24 часа смѣстить въ Бѣлградѣ министра внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ Илью Гарашанина, отца нынѣшняго министра Милутина Гарашанина, за то, что шелъ противъ народныхъ стремленій во внѣшней политикѣ, склоняясь на сторону Англіи и Франціи?

Въ Presse было напечатано, что когда по поводу низверженія митрополита Михаила всѣ ожидали рѣшительнаго слова изъ Россіи, то статсъ-секретарь Гирсъ будто бы сказалъ: «мы не любимъ охотиться на чужихъ

землякъ». Слова эти, насколько извѣстно, не были опровергнуты; но еслибы даже они не были произнесены, то смыслъ событій отвѣчаетъ имъ. Но позволительно спросить: была ли Сербія прежде чужою землею для Россіи и съ котораго времени стала она таковою? Вѣдь Россія не испытала ничего такого, что заставило бы ее отступиться отъ своего законнаго и историческаго права на этотъ вѣсъ своего внѣшняго вліянія, которымъ она пользовалась въ прежнее время и что составляетъ ея прямое государственное наслѣдіе, о которомъ упоминается въ депешѣ 4 марта 1881 года. Но если событія свидѣтельствуютъ противное, то приходится думать, что или она передана въ сферу австро-венгерскаго вліянія по соглашенію канцлеровъ, предшествовавшему послѣдней русско-турецкой войнѣ, на что намекнулъ какъ-то графъ Дерби, или же нашей дипломатіи не подъ силу бороться съ иностранною дипломатіей.

Но борьба безкровная есть удѣлъ дипломатіи: это—ея служебная обязанность. Весь Востокъ представляется поприщемъ этой неизбѣжной борьбы. Неуспѣхъ ея ложится густою тѣнью на политическую состоятельность великой державы. Здѣсь не мѣсто ни попустительству, ни уступкамъ. Кто дѣлаетъ ихъ, тотъ обнаруживаетъ лишь собственное безсиліе. Миротворчество во вредъ себѣ есть только предлогъ самоуспокоенія, возможнаго для людей, внутри которыхъ нѣтъ ни созвучія съ народомъ, нѣтъ ни голоса народной чести...

Дѣло, однако, дошло въ Сербіи до того, что по Бѣлграду ходятъ австрійскіе жандармы и хватаютъ тѣхъ сербовъ, которые переселились сюда изъ сербскихъ земель, занятыхъ австрійцами; и несмотря на то, что они уже приняли здѣшнее подданство, ихъ тащутъ на австрійскіе пароходы, которые перевозятъ ихъ на мѣсто казни.

Вмѣсто того, чтобы, воспользовавшись банкротствомъ Union Générale, освободиться отъ желѣзныхъ путъ, наложенныхъ на Сербію желѣзнодорожною конвенціей, и вновь обсудить съ настоящимъ народнымъ представительствомъ дѣло о желѣзныхъ дорогахъ, нынѣшнее сербское министерство, вопреки уставу, не спросясь даже какой ни-на-есть скупщины, вошло въ новые переговоры съ иностранными предпринимателями по личному усмотрѣнію министра Міятовича.

Можно предполагать, къ чему окончательно приведетъ Сербію внѣшній заемъ, заключенный чрезъ Бонту, или по крайней мѣрѣ куда клонятъ Сербію тѣ невидимыя силы, которыя стояли за спиною Бонту. Заемъ этотъ, обезпеченный таможенными сборами, косвенными налогами и всѣмъ государственнымъ достояніемъ, ставитъ Сербію въ необходимость платить проценты и погашеніе кредиторамъ, купившимъ у Бонту болѣе чѣмъ на сорокъ милліоновъ франковъ облигацій. Деньги эти исчезли въ лопнувшемъ банкѣ. Затѣмъ эти облигаціи будутъ скуплены австрійскими агентами, на оплату ихъ потребуется новый заемъ; а такъ какъ первый обезпеченъ государствомъ, то тутъ-то австро-венгерское правитель-

ство, въ виду затруднительнаго положенія сербскихъ финансовъ, и потребуетъ, чтобы къ государственнымъ доходамъ Сербіи были приставлены ея контролеры. Примѣръ Египта съ англо-французскимъ контролемъ—на-лицо. Тогда можно будетъ поздравить новаго короля и его нынѣшнихъ министровъ съ окончательнымъ исполненіемъ ихъ желанія, а объ народѣ сербскомъ придется потужить, что на его имуществе будетъ наложена австро-венгерская опека.

Но и этого еще мало для Австро-Венгріи. Какъ бы предвидя такую добычу въ сербскомъ народномъ хозяйствѣ, она заблаговременно позаботилась и о прямомъ присвоеніи сербскихъ земель. Ужь если брать, такъ брать все, благо даютъ; ужь если продавать, такъ продавать огуломъ... Нынѣшнее сербское правительство постаралось провести законъ, по которому всякій иностранный подданный, не перемѣняя подданства, можетъ пріобрѣсти въ Сербіи недвижимую собственность. Этимъ отмѣненъ дѣйствовавшій доселѣ и вполнѣ предусмотрительный законъ, воспрещавшій иностраннымъ подданнымъ владѣть въ Сербіи земельною собственностію и даже имѣвшій отдѣльный параграфъ, въ силу котораго если австрійскій подданный получилъ въ Сербіи по наслѣдству недвижимую собственность, то правительство сербское обязано было продать это наслѣдство и вырученными деньгами удовлетворить наслѣдника. При незначительномъ пространствѣ Сербіи, легко предугадать, что австро-венгерскіе капиталисты, при пособіи разныхъ Länderbank, Landesbank, не замедлятъ скупить всѣ лучшія сербскія земли съ ихъ обильными непочатыми богатствами. На этихъ земляхъ будутъ поселены колонисты — тоже иностранные подданные.

Состоявшійся послѣ того договоръ съ Австро-Венгріей о плаваніи по Дунаю предоставилъ во власть этой послѣдней и дунайскія воды, и пристани, принадлежащія Сербіи.

Такимъ образомъ въ Сербіи образуется государство въ государствѣ, и король сербскій рискуетъ остаться безъ собственныхъ подданныхъ. Въ концѣ концовъ, если только народная сторона не воспреобладаетъ въ скоромъ времени, Сербія явится предметомъ продажи-купли, и Европа увидитъ диковинный и небывалый еще скандалъ съ независимымъ королевствомъ, которое сначала разоряется, а потомъ покупается его опекунами.

Когда король Сандвичевыхъ острововъ, желая вкусить отъ плодовъ цивилизаціи, пріѣхалъ въ Европу, тогда разнеслась молва, будто онъ желаетъ продать свое королевство и ищетъ между европейскими дворами наиболѣе подходящаго покупателя. Какъ ни смѣшна казалась эта мысль,— по всей вѣроятности, и самъ король Калакауа смѣялся ей,—однако, какъ оказывается, она нашла себѣ послѣдователей въ Сербіи.

II.

Рѣчи М. Д. Скобелева произвели въ нашей печати нѣчто въ родѣ химическаго разложенія. Вмѣстѣ съ рѣзкимъ выдѣленіемъ той части печати, которая по поводу этихъ рѣчей назвала себя голосомъ «партіи мира», всплыло наружу много любопытныхъ самообличеній и признаній. Такъ и буду называть ее мирнóю, хотя другая часть русской печати вовсе не стоитъ за войну. Только эта послѣдняя отнеслась трезво, съ приличнымъ вниманіемъ и спокойствіемъ къ словамъ М. Д. Скобелева, тогда какъ мирнáя печать накинулась на заслуженнаго генерала съ непозволительною беззастѣнчивостію, доходившею даже до противорѣчія съ собственными началами.

Когда шумъ, произведенный этими рѣчами, позатихъ, можно уже дать себѣ отчетъ въ тѣхъ итогахъ, къ которымъ привелъ весь этотъ говоръ, поднятый мирнóю печатью.

Оказывается, что и другая часть русской печати, которой тоже досталось, какъ и М. Д. Скобелеву, отъ мирнóй печати, одинаково съ этою послѣднею не желаетъ войны; но разница между тою и другою состоитъ именно въ способѣ избѣжанія войны, а это, въ свою очередь, наводитъ на способъ нашихъ отношеній къ сосѣднимъ съ нами державамъ. Мирнáя печать обозвала своихъ противниковъ войнолюбцами; между тѣмъ вся воинственность ихъ состояла лишь въ томъ, что они заступились за право русскаго человѣка быть равноправнымъ съ западно-европейскими людьми въ выраженіи своего самостоятельнаго мнѣнія и доказали, что тогда какъ русскій человѣкъ еще только однимъ словомъ, произнесеннымъ вслухъ, указалъ на возможность столкновенія съ нѣмцами, сосѣди наши уже давно на дѣлѣ приготовились къ этой возможности и первые вызываютъ насъ на это столкновеніе. Кажется, здѣсь не много воинственнаго азарта. Не болѣе его и въ слѣдующихъ словахъ:

«Не войной желала бы Россія испытать крѣпость и прочность своего духовнаго освобожденія, и полагаемъ, что всѣ тревожныя ожиданія европейской печати, если только основываются на русскомъ почину, должны быть отнесены къ области больнаго воображенія и крайняго незнанія. Но если тревога основывается на причинахъ, заключающихся въ западныхъ державахъ, и ожиданія ея на дѣлѣ оправдаются, то несомнѣнно, что Россія, преклонившись велѣнію Провидѣнія, посылающаго испытаніе духовной ея крѣпости огнемъ и мечомъ, докажетъ, что она достаточно могущественна, чтобы навсегда охладить завоевательныя поползновенія насчетъ ея земель». Слѣдовательно, все войнолюбіе людей, которыхъ мирнáя печать называетъ то консерваторами, то народниками, то славянофилами и шовинистами, сводится къ тому, что они желали бы, чтобы Россія въ своихъ отношеніяхъ къ этимъ державамъ стояла на соотвѣтствующей высотѣ своего значенія и сознанія своихъ народныхъ силъ, охраняя свое

достоинство и не отрицаясь отъ самостоятельности своихъ дѣйствій, не жертвуя своимъ политическимъ положеніемъ въ угоду этихъ державъ.

Замѣчательно, что рѣчи М. Д. Скобелева не произвели никакого возбужденія, ни переполоха въ той части общества, къ которой принадлежатъ эти люди. Для нея онѣ не представлялись ни неожиданными, ни тревожными. Напротивъ, мирная печать вмѣстѣ съ заграничною увидала въ нихъ нѣчто чрезвычайное, и если общество заговорило о войнѣ, то единственно благодаря толкамъ, созданнымъ не кѣмъ другимъ, какъ этою самою печатью. Она забила тревогу, она смутилась на первыхъ же порахъ, и если еще только не позволила себѣ дерзостей, подобно иностранной печати, то неприличныхъ выходокъ и насмѣшливости противъ виновника ея смущенія достало довольно и у нея.

Очевидно, мирная печать вводитъ въ заблужденіе своихъ противниковъ и сама, создавая вѣтреныя мельницы, изо всѣхъ силъ сражается съ этими мельницами. Но для чего нужно ей это?—Нужно для того, чтобъ еще рѣзче оттѣнить свое единомысліе съ тою не русскою частію общества, которая теперь начинаетъ чувствовать, что почва колеблется подъ нею; нужно поддержать эту часть общества, облекая и себя и ее въ мерцаніе возвышенныхъ будто бы идей цивилизаціи, которыя въ сущности суть не что иное, какъ отрицаніе началъ народности, какъ ея собственное изобрѣтеніе, разсчитанное на обманъ чувствъ. За то другой отголосокъ этой части общества, Journal de St.-Pétersbourg, называетъ эту печать «здоровою» стороною русской публицистики. Оно и понятно.

Явленіе весьма знаменательное: рѣчи М. Д. Скобелева произвели совершенно одинаковое дѣйствіе какъ на эту печать, такъ и на нѣмецкую: та и другая обнаружила чрезмѣрную раздражительность. Нѣмцы кричатъ: какъ смѣлъ грозить намъ русскій генералъ!... Русская мирная печать кричитъ: какъ смѣлъ русскій генералъ грозить нѣмцамъ!...

Раздраженіе свидѣтельствуетъ, что человѣкъ или застигнутъ въ расплохъ, или разоблаченъ противъ его воли. Нѣмецкая австрійская печать въ послѣднемъ своемъ выводѣ обнаружила, что въ Вѣнѣ боятся войны съ Россіею; германская печать высказала, напротивъ, что въ Германіи не прочь бы повоевать, и что вообще воинственный задоръ идетъ отсюда. Особенно не понравилось нѣмцамъ то, что сознана и громко высказана русскимъ народнымъ героемъ та выработка, которой они подчинили всѣ отрасли русской жизни.

Молчать, угождать имъ, покорствовать предъ ними — вотъ чего бы имъ желалось отъ русскихъ.

А русская мирная печать, очень хорошо понимая, что нѣмецкая стихія для своего водворенія и распространенія въ Россіи всего болѣе нуждается въ тишинѣ, негласности и такъ сказать неприкѣтности ея постепеннаго усиленія, старается еще болѣе прикрыть ея присутствіе и вліяніе увѣреніями, что не Германія преобладаетъ надъ Россіею, а Россія

надъ Германіею. Это будто доказывается тѣмъ, что Россія спасла Австрію, помогла возникнуть и объединиться Германской имперіи, вступила безъ помѣхи въ войну съ Турціею. Такіе жалкіе доводы не стоятъ и возраженія, потому что тутъ были или прямыя ошибки со стороны Россіи, шедшія на руку тому или другому ея сосѣду и потому охотно имъ принимаемыя, или хитрыя ловушки, разставленныя Россіи съ послѣдствіями, которыя только еще начались приговоромъ надъ нею берлинскаго ареопага, а разовьются и обозначатся во всей своей силѣ въ будущемъ, если только внѣшнія дѣла поведутся тою же колеей. Недобросовѣстность этой натяжки уже тѣмъ обличается, что если бы Россія взаправду преобладала за своею границею, то не зачѣмъ бы было и подымать такой шумъ изъ-за опасенія, какъ бы не разсердились на насъ наши сосѣди за слова М. Д. Скобелева.

Въ самомъ дѣлѣ, благодаря нашему поведенію, намъ есть чего опасаться въ случаѣ если сосѣди захотятъ воспользоваться нашею неготовностію къ войнѣ. На западной нашей границѣ крѣпостей мало; онѣ отстоятъ далеко одна отъ другой и отъ границы; онѣ не могутъ поддерживать себя взаимно, и самое устройство ихъ едва ли отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ и условіямъ обороны: по крайней мѣрѣ, одинъ изъ главнѣйшихъ ихъ недостатковъ, это — отсутствіе передовой окружной линіи укрѣпленій. Пруссія, напротивъ, обладаетъ вблизи отъ нашей границы четырьмя первоклассными и нѣсколькими мелкими крѣпостями, которыя она постоянно продолжаетъ усиливать; въ прошломъ году самъ фельдмаршалъ Мольтке инкогнито осматривалъ новыя крѣпостныя работы въ Торунѣ. Крѣпости прусскія связаны между собою общею системой обороны и силы ихъ поддерживаются желѣзными дорогами, которыя могутъ одновременно снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ какъ вдоль по ихъ линіи, такъ и изъ центральныхъ резервовъ. Въ нынѣшнемъ году усиливается вторая оборонительная линія по Одеру и преимущественно Кюстринъ. Заходила рѣчь и о сухопутномъ укрѣпленіи Киля. Достаточно бѣглаго взгляда на число и расположеніе прусскихъ крѣпостей, образующихъ сплошные ряды четвероугольниковъ, чтобы понять, что Пруссія въ этомъ отношеніи почти неуязвима. Но въ то же время эти крѣпости могутъ служить ей твердою опорой для наступательныхъ дѣйствій.

Ну, а мы во все продолжительное время министерства графа Д. А. Милютина и при столь высоко поставленной военно-инженерной части, обезпечили ли себя столько же, сколько Пруссія, для самообороны? Чтобы имѣть на то средства, взвѣшивали ли мы строжайшимъ образомъ въ нашемъ военномъ, или даже въ цѣломъ государственномъ бюджетѣ статьи по степени ихъ важности и имѣли ли въ виду, что внѣшняя безопасность есть существеннѣйшее условіе для успѣшной внутренней работы? Если бы, напримѣръ, чрезмѣрно усилившійся при нашей помощи сосѣдъ вздумалъ вдругъ требовать отъ насъ выгоднаго для его наживы, а для

насъ разорительнаго, таможеннаго тарифа, или еслибъ онъ предложилъ намъ исправить для него наши границы, да и мало ли чего другаго потребовалъ бы онъ отъ насъ,—были ли бы мы въ состояніи сказать ему: «приди и возьми самъ»,—зная, что войти въ наши предѣлы съ оружіемъ въ рукахъ онъ не посмѣлъ бы, потому что на первомъ же шагу встрѣтилъ бы твердыни такія же, какими самъ отгородился отъ насъ? Еслибы, при всемъ томъ, строить дорого стоющія крѣпости не достало у насъ средствъ, то избрали ли мы по всему протяженію западной границы мѣстности для возведенія земляныхъ укрѣпленій на подобіе Плевны и подготовили ли ихъ оборону при устройствѣ такихъ приспособленій, которыя требуютъ болѣе капитальныхъ работъ, чѣмъ скороспѣшныя солдатскія, изготовляемыя во время уже начавшихся военныхъ дѣйствій? Устроили ли мы для желѣзнодорожныхъ питательныхъ вѣтвей къ этимъ мѣстностямъ заблаговременно земляное полотно? Сдѣлали ли мы вообще что-нибудь такое, что представляло бы, хотя въ подготовкѣ, двойную и тройную оборонительную линію по нашей западной границѣ? Наоборотъ, мы приступили къ осушенію Пинскихъ болотъ, считавшихся самымъ главнымъ препятствіемъ для взаимно согласованнаго дѣйствія двухъ непріятельскихъ армій, наступающихъ съ юго-запада и сѣверо-запада. А въ виду нашемъ и австро-венгерское правительство укрѣпляетъ Карпатскіе проходы и впереди ихъ ближе къ нашей границѣ возводитъ крѣпости. Въ октябрѣ 1880 года былъ внесенъ въ соединенныя делегаціи въ Пештѣ чрезвычайный расходъ на военныя надобности, «не терпящія отлагательства», а именно: на постоянныя укрѣпленія и устройство укрѣпленнаго лагеря въ Краковѣ—три милліона флориновъ и на крѣпостныя работы въ Перемышлѣ — пять съ половиною милл. На нынѣшній годъ въ австро-венгерскомъ бюджетѣ назначено еще 1.600.000 на усиленіе крѣпостей по восточной, т.-е. русской, границѣ. Поспѣшно строится желѣзная дорога изъ внутренности Венгріи къ русской границѣ, составляющая линію долины рѣки Ваага отъ Тренчина до Силлейна, и въ австрійскую палату внесенъ законопроектъ о постройкѣ на казенный счетъ боковыхъ желѣзнодорожныхъ линій, примыкающихъ къ линіи Кошица—Обербергъ, необходимыхъ для военныхъ дѣйствій подъ Карпатами.

Голосъ «партіи мира» въ общихъ разсужденіяхъ, когда нужно оправдать дѣйствія нашихъ сосѣдей, явно намъ враждебныя, разумно замѣчаетъ, что во внѣшней политикѣ не должно и не можетъ быть чувства; нужно руководствоваться только разсчетомъ и пользами своего государства. Но та же мирная печать, когда дѣло касается нашихъ отношеній къ Германіи, выставляетъ главнымъ основаніемъ къ поддержанію мира—чувство дружбы. Германія крѣпко держится русской пословицы: «дружба дружбой, а служба службой». Русская же мирная печать и ея вдохновители ограничиваются относительно нашего самосохраненія только одною излюбленною въ нашей дипломатіи первою половиной этой пословицы, а о вто-

рой умалчиваютъ, такъ какъ вообще, по установившимся въ этой средѣ понятіямъ, то, что мы должны бы были дѣлать по долгу службы и патріотизма, можетъ раасердить щепетильнаго нѣмца и обезпокоить насъ въ сладкой дремотѣ податливаго на всѣ уступки дружелюбія. Между тѣмъ въ этомъ-то ложномъ способѣ отношеній и кроется всего болѣе войнолюбивый порывъ нашихъ сосѣдей и опасность для насъ вынужденной войны.

Какъ въ обществѣ, при одних и тѣхъ же условіяхъ, человѣкъ, который держитъ себя ласкательно и унизительно, подвергается презрѣнію и можетъ быть безнаказанно оскорбляемъ и даже награждаемъ пощечинами, тогда какъ тотъ, кто умѣетъ держать себя съ достоинствомъ, согласно его внутреннему самолюбію и чувству чести, не только не рискуетъ быть оскорбленнымъ, но даже относительно его не можетъ возникнуть и мысли объ оскорбленіи,—такъ и въ международныхъ отношеніяхъ умѣнье дипломатіи держать себя съ достоинствомъ и ни въ какомъ случаѣ не допускать ни на волосъ чего-либо неправильнаго или обиднаго относительно государства, которому она служитъ, и отдѣльныхъ его подданныхъ всегда отвратитъ возможность того, что называется «сѣсть на шею». Мелочи никогда не доведутъ до войны, нужно только отражать ихъ на первыхъ же порахъ. А для этого дипломатія должна носить въ себѣ достаточно чувства государственнаго достоинства, которое внушается лишь голосомъ народной чести; но всегда ли таковъ бываетъ составъ дипломатическаго вѣдомства? Только самородный человѣкъ своей страны проникнутъ бываетъ отъ природы чувствомъ народной чести и духовною крѣпостію, когда притомъ онъ не зараженъ мертвящимъ безстрастіемъ всесвѣтнаго гражданства. Только такой дипломатъ найдетъ внутри себя достаточно силы слова, чтобъ отнять у противника охоту осуществлять свои наступательные замыслы.

Мы не знаемъ всѣхъ сношеній, которыя ведутся нашею дипломатіей; но мелочи и отдѣльные случаи, доходящіе до общественнаго слуха, оскорбительные для народнаго чувства, остаются безъ всякаго отзыва со стороны печатнаго органа нашей дипломатіи, съ которымъ солидарны и голоса «партіи мира». Не говоря уже о томъ, что молчаніе на этотъ разъ есть какъ бы пренебреженіе къ обществу,—оно оставляетъ общество въ недоумѣніи относительно удовлетворенія оскорбленной народной чести. Сдѣлано ли было представленіе вѣнскому кабинету, когда императорско-королевское намѣстничество въ Чехіи безсовѣстно преслѣдовало административно и чрезъ судебную власть тѣхъ изъ чеховъ, которые побывали въ Москвѣ на этнографической выставкѣ, то-есть за то только, что они были въ гостяхъ у русскихъ и между прочимъ имѣли счастіе представляться русскому императору? Чѣмъ кончились прискорбные аресты и высылки съ жандармами русскихъ ученыхъ и офицеровъ, задержанныхъ австрійскими властями въ Галиціи? Что значило, что Австро-Венгрія воспрепятствовала русскимъ войскамъ пройти черезъ Сербію къ Плевнѣ, какъ

еще недавно удостовѣрялъ первенствующій венгерскій министръ Тисса въ засѣданіи палаты депутатовъ 21 минувшаго февраля? Оставляю безъ вопроса тѣ многочисленныя оскорбленія, которыя намъ нанесла нейтральная Англія при Биконсфильдѣ во время турецкой войны. Достаточно спросить, почему Египетъ помогалъ противъ насъ Турціи, тогда какъ за наши предварительныя дипломатическія уступки Англія поручилась, что онъ не приметъ участія въ войнѣ? Какъ легко проглотила наша дипломатія наступленіе флота нейтральной Англіи въ Галлипольскій заливъ, когда мы стояли на одномъ мѣстѣ и раздумывали по старой австрійской системѣ — идти или нейти! Чѣмъ кончилось дѣло объ умерщвленіи въ Константинополѣ русскаго военнаго агента полковника Куммерау? Неужели справедливо, какъ пишутъ въ Politische Correspondenz, что нашъ посланникъ г. Новиковъ, вслѣдствіе уклончивости Порты, обѣщалъ сдѣлать еще новыя уступки относительно суммы вознагражденія за военныя издержки Россіи и подвергнуть размѣры этой ничтожной суммы новому обсужденію? И что сей сонъ означаетъ? За происки Германіи въ Константинополѣ противъ Россіи неужели г. Новиковъ считалъ удобнымъ дать обѣдъ въ честь германскаго представителя и, какъ объясняютъ, въ пику М. Д. Скобелеву? Чѣмъ кончилось дѣло объ убійствѣ русскаго офицера, кажется, жандармскаго, на прусской границѣ? Чѣмъ кончилось столкновеніе русскихъ офицеровъ съ пруссаками на той же границѣ? Какой исходъ получило дѣло о плаваніи русскихъ судовъ по нижнему теченію Немана? Объ этомъ дѣлѣ ковенскій торговецъ г. Брамсонъ доносилъ въ 1880 году въ комитетъ Общества для содѣйствія русской торговлѣ и промышленности, что по Неману въ русскихъ предѣлахъ плаваетъ болѣе сотни прусскихъ судовъ, а прусское правительство въ томъ году запретило русскимъ пассажирскимъ пароходамъ плаваніе по Неману въ прусскихъ предѣлахъ даже за плату. Рѣшено ли это дѣло и въ чью пользу? Всѣхъ случаевъ и не перечтешь. И однако органъ нашей дипломатіи постоянно безмолвствовалъ и безмолвствуетъ... За то во время Берлинскаго конгресса онъ одинъ изъ всѣхъ издающихся въ Россіи газетъ поспѣшился сообщить по адресу Англіи радостное извѣстіе, что казацкіе отряды, посланные въ Афганистанъ, возвращены назадъ; а вскорѣ потомъ и то, что посольство Столѣтова оставило Кабулъ и возвращается въ Россію. Недавно еще прусскій генералъ Шилле держалъ воинственную рѣчь къ прусскимъ офицерамъ о маневрахъ на русской границѣ. Органы «партіи мира» постарался елико возможно истолковать этотъ случай въ оправдательномъ смыслѣ для прусскаго генерала, тогда какъ тотъ же органъ не пощадилъ раздувательной брани противъ рѣчей русскаго генерала Скобелева. Можно было ожидать, что сама нѣмецкая печать постарается оправдать рѣчь своего генерала, а вышло, что эту сосѣдскую обязанность исполнила русская мирная газета. Таковъ ужъ нынѣшній дипломатическій пошибъ!...

Обхожденіе русскихъ посольствъ съ русскими подданными за границею вызываетъ жалобы въ нашей печати. Говорятъ, что наши посольства обходятся съ русскими грубо, пренебрежительно. Достаточно не имѣть титула, свѣтскости и состоянія, чтобы подвергнуться обидному обхожденію въ посольствѣ и невниманію къ предъявленной просьбѣ или жалобѣ. Если это справедливо хотя относительно нѣкоторыхъ русскихъ посольствъ,—а объ этомъ въ разное время и изъ разныхъ источниковъ сообщалось въ печати,—то надо сознаться, что такая повадка обращенія нашихъ дипломатическихъ агентовъ съ своими соотечественниками за границею роняетъ достоинство Россіи въ глазахъ иностранцевъ.

Въ Вѣнѣ произошелъ прискорбный случай съ нашимъ посланникомъ г. Убри. Чехъ ремесленникъ, по прозванію Цихъ, разбилъ стекло въ каретѣ посланника, возвращавшагося домой изъ церкви. Оказалось, что Цихъ неоднократно обращался за пособіемъ въ русское посольство, но получалъ отказъ и, конечно, не иначе, какъ въ грубой формѣ, потому что онъ славянинъ, простой человѣкъ и притомъ просилъ помощи. Но вслѣдъ за тѣмъ дознано, что Цихъ служилъ добровольцемъ въ нашихъ войскахъ, участвовалъ въ оборонѣ Шибки и лишился отъ полученной здѣсь раны владѣнія одною рукой. Какъ же наше посольство могло обойтись такъ небрежно съ человѣкомъ, который, каковъ бы онъ ни былъ, во всякомъ случаѣ стоилъ вниманія за добровольную службу въ рядахъ русской арміи и за русское дѣло? Гдѣ же русское чувство самолюбія, которое побуждало бы, на глазахъ иностранцевъ, поддержать человѣка за его добровольную и посильную услугу, которая стоила руки бѣдняку, а теперь, по жалобѣ посольства, привела его въ тюрьму? Не столько этотъ случай самъ по себѣ, сколько общій характеръ нашего дипломатическаго пошиба, въ немъ отразившійся, унизителенъ для достоинства Россіи. Въ такомъ поступкѣ не видно ни русскаго человѣка, ни русскаго народнаго чувства.

Въ Дрезденѣ было основано православное братство для пособія православнымъ церквамъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Что сталось съ дѣятельностію этого братства? Ужь не прекращена ли она въ угоду австро-венгерскимъ властямъ, вводящимъ католицизмъ въ двухъ занятыхъ турецкихъ областяхъ? Какъ слышно, объ этомъ братствѣ сдѣлано было представленіе изъ Вѣны. Конечно, не русскому и не православному,—зачѣмъ такое братство?... Но не оскорблено ли самолюбіе Россіи уступкою даже въ дѣлѣ чисто религіозномъ? Не мудрено, что австрійское правительство набросилось съ такимъ остервенѣніемъ и полнымъ нарушеніемъ справедливости и всякаго права на тѣхъ русскихъ галичанъ, которые въ двухъ селеніяхъ Гниличахъ заявили желаніе перейти изъ уніи въ православіе; оно раздуло это дѣло въ цѣлый заговоръ государственной измѣны, направленный будто бы въ пользу Россіи. Въ прошломъ столѣтіи нашъ дворъ заступался за нарушенныя права австрійскихъ славянъ, а теперь мы, хотя косвенно оскорбленные, не посмѣемъ на это рѣшиться, даже хотя бы съ

напоминаніемъ, что Збаражскій уѣздъ, гдѣ это случилось, вмѣстѣ съ Тарнопольскимъ былъ великодушно подаренъ Австріи императоромъ Александромъ I. И мало ли что дѣлалось и дѣлается въ Австро-Венгріи оскорбительнаго для насъ въ отвѣтъ на нашу предупредительную готовность устранять все непріятное для утонченныхъ интересовъ этой архи-католической и по самому существу своей политики враждебной намъ державы. Мало ли что оффиціально въ палатахъ и оффиціозно въ печати говорится для насъ насмѣшливаго и оскорбительнаго у нашихъ сосѣдей въ отвѣтъ на настойчиво соблюдаемую нами скромность публичнаго слова!

Journal de St.-Pétérsbourg не ощущаетъ въ себѣ настолько сознанія чести и собственнаго достоинства, чтобъ отвѣчать на все это спокойно, свободно и рѣшительно, какъ вообще принято въ порядочномъ обществѣ. Онъ или отмалчивается, показывая видъ, будто не замѣчаетъ обиды, или даже пріятно расшаркивается, какъ ни въ чемъ ни бывало.

Но обязанъ ли каждый русскій человѣкъ слѣдовать примѣру дипломатическаго оффиціоза?

Печать партіи мира также желала бы, чтобы русскій человѣкъ молчалъ. Это на руку и нѣмецкому преобладанію, и самоуспокоенію безотвѣтственной дипломатіи.

Но, напядываясь на генерала Скобелева, эта печать измѣняетъ своимъ либеральнымъ началамъ. Она отнимаетъ свободу слова у частнаго человѣка, какимъ Journal de St.-Pétérsbourg и непремѣнный членъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, г. Мартенсъ, въ своемъ письмѣ къ Люису Епльтону, секретарю международнаго третейскаго суда и Общества мира въ Лондонѣ, поспѣшили выставить М. Д. Скобелева. Она желала бы на этотъ разъ замкнуть человѣческое существо въ мундирную форму, чтобы только оно молчало. Мало того, эта либеральная печать высказала свое негодованіе противъ лицъ, собравшихся на станціи желѣзной дороги привѣтствовать М. Д. Скобелева по возвращеніи его въ Петербургъ. Откуда взялась у этой печати такая не либеральная нетерпимость, о которой даже друзья ея, одного съ нею лагеря, высказались, что она уже хватила черезъ край? Генералу Скобелеву поставлено было въ упрекъ, зачѣмъ онъ въ своей петербургской рѣчи не ограничился военною частію, а вдался въ политику. Но можно спросить партію мира: развѣ только газетные сотрудники, пишущіе передовыя статьи, имѣютъ право говорить о политикѣ, или только имъ однимъ дался даръ понимать ее? Генералъ Скобелевъ, какъ непосредственный участникъ военныхъ дѣйствій, своими глазами видѣлъ и собственною душою прочувствовалъ на полѣ битвъ всѣ ужасы кровавыхъ жертвъ, приносимыхъ на пользу родины, за честь народа. Какъ боевой генералъ, какъ вообще военный, обстрѣленный непріятельскими ядрами и пулями и, наконецъ, какъ русскій, онъ могъ, безъ сомнѣнія, лучше кабинетныхъ дипломатовъ знать цѣну человѣческой крови, цѣну человѣческихъ мученій, принимаемыхъ въ искупленіе народной оби-

ды. И когда онъ видѣлъ и зналъ, что болѣе ста тысячъ человѣческихъ жизней съ такимъ одушевленіемъ принесено было въ эту искупительную жертву, и когда та часть интеллигенціи, чуждая русскому народу, которую одну только онъ и имѣлъ въ виду въ своей рѣчи, такъ легкомысленно, такъ безсердечно, безъ всякихъ усилій, даже хотя бы для вида, распорядилась этою жертвою, отдавши всю ея дорогую цѣнность въ руки и пользованіе другихъ державъ,—то неужели этотъ сердечный вопль патріотическаго негодованія не долженъ былъ вырываться изъ груди русскаго генерала ради одного только дипломатическаго самоуспокоенія?

На завтракѣ въ Кронштадтѣ 2 марта генералъ-адъютантъ Казакевичъ высказалъ между прочимъ надежду, что военные клики, вѣроятно, скоро утишатся, когда истощится военный матеріалъ, и пожелалъ Россіи идти впередъ мирнымъ развитіемъ. Генералъ-адъютантъ Скобелевъ далъ единственно вѣрный отвѣтъ на эти мирныя пожеланія военнаго человѣка. Онъ своими рѣчами хотѣлъ сказать, что мирныя отношенія только тогда прочно установятся, когда мы прямо будемъ смотрѣть въ глаза нашему противнику, когда смѣло увѣримъ его, что понимаемъ образъ и цѣль его дѣйствій, и когда заявимъ ему, что будемъ отстаивать свое право на взаимное уваженіе къ тѣмъ международнымъ обязательствамъ, которыя какъ нами, такъ не менѣе того и другими державами должны быть выполняемы.

Еще одинъ вопросъ. Долго мы хранили попустительное молчаніе; много потеряли мы существенныхъ для Россіи задатковъ нашей безусловно миролюбивой политики. Но къ чему все это привело? Не къ большей ли дерзости и наглости относительно насъ западно-европейскаго общества? Въ 1868 году прусскій посланникъ Узедомъ передалъ Мадзини меморандумъ, въ которомъ говорится, что Германія должна образовать одно могущественное государство отъ Балтики до Альповъ и отъ Рейна до *Вислы* (Politica segreta italiana). Въ продолжительную пору нашего дипломатическаго безмолвствованія Германія уже стала объединенною, могущественною державою; вопросъ о Рейнѣ, какъ границѣ, уже рѣшенъ въ ея пользу. Теперь заговорили въ Германіи и о Вислѣ... Что же? Мы все будемъ молчать, и партія мира, выдающая себя за патріотическую, все еще будетъ требовать, чтобы русскій человѣкъ, даже въ качествѣ частнаго лица, не смѣлъ высказывать во всеуслышаніе своей сокровенной думы, которою наболѣла его народная душа?...

А. Майковъ.

Хроника французской жизни.

Стачки и рабочій вопросъ въ палатѣ.—Отчетъ Общества покровительства заброшенныхъ и порочныхъ дѣтей.—Пересмотръ конкордата.—Генералъ Скобелевъ въ Парижѣ.—Финансовый бюджетъ.—Новыя книги: „Sous l'incendie" par Nadar, „La Faustin" Гонкура и 8-й томъ мемуаровъ Меттерниха.—Обзоръ періодическихъ изданій.—Конференціи Ренана въ Сорбоннѣ.—Художественныя выставки.

Въ настоящую минуту во Франціи всѣ заняты рабочими стачками. Замѣтно какое-то экономическое броженіе. Насколько мелкая и крупная буржуазія удовлетворена предоставленной ей политическою свободой, настолько рабочее населеніе недовольно существующимъ порядкомъ вещей; оно относится къ правительству съ крайнимъ недовѣріемъ; видя въ немъ предпочтеніе къ капиталистамъ-хозяевамъ и фабрикантамъ. Есть люди, выжидающіе случай раздуть огонь; иные хлопочутъ по убѣжденію или же ради собственныхъ страданій и лишеній; другіе имѣютъ въ виду добиться чрезъ то общественнаго положенія при общемъ голосованіи. Много шума надѣлала стачка въ Бессежѣ, усмиренная войсками. Въ департаментѣ Гардъ, въ мѣстечкѣ Бессежъ, находятся каменно-угольныя копи, разрабатываемыя не болѣе тридцати лѣтъ. Копи не особенно богаты и уголь низкаго достоинства, такъ что эксплуатація обходится дорого и плохо выдерживаетъ конкурренцію съ англійскимъ углемъ. Семнадцать копей уже разрабатываются, на другія получены концессіи, но онѣ еще не тронуты, что положительно доказываетъ невыгодность эксплуатаціи. Работники выручаютъ отъ 4 фр. до 4 фр. 75 сант. въ день, причемъ расплата производится не ежедневно, а ежемѣсячно. Компаніи, начавъ работы въ мѣстностяхъ въ то время не населенныхъ, открыли свои лавки, въ которыхъ работники снабжаются въ кредитъ всѣмъ для нихъ потребнымъ, такъ что въ концѣ мѣсяца часто оказывается, что весь заработокъ уже забранъ впередъ. Работники жалуются на страшную зависимость отъ компаній, да и жители, поселившіеся впослѣдствіи въ окрестностяхъ копей, также недовольны этою монополіей. Вопросъ въ сущности весьма щекотливый. Каждая промышленная эксплуатація требуетъ большихъ капиталовъ и затратъ, всегда сопряженныхъ съ нѣкоторымъ рискомъ; съ другой сто-

роны, для массы работниковъ весьма тяжело находиться въ постоянной зависимости отъ хозяевъ, безъ малѣйшей возможности достигнуть какого-нибудь существеннаго улучшенія своего быта.

Директора копей жалуются, что стачки произошли благодаря подстрекательству парижскаго комитета рабочихъ, приславшаго своихъ делегатовъ для возбужденія мѣстныхъ рабочихъ. Депутаты крайней лѣвой, ѣздившіе собирать свѣдѣнія на мѣсто, говорятъ, что власти призвали военную команду въ ту минуту, когда должно было состояться добровольное соглашеніе между обѣими сторонами. Правительство извиняется тѣмъ, что оно хотѣло остановить насилие, не оказывая предпочтенія ни той, ни другой сторонѣ, и вступилось потому только, что распространился слухъ, что рабочіе намѣрены уничтожить вентиляторы. Органы печати, дружелюбные компаніямъ, хвалятъ правительство за водвореніе порядка. Дѣло обсуждалось въ палатѣ депутатовъ. Депутаты крайней лѣвой предлагали сдѣлать правительству выговоръ за призывъ военной команды. Но такъ какъ никто не желаетъ паденія министерства, то предложеніе осталось безъ поддержки; тѣмъ не менѣе всѣ видятъ необходимость измѣнить существующій порядокъ. Въ правительственныхъ газетахъ осмѣяли предложеніе депутатовъ крайней лѣвой: учредить парламентскую коммиссію для пріисканія мѣръ къ огражденію правительствомъ интересовъ рабочихъ, при раздачѣ подобныхъ концессій. Правда, что желанія депутатовъ высказаны въ такихъ неопредѣленныхъ формахъ, что видно по всему, что они сами не знаютъ, *чего* именно слѣдуетъ имъ просить; а вслѣдствіе этого незнакомства высшихъ классовъ съ нуждами рабочаго населенія именно и образовалась такъ-называемая рабочая партія, задавшаяся цѣлью отвоевать себѣ болѣе упроченное благосостояніе тѣми же путями, которыми среднее сословіе добыло свои права въ 1789 году. На борьбу съ среднимъ сословіемъ теперь выступаетъ такъ-называемое четвертое сословіе. Рабочіе говорятъ: «Мы составляемъ четвертое сословіе. Сто лѣтъ тому назадъ среднее сословіе, ничего не значущее, съумѣло получить права; четвертое сословіе, т. е. масса рабочихъ, должно стремиться къ той же цѣли». Четвертое сословіе мечтаетъ о возвращеніи государству всѣхъ крупныхъ промышленныхъ заведеній, точно также какъ среднее сословіе первой революціи поставило себѣ задачей возвратить государству земли дворянъ и духовенства. Но для этого необходимо заручиться политическою властью и—четвертое сословіе мечтаетъ когда-нибудь возвыситься надъ другими.

Въ нашъ вѣкъ промышленность развилась въ громадныхъ размѣрахъ и каждая фабрика составляетъ цѣлый мірокъ. Немыслимо думать, что тамъ, гдѣ скопляются тысячи рабочихъ, можетъ поддержаться старинная патріархальность отношеній хозяина къ рабочимъ; очень естественно, что рабочіе желаютъ получить голосъ въ обсужденіи самыхъ жизненныхъ для нихъ вопросовъ. Для удовлетворенія этой потребности организованы син-

дикальныя палаты, имѣющія цѣлью предупрежденіе стачекъ черезъ соглашеніе между хозяевами и рабочими, но оказывается въ дѣйствительности, что вся польза учрежденія падаетъ на долю хозяевъ и что палаты рабочихъ устроены на самыхъ неудовлетворительныхъ началахъ. Небольшой группѣ хозяевъ легче сговориться между собой, чѣмъ большой массѣ рабочихъ, да къ тому же денежная сила на сторонѣ хозяевъ. Клемансо заявилъ палатѣ, что рабочіе вынуждены прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, такъ какъ хозяева подвергаютъ преслѣдованію рабочихъ, участвующихъ въ синдикальныхъ палатахъ; въ книжки рабочихъ вносятся условные значки, по которымъ хозяева получаютъ свѣдѣнія о благонадежности рабочаго; вольнодумецъ, отпущенный съ какого-либо завода, не принимается ни на какой другой фабрикѣ или заводѣ. Открывъ свои лавки, компаніи допускаютъ въ нихъ не мало злоупотребленій. Рошфоръ, никогда не стѣсняющійся въ своей полемикѣ, сравнилъ положеніе рабочихъ съ проститутками домовъ терпимости, которыя никогда не могутъ выйти изъ кабалы своихъ содержательницъ. Компаніи повидимому расположены уступить лавки рабочимъ, совѣтуя имъ самимъ вести торговлю—не ставя себя въ зависимость отъ мѣстныхъ торговцевъ. Другой пунктъ неудовольствія рабочихъ—это управленіе кассами вспомоществованія и пенсій. Хозяева вносятъ половину капитала, а другая половина взимается съ поденной платы рабочихъ; хозяева отстаиваютъ свое право на половину голосовъ въ совѣтѣ, а рабочіе желаютъ имѣть эти кассы въ своихъ рукахъ на томъ основаніи, что они лишены свободнаго голоса въ присутствіи хозяевъ, которые имѣютъ право ихъ разсчитать и пустить по міру при первомъ противорѣчіи.

Съ цѣлью уладить дѣло готовится проектъ, въ коемъ предлагается отдать пенсіонныя кассы въ вѣдѣніе правительства, но затѣмъ останется контроль надъ кассами, который хозяева врядъ ли когда-нибудь уступятъ рабочимъ, опасаясь отдать имъ въ руки столь опасное противъ себя орудіе. Словомъ, рабочій вопросъ есть злоба дня во Франціи, хотя нечего опасаться скораго переворота; сами рабочіе сознаются, что они не созрѣли для борьбы,—для этого нужно стать на ту степень развитія, на которой нѣкогда находилась буржуазія, забравшая въ свои руки правительственную власть. Буржуазія, стоящая нынѣ во главѣ правленія, знаетъ положеніе дѣла и не опасается этихъ вспышекъ, которыя въ настоящее время могутъ только укрѣпить ея силу и повредить развитію враждебнаго ей класса.

На послѣднихъ парижскихъ выборахъ, для замѣны Флоке, который, сдѣлавшись префектомъ, не могъ остаться депутатомъ департамента Сены, въ XI, самомъ радикальномъ, парижскомъ округѣ, гдѣ находится кварталъ Бастиліи, населенный рабочими,—выбранъ въ депутаты членъ муниципальнаго совѣта, республиканецъ довольно крайній, но не кандидатъ рабочей партіи. Рабочій вопросъ составляетъ предметъ всевозможныхъ конференцій. При теперешней полной свободѣ сходокъ, въ этихъ собраніяхъ нѣтъ прежняго чувства ожесточенія въ борьбѣ,—на первомъ планѣ за-

мѣтно желаніе выяснить дѣло. Различныя партія раздѣлялись на отдѣльныя группы и каждая группа имѣетъ свои маленькія частныя конференціи— въ тридцать, сорокъ человѣкъ; бываютъ также, отъ времени до времени, большія публичныя собранія подъ предсѣдательствомъ какого-нибудь выдающагося политическаго лица, сенатора, или депутата. Я, на дняхъ, присутствовалъ на небольшой конференціи, въ кварталѣ Jardin des Plantes, Общества союза общественной пользы (la Ligue du bien public), гдѣ предсѣдательствовалъ рабочій, пользующійся большимъ уваженіемъ въ кругу товарищей, нѣкто Малонъ. Публика слушала съ большимъ вниманіемъ сообщеніе о правѣ собственности и соціальномъ положеніи въ Китаѣ, сдѣланное путешественникомъ, долго такъ проживщимъ. Затѣмъ былъ сдѣланъ докладъ о раздробленіи мелкой собственности во Франціи, въ которомъ цифрами доказывалось, что крупное землевладѣніе разростается, а мелкое до невозможности дробится.

На другомъ болѣе филантропическомъ собраніи былъ прочитанъ отчетъ Общества покровительства заброшенныхъ и порочныхъ дѣтей (Société générale de protection pour l'enfance abandonnée ou coupable). Это общество существуетъ уже нѣсколько лѣтъ и достигло прекрасныхъ результатовъ. Основатель его—Жоржъ Бонжонъ, сынъ несчастнаго судьи, убитаго во время коммуны, при вступленіи версальскаго войска въ Парижъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ, какъ заложникъ, и убитъ какъ врагъ—народомъ, не знавшимъ, что онъ былъ одинъ изъ немногихъ либераловъ, во время имперіи возстававшихъ въ парламентѣ противъ непогрѣшимости папы; но тогда газеты молчали и народъ не зналъ своихъ заступниковъ. Весьма похвально со стороны Бонжона, что, не поддавшись ослѣпленію, онъ обратилъ свою дѣятельность на улучшеніе быта дѣтей того класса, который убилъ его отца. Нельзя представить себѣ всего ужаса, въ которомъ находилась, въ послѣдніе годы имперіи, тюрьма la Roquette, гдѣ заключались дѣти, брошенныя родителями или присужденныя закономъ къ наказанію за какіе-нибудь проступки. Дѣти содержались въ кельяхъ и обучались ремеслу, но какому? Тюремныя работы отданы были на откупъ промышленнымъ заведеніямъ, которыя хлопотали объ усовершенствованіи заказанной работы и требовали, чтобы каждый ребенокъ пріучался къ какой-нибудь незначительной отдѣльной отрасли промышленности; напримѣръ, я самъ видѣлъ, какъ одинъ ребенокъ изо дня въ день полировалъ пуговицы. Обученіе несчастныхъ дѣтей лежало на обязанности тюремныхъ сторожей и пищей ихъ былъ одинъ картофель. По ходатайству Матьё, адвоката, находившагося при императрицѣ Евгеніи, во время поѣздки императора въ Алжиръ, обращено было вниманіе на этихъ несчастныхъ дѣтей и было сдѣлано распоряженіе размѣщать ихъ по земледѣльческимъ колоніямъ или по бѣднымъ семействамъ за незначительное вознагражденіе; но эта послѣдняя мѣра оказалась неудачной: они встрѣчали болѣе жестокости, чѣмъ ласки, въ семьяхъ, гдѣ съ ними обходились какъ съ даро-

выми работниками и гдѣ они находились по большей части на положеніи бѣлыхъ негровъ. Земледѣльческія колоніи уже болѣе сорока лѣтъ существуютъ во Франціи и идутъ очень успѣшно, но число ихъ черезчуръ ограничено. Бонжонъ занялся развитіемъ и усовершенствованіемъ ихъ. Его основная мысль—устраненіе этихъ учрежденій отъ всякой политической и религіозной пропаганды. Въ совѣтѣ общества участвуютъ лица самыхъ различныхъ мнѣній и вѣроисповѣданій; число членовъ съ каждымъ годомъ увеличивается и изъ нихъ выбираются члены распорядительнаго совѣта. Воспитаніе мальчиковъ поставлено на военное положеніе: ими завѣдываютъ отставные унтеръ-офицеры и военная дисциплина оказывается вполнѣ цѣлесообразной. Въ самомъ заведеніи нѣтъ религіознаго обученія, но дѣти берутъ уроки Закона Божія внѣ заведенія, смотря по вѣроисповѣданію, въ которомъ они родились. Въ своемъ докладѣ министру, Бонжонъ заявляетъ, что въ воспитаніи мальчиковъ клерикальный элементъ удовлетворительно замѣняется военною дисциплиной, но онъ не берется вводить свѣтскаго воспитанія для дѣвочекъ, по неимѣнію женскаго персонала, замѣняющаго монахинь. Замужнія женщины, по его словамъ, не вносятъ въ дѣло самоотверженія, которымъ отличаются монахини, и не умѣютъ пріобрѣсти достаточный нравственный авторитетъ надъ дѣвочками. Бонжонъ надѣется, что при содѣйствіи общества и правительства ему удастся спасти отъ гибели сто тысячъ дѣтей, брошенныхъ на произволъ судьбы, и предоставлять ежегодно двадцать тысячъ работниковъ, что будетъ несомнѣннымъ благодѣяніемъ для земледѣлія въ самой Франціи и для будущей колонизаціи Алжира.

По вопросу о воспитаніи въ сенатѣ происходили пренія о нравственномъ обученіи въ начальныхъ школахъ. Въ прошломъ году передъ самымъ распущеніемъ палатъ Жюль Симонъ внесъ въ сенатъ поправку, которая была принята, что «обязанности къ Богу и отечеству должны входить въ нравственное и гражданское обученіе». Депутатамъ показалось, что черезъ эту поправку можетъ вкрасться въ первоначальное обученіе религіозное преподаваніе, которое они отстранили. Жюль Симонъ—не клерикалъ, а въ философіи и политикѣ скорѣе послѣдователь Кузена и Тьера, но онъ идеалистъ и вѣритъ въ Бога со всею твердостью сына Израиля (онъ—еврей и не скрываетъ этого). Жюль Симонъ говоритъ, что онъ не понимаетъ нравственнаго обученія безъ Бога, и желалъ бы, чтобъ эта статья была внесена въ законъ, чтобы предотвратить распространеніе безбожія въ школахъ. Онъ ссылался на проектъ Талейрана въ 1791 году, на законъ Гизо въ 1833 г., на то, что конституція 1793 года признала «высшее существо», напоминалъ слова Кине, сказавшаго, что «народъ, отказавшійся отъ Бога, утрачиваетъ всѣ идеалы». Но, несмотря на все его краснорѣчіе и основательность доводовъ, предложенная имъ поправка была отвергнута значительнымъ большинствомъ сената. Жюль Ферри замѣтилъ, что никто не исключаетъ Бога изъ нравственнаго преподава-

нія и не отрицаетъ существованія Бога, но что поправка Жюль Симона могла бы подать поводъ къ нескончаемымъ преніямъ, что законъ въ этомъ видѣ никогда не прошелъ бы въ палатѣ депутатовъ, черезъ что отсрочилось бы введеніе обязательнаго начальнаго обученія къ радости его враговъ. «Если вы въ этомъ сомнѣваетесь,—прибавилъ онъ,—взгляните на тѣхъ, которые вамъ аплодируютъ». Дѣйствительно, Жюль Симону рукоплескала вся правая сената; онъ поступилъ бы практичнѣе, еслибы потребовалъ обязательное обученіе десяти заповѣдей и отечественной исторіи,—такимъ требованіемъ онъ лучше бы озадачилъ своихъ противниковъ. Герцогъ Брольи также вмѣшался въ пренія, потребовалъ отъ министерства объясненія, въ чемъ будетъ состоять нравственное обученіе въ школахъ, и сослался на книжку Поля Беръ, предшественника Жюль Ферри, извѣстнаго атеиста, говорящаго въ этой книгѣ, что «современная мораль есть владычица теперешней свободы, тогда какъ церковь была владычицей прежнихъ рабскихъ временъ». Но Жюль Ферри не можетъ быть отвѣтственъ за мнѣнія своего предшественника; онъ отвѣтилъ, что это до него не касается и что онъ не намѣренъ отвѣчать на вопросъ уже несвоевременный.

Палата рѣшила приступить къ разсмотрѣнію вопроса объ отмѣнѣ конкордата. Фрейсинэ высказалъ отъ имени кабинета желаніе сохранить конкордатъ въ прежней силѣ. Всѣ республиканцы видятъ въ клерикальной партіи самыхъ вліятельныхъ враговъ. Всѣмъ желательно ограничить ея политическую дѣятельность. Но мнѣнія относительно конкордата различны: одни видятъ въ немъ источникъ силы духовенства, другіе, между прочимъ и Фрейсинэ, смотрятъ на конкордатъ какъ на договоръ между папой и французскимъ правительствомъ, сдерживающій духовенство въ предѣлахъ нѣкоторой политической дисциплины. Буквальный смыслъ конкордата былъ искаженъ цѣлымъ рядомъ уступокъ разныхъ правительствъ, возвратившихъ мало-по-малу духовенство чуть ли не къ блаженному для него времени стараго строя, и потому-то правительство и согласилось съ большинствомъ палаты въ необходимости приступить къ разсмотрѣнію этого вопроса.

Въ дипломатическомъ мірѣ произведено нѣсколько перемѣщеній. Вицъ-адмиралъ Журесъ, бывшій посланникъ въ Мадридѣ, назначенъ въ Петербургъ. Въ Мадридѣ его замѣнилъ Андріё, прежній префектъ полиціи, получившій этотъ постъ въ награду за содѣйствіе паденію кабинета Гамбетты. Тиссо замѣнилъ въ Лондонѣ Шаломель-Лакура, которому тамъ не повезло. Маркизъ де-Ноаль переведенъ изъ Рима въ Константинополь. Сперва онъ пользовался въ Италіи большою популярностью за то, что выхлопоталъ удаленіе фрегата «Ореноко», оставленнаго въ Чивита-Веккія якобы для охраненія папы; но затѣмъ, при началѣ тунисской экспедиціи, онъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ успокоительнымъ увѣреніямъ, которыя

остались неоправданными и его положеніе стало весьма непріятнымъ и затруднительнымъ.

Рѣчь генерала Скобелева къ сербской молодежи и его разговоры съ французскими журналистами возбудили въ Парижѣ самое радостное волненіе. Не то, чтобы французская публика лично интересовалась герцеговинцами, — здѣсь никто не имѣетъ понятія, что у жителей Босніи и Далматіи нѣтъ ничего общаго съ Австріей, кромѣ нѣмцевъ, чиновниковъ, собирающихъ съ нихъ подати, — но Франція ищетъ глазами державу, которая вмѣсто нея поколотила бы пруссаковъ и возвратила бы ей Альзасъ и Лотарингію. И вотъ печатаются цѣлые томы о Россіи, извлеченные изъ архива иностранныхъ дѣлъ, въ которыхъ стараются доказать, что еслибы въ XVIII столѣтіи Франція соединилась съ Россіей, то династія Гогенцоллерновъ была бы уничтожена въ самомъ зародышѣ.

Новый бюджетъ, внесенный министромъ финансовъ, опирается исключительно на желаніи поддержать биржу и дѣйствовать за-одно съ банками и большими компаніями желѣзныхъ дорогъ. Неоднократно представлялась возможность обращенія 5°/о займовъ съ погашеніемъ, что составило бы огромное облегченіе въ другихъ платежахъ; но этого не сдѣлано,—предпочли безумную спекуляцію, а теперь настало время расплачиваться за промахи. Большая Орлеанская компанія, дорогу которой хотѣли выкупить, проситъ у правительства отсрочки по крайней мѣрѣ на три законодательныхъ сессіи. Въ Journal des Débats явилась статья, въ которой сказано, что если палата не войдетъ въ соглашеніе съ большими желѣзнодорожными компаніями, «кабинетъ отживетъ свой вѣкъ». Сэ вступилъ въ министерство на этомъ условіи; Гамбетта и его министръ финансовъ не благоволили къ большимъ компаніямъ, но не знали, какъ къ нимъ приступиться. Неопредѣленность ихъ финансовой программы была главною причиной биржеваго краха. Пришлось вернуться къ Сэ, приверженцу Ротшильда, къ старой экономической и феодально-финансовой системамъ; но очевидно, что палата, подписавъ договоръ, предложенный Сэ, потеряетъ въ общественномъ мнѣніи и ускоритъ свое распущеніе. Гамбетта питаетъ надежду вернуться къ власти при болѣе удобныхъ обстоятельствахъ; имъ руководятъ скорѣе инстинкты, чѣмъ убѣжденія и знаніе дѣла; онъ инстинктивно понимаетъ необходимость финансовой эмансипаціи страны, но не съумѣлъ взяться за дѣло. Ему будетъ очень пріятно получить власть, когда страна будетъ закабалена Сэ и палатой на нѣсколько лѣтъ; онъ будетъ управлять по старымъ традиціямъ и сложитъ съ себя всякую отвѣтственность за дѣйствія своихъ предшественниковъ; онъ будетъ сулить преобразованія по истеченіи договора съ большими компаніями; его проекты останутся до поры до времени въ портфелѣ и никто не раскуситъ ихъ пустоты. Его проекты и проекты его друзей, весьма опрометчиво опубликованные, оказались всѣ несостоятельными. Его проектъ преобразованія магистратуры во ста параграфахъ былъ единодушно отвергнутъ

парламентскою коммиссіей, назначенной для его разсмотрѣнія. У Гамбетты нѣтъ созидательныхъ способностей. Съ высоты трибуны онъ увлекаетъ своимъ краснорѣчіемъ, но оплошности его законодательныхъ работъ бросаются въ глаза всякому мало-мальски свѣдущему человѣку.

На дняхъ явилась въ печати книга г. Надара «Sans l'incendie» («Безъ пожара»). Надаръ—добрый малый, извѣстный всему Парижу и который самъ знаетъ каждаго. По наружности и характеру онъ нѣсколько напоминаетъ Александра Дюма—отца. Веселый шутникъ, высокаго роста, всегда растрепанный; сердце у него на ладони, душа на распашку, голова разбитная; ему не сидится на одномъ мѣстѣ и его не пріурочишь ни къ одному кружку; онъ былъ каррикатуристомъ, фотографомъ, юмористомъ, воздухоплавателемъ и только-что выступилъ писателемъ. Его книга не менѣе безалаберна его особы; но мы находимъ въ ней живое, искреннее чувство, юморъ и вѣрную картину настроенія Парижа во время коммуны.

Странная то была эпоха — конецъ осады Парижа. Въ Champs Elysées—темь и безмолвіе. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ дома обратились въ груду камней, а бульварный Парижъ все еще продолжалъ свою веселую, безпечную жизнь. Богачъ за тройную плату могъ получить вкусный обѣдъ и развлечься въ театрѣ при керосиновомъ освѣщеніи, вмѣсто газа. Дѣти считали ежеминутные пушечные выстрѣлы, а буржуа, идя по улицѣ, рисковалъ жизнію, чтобы принести домой осколокъ бомбы. Жуиръ платилъ 26 франковъ за фунтъ масла и 80 франковъ за фазана и хохоталъ въ Comédie Française въ то самое время, когда въ фойе, обращенномъ въ походный госпиталь, раздавались стоны раненныхъ. Клубы были переполнены политическими витіями и стоило только побывать на этихъ собраніяхъ, чтобы смѣло предсказать паденіе столицы; о геройскомъ самоотверженіи, о тѣхъ подвигахъ, которыми творятся чудеса въ самыя критическія минуты, не было и рѣчи. Ораторы правительственной партіи обольщали народъ знаменитымъ планомъ Трошю и химерическою поддержкой различныхъ европейскихъ державъ. Многочисленная національная гвардія призывалась къ терпѣнію и выжиданію, вмѣсто отчаяннаго напора на непріятеля. Радикальные вожди видѣли спасеніе отечества въ побѣдѣ своей партіи; еслибы Бланки замѣнилъ Жюль Фавра, все бы пошло отлично. Они толковали о какихъ-то взрывчатыхъ снарядахъ, одинъ несообразнѣе другаго, а толпа радовалась при мысли взорвать пруссаковъ, вмѣсто того, чтобы вступить съ ними въ рукопашный бой. Въ предисловіи къ тѣмъ страницамъ, гдѣ Надаръ описываетъ тяжелыя минуты осады Парижа, онъ говоритъ о себѣ: «Я пишу то, что думаю и какъ думаю; мнѣ больно иногда оскорбить тѣхъ, которыхъ я люблю, но въ теченіе всей своей долгой жизни, теперь ужь клонящейся къ концу, я оставался свободнымъ человѣкомъ и всегда оказывалъ полнѣйшее пренебреженіе ко всему тому, что привлекаетъ честолюбцевъ и корыстолюбцевъ на большомъ рынкѣ человѣческихъ страстей.

Отъ своего пера я ничего не требую и не ожидаю, даже насущнаго хлѣба, въ которомъ не нуждаюсь».

Въ I главѣ «Paris posthume» авторъ бичуетъ Парижъ, каковъ онъ былъ наканунѣ своихъ бѣдствій, и говоритъ, что тогда вся жизнь Парижа проходила какъ бы въ одномъ громадномъ игорномъ домѣ, лицемѣрно называемомъ нѣмцами Conversations-salon. На этотъ-то Парижъ обрушились иноземная и междоусобная войны. Надаръ всегда на сторонѣ побѣжденныхъ; онъ иногда вдается въ лиризмъ, напоминающій Эдгара Кине, но большею частью остритъ въ тонѣ Рошфора. Главу названную «Молитва Фарисея» онъ начинаетъ такъ: «Господи, ты до сего времени благословлялъ мои предпріятія и, благодаря Твоимъ щедротамъ, я не построилъ зданія на пескѣ. Мои враги ставятъ мнѣ въ упрекъ, что я заработалъ милліонъ, скупивъ урожаи и разоривъ тысячи семействъ. Ты, которому все извѣстно, вѣдаешь, Господи, что я могъ заработать еще больше, что въ моихъ рукахъ повышеніе и пониженіе фондовъ и что я могъ бы наказать неблагодарныхъ голодомъ. Справедливо и назидательно Твоимъ служителямъ обогощаться,—на Твое служеніе нужны деньги, эта всемогущая сила на землѣ; я ограничился двумя сыновьями, чтобы послѣ себя не раздроблять имѣнія, и употребилъ всѣ средства, чтобъ удержать отъ брака своего брата, не вѣрующаго въ Тебя, и успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ». Тутъ не нужно комментарій,—каррикатура говоритъ за себя. Говоря о коммунѣ, Надаръ разоблачаетъ жестокости правительственной партіи, мало извѣстныя у насъ, а особенно за границей; онѣ были тщательны скрыты отъ Европы самой нахальной и безстыдною ложью. Но теперь всплываютъ доказательства слишкомъ неопровержимыя, что репрессія вела дѣло со звѣрскою жестокостью. Грустно подумать о несостоятельности просвѣщенія, которымъ мы такъ гордимся: стоитъ только страстямъ разыграться—и животные инстинкты заглушаютъ всѣ человѣческія чувства; жалость, милосердіе, вся гуманность, о которой мы такъ много толкуемъ, воображая, что она пустила глубокіе корни въ нравы народовъ, все исчезаетъ, все сметается вихремъ. Надаръ живыми красками рисуетъ ужасную сцену послѣ коммуны, которой онъ самъ былъ очевидцемъ:

«Съ правой стороны бульваровъ раздавался дальній гулъ, который каждую минуту усиливался и подступалъ все ближе и ближе къ нашему дому. Всѣ бросились къ окнамъ. Я два мѣсяца лежалъ больнымъ, но мною овладѣло также болѣзненное любопытство: я за другими потащился къ окну — и какъ былъ наказанъ! Послѣ стольких ужасовъ и страданій вотъ что пришлось мнѣ видѣть въ самомъ центрѣ Парижа, въ центрѣ просвѣщенія. За взводомъ кавалеріи, между двумя кордонами верховыхъ, шла посреди улицы, по четыре человѣка врядъ, безконечная вереница людей, плѣнныхъ коммунаровъ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ—въ мундирахъ національной гвардіи, въ штатскомъ платьѣ и въ рабочихъ блузахъ. Они шли быстрымъ шагомъ, большею частью съ опущенными голо-

вами. За ними бѣжала громадная толпа зрителей съ оглушительными воплями, проклятіями и угрозами. Двойной конвой наѣздниковъ съ трудомъ прикрывалъ ввѣренныхъ ему плѣнныхъ отъ неистоваго напора толпы. Изящно одѣтые буржуа, дамы, проталкивались впередъ, осыпая плѣнныхъ самой оскорбительною бранью. Въ пароксизмѣ кровожаднаго остервенѣнія раздавались единодушные вопли, которыхъ я не могу до сего времени забыть: «На смерть ихъ! На смерть! Не ведите ихъ дальше! Здѣсь, на мѣстѣ!» Сколько надо было пережить страха за цѣлость своего имущества, чтобы дать волю такому дикому озлобленію! Плѣнные все шли впередъ, какъ будто никого не видя и не слыша; одинъ изъ нихъ однако повернулся и воскликнулъ, показавъ кулакъ: «Подлецы». Въ эту минуту какъ бомба влетѣлъ въ толпу какой-то господинъ, прекрасно одѣтый, въ орденахъ, не молодой и не высокій ростомъ; онъ выскочилъ изъ café de la Paix и, пробившись промежъ лошадей и солдатъ, бросился на плѣнныхъ, размахивая по нимъ палкой, не щадя ударовъ направо и налѣво. Но всего этого гама, криковъ, проклятій было еще недостаточно. Вдругъ толпа заревѣла страшнѣе прежняго: между плѣнными, верхомъ, показался, какъ ужасное привидѣніе, блѣдный, окровавленный, со всклокоченными волосами, качающійся на лошади, всадникъ, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ солдатами; онъ былъ раненъ въ спину. Неизвѣстно, кто былъ этотъ несчастный: дѣйствительный ли вождь коммуны, или захваченный по подозрѣнію. Онъ не доѣхалъ дальше церкви Madeleine и испустилъ духъ, посреди непрерывавшихся криковъ: «На смерть! На смерть—здѣсь, на мѣстѣ!» Мы вдругъ услыхали пронзительный женскій голосъ, неистово кричавшій: «Вырывайте имъ ногти». Да, вотъ что я видѣлъ и слышалъ въ самомъ центрѣ Парижа, въ самомъ центрѣ образованнаго міра. Заявляю о всемъ томъ, чему былъ самъ безучастнымъ зрителемъ, и нахожу своимъ долгомъ засвидѣтельствовать историческую точность совершившихся фактовъ».

Гонкуръ только-что издалъ новый романъ «La Faustin». Какъ извѣстно, онъ—послѣдователь той школы, которой Зола состоитъ первосвященникомъ, и съ коммерческой точки зрѣнія его проза цѣнится наравнѣ съ произведеніями учителя. Зола сразу отмѣтилъ своихъ героинь между падшими созданіями XIX вѣка, а Гонкуръ началъ съ того, что перебралъ развратницъ XVIII вѣка и, истощивъ этотъ матеріалъ, перешелъ къ современнымъ типамъ. Но Гонкуръ такъ сроднился съ будуарами стараго режима, что насквозь пропитался ихъ запахомъ; его романы напоминаютъ этажерки, на которыхъ любители рѣдкостей собираютъ вещицы, принадлежавшія M-me de Pompadour или M-me Dubarry. Святоши покупаютъ въ Римѣ вещицы, сдѣланныя изъ такъ-называемаго «pâte de martyrs»—смѣшенія земли римскихъ катакомбъ съ воскомъ, а Гонкуръ смѣшиваетъ прахъ прошлаго столѣтія съ нынѣшнею грязью и стряпаетъ изъ нихъ свои романы. Такого рода стряпня нравится повидимому извѣстному кругу читателей. 12.000

экземпляровъ «La Faustin» распродались въ самый короткій срокъ. Теперь мода печатать на обертке книги цифру каждаго тома. Авторы и банкиры идутъ у насъ подъ одну оценку; ихъ значеніе зависитъ отъ цифры вырученныхъ ими барышей. Въ газетахъ читаешь о какомъ-нибудь финансистѣ, построившемъ отель актрисѣ; публикѣ любопытно заглянуть въ неизвѣстный для нея міръ и узнать эксцентричности хоть бы какой-нибудь Сарры Бернаръ, и что же? — Едмонъ Гонкуръ за 3 франка 50 сантимовъ знакомитъ насъ со всѣми самыми потаенными и скабрезными подробностями жизни актрисы; вѣдь это даромъ. Всѣ грѣхи, отъ которыхъ нѣкоторые люди воздерживаются, по недостатку средствъ, по лѣтамъ, по робости, дѣлаются доступны и ихъ воображенію, благодаря нашимъ реалистамъ. Мы когда-то охотно улетали съ поэтами въ заоблачныя страны; реалисты снабжаютъ насъ кольцомъ невидимки и вводятъ насъ въ альковы своихъ героинь, гдѣ мы дѣлаемся свидѣтелями самыхъ невозможныхъ сценъ; рѣдкій человѣкъ въ наше время незнакомъ со всею психологіей разврата и каждый школьникъ имѣетъ возможность изучить всѣ оттѣнки еще незнакомыхъ ему прегрѣшеній. Откроемъ самую книгу. Въ предисловіи Гонкуръ называетъ себя историкомъ людей, у которыхъ нѣтъ исторіи, какъ будто каждый человѣкъ достоенъ быть увѣковѣченнымъ; на этомъ основаніи можно было бы наполнить цѣлыя галлереи изображеніями встрѣчныхъ и поперечныхъ, а кому не приходилось размышлять, сидя въ вагонѣ желѣзной или конной дороги, о томъ, какъ въ общемъ итогѣ мало физической красоты въ человѣческомъ родѣ? Нравственныя достоинства не менѣе рѣдки у людей, но Гонкуръ объ этомъ мало заботится и беретъ свои типы наудачу, гдѣ попало. Онъ обращается къ своимъ читательницамъ съ просьбой присылать ему по почтѣ исповѣдь своихъ самыхъ интимныхъ психическихъ ощущеній, обѣщая помѣстить эти впечатлѣнія въ будущихъ своихъ романахъ. Какая же мало-мальски порядочная женщина пожелаетъ, изъ угоды г-ну Гонкуръ, приступить къ публичному анализу своихъ самыхъ сокровенныхъ чувствъ? Сильное нравственное потрясеніе можетъ вырвать у человѣка признаніе въ таящихся въ глубинѣ души ощущеніяхъ и чувствахъ, но сомнительно, чтобы кто-нибудь рѣшился хладнокровно заняться этой психическою секціей изъ того только, чтобы видѣть себя воспроизведеннымъ въ печати перомъ Гонкура. Реалисты поставили себѣ задачей въ каждомъ новомъ произведеніи превзойти по возможности неблагопристойность предъидущихъ, и цинизмъ ихъ уже ни въ чемъ не находитъ себѣ преградъ. Героиня романа, лежа на берегу моря, разсказываетъ своему любовнику и двумъ постороннимъ мущинамъ подробности ночи, проведенной ею съ англичаниномъ, котораго она любила. Безцеремонность ея признаній изумительна, да къ тому же въ самомъ розсказѣ выказывается развратъ воображенія, замѣняющій искреннее чувство, которому не нужны аксессуары и которое находитъ себѣ полное удовлетвореніе въ

собственной силѣ и глубинѣ. La Faustin—актриса. Она по-своему впрочемъ любила англичанина, бросившаго ее по приказанію отца; она мысленно остается ему вѣрна, что однако нисколько не мѣшаетъ ей связаться съ какимъ-то финансовымъ тузомъ. Смерть освобождаетъ англичанина отъ отца и онъ возвращается къ героинѣ романа, которая бросаетъ финансиста, а тотъ съ горя убивается, кинувшись подъ рельсы вагона. Поступокъ à la George Sand не совсѣмъ естественъ для современнаго финансиста, но его письмо—единственная трогательная страница во всей книгѣ: онъ умираетъ, завѣщая La Faustin свою собаку. Она же, изъ любви къ англичанину, бросаетъ сцену. Въ заключеніе англичанинъ заболѣваетъ смертельною болѣзнію. Въ минуты его предсмертной агоніи въ La Faustin пробуждается чувство актрисы и она передъ зеркаломъ передразниваетъ предсмертныя конвульсіи своего любовника; онъ видитъ это и, приказавъ своимъ лакеямъ гнать ее, кричитъ ей въ слѣдъ: «Актриса — и больше ничего... Женщина не способная любить!» Этимъ кончается книга. Въ чемъ же идея этой книги?—По-нашему въ этомъ романѣ ея нѣтъ; изъ того, что La Faustin по силѣ привычки могла машинально воспроизвести передъ зеркаломъ предсмертныя конвульсіи своего любовника, еще не слѣдуетъ, чтобъ она не любила англичанина, которому она пожертвовала своимъ искусствомъ, а если и такъ, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы любовь къ искусству исключала материнскія и супружескія чувства.

На дняхъ явился въ печати V томъ мемуаровъ князя Маттерниха. Онъ интереснѣе всѣхъ предыдущихъ и обнимаетъ періодъ между послѣдними мѣсяцами реставраціи и первыми годами царствованія Луи-Филиппа. Меттерниху подобало бы выбрать для себя девизомъ слова изъ завѣщанія императора Францнска австрійскаго своему сыну: «Царствуй и ничего не измѣняй». Нельзя сказать, чтобы Меттернихъ безусловно вѣрилъ въ неизмѣнность status quo, но всякое нововведеніе было противно его натурѣ: онъ понималъ, что для старой Австріи будетъ опасно молодѣть; онъ былъ одаренъ проницательностью эгоизма и писалъ 1 сентября 1831 года графу Нессельроде: «Я внутренно убѣжденъ, что старая Европа доживаетъ свой вѣкъ, — я рѣшился погибнуть вмѣстѣ съ ней и съумѣю исполнить свой долгъ. Новая Европа еще не родилась и между концомъ и началомъ будетъ хаосъ». Старый европейскій строй пришелъ уже тогда въ хаотическое состояніе, несмотря на всѣ усилія Меттерниха спасти его отъ гибели. Передъ іюльскою революціей Меттернихъ испытывалъ то тягостное чувство, которое испытываютъ нѣкоторые передъ грозой: «Я дошелъ до того пункта,—писалъ онъ 5 іюня 1830 года,—что не берусь ни предугадывать, ни соображать событій». Подстрекая французское правительство къ крайней реакціи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ опасался, что Карлъ X сломаетъ себѣ шею. . . . .

Паденіе Бурбонской династіи привело Меттерниха въ ярость. «Революція худшаго качества одержала побѣду,—писалъ онъ 27 августа 1830 г.,—

когда Луи-Филиппъ прислалъ въ Австрію генерала Бельяръ, служившаго еще при первой имперіи, съ письмомъ, извѣщающимъ о переворотѣ во Франціи. Меттернихъ отказался прочесть копію этого письма, до полученія на то приказанія императора. Онъ довольно рѣзко высказалъ генералу Бельяръ свое мнѣніе, что «личная выгода есть кумиръ правительства, щеголяющаго своими благородными правилами передъ лицомъ революціи, и что императоръ австрійскій въ такихъ грустныхъ и бѣдственныхъ обстоятельствахъ никогда не поддается чувствительной политикѣ». Меттернихъ, по крайней мѣрѣ, никогда не обольщалъ людей пустословіемъ, свойственнымъ орлеанистамъ. Когда во Франціи велись безконечныя пренія о принципѣ вмѣшательства и невмѣшательства, Меттернихъ писалъ Естергази 21 октября 1830 года, что «императоръ никогда не согласится съ принципомъ невмѣшательства, въ виду дѣятельно развивающейся революціонной пропаганды». Меттернихъ открыто заявлялъ, что онъ желаетъ противопоставить современному девизу: «братство народовъ» — солидарность самодержавныхъ правительствъ. Перевороты, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ свою жизнь, не пошатнули его образа мыслей; онъ гордился тѣмъ, что никогда не сдѣлалъ ни одной уступки нововведеніямъ. Господство народа было въ его глазахъ «сумасброднымъ и пагубнымъ принципомъ». Онъ питалъ глубокое презрѣніе къ Луи-Филиппу и никогда не увлекался иллюзіями о долговѣчности его правленія. «Что само по себѣ ничтожно, не можетъ быть прочнымъ», говорилъ онъ. Никто яснѣе его не изложилъ причинъ паденія Орлеанской династіи: «Съ одной стороны,—писалъ онъ,—она не заручилась силой народнаго голосованія, на которомъ опирались всѣ правительства, существовавшія во Франціи съ 1792 по 1801 годъ; съ другой стороны, она лишена всемогущей поддержки историческаго права, неотъемлемаго отъ Бурбоновъ. Въ защиту Орлеанской династіи народъ не возстанетъ, какъ бы онъ ни былъ грубъ; ей недостаетъ блеска военной славы, генія и руки Наполеона, и ко всему этому она лишена принципа законности».

Наполеонъ I, читая «Иліаду» въ своемъ заключеніи на островѣ Св. Елены, сдѣлалъ замѣтку, что судьба Астианакса, сына Гектора, попавшаго въ плѣнъ къ грекамъ, болѣе всѣхъ заслуживаетъ сожалѣнія. Вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду собственнаго сына, которато судьба была такъ же незавидна. Императрица Марія-Луиза жила въ Пармѣ съ своимъ любовникомъ, забывъ о сынѣ и о мужѣ. Меттернихъ выбралъ въ учителя французской исторіи герцогу рейхштадтскому Мармона, предавшаго Наполеона I. Бывшій король испанскій Жозефъ Наполеонъ находился въ Соединенныхъ Штатахъ, когда узналъ о паденіи Карла X; онъ сейчасъ же написалъ императору австрійскому: «Государь, если вы мнѣ довѣрите моего племянника, ручаюсь за успѣхъ предпріятія во Франціи,—при помощи одного трехъ-цвѣтнаго шарфа Наполеонъ II вступитъ на престолъ». Жозефъ понималъ всемогущество имени своего брата во Франціи, но ошибался,

вообразивъ, что Австрія выпуститъ изъ рукъ герцога рейхштадтскаго, котораго она берегла какъ последній рессурсъ въ отчаянномъ случаѣ. Несчастный юноша умеръ въ Вѣнѣ отъ чахотки, не получивъ даже разрѣшенія подышать теплымъ воздухомъ при матери. Дѣдъ, узнавъ объ его смерти, пробормоталъ личное сожалѣніе и добавилъ, что для самого покойника не было исхода лучше смерти.

Меттернихъ ненавидѣлъ героическія натуры, все рыцарское, всѣхъ современныхъ крестоносцевъ. Когда умеръ генералъ Лафайетъ, онъ сказалъ, что «онъ умеръ слишкомъ поздно для міра».

Какая-то польская партія приписывала Меттерниху симпатіи къ Польшѣ, чего никакъ нельзя вывести изъ его мемуаровъ. Въ 1831 году онъ писалъ: «Королевство Польское всегда казалось мнѣ пороховымъ складомъ». Далѣе, развивая свою мысль, онъ пишетъ: «Необходимо покончить съ польскимъ вопросомъ,—онъ мутитъ общественное настроеніе; національное дѣло, которое ведется съ энергіей и самоотверженіемъ, всегда волнуетъ the public feeling (общественную чувствительность).

Не волновать ни умовъ, ни сердецъ—вотъ принципъ, котораго неизмѣнно придерживался Меттернихъ. Его мемуары такъ же холодны, какъ душа писавшаго ихъ, но они составляютъ драгоцѣнный историческій матеріалъ.

Во второй февральской книжкѣ Revue des Deux Mondes Ренанъ разбираетъ книгу Соломона—«Екклезіастъ». Называя ее «однимъ изъ прелестнѣйшихъ произведеній, завѣщанныхъ намъ древнимъ міромъ», онъ не соглашается съ ея нравственными достоинствами и порицаетъ въ ней «тонъ унылаго скептицизма, облеченнаго въ изящныя формы». Ренанъ признаетъ одно положительное и каждый вѣрующій внушаетъ ему нѣкоторое презрѣніе. Хотя онъ и допускаетъ, что вѣрующіе люди приносятъ свою долю пользы человѣчеству, и открыто говоритъ, что атеистамъ пришлось бы хуже всѣхъ жить на свѣтѣ, еслибы люди вдругъ перестали вѣрить въ Бога, тѣмъ не менѣе онъ находитъ, что вѣрить, любить и страдать есть участь посредственныхъ людей, избраннымъ же назначено наслаждаться, сомнѣваться и спорить. Ренанъ называетъ Соломона «покорившимся Шоппенгауеромъ»; онъ сомнѣвается въ искренности его отреченія отъ земныхъ благъ и говоритъ: «Суета суетъ! Какое удобное средство для сохраненія за собою крупной доли мірскихъ наслажденій провозгласить ихъ суетными». Ренанъ судитъ каждаго по себѣ, мѣритъ все на свой аршинъ; онъ видитъ въ Соломонѣ римлянина эпохи паденія имперіи, разсуждавшаго о философіи, въ видѣ развлеченія между двумя оргіями; онъ не съумѣлъ постичь величія, съ которымъ въ Экклезіастѣ выражено чувство утомленія человѣка, постигшаго на закатѣ своей доблестной жизни, что все земное—суета и что одно прочно—сознаніе исполненнаго добра. Соломонъ былъ далекъ отъ философіи Ренана, осмѣивающаго парадоксы, которыми онъ тѣшитъ себя и публику, и признающаго существенными лишь

выгоды, пріобрѣтенныя ловкостью ума. Въ разсматриваемой статьѣ, Ренанъ, указывая на растлѣнность разбогатѣвшихъ евреевъ и смѣшивая все еврейское племя съ его финансовой аристократіей, говоритъ: «Народъ, поколебавшій весь міръ изъ-за вѣры въ царствіе небесное, нынѣ поклоняется одному богатству. Онъ познаетъ, что такое наслажденіе, и для него всѣ задачи жизни разрѣшаются на землѣ; высшая премудрость для него заключается въ спокойномъ наслажденіи плодами своихъ трудовъ посреди изящныхъ произведеній искусства, напоминающихъ человѣку всѣ исчерпанныя имъ удовольствія. Отличное подтвержденіе теоріи суеты суетъ! Потрясайте міръ, распинайте Бога, переживайте всѣ мученія, раззоряйте пламенемъ вашу родину, сокрушайте идоловъ и кончайте свою жизнь въ роскошномъ отелѣ Champs Elysées съ чувствомъ сожалѣнія, что жизнь такъ коротка, а удовольствія такъ мимолетны. О суета суетъ!»

Ренанъ ровняетъ подъ одно горсть богачей съ массой бѣдняковъ и тружениковъ, забывая что изъ вавилонскаго рабства въ Палестину вернулись одни бѣдняки, богачи же остались въ своихъ ассирійскихъ дворцахъ. Ему, видно, никогда не приходилось входить въ одну изъ еврейскихъ синагогъ на Востокѣ; онъ услышалъ бы тамъ раздирающіе плачи, не умолкшіе въ теченіе вѣковъ, и убѣдился бы, что не всѣ евреи ищутъ только земныхъ благъ, что многіе изъ нихъ до сего дня оплакиваютъ храмъ Соломона и раззореніе Іерусалима, проливая слезы болѣе искренніяя, чѣмъ скорбь многихъ изъ нашихъ современниковъ о самыхъ страшныхъ народныхъ бѣдствіяхъ. Ренанъ несомнѣнно впадаетъ въ грубую ошибку, возводя въ типъ всей націи горсть изнѣженныхъ сибаритовъ. Намъ не приходится разбирать недостатковъ еврейской націи, или же входить въ подробности еврейскаго вопроса,—мы желаемъ только указать на то, что Ренанъ коснулся его съ точки зрѣнія вполнѣ неправильной. Возможно ли составить себѣ истинное понятіе о христіанствѣ, избравъ его представителями вельможъ разныхъ націй, также проживающихъ въ Парижѣ и умирающихъ, какъ и богатые евреи, въ своихъ отеляхъ на Champs Elysées? Имѣемъ ли мы право утверждать, что массы христіанскихъ мучениковъ были растерзаны дикими звѣрями для того только, чтобы кардиналъ святѣйшей римской куріи задыхался отъ жира въ своемъ палаццо, или англійскій лордъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 50.000 франковъ ежедневнаго дохода? Самопожертвованіе всегда возьметъ свое, несмотря на всѣ примѣры сибаритизма, приводимые Ренаномъ. Неужели же можно вообразить, что цѣлыя поколѣнія углублялись въ суть Священнаго Писанія, терзали себя умственно и физически изъ-за осуществленія своихъ идеаловъ, для того только, чтобъ ему, Ренану, привалили честь и золото за продажу его концентрированныхъ сомнѣній, которыми онъ торгуетъ, наклеивая на нихъ библейскіе и евангельскіе ярлыки? И хоть бы мучился онъ сомнѣніями человѣка, жаждущаго убѣдиться, но нѣтъ,—сомнѣнія его не что иное, какъ отрицаніе всякаго идеала. Современное общество, стремящееся къ

освобожденію себя отъ всякихъ стѣснительныхъ законовъ, само жадно кидается на ученіе Ренана, проповѣдующаго поклоненіе богатству и наслажденіе жизнію безъ заботы о завтрешнемъ днѣ, выставляющаго Соломона первобытнымъ барономъ Ротшильдомъ, обладателемъ девятисотъ женъ, а первыхъ святителей церкви—полоумными фанатиками, которыхъ заслуга, повидимому, заключается только въ томъ, что они призываютъ бѣдняковъ къ терпѣнію и дѣлаются орудіями обогащенія ученыхъ опровергателей ихъ фантазій.

Габріель Шармъ, редакторъ Journal des Débats, посвящаетъ въ той же книжкѣ Revue des Deux Mondes статью Турціи, которой онъ предсказываетъ полное и окончательное распаденіе; авторъ высказывается въ томъ же духѣ, въ которомъ въ былое время говорила о Турціи русская пресса; онъ не предвидитъ для нея благополучнаго исхода и находитъ невозможнымъ ея возрожденіе; онъ предсказываетъ гибель Турціи, но не рѣшаетъ, будетъ ли катастрофа насильственная, или какъ слѣдствіе продолжительной агоніи. Авторъ удивляется терпѣнію ея жителей, въ три года выдержавшихъ три фальшивыхъ банкротства. По его мнѣнію, Турція гибнетъ отъ личнаго произвола и панславизма. Кто бы могъ сказать, читая эту статью, что журналъ, въ которомъ она помѣщена, такъ долго придерживался туркофильскаго направленія.

Тамъ же въ первой мартовской книжкѣ адмиралъ Жюрьенъ де-ла-Гравьеръ продолжаетъ свою статью о побѣдахъ Александра Великаго. Авторъ такъ объясняетъ цѣль, побудившую его заняться этою работой: «Поклоненіе идеалу человѣческаго величія имѣетъ свои хорошія стороны. Люди нашего поколѣнія въ этомъ отношеніи какъ будто черезчуръ склонны къ крайнему христіанскому уничиженію. Мнѣ кажется полезнымъ обратить вниманіе современниковъ на явленія человѣческой жизни истинно великія. Я часто задавалъ себѣ вопросъ, какъ во тѣ времена основывались первобытныя общества, какою силой притягивались подъ общій закомъ разбросанныя семьи, съ трудомъ обезпечивающія свое существованіе, и пришелъ къ заключенію,—не знаю, ложному или правильному,—что эта чудотворная сила заключалась въ поклоненіи личному вліянію. Еслибы люди никогда, никѣмъ и ничѣмъ не увлекались, мы можетъ быть до сего времени проживали бы въ пещерахъ». Въ сущности этой статьѣ, поименованной «Наслѣдство Дарія», слѣдовало бы дать заглавіе: «Какъ гибнутъ царства». Персидская имперія является передъ нами искуственнымъ соединеніемъ разныхъ народностей; она распалась передъ силой грековъ, одушевленныхъ идеаломъ высшаго просвѣщенія. Окончивъ дѣло освобожденія, Александръ Великій умираетъ, его имперія дѣлится и народы, которыхъ персы насильственно удерживали подъ своимъ игомъ, возвращаются къ отдѣльному и независимому существованію. Авторъ статьи проводитъ параллель между судьбами Александра Великаго и Наполеона I. Послѣ смерти Дарія начались затрудненія Александра: Греція была вы-

бита изъ колеи; у грековъ не хватило силы слѣдовать полёту генія своего вождя; они стали интриговать противъ него, какъ и наполеоновскіе генералы противъ своего императора. Утомленіе полководцевъ Александра, пресыщенныхъ богатствомъ и славой, напоминаетъ настроеніе маршаловъ Наполеона, когда побѣдитель Аустерлица выразился о нихъ, что они желали бы сдѣлаться маршалами Лудовика XV. Великимъ доказательствомъ благотворнаго генія Александра Великаго служитъ то обстоятельство, что онъ сейчасъ же могъ опереться на покоренныя и освобожденныя имъ населенія; при помощи побѣжденныхъ народовъ онъ совершилъ походъ въ Индію, причемъ адмиралъ Жюрьенъ де-ла-Гравьеръ замѣчаетъ, что «если могущественному Императору Россійскому удастся внушить азіятскимъ племенамъ тѣ же чувства преданности, которыя они питали къ Александру Великому,—британскимъ владѣніямъ въ Индіи не сдобровать». Побѣдитель побѣдителю рознь: иной какъ плама все разрушаетъ, оставляя за собой однѣ развалины, другой же дѣйствуетъ какъ плугъ, разрыхляющій почву, какъ пахарь, засѣвающій вспаханное имъ поле. Александра Великаго оплакивали всѣ покоренные имъ народы.

Въ первой мартовской книжкѣ Revue Nouvelle нѣмецъ, не подписавшій своей фамиліи, помѣстилъ статью «О соціализмѣ въ Германіи», возбудившую толки по ту сторону Рейна. Исходная точка автора та, что соціализмъ порождается народною бѣдностью, достигшею, по его словамъ, чудовищныхъ размѣровъ въ Германіи. Подробности, сообщаемыя имъ, доказываютъ, что милліарды, собранные во Франціи, ни чуть не улучшили положенія низшихъ классовъ въ Германіи. Бѣдственное положеніе земледѣльческихъ классовъ выставлено авторомъ въ самыхъ мрачныхъ красках. Вотъ что онъ говоритъ: «Въ западныхъ провинціяхъ, прилегающихъ къ Франціи, благодаря непосредственному вліянію французской революціи, часть земли отошла въ пользованіе крестьянъ, но въ остальныхъ провинціяхъ крупное и среднее землевладѣніе имѣютъ перевѣсъ и ложатся тяжелымъ гнетомъ на земледѣльческій классъ, составляющій двѣ трети населенія имперіи. Вокругъ гордыхъ феодальныхъ замковъ тѣснятся жалкія лачужки пролетаріевъ, часто безъ оконъ, или въ однихъ землянкахъ; пища ихъ обитателей самая скудная, хлѣбъ—роскошь, картофель и селедка замѣняютъ мясо. Во время голода, опустошившаго Силезію и Восточную Пруссію въ 1847 и 1867 годахъ, всѣ газеты были переполнены раздирающими подробностями о бѣдственномъ положеніи крестьянскаго населенія. Въ былыя времена бѣдность была менѣе чувствительна. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ крестьянинъ былъ еще крѣпостнымъ, прикрѣпленнымъ къ землѣ. Землевладѣлецъ былъ лично заинтересованъ и даже обязанъ закономъ оказывать ему помощь и поддержку. Уничтоженіе крѣпостнаго права сложило съ землевладѣльца всякія обязательства относительно крестьянъ. Освобожденному крестьянину пришлось, во что бы то ни стало, хлопотать о своемъ существованіи, а заработокъ уменьшился отъ введенія

въ большихъ хозяйствахъ земледѣльческихъ машинъ. Правительственные чиновники когда-то являлись защитниками низшихъ классовъ отъ притязаній высшихъ, но мало-по-малу вся государственная власть перешла въ руки вліятельныхъ землевладѣльцевъ, систематически эксплуатирующихъ и вытѣсняющихъ крестьянъ. Такимъ образомъ богатство одного класса и бѣдность другаго увеличиваются въ прогрессивномъ размѣрѣ. Можно сказать, что въ Германіи промышленность возникла отъ избытка рабочихъ рукъ. Въ давнія времена германскіе владѣтельные князья продавали чужимъ государствамъ, особенно Англіи, рекрутовъ, оказывавшихся лишними для обработки ихъ полей. Введеніе общей воинской повинности освободило крестьянъ отъ этого ига. Этимъ объясняется преданность прусскаго крестьянина «своему королю». Но «королевскія войны» не могли поглотить всего празднаго контингента, Америка еще не открывала своихъ обширныхъ пространствъ для эмиграціи, пришлось пріискивать средства, какъ лучше употребить въ дѣло массы населенія, могущія сдѣлаться опасными для землевладѣльцевъ. Гогенцоллерны, саксонскіе и вюртенбергскіе принцы задумали обратить къ промышленности бездомныхъ земледѣльцевъ; имъ помогли гугеноты, выгнанные изъ Франціи и Зальцбурга, и выселенцы изъ Голландіи, внесшіе съ собой въ Германію главныя вѣтви промышленности. Нѣмецкіе принцы оказали имъ покровительство и поселили ихъ въ своихъ столицахъ, гдѣ образовались мануфактурные центры, притянувшіе къ себѣ массу рабочихъ рукъ. Хотя и тутъ наплывъ оказался слишкомъ великимъ для упроченія народнаго благосостоянія, но многіе предпочитали бѣдность при городской свободѣ несчастному существованію въ своихъ деревушкахъ подъ гнетомъ крупныхъ и вліятельныхъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ фабричное населеніе въ короткое время учетверилось. Безпрестанный наплывъ свѣжихъ рабочихъ силъ породилъ страшную конкурренцію и систематическое пониженіе заработной платы. Отъ этого удешевленія труда и огромнаго распространенія машинныхъ производствъ нѣмецкая промышленность удостоилась на Филадельфійской выставкѣ извѣстной характеристики: «billig und schlecht»—дешево и дурно. По статистическимъ даннымъ бо̀льшая часть прусскихъ рабочихъ получаетъ при ежедневной работѣ въ продолженіе 12—15 часовъ менѣе десяти франковъ въ недѣлю. Въ критическіе моменты, когда производство уменьшается, плата рабочему понижается до пяти-шести франковъ въ недѣлю безъ сокращенія часовъ работы. Хозяева распускаютъ лишнихъ рабочихъ и оставляютъ только руки нужныя для производства, принимая за норму въ своихъ разсчетахъ крайнюю цифру рабочихъ часовъ. Положеніе рабочихъ въ Германіи не улучшится, пока крупное землевладѣніе будетъ существовать на тѣхъ началахъ, на которыхъ оно теперь зиждется. Несчастная участь крестьянскихъ населеній при земельной системѣ, отзывающейся феодализмомъ, отрываетъ ихъ отъ земли и гонитъ въ города и на фабрики. Промышленники не знаютъ, что̀ такое недостатокъ въ рабочей силѣ, и понижаютъ заработную плату до минимума.

Они получаютъ возможность наводнять европейскій рынокъ плохими, но дешевыми товарами, и этимъ наносятъ смертельный ударъ нѣмецкимъ рабочимъ и причиняютъ страшный подрывъ рабочимъ другихъ странъ. Удивительно ли послѣ этого, если нѣмецкій рабочій ищетъ себѣ спасенія въ эмиграціи и лучшаго вознагражденія своего труда въ чужихъ странахъ, а если остается дома, то возстаетъ и участвуетъ въ заговорахъ противъ общественнаго строя, обогощающаго меньшинство и присуждающаго народную массу къ безвыходной нищетѣ?» Авторъ подымаетъ на смѣхъ государственный соціализмъ Бисмарка и объясняетъ несостоятельность всѣхъ законодательныхъ мѣръ противъ соціалистовъ, говоря, что его партія не основываетъ никакихъ надеждъ на ту или другую форму правленія, не думаетъ о смѣщеніи какого-нибудь государя или министерства, а стремится исключительно къ полученію тѣхъ правъ, которыя отвоевала себѣ французская революція, т. е. къ пользованію земли крестьянами, или къ основанію фабрикъ на артельныхъ началахъ. Нѣмецкій соціализмъ отличается отъ французскаго тѣмъ, что онъ чисто экономическій, безъ примѣси политическихъ и религіозныхъ тенденцій.

Масса публики собралась въ Sorbonne слушать конференцію Ренана: «Что такое нація?»—Авторъ, несмотря на свои софизмы, обладаетъ даромъ слова и умѣньемъ облечь свои мысли въ краснорѣчивыя и изящныя формы. Въ началѣ своей лекціи онъ объяснилъ, что въ древнемъ мірѣ не существовало современнаго намъ представленія о томъ, что составляетъ націю; далѣе онъ опровергаетъ германскую теорію, что право единоплеменное имѣетъ перевѣсъ надъ личными желаніями отдѣльныхъ группъ, принадлежащихъ къ одному роду. «Въ силу этой теоріи,—говоритъ Ренанъ,—германская семья признаетъ за собой право соединять разбросанные члены германизма и въ томъ случаѣ, когда они сами этого не желаютъ. Германское право сильнѣе личнаго права жителей какой-нибудь провинціи. Такимъ образомъ возникаетъ какое-то первобытное право и принципъ національности замѣняется этнографическими соображеніями; это—большая ошибка, могущая пагубно повліять на европейское просвѣщеніе. Насколько справедливъ принципъ національности, настолько узокъ и опасенъ для прогресса принципъ первобытнаго племеннаго права». Ренанъ не признаетъ языка основнымъ началомъ національнаго права и ставитъ въ примѣръ Америку, отдѣлившуюся отъ Англіи. Въ общей религіи онъ тоже не видитъ принципа національности, такъ какъ самыя разнородныя племена исповѣдуютъ ту же вѣру, а тѣмъ менѣе въ коммерческихъ выгодахъ и общемъ таможенномъ уставѣ. Ренанъ отрицаетъ національное право натуральныхъ границъ, находя несообразнымъ ограничительное свойство какой-нибудь горы. Въ чемъ же находитъ онъ настоящій принципъ національности?—Передадимъ его собственныя слова:

«Нація есть одна душа, одинъ духовный принципъ, состоящій изъ двухъ началъ—изъ прошлаго и настоящаго. Одно есть общее обладаніе

наслѣдственными воспоминаніями, второе—желаніе пользоваться вмѣстѣ этими наслѣдственными преданіями. Цѣлую націю нельзя создать въ одно мгновеніе; въ этомъ словѣ «нація» сосредоточенъ конечный результатъ цѣлаго ряда усилій, жертвъ и самоотверженныхъ дѣяній. Поклоненіе предкамъ есть самое законное чувство въ человѣческомъ сердцѣ. Героическое прошлое, великіе люди, настоящая слава—вотъ капиталъ, изъ котораго вырабатывается національная идея. Имѣть общую волю въ прошломъ, одни желанія въ настоящемъ, единодушное стремленіе совершать въ будущемъ великія дѣла общими силами—непремѣнныя условія для существованія народа. Связующая народъ любовь усиливается по мѣрѣ принесенныхъ жертвъ и пережитыхъ страданій. Привязываешься къ дому, который самъ построилъ, и передаешь другому. Спартанская пѣснь: «Мы тѣ же, какіе вы были, и останемся такими, какъ и вы»—представляетъ въ своей простотѣ сокращенный гимнъ каждой національности. Славное прошлое, тождественная программа въ будущемъ, общія страданія, радости и надежды лучше всѣхъ таможенныхъ уставовъ и границъ, проведенныхъ по стратегическимъ правиламъ; это удобопонятно каждому, несмотря на различіе племени и языковъ. Я упомянулъ объ «общихъ страданіяхъ» потому, что скорбь связываетъ людей сильнѣе радости; общія скорби для національнаго чувства важнѣе побѣдъ,—онѣ налагаютъ обязанности, требуютъ общаго усилія. Слѣдовательно національное чувство есть великая солидарность, основанная на прошлыхъ и будущихъ жертвахъ; но, допуская права прошлаго, необходимо, чтобы въ настоящемъ выражалось ясное желаніе продлить общее существованіе. Существованіе націи (простите метафорическое выраженіе) есть непрерывный плебисцитъ, точно также какъ индивидуальное существованіе есть непрерывное проявленіе жизненной силы. По нашему мнѣнію, это проще божественнаго права и справедливѣе мнимаго историческаго; мы находимъ, что ни народъ, ни правительство не имѣютъ права сказать провинціи: «Ты намъ принадлежишь, мы тебя беремъ». Въ этомъ дѣлѣ никто такъ не заинтересованъ, какъ сами жители. Для государства нѣтъ выгоды въ присоединеніи враждебныхъ ему странъ. Лучшее и самое справедливое мѣрило есть желаніе населенія,—къ нему и слѣдуетъ обращаться».

Эти слова могли бы быть примѣнены къ пруссакамъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, къ австрійцамъ—въ Кривошіи и Герцеговинѣ, да и къ нѣкоторымъ другимъ европейскимъ государствамъ; но придетъ несомнѣнно время, когда согласіе населеній сдѣлается условіемъ, обойдти которое не будетъ ни малѣйшей возможности, когда прочность государствъ будетъ основана на тѣхъ же началахъ, на которыхъ исключительно зиждится счастіе брака, то-есть на полномъ и свободномъ согласіи соединяющихся сторонъ.

Общество взаимнаго вспомоществованія русскихъ художниковъ въ Парижѣ открыло въ Avenue de l'Opéra выставку, на которой числится болѣе двухъ-сотъ нумеровъ. Подобныя выставки обыкновенно обилуютъ посред-

ственными произведеніями, но на этой выставлено и нѣсколько хороших картинъ. Маленькія картины, нарисованныя для продажи въ средніе круги и отправки въ Америку, въ большомъ изобиліи. Боголюбовъ выставилъ восемнадцать нумеровъ; его манера напоминаетъ голландскую школу. «Берегъ моря въ Ментонѣ во время грозы»—великолѣпенъ. Онъ же выставилъ четыре картины въ декоративномъ жанрѣ, освѣщенныя четырьмя различными колоритами; «Петербургъ зимой»—дышетъ правдой; но «Кронштадтъ» облитъ багровымъ свѣтомъ, напоминающимъ неаполитанскую бухту во время взрыва Везувія, а «Кіевское небо» до того ярко и лазурно, что не уступитъ небу Италіи.

Дмитріевъ выставилъ нѣсколько военныхъ сюжетовъ. Какой контрастъ съ талантливыми произведніями Верещагина! У Дмитріева техническое исполненіе очень хорошо, но его картины дышатъ оффиціальностью, напоминая смотры и раздачи орловъ, заказываемыхъ правительствомъ и ежегодно красующихся на нашихъ парижскихъ выставкахъ. Картина «Великій Князь Николай Николаевичъ, отправляющійся на секретную рекогносцировку перехода Дуная», до того банальна, что не будь указателя, нельзя бы понять, въ чемъ дѣло. Представленъ домикъ съ окнами, освѣщенными какъ бы заревомъ пожара; Великій Князь съ чемоданомъ въ рукѣ, два офицера съ дорожными мѣшками и два солдата, стоящіе въ недоумѣніи и видимо не понимающіе, для чего они поставлены. Взглянувъ на картину безъ указателя, можно подумать, что офицеры, не дождавшись экипажа, спѣшатъ съ вещами на станцію желѣзной дороги, къ удивленію солдатъ, попавшихся имъ навстрѣчу.

Харламовъ ограничился портретами; ихъ выставлено восемь и всѣ они очень тщательно отдѣланы. Вообще манера его значительно улучшилась противъ прежняго. Ковалевскій нарисовалъ картину-жанръ—сани, запряженныя ужасною клячей, которую подгоняютъ два мужика — контрастъ съ картинами Хельмонскаго, постоянно рисующаго тройки, которыя мчатся во весь опоръ по степи. Кричковскій—пейзажистъ довольно талантливый. Хотя его лунныя освѣщенія не всегда удачны, но его картина «Лѣто» прелестна, исполнена теплоты и гармоніи. Рѣпинъ выставилъ эскизъ своихъ «Бурлаковъ», а графъ Капнистъ—прелестный рисунокъ, выжженный на деревѣ и отдѣланный какъ самая изящная гравюра.

Въ скульптурномъ отдѣлѣ одинъ Антокольскій выставилъ надгробный памятникъ княгини Орловой. Молодая дѣвушка, грустная и задумчивая, стоитъ на колѣняхъ. Можно подумать, взглянувъ на нее, что она покинута возлюбленнымъ. Указатель сообщаетъ намъ, что она сама себя оплакиваетъ. Ничто въ ея лицѣ не напоминаетъ смерти: нѣтъ ни сожалѣнія разстаться съ земнымъ міромъ, нѣтъ и страха при переходѣ въ новый невѣдомый міръ. Для надгробнаго памятника—это недостатокъ, но талантъ Антокольскаго неоспоримъ; его работа носитъ на себѣ отпечатокъ свойственной ему оригинальности, безъ примѣси какихъ-либо академическихъ традицій.

Между гравёрами на первомъ планѣ Генрихъ Редлихъ. Онъ мастерски нарисовалъ и гравировалъ портретъ Тургенева. Онъ менѣе извѣстенъ въ своемъ отечествѣ, чѣмъ въ Парижѣ. Это замѣчательный, во всей Европѣ не имѣющій соперниковъ, талантъ. На одной изъ парижскихъ художественныхъ выставокъ онъ былъ награжденъ почетнымъ легіономъ за превосходную копію одной изъ картинъ Матейко. Гравированіе на камнѣ выходитъ изъ моды,—его замѣнила олеографія и литографія,—но есть работы, надъ которыми Редлихъ трудился по пяти лѣтъ; онъ отлично рисуетъ, что между граверами встрѣчается довольно рѣдко. Онъ срисовалъ Тургенева съ натуры, а потомъ гравировалъ съ своего рисунка.

Вообще можно сказать, что выставка интересна и подаетъ блестящія надежды на будущность русскаго искусства; славянскія племена входятъ исполинскими шагами въ область искусства, когда-то исключительно принадлежавшую германскимъ и романскимъ племенамъ. Парижскіе клубы устраиваютъ періодическія выставки, которыя также бываютъ очень интересны. На выставкѣ клуба Union artistique выставлены два вида Венеціи Боголюбова; Венеція днемъ немного холодна, но венеціанская ночь съ поэтическимъ луннымъ свѣтомъ хорошо передана. Портретъ Меньшикова въ шубѣ, Харламова, замѣчателенъ жизнію и силой. Портреты Каролюсъ Дургамъ очень изящны, но артистъ слишкомъ занятъ отдѣлкой трудныхъ аксессуаровъ и забываетъ, повидимому, что сущность портрета — въ самомъ лицѣ, а не въ деталяхъ. Русская сцена Шереметева не безъ достоинства; тройка съ охотниками скачетъ по степи. Французская публика, привыкшая къ маленькимъ клочкамъ полей, обсаженнымъ и тщательно окопаннымъ, съ недоумѣніемъ останавливается передъ обширнымъ пространствомъ и моремъ зелени украинскихъ степей. Русскими пейзажами здѣсь теперь интересуются болѣе, чѣмъ видами Римской Кампаніи и Неаполя, которые весьма многимъ знакомы въ натурѣ, а въ картинахъ всѣмъ надоѣли.

W***.

Парижъ 20 марта
1882 года.

По поводу передовой статьи № 11-го газеты «Русь».

Съ первыхъ нумеровъ своихъ газета *Русь* объявила почти всю русскую интеллигенцію врагомъ русскихъ народныхъ началъ и самобытности русскаго народа, чуть не единственнымъ источникомъ крамолъ. Такое тяжкое обвиненіе требовало и строгаго оправданія себѣ или, по крайней мѣрѣ, хоть точнаго объясненія, что̀, по мнѣнію обвинителя, слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ «русскія народныя начала», въ чемъ состоитъ «самобытность русскаго народа» и что такое «народъ и народное».

Въ ноябрской книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ, въ замѣчаніи къ статьѣ почтеннаго нашего сотрудника г. Дитятина, мы предложили г. редактору *Руси* нѣсколько вопросовъ съ цѣлью вызвать его на разъясненіе многихъ понятій и афоризмовъ, которые не сходятъ съ его пера и на которыхъ онъ строитъ и свое міровоззрѣніе, и свои обвиненія, и сдѣлали это съ цѣлью разсѣять недоразумѣнія между нимъ и его противниками. Отвѣтомъ на наше предложеніе были презрительное невниманіе къ нему и напраслина, беззастѣнчиво взведенная на направленіе нашего журнала. Взявъ нѣсколько словъ изъ статьи г. Головачова въ сентябрской книжкѣ *Русской Мысли* за прошлый годъ, оторвавъ ихъ отъ всего, что сказано въ слѣдъ за ними въ той же статьѣ, и не вникнувъ въ ихъ точный смыслъ, газета *Русь* печатно провозгласила, что наше направленіе состоитъ въ отрицаніи всякой самобытности русскаго народа въ сферахъ нравственной, религіозной и политической. *Русь* не ограничилась этимъ, но повторила то же нѣсколько разъ, несмотря на то, что и въ программѣ нашего журнала, и въ замѣчаніяхъ редакціи къ разнымъ статьямъ, нами напечатаннымъ,—напримѣръ, хоть бы въ замѣткѣ къ вышесказанной статьѣ г. Дитятина,—мы высказывали совершенно обратное, несмотря на то, что большинство статей

нашего журнала посвящено изученію оригинальныхъ, самобытныхъ сторонъ жизни русскаго народа.

Да и изъ самой статьи г. Головачова, на которую опирается *Русь*, при извѣстной степени вниманія и умѣньи читать, нельзя вывести того заключенія, какое выводитъ газета.

Въ этой статьѣ, вслѣдъ за словами, на которыя указываетъ г. Аксаковъ, г. Головачовъ признаетъ народную самобытность въ сферахъ экономической и соціальной, а слѣдовательно и въ историческомъ ихъ развитіи, и не отрицаетъ ихъ вліяній ни на нравственное, ни на религіозное, ни на политическое сознаніе народа. А иначе, помимо этихъ вліяній, откуда могла бы взяться оригинальность народа въ этихъ видахъ его сознанія? Истина христіанская и нравственное ея начало, а также общія основанія права гражданскаго и права политическаго — одни и тѣ же для каждаго человѣка, для всего человѣчества. Или, потому что народъ русскій исповѣдуетъ православіе, думать слѣдуетъ, что и оно съ его догматами и уставами—продуктъ самобытности русскаго духа, или другіе народы, исповѣдующіе также православіе, лишены индивидуальности, отличной отъ русской самобытности?

Упоминая объ ошибкѣ славянофиловъ, состоящей въ смѣшеніи обще-человѣческаго съ индивидуально-народнымъ, г. Головачовъ опредѣленно обвиняетъ въ ней не всѣхъ славянофиловъ, а только славянофиловъ аксаковскаго пошиба. Еще А. С. Хомяковъ, въ своемъ письмѣ къ Ю. Ѳ. Самарину въ 1848 году, писалъ о К. С. Аксаковѣ, что «православіе его, хотя искреннее, имѣетъ характеръ слишкомъ мѣстный, подчиненный народности,— слѣдовательно, не вполнѣ достойный». А изъ этого явствуетъ, что г. Головачовъ не очень расходится въ этомъ отношеніи съ Хомяковымъ; онъ только не развилъ въ подробности своихъ мыслей по вопросу побочному для его статьи. Письмо Хомякова напечатано въ *Русскомъ Архивѣ*, издаваемомъ П. И. Бартеневымъ.

На столь явную напраслину, возводимую на насъ *Русью* и опровергаемую всѣмъ нашимъ журналомъ, мы не хотѣли отвѣчать, въ полной увѣренности, что она очень ясна для читателей *Русской Мысли*.

Мы точно также и теперь продолжали бы молчать на нападки на насъ газеты, редактируемой г. Аксаковымъ, еслибы полемика

его, невозможная сама по себѣ со стороны того, кто считаетъ себя представителемъ прежнихъ славянофиловъ, не перешла наконецъ границъ.

Не касаясь всѣхъ прелестей, заключающихся въ передовой статьѣ № 11 газеты *Русь*, считаемъ необходимымъ отмѣтить изъ нихъ три:

1. При обвиненіи статьи г. Головачова въ отрицаніи способности русскаго народа къ самобытности въ сферахъ нравственной, религіозной и политической, подчеркивается, печатается курсивомъ, слово *политической*. Для чего же это?

2. Послѣ извращенія мыслей, развиваемыхъ въ статьѣ г. Дитятина, обвиняемся мы въ простодушномъ невѣдѣніи ни того, что̀ печатаемъ, ни куда ведутъ насъ наши сотрудники. Или вѣдаетъ это хитроумный редакторъ *Руси*, умѣющій угадывать неявный смыслъ статей?

3. Всѣмъ расходящимся въ мнѣніяхъ съ послѣднимъ бросается въ лицо площадная брань: ихъ слова обзываются *лаемъ*, конечно, собачьимъ, а слѣдовательно сами они—собаками.

Еслибы мы захотѣли вступать въ полемику съ редакторомъ *Руси*, мы могли бы, опираясь почти на всѣ передовыя статьи его газеты, обвинить его въ открытой и для всѣхъ явной измѣнѣ (конечно, не преднамѣренной) духу того ученія и направленія, которыхъ представителемъ онъ себя воображаетъ; мы могли бы, несмотря на его туманныя разглагольствованія о народѣ и народности и его несомнѣнную честность и искренность, указать на множество статей, имъ напечатанныхъ, прямо противорѣчащихъ началамъ, которыя онъ думаетъ исповѣдывать; мы, однимъ словомъ, могли бы доказать ему, что молится онъ не тому Богу, которому желалъ бы молиться.

Но послѣ подобныхъ нападеній на насъ, послѣ такой площадной брани, мы отказываемся отъ всякой полемики съ газетой *Русь*, что бы въ ней ни было напечатано о нашемъ журналѣ.

Ред.

7

Редакторъ **С. Юрьевъ.**
Редакторъ-издатель **В. Лавровъ.**

WIDENER
OCT 28 1983
CANCELLED